АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

№ 4
2015

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ДОКТОРА И КАНДИДАТА НАУК

ЛАУРЕАТ V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА – 2010» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ВУЗОВСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

ЛАУРЕАТ VI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА – 2012» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

Главный редактор:
Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе

Редакционная коллегия:
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор Института экономики, управления и права (г. Казань), **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)
Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор Института экономики, управления и права (г. Казань), **куратор направления юридических наук** (г. Казань, Россия)
Алм Дж., профессор экономики Тулейнского Университета (г. Новый Орлеан, США)
Апосталакис А., доктор экономики, профессор Технологического образовательного института Крита (г. Ираклион, Греция)
Бод П. А., доктор наук, профессор, директор Экономического института (г. Будапешт, Венгрия)
Габдуллин Р. Б., кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет международного бизнеса (г. Алматы, Казахстан)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)
Гондолф В. Эдвард, доктор психологии Университета Индиана в Пенсильвании (США, Индиана)
Жалелева Р. З., доктор экономических наук, доцент, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)
Демченко С. Г., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и маркетинга Института экономики, управления и права (г. Казань, Россия)
Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)
Каменков В.С., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)
Ключник А. В., доктор экономических наук, профессор Николаевского национального аграрного университета (г. Николаев, Украина)
Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)
Лазарев В. В., заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук
Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ (г. Москва, Россия)
Меско Г., профессор, декан факультета уголовного правосудия и безопасности Университета в Мариборе (г. Марибор, Словения)
Мигус И. П., доктор экономических наук, профессор Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого (г. Черкассы, Украина)
Миндагулов А. Х., доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)
Музыченко А. С., доктор экономических наук, профессор Уманского государственного педагогического университета им. П. Г. Тычины (г. Умань, Украина)
Неклесса А. И., профессор, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований Института Африки РАН (г. Москва, Россия)
Нуреев Р. М., доктор экономических наук, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
Ольков С. Г., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сургутского государственного университета (г. Сургут, Россия)
Поклад В. И., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко (г. Луганск, Украина)
Рустемова Г. Р., доктор юридических наук, профессор Алматинской академии МВД Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)
Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)
Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, директор НИИ государства и права им. Г. Сапаргалиева, председатель Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)
Тыминский В. Г., почетный доктор, профессор, кандидат геолого-минералогических наук, вице-президент РАЕН, президент Европейской академии естественных наук (г. Ганновер, Германия)
Чирва О. Г., доктор экономических наук, доцент Уманского государственного педагогического университета им. П. Г. Тычины (г. Умань, Украина)
Шабанова Л. Б., доктор экономических наук, профессор Казанского филиала Российского государственного торгово-экономического университета (г. Казань, Россия)
Шаймиева Э. Ш., доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань, Россия)
Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор и заведующий криминологической лабораторией юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского университета МВД РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)
Юнусов А. А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:
Дарчинова Г. Я.

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики, управления и права

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: apel.ieml.ru

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» включен в Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj

Подписка на журнал по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Редактор:
Тарасова Г. А.

Компьютерная верстка:
Каримова С. А.

Дизайн обложки:
Морозова Е. Н.

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Беляева Е. Н.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-45445 от 16 июня 2011 г.
Территория распространения:
Российская Федерация

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 36,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 16.11.15. Заказ № 145/15
Цена свободная

© Издательство «Познание», 2015

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS AND LAW

No. 4
2015

SCIENTIFIC JOURNAL 16+

ISSN 1993-047X (Print)
ISSN 2410-0390 (Online)

THE JOURNAL IS INCLUDED INTO THE LIST OF REVIEWED SCIENTIFIC JOURNALS AND EDITIONS, IN WHICH THE MAIN SCIENTIFIC RESULTS OF CANDIDATE› AND DOCTORAL DISSERTATIONS MUST BE PUBLISHED

PRIZE-WINNER OF THE 5TH INTERNATIONAL COMPETITION «UNIVERSITY BOOK – 2010» FOR «THE BEST PERIODICAL OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT»

PRIZE-WINNER OF THE 6TH ALL-RUSSIAN CONTEST «UNIVERSITY BOOK – 2012» IN THE NOMINATION «THE BEST PERIODICAL EDITION»

Chief editor:
Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia) on Scientific work, Doctor of Law, Professor

Editorial board:
Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia), **supervisor of Economic section**
Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia), **supervisor of Law section**
James Alm, Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)
Apostolakis A., Assistant Professor Technological Educational Institute of Crete (Irákleion, Greece)
Bod P. Á., Leading Hungarian Economist, Professor, Head of the Chair, Corvinus University of Budapest
Gabdullin R. B., PhD (Economics), Associate Professor, University of International Business (Almaty, Kazakhstan Republic)
Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor, of Saint Petersburg Juridical Institute, of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)
Gondolf V. Edward, Doctor of Psychology of Indiana University of Pennsylvania (USA, Indiana)
Zhaleleva R. Z., Doctor of Economics, Associate Professor, Institute for Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan Republic)
Demchenko S. G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economics and Marketing of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia)
Jaffry Sh., PhD of Economics, Professor Portsmouth Business School Richmond Building University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)
Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Belorusian State University (Minsk, Belorus Republic)
Klyuchnik A. V., Doctor of Economics, Professor of Nikolaev National Agrarian University (Nikolaev, Ukraine)
Kuri H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Frieburg (Frieburg, Germany)
Lazarev V. V., Head of the Department of Court Decisions' Implementation into Legislation of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Senior Researcher of Academy of Management of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Meško G., Professor, Dean of the Faculty of Criminal Justice and Security of Maribor University (Maribor, Slovenia)
Migus I. P., Doctor of Economics, Professor of Cherkassy National University named after B. Khmel'nitskii (Cherkassy, Ukraine)
Mindagulov A. Kh., Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan Republic)
Muzychenko A. S., Doctor of Economics, Professor of Uman State Pedagogical University named after P. Tychyna (Uman, Ukraine)
Neklessa A. I., Professor, Chairman of the Commission on Social and Cultural Problems of Globalization, a member of a Bureau of Scientific Council «History of the World Culture» at Presidium of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director General of Institute for Economic Strategies, Director of Center for Geoeconomic Research of Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Ol'kov S. G., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Right of Surgut State University (Surgut, Russia)
Poklad V. I., PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Conflictology and Sociology of Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko (Lugansk, Ukraine)
Rustemova G. R., Doctor of Law, Professor of Almaty Academy of the Ministry of Interior of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan Republic)
Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)
Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)
Turetskiy N. N., Doctor of Law, Director of Scientific-Research Institute of State and Law named after G. Sapargaliyev, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)
Tyminskiy V. G., Honorary Doctor, Profeesor, PhD (Geology and Mineralogy), Vice-President of Russian Academy of Natural Sciences, President of European Academy of Natural Sciences (Gannover, FRG)
Chirva O. G., Doctor of Economics, Professor of Uman State Pedagogical University named after P. Tychyna (Uman, Ukraine)
Shabanova L. B., Doctor of Economics, Professor of Russian State University of Trade and Economics (Kazan, Russia)
Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Management Chair of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia)
Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor, Professor and Head of Criminological Laboratory of Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, of Saint-Petersburg University of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)
Yunusov A. A., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan, Russia)

Executive secretary:
Darchinova G. Ya.

Founder –
Private educational establishment of higher professional education «Institute of Economics, Management and Law (Kazan)»

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.,
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal «Actual problems of economics and law» was included into Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Editor:
Tarasova G. A.

Computer lead out:
Karimova S. A.

Cover design:
Morozova E. N.

Translator:
PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communi-cations and protection of cultural heritage.
Registration certificate:
ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.
Distribution area: Russian Federation

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 16.11.15. Order № 145/15

© Publishing House «Poznanie», 2015

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board›s point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Диалектика противодействия коррупции

V. V. Astanin. Anti-corruption protection of investments: the primary foundations of the regional model 5
L. N. Salimov. Identification of risk of corruption in the context of the development of the concept of environmental nanoeconomics 9
А. П. Алексеева. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности 16
С. К. Баумик. Сложность контроля над коррупцией в условиях политической демократии 26
И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. О систематизации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации в современных условиях 36
Р. О. Долотов. Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов 42
Л. А. Жигун, Е. М. Феоктистова. Дискурс о противодействии коррупции в сетевой торговле 50
А. В. Краснов, А. В. Скоробогатов. Правовые аспекты противодействия коррупции в России: трансфер и традиция 60
С. Б. Поляков. Антикоррупционная экспертиза правоприменительных актов 68
Е. В. Рогова, Р. А. Забавко. Мнимое и реальное ужесточение уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве 76
Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и пути их решения 84
Е. Л. Яковлева. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном 96

Экономика и управление народным хозяйством

В. А. Алешина. Проблема импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности в странах ЕЭС 104
М. Н. Арнаут. Влияние системы расселения на уровень социально-экономического развития территории и способность выявления «болевых точек» (на примере Дальневосточного федерального округа) 115
О. Р. Каратаев. Динамика контрафактной алкогольной и табачной продукции на рынке Республики Татарстан 123
А. В. Комаров, Д. Ю. Брюханов. Влияние компетентностей руководителя на эффективность деятельности организации 131
Т. В. Крамин, В. А. Леонов, Р. А. Григорьев. Определение направлений повышения инновационного потенциала региона посредством развития инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и реализации крупных инвестиционных проектов 141
Р. Е. Мансуров. Оценка состояния и перспективы развития зернопродуктового подкомплекса Татарстана 151
М. А. Токарев. Оценка эффективности контроля деятельности предприятий общественного питания Нижнего Новгорода 161
Е. В. Ширинкина, Л. А. Валиуллина. Формализация модели прогнозирования риска несостоятельности предприятия 169
Р. Р. Яруллин. Арендная плата за использование нежилого фонда казны городского округа и факторы ее роста 181

Мировая экономика

Р. В. Кашбразиев. Основное противоречие международной производственной кооперации 188

Налоговое право

О. А. Абакумова. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах 198

Теория и история права и государства

Р. Б. Головкин, В. И. Журавлев. Механизм благотворительной деятельности 204
В. В. Гурьянова. К вопросу об отклонениях от декларативных норм 214
К. В. Ильяшенко. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект) 219
А. В. Падиряков. Понятие и порядок определения убытков по Венской конвенции ООН 1980 г. (на примере права Англии) 228

Предпринимательское право

А. В. Ильина. Операции банка на рынке ценных бумаг 236

Трудовое право

Ю. О. Алмаева. О качестве регулирующего воздействия трудового законодательства в России 245

Уголовное право и криминология

А. А. Иванова. Виктимологический аспект коррупционной сделки 253
Е. Д. Слободенюк, Е. Д. Волкова. Формы сплоченности в местах лишения свободы 261

Уголовный процесс

О. В. Качалова. Предмет проверки судом кассационной инстанции вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства 273

Отзывы и рецензии

Г. Н. Горшенков. Рецензия на монографию П. Н. Панченко «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право» 279

Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» 289
Требования к оформлению рукописей 290
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» 290
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 291
Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.) 292
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 292

Contents

The dialectics of anti-corruption

V. V. Astanin Anti-corruption protection of investments: the primary foundations of the regional model 5
L. N. Salimov Identification of risk of corruption in the context of the development of the concept of environmental nanoeconomics 9
A. P. Alekseyeva. Functioning of police in Volgograd oblast in the estimations of the public 16
S. K. Bhowmik. Corruption in political democracy is hard to control with law only 26
I. I. Bikeev, P. A. Kabanov. On systematization of anti-corruption work in the Russian Federation subjects under the modern conditions 36
R. O. Dolotov. Efficiency of the institution of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts 42
L. A. Zhigun, E. M. Feoktistova. Discourse on corruption counteraction in network trade 50
A. V. Krasnov, A. V. Skorobogatov. Legal aspects of corruption counteraction in Russia: transfer and tradition 60
S. B. Polyakov. Anticorruption expertise of law-enforcement acts 68
E. V. Rogova, R. A. Zabavko. Quasi and real toughening of criminal liability for mediation of bribery 76
Hu Rong. China's challeges and its countermeasures to hunt the fugitives who are involved in corruption and fled to the Asia Pacific region 84
E. L. Iakovleva. Game as motivation and action in the corruptive social 96

Economics and economic management

V. A. Aleshina. Import substitution and food safety provision in EU countries 104
M. N. Arnaut. Influence of the population settlement pattern on the level of social-economic development of the territory and the ability to identify the problem spots (by the example of Far East Federal district) 115
O. R. Karatayev. Dynamics of counterfeit alcohol and tobacco goods in the Tatarstan Republic market 123
A. V. Komarov. D. Yu. Bryukhanov. Influence of the head's competences on the efficiency of organization's functioning 131
T. V. Kramin, V. A. Leonov, R. A. Grigoryev. Determining the directions of increasing the innovative potential of the region by developing innovative technologies and competences when preparing and implementing large investment projects 141
R. E. Mansurov. Estimating the state and prospects of grain-production subcomplex of Tatarstan 151
M. A. Tokarev. Estimating the efficiency of control over catering enterprises in Nizhniy Novgorod 161
E. V. Shirinkina, L. A. Valiullina. Formalization of the model of the enterprise insolvency risk prediction 169
R. R. Yarullin. Rental fees for using the non-residential funds of the municipal fisc and factors of its growth 181

World economy

R. V. Kashbraziyev. Basic contradiction of the international production cooperation 188

Tax law

O. A. Abakumova. On the issue of the possible application of the mediation institution in tax disputes 198

Theory and history of law and state

R. B. Golovkin, V. I. Zhuravlev. Mechanism of charity activity 204
V. V. Guryanova. On the issue of deviations from declarative norms 214
K. V. Ilyashenko. Court representation in Russia before 1917 (historical aspect) 219
A. V. Padiryakov. Notion and order of determining the losses under the Vienna convention of UNO 1980 (by the example of law of england) 228

Business law

A. V. Il'ina. Banking operations in the securities market 236

Labor law

Yu. O. Almayeva. On the quality of regulating impact of labor law in Russia 245

Criminal law and criminology

A. A. Ivanova. Victimological aspect of a corruption deal 253
E. D. Slobodenyuk, E. D. Volkova. Forms of cohesion in confinement institutions 261

Criminal procedure

O. V. Kachalova. Object of checking the judgments at law made at special trials, by the reviewing court 273

Ratings and reviews

G. N. Gorshenkov. Review of a monograph by P. N. Panchenko «State-legal regularities in the history and theory of state and law and criminal law» 279

Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal 289
Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal 290
The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal 290
Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English) 291
The requirements to manuscript appearance (in English) 292
Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English) 292

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 328.185:330.322(470.41)
URL: http://dspace.ieml.ru/handle/11435/2189
Астанин В. В.
С. 5–8.

V. V. ASTANIN,
Doctor of Science in Law, Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research
Federal State-Funded Institution «Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation»

ANTI-CORRUPTION PROTECTION OF INVESTMENTS: THE PRIMARY FOUNDATIONS OF THE REGIONAL MODEL

Objective: The purpose of the opinions presented in this paper is to update promising models of implementation of anti-corruption measures and procedures with respect to investment and foreign economic activity that are implemented in regional policy format.
The methods that served as the basis for the contents and conclusions presented by the author are contained in the general means of cognition: systemic approach, comparative law analysis, hypotheses testing.
The academic novelty of this paper consists in a comprehensive consideration of a specific research subject, that is, prevention of manifestations of corruption using general and specialised prevention means with a view to safeguard the investment attractiveness of regional economy (as illustrated by the example of the Republic of Tatarstan).
The practical significance of the paper is determined in its resolution part where scientifically grounded recommendations on the organisation of the prevention of manifestations of corruption based on a package of measures are set forth, among them: ensuring the quality of normative law regulation of the activities of subjects of investment operations, special anti-corruption awareness raising for law enforcement officials from amongst public functionaries, forming and implementing principles of due diligence in interacting with contracting parties which allows to avoid manifestations of corruption and their adverse consequences.

Key words: corruption; corruption prevention; investments; English law; anti-corruption expert examination; raising of anti-corruption awareness; compliance procedures.

Introduction

As regards the academic and practical foundations of issues of combating corruption, research works devoted to tasks of anti-corruption protection of investments as well as foreign economic activity are rare to find. Considering the existence of such a lacuna, it is important that this paper sets forth the primary foundations for forming the required protection at the level of implementation of general and specialised measures of prevention of manifestations of corruption that can be applicable at the regional level.

Anti-corruption tasks have different destinations and implementations. It came about that an average man sees them in concrete results of counteracting corruption (detecting corruption offences and punishing the perpetrators). If such an approach is used, the evaluation of the efficiency of combating corruption and efforts taken in this direction will be reduced to figures. After entering this statistical marathon it will be difficult to fall out of it afterwards explaining the rise or fall of the number of facts, cases, persons, and amounts of damage. This approach turned out not to be adhered to by the executive branch agencies of the Republic of Tatarstan which organise and carry out the anti-corruption tasks in the unique form of their destination and implementation, which have a large reserve of examples that deserve implementation in all subjects of the Russian Federation.

Using medical terms, a brief 'patient summary' of the anti-corruption strategy of the region can be expressed as its protective destination for the economy and everything that is connected with it: the administration staff, state and

municipal property, information medium, and investment projects that are advanced for Russia and attractive for foreign partners.

Considering unprecedented achievements and progressive accumulations the Republic of Tatarstan has in the development of the economic sphere, we deem it important to set forth some positions of its anti-corruption protection. Safeguarding this protection is effected in a variety of ways and can be formed in various spheres.

A condition *sine qua non* for its implementation is sustaining a healthy (that is, free from corruption temptations) administrative staff of state and municipal level managers. Such opportunities are offered by trainings, seminars and special training courses (all of which are already being given) aimed at acquiring anti-corruption knowledge and skills. That said, we should drop the illusions that anti-corruption training of public and municipal officers alone can prevent all possible manifestations of corruption. In point of fact, such manifestations can come from persons who interact with public officials. Accordingly, the training should be solidary, somewhat similar to how the subjects of active and passive bribery become solidary due to committing a corruption offence. Without any veil of secrecy, for one and the same audience, lawful (not replaceable by corruption) ways of interaction between officials and businessmen as well as of taking decisions should be analysed. This aspect has a considerable indirect effect: it allows to promptly eliminate gaps in the law and law collisions, to do away with law enforcement excesses, to form an environment of openness meeting the requirements of investment desires. This variant of forming the investment attractiveness of regional economy can be called the «Singapore» variant.

An essential component of eliminating the corruption risks, which can alert investors or determine the burdensome guarantees of investment terms, is observing the clarity and adequacy of normative legal regulation. In this case, we implicate not only elimination of clogging the legislation with corruption factors, but the quality of law making in general. This is due to the fact that the sophisticated, hard to implement requirements and conditions of rendering-obtaining of the state and municipal services are the first and foremost factor of corruption rush for the participants of investment projects (the representatives of both clients and executives).

The mentioned components of anti-corruption safeguarding of the attractiveness of investment of capital into the economy of the region are aimed, contents-wise, at private investors representing small and medium-sized businesses. However, it is important to be aware that the combination of and connection between anti-corruption and investment policy that takes shape in the regional format, forms an evidence of guarantees for federal and foreign investors. Figuratively speaking, moving towards the great begins with the minor.

A modern trend of intergovernmental co-operation in issues of foreign economic activity that is primarily related to investment of capital is the obligation of non-acceptance of any corrupt ways of doing business. This trend has formed in connection with the participation of many countries, including the Russian Federation, in the Organisation for Economic Co-operation and Development Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions[1].

A particular feature of the anti-corruption measures provided for in this Convention is the condition of imperative prohibition and criminal prosecution for receiving and granting tax deductions from corruption payments received or made in connection with a concluded international business transaction. The standards laid down in the Convention enforce a scrupulous attitude towards receiving gifts and any other rewards for simplifying formalities, exceeding the acceptable level of exchange of business gifts or hospitality expenses. All this can be regarded as a corruption payment. An important circumstance that creates a real threat of cancelling agreements including investment ones is the trans-boundary nature of prohibitory standards and criminal prosecution. It is necessary to be aware that a possible picture of susceptibility to corruption can be formed on the basis of a simple story of receiving/granting a gift by/to an official carrying out public functions. These can be public as well as municipal officers, members of representative (legislative) bodies and other possible participants (direct as well as indirect ones) of investment projects.

Formal but important principles for minimising the possibilities for corruption risks manifestations which are used by many investors are laid down in the provisions of the Anti-Corruption Charter[2] that recommends to include in economic contracts the so-called ‘anti-corruption

---

[1] Federal Law no. 3-FZ dated the 01.02.2012 «On the Accession of the Russian Federation to the Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions», *Official gazette Sobranie Zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [*Collection of Laws of the Russian Federation*], 06.02.2012, no. 6, art. 622.

[2] The Anti-Corruption Charter of the Russian Business signed on the 20.09.2012 at the XI Investment Forum in Sochi by the heads of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Business Russia and Opora Rossii All-Russian non-governmental organisations, with the participation of the Chairman of the Government of the Russian Federation. URL: http://against-corruption.ru/ru/ (accessed: 15.09.15).

clauses'. Such clauses provide a way for out-of-court dissolution of civil law relationships with the subject caught in corrupt behaviour.

The Anti-Corruption Charter being a body of rules for doing business presupposes introducing anti-corruption programmes into corporate policy, monitoring and evaluating the results of their implementation, an efficient financial control, ensuring the principle of publicity of anti-corruption measures, rejection of receiving unlawful advantages, participation in tenders based on the principles of transparency and competition, counteracting corruption informationally. For businessmen of various levels including serious investors the Charter is a fundamental document for implementing compliance procedures which are so far uncommon for domestic businesses but customary for many foreign companies. Knowing these procedures is very important for persons responsible for the development of investment policy and ensuring its implementation.

A high potential for global legal protection and safeguarding of investments and at the same time risks of responsibility for corruption are set by the standards of English law. Two legislative solutions, The International Anti-Bribery and Fair Competition Act of 1978[3] and The United Kingdom Bribery Act 2010[4] are currently of prevailing importance for protecting investors against corruption claims, irrespective of the geography of their sources. The standards laid down in the said legislative instruments require no implementation in the national law, including the Russian one, which enforces treating them as binding. Considering the trans-boundary nature of anti-corruption standards of the English law as well as the fact that most countries of the world are committed to comply with them, including such representatives of theirs as national industrial concerns, investment funds, and loan and financing corporations, one should not disregard their protective potential for possible and current investment projects.

Unconventional measures and means of preventing corruption risks with a view to ensure investment attractiveness can be found in foreign practice. A remarkable experience is that of Brazil (random sampling of audits of economic agents from among government and municipal customers), Finland (anti-corruption propaganda among businessmen), China (extra-departmental anti-corruption 'hot line') and many other countries. The implementation of such experience can only be relative or approximate.

Conclusion

There can not and should not be any ready-made recipes for anti-corruption protection of investments. Differences in social, macroeconomic, and mental positions regarding the issues of counteracting corruption exist not only at the level of countries, but also at the regional level. Measures for the said protection should be developed, adopted, and implemented, to undergo thorough monitoring afterwards. The example of the Republic of Tatarstan, as regards its determination to be once again the leader in creating tactical and strategic measures for anti-corruption protection of investments and possibly (and highly likely) to be later the donor of acquired experience, was a factor of inspiration for the author of this paper and the proposals set forth in it. It is also important to realise that the beginnings of this work should be carried out not in the form of fragmentary measures but in the form of building an efficient compliance system. Its priority areas of action should include fulfilling the recommendations contained in the 2015-16 G20 Anti-Corruption Action Plan[5] as well as implementing its own measures applicable to the economic and social realia of the development of regional economy.

References

1. The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, PL 95–213, Title 1; 91 Stat 1494, Dec 19, 1977.

2. Ivanov, E. A. Pravovoe regulirovanie antikorruptsionnogo komplaens-kontrolia v stranakh BRIKS // Evraziiskii iuridicheskii zhurnal, no. 1 (80), 2015.

3. Borgoiakov, A. S. Garantiia polnoi zashchity i bezopasnosti v mezhdunarodnykh investitsionnykh soglasheniiakh // Evraziiskii iuridicheskii zhurnal, no. 10 (77), 2014.

Received 20.10.15

© Astanin V. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

[3] The Foreign Corrupt Practices Act of 1977, PL 95–213, Title 1; 91 Stat 1494, Dec 19, 1977.

[4] The Bribery Act of 2010. URL: www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/contents (accessed: 14.10.2015).

[5] 2015-16 G20 Anti-Corruption Action Plan. URL: https://g20.org/wp-content/uploads/2014/12/2015-16%20_g20_anti-corruption_action_plan_0.pdf (accessed: 15.09.15).

Information about the author

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Science in Law, Professor, Deputy Director for Academic Affairs and Research, Federal State-Funded Institution «Scientific Centre for Legal Information of the Ministry of Justice of the Russian Federation»

Address: bld. 1, 65, Mikhalkovskaya Str., 125438, Moscow, tel.: +7 (495) 539-25-17

E-mail: callc@scli.ru

For citation: Astanin V. V. Anti-corruption protection of investments: the primary foundations of the regional model // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 5–8.

В. В. АСТАНИН,

доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной и исследовательской работе

Федеральный государственный институт «Научный центр юридической информации при Министерстве юстиции Российской Федерации»

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЗАЩИТА ИНВЕСТИЦИЙ: ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Цель: совершенствование перспективных моделей применения антикоррупционных мер и процедур в отношении инвестиций и внешнеэкономической деятельности на уровне региональной политики.

Методы: общие методы познания: системный подход, сравнительно-правовой анализ, проверка гипотезы.

Научная новизна: комплексное рассмотрение предмета исследования, а именно предотвращения проявлений коррупции с помощью общих и частных превентивных мер, с учетом сохранения инвестиционной привлекательности региональной экономики (на примере Республики Татарстан).

Практическая значимость: представлены обоснованные рекомендации по организации предотвращения проявлений коррупции на основе комплекса мер, включая обеспечение качества нормативного регулирования деятельности субъектов инвестиционных операций, повышение информированности в сфере противодействия коррупции среди правоприменителей из числа государственных служащих, формирование и применение принципов должной осмотрительности при взаимодействии с участниками контракта, что позволит избежать проявлений коррупции и их негативных последствий.

Ключевые слова: коррупция; предотвращение коррупции; инвестиции; англосаксонское право; антикоррупционная экспертиза; повышение информированности в сфере противодействия коррупции; процедуры соответствия.

Информация об авторе

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной и исследовательской работе, Федеральный государственный институт «Научный центр юридической информации при Министерстве юстиции Российской Федерации»

Address: 125438, Москва, ул. Михайловская, 65, стр. 1, тел.: +7 (495) 539-25-17

E-mail: callc@scli.ru

В редакцию материал поступил 20.10.15

Как цитировать статью: Astanin V. V. Anti-corruption protection of investments: the primary foundations of the regional model // Актуальные проблемы экономики и права, 2015, № 4. С. 5–8.

© Астанин В. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

УДК 330.16:574:328.185:51
URL: http://hdl.handle.net/11435/2190
Салимов Л. Н.
С. 9–15.

L. N. SALIMOV,
Doctor of Economics, Associate Professor
Kazan branch of Federal state budget educational institution of higher education «Russian state University of justice», Kazan, Russia

IDENTIFICATION OF RISK OF CORRUPTION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL NANOECONOMICS

Objective: to develop a methodology for identifying the types and subtypes of economic activities at risk of environmental corruption in Russia.
Methods of research: the typology of the interaction of meso- and nanoeconomic systems in the context of environmental risk of corruption on the basis of a comparison of the results of correlation and regression analysis of the influence the net financial result of activity of organizations and average monthly nominal accrued wages of employees of organizations on the volume of emissions of pollutants from stationary sources in terms of types and subtypes of economic activity in Russia.
Research results: the approach to the organization of countering corruption in the context of the author's concept of the ecological nanoeconomics; developed a method of economic and mathematical analysis of environmental risk of corruption; justified composition of the array of statistical indicators to empirically underpin the author's approach towards the fight against environmental corruption; identified types and subtypes of economic activity, the environmental risk of corruption in Russia; the perspective development of the author's approaches to corruption prevention in Russia and other countries of the world.
Scientific novelty: the notion of «nanoeconomics» was first introduced to the scientific and deterministic definition of «environmental nanoeconomics», demonstrated the introduction of the following concepts – «nanoeconomics of enterprise», «nanoeconomics project», «nanoeconomics of the region», «nanoeconomics of the country»; it defines the essence of corruption in the context of dialectics of interrelation of interests of nanoeconomics with the interests of micro-, meso-, macro- and megaeconomics; the developed approach on the application of economic-mathematical methods for the early diagnosis of environmental corruption.
Practical value: approach to application of economic-mathematical methods for the early diagnosis of environmental corruption it is advisable to use within pedagogical, research and analysis, and to develop guidelines for diagnosing the risk of corruption; the approbation of the author's methodology of identification of types and subtypes of economic activity, the environmental risk of corruption in Russia, will allow to improve the quality of anti-corruption measures in the implementation of environmental policy of Russia and other countries of the world.

Key words: nanoeconomics environmental; environmental corruption; diagnosis of corruption; economic and mathematical analysis.

Introduction

Corruption in modern conditions is the object of interdisciplinary research. It is considered that a significant part of the global initiative in the study of the mechanism of neutralization of destructive influence of corruption, and naturally belongs to the representatives of law and political Sciences. However, the participation of economists in academic discussion about the nature of corruption and the mechanisms to counter it is objectively necessary. If corruption is primarily the abuse of public (or public – ed. author) office for personal gain [1], the obvious economic motivation of participants of corruption relations.

The author proposes to determine corruption in the context of the theory of nanoeconomics as a relatively new attitudes in the world of science regarding the development of economic systems. The term «nanoeconomics» was introduced by K. Arrow in 1987 in the article «Reflections on the Essays» in order to study the economic behavior of individual economic agents in market and non-market conditions [2].

In the first Russian economic thought research in the field of nanoeconomics «as the economy of physical persons» appeared in 1996 and owned by G. B. Kleiner [3].

Theory of nanoeconomics individual natural person as an employee under an employment contract pursues economic interests that interact with the economic interests of the project proponent, the head of the company or other entity (microeconomics), region or type of economic activity (meso-) and country (macroeconomics), world (megaeconomics). The above interaction has a wide range of forms, from mutu-

ally beneficial convergence to the full confrontation. A good example is the behavior of the civil servant or public figure, whose economic interests are encouraged to cause harm to the interests of the state and society. Is this not corruption?

In turn, proposed to clarify the term «nanoeconomics» as follows: it system implementation and public relations on the satisfaction of material needs of the individual person. Fair use the following definitions: «nanoeconomics of enterprise», «nanoeconomics project», «nanoeconomics of the region», «nanoeconomics of the country», etc. Indeed, in the context of the development of the theory of nanoeconomics is of scientific interest does not benefit individuals as such, and the integration of economic interests of an individual in the hierarchy of the benefices of larger economic systems. In particular, the nanoeconomics of the country – a system implementation and public relations on the satisfaction of material needs of the individual person-resident of the country.

Among the acute problems of economic development of countries especially urgent is the problem of greening mega-, macro-, meso - and microeconomic systems. It is obvious that the study of the process of internal resistance to the efforts of the employee of the company or of the government for the greening of production, marketing, Finance and other aspects of economic activity is one of the tasks of the theory of nanoeconomics. As a consequence, in the context of the theory of nanoeconomics first proposed to introduce the term «environmental nanoeconomics» is a system implementation and public relations over the satisfaction of material needs of individuals with regard to the requirements of the continuous conservation of biological diversity.

Naturally there that the study of the species composition of corruption author drew attention to the environmental corruption. The study of the influence of corruption on environmental policy of the countries of the world devoted a number of papers [4–8]: R. Lopez, S. Mitra (2000), H. Welsch (2004), L. Pellegrini (2011), M. A. Cole (2007), S. Morse (2006). A number of scientists examine the effect that security of the country natural resources level of corruption [9–17]: S. Bhattacharyya, R. Hodler (2010), I. Kolstad, T. Sjoreide (2009), I. Kolstad, A. Wiig (2009), P. Robbins (2000), C. N. Brunnschweiler (2008), R. M. Auty (2001), J. Isham, M. Woolcock, L. Pritchett, G. Busby (2005), C. A. Leite, J. Weidmann (1999), C. S. Norman (2009).

First the author proposed to empirically identify the environmental risks of corruption on the basis of economic-mathematical analysis of the interrelation between nano- and mesoeconomic systems. The author's approach can also be used, firstly, to identify other types of corruption, secondly, for recognition of the environmental risk of corruption based on the analysis of interaction between nano-, micro-, macro- and megaeconomic systems. Principles of reception of economic and mathematical analysis were previously tested by the author to substantiate the necessity of ecologization of the national economy [18].

The essence of the author's approach to early warning of environmental corruption is as follows. Causing damage to the environment on the background, on the one hand, to improve the financial status of a homogeneous group of enterprises, representing types and subtypes of economic activity according to All-Russian Classifier of Types of Economic Activity (the analogue of the NACE), on the other hand, the deterioration of material welfare of employees of the above enterprises, there is one option in the situation when one of the parties is interested in the operational notice state nature-protection agencies and public organizations on environmental offences. Different is the situation when environmental damage occurs on the background of improving financial state of the above-mentioned groups of enterprises, and material welfare of employees of these companies are either improving, or weakly associated with environmental risk. This situation is one of variants of formation of ecological corruption.

Thus, the objective of the article is development a methodology for identifying the types and subtypes of economic activities at risk of environmental corruption in Russia. The research used the following method: the typology of the interaction of meso- and nanoeconomic systems in the context of environmental risk of corruption on the basis of a comparison of the results of stochastic analysis of the influence of the values of indicators characterizing the financial condition of the organizations and material welfare of employees of the above organizations, on the value of indicators characterizing the damage to the environment in terms of types and subtypes of economic activity in Russia. The need for research due to the lack of guidelines regarding the organization of the economic-mathematical analysis of environmental risk of corruption as in Russia and other countries of the world.

The results of the study

In order to empirically underpin the author's approach towards the fight against corruption in the context of the development of the concept of environmental nanoeconomics was formed following the initial database. To characterize the financial condition of mesoeconomic systems was used the indicator of net financial result (profit minus loss) of organizations' activities (in actual prices; million rubles) for the types and subtypes of economic activities that cause environmental damage in the form of emissions of

pollutants from stationary sources (table 1). These include the following 16 types and subtypes of economic activity:

1) agriculture, hunting and forestry;
2) mining;
3) mining and quarrying of energy minerals;
4) the extraction of minerals, except fuel and energy;
5) manufacturing;
6) manufacture of food products, beverages and tobacco;
7) processing of wood and manufacture of wood products;
8) pulp and paper manufacture; publishing and polygraphic activity;
9) the production of coke and petroleum products;
10) chemical production;
11) manufacture of other non-metallic mineral products;
12) metallurgical production and finished metal products;
13) production of vehicles and equipment;
14) production and distribution of electricity, gas and water;
15) transport and communications;
16) other community, social and personal services.

The symbols in the table: AGR – agriculture, hunting and forestry; MNG - mining; OIL – mining and quarrying of energy minerals; EXT – mineral resources extraction except fuel and energy; MAN – manufacturing; FOO – manufacture of food products, beverages and tobacco; WOO – processing of wood and manufacture of wood products; PAP – pulp and paper production; publishing and printing; COX – manufacture of coke and petroleum products; CHM – chemicals; MIN – manufacture of other non-metallic mineral products; MET – metallurgical production and production of finished metal products; VEH – production of vehicles and equipment; ENE – production and distribution of electricity, gas and water; TRA – transport and communication; SOC – other community, social and personal services.

For the characterization of the material welfare of the nanoeconomic systems was used the indicator of average monthly nominal accrued wages of employees of organizations in the Russian Federation (rubles) on the above types and subtypes of economic activity (table 2).

Table 1

Dynamics of the net financial result (profit minus loss) of the activities of organizations by kinds of economic activity (in actual prices; million rubles) in 2005–2013*

The type and subtype of economic activity	Year								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
AGR	27 524	47 303	95 149	82 398	56 274	61 050	94 809	108 931	51 637
MNG	705 254	1 213 354	946 612	849 670	906 740	1 297 897	1 811 226	1 691 234	1 558 058
OIL	599 280	1 088 114	810 880	708 061	821 329	1 068 540	1 442 925	1 364 327	1 331 872
EXT	105 974	125 240	135 732	141 609	85 411	229 357	368 301	326 907	226 186
MAN	955 231	1 475 104	1 828 734	1 383 833	1 092 411	1 690 735	2 013 313	2 226 325	1 475 504
FOO	64 181	83 453	102 025	101 465	151 665	162 649	114 126	189 170	184 830
WOO	3 017	2 686	7 964	-11 151	-12 311	2 041	-6 911	-4 054	2 880
PAP	20 637	24 277	27 412	12 592	18 313	34 710	36 176	39 250	22 766
COX	335 959	466 583	476 848	557 951	693 722	808 791	1 023 539	1 014 725	673 707
CHM	71 248	87 839	125 299	220 433	55 541	163 963	267 771	279 651	145 871
MIN	28 809	85 927	147 327	91 426	7 607	29 466	55 847	88 246	45 068
MET	337 248	561 733	718 663	312 778	206 802	351 317	289 240	284 493	147 995
VEH	15 433	38 300	63 995	-40 690	-110 737	-6 282	63 559	97 196	61 394
ENE	68 826	96 819	142 610	140 674	129 308	343 584	99 860	91 713	76 603
TRA	314 766	409 520	648 074	530 559	497 185	669 712	730 872	878 273	754 210
SOC	26 099	37 674	47 252	44 634	20 950	27 165	24 504	24 565	27 711

* *Source*: compiled by the author according to the Federal service of state statistics of Russia[1].

[1] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d04/23-37.htm (accessed: 29.10.15); http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d5/22-53.htm (accessed: 29.10.15).

Table 2

Dynamics of average monthly nominal accrued wages of employees of organizations in the Russian Federation (rubles), by type of economic activity in 2005–2013*

The type and subtype of economic activity	Year								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
AGR	3 646,2	4 568,7	6 143,8	8 474,8	9 619,2	10 668,1	12 464	14 129,4	15 724
MNG	19 726,9	23 145,2	28 107,5	33 206,1	35 363,4	39 895	45 132	50 400,6	54 161,2
OIL	23 455,9	27 614,5	33 275,5	39 051,3	41 568,3	46 271,2	51 587,9	57 209,7	61 084,1
EXT	13 176	15 363,7	19 092,7	22 937,4	24 064,1	28 305,8	33 580,1	38 267,3	41 754,4
MAN	8 420,9	10 198,5	12 878,7	16 049,9	16 583,1	19 078	21 780,8	24 511,7	27 044,5
FOO	7 303,8	8 806,7	11 069,2	13 930,4	15 653,1	17 316,9	19 094	21 104,8	23 326,9
WOO	5 895,4	6 950,4	8 815,6	11 301,1	10 947,2	12 720,4	13 941,9	15 248,3	16 949,7
PAP	9 418,6	10 923,6	13 792	17 631,7	17 707,1	20 104,3	23 710,2	26 311,6	28 504,9
COX	19 397,1	22 319,6	28 565	34 912,5	37 963,7	41 563,4	48 462,6	59 195	64 760,1
CHM	9 928,3	11 599,3	14 615,9	18 219,9	19 428,7	22 228,7	25 582,7	28 900,5	32 513,5
MIN	7 921,8	9 983,8	13 193,3	16 371,8	16 053,7	18 117,5	20 518	23 180,4	25 458,3
MET	10 260,7	12 001,5	14 990,7	18 171,1	17 946,3	21 152,1	23 887,1	26 564,2	28 519,8
VEH	9 377,4	11 431,2	14 013,6	17 330,9	17 367,8	20 766,4	24 503,1	27 659,5	30 724,4
ENE	10 637,3	12 827,5	15 587,3	19 057,4	21 554,2	24 156,4	26 965,5	29 437,1	32 230,5
TRA	11 351,1	13 389,9	16 452,3	20 760,8	22 400,5	25 589,9	28 608,5	31 444,1	34 575,7
SOC	6 291	7 996,4	10 392,2	13 538,6	15 070	16 371,4	18 200,3	20 984,5	24 739,9

* *Source*: compiled by the author according to the Federal service of state statistics of Russia[2].

To characterize environmental damage was used to the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons) in terms of types and subtypes of economic activity (table 3).

Table 3

Dynamics of volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons) by type of economic activity in 2005–2013*

The type and subtype of economic activity	Year								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
AGR	134,1	129,3	118,2	124,8	127,5	136,6	141,1	162,5	164,7
MNG	6 148,1	6 027,1	6 244,8	5 567,2	5 238,6	5 200,3	5 616,0	6 128,4	5 265,9
OIL	5 629,3	5 509,3	5 737,9	5 092,9	4 867,8	4 817,1	5 216,6	5 707,6	4 840,1
EXT	518,8	517,8	507,0	474,3	370,8	383,2	399,4	420,8	425,8
MAN	7 249,8	7 167,9	7 205,1	6 829,4	6 353,5	6 431,0	6 523,1	6 406,5	6 218,8
FOO	147,0	144,6	146,1	140,2	144,9	138,2	147,1	140,1	140,7
WOO	87,8	84,2	85,5	85,5	78,3	84,2	82,9	86,9	86,3
PAP	172,1	162,2	152,9	148,9	152,5	145,1	129,7	128,5	129,6
COX	840,5	764,4	829,8	816,5	663,2	733,3	742,0	753,1	736,5
CHM	349,1	368,9	374,3	351,3	332,2	334,6	338,2	338,7	335,3
MIN	465,9	497,6	520,8	462,6	403,5	418,6	436,7	435,0	425,0
MET	4 816,2	4 787,9	4 751,4	4 496,3	4 303,8	4 289,2	4 365,4	4 262,2	4 114,6
VEH	114,3	116,4	108,3	104,4	82,5	93,1	86,0	89,9	85,8
ENE	3 982,6	4 352,9	4 206,0	4 462,2	4 140,7	4 327,2	4 071,2	4 164,4	3 868,7
TRA	2 085,3	2 150,2	2 211,1	2 475,2	2 605,9	2 426,4	2 248,0	2 107,3	2 219,9
SOC	61,9	59,1	55,2	67,9	89,9	108,0	166,1	232,0	263,0

* *Source*: compiled by the author according to the Federal service of state statistics of Russia[3].The totality of the above indicators included in the scorecard that is annually considered by the Federal service of state statistics of Russia. For the purposes of analysis used the time period from 2005 to 2013 inclusively: data for 2014 is not used due to the lack of published values of the indicator net financial result (profit minus loss) of organizations. In view of the stochastic interrelation, firstly, the net financial result (profit minus loss) of organizations' activities (in actual prices; million rubles) and the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons); and secondly, the average monthly nominal accrued wages of employees of organizations in the Russian Federation (rubles) and the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons), was used correlation and regression method. To clarify the results of correlation and regression analysis was used the method of «emissions» («outliers») in order to prevent accidental inclusion in the source data or noise.

[2] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/06-09.htm (accessed: 29.10.15); http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-09.htm (accessed: 29.10.15).

[3] URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/03-14.htm (accessed: 29.10.15); http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/03-14.htm (accessed: 29.10.15).

To diagnose environmental risk of corruption was schematically presented the author's technique of typology of the interaction of meso- and nanoeconomic systems (fig. 1).

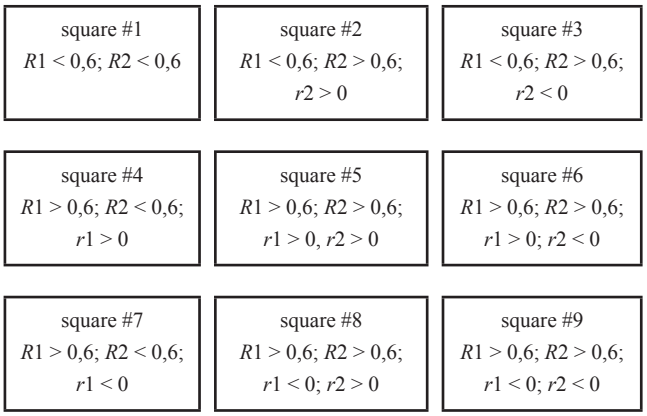


Fig. 1. The typology of the interaction of meso- and nanoeconomic systems in the context of environmental risk of corruption (author's method)

Legend: the coefficients *r*1 and *R*1 are the regression coefficients of the pair correlation and the net financial result of activity of organizations and the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons) in terms of some types and subtypes of economic activity (excluding noise, or random inclusion in the original data); the coefficients *r*2 and *R*2 the regression coefficients and the pair correlation of the average monthly nominal accrued wages of employees of organizations in the country and the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons) in the context of some types and subtypes of economic activity (excluding noise, or random inclusion in the source data).

Explanations for figure: square #1 – economic interests and enterprises, and its employees are neutral to environmental risks; square #2 – workers are not interested in the greening of enterprises and, as a consequence, there is a risk of environmental corruption; square #3 workers are interested in greening enterprises; square #4 – the company is not interested in greening their economic activities and, as a consequence, there is a risk of environmental corruption; square #5 – workers are not interested in the greening of enterprises and, as a consequence, there is a risk of environmental corruption; square #6 – no high environmental risk of corruption; square #7 – the company is interested in greening not only their economic activity, but in the greening of the larger economic systems; square #8 – the company and its employees are interested in greening not only their economic activity, but in the greening of the larger economic systems; square #9 – workers are not interested in the greening of enterprise and the enterprise itself, in contrast, is interested in «greening» not only their economic activity, but in the greening of the larger economic systems, therefore there is a risk of sabotage by workers.

Conclusions

Based on the results of correlation and regression analysis generated the array of source data (table 4) has been identified, the type of interaction between nano- and mesoeconomic systems in the context of environmental risk of corruption (fig. 2).

Table 4

The interrelation of the net financial result (profit minus loss) of organizations' activities (in actual prices; million rubles), the average monthly nominal accrued wages of employees of organizations in the Russian Federation (rubles) and the volume of emissions of pollutants from stationary sources (thousand tons) in terms of some types and subtypes of economic activity (excluding noise, or random inclusion in the source data) in 2005–2013*

The type and subtype of economic activity	*R*1, the proportion of units	*r*1 (<0 or >0)	*R*2, the proportion of units	*r*2 (<0 or >0)
AGR	0,0129	>0	0,6308	>0
MNG	0,0265	<0	0,5828	<0
OIL	0,0175	<0	0,5841	<0
EXT	0,7009	<0	0,6721	<0
MAN	0,0745	<0	0,7938	<0
FOO	0,6445	<0	0,2871	<0
WOO	0,3191	>0	0,0006	<0
PAP	0,3021	<0	0,9354	<0
COX	0,33	<0	0,2499	<0
CHM	0,0715	<0	0,5784	<0
MIN	0,6471	>0	0,3741	<0
MET	0,8267	>0	0,8438	<0
VEH	0,015	>0	0,6584	<0
ENE	0,2425	>0	0,1188	<0
TRA	0,0069	<0	0,0142	>0
SOC	0,2517	<0	0,842	>0

* *Source*: based on results of author's calculations.

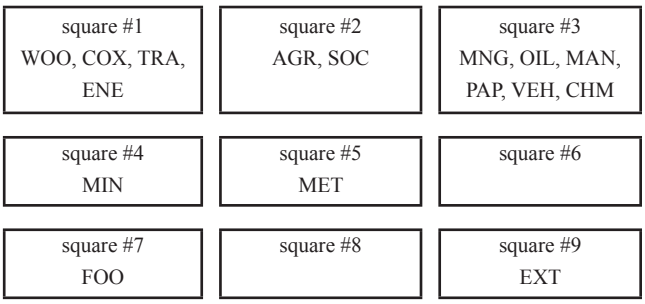


Fig. 2. Results typology of the interaction of meso- and nanoeconomic systems in the context of environmental risk of corruption (based on the author's methodology)

Were identified 4 types and subtypes of economic activity, the environmental risk of corruption during the period:

1) agriculture, hunting and forestry;

2) manufacture of other non-metallic mineral products;

3) metallurgical production and finished metal products;

4) other community, social and personal services.

Given the potential of the author's methodology, it is planned modification for the identification of other types of corruption, as well as for recognition of the environmental risk of corruption based on the analysis of interaction between nano-, micro-, macro- and mega economic systems.

References

1. Treisman, D. The causes of corruption: a cross-national study // Journal of public economics, 2000, no. 76 (3), pp. 399–457.

2. Arrow, K. J. Reflections on the Essays. Arrow and the Foundations of the Theory of Economic Policy, 1987, p. 734.

3. Klejner, G. B. Sovremennaja rossijskaja jekonomika kak «jekonomika fizicheskih lic» // Voprosy jekonomiki, 1996, no. 4.

4. Lopez, R., Mitra, S. Corruption, pollution, and the Kuznets environment curve. Journal of Environmental Economics and Management, 2000, no. 40 (2), pp. 137–150.

5. Welsch, H. Corruption, growth, and the environment: a cross-country analysis. Environment and Development Economics, 2004, no. 9 (05), pp. 663–693.

6. Pellegrini, L. Corruption and Environmental Policies: What Are the Implications for the Enlarged EU? // In Corruption, Development and the Environment, 2011, pp. 101–119. Springer Netherlands.

7. Cole, M. A. Corruption, income and the environment: an empirical analysis // Ecological Economics, 2007, no. 62 (3), pp. 637–647.

8. Morse, S. Is corruption bad for environmental sustainability? A cross-national analysis // Ecology and Society, 2006, 11 (1), p. 22.

9. Bhattacharyya, S., Hodler, R. Natural resources, democracy and corruption // European Economic Review, 2010, no. 54 (4), pp. 608–621.

10. Kolstad, I., Sjoreide, T. Corruption in natural resource management: Implications for policy makers // Resources Policy, 2009, 34 (4), pp. 214–226.

11. Kolstad, I., Wiig, A. Is transparency the key to reducing corruption in resource-rich countries? // World Development, 2009, no. 37 (3), pp. 521–532.

12. Robbins, P. The rotten institution: corruption in natural resource management // Political Geography, 2000, no. 19 (4), pp. 423–443.

13. Brunnschweiler, C. N. Cursing the blessings? // Natural resource abundance, institutions and economic growth. World development, 2008, no. 36 (3), pp. 399–419.

14. Auty, R. M. The political economy of resource-driven growth // European economic review, 2001, no. 45 (4), pp. 839–846.

15. The varieties of resource experience: natural resource export structures and the political economy of economic growth / J. Isham, M. Woolcock, L. Pritchett, G. Busby // The World Bank Economic Review, 2005, no. 19 (2), pp. 141–174.

16. Leite, C. A., Weidmann J. Does mother nature corrupt? Natural resources, corruption and economic growth, 1999, June. IMF Working Paper, (99/85).

17. Norman, C. S. Rule of law and the resource curse: abundance versus intensity // Environmental and Resource Economics, 2009, no. 43 (2), pp. 183–207.

18. Salimov, L. N. The concept of greening the national economy and the mechanism of its implementation in Russia / Proceedings of 13th International Conference of the Russian Society for Ecological Economics RSEE-2015 Natural Resource Management and Environmental Protection: Theory and Practice of Economic Regulation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, July 7–11, 2015), pp. 171–183.

Received 30.10.15

© Salimov L. N., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Salimov Lenar Nailovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Department «Economics», Kazan branch of Federal state budget educational institution of higher education «Russian state University of justice»

Address: 7a, 2nd Azinskaya Str., 420088, Kazan

E-mail: lenarsalimov.n@gmail.com

Acknowledgements

I Express my gratitude to: doctor of Economics, Professor, member-correspondent of the Russian Academy of Sciences Georgy Borisovich Kleiner for a lecture about the modern conception of the system of Economics which inspired the author to develop the theory of ecological nanoeconomics; the initiators of the V all-Russian scientific-practical conference with international participation «Dialectics of corruption counteraction» for the invitation to participate in the conference, which led to an original approach of the author to test the theory of nanoeconomics for the prevention of certain types of corruption.

For citation: Salimov L. N. Identification of risk of corruption in the context of the development of the concept of environmental nanoeconomics // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 9–15.

Л. Н. САЛИМОВ,

доктор экономических наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Казань, Россия

ИДЕНТИФИКАЦИЯ РИСКА КОРРУПЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАНОЭКОНОМИКИ

Цель: разработать методику идентификации видов и подвидов экономической деятельности, подверженных риску экологической коррупции в России.

Методы: типологизация взаимодействия мезо- и наноэкономических систем в контексте риска экологической коррупции на основе сопоставления результатов корреляционно-регрессионного анализа влияния сальдированного финансового результата деятельности организаций и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций на объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников в разрезе видов и подвидов экономической деятельности в России.

Результаты: сформулирован подход к организации противодействия коррупции в контексте разработанной автором концепции экологической наноэкономики; разработан метод экономико-математического анализа риска экологической коррупции; обоснован состав массива статистических показателей для эмпирического обоснования авторского подхода к организации противодействия экологической коррупции; идентифицированы виды и подвиды экономической деятельности, подверженные риску экологической коррупции в России; определены перспективы развития авторских подходов в части профилактики коррупции в России и других странах мира.

Научная новизна: уточнено понятие «наноэкономика», впервые введена в научный оборот и детерминирована дефиниция «экологическая наноэкономика»; обосновано введение в научный оборот следующих понятий: «наноэкономика предприятия», «наноэкономика проекта», «наноэкономика региона», «наноэкономика страны»; определена сущность коррупции в контексте диалектики взаимосвязи интересов наноэкономики с интересами микро-, мезо-, макро- и мегаэкономики; разработан подход по применению экономико-математических методов для ранней диагностики экологической коррупции.

Практическая значимость: подход по применению экономико-математических методов для ранней диагностики экологической коррупции целесообразно использовать в рамках педагогической, научно-исследовательской и аналитической деятельности, а также для разработки методических указаний по диагностике риска коррупции; апробация авторской методики идентификации видов и подвидов экономической деятельности, подверженных риску экологической коррупции в России, позволит улучшить качество антикоррупционных мероприятий в процессе реализации экологической политики России и других стран мира.

Ключевые слова: экологическая наноэкономика; экологическая коррупция; диагностика коррупции; экономико-математический анализ.

Информация об авторе

Салимов Ленар Наилович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Адрес: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а

E-mail: lenarsalimov.n@gmail.com

В редакцию материал поступил 30.10.15

Как цитировать статью: Салимов Л. Н. Identification of risk of corruption in the context of the development of the concept of environmental nanoeconomics // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 9–15.

© Салимов Л. Н., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

УДК 351.74/75
URL: http://hdl.handle.net/11435/2191
Алексеева А. П.
С. 16–25.

А. П. АЛЕКСЕЕВА,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОСТИ[1]

Цель: определить степень достоверности и объективности информации, поступающей населению, о деятельности полиции Волгоградской области.
Методы: социологический (заочный опрос в форме анкетирования); статистический; логический; документальный; графический; метод системного анализа.
Результаты: оценки населением деятельности полиции носят весьма противоречивый характер. Это связано в большей степени с источниками получения информации, которые преимущественно не отличаются достоверностью и объективностью.
В статье показано, что, несмотря на рост виктимности, уровень тревожности населения по поводу преступных посягательств постепенно снижается, а чувство защищенности у граждан укрепляется, хотя и благодаря личным усилиям (применяемым для охраны своих жизни, здоровья и собственности). На участие правоохранителей в обеспечении безопасности и общественного порядка рассчитывает лишь каждый пятый. При опросе выявлено, что около половины граждан, потенциально заинтересованных в реакции правоохранителей на совершенное преступление, в действительности согласны оставить преступника безнаказанным из-за фактического недоверия полиции. Треть заявителей остались не удовлетворены действиями полиции по поводу их обращения, что никак не увязывается с декларируемыми цифрами.
Мнение волгоградцев о распространенности взяточничества среди сотрудников полиции остается неизменным, но другие служебные преступления получили существенный прирост. И, несмотря на это, отношение респондентов к органам внутренних дел в целом улучшилось. В большей степени это произошло в результате деятельности СМИ, которые информируют население об успешной работе полиции, используя для этого телепередачи, документальные и художественные фильмы. Подтверждением успешной работы полиции выступает статистика, которая демонстрирует стремительное снижение регистрируемой преступности.
Научная новизна: в статье впервые на основе использования комплекса различных методов исследована степень достоверности и объективности информации о деятельности полиции Волгоградской области, поступающей населению.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов об оценке населением деятельности современной полиции России.

Ключевые слова: общественное мнение; деятельность полиции; опрос; доверие; статистика; отчетность.

Введение

Одним из показателей эффективности работы современной полиции в соответствии с Федеральным законом «О полиции»[2] является общественное мнение населения.

Изучение общественного мнения должно строиться на фундаментальной научной основе, соответствовать принципам репрезентативности и достоверности. В настоящее время существует довольно много научных работ, посвященных этой проблеме [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако все они оказываются не в силах решить главный вопрос – предложить механизм реальной оценки эффективности работы полиции.

В Волгоградской области изучение общественного мнения проводится социологической группой Волгоградской академии МВД России уже третий год подряд по заказу регионального ГУ МВД России. В результате опроса выясняются довольно любопытные факты, которые либо вообще не охватываются цифрами официальной статистики, либо вступают с ними в некоторое противоречие.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Волгоградской области в рамках проекта научных исследований «Прогноз преступности в Волгоградской области» (№ 14-13-34033).

[2] О полиции: Федеральный закон № 3-ФЗ от 07.02.2011 (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

Результаты исследования

В 2015 г. деятельность полиции Волгоградской области получила следующие оценки. На вопрос о степени уверенности в защищенности их личных и имущественных интересов волгоградцы ответили так: 67,6 % респондентов в той или иной степени уверены в защищенности своих интересов; 25,8 % не испытывают этой уверенности (табл. 1). Следовательно, уровень тревожности населения по поводу преступных посягательств за последние годы несколько снизился.

Вместе с тем официальные статистические сведения говорят о том, что на фоне общего снижения регистрируемой преступности на 1,8 % к аналогичному периоду прошлого года в 2014 г. в России было зарегистрировано 1 127 преступлений террористического характера (+ 70,5 %) и 1 024 преступления экстремистской направленности (+ 14,3 %)[3]. И это не может не отражаться на мнении населения о собственной безопасности.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о степени их уверенности в защищенности своих интересов*

Table 1. Distribution of answers to the question on the degree of their confidence in protection of their rights*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Уверен / Sure	15,5	19,5	32
2	Скорее уверен, чем не уверен / More sure than not	31,1	40,2	35,6
3	Скорее не уверен, чем уверен / Less sure than not	32,5	19,5	16
4	Не уверен / Not sure	17,4	14	9,8
5	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	3,5	6,7	6,7
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 8.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 8.

[3] Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (дата обращения: 28.09.2015).

Несмотря на это, на вопрос, изменилось ли у респондентов ощущение личной безопасности за последние годы, 39,1 % респондентов ответили, что стали ощущать себя более защищенными; 41,3 % респондентов не ощутили изменений по поводу личной безопасности; и только 10,4 % стали ощущать себя менее защищенными.

Среди причин роста уверенности в защищенности личных и имущественных интересов респонденты указали следующие обстоятельства: 39 % – улучшение работы полиции, 28,9 % – усиление бдительности сотрудников охраны в общественных местах, 17,4 % – установку видеокамер в публичных местах. И это все на фоне уже 30-процентного сокращения личного состава сотрудников органов внутренних дел, отсутствия патрулей на улицах и т. д.

Видимо, чувство защищенности у граждан складывается не только за счет деятельности полиции, но и благодаря личным усилиям, применяемым для охраны своих жизни, здоровья и собственности. И действительно, на вопрос о мерах, которые готовы респонденты принять для обеспечения безопасности, 33,8 % опрашиваемых волгоградцев указали на установку охранных сигнализаций и средств видеонаблюдения, 30,4 % – на приобретение средств индивидуальной защиты, 18,9 % – на взаимодействие с полицией, 13,1 % – на взаимодействие с соседями, 2 % – на участие в деятельности ДНД. Следовательно, реальная роль полиции здесь не столь велика – лишь каждый пятый рассчитывает на участие правоохранителей в обеспечении безопасности и общественного порядка [10, 11].

Тем не менее степень доверия полиции в 2015 г. не изменилась и осталась на уровне 2014 г.: из 450 опрошенных респондентов более половины, а точнее 63,7 %, так или иначе доверяют местной полиции, 22,9 % в той или иной степени не доверяют полиции и 13,4 % затруднились с ответом на этот вопрос (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Доверяете ли вы местным органам полиции?»*

Table 2. Distribution of answers to the question «Do you trust the local police?»*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Да / Yes	18,8	27,4	29,6
2	Скорее да, чем нет / More yes than no	30,5	37,5	34,1

Продолжение табл. 2

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
3	Скорее нет, чем да / More no than yes	27,6	16,1	15,1
4	Нет, определенно / Definitely not	13	6,3	7,8
5	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	10,1	12,6	13,4
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 11.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 11.

Высокий уровень доверия полиции со стороны волгоградцев (63,7 %) обусловил и высокую оценку ее деятельности. 63,8 % респондентов оценивают работу полиции на «хорошо» и «отлично», и 7,3 % поставили низкую оценку ее деятельности. По сравнению с прошлым годом оценки деятельности полиции повысились почти на 8 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение мнений респондентов относительно вопроса «Насколько хорошо полиция справляется со своими обязанностями?»*

Table 3. Distribution of answers to the question «How well does police cope with its duties?»*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Очень хорошо / Very well	4,9	17	10,9
2	Довольно хорошо / Rather well	30,9	38,9	52,9
3	Ни хорошо, ни плохо / Neither well nor badly	46,4	36,4	28,9
4	Плохо / Badly	13,9	5,9	6,2
5	Очень плохо / Very badly	3,8	1,7	1,1
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 12.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 12.

Характерно, что личный опыт общения с сотрудниками полиции имелся далеко не у всех опрошенных. В силу выполняемых полицией обязанностей поводом для контакта с населением у нее чаще всего выступает преступная деятельность отдельных граждан или их групп. В связи с этим перед респондентами был поставлен вопрос, становились ли они жертвами преступных посягательств в течение прошлого года. Оказалось, что уровень виктимности, по сравнению с 2014 г., в 2015 г. увеличился на 5 % – с 16,3 до 22 % (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Были ли вы жертвой преступных посягательств?»*

Table 4. Distribution of answers to the question «Have you been a victim of criminal assault?»*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Да / Yes	17,2	16,3	22
2	Нет / No	82,8	83,7	78
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 11.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 11.

Соответственно, определенным индикатором доверия к полиции со стороны населения является обращение жертв преступных посягательств за помощью к правоохранителям. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Если вы подверглись преступным посягательствам, то обращались ли по этому поводу в органы внутренних дел?» Оказалось, что из числа опрошенных, подвергшихся преступным посягательствам, за помощью обратились лишь 56 %. Остальные 44 % лиц от такой помощи отказались по следующим причинам (если принять их за 100 %): из-за незначительности понесенного ущерба – 26,7 %; из-за боязни потерять время – 22,2 %; из-за отсутствия уверенности в том, что органы внутренних дел (полиция) помогут, – 22,2 %.

Граждан, пострадавших от преступлений и обратившихся за помощью в полицию, спросили о степени удовлетворенности мерами, принятыми по поводу совершенного преступления. Оказалось, что удовлетворены были далеко не все, а лишь 66,1 %. Остальные 33,9 % не удовлетворены.

Таким образом, рост виктимности населения, наличие половины лиц, потенциально заинтересо-

ванных в реакции правоохранителей на совершенное преступление, но в действительности согласных оставить преступника безнаказанным из-за фактического недоверия полиции, а также наличие трети заявителей, не удовлетворенных действиями полиции по поводу их обращения, никак не увязывается с ранее представленными цифрами (63,7 % доверяют местной полиции и 63,8 % респондентов оценивают работу полиции на «хорошо» и «отлично»).

Возможно, подобная ситуация отчасти объясняется личными наблюдениями граждан за работой полиции. На вопрос «Приходилось ли Вам наблюдать действия сотрудников ОВД, при которых допускались нарушения прав граждан?» 20 % опрошенных ответили утвердительно. А на вопрос «Какие виды нарушений Вы наблюдали?» 30 % выделили использование служебного положения в личных целях; 26,6 % – грубость, бестактность; 24 % – проявление жестокости; 20 % – вымогательство, взяточничество, поборы; 15,5 % – искажение фактов (табл. 5).

Таблица 5

Виды нарушений прав граждан со стороны полиции*

Table 5. Types of violation of citizens' rights by the police*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Проявление жестокости / Cruelty	30	24,4
2	Вымогательство, поборы, взяточничество / Extortion, bribery	20	20
3	Попытки исказить факты, фальсифицировать материалы / Attempts to distort facts, falsify data	17,5	15,5
4	Грубость, бестактность / Rudeness, tactlessness	18,6	26,6
5	Использование служебного положения в личных целях / Jobbing	13,9	30
	Всего / Total	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 12.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 12.

Если распространенность взяточничества осталась на уровне прошлого года, то другие служебные преступления получили в глазах наших граждан существенный прирост. И, несмотря на это, отношение респондентов к органам внутренних дел в целом улучшилось: положительно их оценили 77,7 % (в 2014 г. – 69,2 %), отрицательно – 13,5 % (в 2014 г. – 19,1 %) (табл. 6).

Таблица 6

Отношение респондентов к органам внутренних дел (полиции)*

Table 6. Attitude of respondents to the domestic affairs bodies (police)*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Безусловно положительно / Definitely positive	14,6	20,7	23,3
2	Скорее положительно / Rather positive	41,1	48,5	54,4
3	Скорее отрицательно / Rather negative	29,1	13,2	8,4
4	Безусловно отрицательно / Definitely negative	6,4	5,9	5,1
5	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	8,8	11,7	8,7
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 12.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 12.

Приведенные цифры опять никак не согласуются с общими сведениями о доверии населения полиции (63,7 % доверяют местной полиции и 63,8 % респондентов оценивают работу полиции на «хорошо» и «отлично»).

Возможно, решение этого вопроса частично заложено в источниках получения информации населением о деятельности полиции. Оказалось, что только 22,8 % опрошенных оценивают деятельность полиции на основе личного опыта. 25,2 % – из новостных и публицистических теле- и радиопередач; 15 % – на основе сведений, полученных из Интернета; 12,9 % – из публикаций в прессе; 12,5 % – из бесед с друзьями, знакомыми, в кругу семьи; 5,6 % – из кинофильмов, сериалов о полиции; 3,1 % – из разговоров окружающих, слухов.

Причем с каждым годом число респондентов, которые судят о полиции на основе личного опыта, снижается. Если в 2013 г. таких было 28,6 %, то в 2015 г. стало 22,8 % (табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос «В основном на основе каких сведений сложилось у Вас представление о деятельности ОВД?»*

Table 7. Distribution of answers to the question «What information was the basis of your opinion on the functioning of police?»*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Из личного опыта (очевидец, свидетель, потерпевший) / Personal experience (beholder, witness, victim)	28,6	18,8	22,8
2	На основе публикаций в прессе / Publications in press	15,8	19	12,9
3	Из теле- и радиопередач / TV and radio broadcasts	25,6	27,8	25,2
4	На основе сведений из Интернета / Data from the Internet	5,0	12,8	15
5	Из бесед с друзьями, знакомыми, в кругу семьи / Conversations with friends, acquaintances, family members	12,6	9,6	12,2
6	Из кинофильмов, сериалов о полиции / Films, serials about police	7,6	8,3	5,6
7	Из разговоров окружающих, слухов / Conversations, rumors	5,8	4,6	3,1
8	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	12,6	6,9	2,5
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 17.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 17.

Учитывая высокие оценки общественностью деятельности полиции, определенный интерес представляет мнение граждан о степени объективности поступающей к ним из СМИ информации. Оказалось, что 41,1 % респондентов оценивают информацию из СМИ как объективную. 38,9 % опрошенных считают, что работа полиции в СМИ приукрашивается. 11,7 % – что в СМИ работа полиции очерняется.

Сопоставление этих сведений с ответами волгоградцев на другой вопрос – об уровне доверия различным социальным институтам – вызвало обоснованные сомнения (табл. 8).

Таблица 8

Уровень доверия населения различным социальным институтам*

Table 8. Degree of trust of the population to various social institutions*

№	Уровень доверия / Degree of trust	Суд / Court		Прокуратура / Prosecutor's Office		ФСБ / Federal Security Bureau		Полиция / Police		СМИ / Mass media		Полит. партии / Political parties	
		2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015	2014	2015
1	Доверяю / Trust	58,4	58,7	58,6	60,9	67,2	65,3	57,7	57,1	33,5	37,3	33,1	28,2
2	Не доверяю / Do not trust	21,5	27,1	23	23,3	18,8	15,3	24,7	26,4	45,6	34,2	47,7	44,2
3	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	20,1	14,2	18,4	15,8	18,4	19,3	17,6	16,4	20,9	23,8	19,2	27,3

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 17.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 17.

Респондентам было предложено выбрать несколько институтов, деятельность которых у них вызывает наибольшее доверие. Следует отметить, что в целом уровень доверия различным социальным институтам значительно вырос по сравнению с 2013 г. и остается на уровне 2014 г. Причем он повысился у всех социальных институтов, и особенно государственных.

Если сравнить степень доверия населения СМИ, то окажется, что лишь треть населения воспринимает поступающую из них информацию как достоверную. Возникает вопрос, откуда взялись те 41,1 % респондентов, которые оценили информацию о полиции из СМИ как объективную, когда СМИ доверяют вообще лишь 37,3 %?

В любом случае в отсутствие других источников информации главным из них выступают СМИ, которые информируют население об успешной работе полиции, используя для этого телепередачи, документальные и художественные фильмы. Подтверждением успешной работы полиции является статистика, которая демонстрирует стремительное снижение регистрируемой преступности.

Судя по имеющимся официальным данным, с одной стороны, количество зарегистрированных преступлений на протяжении последних 12 лет постепенно падает и на сегодняшний день отличается

в меньшую сторону от уровня 2003 г. уже на 20,5 % (рис. 1; табл. 9)[4]. И большинство властных государственных решений принимается с учетом именно этого показателя – снижения преступности.

Однако, с другой стороны, сопоставление указанной цифры с иными статистическими сведениями о преступности позволяет прийти к несколько отличающимся выводам относительно криминальной ситуации в стране.

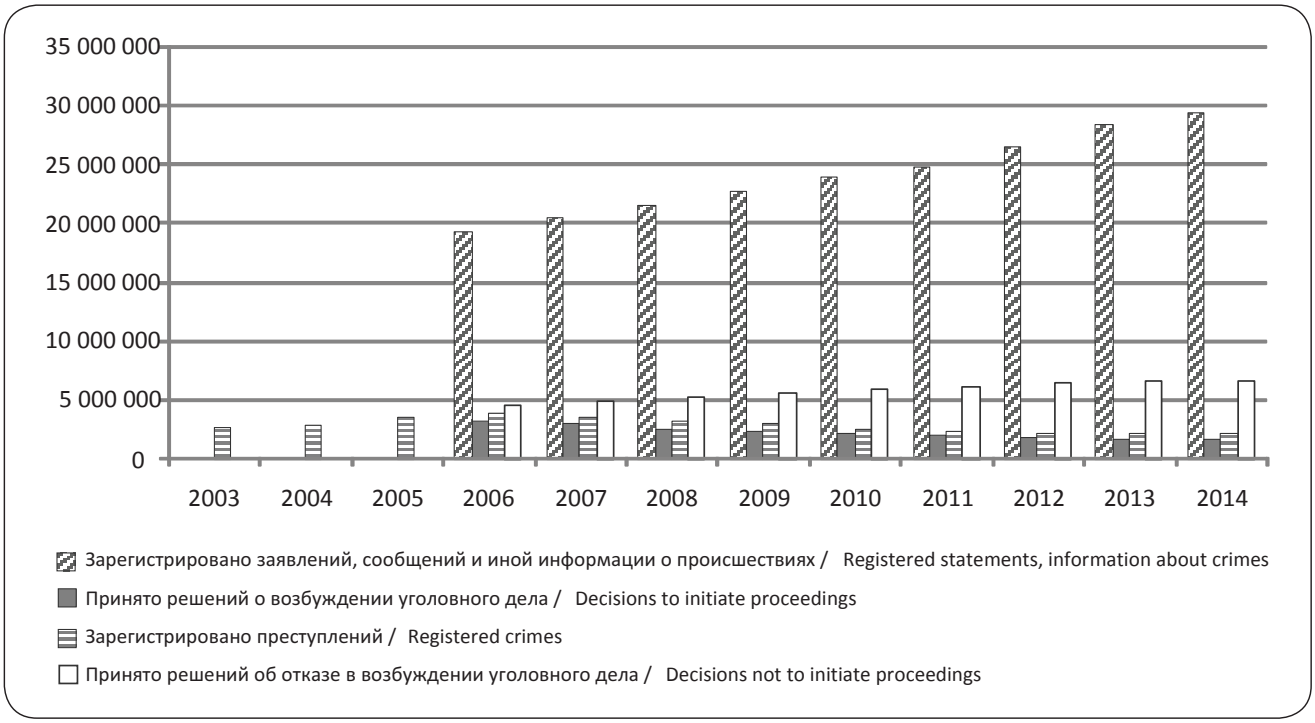


Рис. 1. Динамика преступности в России в 2003–2014 гг.*
Fig. 1. Dynamics of crime in Russia in 2003–2014*

* *Источник*: Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (дата обращения: 28.09.2015).

* *Source*: Criminal situation // Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (access date: 28.09.2015).

Таблица 9

Динамика преступности в России в 2003–2014 гг.*
Table 9. Dynamics of crime in Russia in 2003–2014*

Год / Year	Зарегистрировано заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях / Registered statements, information about crimes	Принято решений о возбуждении уголовного дела / Decisions to initiate proceedings	Зарегистрировано преступлений / Registered crimes	Принято решений об отказе в возбуждении уголовного дела / Decisions not to initiate proceedings
2003	–	–	2 756 398	–
2004	–	–	2 893 810	–
2005	–	–	3 554 738	–
2006	19 305 176	3 262 617	3 855 373	4 595 885
2007	20 529 380	2 991 385	3 582 541	5 007 796
2008	21 499 523	2 632 572	3 209 862	5 317 087
2009	22 788 829	2 445 492	2 994 820	5 640 693
2010	23 903 997	2 183 199	2 628 799	6 030 001

[4] Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (дата обращения: 28.09.2015).

Продолжение табл. 9

Год / Year	Зарегистрировано заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях / Registered statements, information about crimes	Принято решений о возбуждении уголовного дела / Decisions to initiate proceedings	Зарегистрировано преступлений / Registered crimes	Принято решений об отказе в возбуждении уголовного дела / Decisions not to initiate proceedings
2011	24 733 853	1 982 367	2 404 807	6 142 306
2012	26 392 871	1 861 362	2 302 168	6 412 425
2013	28 387 122	1 761 545	2 206 249	6 703 235
2014	29 288 545	1 728 643	2 190 578	6 665 368

* *Источник*: Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (дата обращения: 28.09.2015).

* *Source*: Criminal situation // Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation. URL: http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports (access date: 28.09.2015).

Так, на фоне указанного 20,5-процентного снижения преступности количество возбужденных уголовных дел упало более чем на 47 %. Одновременно фиксируется заметный, более чем 50-процентный (+ 51,7 %) рост регистрируемых обращений граждан в полицию. И сопоставимый с ним (+ 45 %) рост количества отказных материалов.

Все это может говорить, во-первых, о росте искусственной латентности преступности, обусловленной чрезмерно большим количеством отказов в возбуждении уголовных дел. Во-вторых, о тенденции к росту многоэпизодных, сложных дел, в том числе, как уже говорилось, террористического характера (+ 70,5 %) и экстремистской направленности (+ 14,3 %).

Но, учитывая, что огласке придаются только сведения о снижении количества фиксируемых в стране преступлений, население положительно воспринимает результаты проведенной реформы МВД России. В ходе опроса выяснилось, что 41,6 % респондентов заметили позитивное влияние нового закона «О полиции» на работу МВД. Хотя 34,5 % опрошенных считают, что в работе полиции ничего не изменилось. Причем только 6 % респондентов оценивают закон с отрицательной стороны. По сравнению с прошлогодним исследованием количество положительно оценивающих принятие закона увеличилось на 7 % (табл. 10).

Несмотря на конструктивные изменения в работе полицейских, волгоградцы настаивают на необходимости общественного контроля за их деятельностью. Значительная часть респондентов (45,3 %) считает такой контроль необходимым, 35,8 % не видят необходимости в таком контроле и 18,9 % затруднились ответить. На вопрос, со стороны каких организаций должен осуществляться контроль за деятельностью полиции, большинство (57,4 %) из тех, кто считает, что контроль необходим, указали на правозащитные организации. 26,7 % высказали мнение, что контроль должен осуществляться общественными советами при МВД России.

Таблица 10

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как отразилось принятие нового закона на работе МВД?»*

Table 10. Distribution of answers to the question «How did the new law influence the functioning of the Ministry of Domestic Affairs?»*

№	Варианты ответа / Variants of answer	Относительная частота / Relative frequency (%), 2013	Относительная частота / Relative frequency (%), 2014	Относительная частота / Relative frequency (%), 2015
1	Положительно / Positive	23	34,7	41,6
2	Отрицательно / Negative	9	8,8	6
3	Ничего не изменится / Nothing will change	52,3	28,5	34
4	Затрудняюсь ответить / Cannot answer	15,7	28	18,4
	Всего / Total	100,0	100,0	100,0

* *Источник*: Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. С. 17.

* *Source*: Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police». Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, p. 17.

Выводы

Оценки населением деятельности полиции носят весьма противоречивый характер. Это связано в большей степени с источниками получения информации, которые преимущественно не отличаются достоверностью и объективностью.

Анализ статистических сведений говорит о росте искусственной латентности преступности, обусловленной чрезмерным количеством отказов в возбуждении уголовных дел, и о тенденции к росту многоэпизодных, сложных дел. Но, учитывая, что огласке придаются только сведения о снижении количества фиксируемых в стране преступлений, население положительно воспринимает результаты проведенной

реформы МВД России в отсутствие личного опыта общения с сотрудниками полиции.

Уровень тревожности населения по поводу преступных посягательств постепенно снижается, вопреки росту виктимности. Чувство защищенности у граждан укрепляется, хотя и благодаря личным усилиям, применяемым для охраны своих жизни, здоровья и собственности. На участие правоохранителей в обеспечении безопасности и общественного порядка рассчитывает лишь каждый пятый. Около половины граждан, потенциально заинтересованных в реакции правоохранителей на совершенное преступление, в действительности согласны оставить преступника безнаказанным из-за фактического недоверия полиции. Треть заявителей остались неудовлетворены действиями полиции по поводу их обращения, что никак не увязывается с декларируемыми цифрами (63,7 % доверяют местной полиции и 63,8 % оценивают работу полиции на «хорошо» и «отлично»).

Мнение волгоградцев о распространенности взяточничества среди сотрудников полиции остается неизменным (20 %), тогда как другие служебные преступления получили существенный прирост (с 13,9 до 30 %). И, несмотря на это, отношение респондентов к органам внутренних дел в целом улучшилось. В большей степени это произошло в результате деятельности СМИ, которые информируют население об успешной работе полиции, используя для этого телепередачи, документальные и художественные фильмы. Подтверждением успешной работы полиции выступает статистика, которая демонстрирует стремительное снижение регистрируемой преступности.

Список литературы

1. Орлов К. А. Отдельные аспекты формирования объективного общественного мнения о деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 18–23.

2. Веснин А. В., Першин А. А. Общественное мнение: сущность и его роль в управлении государством // Право и образование. 2015. № 5. С. 105–110.

3. Звонарева А. Ю. Принятие управленческих решений в органах внутренних дел на основе результатов изучения общественного мнения // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29). С. 110–114.

4. Ильченко В. А. Общественное мнение как один из важнейших критериев официальной оценки деятельности полиции // Научные труды РАЮН. 2014. Вып. 14: в 2 т. Т. 1. С. 929–932.

5. Нестеров Д. О. Факторы, формирующие общественное мнение о деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: сб. науч. трудов X междунар. научно-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации: спецвыпуск. Кострома: Изд-во Костромск. госуд. технол. ун-та, 2014. С. 202–205.

6. Звонарева А. Ю. Предпосылки актуализации использования результатов изучения общественного мнения в процессе принятия управленческих решений в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 244–246.

7. Панфилов К. А. О роли сети Интернет в формировании общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 5. С. 31–33.

8. Бекетов О. И., Давыдов Ю. В. Задачи полиции и иных субъектов системы профилактики правонарушений сквозь призму общественного мнения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 13–16.

9. Аналитический обзор исследования «Изучение общественного мнения о деятельности полиции». Волгоград: ВА МВД России, 2015. 35 с.

10. Третьяков В. И. Законодательные инициативы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в сфере участия граждан в охране общественного порядка // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4 (26). С. 81–85.

11. Barak Ariel, William A. Farrar, Alex Sutherland. The Effect of Police Body-Worn Cameras on Use of Force and Citizens' Complaints Against the Police: A Randomized Controlled Trial // Journal of Quantitative Criminology. 2015. Vol. 31. Issue 3. Pp. 509–535.

В редакцию материал поступил 14.10.15

© Алексеева А. П., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Алексеева Анна Павловна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России.

Адрес: 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, тел.: (844) 231-40-04

E-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

Как цитировать статью: Алексеева А. П. Деятельность полиции Волгоградской области в оценках общественности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 16–25.

A. P. ALEKSEYEVA,

PhD (Law), Associate Professor, Professor

Volgograd Academy of the Russian Ministry of Domestic Affairs, Volgograd, Russia

FUNCTIONING OF POLICE IN VOLGOGRAD OBLAST IN THE ESTIMATIONS OF THE PUBLIC[1]

Objective: to determine the reliability and objectivity of information to the population, on the functioning of police in Volgograd oblast.

Methods: sociological (absentee polling in the form of a questionnaire); statistical; logical; documentary; graphic; method of systemic analysis.

Results: the opinions of the population on police are extremely controversial. It is connected mostly with the sources of information, which mostly are not reliable and objective.

The article shows that, despite the growth of victimization, the level of anxiety of the population about the criminal attacks is gradually reduced, and the sense of security in citizens is strengthened, though often due to their personal efforts (to protect their life, health and property). Only every fifth citizen relies on the participation of law enforcers in ensuring security and public order. The survey revealed that about half of the citizens, who are potentially interested in the reaction of law enforcement officers to the crime, actually agree to leave the offender unpunished due to the mistrust of the police. A third of claimants were unsatisfied with the police action on their application, which does not correlate with the declared numbers.

The opinion of Volgograd citizens on the frequency of bribery among police officers remains unchanged, whereas other malfeasances received a significant increase. And, despite this, the attitude of the respondents towards the police in general has improved. Mostly it was the result of media activities that inform the public about successful police work using TV shows, documentaries and feature films. The successful work of the police is also confirmed by statistic that shows the rapid decline in recorded crime.

Scientific novelty: for the first time, on the basis of a combination of various methods, the reliability and objectivity of information to the population is investigated, on the police of Volgograd oblast.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching in the consideration of people's assessment of the activity of modern police in Russia.

Key words: public opinion; police functioning; survey; trust; statistics; reporting.

References

1. Orlov, K. A. Otdel'nye aspekty formirovaniya ob"ektivnogo obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti politsii (Certain aspects of forming the objective public opinion on the functioning of police) // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii,* 2015, no. 2, pp. 18–23.

2. Vesnin, A. V., Pershin, A. A. Obshchestvennoe mnenie: sushchnost' i ego rol' v upravlenii gosudarstvom (Public opinion: essence and role in state management) // *Pravo i obrazovanie*, 2015, no. 5, pp. 105–110.

3. Zvonareva, A. Yu. Prinyatie upravlencheskikh reshenii v organakh vnutrennikh del na osnove rezul'tatov izucheniya obshchestvennogo mneniya (Making managerial decisions in the domestic affairs bodies based on the study of public opinion) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2014, no. 1 (29), pp. 110–114.

4. Il'chenko, V. A. Obshchestvennoe mnenie kak odin iz vazhneishikh kriteriev ofitsial'noi otsenki deyatel'nosti politsii (Public opinion as one of the main criteria for official evaluation of police activity) // *Nauchnye trudy RAYuN,* 2014, is. 14: in 2 vol., vol. 1, pp. 929–932.

5. Nesterov, D. O. Faktory, formiruyushchie obshchestvennoe mnenie o deyatel'nosti organov vnutrennikh del (Factors forming the public opinion on the functioning of domestic affairs bodies) // *Aktual'nye problemy teorii i istorii prava i gosudarstva na sovremennom etape*: sb. nauch. trudov X mezhdunar. nauchno-prakt. konf., posvyashch. 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii: spetsvypusk. Kostroma: Izd-vo Kostromsk. gosud. tekhnol. un-ta, 2014, pp. 202–205.

[1] The research is carried out with the financial support of the Russian Research Fund for Humanities and the government of Volgograd oblast within the frameworks of a scientific research project «Predicting crime in Volgograd oblast» (No. 14-13-34033).

6. Zvonareva A. Yu. Predposylki aktualizatsii ispol'zovaniya rezul'tatov izucheniya obshchestvennogo mneniya v protsesse prinyatiya upravlencheskikh reshenii v organakh vnutrennikh del (Prerequisites for actualization of using the results of studying the public opinion in the process of managerial decisions making in the domestic affairs bodies) // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii,* 2014, no. 8, pp. 244–246.

7. Panfilov K. A. O roli seti Internet v formirovanii obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti organov vnutrennikh del (On the role of Internet in forming the public opinion on the functioning of domestic affairs bodies) // *Rossiiskii sledovatel',* 2013, no. 5, pp. 31–33.

8. Beketov O. I., Davydov Yu. V. Zadachi politsii i inykh sub"ektov sistemy profilaktiki pravonarushenii skvoz' prizmu obshchestvennogo mneniya (Tasks of police and other subjects of crime prevention system through the prism of public opinion) // *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii,* 2013, no. 2 (49), pp. 13–16.

9. *Analiticheskii obzor issledovaniya «Izuchenie obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti politsii»* (Analytical review of research «Studying the public opinion on the functioning of police»). Volgograd: VA MVD Rossii, 2015, 35 p.

10. Tret'yakov V. I. Zakonodatel'nye initsiativy Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii v sfere uchastiya grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka (Legislative initiatives of the State Duma of the Russian Federation in the sphere of citizens' participation in the public order defense) // *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava,* 2013, no. 4 (26), pp. 81–85.

11. Barak Ariel, William A. Farrar, Alex Sutherland. The Effect of Police Body-Worn Cameras on Use of Force and Citizens' Complaints Against the Police: A Randomized Controlled Trial // Journal of Quantitative Criminology, 2015, vol. 31, is. 3, pp. 509–535.

Received 14.10.15

Information about the author

Alekseyeva Anna Pavlovna, PhD (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law of the academic-research complex for preliminary investigation in the Volgograd Academy of the Russian Ministry of Domestic Affairs

Address: 130 Istoricheskaya Str., 400089, Volgograd, tel.: (844) 231-40-04

E-mail: alexeeva.va-mvd@yandex.ru

For citation: Alekseyeva A. P. Functioning of police in Volgograd oblast in the estimations of the public // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 16–25.

© Alekseyeva A. P., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / под общ. ред. И. И. Бикеева, П. А. Кабанова; Институт экономики, управления и права (г. Казань): серия в 3 т. Т. 2. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с. (Серия Противодействие коррупции).

Словарь содержит широкий круг расположенных в алфавитном порядке терминов и их определений с пояснениями, посвященных различным аспектам коррупции и противодействия ей. Включены термины как научные, официальные, используемые в нормативных актах, так и неофициальные, в том числе жаргонные, распространенные в различных сферах практической жизни и относящиеся к рассматриваемым явлениям.

Будет полезен всем интересующимся состоянием коррупции, формированием и реализацией национальной (федеральной, региональной, ведомственной или муниципальной) антикоррупционной политики, в том числе студентам, аспирантам, научным и педагогическим работникам, сотрудникам судебных и правоохранительных органов, служащим органов публичной власти, общественным и политическим деятелям.

УДК 343.9:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2192

С. К. БАУМИК,
доктор философии
Джадавпурский университет, Индия,
магистр наук
Цукубский университет, Япония

СЛОЖНОСТЬ КОНТРОЛЯ НАД КОРРУПЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Цель: рассмотреть типы коррупции. Исследовать источники коррупции и дефекты механизма контроля над ней. Предложить пути решения этой проблемы.
Методы: в исследовании использовались методы анализа, аналогии, обобщения.
Результаты: в работе раскрыто несовершенство системного механизма противодействия коррупции и проанализированы его причины. Указаны этапы и масштабы этих недостатков. Глобальное экономическое неравенство, определяющее действия законодателей, представляет собой огромную проблему для системы противодействия коррупции. Как выход рассматривается снабжение каждого человека биометрическим сигналом, который может служить средством индивидуальной идентификации в финансовой деятельности и опознавать коррумпированных личностей на всех уровнях.
Научная новизна: в статье утверждается, что многие проявления коррупции могут быть ограничены с помощью отдельных средств контроля или всеобщей цифровой системы контроля.
Практическая значимость: введение цифровой системы наблюдения позволит контролировать и выявлять коррупционеров на любом уровне и в результате более эффективно бороться с этим негативным явлением.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; политическая демократия; законодатели; государственные институты; нравственное воспитание; цифровая система; биометрический сигнал.

Введение

Коррупция, неотъемлемая часть капиталистической экономики и политической демократии, присуща всей современной цивилизации. Общество политической демократии за ширмой своего лозунга «правление народа, избранное народом и для народа» на самом деле призвано обеспечить доступ к деньгам и власти для все большего количества политических лидеров в разных странах, что и является источником коррупции. Чтобы ограничить это явление, правительство принимает ряд законов. В данной статье показано, что исполнение этих законов не ведет к достижению целей противодействия коррупции. Избранные законодатели находятся в двусмысленном положении по отношению к коррупции. Законодательная власть, высшая власть в рамках политической демократии, никогда не будет накладывать на себя антикоррупционных ограничений, такова природа человека. Следовательно, и другие столпы демократии, такие как суд, полиция и следственные органы, не могут вести расследования и налагать наказания на высокопоставленных представителей законодательной и исполнительной власти, которые являются источником коррупции, пронизывающей все общество. Уровень индивидуальной и корпоративной коррупции может быть снижен лишь с помощью неподкупного цифрового и системного механизма противодействия коррупции, применимого ко всем категориям граждан.

Результаты исследования

До возникновения современной цивилизации среди обитателей любой географической территории выделялись вожди, заслуживавшие лучшего уровня жизни в данном сообществе [1]. Вожди эксплуатировали других людей с помощью физической силы или других средств, например, религии[1]. На следующих этапах развития, когда деньги стали средством торговли, потомки племенных вождей, получившие названия царя, короля или императора, стали теми или иными способами аккумулировать деньги для обеспечения более высокого уровня жизни. Такие сборы денег получили название королевских налогов. В то же время появились группы людей, занимавшихся бизнесом, которые обменивали товары на деньги и аккумулировали прибыль. Правители были недовольны ростом накоплений у бизнесменов, которые превышали их собственные

[1] Kirst-Ashman K. Human Behavior in the Macro Social Environment. P. 451.

богатства [2]. В результате они выработали правила, определяющие законность и незаконность получения прибыли с целью контролирования бизнеса.

В наши дни незаконные способы получения денег называются коррупцией, которая в различных формах зародилась еще на ранних стадиях развития цивилизации [3].

Классическая экономика зародилась в древней Индии около 275–350 гг. до н. э. Возможно, пионером исследований в этой области был великий философ, автор первой рукописной книги Arthashatra («Экономика») Каутилья ака Чанакья. Четкие и точные правила, сформулированные в этой книге, применимы и в наши дни [4]. В своих работах Чанакья писал: «Царь должен собирать налоги со своих подданных так же, как пчела собирает нектар с цветов»[2]. Уклонение от уплаты налогов было преступлением, подлежащим наказанию. В целом денежные поборы, не оговоренные правилами (установленными правителем), могли расцениваться как «коррупция» или нечестность. Однако это спорно. Не существует общепризнанного определения коррупции. В философских, теологических и нравственных дискуссиях коррупция понимается как злоупотребление своей властью или положением с целью получить личную выгоду в нарушение установленных правил. Слово «коррумпированный» было впервые использовано Аристотелем, а позднее Цицероном, который также ввел термины «взятка» и «нарушение благих привычек»[3].

Типы коррупции также сложно определить с точностью. И кражу ручки, и корпоративную кражу в крупных размерах, затрагивающую множество людей, можно назвать коррупцией. Правительства очень обеспокоены поступлением налогов как от граждан, так и от корпораций. Основными типами коррупции, которые мы будем обсуждать, являются взяточничество и хищения. Кроме того, такие преступления, как вымогательство, шантаж, фаворитизм, кумовство, произвол, также относятся к экономическим преступлениям и являются частью коррупции[4]. Другие случаи коррупции также затрагивают правопорядок в стране. Возникновение таких случаев наносит большой вред государству[5]. Однако избранное правительство заинтересовано в благополучии и дальнейшем развитии страны. Для этого оно вынуждено создавать законы, удерживающие коррупцию на минимальном уровне. В настоящее время этой цели служит Концепция противодействия коррупции [5].

Политическая коррупция – неотъемлемая часть демократии. Политические партии являются столпами различных идеологий. Они жестоко конкурируют между собой за поддержку простых людей. Их конечная цель – любой ценой получить места в правительстве. Компонент «любой ценой» и является главным корнем коррупции [6], охватившей общество от уровня отдельного человека до уровня международных отношений. В действительности коррупция распространяется от правящих классов до простых людей.

Диалектика противодействия коррупции – это предмет междисциплинарных исследований, посвященных незаконному обороту денежных средств в капиталистической экономике, который влечет за собой коррупцию[6]. Коррупция отрицательно влияет на экономическое развитие страны и на экономическое регулирование и является фактором криминализации с точки зрения правопорядка[7]. Политическая демократия в современном обществе является более продвинутой формой по сравнению с феодальным правлением, при котором царь и его приближенные обладали властью и денежными ресурсами. При демократии подобными полномочиями обладают главы избранных политических партий, однако временно. Именно эта ограниченность власти во времени становится во всем мире главным фактором безграничной коррупции, ведь в следующий раз эта партия (или отдельные личности) может не получить общественной поддержки. Таким образом, поле исследования включает коррупцию, противодействие коррупции, возможности правительства и преступника, реализацию системы противодействия коррупции, общие перспективы развития.

Политическая демократия – это самая современная форма развития общества. Политические партии с различными мотивами и идеологиями конкурируют между собой за получение общественной поддержки, чтобы сформировать правительство, а избранные лидеры становятся во главе управления, т. е. образуют правительство. Члены правительства являются одновременно

---

[2] Chanakya. URL: http://www.bettermanagenow.com/home/our-services/better-managing-your-taxes (дата обращения: 19.10.2015).

[3] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Corruption (дата обращения: 19.10.2015).

[4] Brazilian Journal of Political Economy. Vol . 32. April – June, 2012. No. 2 (127). Pp. 305–314; Access to Justice and Legal Process: Making Legal Institutions Responsive To Poor People in LDCs by Michael R. Anderson, Brighton, Sussex. Pp. 4, 5, 17.

[5] Business Enviornment. P. 272.

[6] The Dialectics of Corruption and Development in Post Independent Africa: The Nigerian Experience by Audu Jacob.

[7] Warren M. E. The Meaning of Corruption In Democracies.

представителями народа и влиятельными лидерами. В бедных странах большинство избранных членов правительства являются одновременно богатыми и успешными людьми и коррумпированными закон дателями [7].

Для понимания истоков коррупции в демократическом обществе важен еще один аспект. Политические партии выбираются простыми людьми. Эти люди не знают, как партия будет осуществлять свои планы, когда сформирует правительство. В действительности лидерами партий являются люди, стремящиеся стать законодателями и реализовать свои амбиции, при этом неважно, принесет ли это пользу им лично или обществу. Кроме того, работа политической партии стоит очень дорого. Источники ее финансирования скрыты от простых людей. Со стороны правительства существуют законы, обеспечивающие работу партии и сбор денег [8]. В основном есть два вида источников финансирования партий. Во-первых, сбор денег с членов партии и других людей по подписке, как делают в основном социалистические партии и профсоюзы. Во-вторых, сбор больших сумм с бизнесменов и компаний в качестве пожертвований, как делают в основном правые партии [9]. Возникает вопрос «прозрачности» или коррупции, так как крупные пожертвования противозаконны. В основном это частные пожертвования наличными или другим способом [10]. В Индии, крупнейшей стране политической демократии, ответственные за противодействие коррупции не осмеливаются спрашивать об источниках финансирования основных политических партий[8]. С экономической точки зрения финансовые сделки в политических отношениях должны быть обоснованы. Предположим, сбор денег с простых людей по подписке оправдан основным лозунгом партии, которая обещает принять меры в пользу простых людей. С другой стороны, поступление денег от корпорации или бизнесмена должно означать, что партия будет действовать в пользу бизнеса. Таким образом, оба жертвователя хотят получить пользу от своих вложений. В первом случае считается, что ожидания связаны с надеждой на демократическое развитие человечества[9]. Во втором – ожидания также остаются в рамках закона, так как извлечение выгоды является законным, но это неприемлемо с точки зрения морали. Поясним эту мысль. Деньги простых людей являются частью их дохода, часто пожертвование серьезно влияет на их благосостояние. С другой стороны, корпорация или компания жертвует большие деньги на нужды политического лидера на различные политические цели, для увеличения количества голосов избирателей. Компании – это бизнес-организации, а не благотворители. С каждого вложения они должны получать прибыль, в данном случае от правительства, сформированного избранной партией. Таким образом, избранная партия будет вынуждена поддерживать данную компанию[10] всеми возможными и невозможными способами. В современном демократическом обществе основным феноменом является то, что крупные частные пожертвования всегда незаконны и коррумпированы. «Финансирование выборов через частные пожертвования ведет к коррупции, так как политики становятся на сторону своих спонсоров, а не избирателей»[11]. В этом корень коррупции при политической демократии.

Интересно, что с развитием демократии коррупция также усложняется и проникает глубоко в массы людей. Правительства разных стран пытаются сдержать ее, ужесточая законы. Но, несмотря на все «антикоррупционные меры», уровень этого явления взлетает вверх[12]. В бедных странах он так высок, что бороться с этим невозможно. Бедность ограничивает развитие – все сводится к тому, чтобы «получить деньги любым путем, чтобы выжить». Сначала следует удовлетворить базовые потребности, причем меры должны приниматься на международном уровне. В развивающихся странах коррупция также велика.

Исследования противодействия коррупции направлены на часть образованных людей, которые коррумпированы из-за своего безграничного честолюбия. Во всем мире среди коррумпированных людей есть как очень богатые, так и очень образованные, а часть из них скрывается в составе крупных компаний и корпораций. Множество примеров можно найти в Интернете.

С точки зрения морали считается, что образованный человек лучше судит о том, что такое законно и незаконно, хорошо и плохо, коррупция и прозрачность. Просвещенные люди предпочитают прозрачность коррупции. Однако в реальности все иначе.

---

[8] Sridharan, E. India: Democracy and Corruption. P. 2.

[9] Oxford English Dictionary: Democracy.

[10] URL: https://lockerdome.com/smh/7123595948332820 (дата обращения: 15.10.2015).

[11] Weinberg A. Globalization of Campaign Funding: The Problem of Private Money In Politics.

[12] Economic & Social Affairs DESA Working Paper No. 55 ST/ESA/2007/DWP/55 August 2007-Corruption and Democracy by Michael T. Rock; The Age, «Our democracy encourages corruption and undue influence». February 2, 2007.

Такие люди могут лучше оценить антикоррупционные законы и придумать, как их обойти. В этом одна из причин повышения уровня коррупции среди образованных людей, как и уровня преступности в целом[13].

Однако с точки зрения развития цивилизации образование – единственный путь. Но оно должно основываться на морали. В своем исследовании мы не останавливаемся на вопросах морали, но с точки зрения противодействия коррупции следует отметить несколько аспектов. Все преподаватели в стране и за рубежом готовят студентов к тому, чтобы они стали профессионалами и добились успеха в компаниях. Цель компаний – получить максимальную прибыль[14]. В этой ситуации трудно готовить студентов к борьбе с коррупцией. Предпринимались попытки перестроить учебный процесс с этой целью. Некоторые финансовые организации (банки и страховые компании) создали профессиональные курсы по борьбе с коррупцией. Например, такие курсы создаются компанией ACRN-Anti-corruption Research Network («Исследовательская группа по борьбе с коррупцией»)[15]. Важнейшая тема – коррупция в образовании. Множество частных образовательных учреждений сегодня стали источником коррупции. В образование также пришел свободный рынок, целью которого является извлечение прибыли. Они также создают корпорации. В этой ситуации правительство не может контролировать рыночную экономику[16]. Исследователи не в состоянии отделить «ВИЧ-инфицированные клетки (коррупцию) от самого пациента (студентов / членов общества), если это иммунные клетки как таковые». Необходимо воспитывать новое поколение студентов с самого начала их обучения. Правительство должно контролировать учебные программы и методы преподавания всех частных и государственных образовательных учреждений как внутри страны, так и на международном уровне. Необходимо регулярно и строго проверять уровень морали и этики студентов. Без развития морали у карьерно ориентированного студента невозможно ограничить проявления коррупции в частной и общественной жизни. Морально-этическое развитие общества – главный фактор противодействия коррупции на базовом уровне, который достигнут в развитых странах. В остальных же странах он остается на низком уровне. Данные о коррупции из Интернета подтверждают этот тезис[17]. Уровень коррупции обратно пропорционален экономической стабильности страны[18]. Это доказывает, что рыночная экономика, нацеленная на «деньги любым путем», является ключевым фактором коррупции в бедных странах, поскольку деньги становятся определяющим фактором роскошной жизни и благосостояния. Например, в такой развивающейся стране, как Индия, большинство экономических преступлений связаны с высокопоставленными гражданами, которые оказались взаимосвязанными с политиками, например, членами парламента или законодательной ассамблеи[19].

В экономически развитых странах растет благосостояние и народа, и лидеров, и уровень коррупции там ниже. Проблем с правопорядком также сравнительно меньше. Задачи противодействия коррупции актуальны в развивающихся странах, тогда как в слаборазвитых этот вопрос стоит менее остро из-за слабого его осознания и общего невежества простых людей [11]. В Индии есть известная поговорка «Сын доктора станет доктором, а сын рикши – рикшей». Это верно и для других стран, и при развитии системы образования. Эту проблему рассматривает Майкл Очеч (30 января 2011 г.) в статье «Да, дети богатых родителей уже выиграли в карьерной гонке. Вот почему»[20]. В статье доказывается, что система платного образования и продукт этой системы – карьерист – не могут искоренить коррупцию. Напротив, бедные являются жертвами коррупции, которая приводит их к скорой смерти[21]. Такая зависимость ярко проявляется в феномене массовых самоубийств индийских крестьян[22].

На уровне общества коррупция представляется незначительным преступлением, но это повседнев-

---

[13] Time of India: «India a religious country, but too much corruption» // Dalai Lama-IANS. Feb 3, 2014.

[14] In TN, money decides recruitment, posting, promotion and transfer TNN. Mar 10, 2015.

[15] URL: http://corruptionresearchnetwork.org/ (дата обращения: 19.10.2015).

[16] Transparency International Secretariat «The education of our children cannot succeed when corruption taints our schools and universities». 1.10.2013.

[17] Transparency International Pakistan; Persistently high corruption in low-income countries amounts to an "ongoing humanitarian disaster". 22.09.2008.

[18] URL: http://assets.entrepreneur.com/article/10-most-corrupt-least-corrupt-countries-world.jpg (дата обращения: 19.10.2015).

[19] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_scandals_in_India (дата обращения: 19.10.2015).

[20] URL: https://michaelochurch.wordpress.com/2011/01/30/yes-rich-kids-already-won-the-career-game-heres-why/ (дата обращения: 19.11.2015).

[21] Financial inequality; «Are the rich making you poor?». Jan 4th, 2011, 16:35 by A.S. New York.

[22] Maharashtra records half of country's farmer suicide cases, Julie Mariappan, TNN. Jul 19, 2015.

ное правонарушение. С ним сталкиваешься, покупая товары или имея дело с местной администрацией. Приходится тратить дополнительные деньги. Жертвами местных бандитов или начальников становятся и поденные рабочие. Эти случаи невозможно контролировать в рамках закона. Правонарушителями становятся соседи, они участвуют в жизни сообщества. Для предотвращения таких правонарушений может быть полезно строгое патрулирование полицией и суровое наказание. Однако экономически бедное общество не может решить эту проблему. Только правильное образование в сочетании с антикоррупционным воспитанием и экономическим развитием общества способно предотвратить коррупцию на местном уровне.

В традиционном обществе земля и имущество наследовались по мужской линии. И обычные люди, и миллионеры жаждали иметь недвижимое имущество – и в городах, и в сельской местности. В этой сфере легко возникала коррупция. В современном обществе люди не так сильно стремятся иметь обширные земли, которые дорого содержать; обычно человек предпочитает потратить деньги на имущество. Таким образом, торговля землей становится хорошим источником денег, в том числе для компаний по продаже недвижимости. Дилеры, агентства по продаже недвижимости, индивидуальные предприниматели в этой сфере тесно связаны с отмыванием денег и коррупцией. Кроме того, правительство стремится получить больше денег в виде налогов с этого бизнеса. Таким образом, коррупция здесь пронизывает каждый этап, поскольку роль посредников традиционно очень велика.

Чтобы предотвратить коррупцию, местное правительство может значительно ограничить роль посредников. Должна быть компьютерная база данных по правам собственности, кадастровым данным, планам земель, изменениям в статусе земель. Все перемены в состоянии дел должны быть доступны через цифровые технологии и Интернет [из практики автора].

Рыночная экономика – это современный капитализм, основанный на инвестициях с целью получения прибыли и развития бизнеса. При этом компания или корпорация инвестирует деньги для получения большей прибыли в расчете на единицу капитала [12]. В современных условиях инвестиции напрямую связаны с развитием страны. Именно развитие является целью правительства[23]. В результате некоторые представители законодательной и исполнительной власти сильно зависят от корпоративных инвестиций. Чем больше инвестиций, тем больше прибыли, независимо от общего развития страны. При этом увеличение инфраструктуры и оборудования – это элемент развития, хотя целью может быть привлечение международных инвестиций. В настоящее время большинство корпораций являются международными либо общегосударственными, и они оценивают все официальные и неофициальные выгоды, получаемые от правительства. Так они могут влиять на экономически зависимые от них страны[24]. Это означает, что политика правительства также косвенно зависит от международного делового сообщества. Правительство вынуждено поддерживать неэтичные действия корпорации или бизнесменов. Так рынок или рыночная экономика регулируются на международном уровне. Из соображений выгоды или конкуренции корпорации могут предоставлять крупные суммы денег (взятки) или другие преимущества определенным лицам в правительстве [13]. В рыночной экономике корпорации выделяют денежные ресурсы из фондов рынка акций. Этот рынок действует в международных масштабах как казино. Многие представители среднего класса (не обычные бедные люди) вкладывают свои деньги в акции, чтобы получить дополнительный доход [14]. В рыночной экономике рынок акций действует в двух направлениях. Во-первых, крупные корпорации аккумулируют значительные суммы денег, в том числе государственных, и используют их для инвестиций или бизнеса. Как говорится в пословице, «Рыба может жариться в своем собственном жире». Во-вторых, многие представители среднего класса, желая получить прибыль, поддерживают незаконные действия корпораций. Эта масса людей также выступает против антикоррупционных действий правительства [15]. Озабоченность этой противоречивой и сложной экономической ситуацией выразил Акере Муна на XVI Международной антикоррупционной конференции в г. Путрайа, Куала Лумпур, Малайзия (2–4 сентября 2015 г.): «Если вы хотите оставаться в ситуации коррупции, будьте готовы к последствиям. <…> Международное законодательство против отмывания денег неадекватно и должно быть усилено для обеспечения более строгого контроля и наказаний»[25].

[23] Foreign Direct Investment for Development, OECD. 2002.

[24] Government Spending, GDP, and Crowding Out Private Investment. URL: http://study.com/academy/lesson/government-spending-gdp-and-crowding-out-private-investment.html

[25] 16 IACC Putrajaya Declaration: Zero Tolerance for Impunity. Posted on 4 Sep, 2015.

Взятка – основное понятие, относящееся к коррупции в масштабе государства. Однако часто оно используется для обозначения незаконного поведения местных чиновников. На уровне простых людей незаконное поведение часто предотвращается страхом наказания. Если бы это было не так, политическая демократия не могла бы существовать[26]. Таким образом, взяточничество и коррупция спускаются с вершин власти и уровня исполнителей до повседневной жизни простых людей. Если коррупция существует в правительстве, то правопорядок обязательно будет нарушаться. Это происходит потому, что всякое преступление прямо или косвенно имеет экономическую подоплеку. Экономически бедное правительство является заложником этой ситуации. Избранные представители и высшие руководители государства вовлечены в коррупцию на государственном и международном уровнях[27]. В экономически развитых странах правительства меньше вовлечены в такую практику, однако взяточничество там лишь минимизировано, но не искоренено.

Области и ограничения антикоррупционного законодательства

При политической демократии полиция, суды и следственные органы – это три структуры, ответственные за исполнение антикоррупционных законов. К сожалению, во многих странах, даже развитых, эти структуры не понимают причин и движущих сил коррупции. Рассмотрим эту важную тему.

Полиция – основной инструмент государства в борьбе с экономическими преступлениями. Сотрудники полиции – часть населения страны. Они живут обычной жизнью в обществе вместе с членами своих семей. Если обвиняемые связаны с политическими фигурами, то полицейские испытывают давление со стороны властных структур. Сначала политические преступники предлагают взятку. Если это не действует, полицейского уволят или переведут в отдаленное место[28]. В Индии вопиющим случаем было дело «афера Vyapam[29]», когда были убиты около 50 высокопоставленных чиновников и свидетелей. В таких случаях закон не в состоянии защитить людей[30]. Иногда, если обвиняемые связаны с работниками министерств, полицейский не может составить даже первичный документ о преступлении под страхом выговора или другого подобного наказания (такие случаи не находят отражения в прессе, но люди сталкиваются с этим в повседневной жизни). Полиция не имеет влияния в развивающихся странах, но и развитые страны также не свободны от таких ситуаций. В результате сама полиция оказывается втянутой в незаконные денежные операции с политическими преступниками и становится одной из самых коррумпированных организаций.

Следственные органы ответственны за расследование преступлений. Например, CID (центральная следственная дирекция) – это государственная структура, а CBI (центральное бюро расследований) – главная структура при правительстве по расследованию уголовных дел. Однако есть и другие структуры, и даже внутри министерств под руководством соответствующих исполнительных комитетов. Ими управляют две системы – со стороны министерства и со стороны суда. Однако и здесь ситуация такая же, как в полиции. Если у обвиняемого есть сильная политическая поддержка либо близкие отношения с членами правительства или руководящими лицами, то расследование не приведет к должным результатам. Сотрудники этих структур никогда не осмелятся действовать против высокопоставленных лиц, как мы видели и в случае с полицией.

Суд – последняя инстанция, способная добиться справедливости в случае финансовых и других преступлений. Судьи живут в защищенных районах города. И все же они могут столкнуться с вызывающими выходками граждан. Доклады полиции и отчеты о расследованиях оказываются на столе судьи. Может возникнуть и обратный сценарий. В суде государственный юрист может взять на себя роль адвоката, и судьи не могут предпринять необходимых шагов. Есть много способов повлиять на свидетелей, если обвиняемый связан с политикой. Поскольку юристам платят заказчики, они прилагают все усилия, чтобы спасти своих клиентов. Могут даже подкупить судей[31]. При нормальном течении процедуры после длительного расследования назначается наказание; затем осужден-

[26] Rummel R. J. Definition of Democide.

[27] URL: https://www.transparency.org/cpi2014/results (дата обращения:19.11.2015).

[28] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Durga_Shakti_Nagpal (дата обращения: 19.10.2015).

[29] Vyapam – экзаменационная комиссия штата Мадья-Прадеш, Индия.

[30] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Vyapam_scam (дата обращения: 19.10.2015).

[31] URL: http://www.lisathomsonlive.com/lawyers-for-hire-judges-for-sale-2 (дата обращения: 19.10.2015); 22 judges suspended Source: Ghana. URL: http://www.myjoyonline.com/news/2015/September-9th/breaking-22-judges-suspended.php#sthash.965GcEaS.dpuf (дата обращения: 19.10.2015); Anticorruption Laws in the United States, United Kingdom and OECD Countries George T. Manning, Mayo 30 de 2012.

ные могут подавать апелляции в высшие инстанции. Таким образом, состоятельные осужденные могут избежать наказания или значительно отсрочить его.

Кроме того, вынесенное наказание не соответствует ущербу, нанесенному обществу преступлением. Набор наказаний в разных странах различен, и необходимо изучить этот вопрос, чтобы решить, соответствуют ли наказания финансовым преступлениям влиятельных людей и корпораций[32].

При политической демократии взяточничество распространено повсюду. Это ярко видно и по предвыборной пропаганде, даже в развитых странах. Взятки – это настоящая пандемия в судах, полиции и во всех сферах управления в бедных странах. Распространение взяточничества можно минимизировать, если коррумпированные чиновники подвергнутся строгому наказанию вплоть до высшей меры, в зависимости от размера причиненного ущерба. До сих пор в большинстве стран мира не прибегают к таким суровым мерам. В индийских СМИ открыто заявляется, что **«самое суровое наказание и высшая мера применяются только по отношению к экономически слабым обвиняемым»**[33]. То же самое происходит и на международном уровне. Такая система не может искоренить коррупцию.

Для искоренения этого явления необходимо разработать динамичную и системную модель. Она должна соответствовать целям и задачам правительства. В настоящее время некоммерческие организации так же коррумпированы, как и корпорации. Часть их являются бизнес-структурами. Пользуясь мягкостью законов и налоговыми льготами, они прикрывают незаконную деятельность. Это также требует пересмотра существующих законов.

Исследование антикоррупционного законодательства показывает, что принятые законы являются эффективными при их исполнении. Интересно, что эти законы должны быть применены по отношению к тем чиновникам, которые их создали и которые, по многим данным, являются наиболее подверженными коррупции.

При политической демократии **«избранное правительство» –** это институт, состоящий из высокообразованных людей, избранных большинством взрослого населения путем прямого голосования. Основной целью правительства является максимизация эффективности антикоррупционного законодательства и обеспечение гласности. Напротив, избранные члены законодательной и исполнительной власти явно противодействуют должному исполнению этих законов. Это основное противоречие данного исследования.

Однако для повышения эффективности антикоррупционной политики необходимо прежде всего ликвидировать все информационные пробелы между властными структурами и законами. Существуют и значительные пробелы в законах. Полиция, суды и следственные органы должны объединиться для борьбы с коррупцией на высшем уровне. Пробелы и недостатки в существующих законах должны быть исправлены в соответствии с задачами, поставленными правительством.

Очевидно, что в большинстве стран наказание за коррупцию в крупных размерах является недостаточным и мало затрагивает финансовых преступников. Его следует ужесточить вплоть до высшей меры или полной конфискации имущества, включая имущество родственников, либо применять эти меры в комплексе, в зависимости от тяжести преступления.

Антикоррупционный аудит и мониторинг – обычная и систематическая мера воздействия на правительственном уровне. Но эти меры недостаточны для искоренения коррупции. Системный аудит должен основываться на финансовом законодательстве. Система аудита выполняет функцию текущего обзора состояния дел. В таких странах, как Индия, аудиторские отчеты и результаты расследований не являются прямым поводом для передачи дела в суд и применения наказания. Отчеты, свидетельствующие о фактах коррупции, подлежат рассмотрению в правительстве и законодательных органах, что должно быть немедленно устранено согласно конституционному праву.

Коррупция на государственном уровне отражается на всем обществе. Необходимо донести до простых людей понимание того, что коррупция вредна не только для развития общества в целом, но и для их частной повседневной жизни. Экономические потери государства оборачиваются огромными потерями на уровне отдельных людей. Минимизация коррупции приведет к значительному увеличению занятости, росту общественного благосостояния и уровня жизни. В развитых странах сами граждане стали главной движущей силой противодействия коррупции, что является основой их экономической мощи. В развивающихся и слаборазвитых странах пока нет такой движущей

[32] 16 IACC Putrajaya Declaration: Zero Tolerance for Impunity. Posted on 4 Sep, 2015; Anticorruption Laws in the United States, United Kingdom and OECD Countries George T. Manning, Mayo 30 de 2012.

[33] Todd, J. Poverty and Capital Punishment. On February 21, 2014; URL: https://www.aclu.org/death-penalty-101

силы, напротив, население пользуется коррупцией в своих личных интересах. Высокий уровень грамотности, эффективное антикоррупционное воспитание в школах и вузах являются основным условием развития в этом направлении. Правительство должно применить свои возможности в интересах простых людей, чего не происходит в большинстве стран третьего мира. Сознательность на уровне отдельного человека – лучший способ ограничить коррупцию в компаниях и корпорациях.

Что же касается роли «антикоррупционных институтов» – полиции, суда и следственных органов, то они должны оказывать максимальное содействие общественному контролю.

Выводы

Капиталистическая экономика и неизбежно сопутствующая ей коррупция стали основой современного общества. Это общество стремится развивать капиталистическую экономику и при этом минимизировать, если не полностью искоренить коррупцию. Считаем, что правительство стран должно провести стратегическое, тактическое и текущее антикоррупционное планирование. Антикоррупционное планирование будет различным в различных ситуациях. Таким образом, стратегии противодействия коррупции также будут зависеть от конкретного случая. Выделим несколько вариантов.

Для ограничения коррупции в бизнесе правительство должно применять строгие наказания в соответствии с законами, которые следует разработать и принять. Нужно не допускать никакого вмешательства в данные процедуры. Полиция и следственные органы должны находиться под постоянным надзором для исключения вмешательства в их работу.

Существующие законы и система мониторинга недостаточны для контроля над коррупцией на высшем уровне (в Индии). Часто мониторинг не проводится совсем или проводится не на должном уровне. Эта система должна быть реорганизована с использованием цифровых технологий, в том числе в самом министерстве.

Коррупцию в финансовом секторе несложно контролировать, если правительство действительно ставит такую цель. Сделки на государственном уровне легко отслеживаются в рамках существующих систем. Однако основной источник коррупции – директора и руководители. Для контроля этих людей следует применять систематический мониторинг, без каких-либо исключений.

По мере распространения указанных мер необходимость контроля на государственном уровне будет уменьшаться. Как уже говорилось, обычные люди, как правило, испытывают страх перед наказанием даже в плохих экономических условиях. Экономическое устройство оказывает большое влияние на противодействие коррупции среди простых людей, так же как и сознательность общества.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что обычные законы и системы, направленные против экономической коррупции, не могут привести к желаемому результату. Применение антикоррупционных законов сильно зависит от экономического развития страны и уровня правопорядка.

Существующие антикоррупционные законы и системы мониторинга настолько несовершенны, что любой человек, обладающий деньгами и властью, может легко их обойти.

Если есть желание, найдется способ. Современные технологии позволяют создать систему, которую невозможно обойти. Для этого нужно раскрыть недостатки существующей системы. Перечислим их.

Законы не учитывают все варианты коррупции. Суд не всегда может вынести обвинительное решение даже при наличии доказательств.

Антикоррупционные процедуры начинаются только после поступления жалобы. Коррупционер может оказать давление на жалобщика.

Долгая процедура судебного разбирательства играет на руку обвиняемым. Влиятельные лица могут разрушить любое обвинение, если располагают временем.

Связь с влиятельным политиком помогает обвиняемым уйти от разбирательства еще на уровне полиции. Такая связь защищает обвиняемого на протяжении всего судебного процесса.

Политическое влияние покупается с помощью денег или иных благ со стороны обвиняемого. Корпорации могут подкупить даже правительство.

Удивительно, но наказание за коррупцию на уровне корпораций является минимальным в большинстве стран[34].

Корпорации, законодатели и члены правительства пользуются всеми возможностями, чтобы избежать применения к ним антикоррупционных законов.

Учитывая данные недостатки, мы считаем, что система должна развиваться в следующем направлении:

Создание цифровой системы наблюдения.

Человек должен с рождения снабжаться **биометрическим сигналом** с указанием имени и адреса.

[34] 16 IACC Putrajaya Declaration: Zero Tolerance for Impunity. Posted on 4 Sep, 2015.

Все граждане любого возраста и положения (включая президента / короля и верховного судью) должны регулярно подвергаться мониторингу.

Биометрический сигнал должен использоваться на всех ступенях обучения, карьеры, трудовой деятельности и учитывать все денежные поступления и расходы.

Все денежные операции гражданина или корпорации должны автоматически учитываться.

Система не предполагает регистрации жалоб, но действует автоматически, распознавая коррупцию; затем следуют судебная процедура и суровое наказание.

Таким образом, данная система сможет идентифицировать любого подозреваемого, будь то частное лицо или корпорация.

Данная работа явилась результатом размышлений о нестабильности глобального экономического развития, при которой больше всего страдают граждане беднейших стран. Автор выражает признательность организаторам 5-й Международной научной конференции «Диалектика противодействия коррупции» (Казань, Россия).

Список литературы

1. The Crowd and the Mob (Routledge Revivals): From Plato to Canetti By J. S. McClelland; Human Behavior in the Macro Social Environment By Karen Kirst-Ashman. P. 77.

2. Davies G. A History of Money. University of Wales press, Cardiff. 2002. Pp. 51, 52, 96, 138.

3. Chitkara M. G. Consumerism, Crime, and Corruption. APH Publishing Corporation. New Delhi, India. Pp. 95, 189.

4. Paul Halsall. Indian History Sourcebook: Kautilya: from the Arthashastra c. 250 BC Retrieved. URL: http://www.saylor.org/site/wp-content/uploads/2012/06/ECON301-1.3.pdf (дата обращения: 19.06.2012).

5. Corruption and Illegal Trafficking: Monitoring and Prevention // Assessment ... / edited by Boyko Todorov, Ognian Shentov, Aleksander Stoiyanov. Sofia. P. 57.

6. The Meaning of Corruption In Democracies by Mark E.Warren, Georgetown University // American Journal of Political Science. Apr., 2004. Vol. 48. No. 2. Pp. 328–343.

7. Pande R. Understanding political corruption in low income countries. Apr. 2007. Harvard University.

8. Ingrid van Biezen. Financing political parties and election campaigns – guidelines. United Kingdom: University of Birmingham.

9. Herbert E. Alexander. Comparative Political Finance in the 1980s. Cambridge. UK: Cambridge University Press. 1989. Pp. 14–15.

10. Katz Richard S. and Crotty William. Regulation of Party Finance / Handbook of Party Politics. London. UK: Sage. 2006. Pp. 447–448.

11. Suryaprakash Misra. Factors Breeding Corruption. Vol. 2. Is. 5. May, 2013. Pp. 5–7. URL: www.ijhssi.org

12. Marangos, J. Social Dividend versus Basic Income Guarantee in Market Socialism // International Journal of Political Economy. 2004. Vol. 34. No. 3.

13. John K., Litov L., Yeung B. Corporate governance and risk taking. Apr. 2007.

14. Rooij M., Lusardi A., Alessie R. Financial literacy and stock market participation. Sept. 2007. Frankfurt, Main: Center for Financial Studies, 2007.

15. Rohini P. Understanding political corruption in low income countries. Apr. 2007.

В редакцию материал поступил 15.10.15

© Баумик С. К., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Баумик Сушанта Кумар, доктор философии, Джадавпурский университет (Индия), магистр наук, Цукубский университет (Япония)

Адрес: Индия, 700032, г. Калькутта, ул. Раджа С. К. Мэлик Роад, 188 (главный кампус), тел.: +9133-24146666

E-mail: sukubho@hotmail.com

Как цитировать статью: Баумик С. К. Сложность контроля над коррупцией в условиях политической демократии // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 26–35.

S. K. BHOWMIK,
Philosophy Doctor
Jadavpur University, India,
Master of Sciences
University of Tsukuba, Japan

CORRUPTION IN POLITICAL DEMOCRACY IS HARD TO CONTROL WITH LAW ONLY

Objective: to study the types of corruption. To research sources of corruption and defects of corruption control mechanism. To propose ways of solving the problem of corruption.

Methods: methods of analysis, synthesis, analogy and summarizing were used.

Result: The reveals the imperfections of the systemic mechanism of corruption counteraction and analyzes its causes. The stages and scope of imperfections are also indentified. The world economical inequality, which determines the lawmakers' activities, is a big concern of corruption controlling system. Biometric signature may be used as individual identification at all finance-related performance will identify the corrupt personals at all levels.

Scientific novelty: As it is stated in the article, many dimensions of corruptions may be eliminated with the help of regulatory devices or a total digital controlling system.

Practical significance: introduction of the digital controlling system will allow to identify and control the corrupt officials at all levels and help to efficient struggle against corruption.

Key words: corruption, anti-corruption, political democracy, lawmakers, Government institutions, moral education, digital system, biometric sign.

References

1. *The Crowd and the Mob (Routledge Revivals*): From Plato to Canetti By J. S. McClelland; Human Behavior in the Macro Social Environment By Karen Kirst-Ashman, p. 77.

2. Davies, G. *A History of Money*. University of Wales press, Cardiff, 2002, pp. 51, 52, 96, 138.

3. Chitkara, M. G. *Consumerism, Crime, and Corruption*. APH Publishing Corporation. New Delhi, India, pp. 95, 189.

4. Paul Halsall. *Indian History Sourcebook*: Kautilya: from the Arthashastra c. 250 BC Retrieved, available at: http://www.saylor.org/site/wp-content/uploads/2012/06/ECON301-1.3.pdf (accessed: 19.06.2012).

5. Corruption and Illegal Trafficking: Monitoring and Prevention // *Assessment...*/ edited by Boyko Todorov, Ognian Shentov, Aleksander Stoiyanov, Sofia, p. 57.

6. The Meaning of Corruption In Democracies by Mark E.Warren, Georgetown University // *American Journal of Political Science*. Apr., 2004, vol. 48, no. 2, pp. 328–343.

7. Pande, R. *Understanding political corruption in low income countries*. Apr. 2007, Harvard University.

8. Ingrid van Biezen. *Financing political parties and election campaigns – guidelines*. United Kingdom: University of Birmingham.

9. Herbert, E. Alexander. *Comparative Political Finance in the 1980s.* Cambridge. UK: Cambridge University Press, 1989, pp. 14–15.

10. Katz, Richard S. and Crotty, William. Regulation of Party Finance / *Handbook of Party Politics*. London. UK: Sage, 2006, pp. 447–448.

11. Suryaprakash Misra. Factors Breeding Corruption, vol. 2, is. 5, May, 2013, pp. 5–7, available at: www.ijhssi.org

12. Marangos, J. Social Dividend versus Basic Income Guarantee in Market Socialism // *International Journal of Political Economy*, 2004, vol. 34, no. 3.

13. John, K., Litov, L., Yeung, B. *Corporate governance and risk taking*. Apr. 2007.

14. Rooij, M., Lusardi, A., Alessie, R. *Financial literacy and stock market participation*. Sept. 2007. Frankfurt, Main: Center for Financial Studies, 2007.

15. Rohini, P. *Understanding political corruption in low income countries*. Apr. 2007.

Received 15.10.15

Information about the author

Bhowmik Sushanta Kumar, Philosophy Doctor, Jadavpur University (India), Master of Sciences, University of Tsukuba (Japan)
Adress: Main Campus 188, Raja S. C. Mallick Rd, Kolkata 700032, tel: +9133-24146666
E-mail: sukubho@hotmail.com

For citation: Bhowmik S. K. Corruption in political democracy is hard to control with law only // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 26–35.

© Bhowmik S. K., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 343.9:343.352:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2193
Бикеев И. И., Кабанов П. А.
С. 36–41.

И. И. БИКЕЕВ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан,
П. А. КАБАНОВ,
доктор юридических наук, доцент, член Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ РАБОТЫ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Цель: научно-правовая оценка новых инструментов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, закрепленных Указом Президента Российской Федерации № 364 от 15 июля 2015 г., и внесение предложений по их использованию и совершенствованию.
Методы: диалектический, системный и синергетический как общенаучные методы познания, формально-юридический, анализ документов, экспертных оценок, лингвистический как частнонаучные методы познания.
Результаты: произведена оценка правового регулирования и организации деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также предложены меры по их совершенствованию.
Научная новизна: впервые после принятия Указа Президента Российской Федерации № 364 от 15 июля 2015 г. определены основные направления совершенствования деятельности региональных субъектов противодействия коррупции.
Практическая значимость: предложены организационные и правовые меры по совершенствованию и обеспечению деятельности региональных субъектов противодействия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции; субъект Российской Федерации; организация работы; комиссии и органы.

Введение

Действующая модель противодействия коррупции в Российской Федерации начала складываться в результате принятия Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[1] от 25 декабря 2008 г., который предусмотрел основные инструменты такого противодействия как на федеральном, так и на региональном уровнях. Однако установлено, что за прошедшее после этого время в субъектах Российской Федерации не сложилось единого подхода к определению системы органов, уполномоченных на осуществление антикоррупционной деятельности, а многообразие моделей, используемых указанными субъектами, не позволяет в должной степени обобщить их опыт по формированию организационной структуры противодействия коррупции [1, с. 32]. Отечественными специалистами верно отмечено отсутствие единообразия в статусе, структуре таких органов и нормативном правовом регулировании их деятельности [1, с. 56–57]. Инструменты противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, соответствующие положительный опыт и проблемы рассматривались в работах целого ряда исследователей: В. А. Алешина [3], С. А. Алимпиева [4], М. С. Бадрутдинова[2], М. М. Полякова [5], Э. Н. Сабитовой [6, 7] и др.

Излишнее дублирование в антикоррупционном законодательстве субъектов Российской Федерации норм соответствующего федерального законодательства без конкретизации региональной специфики еще более усложнило ситуацию. Более того, отсутствие надлежащей регламентации и прозрачности в деятельности антикоррупционных органов некоторых регионов само стало создавать коррупционные риски: возникла опасность их трансформации в некий аналог спецслужб, собирающих компромат на должностных лиц и избирательно относящихся к привлечению правонаруши-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 29.12.2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

[2] Бадрутдинов М. С. Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики как специальный орган противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 14–18.

телей к юридической ответственности. Региональные антикоррупционные совещательные органы не всегда осуществляли координационную деятельность в сфере противодействия коррупции. К тому же такая деятельность часто носила недостаточно открытый характер. Работа указанных органов нуждалась в систематизации, обеспечении открытости и единообразия.

В связи с изложенным весьма своевременным и нужным решением стало принятие Указа Президента Российской Федерации № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции»[3] от 15 июля 2015 г., который утвердил прилагаемые к нему Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, Типовое положение о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений и Типовое положение об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Этим же документом высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации рекомендовано, руководствуясь соответствующими нормативными актами, в 3-месячный срок образовать названные комиссии, обеспечить издание нормативных правовых актов, устанавливающих порядок рассмотрения комиссиями по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации вопросов, касающихся соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации, и урегулирования конфликта интересов, а также создать органы субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Меры, предусмотренные указанным документом, являются серьезным системным шагом, который требует внимательного изучения как с теоретико-правовой, так и с прикладной точки зрения.

В связи с изложенным представляются необходимыми взвешенная научно-правовая оценка новых названных выше инструментов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, закрепленных Указом Президента Российской Федерации № 364 от 15 июля 2015 г., а также внесение предложений и рекомендаций по их использованию и совершенствованию, что ранее никем из отечественных специалистов осуществлено не было.

Эмпирической и одновременно правовой базой исследования стали нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, субъектов федерации по вопросам организации деятельности в сфере противодействия коррупции в количестве 120 единиц.

Исследование выполнено с использованием таких методов познания, позволяющих достичь поставленную цель, как диалектический, системный, синергетический, формально-юридический, анализ документов, экспертных оценок, лингвистический.

Результаты исследования

Со второй половины октября 2015 г. в субъектах Российской Федерации начала действовать единая, унифицированная по ряду параметров модель противодействия коррупции. Попытаемся выяснить, какие последствия это влечет.

В настоящее время создается особого рода единая вертикаль антикоррупционных органов Российской Федерации и ее субъектов. Так, комиссии по координации работы по противодействию коррупции и органы по профилактике коррупционных правонарушений в субъектах Российской Федерации должны осуществлять свою деятельность во взаимодействии с Управлением Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции. Взаимодействие предполагает процессы воздействия субъектов друг на друга. Заключаться они могут в своевременном обмене информацией и полученным опытом, выработке единых позиций по определенным вопросам, а также координации и согласованности деятельности.

Одной из основных задач комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации является обеспечение исполнения решений Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и его президиума. Сходное положение адресовано и органам субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Таким образом, предполагается работа по одной повестке дня, в единой системе координат сразу на всей территории России. Кроме того, на федеральном уровне в основном решен вопрос о распределении обязанностей и полномочий органов субъектов федерации в сфере противодействия коррупции, что также способствует упорядочению их деятельности.

Отдельными субъектами Российской Федерации во исполнение указа были внесены соответствующие

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 20.07.2015. № 29 (часть II). Ст. 4477.

изменения в региональные законы о противодействии коррупции[4]. Многие другие субъекты федерации приняли во исполнение указа подзаконные нормативные акты различной юридической силы. В подавляющем большинстве регионов созданы органы по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо функции таких органов возложены на уже существующие структуры. Так, новые органы созданы в Камчатском крае, Омской, Амурской, Новосибирской областях, Республике Адыгея, Ставропольском крае, Республике Алтай, Красноярском крае, Кемеровской области. Чаще же всего в качестве рассматриваемых органов определены уже существующие различные структурные подразделения (управления, отделы, секторы) аппаратов или администраций глав либо правительств субъектов Российской Федерации. Единообразия в наименовании и структурной подчиненности таких органов не наблюдается.

В процессе изучения формирования подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений выявлена проблема отсутствия установленных требований к компетенциям их сотрудников, критериев эффективности деятельности названных подразделений. В связи с этим в отдельных субъектах федерации наблюдаются затруднения в определении персонального состава рассматриваемых подразделений.

Остро встает вопрос о получении этими сотрудниками дополнительного профессионального образования по вопросам противодействия коррупции. В первую очередь необходимо определение необходимых для них знаний и навыков, а затем разработка требующихся для их предоставления учебных дисциплин.

Выявлена также важность специализированного прокурорского надзора за деятельностью вновь созданных структур, поскольку в ходе их создания и работы могут быть допущены ошибки.

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации созданы комиссии по координации работы по противодействию коррупции. В отдельных субъектах в структуре комиссий функционируют президиумы или подкомиссии, выполняющие функции комиссий по соблюдению требований к поведению и урегулированию конфликта интересов лиц, замещающих государственные должности (Владимирская, Пензенская области, Республика Башкортостан и др.). Считаем такое решение дискуссионным, поскольку на подразделение органа возлагается полномочие, относящееся к компетенции органа в целом, по принятию не рекомендательного, а обязательного к исполнению решения. Кроме того, в рамках указанного подхода не решена также проблема обжалования решений указанных президиумов (подкомиссий) перед полным составом комиссий.

Возникают вопросы к составу комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации. Не сформулированы единые требования, которые закрепляли бы, кто должен входить в состав по должности, кто из представителей территориальных органов федеральных органов власти по согласованию, кто может представлять научные и образовательные организации, а также общественные организации, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции. Их отсутствие создает риски избирательного отношения к определению персонального состава комиссий, а также включения в них людей, не обладающих необходимыми для соответствующей деятельности знаниями и навыками.

На наш взгляд, в состав комиссии обязательно должны входить руководители исполнительных органов государственной власти субъекта Российской Федерации, выполняющие «внешние» антикоррупционные функции, такие как организация и осуществление антикоррупционной экспертизы, антикоррупционных мониторинга, образования, просвещения, аудита, пропаганды, планирования. В состав комиссии в случае целесообразности и наличия необходимых компетенций могут входить также руководители иных органов исполнительной, законодательной власти и местного самоуправления.

Вызывает сомнение и требует обсуждения обоснованность включения в состав комиссии прокурора субъекта Российской Федерации либо его представителя, поскольку на прокуратуру возложены функции по осуществлению надзора за соблюдением положений антикоррупционного законодательства, в том числе региональными органами власти. Участие же его в принятии комиссией решений способно поставить под сомнение объективность такого надзора. Прокурора

[4] См., например: О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге»: Закон Санкт-Петербурга № 539-96 от 05.10.2015 // http://www.gov.spb.ru; «О внесении изменений в статью 4 Закона Томской области «О противодействии коррупции в Томской области»: закон Томской области № 145-ОЗ от 05.10.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru; «О внесении изменений в Закон Челябинской области «О противодействии коррупции в Челябинской области»: Закон Челябинской области № 225-ЗО от 02.10.2015 // Южноуральская панорама. 2015. 6 октября.

субъекта Российской Федерации либо делегированного им представителя можно лишь приглашать на заседания комиссии. Такие же сомнения возникают по вопросу включения в состав комиссии руководителей судебных органов, поскольку некоторые решения комиссии могут быть обжалованы в судебном порядке.

Вызывает некоторое недоумение включение в ряде регионов в число руководителей комиссий в статусе заместителей председателей представителей федеральных органов государственной власти: главных федеральных инспекторов по субъектам Российской Федерации аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах[5], а также представителей правоохранительных органов[6], поскольку полномочия этих лиц, указанные в положении о комиссии, могут противоречить их правовому статусу, закрепленному федеральным законодательством. Анализ региональных нормативных правовых актов, узаконивающих членство в составе комиссии, показал, что из числа представителей научных и образовательных организаций в состав комиссий входят в основном руководители организаций, обладающие общими компетенциями, а не профильные специалисты в области противодействия коррупции. В связи с этим встает вопрос о необходимости более специализированного подбора кандидатов в состав комиссий.

Исследование организационно-правовых документов субъектов Российской Федерации по персональному составу комиссий показало, что число представителей институтов гражданского общества, в уставные задачи которых входит противодействие коррупции, невелико.

В дальнейшем необходимо сформировать требования к профессиональным качествам и компетенциям членов указанных комиссий из числа представителей научных и образовательных организаций, а также общественных организаций, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции.

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать некоторые рекомендации по совершенствованию антикоррупционной деятельности в субъектах Российской Федерации.

Выводы

1. Необходимо определить критерии отбора кандидатов в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации, а также для работы в органах субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

2. Требуется разработка и внедрение показателей эффективности деятельности органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

3. Необходима разработка и реализация программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации, переподготовки) для сотрудников органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

4. Органам прокуратуры следует осуществлять надзор за деятельностью вновь созданных структур по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации.

5. Научным и образовательным организациям необходимо производить научно-методическое обеспечение деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Список литературы

1. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: науч.-практ. пособие / Л. В. Андриченко, О. А. Беляева, В. И. Васильев и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; ред. коллегия Л. В. Андриченко, Е. И. Спектор, А. М. Цирин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, ООО «Полиграф-Плюс», 2013. 236 с.

2. Городницын А. С. Субъекты организации противодействия коррупции в регионах России: сравнительно-правовой анализ // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы IV Всероссийской науч.-практ. конф., 3 декабря 2014 г. Казань: Издательство «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. С. 56–57.

3. Алешин В. А. Об организации антикоррупционной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Свердловской области // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия

[5] См.: «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Курганской области»: Указ Губернатора Курганской области № 269 от 14.10.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 23.10.2015).

[6] См.: «О мерах по реализации положений Указа Президента Российской Федерации № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» от 15 июля 2015 г.: Указ Главы Республики Ингушетия от 13.10.2015 № 210 // Ингушетия. 2015. 22 октября.

коррупции: сб. трудов по итогам Всерос. научн. конф. / отв. ред. В. Н. Руденко; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих. Екатеринбург, 2014. С. 45–50.

4. Алимпиев С. А. Совет при Губернаторе Свердловской области по противодействию коррупции как субъект антикоррупционной политики в Свердловской области: правовое положение, структура и компетенция // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 5. С. 37–39.

5. Поляков М. М. Противодействие коррупции органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Серия Экономические и юридические науки. 2014. № 5–2. С. 53–62.

6. Сабитова Э. Н. Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики как специализированный субъект противодействия коррупции // Следователь. 2014. № 6. С. 31–35.

7. Сабитова Э. Н. Комитет по противодействию коррупции Республики Крым как субъект антикоррупционной политики государства // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф., 3 декабря 2014 г. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. С. 146–153.

В редакцию материал поступил 09.11.15

© Бикеев И. И., Кабанов П. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Бикеев Игорь Измаилович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: bikeev@ieml.ru

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, член Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции, НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: kabanovp@mail.ru

Как цитировать: Бикеев И. И., Кабанов П. А. О систематизации антикоррупционной работы в субъектах Российской Федерации в современных условиях // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 36–41.

I. I. BIKEEV,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan,

P. A. KABANOV,

Doctor of Law, Associate Professor, member of Expert Council at the Administration of the Russian President on the issues of corruption counteraction

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ON SYSTEMATIZATION OF ANTI-CORRUPTION WORK IN THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS UNDER THE MODERN CONDITIONS

Objective: scientific and legal evaluation of new corruption counteraction tools in the Russian Federation subjects, stipulated by the Decree of the President of the Russian Federation No. 364 of 15 July 2015, and proposals for their use and improvement.

Methods: dialectical, systemic and synergistic methods as general scientific methods of cognition, formal-juridical analysis of documents, expert assessments, linguistic as private scientific methods of cognition.

Results: the authors assess the legal regulation and organization of activity of commissions for the coordination of corruption counteraction in the Russian Federation subjects and their authorities on corruption and other offences prevention, and propose measures for their improvement.

Scientific novelty: for the first time after the adoption of the Decree of the President of the Russian Federation No. 364 of 15 July 2015, the main directions to improve the regional subjects of corruption counteraction are defined.

Practical significance: the organizational and legal measures are proposed for improving and ensuring the activities of regional subjects of corruption counteraction.

Key words: corruption counteraction; subject of the Russian Federation; organization of activities; committees and bodies.

References

1. *Protivodeistvie korruptsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii*: nauchno-prakticheskoe posobie (Corruption counteraction in the Russian Federation subjects) / L. V. Andrichenko, O. A. Belyaeva, V. I. Vasil'ev i dr.; pod red. T. Ya. Khabrievoi; red. kollegiya L. V. Andrichenko, E. I. Spektor, A. M. Tsirin. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, OOO «Poligraf-Plyus», 2013, 236 p.

2. Gorodnitsyn, A. S. Sub"ekty organizatsii protivodeistviya korruptsii v regionakh Rossii: sravnitel'no-pravovoi analiz (Subjects of organization of corruption counteraction in the Russian regions) // *Dialektika protivodeistviya korruptsii*: mat-ly IV Vserossiiskoi nauchno-prakt. konf., 3 dekabrya 2014 g. Kazan': Izdatel'stvo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2014, pp. 56–57.

3. Aleshin, V. A. Ob organizatsii antikorruptsionnoi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti i organov mestnogo samoupravleniya v Sverdlovskoi oblasti (On the organization of anti-corruption activity of state power bodies and self-government bodies in Sverdlovsk oblast) // *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviya korruptsii*: sb-k trudov po itogam Vseros. nauchn. konf. / otv. red. V. N. Rudenko; red. K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh. Ekaterinburg, 2014, pp. 45–50.

4. Alimpiev, S. A. Sovet pri Gubernatore Sverdlovskoi oblasti po protivodeistviyu korruptsii kak sub"ekt antikorruptsionnoi politiki v Sverdlovskoi oblasti: pravovoe polozhenie, struktura i kompetentsiya (Council at the Governor of Sverdlovsk oblast on corruption counteraction as the subject of anti-corruption policy in Sverdlovsk oblast: legal position, structure and competence) // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 5, pp. 37–39.

5. Polyakov, M. M. Protivodeistvie korruptsii organami ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (Corruption counteraction by the executive power bodies of the Russian Federation subjects) // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki, 2014, no. 5–2, pp. 53–62.

6. Sabitova, E. N. Upravlenie Prezidenta Respubliki Tatarstan po voprosam antikorruptsionnoi politiki kak spetsializirovannyi sub"ekt protivodeistviya korruptsii (Administration of the Tatarstan President on the issues of anti-corruption policy as the specialized subject of corruption counteraction) // *Sledovatel',* 2014, no. 6, pp. 31–35.

7. Sabitova, E. N. Komitet po protivodeistviyu korruptsii Respubliki Krym kak sub"ekt antikorruptsionnoi politiki gosudarstva (Committee of Crimea Republic on corruption counteraction as the subject of anti-corruption policy of the state) // *Dialektika protivodeistviya korruptsii*: mat-ly IV Vseros. nauchno-prakt. konf., 3 dekabrya 2014 g. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2014, pp. 146–153.

Received 09.11.15

Information about the authors

Bikeev Igor Izmailovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Scientific Research Institute for Corruption Counteraction of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: bikeev@ieml.ru

Kabanov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, member of Expert Council at the Administration of the Russian President on the issues of corruption counteraction, Scientific Research Institute for Corruption Counteraction of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: kabanovp@mail.ru

For citation: Bikeev I. I., Kabanov P. A. On systematization of anti-corruption work in the Russian Federation subjects under the modern conditions // *Actual Problems of Economics and Law,* 2015, no. 4, pp. 36–41.

© Bikeev I. I., Kabanov P. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 343.9:328.185:340.131
URL: http://hdl.handle.net/11435/2194

Долотов Р. О.
С. 42–49.

Р. О. ДОЛОТОВ,
кандидат юридических наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТА НЕЗАВИСИМОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Цель: определить факторы, влияющие на эффективность деятельности представителей гражданского общества, аккредитованных Министерством юстиции РФ в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также основные проблемы, с которыми сталкиваются независимые эксперты при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (на примере Саратовской области).
Методы: общенаучные методы теоретического познания и социологический метод сбора эмпирических данных (глубинное интервью).
Результаты: выявлены основные проблемы, связанные с низкой эффективностью института независимой антикоррупционной экспертизы, разработаны комплексные предложения по повышению его эффективности, в частности, предлагается установить административную ответственность за ненаправление (игнорирование) мотивированного ответа независимым экспертам на поступившие от них заключения; установить дополнительные требования к заявителям (физическим лицам) на получение статуса независимого эксперта (помимо установленных в настоящее время: высшее профессиональное образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет); при разработке очередного Национального плана противодействия коррупции в РФ в его содержание следует включить указания Министерству юстиции РФ об организации проведения мониторинга эффективности деятельности аккредитованных независимых экспертов, а также подготовке и периодической публикации электронного бюллетеня, посвященного независимой антикоррупционной экспертизе; необходимо установить ответственность (в виде лишения статуса независимого эксперта) за дачу заведомо ложной антикоррупционной экспертизы, проведение антикоррупционной экспертизы в случае лоббизма.
Научная новизна: сделаны выводы о том, что ключевыми направлениями повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов выступают: более детальное регламентирование статуса независимого эксперта и налаживание взаимодействия разработчиков нормативных правовых актов с независимыми экспертами, в том числе регламентирование процедуры мониторинга эффективности деятельности независимых экспертов.
Практическая значимость: реализация подготовленных предложений повысит эффективность работы представителей гражданского общества, получивших аккредитацию в качестве независимых экспертов.

Ключевые слова: независимая антикоррупционная экспертиза; коррупция; независимые эксперты; экспертное заключение; коррупциогенный фактор; нормативный правовой акт.

Введение

В настоящее время одним из основных векторов антикоррупционной стратегии государства определено направление, связанное с формированием механизма антикоррупционной экспертизы на всех уровнях нормотворчества. Несовершенство законодательства, огромное количество подзаконных актов, наделяющих чиновников дискреционными полномочиями, наличие необоснованных отсылочных и бланкетных норм, с помощью которых коррумпированные государственные служащие лоббируют принятие в своем ведомстве подзаконных нормативных актов, которые максимизируют их возможности для коррупции, – все это резко повышает риск совершения коррупционных правонарушений. Антикоррупционная экспертиза как раз и направлена на нейтрализацию подобных правовых актов. Правовая и методическая основы проведения антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и их проектов уже созданы в России.

Особая роль в проведении антикоррупционной экспертизы отводится институтам гражданского общества и гражданам, аккредитованным Министерством юстиции РФ на проведение за счет собственных средств независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Включение в процесс обсуждения, принятия и реализации решений гражданского общества, его ассоциаций – одно из направлений формирования системы взаимодействия власти и общества. Данное взаимодействие наиболее эффективно в случае привлечения институтов гражданского общества на стадии подготовки нормативных правовых актов. В первые годы своего функционирования рассматриваемый институт подавал большие надежды, и, по мнению ряда исследователей, «этот антикоррупционный инструмент является чуть ли не единственным и достаточно эффективным в сравнении с иными правовыми методами противодействия коррупции в стране» [1, с. 79].

С самого начала действия института независимой антикоррупционной экспертизы в России представители научного сообщества стали высказывать обоснованные предложения по его совершенствованию [2, с. 52–53], многие из которых так и не были реализованы.

С момента закрепления на уровне федерального закона данного института (с 2009 г.) Министерством юстиции РФ было выдано физическим лицам 1 754 свидетельства об аккредитации на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и 318 аналогичных свидетельств юридическим лицам (по состоянию на 02.07.2015). К сожалению, первоначальный оптимизм в отношении независимой антикоррупционной экспертизы, высказываемый на страницах научных изданий в 2010–2011 гг. [3, 4], во многом не оправдался. Как показали последующие исследования [5, 6, 7], за время своего существования институт независимых экспертов не продемонстрировал высоких результатов в сфере противодействия коррупции. Количество заключений, подготовленных ими, существенно меньше количества самих независимых экспертов. Те же заключения, которые готовятся специалистами данной сферы, часто игнорируются органами власти, в том числе из-за неверного их составления и оформления. Деятельность независимых экспертов, за небольшими исключениями, разобщена и недостаточно организована.

Все это указывает на необходимость определения факторов, влияющих на эффективность деятельности представителей гражданского общества, аккредитованных Министерством юстиции РФ в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Разработка в ходе исследования научно обоснованных предложений приведет к качественному развитию института независимой антикоррупционной экспертизы в России, привлечет больше представителей гражданского общества в дело противодействия коррупции, повысит профессионализм лиц, уже занимающихся проведением антикоррупционной экспертизы правовых актов, что в конечном счете должно будет увеличить возможности влияния гражданского общества на формирование российского законодательства в целях недопущения появления в нем коррупциогенных факторов.

В целях обеспечения достоверности и теоретико-практической обоснованности настоящей работы в исследовании применялись как общенаучные (анализ, синтез, системный и структурный подходы и пр.), так и частнонаучные (социологический) методы. Проведение репрезентативного исследования по данной тематике может быть проведено и в одном среднестатистическом субъекте РФ (например, Саратовской области). Саратовская область является одним из первых регионов России, где официально начали осуществлять антикоррупционную экспертизу, в связи с чем сведения, собранные в Саратовской области, будут обладать высокой долей репрезентативности и результаты исследования с высокой долей вероятности можно будет спроецировать на другие регионы РФ с учетом особенностей последних. Основу работы составили глубинные интервью с 40 экспертами (аккредитованными Министерством юстиции РФ в качестве независимых экспертов, а также государственными и муниципальными служащими Саратовской области, принимающими решения по поступающим к ним заключениям независимых экспертов)[1].

Основными блоками в топик-гайде для глубинного интервью независимых экспертов выступили следующие вопросы:

[1] По подготовленным нами топик-гайдам глубинные интервью с экспертами проводили доценты кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии К. М. Хутов и А. В. Голикова, расшифровку аудиозаписей интервью и составление стенограмм осуществлял доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии М. М. Лапунин.

– Когда и почему Вы решили стать независимым экспертом?

– Получаете ли Вы какие-нибудь «дивиденды» от присвоенного Вам Министерством юстиции России статуса независимого эксперта?

– Считаете ли Вы, что статус независимого эксперта может повысить Ваш профессиональный авторитет в глазах других лиц? Указываете ли Вы в своей визитке статус независимого эксперта или, может быть, Вы вывесили свидетельство об аккредитации в качестве независимого эксперта в своем кабинете, в котором принимаете посетителей?

– Когда у Вас заканчивается срок аккредитации в качестве независимого эксперта? Собираетесь ли Вы продлевать свой статус, почему?

– В отношении каких нормативных правовых актов (их проектов) Вы проводили (проводите) независимую антикоррупционную экспертизу?

– Каковы были последствия проведенной Вами независимой антикоррупционной экспертизы?

– Когда Вы проводили последнюю антикоррупционную экспертизу?

– Выявили ли Вы какие-нибудь коррупциогенные факторы при проведении антикоррупционной экспертизы, какие?

– Как Вы отбираете нормативные акты (проекты) для проведения независимой антикоррупционной экспертизы?

– Что бы Вы могли предложить, чтобы повысить эффективность проведения независимой антикоррупционной экспертизы правовых актов (их проектов)?

Основными блоками в топик-гайде для глубинного интервью государственных и муниципальных служащих выступили следующие вопросы:

– Каковы процедура (порядок) поступления заключений независимых антикоррупционных экспертиз в Ваш орган и порядок их рассмотрения?

– Как часто к Вам поступают подобные заключения от независимых экспертов? Если редко или ни разу, то тогда с чем это связано?

– Какие коррупциогенные факторы чаще всего обнаруживают независимые эксперты?

– Как бы Вы охарактеризовали качество заключений независимых экспертиз, поступающих к Вам на рассмотрение?

– Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда заключение независимого эксперта реально повлекло за собой изменение текста нормативного правового акта (его проекта)? Насколько часто такое случается?

– Как Вы думаете, почему независимые эксперты решают получить аккредитацию?

– Считаете ли Вы действующий институт независимой антикоррупционной экспертизы реально полезным? Если нет, почему?

– Какие формы взаимодействия между Вашей организацией и независимыми экспертами могли бы оказаться полезными?

Результаты исследования

В ходе анализа расшифровок проведенных интервью путем конденсации смыслов и их структурирования посредством нарратива мы пришли к выводу, что в настоящее время назрели две основные проблемы, связанные с институтом независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов:

а) отсутствие должной обратной информационной связи между независимыми экспертами и разработчиками нормативных правовых актов. Проведенное исследование выявило многочисленные случаи полного отсутствия какой-либо реакции разработчиков нормативных правовых актов на поступившие к ним заключения независимых экспертов. Ситуации, когда эксперт вообще не получает никакого мотивированного ответа от разработчика нормативного правового акта, в конце концов приводят к тому, что энтузиазм и желание делать подобную работу угасают, у экспертов складывается впечатление, что никому их экспертизы не нужны и никто их учитывать не собирается. Именно поэтому многие независимые эксперты, у которых закончился срок аккредитации, не намереваются заново подавать заявление на повторную аккредитацию, так как разочаровались в этом институте гражданского общества;

б) в общей массе независимых экспертов, получивших аккредитацию в Минюсте, оказалось большое количество пассивных экспертов (не проводивших практически никаких антикоррупционных экспертиз). Во многом это связано с весьма низкими квалификационными требованиями, предъявляемыми к претендентам на статус независимого эксперта, и отсутствием должного контроля за их экспертной деятельностью.

Наиболее оптимальным вариантом решения последней проблемы, по мнению опрошенных специалистов в данной области, является установление дополнительных требований к заявителям на получение статуса независимого эксперта (помимо существующих в настоящее время: высшее профессиональное образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет), например, сдача квалификационного

экзамена на знание методики и порядка проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, требований, предъявляемых к форме заключения независимой антикоррупционной экспертизы, а также проверка навыков по обнаружению коррупциогенных факторов в тексте нормативных правовых актов. Организацию подобного экзамена можно было бы возложить на территориальные управления Минюста России в субъектах РФ. О том, что официальные требования для аккредитации независимых экспертов явно занижены, многие ученые писали уже давно [8, с. 37]. Как мы видим, сами эксперты признают наличие этой проблемы.

После окончания периода действия аккредитации независимого эксперта повторная сдача квалификационного экзамена для физического лица представляется излишней. Продление статуса независимого эксперта после окончания срока действия аккредитации логичнее всего проводить на основе его заявления и отчета об экспертной деятельности за истекший период аккредитации. Несмотря на то, что, по мнению самих независимых экспертов, высказываемому ими на страницах научных журналов: «Какие-либо разнарядки, планы, спускаемые органами власти независимым экспертам, ожидаемых результатов не принесут» [9, с. 38], отсутствие в отчете сведений о независимых экспертизах, в ходе проведения которых специалист выявил коррупциогенные факторы, могут служить основанием для отказа в повторной его аккредитации по причине бездействия.

Оценка качества работы независимых экспертов должна быть неразрывно связана с мониторингом их деятельности по проведению антикоррупционных экспертиз проектов федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов.

В качестве аналитического инструментария подобного мониторинга можно предложить два основных показателя:

а) степень транспарентности разработчиков проектов нормативных правовых актов;

б) учет результатов независимых антикоррупционных экспертиз проектов нормативных правовых актов.

Данные показатели могут быть отражены с помощью критериев, приведенных ниже в таблице.

Показатели и критерии мониторинга проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов*

Table. Indicators and criteria of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts*

Показатели / Indicators	Критерии / Criteria		Инструмент сбора информации / Tool of data collection
	для совокупности антикоррупционных экспертиз, проведенных каким-либо органом за конкретный период времени / for a set of anti-corruption expertise, carried out by a body in a certain period of time	для единичной антикоррупционной экспертизы / for a single anti-corruption expertise	
Степень транспарентности разработчиков проектов нормативных правовых актов / Degree of transparency of developers of normative legal acts drafts	Доля проектов нормативных правовых актов, которые были размещены в отчетном периоде на официальных сайтах разработчиков нормативных правовых актов в сети Интернет для проведения независимой антикоррупционной экспертизы, от общего количества подготовленных данным органом и изданных (принятых) нормативных правовых актов / Share of normative legal acts drafts, available in the Internet for the independent anticorruption expertise, in the total number of normative legal acts elaborated and published (adopted) by the given body *Means of measuring: from 0 to 100 %*	Факт размещения проектов нормативных правовых актов на официальных сайтах разработчиков нормативных правовых актов в сети Интернет / Fact of placing the normative legal acts draft in the official website of a developer of the normative legal acts draft	Запрос данных у непосредственных исполнителей, анализ сайтов органов власти / Enquiring data from direct executives, analysis of websites of authorities
	Доля размещенных на официальном сайте разработчика проекта нормативного правового акта в сети Интернет экспертных заключений по результатам независимых антикоррупционных экспертиз / Share of anti-corruption expertise, available in the Internet, submitted to the developers of normative legal acts drafts in the total number of experts' conclusions after the results of independent anti-corruption expertise, submitted in the report period. *Means of measuring: from 0 to 100 %*	Доля размещенных на официальном сайте разработчика проекта нормативного правового акта в сети Интернет экспертных заключений по результатам независимых антикоррупционных экспертиз, от общего количества экспертных заключений по результатам независимых антикоррупционных экспертиз, поступивших на данный проект нормативного правового акта, либо действующий нормативный правовой акт / Share of anti-corruption expertise, available in the Internet, submitted to the developers of normative legal acts drafts in the total number of experts' conclusions after the results of independent anti-corruption expertise, submitted for the given legal act draft or the functioning legal act	Запрос данных у непосредственных исполнителей, анализ сайтов органов власти / Enquiring data from direct executives, analysis of websites of authorities

Продолжение табл.

Показатели / Indicators	Критерии / Criteria		Инструмент сбора информации / Tool of data collection
	для совокупности антикоррупционных экспертиз, проведенных каким-либо органом за конкретный период времени / for a set of anti-corruption expertise, carried out by a body in a certain period of time	для единичной антикоррупционной экспертизы / for a single anti-corruption expertise	
	Доля независимых экспертов, аккредитованных Министерством юстиции РФ, удовлетворенных информационным обеспечением размещения проектов нормативных правовых актов на сайтах в сети Интернет в отчетном периоде / Share of independent experts accredited by the Russian Ministry of Justice, satisfied with the informational provision of placing the normative legal acts draft in the official website of a developer of the normative legal acts draft in the report period *Means of measuring: from 0 to 100 %*	Доля независимых экспертов, аккредитованных Министерством юстиции РФ, удовлетворенных информационным обеспечением размещения проекта нормативного правового акта на официальном сайте разработчика проекта нормативного правового акта в сети Интернет / Share of independent experts accredited by the Russian Ministry of Justice, satisfied with the informational provision of placing the normative legal acts draft in the official website of a developer of the normative legal acts draft	Социологические и экспертные опросы / Sociological and expert polls
Учет результатов независимых антикоррупционных экспертиз проектов нормативных правовых актов / Account of the results of independent anti-corruption expertise of normative legal acts drafts	Количество разработанных в течение отчетного периода проектов нормативных правовых актов, доработанных с учетом результатов независимой антикоррупционной экспертизы, проведенной экспертами, аккредитованными Министерством юстиции РФ / Number of normative legal acts drafts, elaborated during the report period, amended after the results of independent anti-corruption expertise, carried out by the experts accredited by the Russian Ministry of Justice	–	Запрос данных у непосредственных исполнителей / Enquiring data from direct executives

* *Источник*: составлено автором.

* *Source*: compiled by the author.

В экспертной среде выявлено четкое осознание того, что материальное поощрение и стимулирование деятельности независимых экспертов возможно лишь по линии некоммерческих организаций в форме грантов, премий и т. п. Государственным органам следует поощрять независимых экспертов за эффективную работу только в форме официальных благодарностей, грамот, дипломов, почетных званий и иных форм нематериального признания профессионализма.

Статус независимого эксперта подразумевает активную гражданскую позицию лица, которому он присвоен. В случае невыявления им в период своей аккредитации ни одного коррупциогенного фактора при проведении независимых экспертиз данное обстоятельство может быть учтено при решении вопроса о продлении статуса независимого эксперта после окончания срока его аккредитации.

В ходе проведения интервью сами независимые эксперты неоднократно подчеркивали, что такой специалист не должен допускать возникновения конфликта интересов или иной личной корыстной заинтересованности при осуществлении независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

Особо следует обратить внимание на проблему лоббизма при проведении антикоррупционной экспертизы. Так, один из опрашиваемых обозначил проблему использования независимых экспертов для внедрения коррупциогенных факторов в проекты нормативных правовых актов, которые сами разработчики первоначально не включали в текст проектов нормативных правовых актов, а затем, ссылаясь на заключения независимых экспертов, добавляли их в текст проектов.

Представляется, что независимые эксперты должны нести ответственность (в виде лишения статуса независимого эксперта) за дачу заведомо ложной антикоррупционной экспертизы; злоупотребление правом при даче заключения; проведение антикоррупционной экспертизы в случае лоббизма. Минюсту России следует разработать механизм реализации подобной ответственности. В качестве одного из оснований для лишения статуса можно предложить ситуацию, когда положение, предложенное независимым экспертом для устранения коррупциогенного фактора и учтенное разработчиком нормативного правового акта, в дальнейшем само будет признано прокуратурой коррупциогенным фактором при проведении ею антикоррупционной экспертизы.

Говоря о проблеме взаимодействия разработчиков нормативных правовых актов с независимыми экспертами, последние обозначили различные направления ее решения.

Так, предлагается на официальных сайтах в сети Интернет, на которых размещаются проекты нормативных правовых актов для проведения независимой антикоррупционной экспертизы, указывать информацию о лице, ответственном за данное размещение, и его контактные данные.

Кроме того, в целях обеспечения единообразия в регулировании вопросов о сроках проведения независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов следует на законодательном уровне установить единые для всей страны сроки проведения независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов в зависимости от вида нормативного правового акта (федеральный закон, постановление правительства РФ, закон субъекта РФ и др.).

Также важно предусмотреть возможность направления независимым экспертом копии заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы в Минюст России (при экспертизе нормативных правовых актов и их проектов федерального уровня) и территориальные управления Минюста России (при экспертизе нормативных правовых актов и их проектов субъектов РФ и муниципалитетов) для исключения возможности игнорирования поступивших заключений со стороны разработчиков проектов нормативных правовых актов.

Стоит отметить, что в предыдущих исследованиях, проведенных другими авторами, также утверждалось, что «распространенными являются неправомерные действия должностных лиц органов государственной власти при регистрации, рассмотрении и подготовке ответа на экспертное заключение: передача поступивших в орган государственной власти экспертных заключений исполнителю без регистрации; нарушение установленных сроков подготовки ответа на экспертное заключение» [10, с. 64].

В целях исключения случаев введения независимых экспертов в заблуждение путем направления им ответов о том, что их заключения учтены, а принятый нормативный правовой акт на самом деле содержит выявленные в ходе проведения независимой экспертизы коррупциогенные факторы (завуалированная форма немотивированного отказа в учете замечаний независимого эксперта), необходимо:

– включить поступившие заключения независимой экспертизы в перечень обязательных документов, прилагаемых к проектам нормативных правовых актов при их утверждении;

– в обязательном порядке публиковать в сети Интернет поступившие заключения независимых экспертов, а также результаты их рассмотрения на тех же страницах сайта, на которых опубликованы сами проекты нормативных правовых актов, вывешенных для проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Многие опрошенные независимые эксперты поддерживают идею о введении административной ответственности за ненаправление (игнорирование) мотивированного ответа независимым экспертам на поступившие от них заключения.

Выводы

По итогам анализа результатов интервьюирования независимых экспертов и государственных, а также муниципальных служащих мы пришли к выводу, что в целях совершенствования правового регулирования независимой антикоррупционной экспертизы Минюсту России необходимо осуществлять регулярный мониторинг деятельности независимых экспертов по проведению антикоррупционных экспертиз проектов федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов.

Кроме того, для популяризации деятельности независимых экспертов и обеспечения их взаимодействия представляется целесообразным создание единой базы экспертов, где они смогут дополнительно размещать свои экспертные заключения, что сделает их деятельность более прозрачной. Подобный информационный ресурс смог бы выступить инструментом для обмена опытом между аккредитованными экспертами.

Министерству юстиции РФ следует организовать подготовку и периодическую публикацию электронного бюллетеня, посвященного независимой антикоррупционной экспертизе, с возможностью автоматической рассылки материалов бюллетеня на адреса электронной почты, указанные заявителями при подаче заявления на получение статуса независимого эксперта. Содержание бюллетеня будет формироваться в том числе из материалов, представленных территориальными управлениями Минюста России субъекта Российской Федерации, основанных на обобщении и анализе отчетов независимых экспертов о своей деятельности.

Для повышения качества работы независимых экспертов представляется целесообразным предложить Минюсту России направлять поступившие заключения антикоррупционной экспертизы на действующие федеральные законы, а также проекты федеральных законов официальным представителям электронных справочных правовых систем для размещения этих заключений в качестве примечаний к названным законам и их проектам.

Список литературы

1. Шуманов И. В. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 6. С. 77–80.

2. Лопашенко Н. А., Долотов Р. О. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов (сравнительно-правовое исследование) // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологических исследований / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. Вып. 5. Саратов: Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции; Сателлит, 2010. С. 6–55.

3. Шуманов И. В. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как эффективный инструмент влияния гражданского общества на органы публичной власти // Юристъ – Правоведъ. 2011. № 4. С. 16–20.

4. Каменская Е. В., Рождествина А. А. Независимая антикоррупционная экспертиза как фактор повышения правовой культуры в сфере правотворчества // Правовая культура. 2010. № 2. С. 100–108.

5. Андрюхина О. В. Правовые аспекты законодательного регулирования независимой антикоррупционной экспертизы: проблемы, стратегия, изменения // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 96–99.

6. Казанцева О. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза: оправдались ли ожидания? // Евразийская адвокатура. 2015. № 1. С. 51–53.

7. Тонков Е. Е., Туранин В. Ю. Независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы осуществления и возможности их преодоления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2015. № 1. С. 94–99.

8. Мелешко А. О. Административно-правовая характеристика независимой антикоррупционной экспертизы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29. С. 34–40.

9. Маркиянов С. В., Егорычева Е. А. Проблемы проведения независимой антикоррупционной экспертизы: мнение и предложения независимых экспертов // Мониторинг правоприменения. 2012. № 1. С. 36–38.

10. Коробкин А. Н. Проблемы осуществления независимой антикоррупционной экспертизы // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 60–65.

В редакцию материал поступил 14.10.15

© Долотов Р. О., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Долотов Руслан Олегович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминалистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 123022, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер. 3, тел.: (495) 772-95-90

E-mail: rdolotov@hse.ru

Как цитировать статью: Долотов Р. О. Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 42–49.

R. O. DOLOTOV,

PhD (Law)

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

EFFICIENCY OF THE INSTITUTION OF INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF NORMATIVE LEGAL ACTS AND THEIR DRAFTS

Objective: to determine the factors affecting the efficiency of civil society representatives accredited by the Russian Ministry of Justice as independent experts authorized to conduct anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts, as well as the main problems faced by independent experts in conducting the anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts (by the example of Saratov oblast).

Methods: general scientific methods of theoretical cognition and sociological method of empirical data collection (in-depth interviews).

Results: the main problems are revealed associated with low efficiency of the institution of independent anti-corruption expertise; comprehensive proposals are developed for improving its effectiveness; in particular, it is proposed to establish administrative responsibility for failure to give (ignoring) a reasoned answer to the conclusions submitted by independent experts; to stipulate additional requirements for applicants (natural persons) for obtaining the status of an independent expert (other than those currently stipulated: higher professional education and work experience in the specialty not less than 5 years); when developing the next National plan for corruption counteraction in Russia, to include instructions to the Russian Ministry of Justice on the organization of monitoring of the accredited independent experts efficiency, as well as on preparing and periodically publishing the e-Bulletin, dedicated to independent anti-corruption examination; it is necessary to stipulate liability (in the form of deprivation of the independent expert status) for deliberately false anti-corruption expertise, and for anti-corruption examination in the case of lobbying.

Scientific novelty: it is concluded that the key directions to increase the efficiency of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts are: a more detailed regulation of the status of the independent expert and the interaction of developers of normative legal acts with independent experts, including the regulation of procedures of monitoring of independent experts' functioning.

Practical significance: implementation of the proposals will enhance the work of civil society representatives accredited as independent experts.

Key words: independent anti-corruption expertise; corruption; independent experts; expert opinion; corruption-generating factor; normative legal act.

References

1. Shumanov, I. V. Nezavisimaya antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov (Independent anti-corruption expertise of normative legal acts) // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika,* 2011, no. 6, pp. 77–80.

2. Lopashenko, N. A., Dolotov, R. O. Antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) (Anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts (comparative-legal research)) // *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya: rezul'taty kriminologicheskikh issledovanii*, is. 5. Saratov: Saratovskii tsentr po issledovaniyu problem organizovannoi prestupnosti i korruptsii; Satellit, 2010, pp. 6–55.

3. Shumanov, I. V. Nezavisimaya antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak effektivnyi instrument vliyaniya grazhdanskogo obshchestva na organy publichnoi vlasti (Independent anti-corruption expertise of normative legal acts as an effective tool of the civil society influence on public authorities) // *Yurist-Pravoved,* 2011, no. 4, pp. 16–20.

4. Kamenskaya, E. V., Rozhdestvina, A. A. Nezavisimaya antikorruptsionnaya ekspertiza kak faktor povysheniya pravovoi kul'tury v sfere pravotvorchestva (Independent anti-corruption expertise as a factor of increasing legal culture in the sphere of law making) // *Pravovaya kul'tura,* 2010, no. 2, pp. 100–108.

5. Andryukhina, O. V. Pravovye aspekty zakonodatel'nogo regulirovaniya nezavisimoi antikorruptsionnoi ekspertizy: problemy, strategiya, izmeneniya (Legal aspects of legislative regulation of independent anti-corruption expertise: problems, strategy, changes) // *Yuridicheskaya tekhnika,* 2015, no. 9, pp. 96–99.

6. Kazantseva, O. L. Nezavisimaya antikorruptsionnaya ekspertiza: opravdalis' li ozhidaniya? (Independent anti-corruption expertise: have the expectations been realized?) // *Evraziiskaya advokatura,* 2015, no. 1, pp. 51–53.

7. Tonkov, E. E., Turanin, V. Yu. Nezavisimaya antikorruptsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: problemy osushchestvleniya i vozmozhnosti ikh preodoleniya (Independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts: issues of implementation and possibilities of overcoming them) // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Pravo, 2015, no. 1, pp. 94–99.

8. Meleshko, A. O. Administrativno-pravovaya kharakteristika nezavisimoi antikorruptsionnoi ekspertizy (Administrative-legal characteristics of independent anti-corruption expertise) // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 29, pp. 34–40.

9. Markiyanov, S. V., Egorycheva, E. A. Problemy provedeniya nezavisimoi antikorruptsionnoi ekspertizy: mnenie i predlozheniya nezavisimykh ekspertov (Problems of implementing the independent anti-corruption expertise: opinion and proposals of independent experts) // *Monitoring pravoprimeneniya*, 2012, no. 1, pp. 36–38.

10. Korobkin, A. N. Problemy osushchestvleniya nezavisimoi antikorruptsionnoi ekspertizy (Issues of implementation of independent anti-corruption expertise) // *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2012, no. 9, pp. 60–65.

Recevied 14.10.15

Information about the author

Dolotov Ruslan Olegovich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Criminalistics, National Research University «Higher School of Economics»

Address: 3 Bolshoy Trekhsvyatitel'skiy pereulok, 123022, Moscow, tel.: (495) 772-95-90

E-mail: rdolotov@hse.ru

For citation: Dolotov R. O. Efficiency of the institution of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 42–49.

© Dolotov R. O, 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 339.378:343.9:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2195

Жигун Л. А., Феоктистова Е. М.
С. 50–59.

Л. А. ЖИГУН,
доктор экономических наук, профессор,
Е. М. ФЕОКТИСТОВА,
кандидат экономических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

ДИСКУРС О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В СЕТЕВОЙ ТОРГОВЛЕ

Цель: определить специфические формы проявления коррупции и перспективные методы противодействия ей в сетевой торговле.
Методы: сочетания индуктивных наблюдений, сравнений, обобщений фактов и тенденций проявления коррупции в сетевой торговле с логико-аналитической дедукцией экономических теорий и концепцией коррупции составляют основу исследования и дают возможность, с одной стороны, оценить уровень соответствия практике теоретических представлений о коррупции, а с другой – определить возможности их применения в организации противодействия и создания условий предотвращения ее возникновения; для обобщения особенностей проявления коррупции в форме отката применен метод дискурса.
Результаты: на основе теоретических положений и фактов проявления коррупции в торговле доказывается, что она имеет типические признаки, присущие коррупции в коммерческих и некоммерческих организациях. Выявлены ключевые причины, по которым коррупция возникает в торговле. В их числе поставка низкокачественного товара по завышенной цене, приводящая к взятке-подкупу в форме «личного бонуса» администратору торговой организации при сбыте товара недобросовестным поставщиком, а также поставка товаров тем торговым организациям, которые без отката не покупают. Большая часть таких коррупционных поставок товаров осуществляется естественным монополиям в форме государственных и муниципальных закупок. В ряде случаев откат выступает как аргумент, стимулирующий принятие решения о внедрении новых и передовых технологий. Установлены факторы, приводящие к возникновению коррупции в торговле, и обоснованы методы противодействия ей, позволяющие создать условия по ее искоренению и в других отраслях бизнеса.
Научная новизна: впервые делается обобщение о движущей силе дефицита в механизме коррупции, когда взяткодатели и взяткополучатели меняются местами.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научных исследованиях специфических форм проявления коррупции и при разработке методик противодействия коррупции как в торговле, так и в других сферах бизнеса.

Ключевые слова: коррупция; сетевая торговля; взятка; подкуп; откат; сбыт; поставки; закупка; вход в сеть.

Введение

По данным опроса «Левада-центра», проведенного в августе 2013 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1 601 человека в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны, выявлено, что из 24 проблем, тревожащих население, острота проблемы коррупции сместилась с девятого в 2005 г. на третье место, обеспокоив 39 % населения[1].

В определенной мере это указывает на положительный результат антикоррупционной политики, активно проводимой в России с 2008 г. Благодаря ей в обществе созданы условия нетерпимости к этому негативному явлению и в сетевой торговле. Проводятся активные действия по ее пресечению. Так, в сентябре 2015 г. широкий резонанс получило задержание главного технолога торговой сети «Перекресток» (г. Москва) и ее подельника по подозрению в коммерческом подкупе в форме вымогательства взятки в 36 млн рублей у кондитерской компании-поставщика. Положительно то, что признаки преступления в деятельности вымогателей были выявлены корпоративной службой безопасности X5 Retail Group, в состав которой входит «Перекресток», а затем последовало обращение в полицию[2].

[1] Проблемы и тревоги россиян. Левада-центр, 2013. URL: http://www.levada.ru/03-09-2013/problemy-i-trevogi-rossiyan (дата обращения: 21.06.2015).

[2] Главного технолога сети «Перекресток» уличили в вымогательстве 36 млн рублей. Русский курьер. 2015. URL: http://www.ruscur.ru/news/0/10/11/101191.shtml (дата обращения: 21.06.2015).

Исторически исследования коррупции были инициированы Р. Бруксом в 1910 г. монографией «Коррупция в американской политике и жизни» [1]. Решающий вклад в развитие теории экономических и политэкономических вопросов коррупции внесен в 70-х гг. XX в. исследованиями С. Роуз-Аккерман [2, 3]. Исторические особенности коррупционных правонарушений в сфере экономики и предпринимаемые меры противодействия им в России рассмотрены в актуальных исследованиях зарубежных ученых. Прежде всего, пониманию истоков происхождения коррупции в современной экономике России содействует работа Дж. Монтиас и С. Роуз-Аккерман 1981 г. [4]. Согласно концепции П. Книна, понимание явления коррупции в России возможно только с учетом исторического контекста передачи в эксплуатацию частными организациями не только активов государства, унаследованных Россией от СССР, но и прежних практик нерыночного хозяйствования при использовании этой собственности [5].

Понимание истории коррупции в России невозможно без опоры на фундаментальные исследования отечественных ученых: С. М. Будатарова, Б. В. Волженкина, Ю. Г. Галая, В. И. Гладких, М. А. Грибкова, В. А. Григорьева, А. Ю. Епихина, А. А. Ильина, П. А. Кабанова, А. И. Кирпичникова, С. В. Максимова, Г. А. Сатарова, Б. А. Юлина и др. [6, 7, 8, 9, 10].

Проблеме коррупции в сфере российской торговли уделено мало внимания в науке, а проводимые исследования в ряде случаев не отличаются научной глубиной и практической направленностью. Опубликованные материалы о коррупции в торговле преимущественно имеют публицистический характер и не обладают систематичностью освещения всех сторон изучаемого явления. Как правило, проблему коррупции в торговле России затрагивают при изучении таких негативных социальных явлений, как организованная преступность, преступность в сфере экономики, управления, в результате чего недооценивается ее значение. Так, Б. Маурсез исследовал, как иностранные компании, инвестировавшие капитал в реальный сектор экономики России, и в частности в сферу торговли, натолкнулись на систему практики хозяйствования, состоящую из множества коррупционных схем, в которой бизнесмены с чиновниками образуют запутанную и скрытную сеть взаимосвязанных участников [11].

На смену распространенным в России в 90-х гг. понятиям «блат» и «взятка», отражающим индивидуальное поведение [12], в 2000-х гг. пришли понятия «сетевой откат» и «распил», характеризующие уже институциональные особенности коррупционных сделок [13, 14, 15, 16].

Ряд аспектов противодействия коррупции в торговле затрагиваются в работах А. Боярского, Б. Воронцова, С. Годдарда, М. Н. Горбачева, Д. Денисова, В. Молчановой, В. Ю. Потрашкова, В. Ю. Пантелеева, Н. Г. Сироткиной, Д. В. Ткаченко и др. [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25].

Несмотря на прогресс в развитии теоретико-методологических основ противодействия коррупции в России, все еще сохраняется потребность в проведении научных исследований форм проявления и методов противодействия коррупции в сфере бизнеса, и в частности в торговле, и разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию организации борьбы с коррупцией. Этим определяется актуальность и необходимость проведения исследования противодействия коррупции в торговле, целью которой является получение новых научных результатов по объяснению механизма возникновения этого явления.

Результаты исследования

Пример распространения коррупции в торговле представляется наиболее типичным для бизнеса в силу того, что она не только является самой массовой из отраслей бизнеса, но и имеет широкий спектр взаимодействия с отраслями производителей и потребителей. Поэтому выводы, полученные в результате анализа практики противодействия коррупции в торговле, могут быть применены и в других сферах бизнеса.

Организации исследования противодействия коррупции в торговле способствует метод дискурса проявлений отката. Так, россиян, побывавших за рубежом в розничных торговых сетях, удивляет, почему даже в одноименных сетях в России цены на товары заметно выше, чем в несетевых магазинах, в то время как в странах Европы и в США все наоборот.

По утверждению специалистов компании ОВИОНТ ИНФОРМ (2013), более 30 % цены на прилавках «сетевиков» образует коррупционная составляющая[3]. Причина тому – принуждение поставщиков товаров «заключать тайные сделки с регулирующими все во-

[3] Российская коррупция в торговле и жизни. Сайт ОВИОНТ ИНФОРМ. 2013. URL: http://www.oviont.ru/useful/arts/3951/ (дата обращения: 24.10.2015).

круг органами и местными властями»[4]. Значительной коррупционной статьей товаров в крупных розничных сетях являются барьеры входа в них для поставщиков в коррупционной форме «вступительных сетевых взносов» байерам (закупщикам) и «бонусов» мерчандайзерам гипермаркетов, размещающим товар поставщиков на «горячих» стеллажах и полках. Все эти коррупционные «издержки» приводят к превышению цен поставщиков в сетевых магазинах по сравнению с несетевыми магазинами, а возмещаются конечными покупателями – населением.

Среди причин, по которым коррупция возникает в торговле, можно выделить две следующие. Первая – поставка низкокачественного товара по завышенной цене. В этом случае взятка-подкуп («личный бонус») администратору торговой организации – единственная возможность организовать сбыт недобросовестным поставщиком. Вторая – поставка товаров тем торговым организациям, которые без отката не покупают. Большая часть таких коррупционных поставок товаров осуществляется естественным монополиям в форме государственных и муниципальных закупок. В ряде случаев откат выступает как «двигатель прогресса», становясь аргументом, стимулирующим принятие решения о внедрении новых и передовых технологий.

Сети супермаркетов давно берут с поставщиков плату за то, что продают их товар. Предполагалось, что введенные несколько лет назад официальные платежи за «вход» поставщика товаров в сеть вытеснят персональные взятки закупщикам от супермаркетов. Но этого не произошло. В действительности данная практика повсеместно используется западными сетевыми операторами. Например, компания *Danone* заплатила одной крупной французской розничной сети 5 млн евро за включение в ее ассортимент нового йогурта [20]. Стало известно, что IKEA уволила двух топ-менеджеров российского подразделения – директора по Центральной и Восточной Европе и директора по недвижимости в России – за попустительство взяткам. Уровень «входных» – это мера напряженности экономики на том или ином рынке, показатель его затоваренности, его активности.

Д. В. Ткаченко и М. Н. Горбачев отмечают, что топ-менеджеры сетевой розницы России, исходя из практики западных розничных сетей, пришли к выводу, что если поставщики предлагают и дают откаты категорийным менеджерам за вход в сеть, ввод новых позиций в ассортиментную матрицу или размещение продукции на полке в несколько «фейсов», то следует перенаправить этот денежный поток в свою кассу. В результате и в Россию проникла система бонусов за вход и сотрудничество с сетью. Она, кроме минимизации рисков ретейлера при работе с поставщиком, позволила также направить деньги поставщиков на увеличение собственной прибыли [20].

Такова официальная система оплаты услуг розничной сети за работу с товаром поставщика. С точки зрения взаимодействия двух торговых организаций для поставщика она представляет образование отлаженного механизма управления продвижения своих товаров в розничные сети. Перенятая система бонусов гарантирует поставщику размещение своего товара в том месте торгового зала, где это ему необходимо, в том ассортименте и количестве, которое им считается оптимальным. В свою очередь сеть при системе бонусов также снижает свои риски возможных потерь от недобросовестных поставщиков, упорядочивает работу мерчандайзеров в торговом зале и многое другое.

Спецификой российского подхода к системе бонусных платежей стало то, что некоторые российские ретейлеры собирают эти деньги либо под надуманным предлогом, либо скрытно, но без легитимного договора за предоставление дополнительного сервиса в сети. Налицо признаки латентной коррупции в торговле. Часто подобные платежи проходят либо по фиктивным договорам, по которым сеть якобы проводит маркетинговые исследования для поставщика (например, о том, как продаются его и сопутствующие товары), либо скрытным получением нигде не приходуемой денежной наличности. Поскольку за эти деньги организация-поставщик не получает никаких дополнительных услуг, то бонусы превращаются в обычное вымогательство наличных денег. В приведенной форме сделки отсутствует официальный договор на предоставление услуг, и поэтому поставщик просто не имеет юридической возможности потребовать обещанный ему ретейлерами сервис и контролировать его качество. Следовательно, налицо мошенничество. Поставщики, видя подобное правило поведения, а также то, что большинство бонусов имеет негласный ценовой диапазон (например, бонус за вход от 1 000 до 2 000 у. е.), привычно за откат договариваются с закупщиками о том, чтобы вдвое снизить сумму того или иного коррупционного «взноса». Иллюстрацию сумм, о которых идет речь, представляет перечень бонусов и их размеров в розничных сетях (табл. 1).

[4] Там же.

Отношение управляющих магазинами к коррупции в форме бонусов характеризуют данные опроса руководителей 120 торговых организаций. На вопрос «Имеют ли ваши закупщики возможность официально получать премии от поставщиков?» 7 % ответили утвердительно [20].

Таблица 1

Виды бонусов для магазинов розничной сети за работу с товаром поставщика*

Table 1. Types of bonuses for retail trade shops for the work with the goods of the supplier*

Виды бонусов / Types of bonuses	Примерное описание и цена / Rough Description and price
Бонус за вход / Bonus for entering	Разовый бонус за ввод одной позиции в магазин сети. От 30 до 2 000 у. е. / Singular bonus for entering one goods into the network shop. From 30 to 2 000 c.u. (conventional units)
Бонус за присутствие / Bonus for presence	Ежегодный бонус. Пролонгация уже введенных позиций на следующий год. От 30 до 1 500 у. е. за каждую позицию на один магазин сети / Annual bonus. Prolongation of the introduced positions for the next year. From 30 to 1 500 c.u. for each position in one network shop
Бонус за аренду прикассовой зоны / Bonus for renting the point-of-sale zone	Выкладка товара в прикассовой зоне. От 50 до 2 500 у. е. за каждую позицию на каждой кассе / Positioning the goods in the point-of-sale zone. From 50 to 2500 c.u. for each goods at every point-of-sale zone
Бонус за аренду палето-места или дополнительного места на полке / Bonus for renting the pallet-place or extra place on the shelf	От 50 до 5 000 у. е. за одно место в одном магазине. Палето-место предоставляется в аренду на срок от двух недель до трех месяцев. Место под дополнительную выкладку на полке можно выкупить на целый год / From 50 to 5 000 c.u. for one place in one shop. The pallet-place is rented for the period from 2 weeks to 3 months. The place for extra positioning on the shelf can be bought for the whole year
Бонус за открытие нового магазина / Bonus for opening a new shop	Разовый бонус, собираемый с поставщиков при открытии сетью новых магазинов. От 30 до 6 000 у. е. на один новый магазин сети за каждую позицию / Singular bonus, collected from suppliers when a new network is opened. From 30 to 6 000 c.u. for one new network shop for each goods
Логистический бонус / Logistics bonus	Бонус за обработку товара через распределительный центр сети – 2–6 % от суммы продаж товара / Bonus for processing the goods in the network distribution center – 2–6 % of the sales of goods
Бонус за оборудование / Bonus for equipment	Установка фирменного оборудования поставщика в торговом зале. От 100 до 3 000 у. е. на каждый магазин/ Installing the supplier's equipment in the shop. From 100 to 3 000 c.u. for each shop
Бонус за мерчандайзинг / Bonus for merchandizing	Оплата поставщиков услуг мерчандайзингу. От 30 у. е. до 7 % от объема продаж товара за месяц / Payment for merchandizing services. From 30 c.u. to 7 % of sales of the goods in a month
Бонус за проведение промоакций в торговом зале / Bonus for promotions in the shop	От 10 до 1 000 у. е. за 1 час промоакций на один магазин / From 10 to 1 000 c.u. for one hour of promotion in one shop

* *Источник*: [20, с. 17].

* *Source*: [20, p. 17].

Причины, по которым большинство торговых организаций-поставщиков платят откаты, демонстрируют данные ответов руководителей в табл. 2.

Таблица 2

Причины, по которым руководители торговых организаций-поставщиков платят откат организациям-покупателям*

Table 2. Reasons, why most heads of trading organizations-suppliers pay kickbacks to organizations-buyers*

Вопрос / Question	Вариант ответа / Variant of answer	Соотношение ответов, % / Ratio of answers, %
По каким причинам ваша компания дает откаты своим покупателям? / Why does your company pay kickbacks to your buyers?	Так принято в нашем бизнесе / This is a rule in our business	Да / yes – 90 %, Нет / no – 10 %
	Это позволяет более чем вдвое расширить клиентскую базу / This allows to more than double the clients' base	Да / yes – 61 %, Нет / no – 39 %
	Это позволяет увеличить среднюю наценку компании / This allows to increase the average extra charge of the company	Да / yes – 17 %, Нет / no – 83 %

* *Источник*: [20].

* *Source*: [20].

Данные табл. 2 показывают, что для многих респондентов откат – обычай делового оборота, без которого обходится редкая сделка.

В своей статье об откатах Д. Денисов сформулировал четыре степени поражения ими рынка по широте и целям: нулевой степени, I, II, III степени [21, с. 32].

Нулевой откат. По Д. Денисову, он встречается на отдельных рынках в странах глубоко укоренившегося капитализма, где проделана большая работа по «противооткату».

Откат I степени, легкий. Проявляется в том, что менеджеры охотно принимают ценные подарки и другие знаки внимания со стороны откатодателей, если те соблюдают определенный этикет. Сами «благотворители» расценивают свои подношения как плату за лояльность своему «агенту влияния».

Откат II степени, средний. При нем менеджеры ударно трудятся по принципу «компании – скидки, сотрудникам – откаты», пытаясь соблюсти баланс между корпоративным интересом и личной выгодой. Размер отката варьирует от 5 до 10 % от объема сделки.

Откат III степени, тяжелый. Вместо рынка продукта / услуги существует оформившийся рынок отката. На нем управленцы заключают контракт с тем, кто больше «откатит». Ни интересы торговой организации, ни сам предмет сделки какого-либо значения не имеют. В этом случае откат чаще всего не просто недополученная организацией торговая скидка, но еще и изрядная накрутка (наценка) к цене товара. Сам откат превращается в главный способ продвижения

поставляемой продукции в розничную торговую сеть, а все остальные маркетинговые инструменты имеют лишь второстепенное значение. Для удобства получения мзды менеджерами создаются «карманные» организации, для обналички отката широко используются фирмы-однодневки. Откат особенно распространен на рынках, где оценка полезности самого продукта (услуги) носит субъективный характер. Например, IT-рынок, маркетинговые исследования, услуги PR. Размер отката в этих сферах бизнеса может достигать 50–70 % от объема и даже более.

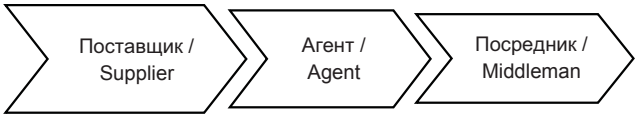
По мере своего развития сети для минимизации коррупционных рисков начали перестраивать применяемые бизнес-процессы. Уменьшить риск установления неформальных отношений с поставщиками товаров оказалось возможно при правильной организации работы: перевода байеров (закупщика) с одной товарной группы на другую, т. е. периодически меняя их местами. Тем самым общающийся с поставщиками байер превращается из маркетолога, ценимого всеми как знаток своего товарного сегмента рынка, в обычного оператора.

По словам заместителя руководителя розничной сети «Евроpос» Наиля Миннугарайева, «в силах байера федеральной компании принимать решения по длительности нахождения и обновлению ассортимента, отдельным маркетинговым акциям и контрмерам в отношении конкурентов. Однако значительная часть возможностей у них изъята» [17]. Как правило, вопросы ценообразования, квотирования ассортимента и многие другие регламентированы на более высоком уровне. Все проще у региональных ретейлеров – там руководители направлений часто обладают абсолютными возможностями и полномочны принимать даже самые абсурдные решения единолично.

Для борьбы с корпоративной коррупцией некоторые крупные розничные сети, например X5 Retail Group N.V. (магазины «Перекресток», «Пятерочка», «Карусель»), помимо ассортиментных комитетов, стали использовать для работы с поставщиками открытые тендеры и даже системы электронных торгов, которые практически исключают личные контакты закупщиков с поставщиками[5].

Следующее направление борьбы со взятками в торговле – оперативная работа служб безопасности самих торговых сетей. Эта мера эффективна даже для внешне не восприимчивой к коррупции западной торговой сети Metro, но и там байеров ловят на взятках. В результате взяточники стали осторожнее. По словам Д. Мещерякова, эксперта по ретейлу, сегодня закупщикам платят в основном через доверенных лиц. Времена, когда взятку могли дать случайные люди, минули. Так, для разрешения введения на полки «Седьмого континента» 30 позиций вина сеть просила у поставщика по $3 000 с каждой позиции (официально), но при содействии знакомого в сети без труда удалось договориться на $1 500. За это нанимавшая компания-поставщик заплатила ему хорошую премию, которой он поделился с человеком из сети»[6].

Как видно из примера, модель коррупции для продвижения товаров в сеть построена из следующих звеньев: поставщик – агент – посредник (см. рис.).



Звенья модели коррупции для продвижения товаров в торговую сеть*

Links of the corruption model for promoting goods in the trading network*

* *Источник*: составлено авторами.

* *Source*: compiled by the authors.

Со слов М. Горбачева: «Как правило, посредники – это сотрудники тех компаний, которые уже работают с интересующей сетью и могут обсудить со знакомым закупщиком стоимость решения того или иного вопроса (например, входа в сеть). Причем посредник легко может запросить с заказчика сумму в два раза больше, чем та, о которой он договорился с байером»[7].

Вовлеченность сотрудников поставщиков в систему откатов приводит к регулярному присвоению конвертов с деньгами, предназначенных для взяток закупщикам торговых сетей, и трансформации представления о них как о собственном дополнительном заработке.

Вокруг многих крупных торговых сетей, где служба безопасности боролась с коррупцией и брать взятки было опасно, появлялись посредники, которые брали деньги и обещали «решить вопрос». Однако

[5] Взятки в ассортименте. Газета к юбилею Retail.ru: 10 лет, 2010. С. 4.

[6] Там же.

[7] Там же.

большая часть из них оказывалась мошенниками: взяв деньги, они просто тянули время в надежде, что байер сам примет положительное решение по этой организации.

Наиболее продвинутые закупщики берут не взятку-откат, а делают совместную с поставщиком товаров торговую марку, которую и вводят в свою сеть. Такой вариант технологичного отката более прибыльный и менее опасный.

Эксперты в сфере ретейла считают, что основная ротация происходит среди «плохих поставщиков» – тех, кто не приносит своей товарной группе нужного оборота. Если поражения рынка ниже степени III, то за взятку байер может заменить одного плохого поставщика на другого. В этом случае поставщику выгоднее действовать не взяткой, создающей эфемерную привилегию и не гарантирующей его присутствие в сети продолжительное время, а улучшить товар, рекламное продвижение, логистику, то есть стать «хорошим поставщиком» и войти в торговую сеть на условиях конкурентного преимущества.

На инициацию коррупции в сфере торговли влияет фактор дефицита. Под его действием субъекты коррупционной сделки меняются местами. Так, в период экономического кризиса количество поставщиков сокращается, уменьшаются суммы откатов, требуемых от них, а отношение к ключевым поставщикам становится более либеральным, так как практически никто в розничной торговле не готов работать с отсрочками платежей более 30 дней. Многие небольшие поставщики оказываются на грани банкротства или разоряются, поэтому у них просто нет денег на взятки [18]. В такой ситуации ослабляются коррупционные сделки, направленные против поставщиков товаров, и розничные сети более гибко подходят к определению условий сотрудничества.

Напротив, коррупционный вектор меняет свое направление на противоположное: диктат переходит на сторону поставщиков, почувствовавших свое превосходство из-за дефицита поставщиков. По словам Н. Полуэктова, «если раньше ретейлеры жестко диктовали большинству поставщиков условия работы – "или так, или никак", то при перезаключении договоров на 2009 г. сети были готовы обсуждать возможные условия контракта. Некоторые поставщики сами начали диктовать свои условия сетям. Например, лидер рынка безалкогольных напитков в одном из регионов вошел в открывшиеся магазины сети "Пятерочка" со своим договором, в котором вместо длительной отсрочки оговорена оплата по факту поставки продукции. Но затем все вернулись к прежней практике. На деле же часть сетей ("Мосмарт", "Гроссмарт", "Самохвал" и т. д.) грохнулись, а те, что остались, только окрепли и диктуют условия, как и прежде. Да и среди поставщиков сегодня немало компаний, готовых нести взятки» [18].

В целом кризис оказывает положительное воздействие на прежнюю склонность «байеров» к коррупции по сделкам с низкокачественным ассортиментом товаров поставщиков, предъявляя к ним для своего выживания на рынке более высокие требования и отказ от коррупции. Тем самым дефицит служит движущей силой смены мест между взяткодателями и взяткополучателями.

Однако существуют и цивилизованные способы борьбы с коррупцией, нежели кризисные последствия. Например, в США проблему с диктатом мультинациональных поставщиков алкогольных напитков в сетях решили введением трехуровневой системы дистрибуции. Суть системы проста: производителям запрещается напрямую продвигать свою продукцию в сети, а только через дистрибуторов. Три уровня – это производитель, дистрибутор и ретейлер. «В США это закреплено на уровне федерального закона в 70-х гг. XX в. Достоинство трехуровневой системы дистрибуции в том, что со стороны производителей она создает условия увеличения численности малых предприятий, неспособных по отдельности конкурировать с крупными поставщиками за вход в сети. В результате суммарный объем поставок увеличивается, а возможности диктата над ретейлерами уменьшаются. Все нормативно-правовые полномочия на общение с ретейлерами переходят дистрибуторам, которые оказываются как между молотом и наковальней. Если производитель способен временно останавливать производство, вынуждая к уступкам, то дистрибутор, приобретя товар, не располагает временем, достаточным для вынуждения уступок. Поэтому он сам идет на уступки торговле. В целом благодаря третьему звену в цепи поставок – дистрибутору коррупционные связи если и не разрываются окончательно, то значительно ослабевают.

Выводы

Проведенный дискурс о противодействии коррупции в торговле позволил выявить, что коррупционные «бонусы» байерам и мерчандайзерам гипермаркетов, фиктивное создание совместной с поставщиком товаров торговой марки приводят к росту цены на прилавках магазинов сетевой торговли более чем на

30 %. Подобные бонусы представляют внерыночные барьеры для поставщиков товаров, направляющих их в магазины сетевой торговли.

Основными причинами, вызывающими коррупцию в торговле, являются поставка низкокачественного товара по завышенной цене посредством взятки-подкупа («личного бонуса») администратору торговой организации и поставка товаров естественным монополиям в форме государственных и муниципальных закупок. Откат превратился в обычай делового оборота большинства сделок. Существенной причиной коррупции в форме откатов служит ослабление численности и потенциала конкурентов. Их число и потенциал меняются под воздействием кризиса. При этом в зависимости от источника дефицита у поставщиков либо у торговых сетей коррупционеры во взятке-подкупе меняются местами.

Уменьшению коррупционных рисков способствует периодический перевод байеров с одной товарной группы на другую, создание ассортиментных комитетов для работы с поставщиками, открытые тендеры на закупку, системы электронных торгов, исключающие личные контакты закупщиков с поставщиками, оперативная работа служб безопасности самих торговых сетей, введение трехуровневой системы дистрибуции, увеличивающей число малых предприятий с передачей им нормативно-правовых полномочий дистрибутора.

В целом выявленные в статье типические признаки коррупции, присущие взаимодействию поставщиков и закупщиков в розничных торговых сетях, механизм их возникновения и формы борьбы с ней могут служить научной основой уточнения теоретического конструкта откатов и стать приемлемым средством искоренения коррупции не только в торговле, но и в других отраслях бизнеса.

Список литературы

1. Brooks R.C. Corruption in American politics and life. New York: Dodd, Mead and Co, 1910. (2nd ed. New York: Arno Press, 1974).

2. Rose-Ackerman S. 1975. The economics of corruption // Journal of Public Economics, February. No. 4 (2). Pp. 187–203.

3. Rose-Ackerman S. 1978. Corruption: A Study in Political Economy. New York: Academic Press.

4. Montias J. M. and Rose-Ackerman S. 1981. Corruption in a Soviet-type economy: theoretical considerations. In Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism: Essays in Honor of Abram Bergson, ed. S. Rosefielde, Cambridge: Cambridge University Press,16.

5. Kneen P. Political corruption in Russia and the Soviet legacy // Crime Law and Social Change. 2000. Vol. 34. No. 4. Pp. 349–367.

6. Паршин И. С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014.

7. Грибков М. А. Противодействие коррупции. Краткая версия / под общ. ред. акад. РАЕН А. В. Орлова, М. А. Грибкова, А. В. Орлова. М.: Палеотип, 2013. 152 с.

8. Антикоррупционная политика / под ред. Г. А. Сатарова. М.: Фонд ИНДЕМ, РА «СПАС», 2004.

9. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г. А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 752 с.

10. Жигун Л. А. Разработанность теории коррупции: направления, представления, элементы, модели // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 8 (80). С. 38.

11. Maurseth B. Norwegian companies's experiences in Russia // Internasjonal Politikk. 1997. Vol. 55. No. 1. Pp. 61–64.

12. Ledeneva A. V. Practices of exchange and networking in Russia // Soziale Welt-Zeitschrift fur Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis. 1997. Vol. 48. No. 2. Pp. 151–153.

13. Cheloukhine S., King J. Corruption networks as a sphere of investment activities in modern Russia // Communist and Post-communist Studies. 2007. Vol. 40. No. 1. Pp. 107–122.

14. Orlova A. Corruption in Russia – On the myth of the market and the state as antidote // Osteuropa. 2008. Vol. 58. No. 1. Pp. 21–26.

15. Holmes L. Corruptin and organized crime in Putin's Russia // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. No. 6. Pp. 1011–1031.

16. Stein-Redent R., Schwarz M. State and economy in Russia. Interest conveyance between corruption and concertation // Politische Vierteljanresschrift. 2008. Vol. 49. No. 3. Pp. 576–582.

17. Боярский А., Молчанова В. Взятки в ассортименте // Коммерсантъ: Деньги. 19.10.2009. № 41 (746). URL: http://www.kommersant.ru/doc/1256633 (дата обращения: 18.10.2015).

18. Воронцов Б. Откат. Понятие и способы снижения ущерба. Противодействие методам конкурентной разведки. Нижний Новгород: Агентство конкурентной разведки «Информант». URL: http://vallaam.livejournal.com/45422.html (дата обращения: 04.01.2015).

19. Годдард С. Противодействие коррупции и отмыванию доходов, связанных с нелегальной заготовкой и торговлей древесиной // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2009. № 3. С. 23–30.

20. Ткаченко Д. В., Горбачев М. Н. ОТКАТ-2. Особая Техника Клиентской АТтракции. М.: ЭКСМО, 2010. 160 с. URL: http://libatriam.net/read/416282/ (дата обращения: 24.10.2015).

21. Денисов Д. Территория «отката» // Бизнес-журнал, 26.04.2005. № 8 (69). С. 30–35. URL: hhttp://b-mag.ru/PDFs/2005/2005_05_FEDERAL_08.pdf (дата обращения: 04.01.2015).

22. Потрашков В. Ю. Международный форум участников электронной торговли – еще один шаг на пути борьбы с коррупцией // Экономические стратегии. 2008. Т. 10. № 7. С. 62–67.

23. Пантелеев В. Ю. Анализ коррупционных процессов в сфере производства и торговли товарами, оказания услуг, выполнения работ // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2. С. 256–263.

24. Сироткина Н. Г. Коммерческая деятельность предприятий на рынке электронных государственных закупок: возможности и риски // Экономика и управление. 2012. № 4 (78). С. 42–46.

25. Феоктистова Е. М. Коррупция в российской торговле // Организационно-управленческие механизмы антикоррупционной деятельности (российский и зарубежный опыт): II Междунар. интерактивная онлайн-видеоконференция российских и зарубежных университетов и РЭУ им. Г. В. Плеханова при участии представителей государственной власти Российской Федерации / отв. ред. Р. А. Абрамов, 2014. С. 248–250.

В редакцию материал поступил 20.10.15

© Жигун Л. А., Феоктистова Е. М., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Жигун Леонид Александрович, доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер., 36, тел.: 8 (499) 237-83-32

E-mail: manpseu@yandex.ru

Феоктистова Елена Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Адрес: 117997, Москва, Стремянный пер., 36, тел.: 8 (499) 237-93-61

E-mail: feoktistova.em@gmail.com

Как цитировать статью: Жигун Л. А., Феоктистова Е. М. Дискурс о противодействии коррупции в сетевой торговле // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 50–59.

L. A. ZHIGUN,

Doctor of Economics, Professor,

E. M. FEOKTISTOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

DISCOURSE ON CORRUPTION COUNTERACTION IN NETWORK TRADE

Objective: to determine the specific forms of corruption and promising methods to counteract corruption in network trade.

Methods: the combination of inductive observations, comparisons, generalizations, facts and trends of corruption in network trade with a logical analytical deduction of economic theories and the corruption concept are the basis of the study and provide an opportunity, on the one hand, to assess the level of compliance of theoretical concepts of corruption with the practice and, on the other hand, to determine their applicability to organize opposition and create conditions to prevent its occurrence; to summarize the features of corruption in the form of a kickback, the discourse method was applied in this work.

Results: on the basis of theoretical provisions and facts of corruption in trade, it is proved that it has typical characteristics of corruption in commercial and non-profit organizations. The key reasons are identified why corruption occurs in trade. Among them, supply of poor quality goods at inflated prices, leading to bribery in the form of «personal bonus» to administrator of the trading organization when selling goods by

an unscrupulous supplier, and also supply goods to the trade organizations, which will not buy without kickback. Most of these corrupt deals are carried out by natural monopolies in the form of state and municipal procurement. In some cases, the kickback is the argument, stimulating the decision to introduce new and advanced technologies. The factors that lead to corruption in trade are listed, and reasonable methods to counteract it are grounded, allowing to create conditions for its eradication in other branches of business as well.

Scientific novelty: for the first time a generalization has been made about the deficit as the driving force in the mechanism, when the bribe-givers and bribe-takers change places.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the research of specific forms of corruption and in the developing methods of combating corruption both in trade and in other business areas.

Key words: corruption; network trade; bribe; bribery; kickback; sales; supply; purchase; entering the network.

References

1. Brooks, R.C. *Corruption in American politics and life*. New York: Dodd, Mead and Co, 1910. (2nd ed. New York: Arno Press, 1974).

2. Rose-Ackerman, S. The economics of corruption // *Journal of Public Economics, February*, 1975, no. 4 (2), pp. 187–203.

3. Rose-Ackerman, S. *Corruption: A Study in Political Economy*. New York: Academic Press, 1978.

4. Montias, J. M. and Rose-Ackerman, S. 1981. *Corruption in a Soviet-type economy: theoretical considerations*. In Economic Welfare and the Economics of Soviet Socialism: Essays in Honor of Abram Bergson, ed. S. Rosefielde, Cambridge: Cambridge University Press, 16.

5. Kneen, P. Political corruption in Russia and the Soviet legacy // *Crime Law and Social Change*, 2000, vol. 34, no. 4, pp. 349–367.

6. Parshin, I. S. *Protivodeistvie korruptsii: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* (Corruption counteraction: criminal-legal and criminological research): avtoref. dis. na soisk. uch. step. kand. yur. nauk. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2014.

7. Gribkov, M. A. *Protivodeistvie korruptsii. Kratkaya versiya* (Corruption counteraction. Brief version) / pod obshch. red. akad. RAEN A. V. Orlova, M. A. Gribkova, A. V. Orlova. M.: Paleotip, 2013, 152 p.

8. *Antikorruptsionnaya politika* (Anti-corruption policy) / pod red. G. A. Satarova. M.: Fond INDEM, RA «SPAS», 2004.

9. *Rossiiskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika: opyt sotsiologicheskogo analiza* (Russian corruption: level, structure, dynamics: experience of sociological analysis) / pod red. G. A. Satarova. M.: Fond «Liberal'naya Missiya», 2013, 752 p.

10. Zhigun, L. A. Razrabotannost' teorii korruptsii: napravleniya, predstavleniya, elementy, modeli (Elaboration of the theory of corruption: directions, conceptions, elements, models) // *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2015, no. 8 (80), p. 38.

11. Maurseth, B. Norwegian companies' experiences in Russia // *Internasjonal Politikk*, 1997, vol. 55, no. 1, pp. 61–64.

12. Ledeneva, A. V. Practices of exchange and networking in Russia // *Soziale Welt-Zeitschrift fur Sozialwissenschaftliche Forschung und Praxis*, 1997, vol. 48, no. 2, pp. 151–153.

13. Cheloukhine, S., King, J. Corruption networks as a sphere of investment activities in modern Russia // *Communist and Post-communist Studies*, 2007, vol. 40, no. 1, pp. 107–122.

14. Orlova, A. Corruption in Russia – On the myth of the market and the state as antidote // *Osteuropa*, 2008, vol. 58, no. 1, pp. 21–26.

15. Holmes, L. Corruptin and organized crime in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60, no. 6, pp. 1011–1031.

16. Stein-Redent, R. Schwarz, M. State and economy in Russia. Interest conveyance between corruption and concertation // *Politische Vierteljanresschrift,* 2008, vol. 49, no. 3, pp. 576–582.

17. Boyarskii, A., Molchanova, V. Vzyatki v assortimente (Bribes in assortment) // *Kommersant": Den'gi,* 19.10.2009, no. 41 (746). Available at: http://www.kommersant.ru/doc/1256633 (access date: 18.10.2015).

18. Vorontsov, B. *Otkat. Ponyatie i sposoby snizheniya ushcherba. Protivodeistvie metodam konkurentnoi razvedki* (Kickback. Notion and means of reducing harm. Counteraction to the methods of competitive intelligence). Nizhnii Novgorod: Agentstvo konkurentnoi razvedki «Informant». Available at: http://vallaam.livejournal.com/45422.html (access date: 04.01.2015).

19. Goddard, S. Protivodeistvie korruptsii i otmyvaniyu dokhodov, svyazannykh s nelegal'noi zagotovkoi i torgovlei drevesinoi (Counteraction against corruption and income laundering in illegal logging and trading of wood) // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii,* 2009, no. 3, pp. 23–30.

20. Tkachenko, D. V., Gorbachev, M. N. *OTKAT-2. Osobaya Tekhnika Klientskoi ATtraktsii* (KICKBACK-2. Special technique of clients' attraction). M.: EKSMO, 2010, 160 p. Available at: http://libatriam.net/read/416282/ (access date: 24.10.2015).

21. Denisov, D. Territoriya «otkata» («Kickback» territory) // *Biznes-zhurnal*, 26.04.2005, no. 8 (69), pp. 30–35. Available at: hhttp://b-mag.ru/PDFs/2005/2005_05_FEDERAL_08.pdf (access date: 04.01.2015).

22. Potrashkov, V. Yu. Mezhdunarodnyi forum uchastnikov elektronnoi torgovli – eshche odin shag na puti bor'by s korruptsiei (International forum of e-trade participants – another step of corruption counteraction) // *Ekonomicheskie strategii*, 2008, vol. 10, no. 7, pp. 62–67.

23. Panteleev, V. Yu. Analiz korruptsionnykh protsessov v sfere proizvodstva i torgovli tovarami, okazaniya uslug, vypolneniya rabot (Analysis of corruption processes in the sphere of production and trading goods, rendering services, execution of works) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2012, no. 2, pp. 256–263.

24. Sirotkina, N. G. Kommercheskaya deyatel'nost' predpriyatii na rynke elektronnykh gosudarstvennykh zakupok: vozmozhnosti i riski (Commercial activity of an enterprise in the market of digital public purchases: opportunities and risks) // *Ekonomika i upravlenie*, 2012, no. 4 (78), pp. 42–46.

25. Feoktistova, E. M. Korruptsiya v rossiiskoi torgovle (Corruption in the Russian trade) // *Organizatsionno-upravlencheskie mekhanizmy antikorruptsionnoi deyatel'nosti (rossiiskii i zarubezhnyi opyt)*: II Mezhdunar. interaktivnaya onlain-videokonferentsiya rossiiskikh i zarubezhnykh universitetov i REU im. G. V. Plekhanova pri uchastii predstavitelei gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii / otv. red. R. A. Abramov, 2014, pp. 248–250.

Received 20.10.15

Information about the authors

Zhigun Leonid Aleksandrovich, Doctor of Economics, Professor, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: 8 (499) 237-83-32

E-mail: manpseu@yandex.ru

Feoktistova Elena Mikhailovna, PhD (Economics), Associate Professor, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: 8 (499) 237-93-61

E-mail: feoktistova.em@gmail.com

For citation: Zhigun L. A., Feoktistova E. M. Discourse on corruption counteraction in network trade // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 50–59.

© Zhigun L. A., Feoktistova E. M., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Зубаков, В. М.

Воспроизводственная функция общего благосостояния в системе национального накопления / В. М. Зубаков, Р. И. Хикматов, Р. М. Кочеткова ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 200 с.

В монографии задача достижения общего благосостояния в стране раскрывается на примере двух основных законов благосостояния, а также с учетом третьего, в основу которого положена система социального страхования населения. Главным жизненным стимулом для любого человека в любой стране является уверенность, что его старость будет спокойной и обеспеченной. Главным побудительным стимулом человека к накоплению на свою будущую обеспеченную старость являются пенсионные отчисления, которые мотивируют индивида в течение долгой активной жизни на упорный производительный труд и обеспечивают воспроизводственную функцию политики общего благосостояния в системе национального накопления. Поэтому авторы считают, что в основе страховой финансовой политики в любой стране должно присутствовать не сбережение нынешних пенсионных накоплений (до выхода на пенсию), а умножение будущего пенсионного потребления (после выхода на пенсию). Этот, по сути, воспроизводственный рыночный подход к социально-экономическим процессам в любом обществе наиболее полно отражается в третьем законе благосостояния, который сформулирован авторами и которому найдено место в структуре формирования системы общего благосостояния в стране.

Будет интересна широкому кругу участников рыночных отношений – как экспертам социальных программ правительства, так и практическим работникам органов власти всех уровней. Информацию из монографии можно также использовать на занятиях со студентами старших курсов экономических вузов и специальностей.

УДК 340.1:343.9:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2196
Краснов А. В., Скоробогатов А. В.
С. 60–67.

А. В. КРАСНОВ,
кандидат юридических наук, доцент
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Россия,
А. В. СКОРОБОГАТОВ,
доктор исторических наук, профессор
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ: ТРАНСФЕР И ТРАДИЦИЯ

Цель: сформировать научно обоснованное знание о возможности применения постклассической методологии к исследованию проблемы противодействия коррупции в России.
Методы: методологическую основу исследования составляет постклассическая мировоззренческая парадигма в форме антрополого-правовой методологии, которая определила выбор конкретных методов исследования: компаративного, герменевтического, дискурсивного.
Результаты: противодействие коррупции в России в значительной степени основано на правовом трансфере без учета национальной правовой традиции. Отсутствие связи с правовым опытом снижает эффективность деятельности в этой сфере. В статье доказывается, что заниматься проблемой противодействия коррупции невозможно, не разрешив концептуальных проблем, связанных с культурной и прочей самоидентификацией российского общества как традиционного, а также ролью и местом неписаного закона в регулировании общественных отношений.
Научная новизна: в статье впервые в отечественной правовой науке политика противодействия коррупции в России проанализирована в антропологическом контексте.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития, в практической деятельности правотворческих и правоприменительных органов в формировании эффективной системы противодействия коррупции в России.

Ключевые слова: противодействие коррупции; антрополого-правовое исследование; правовой трансфер; правовая традиция; неписаное право; правовой архетип; правосознание.

Введение

Одним из важнейших направлений развития правовой и политической системы общества является создание эффективного механизма реализации велений государства. Среди явлений, снижающих эту эффективность, велика роль коррупции, что ведет к необходимости разработки и реализации мер по противодействию ей. В современных условиях эта деятельность ведется недостаточно результативно, что обуславливает как поиски причин этого, так и разработку системы правовых мер, направленных на повышение ее эффективности.

Место коррупции и мер по противодействию ей в социальном и правовом развитии обусловили большое число работ, посвященных различным ее аспектам [1]. Однако исследования проблем коррупции, нелегального бизнеса, неформальных практик в государственном аппарате в контексте антрополого-правового подхода постклассической методологии характерны главным образом лишь для зарубежной антропологической и социологической науки. В России такого рода исследования как компонент более общей тематики можно обнаружить в трудах исследователей антропологической и экономической направленности: В. В. Бочарова [2], В. А. Найшуля [3] и некоторых других.

Результаты исследования

Современная методологическая ситуация в отечественном правоведении достаточно своеобразна и характеризуется целым рядом черт, среди которых можно выделить фактическое преобладание научных правовых исследований в позитивистском духе. Отметим, что в данном случае мы имеем в виду установку на исследование исключительно законодательства и практики его применения. Сама по

себе такая установка не является какой-то ущербной, однако она значительно сужает поле исследования, особенно в плане изучения обычно правовых регуляторов [4]. Как отметила профессор Т. Я. Хабриева, «…потенциал нормативизма по совершенствованию законотворческой деятельности во многом исчерпан, и необходимо обратиться к интеграции идей и доктрин правотворчества»[1].

Исследовательская установка позитивистского характера находит свое отражение в комплексе мер, которые предлагаются в действующем Федеральном законе «О противодействии коррупции» (ст. 6, 8, 8.1, 9–11 и др.)[2]. Большинство из них можно назвать чисто правовыми в том смысле, что речь идет главным образом о правовых формах, с помощью которых предполагается ввести в необходимое русло соответствующие отношения. Это антикоррупционная экспертиза, предъявление квалификационных требований к государственным и муниципальным служащим, дополнительные основания для их увольнения, меры поощрения, парламентский и общественный контроль за соблюдением законодательства, контроль за доходами и расходами чиновников, урегулирование конфликтов интересов, запреты, ограничение в трудовой деятельности государственных служащих и пр. Лишь отдельные моменты (к примеру, п. 1 ст. 6 (формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению)) выходят за рамки чисто правовых средств.

Содержание ст. 7 («Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции») также дает нам основания говорить о том, что противодействие коррупции в целом видится, прежде всего, в реформировании и совершенствовании деятельности государственного аппарата, налаживании его связей с обществом, работе над законодательством. Лишь отдельные направления косвенно касаются совершенствования общественных институтов, но опять-таки с позиций взаимодействия с государством.

Подобного рода картину можно наблюдать и при ознакомлении с Национальным планом противодействия коррупции на 2014–2015 гг.[3] Обращает на себя содержание п. «е», где говорится об обеспечении научных междисциплинарных (обратим внимание на обнадеживающий факт!) исследований. Однако перечень намечаемых вопросов, в сущности, не выходит за рамки исследования и совершенствования законодательства, а также его реализации.

Законодательство России, посвященное борьбе с коррупцией, а также практика его применения, по нашему мнению, не может исследоваться, во-первых, вне контекста правовых заимствований, использования правового опыта зарубежных государств, а во-вторых, без учета складывающихся параллельных позитивному праву правовых практик, отражающих неписаные законы, которыми руководствуется значительная часть общества. На данном этапе развития юридической науки не представляется возможным игнорировать призыв к уважительному отношению ко всем складывающимся в обществе правовым практикам (обычному праву, неписаным законам), к исследованию правовых систем с позиций правового плюрализма, характерного для постклассической методологии [5]. Термин «неписаный закон» в смысле обычноправового регулятора общественных отношений давно известен в науке. В современных антрополого-правовых исследованиях неписаные нормы обычного права рассматриваются как один из наиболее важных объектов исследования [6].

Отметим, что изучение неписаных норм способно пролить свет на сущностные характеристики коррупции, что соответствует одному из основных направлений деятельности по противодействию ей – выяснению ее причин и условий (п. 2 «а» ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»). Кроме того, в качестве антикоррупционных принципов названы комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; сотрудничество государства с институтами гражданского общества (п. 5 и 7 ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»).

Коррупция представляет собой явление, характерное для разных типов общества – как гражданского,

[1] X Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Правотворчество и юридическая наука: современные проблемы» // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.izak.ru/news.html?id=122&lang=ru. (дата обращения: 10.10.2015).

[2] Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 (ред. от 22.12.2014 № 431-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[3] Указ Президента РФ № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг.» от 11.04.2014 (ред. от 15.07.2015. № 364) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1729.

«западного», так и традиционного, «восточного». Намечая пути борьбы с коррупцией в России, необходимо, прежде всего, решить вопрос о социокультурной идентичности российского общества, так как в качестве пригодных правовых средств противодействия коррупции могут рассматриваться лишь те, которые существенно не расходятся с уровнем и качеством отечественной правовой культуры и правосознания, а также сложившимися обычными регуляторами.

Указанный вопрос, безусловно, не является чисто правовым, так как связан с целым рядом факторов политического, экономического, социального характера. Характерной особенностью любой правовой системы является ее способность к самосовершенствованию и самовосполнению недостающих регулятивных и охранительных правил и институтов, что обусловлено потенциальными возможностями права трансформироваться относительно изменившихся социально-экономических условий. Одной из форм развития национальной правовой системы выступают правовые заимствования. В процессе заимствования права одну из определяющих ролей играет государство в целом, а также правящие элиты. С одной стороны, в какой-то мере заимствование права обуславливается выбором определенной государственной модели, с другой – выбор государственной и экономической модели детерминирует правовые заимствования.

Правовые заимствования можно рассматривать как добровольное или насильственное использование нормативного, правоприменительного и ценностного правового опыта при модернизации (совершенствовании) национальной правовой системы. К правовым заимствованиям можно отнести: рецепцию права (заимствование и приспособление к условиям национальной правовой семьи юридических норм, принципов и ценностей, выработанных в другой системе), правовой трансфер (прямой перенос юридических норм, принципов и ценностей общества донора в правовую систему реципиента без учета национальных правовых традиций, надстройка над национальной правовой культурой системы иных правовых ценностей, которые объявляются господствующими), правовая экспансия (насильственное навязывание культурно чуждых правовых идей, моделей и представлений одной правовой системы другой, поддерживаемое не только культурно, но и на основе принуждения), правовой диалог (двусторонний обмен правовым опытом с целью интеграции национальных правовых систем), правовую аккультурацию (привитие элементов правовой системы общества западного типа традиционным обществам или обществам, уступающим им в правовом развитии). Как правило, среди обозначенных форм правовых заимствований добровольной является лишь рецепция права, поскольку она не предполагает полного разрыва с национальной правовой традицией [7]. Остальные формы заимствований реализуемы только через принуждение либо со стороны общества-донора, либо со стороны политической элиты общества-реципиента.

Если в предшествующие периоды развития отечественного права основной формой его развития являлась рецепция (даже петровская модернизация и либеральные реформы Александра II не привели к полному разрыву национальной правовой традиции), то в постсоветское время основной формой правовых заимствований становится правовая аккультурация. В значительной степени это объясняется идеологическими установками российской политической элиты начала 1990-х гг. Провозгласив Россию частью «западной цивилизации», социальным, правовым, демократическим государством, власть взяла курс не на совершенствование имеющейся системы, а на полный ее слом и создание на ее основе совершенно новой системы, основанной на западном, «демократическом», опыте.

Правовая аккультурация – лишь один из аспектов аккультурации как социокультурного явления. Для российского общества важным представляется сохранение своей культурной идентичности, в том числе в правовой сфере [8], борьба с маргинализацией, выхолащиванием истоков своей культуры – как общей, так и правовой. При этом необходимо иметь в виду, что в глобализирующемся мире процесс аккультурации выглядит вполне объективным, причем на первый план выходит экспансия (подчас воинствующая) западной культуры. Что касается правовых аспектов, то, как нам кажется, на сегодняшний день представляется вполне очевидным факт заимствования норм западного права в России, что, безусловно, говорит о высокой актуальности исследований в указанном нами направлении.

Аккультурация как социальное и культурное явление стала складываться по мере развития колониальной экспансии европейских стран. Однако научное осмысление этого понятия происходит лишь в XIX в., когда собранные фактологические данные позволили говорить о форме и содержании влияния, оказываемого одной культурой при соприкосновении с другой. В XX в. ученые начинают выделять возможные ва-

рианты социокультурного воздействия – от полного принятия иной культуры до частичного принятия и даже отторжения; аккультурация исследуется как в групповом, так и личностном контексте; единое определение указанного понятия так и не было сформировано, хотя в целом чаще всего под аккультурацией в науке понимается некий длительный межкультурный контакт, в результате которого появляется некая новая культурная целостность [9].

Что касается правовой аккультурации, то она проявляется во взаимодействии правовых культур разных обществ. Традиционно правовая аккультурация исследуется в историко-правовых науках (в контексте стадий развития общества), социологии права, сравнительном правоведении (межкультурные взаимодействия правовых систем). Достаточно интересными выглядят исследования правовой аккультурации в юридической антропологии.

Известный антрополог права Н. Рулан отмечает, что перенос, рецепция иностранных правовых средств в традиционное общество приводит к простому сосуществованию двух систем; удовлетворительная «передача» права становится возможной только тогда, когда общество само побуждается к изменениям [10]. Конечно, указанное высказывание в большей степени было адресовано родоплеменным странам Африки, однако выявленные ученым закономерности проявляют себя и в других традиционных обществах.

Для современной России характерной представляется несколько иная ситуация: происходит частичное переплетение сложившихся регуляторов с законодательством. При этом законодательство, не вступающее в прямое противоречие с традиционной ментальностью, вполне эффективно реализуется, чего нельзя сказать о тех нормах, которые введены в российский правовой оборот без учета исторически ментально сложившихся условий. Последние фактически игнорируются, а их место занимают иные регуляторы.

Как нам кажется, применительно к России можно использовать термин «трансфер», который означает перенос правовых ценностей одного общества в другое без учета специфики общества реципиента. В отношении российского массива форм права о трансфере можно говорить, прежде всего, в контексте содержания. При сохранении в целом традиционных форм права происходит трансфер специфического содержания, не соответствующего национальной правовой традиции, что снижает эффективность форм не только в содержательном, но и формальном аспекте.

Поскольку противодействие коррупционным явлениям выступает как задача не внутригосударственная, а глобальная, то в работе над антикоррупционным законодательством, естественно, не могли не проявить себя некоторые элементы правового заимствования, в том числе в форме трансфера.

Очевидно, что в контексте форм права[4] антикоррупционное законодательство не вносит новелл – об этом свидетельствует, в частности, содержание ст. 2 ФЗ «О противодействии коррупции», в которой закреплен вполне традиционный перечень нормативных правовых актов. А вот содержание норм позитивного права действительно позволяет говорить о новых моментах в регулировании. Хотя в советскую эпоху имелось определенное законодательство в исследуемом нами направлении, однако с учетом широких заимствований в 1990-е гг. зарубежных, западных принципов регулирования публичных отношений прежние правовые средства по факту признаются неэффективными. Кроме того, с заимствованием западных публично-политических практик появляются и новые формы коррупционной деятельности, объективно требующие учета и использования соответствующего иностранного правового опыта. В определенной степени изживание советского опыта борьбы с казнокрадством и взяточничеством связано и с практикой применения смертной казни за хищение государственного имущества в особо крупных размерах, на определенных этапах приобретавшей гипертрофированный характер.

«Причиной заимствования западного законодательства служит также тот факт, что именно право является сегодня главным маркером "цивилизованности". Эталоном же последней считается, конечно, Запад. Поэтому государства Востока порой просто вынуждены соответствовать эталону, внедряя у себя известные правовые системы» [2, с. 12].

Выше мы обозначили в самой общей форме правовые средства, рассматриваемые как самые основные при регулировании отношений по противодействию

[4] С нашей точки зрения, формы права (формы выражения права) представляют собой непосредственно внешне выраженные явления, единство носителя информации (документы и пр.) и правового содержания (нормы, выраженные в указанных документах и пр.), то есть некий финальный результат преобразования правовой информации в текст, обозначенный на носителе. Их следует отличать от источников права, которые представляют собой истоки права, факторы и силы, творящие право.

коррупции. Как нам кажется, законодатель в большей степени использует такие средства, которые связаны с индивидуалистской моделью общества. В частности, негативные последствия коррупционных деяний в большинстве своем затрагивают само лицо или только его прямое руководство, в крайнем случае членов его семьи. В то же время для российского правового архетипа сознания характерен ряд черт, свидетельствующих о преобладании элементов традиционного характера. В частности, отечественное сознание предполагает приоритет принципа коллективизма, блага общества, а не индивидуалистических ценностей, уважительное отношение к своему долгу [11]. Кроме того, как показывают опросы, большой процент отвечавших предпочитают поступать не по закону, а «по совести» и в случае противоречия между требованиями нравственности и закона отдадут приоритет «совести». Следование же формальному закону в большей степени обеспечивается не уважением к нему, а страхом перед наказанием [12]. Власть и закон в российском общественном правосознании рассматриваются как силы консервативные, основанные на авторитете предков, определяющие характер существования сообщества в соответствии с традиционными моделями поведения, поэтому власти обеспечивается поддержка и в том случае, если ее действия сомнительны с точки зрения позитивного права, однако при этом ею соблюдаются обычноправовые нормы [13]. Именно поэтому принятие широких репрессивных мер к представителям власти вряд ли найдет поддержку у основной части населения. Как мы отмечали в своих работах, в силу того, что следование закону вызвано в большей степени страхом перед наказанием, особое значение приобретает выбор санкций за коррупционные деяния [14].

Необходимо иметь в виду, что тот или иной чиновник зачастую является членом некой общности, «клана», который берется его поддерживать и защищать. И его действия нельзя анализировать вне контекста соответствующих связей и договоренностей. Естественно, что меры, принятые лишь к одному из членов клана, не устраняют системную проблему. В то же время очевидно, что в рамках принятой у нас официальной правовой модели установить соответствующие коррупционные связи чрезвычайно сложно. Сказанное говорит о том, что к соответствующему коррупционеру и его более высокому по статусу куратору эффективнее принять меры, основанные на так называемом неписаном законе.

Неписаные законы (обычное право) характерны, прежде всего, для стран традиционного общества, куда вполне можно отнести и Россию, хотя имеют распространение и в западных государствах с гражданским обществом. Антропологические исследования показывают, что в традиционных обществах (на примере Перу) официальный бизнес вести невыгодно в силу сложившихся там условий (утверждение, которое мы часто слышим и применительно к российским реалиям). При этом в теневом бизнесе не царит «право силы», как и в легальном, там существует «сила права» (обычного права). По сути, в «тени» живет параллельный мир со своими профсоюзами, судами, правовыми нормами, который во многом эффективнее официального мира. Уход от подобной ситуации видится в ликвидации бюрократических препон, постепенной либерализации всей хозяйственной жизни.

Именно неформальный бизнес рассматривается как носитель истинного духа капитализма. В основе такой обычноправовой системы лежит репутация, которая упрощает коммуникацию с другими участниками сложившихся отношений. И если на Западе идеалом отношений считается конкуренция, то на Востоке основным принципом выступает достижение гармонии и согласия [15].

Современные антропологи ставят вопрос об оценке так называемой криминализации государств с неписаным правом: насколько корректным выглядит использование этого термина, учитывая, что для стран традиционного общества ситуация с обходом государственного закона с помощью обычного права является нормой; более того, такой вектор развития оказывается эффективнее, чем навязываемая Западом модель экономики; наконец, неписаный закон отражает сложившиеся в обществе представления о морали, справедливости и честности [2, с. 30–31].

Очевидно, что высказанные суждения вполне можно отнести и к российской государственно-правовой действительности, что подтверждается рядом исследований [2, с. 39]. Существовали даже попытки рассмотреть неписаный закон как некую базу для экономических реформ в России постсоветского периода (1990-е гг.); более того, выдвигались предложения по учету обычного права в экономической сфере того времени при проведении реформ. Действительно, логику реформирования, которая изначально основывалась на неких неписаных схемах, носящих изначально коррупционный характер, невозможно понять из действующего законодательства [3].

В этом плане вышеназванная законодательная модель системы правовых средств противодействия коррупции в России вряд ли будет претендовать на высокую эффективность в силу противоречия сложившейся системе обычноправовых регуляторов, правовому менталитету. Подчеркнем, что мы далеки от идеализации сложившейся системы отношений, понимая риски, которые связаны с ее функционированием, однако необходимо учесть и обратную сторону медали: дело в том, что законодательство, противоречащее правовому менталитету и обычному праву, выражающее некий правовой идеал, выработанный в обществе иного типа и с другой историей, само по себе несет опасный заряд, так как способно породить иной виток коррупции, а также правовой нигилизм как следствие его плохой эффективности.

В широком смысле к источникам права, которые должны исследоваться при изучении проблемы противодействия коррупции, следует отнести, с нашей точки зрения, интересы и потребности людей; правовые и иные социальные традиции, правовые и иные социальные ценности; ментальные представления о правовом поведении, общественное сознание; деятельность компетентных государственных органов и в делегированных и допустимых государством пределах общественных организаций по созданию проектов нормативных правовых актов; судебная практика; религиозные, моральные, корпоративные и иные социальные нормы; правовые принципы, сложившиеся в данной правовой системе или включенные в нее в результате различных форм правовых заимствований; правовая и религиозная доктрина (официальная и научная).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что невозможно заниматься проблемой противодействия коррупции, не разрешив концептуальных проблем, связанных с культурной и прочей самоидентификацией российского общества как традиционного, а также ролью и местом неписаного закона в регулировании общественных отношений. Правовые неписаные практики пронизывают общественную жизнь, будучи глубоко внедренными в сознание широких слоев населения. Разработка законопроектов не может ограничиваться использованием правовых средств, заимствованных из зарубежного законодательства и во многом не соответствующих российскому правовому архетипу. Большое внимание должно быть уделено применению мер по исследованию и диалектической трансформации сложившихся стереотипов поведения в новую форму поведения с учетом антикоррупционных требований, но с сохранением традиционных ценностей коллективизма, доверия к государству и пр.

Отрицание очевидных социальных фактов можно сравнить с позицией страуса – и если для практикующего политика, который не может в силу конъюнктурных соображений публично обозначить те или иные проблемы, это выглядит относительно нормальным с точки зрения закономерностей борьбы за политическое лидерство, то для научного исследователя подобная позиция в конечном счете означает путь к прямой деградации науки, искажению отражаемой сознанием реальности.

Список литературы

1. Братановский С. Н. Противодействие коррупции в системе исполнительной власти в Российской Федерации. Административно-правовые аспекты. Саратов: Электронно-библиотечная система IPRbooks, 2012. 401 с.

2. Бочаров В. В. Неписаный закон: Антропология права. Научное исследование: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 386 с.

3. Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма. Погружение в трясину. М., 1991. URL: http://www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev (дата обращения 10.10.2015).

4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. С. 91.

5. Ковлер А. И. Антропология права: учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 2002. С. 10.

6. Пилюгина Н. С. Антропологический метод познания права: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 25 с.

7. Рыбаков В. А. Рецепция права: общетеоретические вопросы. Омск, 2009. 250 с.

8. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 79–85.

9. Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. С. 19–27.

10. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов / отв. ред. В. С. Нерсесянц; пер. под ред. А. И. Ковлер. М.: Норма, 1999. С. 185, 190–191.

11. Скоробогатов А. В. Факторы формирования правовой реальности России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1572–1576.

12. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Правовое сознание учащейся молодежи: юридические и психологические аспекты // Междисциплинарные исследования права: отечественный и зарубежный опыт: мат-лы ежегодн.

методологического семинара (Казань, 25.02.2011) / отв. ред. И. Б. Петрунина, А. В. Скоробогатов; КЮИ (ф) РПА Минюста России. М.; Казань: РПА Минюста России, 2011. С. 25–31.

13. Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Роль правосознания в развитии правовой реальности // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 18–21.

14. Краснов А. В. Адекватность санкций норм права как фактор повышения эффективности борьбы с коррупцией // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Познание» ИЭУП, 2012. С. 90–94.

15. Сото Э. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Catallaxy, 1995. С. 130–135, 178, 245–246.

В редакцию материал поступил 14.10.15

© Краснов А. В., Скоробогатов А. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Адрес: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, тел.: (843) 273-16-54

E-mail: field08@mail.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Как цитировать статью: Краснов А. В., Скоробогатов А. В. Правовые аспекты противодействия коррупции в России: трансфер и традиция // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 60–67.

A. V. KRASNOV,

PhD (Law), Associate Professor

Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan, Russia

A. V. SKOROBOGATOV,

Doctor of History, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

LEGAL ASPECTS OF CORRUPTION COUNTERACTION IN RUSSIA: TRANSFER AND TRADITION

Objective: to generate scientifically based knowledge about the possibility of implementing the post-classical methodology to the study of corruption counteraction issues in Russia.

Methods: the methodological basis of research is post-classical paradigm of the world outlook in the form of anthropological-legal methodology, which determined the choice of specific research methods: comparative, hermeneutic, and discursive.

Results: corruption counteraction in Russia is largely based on the legal transfer without consideration to national legal traditions. The lack of connection with legal experience reduces the effectiveness of activities in this area. This paper argues that it is impossible to address the issue of fighting corruption without solving the conceptual problems associated with cultural and other self-identification of the Russian society as a traditional one, as well as with the role of unwritten law in regulating social relations.

Scientific novelty: for the first time in the Russian legal science, the anti-corruption policies in Russia are analyzed in the anthropological context.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching in addressing issues about the nature and content of legal development, practical activities of law-making and law-enforcement authorities in the formation of effective corruption counteraction system in Russia.

Key words: corruption; anthropological-legal research; legal transfer; legal tradition; unwritten law; legal archetype; legal conscience.

References

1. Bratanovskii, S. N. *Protivodeistvie korruptsii v sisteme ispolnitel'noi vlasti v Rossiiskoi Federatsii. Administrativno-pravovye aspekty* (Corruption counteraction in the system of executive power in the Russian Federation. Administrative-legal aspects). Saratov: Elektronno-bibliotechnaya sistema IPRbooks, 2012, 401 p. EBS «IPRbooks».

2. Bocharov, V. V. *Nepisanyi zakon: Antropologiya prava. Nauchnoe issledovanie* (Unwritten law. Anthropology of law. Scientific research): ucheb. posobie. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2012, 386 p.

3. Naishul', V. A. *Vysshaya i poslednyaya stadiya sotsializma. Pogruzhenie v tryasinu* (Highest and inal stage of socialism. Submersion into quagmire). M., 1991. Available at: http://www.libertarium.ru/l_libnaul_brezhnev (access date: 10.10.2015).

4. Tarasov, N. N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* (Metthodological problems of legal science). Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001, p. 91.

5. Kovler, A. I. *Antropologiya prava* (Anthropology of law): uchebnik dlya vuzov. M.: Norma-Infra-M, 2002, p. 10.

6. Pilyugina, N. S. *Antropologicheskii metod poznaniya prava: Teoretiko-pravovoi analiz* (Anthropological method of law cognition: Theoretical-legal analysis): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2009, 25 p.

7. Rybakov, V. A. *Retseptsiya prava: obshcheteoreticheskie voprosy* (Receptoip of law: general theoretical issues). Omsk, 2009, 250 p.

8. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. Pravovaya real'nost' Rossii: filosofsko-pravovoi analiz (Legal reality in Russia: philosophical legal analysis) // *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii,* 2015, № 1 (2), pp. 79–85.

9. Sokol'skaya, L. V. *Vzaimodeistvie pravovykh kul'tur v istoricheskom protsesse* (Interaction of legal cultures in historical process). Orekhovo-Zuevo: Izd-vo MGOGI, 2013, pp. 19–27.

10. Rulan, N. *Yuridicheskaya antropologiya* (Juridical anthropology): uchebnik dlya vuzov / otv. red. V. S. Nersesyants; per. pod red. A. I. Kovler. M.: Norma, 1999, pp. 185, 190–191.

11. Skorobogatov, A. V. Faktory formirovaniya pravovoi real'nosti Rossii (Factors of forming of the legal reality in Russia) // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2014, no. 8, pp. 1572–1576.

12. Skorobogatov, A. V., Skorobogatova, A. I. Pravovoe soznanie uchashcheisya molodezhi: yuridicheskie i psikhologicheskie aspekty (Legal conscience of students: juridical and psychological aspects) // *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya prava: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt*: mat-ly ezhegodn. metodologicheskogo seminara (Kazan', 25.02.2011) / otv. red. I. B. Petrunina, A. V. Skorobogatov; KYuI (f) RPA Minyusta Rossii. M.; Kazan': RPA Minyusta Rossii, 2011, pp. 25–31.

13. Krasnov, A. V., Skorobogatov, A. V. Rol' pravosoznaniya v razvitii pravovoi real'nosti (Role of legal conscience in the development of legal reality) // *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal,* 2015, no. 2 (11), pp. 18–21.

14. Krasnov, A. V. Adekvatnost' sanktsii norm prava kak faktor povysheniya effektivnosti bor'by s korruptsiei (Adequacy of sanction of legal norms as a factor of increasing the efficiency of corruption counteraction) // *Dialektika protivodeistviya korruptsii*: mat-ly II Vseros. nauchno-prakt. konf-tsii. Kazan': Izd-vo «Poznanie» IEUP, 2012, pp. 90–94.

15. Soto, E. *Inoi put': Nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire* (Another way: In visible revolution in the third world) / per. s angl. B. Pinsker. M.: Catallaxy, 1995, pp. 130–135, 178, 245–246.

Received 14.10.15

Information about the authors

Krasnov Aleksandr Valeryevich, PhD (Law), Associate Professor, Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan
Address: 7a 2nd Azinskaya Str., 420088, Kazan, tel.: (843) 273-16-54
E-mail: field08@mail.ru

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of History, Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

For citation: Krasnov A. V., Skorobogatov A. V. Legal aspects of corruption counteraction in Russia: transfer and tradition // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 60–67.

© Krasnov A. V., Skorobogatov A. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 340.130:343.9:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2231

Поляков С. Б.
С. 68–75.

С. Б. ПОЛЯКОВ,

доктор юридических наук, доцент, профессор

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Цель: обосновать общественную потребность, определить предмет, методологические и организационные возможности антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов.
Методы: всеобщий диалектико-материалистический метод, используемый для познания потребности антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов в механизме правового регулирования; основанные на нем общенаучные и специальные (формально-юридический и сравнительно-правовой) методы исследования в определении предмета предлагаемой экспертизы.
Результаты: показано значение антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов, определены коррупциогенные факторы и коррупционные показатели правоприменительных актов, предложены пути организации проведения таких экспертиз.
Научная новизна: обоснованы потребность и предмет, предложены методы нового вида антикоррупционной экспертизы.
Практическая значимость: определены условия коррупционного поведения, создаваемые в правоприменительной деятельности, и предложены методы их выявления.

Ключевые слова: коррупциогенный фактор; коррупционный показатель; правоприменительный акт; усмотрение правоприменителя; процессуальный контроль.

Введение

Предложенная учеными и установленная на законодательном уровне антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов призвана выявлять коррупциогенные факторы – «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции»[1].

Однако нельзя не заметить, что необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил для правоприменителя создаются не только и, может быть, даже не столько положениями нормативных правовых актов, сколько правоприменительными актами в ходе контроля за процессуальными действиями правоприменителя, которыми не пресекаются отступления от закона и тем самым дается сигнал контролируемому правоприменителю о том, что он волен принимать решения по своему усмотрению, не ограниченному «формальностями» закона.

Результаты исследования

1. Вначале приведем пример акта процессуального контроля в условиях, когда положения закона не предвещают произвольного правоприменения.

Постановлением Дзержинского райсуда г. Перми от 06.07.2015 отказано в принятии апелляционной жалобы К. на постановление того же суда от 24.06.2015 о назначении судебного заседания по итогам предварительных слушаний, хотя в п. 8 резолютивной части постановления от 24.06.2015 было указано на возможность его обжалования в соответствии с ч. 7 ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Из ч. 7 ст. 236 УПК РФ определенно следует общее правило: судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, может быть обжаловано. И только четыре решения, предусмотренные в пунктах 1, 3–5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ, не могут быть обжалованы.

[1] Ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29.

Таким образом, законом установлены четыре изъятия не из запрета обжаловать судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, а из общего дозволения обжаловать указанное судебное решение. Такие четыре решения, запрещенные для обжалования, не оспаривались. Но жалобы на нарушение прав К. на защиту, на проведение предварительного слушания по существу о признании недопустимыми доказательств, на заявление иных оснований для проведения предварительного слушания подлежали рассмотрению в силу прямого указания ч. 7 ст. 236 УПК РФ. Такое толкование закона полностью соответствует второму абзацу п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 26 от 27.11.2012, в котором прямо указывается, что к промежуточным судебным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке, относится постановление о назначении судебного заседания, вынесенное в соответствии со ст. 231 УПК РФ, с учетом положений ч. 7 ст. 236 УПК РФ[2].

Отказ в принятии апелляционной жалобы на постановление от 24.06.2015 был основан на прочтении судом ч. 7 ст. 236 УПК РФ в полной противоположности ее содержанию. В постановлении суда от 06.07.2015 написано: «Исходя из действующего законодательства судебное решение обжалованию не подлежит. Из этого положения, в соответствии с ч. 7 ст. 236 УПК РФ, существуют четыре изъятия». По мнению судьи, в ч. 7 ст. 236 УПК РФ установлено не общее дозволение, а общий запрет на обжалование решения, принятого по результатам предварительного слушания, с четырьмя дозволениями. В постановлении указано, что допускается обжалование постановления о прекращении уголовного дела, его приостановление, в части меры пресечения, о возвращении уголовного дела прокурору. Откуда суд взял эти четыре изъятия (какие решения можно обжаловать), в постановлении не указано. Но обо всем этом не говорится ни в пунктах 1, 3–5 ч. 2 ст. 231, ни в ч. 7 ст. 236 УПК РФ.

Однако апелляционным постановлением от 13.08.2015 постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 06.07.2015 оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции не стал повторять безграмотные выводы суда первой инстанции и обосновывать правильность применения судом первой инстанции ч. 7 ст. 236 УПК РФ, а отказал в удовлетворении апелляционной жалобы на постановление от 06.07.2015 по иным основаниям.

Вместо применения специальной нормы ч. 7 ст. 236 УПК РФ, прямо устанавливающей порядок обжалования постановления по итогам предварительных слушаний, каковым было постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 24.06.2015, суд апелляционной инстанции использовал ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ, согласно которой судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу. Таким образом, суд апелляционной инстанции нарушил правило выбора между общей и специальной нормой.

Кроме того, в апелляционном постановлении указано, что постановление Дзержинского райсуда г. Перми от 24.06.2015, апелляционная жалоба на которое не принята, не нарушает конституционные права К. Апелляционная инстанция в отказе рассматривать по существу в порядке п. 3 ч. 2 ст. 75, ч. 8 ст. 234, ст. 235 УПК РФ ходатайство о признании недопустимым доказательством заключения экспертизы, назначенной и проведенной с неопровергнутыми обвинением нарушениями норм процессуального права, не увидела нарушения запрета ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и соответственно права К. на защиту от использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, а также нарушения его права на уголовное преследование только в предусмотренном федеральным законом порядке (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ). Не замечено и нарушение фундаментального права, гарантированного ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, проведением предварительного слушания с преднамеренным и незаконным лишением К. права пользоваться услугами адвоката в судебном заседании. Из-за этого и лишения К. в судебном заседании 24.06.2015 возможности заявить ходатайство о возвращении дела прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ он вынужден защищаться от непонятного обвинения, не содержащего ссылки на фактические обстоятельства, указывающие на признаки составов преступления, в совершении которых он обвиняется, что противоречит сути пп. «а» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 2 ст. 16, п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Отказ в защите названных прав является нарушением права на судебную защиту прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ).

Можно предположить, что судья районного суда просто не умеет читать закон (в данном случае ч. 2 ст. 231 и ч. 7 ст. 236 УПК РФ). Судья апелляционной

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1. С. 3.

инстанции де-факто признал неправильное чтение закона, но и не отменил неправильное решение и не направил рассмотрение уголовного дела К. в русло предусмотренного федеральным законом порядка (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ст. 1, ч. 3 ст. 7 УПК РФ). Отказ апелляционным постановлением от 13.08.2015 в применении правовосстановительных санкций за нарушения судом первой инстанции формально определенных процессуальных норм без фактического опровержения нарушения устанавливает для Дзержинского райсуда г. Перми необязательность для него, вопреки требованиям ч. 2 ст. 1 УПК РФ, обязанностей и запретов, установленных уголовно-процессуальным законом (необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил). Тем самым суду первой инстанции дан сигнал, что К. может быть признан виновным в совершении преступления не в порядке, установленном федеральным законом, а суд второй инстанции закроет глаза на нарушения этого порядка, рассматривая жалобы на приговор[3].

Именно так этот сигнал и понят Дзержинским райсудом г. Перми, который, например, при рассмотрении дела по существу отказал в удовлетворении ходатайства о возвращении дела прокурору в соответствии со ст. 237 УПК РФ, хотя прокурор в судебном процессе не привел положения обвинительного заключения, в котором бы содержались факты для противоположной оценки выводов об отсутствии признаков преступлений в постановлениях заместителя прокурора Дзержинского района г. Перми от 23.06.2014, прокурора Дзержинского района г. Перми от 04.07.2014, заместителя прокурора Пермского края от 17.07.2014 о возвращении дела на дополнительное расследование. При рассмотрении ходатайства защиты о признании заключения финансово-экономической экспертизы от 4 декабря 2014 г. недопустимым доказательством суд руководствовался ст. 271 УПК РФ, а не специальными нормами, регулирующими рассмотрение данных ходатайств: ст. 75, 88, 234, 235 УПК РФ. Если бы суд соблюдал требования ч. 2 ст. 1 УПК РФ, то при неопровергнутых прокурором многочисленных фактах нарушений норм УПК РФ при назначении и проведении этой экспертизы (в том числе указанных в заключении профессора Е. Р. Россинской в порядке ст. 80 УПК РФ) в силу ч. 5 ст. 234 и ч. 4 ст. 235 УПК РФ ходатайство подлежало удовлетворению. Однако путем нарушения порядка рассмотрения данного ходатайства суд пришел к противоположному выводу, чтобы не рассматривать факты нарушения закона обвинением и использовать доказательство, полученное с нарушением закона. Карт-бланш суду на несоблюдение положений ч. 2 ст. 1 УПК РФ дан краевым судом. Его объективированная форма – апелляционное постановление от 13.08.2015, таким образом, содержит коррупциогенные факторы.

2. Помимо отказа реагировать на фактически неопровергнутые нарушения ясных формально определенных норм процессуального права есть другой вид нарушения инстанциями процессуального контроля.

В законе прямо предусмотрена допустимость нарушения норм процессуального права судом: «Нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения… Правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям» (ч. 3 и ч. 6 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)). Аналогичные положения содержались в прежней редакции ГПК РФ (ч. 2 ст. 362, ч. 1 ст. 364). Основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм процессуального права, «которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов» (ст. 387 ГПК РФ). То же самое содержится и в других процессуальных кодексах (ч. 3 ст. 270, ч. 3 ст. 288 Арбитражного процессуального кодекса РФ), ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ).

Указанные нормы явно содержат признаки коррупциогенных факторов, предусмотренных пп. «а», «в», «ж» п. 3 и пп. «в» п. 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 96 от 26.02.2010 (в ред. Постановления

[3] На момент написания статьи приговор не вынесен. Дело в отношении К. расследовалось ГСУ УМВД по Пермскому краю с 2012 г., направлено в суд после дополнительного расследования. Лица, инициировавшие его уголовное преследование, заключены под стражу в 2015 г. по уголовному делу, расследуемому ГУ МВД России по Приволжскому федеральному округу. Перипетии борьбы за крупное оборонное предприятие широко освещаются в СМИ Пермского края.

Правительства РФ № 732 от 18.07.2015)[4]. Однако это не считается дефектом закона. В частности, Конституционный Суд РФ нижеприводимыми решениями признавал указанные нормы соответствующими Конституции РФ.

Таким образом, в законе заложена презумпция: процессуальные правонарушения суда не влекут неправильного разрешения дела. Нет ограничений для широкого толкования «формальных соображений», как нет и препятствий для ограничительного толкования «влияния на исход дела». Это, а также связанные с такой презумпцией иные факторы, называемые учеными [1], порождают акты процессуального контроля с коррупциогенными факторами особого вида.

Противоположная названной презумпции позиция содержалась в выступлении на VI Всероссийском съезде судей председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, который говорил, что равенство сторон достигается предельной формализацией правосудия, сведением всего судебного процесса исключительно к логическому состязанию «… (т. е. формальной процедуре, лишенной всяческого субъективного содержания и допускающей столь же строгую формализованную проверку). <…> Соблюдение процедуры обеспечивается путем обязательной отмены решений, пусть, возможно, правильных по существу, но вынесенных с нарушением установленного порядка. При несоблюдении принципа формализма применение права становится избирательным, так как под любое заранее оговоренное решение можно подвести необходимую правовую базу таким образом, что внешне решение будет казаться юридически обоснованным. <…> если высший судебный надзор в постоянном режиме осуществляет скрупулезную проверку всех этих актов по указанным критериям следования букве закона и соблюдения процедуры, то возможность для маневра, для юридической "отмазки", резко сужается» [2].

Дискуссия по данному вопросу[5] не является предметом настоящей статьи. В ее целях – обратить внимание на следующее.

Например, в определении Конституционного Суда РФ № 670-О-О от 23 июня 2009 г. говорится: «Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях (определения № 404-О от 23.06.2009 и № 85-О от 24.02.2005), применяя правовое предписание к конкретным обстоятельствам дела, суд принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения, что не может рассматриваться как нарушение каких-либо конституционных прав и свобод граждан.

Оспариваемое заявительницами законоположение, в соответствии с которым правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям, само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права и свободы заявительниц, указанных в жалобе, поскольку определение того, какие нарушения являются формальными и не влекут отмену проверяемого постановления нижестоящего суда, подлежит установлению судом в каждом конкретном деле исходя из фактических обстоятельств»[6].

В п. 6 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ № 9-П от 16.03.1998 сформулированы признаки неопределенности в управомочивающих должностных лиц нормах:

1) дискреционные полномочия на решение вопроса не содержат каких-либо предписаний, формально определяющих круг оснований по выраженной в законе воли законодателя для принятия решения;

2) формулировки целей, для достижения которых должны реализовываться полномочия, не ограничивают усмотрение правоприменителя, поскольку допускают возможность расширительного их истолкования;

3) для реализации дискреционных полномочий на решение вопроса закон не требует вынесения мотивированного акта, что освобождает управомоченного от обязанности устанавливать и оценивать наличие законных оснований для решения вопроса;

4) реализация дискреционных полномочий на решение вопроса не ограничена судебным обжалованием решения, которое является окончательным[7].

Из приведенных положений решений Конституционного суда РФ можно вывести коррупциогенные факторы в актах процессуального контроля по жалобам на нарушения процессуальных норм, сформулированных оценочными терминами, предполагающими усмотрение правоприменителя:

---

[4] Собрание законодательства РФ. 2010. № 10; 2015. № 30.

[5] В том числе комментарий п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» от 19.06.2012 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 9. С. 15.

[6] СПС «КонсультантПлюс».

[7] Собрание законодательства РФ. 1998. № 12.

1) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы на отсутствие в правоприменительном акте фактических обстоятельств, дающих основание для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

2) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы о несоответствии материалам дела (недоказанности) фактов, указанных в качестве основания для применения процессуальной нормы с оценочной формулировкой;

3) отсутствие фактического опровержения доводов жалобы об изменении процессуальным решением установленного законом распределения бремени доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, по содержанию и порядку представления доказательств и / или о создании процессуальным решением иных препятствий для обжалующего процессуальное решение в представлении доказательств и опровержении доказательств стороны, получившей преимущества, что означает отсутствие опровержения доводов о нарушении процесса вынесения обоснованного (правильного по существу) решения;

4) отсутствие опровержения доводов жалобы о неправильном толковании процессуальных норм, примененных или не примененных обжалуемым процессуальным решением, относительно фактических обстоятельств дела с указанием ошибок в способах отвергаемого толкования права и с указанием способов правильного толкования права, т. е. отсутствие мотивированности процессуального решения, влекущее нарушение процесса вынесения законного (правильного по существу) решения.

Нельзя не различать коррупциогенные факторы и коррупционные показатели правоприменительного акта.

Коррупциогенные факторы правоприменительного акта, если не изобретать не вызываемое никакими практическими потребностями понятие, отличное от понятия, содержащегося в ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 172-ФЗ от 17.07.2009, должны иметь существенный признак: установление правоприменительным актом условий для необоснованно широких пределов усмотрения для правоприменителя при вынесении им в будущем решения по делу. Поэтому коррупциогенные факторы в правоприменительном акте, которым выносится решение по существу, отыскивать по определению неверно.

В решении по существу могут быть коррупционные показатели того, что решение вынесено не по закону, а по иным (незаконным) мотивам. На это безусловно указывает отсутствие в судебном решении (приговоре), постановлении о привлечении к административной ответственности:

– оценки доказательства, на которое ссылалась сторона, не удовлетворенная решением;

– оценки части показаний свидетелей или участников дела, на которые ссылалась сторона, не удовлетворенная решением;

– оценки сопоставления доказательств, на необходимость чего ссылалась сторона, не удовлетворенная решением.

Вышеприведенные коррупциогенные факторы правоприменительного акта также являются показателями вынесения решения не в порядке исполнения процессуальных обязанностей правоприменителя, а по иным мотивам.

Но не всякий коррупционный показатель правоприменительного акта является коррупциогенным фактором. Например, отказ в принятии встречного иска ограничивает ответчика в способах защиты от иска, лишает его возможности по ряду дел обоснованно изменить бремя доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, расширить круг таких обстоятельств. Однако немотивированный отказ в принятии встречного иска, нарушающий существенное процессуальное право ответчика, но не подлежащий обжалованию, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13 от 26.06.2008 («Определение об отказе в принятии встречного иска по мотивам отсутствия условий, предусмотренных ст. 138 ГПК РФ, обжалованию в суд апелляционной или кассационной инстанции не подлежит»)[8] не создает для другого правоприменителя условия для будущего решения по делу, а является способом вынесения решения по делу заведомо не в пользу ответчика. А потому такое процессуальное решение содержит коррупционные показатели, но не коррупциогенные факторы.

Из вышеизложенного следует, что объектом выявления коррупциогенных факторов (антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов) следует определить акты процессуального контроля, которыми дело не решается по существу, а возвращается правоприменителю после проверки для дальнейшего рассмотрения (расследования).

---

[8] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10. С. 3. В арбитражном процессе определение о возвращении встречного иска может быть обжаловано (п. 13 информационного письма Президиума ВАС РФ № 82 от 13.08.2004 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10. С. 111).

Невозможно определить лишь по содержанию правоприменительного акта, являются ли его указанные дефекты следствием мотивов корысти, карьерных стремлений, в том числе послушания председателю суда (пример – [3]), иных обязательных признаков коррупционного поведения, предусмотренных пп. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008[9], либо следствием того, что А. Ф. Кони называл «лень ума» [4]. Однако куда в меньшей степени указывают на коррупционность правоприменительного акта сведения о доходах и расходах, об имуществе судьи и членов его семьи, других правоприменителей. Но требование таких сведений законодательно считается противодействием коррупции[10]. Поэтому выявление в правоприменительном акте коррупциогенных факторов тем более должно быть определено как мера противодействия коррупции в части выявления объективной стороны коррупционного поведения.

В литературе уже обращалось внимание на проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов при расследовании уголовных и административных дел [5]. Однако организационные вопросы предлагаемой экспертизы упираются прежде всего в принцип независимости судебной власти в современной интерпретации. Этот принцип, как условие правильного разрешения дел (применения норм материального права), распространен на формы контроля за соответствием деятельности судов (судей) целям и задачам правосудия и за соблюдением ими процессуальных норм. Антикоррупционную экспертизу правоприменительных актов в силу закона должны проводить суды. Однако на многие процессуальные нарушения судебная система закрывает глаза. Показательна тенденция рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. При постоянном увеличении количества рассмотренных жалоб снижается количество удовлетворенных: в 2011 г. – 10,9 %, в 2012 г. – 8,6 %, в 2013 г. – 6,8 %[11].

Система, независимая от внешнего контроля, фактически бесконтрольна, т. е. изначально коррупциогенна. Выход из этого порочного круга автором предложен в форме внешнего контроля над существующей судебной системой по решению гражданских, административных и уголовных дел, при котором сохраняется принцип независимости суда в решении конкретного дела[12]. В этом же русле следует решать вопросы проведения предлагаемой экспертизы вне судебной системы. Официальные институты такой экспертизы могли бы быть созданы при Уполномоченных по правам человека в субъектах федерации. Согласно ежегодным докладам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, постоянно поступает большое количество жалоб, связанных с неэффективностью судебной системы. В 2010 г. 64,9 % жалоб в связи с нарушениями личных (гражданских) прав указывали на нарушение права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, в 2011 г. – 59,1 %, в 2012 г. – 67,1 %, в 2013 г. – 72,0 %. В докладе за 2014 г. автором не обнаружено такого показателя, но в нем много места уделяется содержательному и нелицеприятному анализу деятельности судебной системы. В 2014 г. больше всего обращений к Уполномоченному по правам человека в РФ было по вопросам защиты прав в уголовном судопроизводстве – 32,1 %[13].

Куда более важным средством противодействия коррупции, чем декларации о доходах и расходах судей и членов их семей, было бы закрепление в законодательстве статуса независимых антикоррупционных экспертиз правоприменительных актов и их значения для надзорной инстанции Верховного Суда РФ.

Выводы

Общественная потребность антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов определяется тем, что высшая степень свободы правопри-

---

[9] Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1).

[10] П. 7 ст. 1 Федерального закона № 274-ФЗ от 25.12.2008 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1); п. 1 ст. 18 Федерального закона № 329-ФЗ от 21.11.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48.

[11] Обзоры Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2011–2014 гг. URL: http://www.cdep.ru (Судебная статистика – Обзоры о деятельности судов) (дата обращения: 06.09.2015). Причем в обзоре за 2014 г. нет сведений о делах, рассмотренных в порядке ст. 125 УПК РФ. Если, например, в обзоре за 2013 г. говорится о 2,8 млн рассмотренных районными судами представлений, ходатайств и жалоб и на одной странице показана статистика по видам соответствующих дел, в том числе рассмотренных в порядке ст. 125 УПК РФ (с. 11–12), откуда приведены сведения, то в обзоре за 2014 г. указано только: «За 2014 г. в районных судах было рассмотрено 2 млн 54 тыс. представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) (в скобках данные за 2013 г. – 2 млн 8 тыс.)» (с. 10).

[12] Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие и пути реализации. М., 2011. С. 277–283.

[13] Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в РФ. URL: ombudsmanrf.org (дата обращения 19.10.2015).

менителя от закона при вынесении решения по делу достигается при получении им через правоприменительные акты инстанций процессуального контроля сигнала о том, что определенные нарушения закона допустимы и ненаказуемы.

Объектом антикоррупционной экспертизы правоприменительных актов следует определить акты процессуального контроля, которыми дело не решается по существу, а возвращается правоприменителю после проверки для дальнейшего рассмотрения (расследования).

Предмет предлагаемой экспертизы – коррупциогенные факторы, а именно отсутствие в объекте исследования:

1) опровержения доводов жалобы о неправильном применении процессуальных норм, но прямое или косвенное оправдание нарушения;

2) фактического опровержения доводов жалобы на отсутствие в правоприменительном акте фактических обстоятельств, дающих основание для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

3) фактического опровержения доводов жалобы о несоответствии материалам дела (недоказанности) фактов, указанных в качестве основания для применения оценочной формулировки процессуальной нормы;

4) фактического опровержения доводов жалобы об изменении процессуальным решением установленного законом распределения бремени доказывания обстоятельств, подлежащих установлению по делу, по содержанию и порядку представления доказательств и / или о создании процессуальным решением иных препятствий для обжалующего процессуальное решение в представлении доказательств и опровержении доказательств стороны, получившей преимущества;

5) опровержения доводов жалобы о неправильном толковании процессуальных норм, примененных или не примененных обжалуемым процессуальным решением, относительно фактических обстоятельств дела с указанием ошибок в способах отвергаемого толкования права и с указанием способов правильного толкования права.

Эти факторы несложно определять формально-юридическим анализом содержания правоприменительного акта процессуального контроля.

Необходимо институциональное решение проведения предлагаемой экспертизы кроме инстанций процессуального контроля институтами гражданского общества с определением их значения для надзорной инстанции Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Юдин А. В. Факторы «устойчивости» решений судов первой инстанции по гражданским делам и их «реабилитация» судами проверочных инстанций // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 25–41.

2. Выступление на VI Всероссийском съезде судей председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 13.

3. Савченко А. Н. Принцип независимости судебной власти // Российский судья. 2009. № 3. С. 11–12.

4. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1967. С. 40.

5. Афанасьев А. Ю., Лубин А. Ф., Миловидова М. А. Судебная антикоррупционная экспертиза правовых актов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 36–39.

В редакцию материал поступил 22.10.15

© Поляков С. Б., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: (342) 293-38-61

E-mail: psb59@rambler.ru

Как цитировать статью: Поляков С. Б. Антикоррупционная экспертиза правоприменительных актов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 68–75.

S. B. POLYAKOV,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor

Perm State National Research University, Perm, Russia

ANTICORRUPTION EXPERTISE OF LAW-ENFORCEMENT ACTS

Objective: to substantiate public necessity, to define the subject, methodological and organizational capabilities of anti-corruption expertise of law enforcement acts.

Methods: universal dialectic-materialistic method was used to study the needs in anti-corruption expertise of law enforcement acts in the mechanism of legal regulation; based on it, general scientific and special (formal legal and comparative legal) methods of research used for the definition of subject-matter of the proposed expertise.

Results: the value of anti-corruption expertise of law enforcement was shown, corruption factors and corruption indicators enabling legislation were identified, ways of conducting such examinations were proposed.

Scientific novelty: the article examines the need and the subject, proposes methods of a new type of anti-corruption expertise.

Practical significance: the conditions of corruption are defined, which are created in law enforcement activities, and methods for their detection are proposed.

Key words: corruption factor; corruption index; law enforcement act; judicial discretion; procedural control.

References

1. Yudin, A. V. Faktory «ustoichivosti» reshenii sudov pervoi instantsii po grazhdanskim delam i ikh «reabilitatsiya» sudami proverochnykh instantsii (Factors of «stability» of decisions of trial jurisdiction courts in civil cases and their «rehabilitation» by testing jurisdiction courts) // *Vestnik grazhdanskogo protsessa,* 2012, no. 1, pp. 25–41.

2. Vystuplenie na VI Vserossiiskom s"ezde sudei predsedatelya Konstitutsionnogo suda RF V. D. Zor'kina (Report at the 6th All-Russian Assembly of Judges by Chairman of Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zor'kin) // *Rossiiskaya yustitsiya,* 2005, no. 1–2, p. 13.

3. Savchenko, A. N. Printsip nezavisimosti sudebnoi vlasti (Principle of independence of court power) // *Rossiiskii sud'ya,* 2009, no. 3, pp. 11–12.

4. Koni, A. F. Nravstvennye nachala v ugolovnom protsesse (Obshchie cherty sudebnoi etiki) (Moral principles in the criminal procedure (General features of court ethics)) // *Sobr. soch.* v 8 t. T. 4. M.: Yuridicheskaya literatura, 1967, p. 40.

5. Afanas'ev, A. Yu., Lubin, A. F., Milovidova, M. A. Sudebnaya antikorruptsionnaya ekspertiza pravovykh aktov (Court anti-corruption expertise of legal acts) // *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* 2015, no. 3 (31), pp. 36–39.

Received 22.10.15

Information about the author

Polyakov Sergey Borisovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Perm State National Research University

Address: 15 Bukirev Str., 614990, Perm, tel.: (342) 293-38-61

E-mail: psb59@rambler.ru

For citation: Polyakov S. B. Anticorruption expertise of law-enforcement acts // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 68–75.

© Polyakov S. B., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 343.352
URL: http://hdl.handle.net/11435/2197
Рогова Е. В., Забавко Р. А.
С. 76–83.

Е. В. РОГОВА,
доктор юридических наук, доцент,
Р. А. ЗАБАВКО,
преподаватель
Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

МНИМОЕ И РЕАЛЬНОЕ УЖЕСТОЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Цель: выявить спорные вопросы уголовно-правового регулирования и проблемы практики применения норм уголовного закона, устанавливающих ответственность за посредничество во взяточничестве. На основании анализа предложить способы разрешения некоторых их них.
Методы: в целях достоверности и полноты применялись общие и специальные методы научного познания. Из общих использовались такие, как историко-правовой, логико-юридический, сравнительно-правовой методы, системный анализ и синтез. Из специальных – метод исследования документов и контент-анализ; метод экспертных оценок.
Результаты: в ходе написания работы авторы пришли к выводу о необходимости реформирования закона в части установления уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве. Одним из вариантов решения проблемы авторы видели внесение изменений в диспозицию ст. 291.1 УК РФ. Однако комплексный анализ проблем применения данной нормы, а также норм Общей части УК РФ свидетельствует о том, что необходимости в законодательном закреплении уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве нет.
Научная новизна: состоит в комплексном анализе проблем применения ст. 291.1 УК РФ, на основании чего обоснована несостоятельность данной нормы уголовного закона, внесено предложение о дополнении в нормы Общей части УК РФ относительно понятия пособника совершения преступления.
Практическая значимость: результаты работы могут быть использованы при реформировании уголовного законодательства Российской Федерации, а также при проведении дальнейших научных исследований проблем дифференциации ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: взяточничество; посредничество во взяточничестве; аналогия закона; дифференциация уголовной ответственности; взятка; взяткополучатель; взяткодатель; неоконченное преступление.

Введение

Борьба с коррупцией, существенно активизировавшаяся в последние несколько лет, сопровождается масштабным реформированием российского законодательства, что соответствует международным стандартам и требованиям противодействия данному негативному явлению [1, с. 95–121].

Очевидно, что в настоящее время в связи с реформированием всех уровней государственной власти проблема коррупции приобрела особую остроту. Российское государство провозглашает права человека высшей ценностью, повышение качества его жизни – основным приоритетом в деятельности органов управления. В этих условиях такое негативное социальное явление, как коррупция, охватывающее все стороны общественной жизни, ставит под угрозу реальное соблюдение принципов правового демократического государства.

Анализ статистических данных по России за последние пять лет свидетельствует о том, что количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и число выявленных лиц остается на достаточно высоком уровне (см. табл.).

Однако следует обратить внимание на то, что данные преступления обладают повышенной латентностью, поэтому сложно судить об объективности представленных данных. Известные исследователи проблем латентности преступности отмечают, что она является показателем эффективности уголовной политики государства [2, с. 20]. Чем выше латентность преступлений, тем менее эффективны меры по противодействию преступности.

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и числе выявленных лиц, их совершивших*

Data on the number of registered corruption crimes and the number of found persons who committed them*

Год / Year	Зарегистрировано преступлений / Crimes registered			Выявлено лиц / Persons found		
	Ст. 290	Ст. 291	Ст. 291.1	Ст. 290	Ст. 291	Ст. 291.1
2010	7 747	4 265	0	2 488	3 855	0
2011	6 947	4 005	130	2 275	3 655	86
2012	6 576	3 182	399	1 774	2 726	192
2013	6 710	4 811	599	2 289	4 461	299
2014	5 980	5 913	462	2 060	5 603	273

* *Источник:* составлено авторами на основе статистической формы 491 ГИАЦ МВД России.

* *Source:* compiled by the authors based on the statistical form 491 of Major Informational Analytical Center of the Russian Ministry of Domestic Affairs.

При этом необходимо отметить и особую общественную опасность преступлений в этой сфере, что обусловлено тем, что они совершаются лицами, которые по роду своей деятельности сами обязаны бороться с различными правонарушениями и обеспечивать законность и правопорядок в той или иной сфере.

Стоит заметить, что и зарубежный законодатель совершенствует уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы борьбы с коррупцией, о чем свидетельствует проведенное исследование иностранного опыта [3]. Анализ зарубежного уголовного законодательства показал, что в качестве самостоятельного состава преступления уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве предусмотрена в таких государствах, как Германия, Китай, Япония и т. д. В уголовном законодательстве ряда стран ближнего зарубежья также закреплена ответственность за посредничество во взяточничестве (Беларусь, Латвия, Эстония, Казахстан и др.).

В некоторых странах нормы Особенной части уголовного закона прямо не предусматривают ответственность за посредничество во взяточничестве. Однако в Общей части уголовного закона содержится указание на усиление ответственности за особое подстрекательство (УК Республики Корея, УК Франции) [4, с. 163–165].

Существенным изменениям и дополнениям подвергся и Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Федеральным законом № 97-ФЗ от 04.05.2011 была изменена редакция ст. 290 и 291 УК РФ, а также введена новая ст. 291.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве[1].

В этой связи следует обратить внимание на то, что данная норма была известна отечественному уголовному законодательству советского периода. Однако законодатель отказался от нее с принятием УК РФ 1996 г. На протяжении почти ста лет отечественное уголовное право отличается в этой части непостоянностью: УК РСФСР 1992 г. признавал посредничество разновидностью получения взяточничества (ст. 114), УК РСФСР 1926 г. в ст. 118 предусматривал дачу взятки и посредничество во взяточничестве в качестве альтернативных деяний одного состава преступлений, в первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. самостоятельной ответственности за посредничество во взяточничестве изначально не предусматривалось, однако менее чем через два года с момента принятия он был дополнен ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве».

Достаточно большое количество научных публикаций относительно правового регулирования и практического применения ст. 291.1 УК РФ, вызвавших появление диаметрально противоположных позиций по целому ряду принципиально важных вопросов, отсутствие единой судебно-следственной практики обусловливает актуальность и необходимость изучения указанных проблем.

Таким образом, существующие международные стандарты борьбы с коррупцией, общественная опасность и достаточно высокий уровень латентности взяточничества, несовершенство ряда уголовно-правовых норм российского законодательства диктуют необходимость проведения исследования с целью выработки оптимальных предложений, направленных на повышение эффективности уголовно-правовой политики России.

Результаты исследования

Определенные вопросы вызывает толкование диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ в связи с наличием в ней признака значительного размера. В указанной норме описаны два самостоятельных вида посредничества во взяточничестве, а именно непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя и иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон РФ № 97-ФЗ от 04.05.2011 // Российская газета. 2011. № 5473. 6 мая.

реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Законодатель тем самым учел критику ученых в отношении ранее действовавшей ст. 174.1 УК РСФСР и описал давно обсуждаемые в теории уголовного права физическое и интеллектуальное посредничество. При этом некоторые юристы полагают, что признак значительного размера относится только к интеллектуальному посредничеству. Следует согласиться с П. С. Яни, который критикует такую позицию, указывая, что для этого нет должных оснований [5, с. 24–25]. Этого же мнения придерживается Верховный Суд РФ, который указал, что значительный размер взятки распространяется и на физическое, и на интеллектуальное посредничество во взяточничестве[2]. Исходя из приведенных доводов, уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве (интеллектуальное и физическое) наступает только тогда, когда сумма взятки составляет не менее 25 тыс. рублей.

На наш взгляд, указав на значительный размер взятки, отечественный законодатель не в полной мере оценил общественную опасность посредничества во взяточничестве, совершенном в размере, не превышающем 25 тыс. рублей, о чем справедливо пишет и профессор В. М. Баранов [6, с. 76–83; 7, с. 119–130]. Повышенная общественная опасность данных деяний обусловлена тем, что при их совершении страдают не только интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, но и сложившийся порядок в сфере управления, а также права и законные интересы граждан и организаций.

В связи с этим возникают вопросы квалификации действий посредника, если размер взятки меньше вышеозначенной суммы.

На практике в данном случае, как правило, квалификация осуществляется как и ранее, т. е. по соответствующей норме Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Так, Ленинским районным судом г. Новосибирска М. привлечена к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ за пособничество в получении взятки при следующих обстоятельствах. М., являясь медицинской сестрой терапевтического отделения районной больницы, находясь в дружеских отношениях с врачом и пациентом, передала от последнего незаконное вознаграждение врачу в размере 3,8 тыс. рублей за выдачу листка временной нетрудоспособности при отсутствии законных оснований[3].

Однако в судебной практике встречаются примеры, когда квалификация подобных деяний осуществляется по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. Например, О., работавшая в должности медицинской сестры, оказала содействие в получении фиктивного листа нетрудоспособности за вознаграждение в размере 1 тыс. рублей, из которых 500 рублей предназначались для последующей передачи терапевту Ф. в качестве взятки за оформление фиктивного листка нетрудоспособности, а 500 рублей – ей в качестве вознаграждения за оказанное посредничество. Действия медсестры были квалифицированы как посредничество во взяточничестве[4].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что указание в ч. 1 ст. 291.1 УК РФ на признак значительного размера взятки не способствует формированию единой судебной практики.

Вместе с тем позицию тех ученых, которые считают, что значительный размер применим только к интеллектуальному пособничеству, можно считать обоснованной только при применении буквального толкования данной статьи [8, с. 201]. В таком случае следовало бы признать, что введение ст. 291.1 УК РФ декриминализует интеллектуальное посредничество во взяточничестве, когда отсутствует значительный размер взятки, а привлечение в таких ситуациях лиц к уголовной ответственности по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ – нарушением правил квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм и, как справедливо отмечают М. Талан, И. Тарханов, применением уголовного закона по аналогии [9, с. 107].

На наш взгляд, такая уголовно-правовая реформа, направленная на усиление борьбы со взяточничеством, с одной стороны, путем дифференциации уголовной ответственности криминализировала деяние, а с другой – за рамками уголовно-правового поля оставила посредничество во взяточничестве, при котором размер взятки менее 25 тыс. рублей. Обращаясь к опыту зарубежного законодательства, отметим, что в составах, предусматривающих уголовную от-

[2] Кассационное определение Верховного суда РФ № 41-О12-65СП от 17.10.2012 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2013, № 3.

[3] Уголовное дело № 1-944/2014: Архив Ленинского районного суда г. Новосибирска за 2014 г.

[4] Уголовное дело № 1.68/12081016/2012: Архив Беловского городского суда Кемеровской области за 2012 г.

ветственность за посредничество во взяточничестве, не содержится указания на размер взятки.

Полагаем, что указанное выше противоречие может быть устранено с учетом опыта зарубежного законодательства посредством изменения диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ путем исключения указания на признак значительного размера взятки.

Усиление борьбы с коррупцией выразилось и в том, что Федеральным законом РФ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ было криминализировано обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) как квалифицирующего признака основного состава реального посредничества.

Однако введение уголовной ответственности за обещание и предложение посредничества во взяточничестве, на наш взгляд, нарушает принцип дифференциации уголовной ответственности. Так, высказывание лица о готовности к посредничеству во взяточничестве влечет уголовную ответственность за оконченное преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, в том время как высказывание готовности непосредственно получить или дать взятку не образует самостоятельных составов преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, так как такие действия не образуют уголовно наказуемую стадию совершения преступления. Кроме этого, посредник подлежит ответственности тогда, когда совершает обещание и предложение посредничества во взяточничестве с неопределенным умыслом (обещание и предложение посредничества в будущем), тогда как взяткополучатель и взяткодатель подлежат ответственности только при наличии конкретизированного умысла. Более того, уголовная ответственность посредника во взяточничестве по смыслу уголовного закона наступает даже и в том случае, если лицо, которому направлено предложение посредничества во взяточничестве, отказалось его принять.

Тем самым представляется, что указанный закон внес некоторые разногласия в понятие неоконченного преступления. На основании ч. 2 ст. 29 УК РФ неоконченным преступлением признается только приготовление к преступлению или покушение на преступление. Обнаружение умысла, согласно действующему уголовному законодательству, не относится к стадиям реализации преступной деятельности. В теории уголовного права отмечается, что не нашедшее физического воплощения в общественно опасном деянии обнаружение умысла не влечет за собой уголовной ответственности [10, с. 122; 11, с. 258–259; 12, с. 118].

На тех же позициях стоит и судебная практика, разъясняя в постановлении пленума Верховного Суда РФ, что «не может быть квалифицировано как покушение на дачу или получение взятки либо на коммерческий подкуп высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало»[5].

Кроме того, уголовная ответственность наступает только за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников, сговор на совершение преступления либо иное создание условий для совершения преступления. Умысел же, выраженный в словесной или иной форме, не может считаться первой стадией совершения преступления, поскольку его появление не образует общественно опасного деяния. На этапе обнаружения умысла до сведения других лиц доводится желание лица совершить преступление, но оно еще не осуществляет действий по практическому выполнению своего намерения.

Но даже если мы признаем предложение посредничества во взяточничестве приготовлением к преступлению, оно не подлежит наказанию, так как реальное осуществление посредничества, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, относится к категории преступлений средней тяжести.

Следует отметить и то, что общественная опасность реального осуществления посредничества во взяточничестве выше, чем общественная опасность предложения или обещания такого посредничества, а максимальное наказание за него предусмотрено в виде пяти лет лишения свободы, тогда как во втором случае максимальное наказание – семь лет лишения свободы. Тем самым нарушается принцип справедливости, заключающийся в том, что наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления (ст. 6 УК РФ). При осуществлении процесса дифференциации уголовной ответственности следует не нарушать системности уголовного закона, устанавливая повышенную от-

[5] Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 6130.

ветственность за действительно более опасные общественные деяния.

Кроме того, сочетание ч. 1 и ч. 5 ст. 291.1 УК РФ порождает парадокс. В ходе прохождения стадий совершения преступления от приготовления к оконченному преступлению меняется правовой статус субъекта: на этапе неоконченного преступления лицо подлежит ответственности по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, а в ходе реализации всех элементов состава преступления квалификация содеянного изменяется на ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. При этом обещание или предложение во взяточничестве и их дальнейшую реализацию квалифицировать как совокупность преступлений нельзя.

Основным качеством квалифицирующих признаков является отражение значительного изменения типовой степени общественной опасности содеянного. В связи с этим встает закономерный вопрос: почему законодатель поместил обещание или предложение посредничества во взяточничестве в пятую часть рассматриваемой статьи, установив за неоконченное преступление более строгое наказание, чем за реальное совершение посредничества во взяточничестве?

Очевидно, что законодатель стал активно использовать квалифицирующие признаки для дифференциации уголовной ответственности. Однако решение некоторых вопросов, как видно из вышеизложенного, нельзя признать оптимальным, поскольку изменения, вносимые в уголовный закон, нередко носят фрагментарный характер, нарушают отдельные концептуальные положения уголовного закона. Основное функциональное назначение квалифицирующих признаков заключается в дифференциации при их применении уголовной ответственности.

Следует отметить и тот факт, что наличие в УК РФ ч. 5 ст. 291.1 нарушает принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), на что справедливо указывает О. И. Ткачев [13, с. 67]. В отличие от посредничества во взяточничестве при квалификации коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) уголовная ответственность за обещание и предложение в его посредничестве не наступает. Такие действия не признаются приготовлением или тем более покушением на преступление, и обещание и предложение посредничества при коммерческом подкупе расцениваются стадией обнаружения умысла, что, согласно доктрине уголовного права, не является уголовно наказуемым.

Вместе с тем введение ст. 291.1 УК РФ позволило решить некоторые теоретические проблемы уголовной ответственности, связанной с пособничеством во взяточничестве. Так, К. Ображиев, К. Чашин верно отмечают, что норма, сформулированная в ч. 5 ст. 33 УК РФ, содержит исчерпывающий перечень пособнических действий и не предусматривает описания интеллектуального пособничества, а ч. 1. ст. 291.1 УК РФ конкретизирует коррупционное посредничество, исключая применение уголовного закона по аналогии [14, с. 30–31].

Соглашаясь с ними в признании наличия проблемы, отметим, что ее решение путем введения в текст УК РФ отдельной статьи не оптимально – логичнее было бы внести в ч. 5 ст. 33 УК РФ оговорку о том, что пособником признается в том числе и лицо, выступившее посредником в преступлении.

Кроме того, анализ зарубежного законодательства позволяет прийти к выводу об отсутствии в нем уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

Кроме того, полагаем, законодатель в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ смешал признаки пособника и организатора в коррупционном посреднике. Так, при обещании посредничества во взяточничестве, инициатором которого выступает посредник, если такое обещание возбуждает у взяткополучателя или взяткодателя мотив на получение или дачу взятки, усматриваются признаки организатора, предусмотренные ч. 2 ст. 33 УК РФ. Вместе с тем его действия в данном случае нельзя квалифицировать со ссылкой на ч. 2 ст. 33 УК РФ ни по ст. 290 УК РФ, ни по ст. 291 УК РФ ввиду наличия специального состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Выводы

Подводя итоги, заметим, что введение ст. 291.1 УК РФ позволило устранить противоречие в терминологии, на которое указывает А. Бриллиантов: в ст. 290 УК РФ законодатель говорит о посреднике, в то время как положения ч. 5 ст. 33 УК РФ не предусматривают такой разновидности пособника [15, с. 12]. Вместе с тем такое противоречие не представляется принципиальным – в доктрине уголовного права посредник признается разновидностью пособника. Однако, сняв противоречия терминологического характера, законодатель создал проблемы другого порядка, о которых речь шла в представленной работе. В этой связи думается достаточным внести дополнения в норму, закрепляющую понятие пособника, указав на то, что пособником признается в том числе и лицо, выступившее посредником в преступлении.

Один только факт высокой распространенности посредничества во взяточничестве, который стал

своеобразным видом преступного промысла для определенных категорий лиц [16, с. 34], не является достаточным основанием введения в текст УК РФ отдельной статьи. Согласимся с мнением тех ученых, которые считают, что особой необходимости в ст. 291.1 УК РФ нет, так как посредничество во взяточничестве укладывается в классические рамки соучастия в преступлении [17, с. 41].

Полагаем, что введение ст. 291.1 УК РФ является примером того случая, когда изменение и дополнение УК РФ может существенно усложнить правоприменительную практику, создав дополнительные сложности квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм.

Список литературы

1. Fedorov A.V. The OECD Anti-Bribery Convention as part of the Russian Federation's Legal System, and Implementation of the OECD Anti-Corruption Standards in Russian Legislation: Aspects of Criminal Law and Criminal Policy // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 1 (30). С. 95–121.

2. Иншаков С. М. Латентная преступность как показатель эффективности уголовной политики // Российский следователь. 2008. № 14. С. 20–23.

3. Ernst-Heinrich A. Klassiche und neure ethische Strategien zur Korruptionsbekampfung // Kriminalistik, BRD, 2003, no. 8–9, pp. 481–485.

4. Копылов М. Н., Гаврюшкин Ю. Б. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве в зарубежных странах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 163–165.

5. Яни П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 24–29.

6. Баранов В. М. Зоны повышенного риска в деятельности органов государственной власти в ракурсе презумпции виновности чиновников // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 76–83.

7. Баранов В. М. Право против коррупции // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 119–130.

8. Таюрская Е. А. К вопросу о квалификации посредничества во взяточничестве // Правовая политика современной России: реалии и перспективы: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Иркут. гос. ун-та. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 200–201.

9. Талан М., Тарханов И. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5. С. 105–107.

10. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. 3-е изд. М., 2012. 681 с.

11. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М., 2010. 640 с.

12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамова-Хегай. М., 2013. 336 с.

13. Ткачев И. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 64–70.

14. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 30–35.

15. Бриллиантов А. О правовой оценке роли посредника в преступлении // Уголовное право. 2006. № 5. С. 12–16.

16. Гармаев Ю. П., Степаненко Р. А. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о преступлениях, связанных с посредничеством во взяточничестве // Российский следователь. 2013. № 11. С. 34–37.

17. Номоконов В. А. Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 3. С. 36–42.

В редакцию материал поступил 20.10.15

© Рогова Е. В., Забавко Р. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский институт МВД России
Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, т.: (83952) 42-26-07
E-mail: rev-80@yandex.ru

Забавко Роман Алексеевич, преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России
Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, т.: (83952) 42-26-07
E-mail: zra1985@gmail.com

Как цитировать статью: Рогова Е. В., Забавко Р. А. Мнимое и реальное ужесточение уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 76–83.

E. V. ROGOVA,
Doctor of Law, Associate Professor,
R. A. ZABAVKO,
Lecturer
Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs, Irkutsk, Russia

QUASI AND REAL TOUGHENING OF CRIMINAL LIABILITY FOR MEDIATION OF BRIBERY

Objective: to identify the disputable issues of criminal-legal regulation and problems of criminal law norms application, establishing liability for mediation in bribery. Basing on the analysis, to propose ways to resolve some of them.

Methods: for the accuracy and completeness, general and special methods of scientific cognition were applied. The general methods include historical-legal, logical-legal, comparative legal methods, systemic analysis and synthesis. Special methods are study of documents and content analysis; expert evaluation method.

Results: the authors came to a conclusion about the need to reform the law concerning the criminal liability for mediation in bribery. One of the solutions to the problem is to change the disposition of Article 291.1 of the Criminal Code. However, a comprehensive analysis of the problems of application of this regulation and the norms of the General part of the Criminal Code indicates that there is no need to legislatively confirm the criminal liability for mediation in bribery.

Scientific novelty: the complex analysis of problems of the application of Article 291.1 of the RF Criminal Code has been made, which serves as the basis to justify the inconsistency of this provision of the criminal law; a proposal is made to make amendments in the norms of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation relating to the concept of accomplice of the crime.

Practical significance: the results can be used in the reforming of criminal legislation of the Russian Federation, and also at the further research of problems of differentiation of liability for bribery.

Key words: bribery; bribery mediation; analogy of the law; differentiation of criminal liability; bribe; bribetaker; bribe payer; uncompleted crime.

References

1. Fedorov, A.V. The OECD Anti-Bribery Convention as part of the Russian Federation's Legal System, and Implementation of the OECD Anti-Corruption Standards in Russian Legislation: Aspects of Criminal Law and Criminal Policy // *Aziatsko-Tikhookeanskii region: Ekonomika, politika, pravo,* 2014, no. 1 (30), pp. 95–121.

2. Inshakov, S. M. Latentnaya prestupnost' kak pokazatel' effektivnosti ugolovnoi politiki (Latent crime as an indicator of efficiency of criminal policy) // *Rossiiskii sledovatel',* 2008, no. 14, pp. 20–23.

3. Ernst-Heinrich, A. Klassiche und neure ethische Strategien zur Korruptionsbekampfung // *Kriminalistik, BRD*, 2003, no. 8–9, pp. 481–485.

4. Kopylov, M. N., Gavryushkin Yu. B. Ugolovnaya otvetstvennost' za posrednichestvo vo vzyatochnichestve v zarubezhnykh stranakh (Criminal liability for mediation of bribery in foreign countries) // *Vestnik RUDN*. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2013. № 2. S. 163–165.

5. Yani, P. S. Problemy kvalifikatsii posrednichestva vo vzyatochnichestve (Issues of qualification of mediation of bribery) // *Zakonnost',* 2013, no. 2, pp. 24–29.

6. Baranov, V. M. Zony povyshennogo riska v deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti v rakurse prezumptsii vinovnosti chinovnikov (Zones of increased risk in the functioning of state authorities in the aspect of officials' presumption of guilt) // *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2013, no. 2, pp. 76–83.

7. Baranov, V. M. Pravo protiv korruptsii (Law against corruption) // *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2013, no. 7, pp. 119–130.

8. Tayurskaya, E. A. K voprosu o kvalifikatsii posrednichestva vo vzyatochnichestve (On the issue of qualification of mediation of bribery) // *Pravovaya politika sovremennoi Rossii: realii i perspektivy*: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 95-letiyu Irkut. gos. un-ta. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013, pp. 200–201.

9. Talan, M., Tarkhanov, I. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve v ugolovnom prave Rossii (Mediation of bribery in the Criminal Law of the Russia) // *Ugolovnoe pravo,* 2013, no. 5, pp. 105–107.

10. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chaste (*Criminal Law of the Russian Federation. General and specific part): uchebnik / pod red. V. K. Duyunova. 3-e izd. M., 2012, 681 p.

11. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* (Criminal Law of the Russian Federation. General part): uchebnik / pod red. I. E. Zvecharovskogo. M., 2010, 640 p.

12. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast'* (Criminal Law of the Russian Federation. General part): uchebnik / pod red. L. V. Inogamova-Khegai. M., 2013, 336 p.

13. Tkachev, I. Problemy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve (Issues of implementation of criminal liability for mediation of bribery) // *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 2, pp. 64–70.

14. Obrazhiev, K., Chashin, K. Kriminalizatsiya posrednichestva vo vzyatochnichestve: poisk optimal'noi modeli (Criminalization mediation of bribery: search for optimal model) // *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 6, pp. 30–35.

15. Brilliantov, A. O pravovoi otsenke roli posrednika v prestuplenii (On the legal assessment of the role of a mediator in a crime) // *Ugolovnoe pravo,* 2006, no. 5, pp. 12–16.

16. Garmaev, Yu. P., Stepanenko, R. A. Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s posrednichestvom vo vzyatochnichestve (Circumstance subject to establishing and proving in cases related to mediation of bribery) // *Rossiiskii sledovatel*', 2013, no. 11, pp. 34–37.

17. Nomokonov, V. A. Nekotorye problemy optimizatsii antikriminal'noi politiki (Some issues of optimization of anti-criminal policy) // *Kriminologicheskii zhurnal BGUEP*, 2012, no. 3, pp. 36–42.

Received 20.10.15

Information about the authors

Rogova Evgeniya Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs
Address: 110 Lermontov Str., 664074, Irkutsk, tel.: (83952) 42-26-07
E-mail: rev-80@yandex.ru

Zabavko Roman Alekseyevich, lecturer, Eastern-Siberian Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs
Address: 110 Lermontov Str., 664074, Irkutsk, tel.: (83952) 42-26-07
E-mail: zra1985@gmail.com

For citation: Rogova, E. V., Zabavko, R. A. Quasi and real toughening of criminal liability for mediation of bribery // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 76–83.

© Rogova E. V., Zabavko R. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Бикеев И. И., Кабанов П. А.

Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование, классификация // Препринты Института экономики, управления и права (г. Казань). 2014. № 1. 80 с.

Создание многоуровневой системы противодействия коррупции в Российской Федерации требует надежных инструментов ее измерения, в качестве одного из которых эффективно может и должен быть использован антикоррупционный мониторинг. В издании отражены результаты его исследования с использованием общенаучных и специальных правовых методов и описанием регионального опыта правового регулирования. Это первое и единственное в России значительное изучение антикоррупционного мониторинга как измерительного инструмента эффективности реализации национальной государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, содержащее также и рекомендации по его совершенствованию.

УДК 343.9:343.352:328.185(510)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2230

ХУ ЖУНЬ,

доктор юридических наук, доцент

Чунцинская академия полиции, Китайский университет политики и права, г. Чунцин, Китай

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ КИТАЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ[1]

Цель: определить основные проблемы, с которыми сталкивается правосудие Китая при антикоррупционном преследовании, и найти пути их решения.
Методы: метод анализа, общетеоретические методы познания.
Результаты: в статье предпринята попытка системного анализа уроков истории и правовых проблем, стоящих перед КНР при осуществлении антикоррупционного преследования в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целях обеспечения его эффективности.
Научная новизна: в исследовании предлагаются пути решения проблемы бегства от правосудия коррупционеров и делается попытка найти компромисс в вопросах международного сотрудничества в этой сфере.
Практическая значимость: опыт Китая может быть использован в России для улучшения правовой системы борьбы с коррупцией и международного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия.

Ключевые слова: антикоррупционное преследование; выдача преступников; репатриация; смертная казнь; коррупционер; коррупция; уголовное правосудие; сотрудничество; экстрадиция.

Введение

Китай, противодействуя коррупции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, сталкивается с рядом юридических проблем, главными из которых являются несовершенство правовой системы, столкновение требований закона и сложившейся культуры населения, обеспечение справедливости судебной власти, злоупотребление правом политического убежища, привлечение коррупционеров к ответственности с политических, а не правовых позиций и так далее. Для того чтобы реагировать на все эти проблемы, Китаю следует, исходя из норм международного и внутригосударственного права, обеспечить улучшение правовой системы борьбы с коррупцией, принимая меры по здравому и полноценному использованию уголовного правосудия и механизмов международного правового сотрудничества.

Задачами антикоррупционного преследования является защита авторитета закона и справедливости правосудия. Антикоррупционное преследование применяет различные способы привлечения беглых коррупционных преступников к юридической ответственности в целях последующего судебного разбирательства и наказания. В последние годы в связи с социально-экономическим развитием и ускоренным процессом глобализации в Китае судебных дел по фактам взяточничества становится все больше и больше. После проведения расследований по этим делам происходит массовое бегство подозреваемых из-под стражи в другие страны. Согласно докладу Академии общественных наук КНР, опубликованному в 2011 г., с 90-х гг. XX в. из числа «голых чиновников» (правительственный чиновник, чья семья постоянно проживает за рубежом. – Прим. авт.), совершивших различного рода коррупционные нарушения, свыше 18 000 человек бежали из страны. Сумма вывезенных ими денег превышает 800 миллиардов юаней [1]. Америка, Канада и ряд других стран все еще не подписали с Китаем договор о выдаче беглых коррупционеров, сбежавших в государства Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), рассматривая их действия прежде всего как спасение от бедствия или поиск убежища. Наибольшей благосклонностью пользуются те сбежавшие из страны коррупционеры, у которых

[1] В данной статье отражены промежуточные результаты исполнения научно-исследовательской программы Министерства государственной безопасности КНР о теории общественной безопасности 2014 г., (проект № 14SKQ04), а также научное исследование гуманистического общества образовательного комитета г. Чунцин на тему «Формы скоплений рабочих-мигрантов из сельской местности на фоне урбанизации и инновационная система управления обществом» 2014 г. (проект № 14SKQ04).

большое количество денег и высокое социальное или служебное положение[2]. Поэтому АТР является важным направлением китайского антикоррупционного преследования. Он также стал важной составляющей китайского международного сотрудничества по вопросам уголовного правосудия, так как влияет на успех или поражение КНР в борьбе с коррупцией.

Результаты исследования

Правовые проблемы

В течение последних лет Китай при помощи целого ряда мер, таких как экстрадиция, миграционное право о репатриации, уголовное преследование на территории других стран, уговоры вернуться по-хорошему и других, достиг ощутимых результатов в антикоррупционном преследовании в АТР. Однако различия в правовых системах, неодинаковые подходы к пониманию прав человека и целый ряд других обстоятельств привели к тому, что на сегодняшний день КНР находится перед лицом целого ряда проблем, которые ввергли страну в тяжелое, даже тупиковое положение.

Несовершенство правовой системы

В настоящее время китайская правовая система антикоррупционного преследования все еще остается несовершенной. Нет возможности удовлетворить требования реализации фактического антикоррупционного преследования в АТР. Главным образом это выражается в двух аспектах, одним из которых является отсутствие правовой основы для выдачи преступников. В настоящее время Китай подписал соглашение об экстрадиции лишь с Таиландом, Южной Кореей и Филиппинами. Это составляет менее 20 % от общего количества стран – участниц АТР. Однако США, Канада и Австралия, пользующиеся популярностью у сбежавших коррупционеров, до сих пор не подписали с Китаем соглашения об экстрадиции (согласно статистике, более половины сбежавших из КНР коррупционеров скрываются в США, Канаде и Австралии) [2]. По причине того, что эти государства твердо придерживаются принципа «нет документа – нет обязанности», Китай, развивая сотрудничество с этими странами по вопросам преследования преступников, все еще не может добиться выдачи преступников. Целью Пекинской антикоррупционной декларации от 2012 г., прошедшей через Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (далее – АТЭС), было стимулирование переговоров Китая с США, Канадой, Австралией по вопросам подписания соглашения об экстрадиции. Они проходили за закрытым занавесом. Переговоры Китая с США по вопросам подписания соглашения об экстрадиции были очень трудными. Согласно правовым нормам, чтобы Америка подписала договор с иностранным государством, необходимо согласие ⅔ депутатов верхней палаты парламента (сената). Америка – страна с двухпартийной системой, в которой политические партии уравновешивают друг друга. Очень мало возможностей получить ⅔ голосов и потому чрезвычайно трудно добиться прохождения соглашения об экстрадиции между Китаем и США через сенат США [3]. Между Китаем, США и другими странами АТР также не заключен договор о репатриации. Несмотря на то, что подписано Соглашение о взаимной уголовно-правовой помощи, а также целый ряд других соглашений, КНР в исполнении закона ограничивается лишь проведением расследований и сбором доказательств [4]. С другой стороны, национальное законодательство Китая имеет противоречия с международным правом. Главным юридическим основанием выдачи преступников КНР считает Закон о выдаче преступников. В связи с тем, что Закон о выдаче преступников был обнародован раньше Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции[3], есть расхождения в вопросах объемов выдачи преступников, процедуры выдачи, приговора к смертной казни, политической преступности, невыдачи преступников и т. д. [5]. Уголовно-процессуальный кодекс Китая, а также ряд других законов не совпадают с Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции. Уголовные нормы доказательственного права имеют некоторые несоответствия с международными уголовными нормами доказательственного права или с международной практикой. Например, широкое понимание критерия доказанности. Международным

[2] АТР – это сокращенное название азиатского района и прибрежной зоны Тихого океана. Это название имеет широкий и узкий смысл. В широком смысле этого слова включает в себя государства и районы, расположенные на восточном и западном берегах Тихого океана: Канаду, США, Мексику, Перу, Чили, государства Южной и Северной Америки, на западном побережье Тихого океана – Россию, Японию, Южную Корею, материковый Китай, Тайвань, Гонконг, Океанию, Австралию, Новую Зеландию и т. д. В узком смысле слова подразумевается западная часть Тихого океана, главным образом территории Восточной Азии: Китай, Гонконг, Макао, Тайвань, Япония, Дальний Восток России и государства – члены Союза Юго-Восточной Азии. Простирается до Австралии, Новой Зеландии и других стран. В данной работе используется широкое значение данного понятия.

[3] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.09.2015).

уголовным процессом для различных этапов судебного дела определены различные многоуровневые критерии доказанности. Например, для возбуждения уголовного дела, для вынесения решения о невиновности, а также для определения степени вины и вынесения приговора в судебном порядке. Однако в Китае нет многоуровневой системы критериев доказанности на различных этапах уголовного процесса [6]. Согласно международным нормам подозреваемым и обвиняемым дано право хранить молчание во время допроса, однако законодательством Китая такое право не предусмотрено. Также внутреннее законодательство длительное время не удовлетворяло требованиям, необходимым для двустороннего международного антикоррупционного сотрудничества. Часто отдельным случаям сотрудничества предшествует заключение внешнего договора, а заключению внешнего договора должно предшествовать изменение внутреннего законодательства [7]. Такого рода правовая связь не позволяет достигать желаемого результата.

Правовые и культурные конфликты

Если сравнить историческое развитие права и культуры Китая и Запада, то можно заключить, что китайская правовая культурная модель центральной коллективной идеей считает общественный долг. Западная идеология придерживается индивидуализма. Развитие этих двух культурных моделей проходило по-разному. В Китае и на Западе в вопросах центральности положения человека, в понимании соблюдения прав человека существуют очевидные различия. В китайском традиционном законодательстве и культуре акцент делается на гармонии и гармоничном управлении страной личным примером правителя, Запад же обращает основное внимание на управление на основе законов и соблюдении прав человека. Эти различия и расхождения распространяются и на область международного уголовного правосудия, что вызывает у западных стран сомнения: они боятся, что сбежавшие коррупционеры после возвращения на родину не смогут воспользоваться их основными правами, суд над ними будет пристрастным и т. д. Поэтому Америка, Канада и ряд других западных стран АТР, часто ссылаясь на правовые, культурные и идеологические различия, а также на права человека, на несправедливое решение суда и другие причины, создают препятствия в сотрудничестве по антикоррупционному преследованию [8]. Социальный фон, экономический уровень, языковое сообщение, а также конкретный политический курс сотрудничества отличаются в некоторой степени, что создает огромное количество трудностей в трансграничной работе по преследованию преступников.

Беспристрастное правосудие сталкивается с проблемами

Беспристрастность правосудия есть одно из главных его требований наряду с законностью. Она подразумевает справедливое и равноправное обращение со всеми сторонами процесса, честность, справедливость и моральность судебных решений [9]. По причине различий политико-правовых систем и вопроса применения смертной казни Китай, ведя антикоррупционную борьбу в АТР посредством законов о выдаче преступников, миграционного, о репатриации и т. д., иногда попадает в болото судебной несправедливости.

В настоящее время более половины стран мира отменили смертную казнь. Кроме того, некоторые страны формально не отказались от смертной казни, но фактически ее не применяют. Согласно уголовному праву Китая за коррупцию и взятки виновного можно приговорить к смертной казни. Так как международная конвенция определила не выдавать преступников, которым на родине угрожает смертная казнь, а миграционное законодательство некоторых азиатско-тихоокеанских государств ограничивает жестокие наказания, эти государства, ведя с Китаем переговоры о выдаче преступников или о репатриации беглецов, требуют не применять к ним высшей меры наказания [10]. В ситуации, когда налицо группа коррупционеров, которая может быть приговорена к смертной казни, и кому-то из ее участников удалось бежать, возникает правовой тупик, поскольку совершившие аналогичные преступления лица в Китае и других странах АТР получают разные наказания. Может сложиться ситуация, когда главный обвиняемый уклонился от смертной казни, а соучастник преступления не смог этого сделать. Такого рода приговор уничтожает справедливость правосудия, поскольку нарушает принцип равенства перед уголовным правом и наносит ущерб его авторитету.

Политическое убежище и злоупотребление законом о жестоком наказании

Конвенция о статусе беженцев[4] определяет, что человек может просить о политическом убежище, если

[4] Конвенция о статусе беженцев ООН. Принята 28.07.1951. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14.12.1950. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 22.09.2015).

внутри своей страны он притесняется по причинам своего этнического происхождения, религии, гражданства, принадлежности к некоторым общественным организациям или за политические взгляды. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания устанавливает запрет между странами, заключившими договор, изгонять, возвращать на родину или выдавать преступников или любых других людей в страны, где в отношении их могут быть применены жестокие меры наказания. Из вышеизложенных международных конвенций видно, что договаривающиеся страны в двух ситуациях не могут вернуть человека на родину: 1) если после выдачи преступника или возвращения его на родину он может подвергнуться притеснениям по причинам этнического происхождения, религиозных, политических взглядов и т. д.; 2) если после выдачи преступника или возвращения его на родину он может быть подвергнут жестоким наказаниям или вынужден к даче показаний посредством пыток. Так как Америка, Канада и ряд других стран АТР подписали эти конвенции, то большое количество коррупционеров, сбежавших из Китая, чтобы избежать репатриации, прикрываются притеснениями или возможностью жестоких наказаний. Вплоть до того, что с целью отдаться под покровительство другого государства очерняют систему китайского правосудия и систему гарантий прав человека [11]. В результате получают статус беженца и спасаются от возвращения на родину. Некоторые специально затягивают процедуру подачи заявления на получение такого статуса, для того чтобы продлить время пребывания в чужой стране. Кроме того, в Канаде и некоторых других странах законом предусмотрена конфиденциальность подачи заявления на статус беженца. Эти страны не могут проинформировать Китай о том, что сбежавшие к ним коррупционеры подали заявку на его получение. В результате КНР не может предоставитэтим государствам имеющиеся доказательства совершения коррупционерами тяжких преступлений. Тем самым нет возможности эффективно применять пункт Конвенции о статусе беженца о лишении положения политического убежища (Конвенция о статусе беженцев» определяет: «Если человек ранее совершил тяжкое политическое преступление, он не имеет права получить политическое убежище) [12], а шансы сбежавших коррупционеров получить статус беженца в определенной степени увеличиваются. Это наносит чрезвычайный вред работе по преследованию преступников, проводимой Китаем в этих странах.

Политизация вопроса о выдаче преступников

Система выдачи преступников является не только юридическим вопросом. В большей степени это также и политическая проблема. В обычной ситуации общепринятые нормы выдачи преступников основаны не только на принципах права [13]. Современные государства часто вопрос о выдаче преступников делают важной составной частью внешней политики. Решение об удовлетворении просьбы иностранного государства о выдаче преступников главным образом принимается на основании хороших или плохих двусторонних межгосударственных отношений [14].

Ответные меры и внесение предложений

Находясь перед лицом множества нерешаемых проблем, КНР предпринимает активные ответные меры. По мнению автора, их можно рассмотреть следующим образом.

Пошаговое совершенствование правовой системы антикоррупционного преследования

По мнению автора, совершенствование современной китайской правовой системы антикоррупционного преследования можно осуществлять путем заключения международных договоров и совершенствования национального законодательства.

Заключение международных договоров

В течение последних лет Китай развивает сотрудничество с государствами АТР по вопросам уголовно-правовой помощи, выдачи преступников, перемещения осужденных и т. д., а также подписывает связанные с этими вопросами соглашения. К марту 2015 г. количество подписанных КНР договоров с государствами АТР от общего количества подписанных договоров составляло: 5 договоров о гражданской, торговой и уголовно-правовой взаимопомощи (26 % от общего количества), 12 договоров о взаимной уголовно-правовой помощи (40 %); 9 соглашений об экстрадиции (30 %); 5 договоров о перемещении осужденных (55 %)[5]. Однако количество подписанных договоров небольшое, к тому же значительная часть из них заключена с развивающимися странами, качество этих документов также не очень высокое. Много договоров находится в подвешенном состоянии. В процессе последующей работы в этом направлении, по мнению автора, можно сосредоточиться на двух аспектах: 1) активно инициировать ускорение ведения

[5] См. сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/ziliao_611306/tytj_611312/--wgdwdjdsfhzty/ (дата обращения: 22.09.2015).

переговоров и заключение соглашений о сотрудничестве с азиатско-тихоокеанскими государствами по вопросам сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Предложить КНР на основании Пекинской антикоррупционной декларации активно использовать опыт стран – участниц ЕС по вопросам выдачи преступников. Ускорить проведение переговоров с США, Канадой, Австралией и другими странами, входящими в АТЭС, о подписании с ними договоров о выдаче преступников, репатриации, противодействии отмыванию денег и т. д., а также договориться о многостороннем или двустороннем сотрудничестве в других областях; 2) ликвидировать препону для заключения договора – смертную казнь. В настоящее время основным юридическим препятствием для заключения договора о выдаче преступников между Китаем и развитыми странами являются смертная казнь и допрос под пыткой[6]. Для того чтобы устранить эту преграду, Китаю следовало бы позаимствовать опыт США. В Америке по-прежнему сохранена смертная казнь, но страна подписала соглашение о выдаче преступников со многими государствами, ее отменившими. В то же время при подписании соглашений о выдаче преступников США твердо придерживаются принципа не выдавать преступников странам, где смертная казнь не отменена[7] [15]. КНР во время подписания соглашений о сотрудничестве по вопросам уголовного правосудия с государствами АТР следует полностью перенять опыт США в таком дифференцированном подходе в решении вопросов, а именно использовать метод гарантий, альтернативы и выбора в применении уголовного правосудия[8].

Внутригосударственное законодательство

По мнению автора, возможны следующие направления развития внутригосударственного законодательства:

1. Унификация регулирования международной уголовно-правовой помощи. За последние несколько лет КНР подписала большое количество соглашений о международном сотрудничестве, однако внутригосударственное законодательство явно отстает. Несмотря на то, что в 2000 г. был обнародован Закон о выдаче преступников, регламентирующий систему проверки судебных дел о выдаче преступников и систему мер принуждения по уголовным делам, нет закона, регламентирующего международное сотрудничество по вопросам доставки документов уголовного процесса, сбора и изучения доказательств, перемещения уголовного процесса, перемещения осужденных лиц и т. д. [16]. Поэтому скорейшее принятие закона о международной уголовно-правовой помощи является обязательным условием международного сотрудничества КНР в антикоррупционном преследовании. Стоит порадоваться, что черновой вариант Закона о международной уголовно-правовой помощи, составленный руководителем министерства юстиции КНР, был

[6] Фактически КНР во время договора о выдаче преступников с Испанией впервые применила пункт «невыдача преступников под смертную казнь». Данный пункт определяет: «На основании закона о способах прошения во время прошения о возможности выдачи преступника необходимо заострить внимание на том, какое преступление было совершено и не назначена ли за него смертная казнь. Выдать преступника, только если испрашиваемая сторона дает достаточные гарантии неприменения смертной казни либо в случае приговора к смертной казни не приводит приговор в исполнение». См. «Договор о выдаче преступников между КНР и Королевством Испании», сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/gongbao/2006-05/24/content_5350141. htm (дата обращения: 20.09.2015).

[7] США во время подписания договора учитывают, выдает ли страна, с которой подписывается договор, преступников под смертную казнь. Например, подписывая соглашение о выдаче преступников с Италией и Англией, придерживались гарантий не приговаривать к смертной казни или не исполнять смертную казнь. Подписывая договор с ЕС о выдаче преступников, также придерживается условия не приговаривать к смертной казни или не исполнять смертную казнь. В соответствии с этим требованием страны – члены ЕС также могут согласиться или не согласиться выдать преступников. Вместе с тем государства Американского континента могут выдать преступника, если подписан договор о выдаче преступников и дана гарантия замены смертной казни другим наказанием.

[8] Китайский закон о выдаче преступников косвенно впитал принцип не выдавать преступников под смертную казнь. Хотя положения 8 и 9 Закона о выдаче преступников определяют соответственно ситуации категорической невыдачи преступников и ситуации, в которых можно отклонить просьбу о выдаче преступника. В этих пунктах нет указания на принцип невыдачи преступников в страны, применяющие смертную казнь. Но 50-е положение определяет: «Допускается на дополнительных условиях выдать преступника испрашиваемому государству. В тех случаях, если это не причинит вреда суверенитету КНР, его государственным и общественным интересам. Можно через министерство иностранных дел, представляющее правительство КНР, в адрес испрашиваемого государства составить обязательство. В отношении ограниченных судебным преследованием обещаний Верховная народная прокуратура КНР выносит решение. В отношении обещаний, определяющих меру наказаний, Верховный народный суд КНР выносит решение. В отношении выдачи людей, привлеченных к уголовной ответственности, органы юстиции должны получить подготовленное обещание, связанное обязательствами. Это положение также определяет выдачу коррупционеров на основании обеспечения внутригосударственным законодательством избавления от смертной казни.

уже 9 раз рассмотрен на консультативном собрании экспертов, которые провели системное регламентирование таких вопросов, как передача официальных документов, сбор доказательств, проведение расследований, арест и перемещение осужденных, вынесение приговора, перемещение уголовного процесса и т. д.

2. Улучшение законодательства в отношении беглецов, добровольно вернувшихся с повинной. В процессе антикоррупционного преследования применение системы поощрений привлеченных к суду сбежавших коррупционеров, добровольно вернувшихся на родину, является синтезом мягкости и строгости уголовной карательной политики, а также конкретным, экономичным, высокоэффективным способом международного уголовного сотрудничества. В настоящее время Уголовный кодекс КНР детально регламентирует добровольную явку с повинной. Верховный народный суд КНР, Верховная народная прокуратура КНР и Министерство общественной безопасности совместно опубликовали «Разъяснение некоторых вопросов конкретного употребления законодательства в адрес добровольно явившихся с повинной». После проведения специальной операции «Охота на лис – 2014» в КНР также был опубликован «Настойчивый призыв к преступникам, совершившим экономические преступления и сбежавшим за границу, явиться с повинной к властям»[9]. Несмотря на то, что эти законы определили нормы явки с повинной к властям беглецов, они недостаточно конкретны. Так, не раскрыт вопрос о месте размещения беглецов. Уговоры вернуться не имеют достаточно ясной, эффективной и стабильной юридической и политической опоры [17]. В связи с этим автор предлагает дальнейшее улучшение законов, определяющих добровольную явку с повинной. Какие меры пресечения применять к тем, кто добровольно явился с повинной? Как поступать с теми беглецами, в отношении которых за границей не были избраны меры пресечения? Какие наказания применять к тем, кто по своей инициативе вернулся на родину и предстал перед судом, а какие к тем, кто принял уговоры представителей КНР вернуться на родину и предстать перед судом? Если вернувшийся человек дает правдивые показания в адрес основного преступника, можно ли это квалифицировать как добровольную явку с повинной? Что делать в отношении уже выданных преступников, репатриированных нелегальных иммигрантов, преступников, сбежавших в процессе судебного преследования? Как поступать, если преступник до завершения судопроизводства выразил желание быть выданным или репатриированным на родину, какой тогда порядок завершения заграничных контрольных процедур, их упрощения или досрочного завершения? [18]

3. Отмена смертной казни в адрес выданных преступников приведет к ситуации «одинаковое преступление – разное наказание». Автор предлагает заимствовать опыт некоторых западных стран сохранить смертную казнь, но не применять, а также руководствоваться принципом «в далеком будущем отменить, в ближайшем будущем применять с осторожностью». Опыт истории показывает, что смертная казнь как жестокая мера подавления коррупции не является эффективной. Вместе с тем она противоречит духу Международного пакта о гражданских и политических правах[10] [19] и мировым тенденциям в целом. Поэтому в долгосрочной перспективе отмена смертной казни в адрес коррупционных и сексуальных преступлений, замена их системой мер лишения или ограничения свободы, конфискацией имущества и т. д. станет новым направлением развития уголовного права КНР. Но, принимая во внимание тяжесть коррупционных преступлений, совершаемых в настоящий момент в КНР, и глубокую ненависть, которую испытывает народ в адрес этих преступников, полная отмена смертной казни является невыполнимой. В данной ситуации автор полагает, что в процессе антикоррупционного преследования необходимо с осторожностью применять смертную казнь, а использовать альтернативную меру наказания – пожизненное тюремное заключение без права досрочного освобождения. Необходимо обратить внимание на реальную обстановку судебного дела, твердо придерживаться

9 См. сайт Правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-10/12/content_2763413.htm (дата обращения: 20.09.2015).

[10] Параграф 6, пункт 2 определяет: «В странах, где не отменена смертная казнь, вынесение приговора о смертной казни возможно только по отношению к чрезвычайно тяжким преступлениям». Что касается определения чрезвычайно тяжкого преступления, в 1-м правиле «Защиты прав человека, приговоренного к смертной казни» (досл. «стоящего перед лицом смертной казни») ООН определено: «В странах, где не отменена смертная казнь, вынесение приговора о смертной казни возможно только по отношению к чрезвычайно тяжким преступлениям. Это нужно понимать так, что сфера применения смертной казни ограничивается преступлениями, повлекшими смерть или другие преступления с крайне тяжкими последствиями».

того, что наказание за преступление должно быть соответствующим. Все люди перед лицом уголовного права равны. Следует избегать создания ситуации «одинаковое преступление – различное наказание».

Кроме того, необходимо провести всестороннее упорядочивание правовой системы антикоррупционного преследования КНР, системно изучить подписанные КНР многосторонние и двусторонние соглашения на предмет их соответствия внутреннему законодательству, проанализировать несоответствия и внести соответствующие изменения.

Здравые и эффективные механизмы международного сотрудничества по исполнению уголовного правосудия

Механизмы международного сотрудничества по исполнению уголовного правосудия выступают неотъемлемым условием международного сотрудничества по борьбе с преступностью. Юридическим основанием этого сотрудничества является подписание многосторонних международных договоров, двусторонних договоров и создание внутригосударственного права. КНР реализует антикоррупционное преследование в АТР, применяя Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции[11], Пекинскую антикоррупционную декларацию[12] и другие многосторонние договоры, а также двусторонние соглашения, подписанные с азиатско-тихоокеанскими государствами. Если посмотреть с позиции современного сотрудничества, существует четыре типа международного сотрудничества КНР в АТР по вопросам антикоррупционного преследования: 1) механизмы сотрудничества с ООН на основе Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и некоторых других международных договоров. Сотрудничество возможно лишь на основании инструментов, используемых каждой отдельно взятой страной – участницей этих договоров; 2) механизмы сотрудничества с другими иностранными организациями, например Международной организацией уголовной полиции. Акцент в них делается на практической направленности деятельности; 3) межрегиональное межгосударственное сотрудничество. Например, интернет-сотрудничество АТЭС по исполнению антикоррупционного законодательства. Этот механизм азиатско-тихоокеанской борьбы с коррупцией был создан КНР и является очень значимым для Китая в антикоррупционном преследовании; 4) механизм двустороннего межгосударственного сотрудничества. Это сотрудничество можно осуществлять в рамках соглашения о сотрудничестве между двумя странами. Также это могут быть отдельные случаи сотрудничества. Например, механизм уголовно-правовой помощи, созданный между КНР, США и Канадой [20]. Китай в азиатско-тихоокеанском антикоррупционном преследовании основной акцент делает на всеохватывающем, многоплановом создании и улучшении этих четырех механизмов. В особенности необходимо полноценное использование антикоррупционных механизмов ООН, интернет-сотрудничество с АТЭС по вопросам исполнения антикоррупционного законодательства, сотрудничество с Интерполом и т. д.

Механизмы антикоррупционного сотрудничества с ООН. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции является основой международного правового сотрудничества с АТР по вопросам антикоррупционного преследования. Большинство стран, не подписавших с КНР соглашение о выдаче преступников, подписали эту конвенцию. Например, названная конвенция определяет принцип «или выдача преступника, или возбуждение уголовного дела»[13]. Этот принцип не позволит «коррупционерам просить статус беженца в стране, подписавшей это соглашение, не быть выданным и скрыться от наказания» [21]. Тем самым это позволяет КНР просить страны, не подписавшие с ней соглашение о выдаче преступников, выдать преступников, возвратить их на родину или провести судебное антикоррупционное преследование на чужой земле. Также КНР может задействовать 48-й пункт Конвенции для создания в АТР механизмов совместного использования информации по уголовным делам, а 49-й – для создания механизмов проведения совместных расследований и т. д.

Механизмы сотрудничества с Международной организацией уголовной полиции. Интерпол явля-

[11] Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31.10.2003. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 22.09.2015)

[12] Пекинская декларация. Принята четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 22.09.2015)

[13] § 11 ст. 44 «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» определяет: «Если обвиняемый преступник обнаружен в государстве, заключившем договор, даже если этот преступник получил гражданство данной страны, данное государство обязано незамедлительно по требованию страны передать преступника в компетентные органы страны, заключившей договор, для возбуждения уголовного дела».

ется интернациональной межправительственной организацией по сотрудничеству организаций полицейской службы с целью обеспечения наказаний по уголовным делам. На сегодняшний день она состоит из 195 стран-участниц и регионов, являясь второй по величине после ООН международной организацией. Интерпол обладает сравнительно совершенным и высокоэффективным процессом функционирования. Благодаря опубликованию международных сообщений и другим способам обеспечивается сотрудничество полиции разных государств по расследованию уголовных дел. Международные сообщения включают в себя информацию о преступниках, о совершении краж, о методах совершения преступлений и т. д. Также сообщается информация об арестованных преступниках, о выданных преступниках, а также ордеры на арест. В настоящее время международные циркулярные приказы об аресте получили признание (одобрение) в большинстве стран. Для КНР приказы об аресте, опубликованные по всему миру Интерполом, являются часто используемым и эффективным поводом антикоррупционного преследования в АТР. С момента специально организованной «Охоты на лис – 2014» КНР через механизмы сотрудничества с Интерполом опубликовала около 30 приказов об аресте. Это дало очень хорошие результаты. В последующем Китаю следует всецело внедрять методы преследования Интерполом.

Механизмы сотрудничества с АТЭС по исполнению антикоррупционных законов. Интернет-сеть АТЭС по взаимодействию в исполнении антикоррупционного закона (ACT-NET) – это новый китайский механизм усиления и развития международного сотрудничества по вопросам антикоррупционного преследования в АТР. В декабре 2013 г. страны – участницы АТЭС на балийском саммите достигли согласия по вопросу создания интернет-сети для антикоррупционного сотрудничества. Америка также принимала активное участие в этом мероприятии. В августе 2014 г. министерство контроля КНР согласно очередности было организатором антикоррупционной рабочей группы АТЭС. Совместно с Индонезией, США и рядом других стран Китай способствовал созданию интернет-сети АТЭС для разрешения вопросов исполнения антикоррупционного законодательства. Также были предложены другие экономические механизмы борьбы с коррупцией [22]. Данная интернет-сеть подчиняется антикоррупционной рабочей группе АТЭС, является важной составляющей реализации Пекинской антикоррупционной декларации. Целью ее является создание реального антикоррупционного сотрудничества и нанесение удара по коррупции, взяточничеству, отмыванию денег, контрабандной торговле и другим видам преступной деятельности в АТР[14]. Интернет-сеть АТЭС по решению вопросов исполнения антикоррупционного законодательства должна способствовать сокращению расходов КНР по антикоррупционному преследованию в государствах АТР, а также минимизации юридических препятствий, повышению скорости и эффективности захвата преступников.

Кроме того, Китаю следует придать большое значение созданию механизмов двустороннего сотрудничества с азиатско-тихоокеанскими государствами по вопросам развития антикоррупционного преследования. Например, Конгресс США в 2010 г. с целью воздействия на своих граждан, уклоняющихся от уплаты налогов в оффшорных зонах, ввел в действие закон «О налогообложении иностранных счетов». Для реализации данного документа Министерство финансов США подписало с КНР соглашение о сотрудничестве, на основании которого страны предоставляют друг другу информацию о финансовых счетах граждан противоположной стороны. Китай получил механизмы управления ситуацией с банковскими счетами своих граждан и юридических лиц в США, что способствует развитию антикоррупционного преследования в Штатах. Также в настоящее время проходят встречи представителей КНР и США на уровне министерств, на которых даются обещания не предоставлять покровительство беглецам из этих стран, что позволит в будущем на законодательном уровне приложить усилия для осуществления репатриации [23]. Можно заключить, что механизм сотрудничества между Китаем и странами АТР по вопросам антикоррупционного преследования постепенно совершенствуется.

Список литературы

1. Ван Хай Цзюнь. Стратегия КНР по преследованию и возвращению в принудительном порядке и международное сотрудничество // Социальное наблюдение. 2015. № 1.

2. Чэн Синь Ю. Правовые проблемы заграничного преследования и возвращения в принудительном порядке // Осуществление прокурорского надзора. 2014. № 22.

3. Чэн Синь Ю. Правовые проблемы преследования за границей и возвращение в принудительном порядке // Ситуация в прокурорском надзоре. 2014. № 22.

[14] «АРЕС интернет-сотрудничество по исполнению антикоррупционного законодательства». Интернациональный интернет-ресурс. URL: http://gb.cri.cn/42071/2014/11/08/3245s4759143.htm (дата обращения: 20.09.2015).

4. Чэнь Сяо Фан. Непрерывное антикоррупционное сотрудничество КНР и США // Ежедневная правовая система. 2015. 31 марта.

5. Гу Юй. Проблемы межгосударственного преследования и пути их решения // Народный надзор. 2008. № 12.

6. Чжан Я Жу. Сравнительный анализ китайских и международных норм доказательного права // Теоретический справочник. 2014. № 12.

7. Ма Хай Цзюнь, Хэ Сяо Ся. Вопросы китайского международного сотрудничества по преследованию сбежавших коррупционеров // Наука и общество. 2014. № 1.

8. Чэнь Сяо Фан. Непрерывное антикоррупционное сотрудничество КНР и США // Ежедневная правовая газета. 2015. 31 марта.

9. Хэ Цзя Хун. Теория справедливости правосудия // Китайское правоведение. 1999. № 2.

10. Чэн Синь Ю. Правовые проблемы и заграничного преследования и возвращения в принудительном порядке // Прокурорский надзор. 2014. № 22.

11. Хуан Фэн. 4 великих пути заграничного преследования // Народный форум. 2011. № 31.

12. Чэн Синь Ю. Правовые проблемы заграничного преследования и принудительного возвращения // Осуществление прокурорского надзора. 2014. № 22.

13. Пэн Синь Линь, Шан Хао Вэнь. Начальное исследование китайского антикоррупционного преследования и миграционного закона о репатриации // Вестник Сычуанской академии полиции. 2012. № 4.

14. Хуан Чжэнь. Юридические препятствия китайского заграничного преследования и возвращения в принудительном порядке и способы преодоления этих препятствий // Китайская партийная и административная трибуна. 2015. № 2.

15. Гу Юй. Проблемы межгосударственного преследования и способы их разрешения // Народный надзор. 2008. № 12.

16. Чэнь Ли Пин. Скорейшая разработка закона о международной уголовно-правовой помощи // Ежедневная правовая газета. 2014. 7 марта.

17. Хуан Фэн. Несколько юридических вопросов создания эффективных механизмов преследования преступников за границей и возвращения их в принудительном порядке // Правоведение. 2015. № 3.

18. Хуан Фэн, Лю Ли. Исследование вопросов квалификации сбежавших преступников, явившихся с повинной // Альманах китайского уголовного права. 2010. № 10.

19. Чжао Бин Чжи. Международное сотрудничество в области китайского антикоррупционного уголовного права // Вестник Государственной академии прокуратуры. 2010. № 5.

20. Ян Юй Гуань. Некоторые вопросы международного антикоррупционного сотрудничества в уголовно-правовой сфере // Прокурорский надзор. 2007. 8 марта.

21. Ли Ин. Исследование механизмов международной уголовно-правовой помощи в принятии решений по вынесению наказаний в судебном порядке к сбежавшим за границу коррупционерам // Исполнительная и законодательная власть. 2009. № 4.

22. Ван Хай Цзюнь. Стратегия КНР по возвращению преступников в принудительном порядке и международное сотрудничество // Социальное наблюдение. Январь.

23. Лу Аи Хун. Сотрудничество Китая и Америки еще раз показывает, что в мире нет «рая для избежания наказаний» // Газета народной общественной безопасности. 2015. 14 апреля.

В редакцию материал поступил 12.11.15

© Ху Жунь, 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Ху Жунь, доктор юридических наук, доцент, Чунцинская академия полиции, Китайский университет политики и права

Адрес: Китай, г. Чунцин, р-н Шапинба, университетский городок, ул. Цзин Чжэн, стр. 666, тел.: +86 (023) 63964613, +86 15025365658

E-mail: jacksonhr@sina.com

Как цитировать статью: Ху Жунь. Правовые проблемы борьбы с коррупцией Китая в азиатско-тихоокеанском регионе и пути их решения // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 84–95.

HU RONG,
Doctor of Law, Associate Professor
Chongqing Police College, Southwest University of Political Science & Law, Chongqing, China

CHINA'S CHALLEGES AND ITS COUNTERMEASURES TO HUNT THE FUGITIVES WHO ARE INVOLVED IN CORRUPTION AND FLED TO THE ASIA PACIFIC REGION[15]

Objective: to identify the main problems faced by the Chinese justice in anti-corruption prosecution, and to find their solutions.

Methods: the method of analysis, theoretical methods of cognition.

Results: the article attempts to systemically analyze the lessons of history and legal issues facing in the implementation of anti-corruption prosecution in the Asia-Pacific region in order to ensure its effectiveness in China.

Scientific novelty: the research proposes solutions to the problem of corrupt officials escaping from justice and seeks to find a compromise in the issues of international cooperation in this field.

Practical significance: the Chinese experience can be used in Russia to improve the legal system in the struggle against corruption and the international cooperation on criminal justice matters.

Key words: anti-corruption prosecution; extradition of criminals; repatriation; death penalty; corruption personnel; corruptioner; corruption; criminal justice; cooperation; extradition.

References

1. Van Khai Tszyun'. Strategiya KNR po presledovaniyu i vozvrashcheniyu v prinuditel'nom poryadke i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo (PRC's strategy of persecution and forced extradition and international cooperation) // *Sotsial'noe nablyudenie*, 2015, no. 1.

2. Chen Sin' Yu. Pravovye problemy zagranichnogo presledovaniya i vozvrashcheniya v prinuditel'nom poryadke (Legal issues of persecution abroad and forced extradition) // *Osushchestvlenie prokurorskogo nadzora,* 2014, no. 22.

3. Chen Sin' Yu. Pravovye problemy presledovaniya za granitsei i vozvrashchenie v prinuditel'nom poryadke (Legal issues of persecution abroad and forced extradition) // *Situatsiya v prokurorskom nadzore,* 2014, no. 22.

4. Chen' Syao Fan. Nepreryvnoe antikorruptsionnoe sotrudnichestvo KNR i SShA (Continuous anti-corruption cooperation of PRC and USA) // *Ezhednevnaya pravovaya sistema,* 2015, 31 march.

5. Gu Yui. Problemy mezhgosudarstvennogo presledovaniya i puti ikh resheniya (Issues of international persecution and ways of their solution) // *Narodnyi nadzor,* 2008, no. 12.

6. Chzhan Ya Zhu. Sravnitel'nyi analiz kitaiskikh i mezhdunarodnykh norm dokazatel'nogo prava (Comparative analysis of the Chinese and international norms of probative law) // *Teoreticheskii spravochnik*, 2014, no. 12.

7. Ma Khai Tszyun', Khe Syao Sya. Voprosy kitaiskogo mezhdunarodnogo sotrudnichestva po presledovaniyu sbezhavshikh korruptsionerov (Issues of Chinese international cooperation for persecution of runaway corruptionists) // *Nauka i obshchestvo,* 2014, no. 1.

8. Chen' Syao Fan. Nepreryvnoe antikorruptsionnoe sotrudnichestvo KNR i SShA (Continuous anti-corruption cooperation of PRC and USA) // *Ezhednevnaya pravovaya gazeta*, 2015, 31 march.

9. Khe Tszya Khun. Teoriya spravedlivosti pravosudiya (Theory of the equity of justice) // *Kitaiskoe pravovedenie,* 1999, no. 2.

10. Chen Sin' Yu. Pravovye problemy i zagranichnogo presledovaniya i vozvrashcheniya v prinuditel'nom poryadke (Legal issues of persecution abroad and forced extradition) // *Prokurorskii nadzor*, 2014, no. 22.

11. Khuan Fen. 4 velikikh puti zagranichnogo presledovaniya (4 great ways of persecution abroad) // *Narodnyi forum,* 2011, no. 31.

12. Chen Sin' Yu. Pravovye problemy zagranichnogo presledovaniya i prinuditel'nogo vozvrashcheniya (Legal issues of persecution abroad and forced extradition) // *Osushchestvlenie prokurorskogo nadzora,* 2014, no. 22.

13. Pen Sin' Lin', Shan Khao Ven'. Nachal'noe issledovanie kitaiskogo antikorruptsionnogo presledovaniya i migratsionnogo zakona o repatriatsii (Primary research of Chinese anti-corruption persecution and migration law on repatriation) // *Vestnik Sychuanskoi akademii politsii,* 2012, no. 4.

14. Khuan Chzhen'. Yuridicheskie prepyatstviya kitaiskogo zagranichnogo presledovaniya i vozvrashcheniya v prinuditel'nom poryadke i sposoby preodoleniya etikh prepyatstvii (Legal obstacles of the Chinese persecution abroad and forced extradition and ways to overcome these obstacles) // *Kitaiskaya partiinaya i administrativnaya tribuna*, 2015, no. 2.

15. Gu Yui. Problemy mezhgosudarstvennogo presledovaniya i sposoby ikh razresheniya (Legal issues of international persecution and ways of their solution) // *Narodnyi nadzor*, 2008, no. 12.

16. Chen' Li Pin. Skoreishaya razrabotka zakona o mezhdunarodnoi ugolovno-pravovoi pomoshchi (Urgent elaboration of the law on international criminal-legal assistance) // *Ezhednevnaya pravovaya gazeta*, 2014, 7 march.

17. Khuan Fen. Neskol'ko yuridicheskikh voprosov sozdaniya effektivnykh mekhanizmov presledovaniya prestupnikov za granitsei i vozvrashcheniya ikh v prinuditel'nom poryadke (Some legal issues of creating efficient mechanisms of criminals' persecution abroad and their forced extradition) // *Pravovedenie,* 2015, no. 3.

[15] The article reflects the stage achievements of implementation of scientific-research program on public security theory commissioned by Ministry of Public Security of the People's Republic of China in 2014 (project No. 14SKQ04), and the research program in humanities and social sciences, which named the challenges and its countermeasures of social governance in the migrant worker community under the background of urbanization in China, granted by Chongqing Education Council in 2014 (project No. 14SKQ04).

18. Khuan Fen, Lyu Li. Issledovanie voprosov kvalifikatsii sbezhavshikh prestupnikov, yavivshikhsya s povinnoi (Research of the issues of qualifying the runaway self-reported criminals) // *Al'manakh kitaiskogo ugolovnogo prava,* 2010, no. 10.

19. Chzhao Bin Chzhi. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti kitaiskogo antikorruptsionnogo ugolovnogo prava (International cooperation in the sphere of Chineses anti-corruption criminal law) // *Vestnik Gosudarstvennoi akademii prokuratury*, 2010, no. 5.

20. Yan Yui Guan'. Nekotorye voprosy mezhdunarodnogo antikorruptsionnogo sotrudnichestva v ugolovno-pravovoi sfere (Some issues of international anti-corruption cooperation in the criminal-legal sphere) // *Prokurorskii nadzor,* 2007, 8 march.

21. Li In. Issledovanie mekhanizmov mezhdunarodnoi ugolovno-pravovoi pomoshchi v prinyatii reshenii po vyneseniyu nakazanii v sudebnom poryadke k sbezhavshim za granitsu korruptsioneram (Research of the mechanisms of international anti-corruption assistance in court punishment to corruptionists who ran abroad) // *Ispolnitel'naya i zakonodatel'naya vlast'*, 2009, no. 4.

22. Van Khai Tszyun'. Strategiya KNR po vozvrashcheniyu prestupnikov v prinuditel'nom poryadke i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo (PRC's strategy of forced extradition and international cooperation) // *Sotsial'noe nablyudenie*. January.

23. Lu Ai Khun. Sotrudnichestvo Kitaya i Ameriki eshche raz pokazyvaet, chto v mire net «raya dlya izbezhaniya nakazanii (Cooperation of China and America shows once again that in the world there is no "Eden" to avoid punishment) // *Gazeta narodnoi obshchestvennoi bezopasnosti,* 2015, 14 april.

Received 12.11.15

Information about the author

Hu Rong, Doctor of Law, Associate Professor, Chongqing Police College, Southwest University of Political Science & Law, Chongqing, China
Address: No. 666, Jingzheng Rd, Shapingba District, Chongqing City 401331, P. R. China, tel.: +86 (023) 63964613, +86 15025365658
E-mail: jacksonhr@sina.com

For citation: Hu Rong. China's Challenges and Its Countermeasures to Hunt the Fugitives Who are Involved in Corruption and Fled to the Asia Pacific Region // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 84–95.

© Hu Rong, 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

胡荣,
博士, 副教授
重庆警察学院/西南政法大学，中国

中国在亚太地区反腐追逃面临的法律挑战及其应对[1]

目标: 诊断中国开展反腐追逃面临的法律问题，找这些问题解决的方法。

方式: 分析法，公共理论知识方法.

结果: 本文章的作者尝试体系分析中国在亚太地区开展反腐追逃面临的法律挑战和历史的教训，为了保证反腐追逃的效力。

科学新颖: 本文章的作者建议贪腐人员逃跑司法问题的解决，尝试找折中国际合作问题的办法。

使用意义: 为了改善俄罗斯反腐追逃法律体系，开展刑事司法执法国际合作机制可以用中国经验。

关键词: 反腐追逃; 引渡; 汇回本国; 死刑; 贪腐人员; 贪腐; 刑事司法; 合作; 引渡.

参考文献

1. Wang Hai Jun: «Zhui tao zhui zang de zhong guo ce lue yu guo ji he zuo», «She hui guan cha» 2015nian dì 1qi.
2. Cheng Xin You: «Jing wai zhui tao zhui zang de fa lǜ tiao zhan», «Jian cha feng yun» 2014nian di 22qi.
3. Cheng Xin You: «Jing wai zhui tao zhui zang de fa lǜ tiao zhan», «Jian cha feng yun» 2014nian di 22qi.
4. Chen Xiao Fang: «Zhong mei fan fu he zuo dong zuo pin pin bu duan shen ru», «Fa zhi ri bao» 2015nian 3yue 31ri di 9 ban.
5. Jia Yu: «Kua guo zhui tao de kun jing yu chu lu», «Ren min jian cha» 2008nian di 12qi.

[1] 本文系中华人民共和国公共安全部2014年公安理论及软科学研究计划项目（项目编号：14SKQ04）、2014年中国重庆市教育委员会人文社会科学研究一般项目《城镇化背景下农民工聚居形态对社会治理带来的挑战及法律应对》（项目编号：14SKQ04）的阶段性成果。

6. Zhang Ya Ru: «Wo guo xing shi zheng ju li fa yu guo ji xing shi zheng ju gui ze zhi bi jiao ji qi xian shi qi shi», «Li lun dao kan» 2014nian di 12qi.

7. Ma Hai Jun, He Xiao Xia: «Zhong guo hai wai zhui tao fan fu bai guo ji he zuo zhong de wen ti yu dui ce», «She ke zong heng» 2014nian di 1qi.

8. Chen Xiao Fang: «Zhong mei fan fu he zuo dong zuo pin pin bu duan shen ru», «Fa zhi ri bao» 2015nian 3yue 31ri di 9ban.

9. He Jia Hong: «Si fa gong zheng lun», «Zhong guo fa xue» 1999nian di 2qi.

10. Cheng Xin You: «Jing wai zhui tao zhui zang de fa lǜ tiao zhan», «Jian cha feng yun» 2014nian di 22qi.

11. Huang Feng: «Jing wai zhui tao de si da lu jing», «Ren min lun tan» 2011nian 31qi.

12. Cheng Xin You: «Jing wai zhui tao zhui zang de fa lǜ tiao zhan», «Jian cha feng yun» 2014nian di 22qi.

13. Peng Xin Lin, Shang Hao Wen: «Wo guo fan fu zhui tao zhong de yi min fa qian fan cuo shi chu tan», «Si chuan jing cha xue yuan xue bao» 2012nian 4qi.

14. Huang Zhen: «Dang qian wo guo hai wai zhui tao zhui zang de fa lǜ zhang ai ji jie jue tu jing», «Zhong guo dang zheng gan bu lun tan» 2015nian di 2qi.

15. Jia Yu: «Kua guo zhui tao de kun jing yu chu lu», zai «Ren min jian cha» 2008nian di 12qi.

16. Chen Li Ping: «Jia kuai zhi ding guo ji xing shi si fa xie zhu fa», «Fa zhi ri bao» 2014nian 3yue 7ri di 7ban.

17. Huang Feng: «Jian li jing wai zhui tao zhui zang zhang xiao ji zhi de ji ge fa lǜ wen ti», «Fa xue» 2015nian di 3qi.

18. Huang Feng, Liu Li: «Tao wang jing wai ren yuan zi shau ren ding wen ti yan jiu», «Zhong guo xing shi fa za zhi» 2010nian di 10qi.

19. Zhao Bing Zhi: «Zhong guo fan fu bai xing shi fa zhi ling yu zhong de guo ji he zuo», «Guo jia jian cha guan xue yuan xue bao» 2010nian di 5qi.

20. Yang Yu Guan: «Fan fu bai guo ji xing shi si fa he zuo ruo gan wen ti yan jiu», «Jian cha ri bao» 2007nian 3yue 8 ri di 3 ban.

21. Li Ying: «Cheng zhi wai tao tan guan de guo ji xing shi si fa xie zhu jie jue ji zhi tan xi», «Zheng fa xue kan» 2009nian di 4qi.

22. Wang Hai Jun: «Zhui tao zhui zang de zhong guo ce lue yu guo ji he zuo», «She hui guan cha» 2015nian 01qi.

23. Lu Ai Hong: «Zhong mei he zuo zhui tao zai ci biao ming shi shang jue wu “bi zui tian tang”», «Ren min gong an bao» 2015nian 4yue 17ri di 3ban.

15年11月12日编辑部收到了这篇文章
© 胡荣, 2015

作者简介

胡荣, 博士, 副教授,重庆警察学院，西南政法大学，中国。
我的工作地址：中国重庆市沙坪坝区景铮路666号 (邮编：401331), 电话 : +86（023）63964613 +86 15025365658 (手机号删除)
E-mail: jacksonhr@sina.com

引用本文章方式: 胡荣. 中国在亚太地区反腐追逃面临的法律挑战及其应对// 经济法律紧迫问题, 2015, no. 4, pp. 84–95.

УДК 130.2:159.9:343.9:328.185
URL: http://hdl.handle.net/11435/2198
Яковлева Е. Л.
С. 96–103.

Е. Л. ЯКОВЛЕВА,
доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ИГРА КАК МОТИВАЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ В КОРРУПЦИОННОМ СОЦИАЛЬНОМ

Цель: осуществить анализ игровой компоненты в виде мотивации и действия, стимулирующих особую, коррупционную, форму поведения в пространстве гламурного социального.
Методы исследования: комплекс классических и постклассических методов исследования, включая аналитический, диалектический и феноменологический методы познания по отношению к игре, игровым мотивациям и действиям, установившим многообразие форм игровых проявлений, свидетельствующих о ее привлекательности, гибкости и пластичности, а также постмодернистская парадигма интерпретации идеологии гламура и особого типа личности – коррупционера с чертами трикстера.
Результаты: российское общество, находящееся в аномичном состоянии, усугубляют которое коррупционные проявления, тем не менее не дает повода для пессимизма. Антикоррупционная политика, стимулируя научный поиск мотивационных причин и действий личности, обращающейся к коррупционной форме поведения и проявляющей коррупционную активность, делает результаты исследований достоянием широкой аудитории и внедряет их в практическую, антикоррупционную деятельность, связанную с воспитанием, просвещением и пропагандой антикоррупционного и инклюзивного образа жизни, олицетворяющим включенное состояние в модусе Быть.
Научная новизна: анализ феномена игры позволяет обнаружить его в пространстве коррупционного, где феномен являет себя в качестве мотивации и действия, что обуславливается его онтологической всеохватностью и игроизацией современного социального. Сложность выявления игры в контексте коррупционного обусловлена ее гносеологической труднопостижимостью, трансформированностью в современности, а также вуалированностью целей и действий коррупционера. Исследование проблемы приводит к выявлению нового типа личности – коррупционера-трикстера / трикстера-коррупционера. Знание игровых мотиваций и действий коррупционера позволяет ориентироваться в сложных ситуациях современности, имеющих коррупционную подоплеку.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении и анализе состояния современного российского общества, в том числе касающегося коррупции и коррупционной линии поведения личности.

Ключевые слова: игра; игровая мотивация; игровое действие; коррупция; идеология гламура; трансформации; игроизация; трикстер; трикстер-коррупционер; коррупционер-трикстер.

Введение

Несмотря на то, что антикоррупционная политика в современной России набирает обороты, тем не менее коррупционные проявления в различных областях социального имеют место, являя все более изощренные способы незаконного получения прибыли, в том числе должностными лицами. Выстраиваются сложные схемы в виде причудливо-ризоматичных лабиринтов, по которым «текут» незаконные денежные средства определенным лицам, что позволяет говорить о проникновении игры и игровых форм поведения в пространство коррупционного. Приведенное обстоятельство заставляет провести анализ личности коррупционера [1, с. 86], в коррупционной линии поведения которого обнаруживают себя элементы феномена игры в виде мотивации и действия.

Для рассмотрения проблемы игры как мотивации и действия в контексте коррупционной практики [1, с. 87] и поведения личности коррупционера, имеющих место в современном социальном, нами использован феноменологический метод, установивший многообразие форм игровых проявлений, свидетельствующих об их привлекательности, гибкости и пластичности, аналитический и диалектический методы познания по отношению к игре, игровым мотивациям и действиям в гламурно-коррупционном социальном, а также постмодернистская парадигма интерпретации идеологии гламура и особого типа личности – коррупционера с чертами трикстера.

Результаты исследования

В каждой исторической эпохе, включая современность, игра представляет собой *универсальный феномен культуры и бытия* социального / человека, обладающий способностью быть пластичным и принимать разные формы / модификации. Неслучайно

интерпретации понятия игры встречаются всюду, где ход явления зависит *от борьбы* двух и более сторон, а ее исход – *от выбора и принятия* противоположными сторонами тех или иных *решений / стратегий*. В силу этого обстоятельства жизненно-практические возможности приложения игры оказываются чрезвычайно широкими: существуют детские, политические, военные, психологические, математические, логические, экономические, сценические и другие игры.

Можно утверждать, что онтологически игра объемлет собой все уровни бытия, тем не менее гносеологически она трудно постижима: игра относится к числу «мирообразующих» феноменов, способных порождать новые «миры» посредством явного участия человека в их реализации. Дать универсальное определение игре и игровой природе очень трудно. Как писал Е. Финк о смерти, труде, любви, и в том числе игре, это экзистенциальный феномен, «один из способов понимания, с помощью которых человек понимает себя… и стремится через такие смысловые горизонты объяснить одновременно бытие всех вещей» [2, с. 362]. Игра осуществляется как *сложная целостность действий, сознания и коммуникации*. Чтобы понять игру, мотивы игрового поведения и действий, необходимо быть не сторонним наблюдателем, а включенным в нее *актором,* то есть инклюзивной личностью. Осуществить подобное одновременно просто и сложно. Дело в том, что человек по своей природе – *существо, играющее символами,* то есть человек – игрок, что указывает на одно из многочисленных экзистенциальных его проявлений. Наша трактовка человека как существа, играющего символами, приводит к аспекту *игровой мотивации*, согласно которой игра выступает в качестве побуждающего стимула к действию, управляя поведением и определяя его направленность, тем самым удовлетворяя определенные потребности личности. Заметим, выбор современных символов *человека играющего* обусловлен идеологией гламура и его манипулятивными практиками, внедряющими в сознание массовой аудитории символы богатства, успеха, красоты и молодости.

Более того, помимо мотивации игра выступает в качестве структурной единицы деятельности и способа достижения осознанной цели, действенного начала, приводящего в движение потенции, включая энергийные, личного. Согласимся с И. Ильиным, заметившим, что в наше время мы наблюдаем «прорыв игрового инстинкта», который переносит акцент со смысла на игровое действие [3, с. 46]. Подчеркнем, игровое действие *целеосознанно* и *целенаправленно*, тем самым оно предполагает интенциональность, позволяя личности хорошо ориентироваться в (собственном) игровом пространстве. Игра как действие активизирует любой процесс, привнося в него азарт, риск, напряжение, свободу, удовольствие и пр. В целом игровое начало в бытии личности проявляется как *состояние сознания, тип поведения и творческий принцип*, что позволяет говорить об игре как мотивации и действии.

Притягательность игры как мотивационного принципа и способа достижения определенной цели объясняется тем, что она дарит личности как в самом процессе, так и при достижении поставленной цели огромную палитру позитивных эмоций, сопряженных с непредсказуемостью ситуации, наличием опасности, победным ликованием, успехом в борьбе за существование и др., тем самым устраняя психологический дискомфорт в отсутствии чего-либо.

Необходимо заметить, что игровая мотивация и действие обусловлены не только внутренними стимулами, связанными с пониманием человека как игрока, но и внешними, которые, в свою очередь, диалектически влияют на внутренние, создавая новые предпосылки для проявления игрового поведения и даже оправдания его. Другое дело, *во что играет индивид и каким образом осуществляется игровой процесс.* Здесь возникает проблема ***объекта игровой деятельности*** и ***качества*** как самой игры, так и ее игроков, настоятельно требуя анализа современного социокультурного ландшафта.

Сегодня телевидение, радио, печать, искусство, играя, манипулируют сознанием. Люди становятся марионетками в какой-либо (политической, идеологической, военной, управленческой, коммерческой) игре. Многообразие игр буквально захватывает личность, перенаправляя ее интересы в необходимом (чаще всего меркантильном) аспекте. Все это рождает ***одномерного человека-потребителя***, пытающегося быть современным / со-*временным*.

Усугубляет ситуацию господствующая в обществе *идеология гламура*, ориентирующая людей на роскошный образ жизни, богатство, успех, красоту и молодость, требующие достаточно больших инвестиций. Гламур – феномен привлекательный и завораживающий, что делает его всеохватывающим и безграничным. Гламур не имеет никаких границ (географических, национальных, половых и возрастных), поэтому его влиянию подвергаются все, нередко помимо воли и желания. Объясняется подобное тем

обстоятельством, что СМИ, реклама и индустрия развлечений активно эксплуатируют гламур в качестве объекта манипуляции массовой аудиторией, прельщающейся всем блестящим, богатым и сказочно удачливым. Более того, гламур сегодня выступает в качестве среды, в которой личность, потерявшая себя и рассыпавшаяся на модули, способна самоидентифицироваться и даже самоутвердиться. Подчеркнем, в социальной действительности к гламурному образу жизни приобщены немногие (буквально единицы), большинству людей подобный образ и стиль жизни недоступен, но притягателен. Это обуславливает формирование особого типа поведения, довольствующегося симулякрами и / или базирующегося на игре, в том числе игре в недозволенное, что делает ее мотивацией коррупционного.

Современный ландшафт культуры (в виде зрелищ / шоу / игровых передач и пр.) активно эксплуатирует игровое начало и инстинкты человека, связанные с властью и самосохранением. Игра стала своеобразным *метапринципом* фрагментированного пространства культуры, весь хаос и социальные болезни которого осваиваются путем игрового опыта [4, с. 11]. Гипертрофируется гедонистическо-игровое начало бытия, в результате чего социальное карнавализируется. Согласимся с У. Эко, заявившим о «стопроцентной карнавализации жизни», охватившей собой сферы рабочего времени и досуга, спорта, политики и религии, а сам человек, потеряв всякую меру, просто утонул «в тотальной карнавализации» [5, с. 138]. Последнее позволяет говорить о том, что игра покидает строго отведенные ей место и время, поглощая всю культуру и стирая границы между собой и реальной жизнью.

В контексте гламурной идеологии игровые мотивации и действие выполняют двойную социальную функцию: проявляясь в ходе коллективного взаимодействия, они оказывают определенное влияние на личность, а поведенческие матрицы личности (подчеркнем, особенно харизматической), в свою очередь, влияют на социум. Так, гламурная идеология накладывает на внутреннюю мотивацию игрового поведения внешнюю, требуя от личности самоутверждения в обществе посредством приобретения престижа, подразумевающего богатство, высокий социальный статус, наличие властных полномочий, идентификацию с определенными кругами / личностями. В этом отношении игра как феномен выступает в роли самоорганизующегося, динамического организма, помогая человеку приспособиться к действительности, примиряя его отчужденное существование с социальным и тем самым восстанавливая равновесие со средой. При этом в рамках подобной манипуляции игровой мотивацией и действием отсутствуют идеи, связанные с саморазвитием личности, ее интенсивной работой и достижением поставленных целей / мастерства, поиском смысла жизни и пр.

Возникает проблемный вопрос: какие черты делают игру привлекательной, вовлекая ее в пространство коррупционного и тем самым обращая в мотивационный и действенный принципы?

В играх современности мы обнаруживаем огромное количество гламурных *трансформаций*, негативно сказывающихся как на самом феномене, так и на игроках и социальном в целом. Среди негативных черт современной игры выделим следующие. *Инобытийность и интермедийность* игры, присущие ей априори, связанные с прерывистостью бытия и появлением в нем игровых пространства и времени, сегодня практически снимаются: игра захватывает все пространство социального, смешивая в нем реальное и виртуальное / фантазийное, практическое и релаксирующее. Игра сегодня теряет собственные границы во времени и пространстве, переставая быть интермедией в повседневной жизни. В современной игре человек не освобождается от условий действительности и остается в пространстве социального, а не игрового, преследуя меркантильную / выгодную / корыстную цель, нередко тщательно вуалируя ее. Можно утверждать, что современная личность, играя, не играет, а симулирует игровое, продолжая пребывать в действительности, в которую вплетает черты искаженной по собственным правилам игры.

Одна из самых опасных трансформаций игрового поведения связана со *вседозволенностью*, в результате которой человек оказывается «по ту сторону добра и зла», нагло перешагивая границы общепринятого в виде правил, ограничений, закона и пр., присущих игре. Подобное состояние в идеале должно приводить к разрушению / прекращению игры, о чем писал в своей книге Й. Хейзинга [6]. Парадокс современной ситуации гламурного социального заключается в том, что, несмотря на то, что игроки, преследуя корыстные цели, играют каждый по своим правилам, игра продолжает существовать, но в ней царит хаос. По отношению к коррупционному поведению, в пространстве которого обнаруживаются игровая мотивация и действие, ситуация складывается следующим образом: любой закон можно либо играючи обойти, либо он имеет двойную интерпретацию, либо человек обладает столь высоким статусом, что оказывается

неприкосновенным при наказании в совершении непозволительных действий, тем самым с него снимается ответственность, которая переводится в русло игрового как несерьезного.

Эгоизм / гиперэгоизм современного человека не способствует развитию и проявлению его чувства сопричастности к коллективу / солидаризму и навыку работы в команде, поэтому в современных играх оказывается разрушенным *сплачивающий характер*: каждый играет по своим правилам и преследует собственную цель, активно скрывая ее. В современной игре как мотивации и действии в контексте коррупционного поведения разрушаются принципы честности, бескорыстности, мужества, смекалки, благородства, открытого состязания, что не способствует укреплению общественных связей и даже разрушает их, свидетельствуя об аномичном состоянии социального. Современные победы в игре одерживаются не по правилам, а в обход их, с нарушениями и в крайнем случае игнорированием их. Перечисленное позволяет говорить о трансформации игры как феномена и трактовке современной ситуации в обществе как *игроизации,* выводящей на проблему симулятивности в гламурно-коррупционном социальном.

Некоторые черты игры становятся особенно привлекательными в рамках коррупционной формы поведения. Например, игра вносит элемент *неординарности и творческого подхода к ситуации*, где личность активно подключает фантазию и воображение, умение коммуницировать и импровизировать, тем самым искусно театрализируя свое поведение и подключая к этому высокие технологии, дающие ей неограниченные возможности манипуляции людьми. Игра, интенсивно *смешивая реальное и ирреальное / фантазийное,* рождает азарт, кураж и блеф: человек, погруженный в игру и пользуясь ей как способом достижения определенной (коррупционной) цели, воспринимает ее как самое значительное дело, хотя знает, что это далеко не так, тем не менее в важности предпринятого он пытается убедить окружающих.

Модели коррупционного поведения и практик сегодня все чаще *эстетизируются,* что является также непременным атрибутом игры как феномена, но здесь эксплуатируется финальный аспект игрового, связанный с разрешением противоречий посредством коррупционного, в результате чего осуществляется достижение гламурного благополучия, являющего собой идеологию принудительного счастья.

Анализ коррупционной линии поведения позволяет выявить следующие игровые мотивации и действия, что обусловлено типом личности коррупционера. Так, *игра в качестве мотивации, влекущая за собой игровое действие*, в контексте коррупционной практики высвечивает:

1) привлекательность коррупционной игры ради самой игры как жизненного кредо, или принцип «*игры ради игры*»;

2) привлекательность коррупционного процесса как игры, где актор балансирует на грани законности и ее нарушения (поймают – не поймают, повезет – не повезет);

3) игровую идею попробовать себя в роли другого как элемент личной театрализации. Дело в том, что человек (*актор*), начиная игру, в первую очередь раздваивается: он расслаивает себя на *собственно себя* и *игрока*, что весьма принципиально. В любой разновидности игры, особенно коррупционной, человек никогда не играет *целиком*. В связи с этим у него возникает рефлексивное осознание дифференциации *роли / маски*, живущей по законам игры, и внешнего человека / Я, играющего эту роль. Это сознательное расслоение на *себя самого* и на *себя-представителя* дарит ощущение остроты жизни и ее многогранности;

4) страх перед реальностью и привычка постоянного нахождения в особой, фантазийно-виртуальной среде рождает потребность создания игры и игровых отношений в действительности.

Помимо этого, в контексте коррупционного обнаруживает себя *игра как действие,* где мотивом выступает незаконное обогащение, что позволяет выявить следующие аспекты:

1) привлекательность последующих благ / выгод, заставляющих актора окунуться в *приключенческую-ситуацию-ради*;

2) страх за себя, срабатывающий в качестве инстинкта самосохранения, и желание «быть не хуже других» оборачиваются в игровую форму (*игра со всем и во все*) как сублимацию в сложившихся обстоятельствах принудительного счастья идеологии гламура;

3) тяга к вечной игре в *начальника – подчиненного, победителя – побежденного, сильного – слабого*, где существует архетипический алгоритм поведения, заданный человеку в силу его характера и / или обстоятельств (неслучайно в реальности всегда обнаруживаются *короли положения* и подчиненные);

4) тяга к *мифическому чуду* заставляет обратиться к игровым проявлениям («пуститься во все тяжкие»), потому что личность верит в могущество дел, решенных посредством коррупционных действий.

Подчеркнем, наличие игры как мотивации и действия служит определенным оправданием коррупционной линии поведения личности коррупционера, пытающейся утешить себя философско-экзистенциальным принципом «*вся жизнь – игра*».

Перечисленные мотивации и действия внутри коррупционного социального рождают особый вид коррупционера-игрока – *трикстера* в его негативном аспекте. Трикстер – авантюрный тип личности, способный «порождать иллюзии и отрицать реальность» (Ж. Бодрийяр). В личности трикстера игра одновременно заявляет о себе как *состояние сознания, тип поведения и творческий принцип,* то есть как мотивация и действие, обуславливающие коррупционную модель поведения. В деятельности трикстера обнаруживает себя «свободная игра», где происходит «утверждение мира безупречных – без истины, без истока – знаков, открытых активной интерпретации. Это утверждение определяет тогда ацентричность иначе, нежели как утрату центра. И играет, ничего не опасаясь» [7, с. 368]. Его «цинический разум» (П. Слотердайк) являет собой «просвещенное ложное сознание», рождаемое, с одной стороны, разочарованием, а с другой – механизмом приспособления к меняющимся условиям. Безмерный цинизм трикстера помогает выживать в «текучей современности», быстро реагировать на ситуации, подстраиваться под них и даже манипулировать ими. В этом отношении трикстер выступает как символ бесстыдства, грязи и аморальности. Как «враг всех границ» и «существо на грани беспорядка», он инициирует разного рода изменения, не боясь перемен и трансформаций. В связи с этим многие исследователи (например, В. Тернер, М. Липовецкий) отмечают такую черту трикстера, как *лиминальность* – это одновременно физиологический, неврологический и / или метафизический термин, обозначающий «пороговое» / переходное состояние между двумя стадиями развития человека / сообщества. На наш взгляд, В. Тернер справедливо пишет: «Лиминальные персонажи всегда ни тут, ни там: они обитают в промежутке между позициями, определенными и предписанными законом, обычаем, условностями или ритуальным порядком» [8, с. 95]. Именно «цинизм предлагает модерному субъекту стратегию псевдосоциализации, позволяющую примирить бессознательное и суперэго посредством разложения субъективности на неустойчивые и в равной мере аутентичные или фальшивые социальные маски (или персоны), через постоянную смену которых и реализует себя цинический субъект» [9, с. 234]. Цинизм подразумевает «фальшивые социальные маски», в которых трикстер «днем – колонизатор, вечером – жертва колониализма; на работе – манипулятор и управляющий, в отпуске – манипулируемый и управляемый; официально – профессиональный циник, в личном плане – чувствительнейшая личность; по должности – жесткий руководитель, в идеологическом отношении – записной спорщик; для окружающих – реалист, для себя – субъект, превыше всего ставящий наслаждение и удовольствия; по функциям – агент капитала, по намерениям – демократ; в том, что связано с системой, – функционер, склонный обращаться с собой и другими, как с вещами, в том, что связано с жизненным миром, – человек, желающий реализовать себя; объективно – сторонник политики силы, субъективно – пацифист; в-себе – сущая катастрофа, для-себя – сама безобидность» [10, с. 139]. Совокупное смешение всех характеристик являет статус-кво трикстера, высвечивая при этом артистизм и театральность его поведения, вуалирующих мотивацию и действие коррупционного. В свою очередь артистизм и театральность трикстера, проявляющего коррупционную активность [1, с. 86], говорят об его игровой натуре, стирающей границы между различными онтологическими проявлениями и собственно игрой. Весь окружающий мир для подобного рода трикстера представляет собой игровое пространство театрального разыгрывания, где все подчинено особому игровому миру вымысла и фантазии, а значит, граница между игрой и действительностью оказывается нарушенной: все погружается в обман и плутовство. Как справедливо рассуждает П. Слотердайк, «обман и ожидание обмана приобрели здесь характер эпидемии… Наблюдая за тем, как устраивает свой маскарад обманщик, укрепляются в убеждении, что и вся действительность устроена точно так же, и в ней сплошь и рядом все орудуют под масками, в первую очередь там, где труднее всего проследить» [10, с. 516]. Приведенная нами цитата также указывает на владение трикстером манипуляционными техниками.

Необходимо заметить, что трикстера можно отнести к промежуточным формам выявленных нами ранее типов личности в рамках коррупционного пространства – *человека бытийствующего* и *человека имеющего*. Если первый тип относится к числу лиц, однозначно негативно относящихся к любого рода коррупционным проявлениям, то второй тип – индивид, пользующийся благами цивилизации посредством коррупционных практик. Трикстер в виду игрового типа характера «смягчает» свою коррупционную

активность, тем самым попадая в разряд промежуточных типов – *человека бытийствующе-имеющего* и *человека имеюще-бытийствующего*. В связи с подобной классификацией выделим *трикстера-коррупционера* (бытийствующе-имеющий тип) и *коррупционера-трикстера* (имеюще-бытийствующий тип).

Встает закономерный вопрос: чем они отличаются и каковы их характеристики?

Подчеркнем, что сущностным разграничением выявленных нами типов личности является понимание игрового элемента в рамках коррупционной практики. Так, трикстер-коррупционер, опираясь на игру как мотивацию и действие, преследует в первую очередь игровую цель, сопутствующими атрибутами которой будет приобретение незаконным путем прибыли / благ. Подобным типом людей движет игровой азарт, в чем обнаруживает себя определенная «чистота» игры как феномена. Трикстера-коррупционера не расстроит негативный / проигрышный финал ситуации, он легко воспримет неудачу, потому что он игрок, который всегда найдет / создаст новую ситуацию, превращая ее в игровую.

Несколько иные акценты проявляются в личности коррупционера-трикстера, у которого ключевая цель – получение прибыли / льгот, достижение чего возможно посредством игры как действия. Это рационально-прагматичный тип, в поведении которого игра трансформируется, являя собой игроизацию социального. Коррупционер-трикстер играет по своим правилам, не считаясь с другими игроками и заставляя их играть в его игру. Этот тип личности коррупционера с трудом переносит поражения в коррупционной игре, пытаясь выявить ошибки в своей стратегии и исправить их.

Обозначенные нами типы коррупционера с чертами трикстера значительно осложняют ситуацию их распознавания в социальном. Трудность обуславливается следующими обстоятельствами: наличием игры и ее трансформированного вида, рационализацией и прагматизмом игровой мотивации и действия, позволяющим контролировать ситуацию, авантюрностью характера и театральностью поведения, допускающими бесконечные корректировки и модификации в коррупционных стратегиях.

Выводы

В целом игра как универсально-всеохватывающий феномен проявляет себя в том числе в пространстве коррупционного социального. Игровая составляющая личности коррупционера обнаруживает себя в типе мышления, стратегии поведения и как действенно-творческий принцип. Подчеркнем, в контексте социального и личного коррупционная модель игры и ее элементов имеет негативные последствия, высвечивая, с точки зрения этического, нежелательные поступки. Выявить игровую мотивацию и действие как элементы коррупционного практически невозможно либо крайне сложно, что обусловлено эфемерностью и вуалированностью игрового элемента (как мотивации и действия) коррупционером, особенно если его можно отнести к такому типу личности, как трикстер.

Коррупционная личность, руководствуясь игровыми и корыстными мотивациями, стимулирующими соответствующие, в том числе игровые, действия, незаконно обогащается / приобретает блага. Возможно, именно игра, несмотря на трансформированный вид, делает привлекательным преступное. Но за внешней привлекательностью, являющей в рамках идеологии гламура симулятивный модус, обнаруживается другой слой игровой мотивации и действия, имеющий отрицательную направленность, в том числе для бытия социального и личности.

Трансформации в игре и игровом пространстве в целом негативно сказываются на личности, не воспринимающей серьезно глобальности теневой стороны своих поступков, халатного отношения к окружающим людям и социуму в общем, что приводит нас *в сферу этического*. Именно воспитание нравственной личности, инклюзивной по своей природе, то есть включенной в бытие, рефлексирующей над ситуацией и критически относящейся в первую очередь к собственным проявлениям, ставящей реальные цели и достигающей их, сегодня необходимо взять в фокус внимания. Ответственность за нравственное воспитание несут семья, система воспитания и образования. Но при этом обязанность лежит и на самом социуме, где необходимо искоренять коррупционные проявления посредством действующего законодательства, общественного порицания и наказания за содеянное. Помимо этого, необходимо критиковать гламурную идеологию, акцентирующую внимание на симулятивно-внешнем и игнорирующую интеллектуально-нравственные составляющие метафизики личности. Подобное стимулирует продуцирование социальной рекламы по проблемам коррупции, не имеющей гламурного формата, огласку широкой общественности коррупционных проявлений в виде документальных роликов и комментариев к ним, включающих фиксацию различных форм наказания (в том числе вербальных, материальных, связанных с лишением свободы, социальной изоляцией и пр.).

Позиционирование наказания как результата коррупционных действий имеет своей целью нравственно-воспитательный аспект, способный воздействовать на массовое сознание.

Список литературы

1. Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / под ред. И. И. Бикеева, П. А. Кабанова. Т. 2. Казань: Изд-во «Познание» Инст-та экономики, управления и права, 2014. 228 с.

2. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 552 с.

3. Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 231 с.

4. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.

5. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М.: Эксмо, 2007. 592 с.

6. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

7. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 430 с.

8. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Publ., 1969, 213 p.

9. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 100. С. 224–245.

10. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 584 с.

В редакцию материал поступил 19.10.15

© Яковлева Е. Л., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Яковлева Елена Людвиговна, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: mifoigra@mail.ru

Как цитировать статью: Яковлева Е. Л. Игра как мотивация и действие в коррупционном социальном // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 96–103.

E. L. IAKOVLEVA,

Doctor of Philosophy, PhD (Culture Studies), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

GAME AS MOTIVATION AND ACTION IN THE CORRUPTIVE SOCIAL

Objective: to analyze the game component in the form of motivation and action, which stimulate the specific corruption form of conduct in the space of social glamorous.

Methods: a complex of classical and post-classical research methods, including analytical, phenomenological, and dialectical methods of cognition in relation to game, to gaming motivations and actions, setting a variety of game forms, attesting to its attractiveness, flexibility and plasticity, as well as postmodern paradigm of interpretation of the glamour ideology and a special type of personality – the corrupt official with the characteristics of a trickster.

Results: Russian society, being in anomia condition exacerbated by corruption, however, does not give cause for pessimism. Anti-corruption policy, promoting the scientific search of the motivational causes and effects of personality, showing the corrupt behavior and corrupt activity, makes the research results known to a wide audience and introduces them into the practical anti-corruption activity associated with up-bringing, education and promotion of anti-corruption and inclusive way of living that embodies the included state in the mode of "to Be".

Scientific novelty: the analysis of the game phenomenon can help to detect corruption in the space where the phenomenon presents itself as motivation and action determined by its ontological inclusiveness and gamification of the modern social. The difficulty to identify the game within the context of its epistemological corruption is caused by its gnosiological incomprehensiveness, transformation in the modernity, as well as foggy goals and actions of the corruptionist. The study leads to the identification of a new type of personality – the corruptionist-trickster/ trickster-corruptionist. Knowledge of the gaming motivations and actions of the corruptionist allows to navigate through the complex situations of today, having corrupt motives.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and practical activities in the review and analysis of the state of the modern Russian society, including those relating to corruption and corrupt behavior of an individual.

Key words: game; game motivation; game action; corruption; ideology of glamour; transformations; gamification; trickster; trickster-corruptionist; corruptionist-trickster.

References

1. *Vse o korruptsii i protivodeistvii ei: terminologicheskii slovar'* (Everything on corruption and counteraction to it: terminological dictionary) / pod red. I. I. Bikeeva, P. A. Kabanova. T. 2. Kazan': Izd-vo «Poznanie» Inst-ta ekonomiki, upravleniya i prava, 2014, 228 p.
2. Fink, E. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya (Basic phenomena of the human reality) // *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii*. M.: Progress, 1988, 552 p.
3. Il'in, I. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* (Post-modernism from the sources to the end of the century: evolution of the scientific myth). M.: Intrada, 1998, 231 p.
4. Man'kovskaya, N. B. *Estetika postmodernizma* (Esthetics of post-modernism). SPb.: Aleteiya, 2000, 347 p.
5. Eko, U. *Polnyi nazad! «Goryachie voiny» i populizm v SMI* (Full speed astern! «Hot wars» and populism in mass media). M.: Eksmo, 2007, 592 p.
6. Heizinga, I. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* (Homo Ludens. Articles on the history of culture). M.: Progress-Traditsiya, 1997, 416 p.
7. Derrida, Zh. *Pis'mo i razlichie* (Writing and difference). SPb.: Akademicheskii proekt, 2000, 430 p.
8. Turner, V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Publ., 1969, 213 p.
9. Lipovetskii, M. Trikster i «zakrytoe» obshchestvo (Trickster and «closed» society) // *NLO*, 2009, no. 100, pp. 224–245.
10. Sloterdijk, P. *Kritika tsinicheskogo razuma* (Critique of cynical reasoning). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2001, 584 p.

Received 19.10.15

Information about the author

Iakovleva Elena Lyudvigovna, Doctor of Philosophy, PhD (Culture Studies), Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Social-political Disciplines, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: mifoigra@mail.ru

For citation: Iakovleva E. L. Game as motivation and action in the corruptive social // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 96–103.

© Iakovleva E. L., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 339.924:338.439:339.5
URL: http://hdl.handle.net/11435/2201

Алешина В. А.
С. 104–114.

В. А. АЛЕШИНА,
кандидат экономических наук, старший преподаватель, главный экономист
гостиница «Достык», г. Алматы, Республика Казахстан

ПРОБЛЕМА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ ЕЭС

Цель: описание методов формирования механизма защиты агропромышленного комплекса и сглаживания социальных угроз, вызванных снижением стабильности на рынке продовольственных товаров и платежеспособности населения вследствие мирового кризиса.
Методы: в работе применялись статистические, аналитические, экономико-математические методы, в том числе на основе анализа статистических показателей АПК.
Результаты: на основе аналитических данных и экспертных оценок обоснована методика оценки рисков, связанных с продовольственной безопасностью и снижением платежеспособности, а также описаны ситуационные алгоритмы поведения государства в условиях продовольственного кризиса, в зависимости от глубины кризиса и источника нестабильности на рынке.
Научная новизна: применены экономико-математические методы для оценки рисков в сфере обеспечения населения продуктами питания, сопоставлены бюджетные расходы на поддержку агропромышленного комплекса и социальную защиту населения в странах ЕЭС, предложена методика координации усилий по стабилизации ситуации на рынке продовольствия.
Практическая значимость: проявляется в использовании методики анализа эффективности деятельности государственных органов и бизнес-сообществ в области продовольственной безопасности и выработке единой политики стимулирования агропромышленного комплекса и социальной защиты, а также формулировании рекомендаций в сфере ценообразования на рынке товаров АПК с целью защиты внутреннего и освоения зарубежных товарных рынков.

Ключевые слова: экономическая интеграция; Евразийский экономический союз; качество; продовольственная безопасность; технический регламент; ВТО; субсидирование; АПК.

Введение

В современных условиях борьба за ресурсы и рынок сбыта обостряется, в результате чего экономические противоречия одного государства конвертируются в политические методы борьбы, в том числе военное вмешательство в дела других государств, введение политических санкций под предлогом борьбы за демократию, политический шантаж и провоцирование социального недовольства. Вместе с тем считать причинами кризиса исключительно внешнее воздействие геополитических соперников было бы неверным. Любое внешнее воздействие, как показывает практика, имеет силу только в случае формирования внутри государства определенных условий:

а) существенное социальное расслоение с явными признаками не только финансовых, но и идеологических, культурных и ментальных различий нескольких основных групп;

б) возможность иностранным агентам оказывать давление на представителей крупного бизнеса и ключевых игроков рынка, государственных деятелей, имеющих значительные активы за рубежом;

в) отсутствие политической воли руководства к борьбе с антигосударственными действиями внутри страны и к конкуренции во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах;

г) экономические и политические разногласия между финансовыми элитами и остальными гражданами страны;

д) отсутствие механизма защиты внутреннего рынка и системы контроля со стороны правительства за деятельностью государственных корпораций, эмиссионных центров и фондового рынка.

С одной стороны, кажется, что последние два пункта говорят о свободе торговли и вполне соответствуют понятию «рыночные принципы», вместе с тем практика хозяйствования в экономически развитых странах предполагает грамотное сочетание рыночного механизма и активного участия государства в экономической и финансовой жизни страны с сохранением контроля за ключевыми отраслями и сферами жизни.

Результаты исследования

Изучение статистических и аналитических источников информации о состоянии агропромышленного комплекса стран ЕАЭС (Евразийского экономического союза) и дальнего зарубежья (в том числе статистических сборников)[1] показывает, что за рубежом более высокий уровень показателя глобальной поддержки сельского хозяйства (SGPA), дотаций, которые порой доходят до 60 % в конечной цене продукции, протекционизм и заградительные меры помогают местным товаропроизводителям удерживать позиции на внутреннем рынке под давлением внешних конкурентов.

Кроме того, климат в странах Запада чаще всего более благоприятный, в результате чего затраты на поддержание высоких удоев, содержание животных, расходы на посевную кампанию и т. п. намного ниже. Следовательно, при вступлении в ВТО на условиях открытости рынков продуктов питания эти страны, с учетом их климата и уровня господдержки АПК, имели колоссальное преимущество перед Россией и другими странами СНГ, от которых требуется существенно снизить господдержку села, несмотря на менее благоприятный климат и объективно более высокие затраты на развитие сельского хозяйства.

Хочется напомнить, что одним из условий вступления в ВТО для стран таможенной тройки является ограничение или даже значительное сокращение государственной поддержки отечественных сельхозпроизводителей. А также необходимо отметить, что ряд условий для вступления в ВТО предполагают сокращение государственной поддержки социально уязвимым категориям, в том числе дотации на производство товаров первой необходимости, льготы и компенсации. Таким образом, даже в режиме ВТО отсутствует механизм равноправия стран-партнеров, наоборот, страны СНГ находятся в менее выгодном положении, что ярко прослеживается на примере Украины и Молдовы с их резким падением уровня развития сельского хозяйства после вступления в ВТО.

В приведенной ниже таблице собран аналитический материал о доле государственных расходов по основным направлениям как в России и других странах ЕЭС, так и в развитых странах на Западе.

Как видно из таблицы, все утверждения либеральных экономистов о том, что на Западе не принято масштабно финансировать социальные программы и поддерживать АПК за счет бюджета, не выдерживают критики. В Швейцарии общие расходы на социальные программы составляют около трети бюджета. На поддержку сельского хозяйства Швейцария расходует 5 %, а РФ – только чуть более 1 % бюджета. В Республике Беларусь этот показатель достаточно высок – около 9 %, а Казахстан по уровню господдержки уступает Беларуси и Швейцарии. В связи с чем можно сделать вывод о недостаточном финансировании сельского хозяйства в Российской Федерации и Казахстане.

По итогам 2013–2014 гг. следует отметить, что для Российской Федерации проблемой оказалось недоосвоение средств по поддержке села. Так, за январь – август 2014 г. при запланированных 159 млрд рублей освоено только 92 млрд, или 58 %, что недостаточно для данного периода.

Ссылки на то, что правила ВТО предусматривают сокращение государственной поддержки села в РФ, также требуют переоценки целесообразности участия в данном проекте, ведь значительная часть территории страны является зоной рискового земледелия, а хозяйствование в условиях российской зимы требует таких затрат, которые незнакомы большинству европейских и американских фермеров. Сюда относятся утепление помещений, необходимость выведения особых видов культур и пород скота, предназначенных для разведе-

[1] Исполнение Республиканского бюджета Республики Казахстан за 2013 г. URL: www.minfin.gov.kz; приложение 3 «Оперативная информация об исполнении расходов федерального бюджета за 2012 г.». URL: www.minfin.ru http://www.ach.gov.ru/activities/audit-of-the-federal-budget/9105/; О состоянии государственных финансов Республики Беларусь за январь – декабрь 2012 г. URL: www.minfin.gov.by; Public finance 2013 statistical data, Swiss FDF, 2013 (дата обращения: 10.06.2015).

Сравнительный анализ расходов бюджета на социальные нужды и поддержку АПК за 2012–2013 гг.
Comparative analysis of budget expenses for social needs and agrarian-industrial complex support in 2012–2013

Наименование государства / State	Россия, млн руб. / Russia, mln rubles				Республика Беларусь, млрд руб. / Belarus Republic, bn rubles				Республика Казахстан, тыс. тенге / Kazakhstan Republic, thousand tenge				Швейцария / Switzerland			
Показатели / Indicators	нац. валюта / national currency	млн долл. / $ mln	доля / share	долл. на чел. в год / $ per capita a year	нац. валюта / national currency	млн долл. / $ mln	доля / share	долл. на чел. в год / $ per capita a year	нац. валюта / national currency	млн долл. / $ mln	доля / share	долл. на чел. в год / $ per capita a year	нац. валюта / national currency	млн долл. / $ mln	доля / share	долл. на чел. в год / $ per capita a year
Общегосударственные вопросы / General issues of state	816 401	24 739	6,26 %	173	34 608	4 326	22,30 %	446	277 903	1 543	4,3 %	116	2 490	2 243	4,03 %	280
Национальная оборона / National defense	1 832 235	55 522	14,06 %	388	5 047	631	3,25 %	65	432 061	2 400	6,7 %	156	4 533	4 084	7,34 %	510
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность / National security and law-enforcement activity	1 820 950	55 180	13,97 %	386	8 155	1 019	5,26 %	105	541 032	3 005	8,42 %	209	950	856	1,54 %	107
Национальная экономика – поддержка сельского хозяйства / National economy – support of agriculture	149 552	4 532	1,15 %	32	14 500	1 813	9,34 %	187	150 306	835	2,3 %	77	3 663	3 300	5,93 %	413
Жилищно-коммунальное хозяйство / Dwelling-communal sector	239 822	7 267	1,84 %	51	12 084	777	7,79 %	80	217 247	1 207	3,37 %	35	1 127	1 015	1,83 %	127
Образование / Education	608 942	18 453	4,67 %	129	25 973	3 247	16,74 %	335	443 218	2 449	7,07 %	182	6 507	5 862	10,54 %	733
Здравоохранение / Healthcare	626 730	18 992	4,81 %	133	20 371	2 546	13,13 %	263	624 426	3 470	9,7 %	202	210	189	0,34 %	24
Социальная политика / Social policy	3 866 803	117 176	29,66 %	819	13 011	1 626	8,39 %	168	1 465 182	8 140	22,8 %	542	20 557	18 520	33,30 %	2 315

* *Источник:* [1, 2, 3, 4].

* *Source:* [1, 2, 3, 4].

ния в низкотемпературных регионах. Так, фермеры в США благодаря таким же мягким климатическим условиям, как и в странах ЕС, расположенных на побережье Средиземного моря, способны выращивать цитрусовые, экзотические и иные культуры, требующие влажного и теплого климата. Россия же имеет возможность выращивания таких культур только на небольших участках южных регионов или в теплицах, что сказывается на цене товара.

Работа в рамках ВТО не мешает фермерам на Западе получать существенную государственную поддержку. Почти во всех странах ЕС 50 % бюджетных средств, выделяемых на поддержку сельского хозяйства, тратится на так называемую структурную политику, в том числе:

– на проведение модернизации ферм;

– поощрение укрупнения фермерских хозяйств;

– мероприятия по мелиорации, увлажнению, улучшению земли и других сельскохозяйственных ресурсов;

– совершенствование управления хозяйствами;

– сокращение производственных издержек;

– территориальное разделение помощи и развитие районов с неблагоприятными условиями.

Также считается, что прирост экономики сельского хозяйства США за последние 20 лет более чем на 50 % был вызван грандиозным субсидированием научных исследований в сфере АПК [1].

Развитие сельского хозяйства напрямую зависит от прибыльности труда товаропроизводителя. Это понимают в странах Запада, где осуществляют политику регулирования цен. Так, в США существует два вида цен[2]. Реализация фермерской продукции происходит по рыночным ценам, которые могут быть выше, ниже либо равны определенному уровню, который определяет так называемые целевые цены. По итогам

[2] Примеры господдержки сельского хозяйства за рубежом. URL: http://agroinfo.kz/primery-gospodderzhki-selskogo-xozyajstva-za-rubezhom/ (дата обращения: 10.06.2015).

года (иногда и в течение года по принципу авансового финансирования) товаропроизводитель получает разницу между целевой ценой и ценой реализации, если последняя ниже. Таким образом, окончательная цена реализации является гарантированной.

В соответствии с положениями Сельскохозяйственного закона 1985 г. фермерам в США предоставлено право произведенную ими продукцию продать по следующим основным направлениям:

– продажа на свободном рынке;

– продажа по контрактам;

– помещение на хранение непосредственно в хозяйстве в ожидании более высоких цен на рынке;

– передача под залог в Товарно-кредитную корпорацию (ТКК). В этом случае заложенная сельскохозяйственная продукция в течение девяти месяцев может быть выкуплена самим фермером. В случае если фермер ее не выкупает, она переходит в собственность ТКК, фермер получает за нее денежную компенсацию по залоговой цене за вычетом издержек на хранение. Залоговая цена – это нижний предел гарантированных цен на сельскохозяйственную продукцию. Если в течение девяти месяцев мировые цены окажутся ниже залоговой цены, то фермер может выкупить продукцию по ценам мирового рынка. В любом случае производитель получает чистую прибыль с максимальной цены, либо залоговой, либо мировой.

Таким образом, общей основой ценообразования в АПК США является приведение закупочных цен в соответствие с необходимым уровнем рентабельности, с учетом уровня затрат не только на производство, но и на реализацию и динамики мировых цен.

В странах Европейского союза несколько иной механизм ценообразования: установка на сравнительно высоком уровне так называемых ориентирных (целевых) цен, гарантирующих фермерским хозяйствам определенную степень дохода [1]. Такие минимальные цены носят название «цены вмешательства», по которым сельскохозяйственную продукцию у фермеров закупают государственные закупочные организации, что является действенным средством против снижения рыночных цен ниже установленного минимума.

Кроме того, имеется такой показатель, как уровень SGPA[3], который характеризует долю субсидий, дотаций и других видов государственной поддержки в конечной цене продукции. Данный показатель был разработан экспертно-аналитическим центром Франции и, согласно его оценке, в США в 2010 г. на развитие и поддержку сельского хозяйства было выделено около 172 млрд долл., в то время как в ЕС – всего 76 млрд. Напоминаю, что в РФ этот показатель составляет около 4 млрд долл. Государственная политика США в сфере АПК нацелена на стимулирование и повышение экономической безопасности сельскохозяйственного производства (по цепочке, начиная от фермеров до покупателей), методами антициклического регулирования, т. е. с учетом условий рынка. Еще одной особенностью управления в этой области на Западе является прямая финансовая поддержка отечественных производителей (54 % SGPA в 2010 г.), чаще всего это социальные дотации либо активное субсидирование агропромышленного сектора. В рамках американской экономики прямое субсидирование и дотирование оценивается более чем в 94 млрд долл. В США принят Акт о реформе сельского хозяйства, труда и продовольствия 2012 г. (Agriculture Reform, Food and Jobs Act of 2012), который направлен на изменение механизмов защиты прибыли, однако предусматривает сохранение арсенала средств поддержки. Существуют и иные показатели развития сельского хозяйства. Так, Номинальный коэффициент поддержки производителей (Nominal Assistance Coefficient producers, NACp) показывает отношение фактически полученных производителем средств к мировым ценам. Таким образом, в результате мер поддержки сельскохозяйственные производители в странах ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в среднем имеют доход в 1,23 раза больше, чем они получали бы при свободной конкуренции и мировых ценах. Максимальное значение NACp наблюдается в Норвегии – 2,56, Швейцарии – 2,2, Японии – 2,12, а минимальное в Новой Зеландии и Украине – 1,01, а также в ЮАР, Австрии, Чили – 1,03. В России одно из самых низких значений – 1,2 [13].

В странах ЕС поддержка производителей продукции, в отличие от США, главным образом предполагает прямое субсидирование личных доходов фермеров (64 % SGPA в 2010 г.). В эту систему входят также единовременные платежи фермерам (SPS), составляющие 47 % от общего объема средств. Принцип поддержки привязан к самим фермерам, но оторван от объемов производства и рыночных цен. Таким образом, европейская политика не располагает инструментами реагирования на изменение цен. Предложенная

[3] Уровень поддержки фермеров в США в три раза выше, чем в ЕС. URL: http://agro-new.ru/?p=11657 (дата обращения: 15.06.2015).

Еврокомиссией реформа общей аграрной политики (САР) с 2013 г. еще больше усложняет ситуацию, поскольку не предлагает новых и принципиально рыночных методов поддержки.

Следует сказать, что России следует несколько ослабить жесткие требования ВТО о снижении уровня господдержки сельского хозяйства, апеллируя к тому, что значительная часть территории является рисковой для земледелия, вследствие чего предприятия АПК не утратили конкурентоспособность и не потеряли свою рыночную нишу после входа на рынок иностранных корпораций. А санкционный режим, введенный странами ЕС, только укрепил позиции отечественных производителей на местном рынке. В рамках ВТО основные меры поддержки АПК государством делятся (достаточно условно) на три категории: зеленую, голубую и желтую (или янтарную) корзины.

К зеленой корзине относится компенсация потерь от стихийных бедствий, внедрение в производство передовых технологий, научных достижений, поддержка инфраструктуры, в том числе сбытовой, информационной, финансовой и транспортной, затраты на страхование фермерской деятельности (посевов, урожайности и т. п.), развитие коммуникаций в сельской местности, модернизация обычной сельской инфраструктуры, ветеринарные услуги, выставочное дело и т. п. Эта корзина связана со структурной политикой.

Голубая корзина включает в себя меры, направленные на ограничение объемов используемых сельскохозяйственных угодий и поголовья скота, а также компенсации при добровольном сокращении производителями объемов производства.

В желтую корзину включаются прямые субсидии на стимулирование производства, в том числе прямое финансирование той или иной сельскохозяйственной культуры на гектар посева или поголовья скота. Сюда входят оплата компенсаций части стоимости семян, саженцев, рассады, удобрений, химикатов и прочего, а также различные льготы для покупки горюче-смазочных материалов (ГСМ). Меры поддержки из янтарной корзины в развитых странах с каждым годом сокращаются путем перераспределения средств в зеленую корзину.

В соответствии с требованиями ВТО возникла необходимость приведения действующего законодательства Российской Федерации в соответствие с правилами этой организации. Хочется добавить, что Беларусь и Казахстан, претендующие на вступление в ВТО, также сталкиваются с проблемой гармонизации законодательных актов ЕАЭС и норм ВТО. Одно из обязательных условий – выплаты по программам региональной помощи. По сельскому хозяйству на основании соглашения ВТО право на эти выплаты имеют только неблагоприятные регионы. Однако такими регионами можно считать большинство сельскохозяйственных территорий. Еще одной важной проблемой является переработка и производство продуктов питания из сырья.

Как показал опыт преодоления антироссийских санкций, слабым местом экономик стран СНГ является зависимость финансовых систем от доллара. Кроме того, центральные банки проводят политику в рамке либеральных тезисов и высоких ставок рефинансирования. Последнее особенно негативно влияет на возможности российских аграриев кредитоваться и перекредитовываться в коммерческих банках. Однако наиболее серьезной проблемой видится утверждение о том, что государство должно минимизировать свое присутствие и свою поддержку АПК, особенно в рамках ВТО.

Хотелось бы отметить, что введение санкций и прочие меры по сдерживанию развития стран ЕАЭС, несмотря на громкие заявления политических деятелей стран Запада, не смогли нанести существенный ущерб экономике России. Разумеется, определенные потери имеются. Но у России есть опыт преодоления даже более серьезных кризисов. Напомню некоторые цифры.

Великая Отечественная война нанесла народному хозяйству СССР колоссальный урон. Оккупантами разрушено и сожжено около 1 700 городов, свыше 70 тыс. поселков, сел и деревень, почти 32 тыс. промышленных предприятий, примерно 65 тыс. км железнодорожной колеи, разорено и разграблено 98 тыс. колхозов, 1 876 совхозов и 2 890 МТС. Война причинила огромный ущерб сельскому хозяйству Советского Союза: на четверть сократились посевные площади, ухудшилась обработка полей, снизились урожайность и уровень механизации, сократилась численность трудоспособного населения. В целом материальный ущерб СССР составил 2 569 млрд руб. (в довоенных ценах), включая стоимость расхищенных и уничтоженных врагом материальных ценностей (679 млрд). СССР потерял 30 % национального богатства.

В то же время за четвертую пятилетку, т. е. с 1946 по 1950 г., восстановлено, построено, введено в действие около 6 200 крупных промышленных предприятий. Промышленность по стране к концу 1948 г. достигла довоенного уровня. Валовая продукция промышленности к 1950 г. возросла по сравнению с довоенным 1940 г. на 72 % (против плановых 48 %). Капитальные вложения в народное хозяйство СССР составили 48 млрд руб., кроме того, восстановлено

и построено в городах, поселках городского типа и в сельской местности 201 млн м^2 общей площади.

Этот пример показывает то, что в арсенале российского опыта борьбы с кризисом в сельском хозяйстве имеются механизмы, способствующие преодолению проблем куда более высокого порядка, и, несмотря на противозаконные санкции и прочие меры сдерживания развития со стороны Запада, Россия и другие страны ЕАЭС имеют все инструменты для развития АПК. К ним можно отнести: внедрение системы льготного кредитования сельскохозяйственных предприятий, широко распространенной в послевоенном СССР, целевую подготовку специалистов для сельского хозяйства за счет госбюджета с обязательным распределением выпускников на предприятия АПК, стратегическое планирование развития села, направление работников передовых крестьянских хозяйств в отстающие с целью передачи опыта, субсидирование закупок средств механизации и транспорта и т. п.

Следует остановиться на кратком анализе ситуации в АПК стран ЕАЭС.

Россия

Опросы, которые проводили специалисты, характеризуют ситуацию до введения санкций в отношении РФ, после которых правительство решило увеличить государственную помощь и субсидии предприятиям АПК. Это особенно актуально, учитывая, что другие страны Таможенного союза, например Казахстан, наращивают такую поддержку[4]. Кроме того, ответные санкции существенно освободили рыночные ниши от импортных аналогов, с тем чтобы отечественные предприятия могли заполнить их своими товарами. Еще в прошлом, 2014 г. на встрече с депутатами Государственной Думы России в Ялте президент Владимир Путин сообщил, что Кабинет министров Российской Федерации разрабатывает программы по дополнительной поддержке сельского хозяйства. По оценкам экспертов, на импортозамещение в продовольственном секторе потребуется ежегодно около 40–50 млрд рублей бюджетных средств.

Уже на следующий день после издания указа президента о запрете импорта в РФ некоторых продуктов питания и сельскохозяйственной продукции из США, стран Евросоюза, Австралии, Канады и Норвегии министр сельского хозяйства РФ Николай Федоров предложил выделить на поддержку отечественного агропрома дополнительно 137 млрд рублей в течение ближайших трех лет. В правительстве, с учетом тенденций развития после ввода эмбарго, эту цифру уточнили. Если на 2015 г. бюджет Минсельхоза России составил около 203 млрд рублей, то с 2016 г. он может вырасти на четверть.

Тем не менее проблемы остаются. Одна из причин – недостаточное финансирование АПК и компенсация потерь из-за тяжелых климатических условий.

Казахстан

Сложность климата присутствует и здесь. Так, на протяжении нескольких лет фермеры Казахстана предлагают объявить режим чрезвычайной ситуации в ряде регионов страны. От засухи страдают зерносеющие регионы, расположенные в центрально-западной и северной частях РК. По оценке Союза фермеров, в 2013 г. пострадали посевы зерновых и масленичных культур на площади более 1,5 млн гектаров. Председатель РОО «Союз фермеров Казахстана» А. Даринов говорит об оказании государственной поддержки в РК. Он отмечает, что оказание господдержки сельхозтоваропроизводителям – это общемировая практика. К примеру, фермеры Европы на 1 гектар сельхозугодий ежегодно получают от ЕС порядка 360 евро субсидий, или около 72 тыс. тенге, что позволяет им купить не только товарно-материальные ценности (горюче-смазочные материалы, запчасти, удобрения, гербициды), но и сельхозмашины (трактора, комбайны, посевные агрегаты, кормосмесители и т. д.). Так, доля субсидий в стоимости валовой продукции АПК стран ЕС в среднем составляет 48–50 %, США – 28 %, Японии – 71 %, Беларуси – свыше 20 %, России – около 10 %[5]. В то же время в Казахстане – на уровне 4 %. То есть в Республике Казахстан более насущной является именно проблема субсидирования покупки удобрений и техники.

Важно отметить, что даже такое мощное субсидирование не избавляет европейских фермеров от проблем, связанных с потерей рынка России и других стран ЕАЭС, компенсации на сумму около 500 млн евро являются лишь десятой частью необходимых средств для восстановления конкурентоспособности хозяйств Евросоюза. В связи с этим проходят массовые акции протеста фермеров в Брюсселе и других

[4] На поддержку АПК Казахстана в виде субсидий будет выделено 71,2 млрд тенге. – МСХ. URL: http://www.kazakh-zerno.kz/novosti/agrarnye-novosti-kazakhstana/197487-na-podderzhku-apk-kazakhstana-v-vide-subsidij-budet-vydeleno-71-2-mlrd-tenge-mskh (дата обращения: 13.06.2015).

[5] Субсидии на производство зерна в Казахстане в 120 раз меньше, чем в ЕС – эксперт. URL: http://news.ivest.kz/20195850-subsidii-na-proizvodstvo-zerna-v-kazahstane-v-120-raz-menshe-chem-v-es---ekspert (дата обращения: 15.06.2015).

крупных городах Европы. То есть даже активное субсидирование отрасли не всегда способно решить проблему убыточности хозяйств.

Для сравнения: зерновое производство в Казахстане субсидируется из расчета 400–600 тенге на 1 гектар посевов, или около 3 евро, что в 120 раз ниже субсидий стран Евросоюза, однако даже такие средства помогают фермеру перед уборочной кампанией закупить половину необходимых горюче-смазочных материалов или приобрести запчасти на свою старую технику.

Фермеры предлагают внедрить форму поддержки, которая носит название «оказание господдержки сельхозтоваропроизводителям, пострадавшим от неблагоприятных погодных условий». Она может направляться не только на сохранение производственного потенциала, но и на социальную поддержку жителей села. Это широко практикуют в США и других развитых странах. В этом году к этому списку присоединились такие страны СНГ, как Россия и Молдова.

К примеру, Оренбургская область России в связи с засухой объявлена зоной чрезвычайной ситуации. Посевы сельхозкультур, подвергшихся влиянию неблагоприятных погодных явлений, списываются, а пострадавшим фермерам выплачивается компенсация из расчета 1 500 рублей (эквивалент 7 500 тенге) на 1 гектар посевной площади.

Беларусь

В Беларуси так же остро стоит проблема господдержки, однако производителей смущают и низкие цены на продукцию[6]. В 2014 г. был проведен опрос, в котором участвовали руководители 429 сельхозорганизаций и фермерских хозяйств, результаты социсследования опубликованы в декабрьском номере «Экономического бюллетеня», издаваемого институтом НИЭИ Министерства экономики РБ. На вопрос «Возможна ли работа вашего хозяйства без господдержки» положительный ответ дали 10,3 % респондентов. При этом около 3 % опрошенных заявили, что они работают рентабельно и не получают господдержку, однако 7 % респондентов подтвердили, что потенциально могут работать рентабельно без государственной поддержки.

Как и год назад, только десятая часть респондентов видела перспективу рентабельной работы своего хозяйства без государственных дотаций сельскохозяйственным производителям. По данным НИЭИ Министерства экономики РБ, в настоящее время государственная поддержка АПК в Беларуси составляет 15–16 % валового производства продукции. Экономисты государственного института НИЭИ Министерства экономики считают, что уровень господдержки сельского хозяйства в Беларуси, в сравнении с европейскими странами, существенно ниже – расходы бюджета в этой отрасли на протяжении последних лет составляют около 200 долл. на 1 гектар земельных угодий. Еще одним пунктом опроса стало мнение о приемлемости уровня закупочных цен, при этом 80 % руководителей сельхозпредприятий высказались за существенное повышение цен на сельхозпродукцию.

Таким образом, следует отметить, что для Республики Беларусь ценовой фактор руководители предприятий считают сдерживающим, снижающим уровень конкурентоспособности агрохозяйств. Более 60 % руководителей сельхозорганизаций называют низкие цены обязательных поставок продукции по госзаказу барьером, который препятствует повышению конкурентоспособности хозяйств и развитию отрасли.

Еще одна проблема – дефицит рабочих рук. Лишь половина сельхозпредприятий обеспечена персоналом в достаточной степени. Без пропаганды работы в сфере АПК, создания позитивного образа агрария, благоприятных условий для развития и творческой самостоятельной работы сложно говорить о развитии сельского хозяйства. Наиболее полно данные меры применяются в РБ, но следует отметить, что физический труд, тем более в сельской местности, в частности благодаря СМИ, считается непрестижным. Поэтому без повышения социального престижа работы по производству сельскохозяйственной продукции сложно добиться кардинальных изменений в данной отрасли.

И наконец, стоит сказать, что во всех странах ЕАЭС до сих пор проблема формирования даже теоретических положений программ импортозамещения, разработки методологической базы данного процесса является насущной. Единого подхода к термину «импортозамещение» и оценки эффективности развития отечественного производства не имеется. Весьма интересными можно считать трактовки некоторых российских специалистов. Так, Э. Я. Волынец-Руссет предлагает следующую трактовку: «Импортозамещение предполагает прекращение импорта конкретных товаров и замену организацией производства этих

[6] Беларусь: Село ждет господдержки и роста цен на продукцию. URL: http://sambros.ru/index.php/novosti/belorussiya-selo-zhdet-gospodderzhki-i-rosta-cen-na-produkciyu.html (дата обращения: 13.06.2015).

товаров в странах импортеров. При этом страны, лишенные импорта товаров, могут организовать их производство или взаимозаменяемых товаров в своих странах различными методами импортозамещения» [2]. Д. Рожкова, ссылаясь на А. Макарова, дает следующее определение: «В условиях проведения политики импортозамещения доминирует концентрация собственных усилий и ресурсов на формирование конкурентоспособного рыночного хозяйства». Исходя из этого, под импортозамещением можно понимать стратегию экономического развития в условиях сокращения импорта сырья и готовой продукции, направленную на защиту, поддержку существующих и формирование новых отечественных производителей молочной продукции, не уступающей по качественным и ценовым характеристикам продукции, ранее ввозимой из-за рубежа» [3].

Особую актуальность и важность эта проблема приобретает в связи с проектами по созданию Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств, которые предполагают глобальное регулирование мировых рынков, в том числе продуктов питания, транснациональными корпорациями, унификацию жестких стандартов, внедрение технологий генномодифицированных организмов и полную открытость рынков участников партнерств [6].

В этой связи необходимо во всех странах ЕАЭС выработать единый подход к тому, что считать импортозамещением, и в соответствии с этим формировать местные программы продовольственной безопасности. Этот термин, так же как и термин «продовольственная безопасность», должен быть законодательно закреплен. Можно предложить подобное определение: «Импортозамещение – это комплекс концентрации усилий, ресурсов, технологий, средств, портфеля заказов предприятий – резидентов того или иного государства, осуществляемых при поддержке уполномоченных государственных органов с целью обеспечения стратегического присутствия и развития указанных предприятий на внутреннем рынке того или иного государства, осуществляющего программу развития производства, при сопутствующих мерах протекционизма в сфере таможенной, кредитной, налоговой, промышленной политики».

Под термином «продовольственная безопасность» можно понимать необходимый уровень доступности основных и жизненно важных продуктов питания для населения вне зависимости от международной конъюнктуры, а также уровень стабильности, качества и развития субъектов предпринимательства в сфере агропромышленного комплекса. Частично методы обеспечения импортозамещения (налоговые и таможенные) уже прописаны в законодательстве. Так, А. Мезенцев, Ю. Лебедев и А. Черныш в свое время описали механизм таможенного регулирования, содействующего импортозамещению [4]. Они делают упор на облегчении таможенного режима для средств и предметов труда, формировании логистических сетей, обеспечивающих доступность сырья и предметов труда предпринимателям, и ряд таможенных процедур, которые помогают развить сервисные центры, обеспечивающие внутренний рынок не столько импортной готовой продукцией, сколько импортными предметами и средствами труда в надлежащем виде для налаживания производства внутри страны.

Все это позволит реально повысить интеграциию усилий стран ЕАЭС в деле снижения зависимости от импорта из третьих стран.

Выводы

Таким образом, для нормального функционирования и развития внутреннего рынка на данный момент сложилась приемлемая ситуация: популярность достаточно дешевых импортных продуктов из-за снижения стоимости национальной валюты и санкционной политики падает, государственная поддержка стран ЕС собственных производителей, поставляющих товары в страны ЕАЭС, снижается, все это способствует освобождению рынка для отечественных товаров, однако государственная поддержка остается недостаточной. Необходимо увеличить ее уровень и перенять методы антикризисного управления в виде минимальных цен, которые бы компенсировали фермерам расходы в случае неурожая или последствий кризиса на рынке.

Необходимо также отметить, что, несмотря на то, что декларативно и формально американские и европейские чиновники и специалисты в сфере управления производством призывают руководство стран Таможенного союза неукоснительно придерживаться рыночных постулатов, в реальности для поддержки западных корпораций на внешних рынках используются меры политического давления с финансовыми целями, активизируются такие методы, как протекционизм, национализация убыточных компаний с целью оздоровления, нетарифные барьеры и даже прямое нарушение международных обязательств и принципов честной конкуренции. Примером такого антизаконного метода давления являются нелегитимизированные международным сообществом санкции, в частности против РФ.

В этой связи компаниям стран ЕАЭС достаточно сложно защищать отечественного производителя, пытаясь играть по общепринятым нормам и правилам в условиях, когда другие игроки подобные правила напрочь игнорируют, следовательно, рыночные постулаты и утверждения о честной конкуренции и свободной торговле часто не соответствуют действительности.

Более того, без государственного регулирования с целью устранения диспропорций часто просто не обойтись. Поскольку девальвация российского рубля и удешевление российских товаров (продуктов питания, стройматериалов, промышленных товаров, бытовой техники и т. п.) в национальных валютах Беларуси и Казахстана привели к тому, что другие участники ЕАЭС испытали на себе отток финансовых средств и падение спроса на отечественные товары. В результате переговоров между Казахстаном и Россией было принято политическое, но весьма действенное решение о мерах по ослаблению давления импорта российских товаров на казахстанский рынок. Эти меры, в принципе, вступили в противоречие с практикой работы в Таможенном союзе, но, учитывая объективную реальность, главы государств отдали приоритет стратегическому партнерству и нашли компромисс. Примерно такой же уступкой станет постепенное выравнивание и усиленный контроль за перемещением отдельных категорий товаров в связи с предстоящим вступлением в ВТО РК. Что касается взаимозависимости в условиях санкций, то, как подтверждали главы Республики Беларусь и Республики Казахстан, они косвенно повлияли и на страны – партнеры России, однако общий масштаб экономик, налаживание кооперационных связей и гибкая политика движения рабочей силы и капитала позволили в значительной степени нивелировать последствия кризиса.

Современные реалии таковы, что в качестве ответных мер приходится использовать симметричный метод. Как показал опыт, санкции Запада принесли больше пользы, чем вреда для российской экономики. Освобождение рыночных ниш позволило российским производителям освоить ранее недоступные сегменты, однако непродуманная и непоследовательная политика в сфере АПК, нежелание определенных кругов отказаться от монетаризма в пользу стимулирования финансирования и государственной поддержки товаропроизводителей не дают возможности использовать преимущества попыток изоляции России в полной мере.

Таким образом, странам ЕАЭС необходимо воспользоваться освобождением рыночных ниш и стимулировать отечественных производителей к освоению тех сегментов, которые принадлежали иностранным компаниям.

На Петербургском форуме президент России заговорил о необходимости введения планирования в отношении определенных отраслей и территорий. Как показывает опыт Казахстана и Беларуси, постановка стратегических целей и разработка стратегических программ при должном контроле за их исполнением, установление определенного валютного контроля позволяют существенно повысить уровень эффективности государственного управления.

Следовательно, для Российской Федерации необходимо стратегическое планирование в сфере производства агропродукции с целью определения наиболее приемлемого уровня государственного стимулирования, поддержки и регулирования в сфере АПК. Без активного внедрения элементов планирования сложно достичь развития отрасли.

В этой связи следует воспользоваться позитивным опытом поддержки необходимой рентабельности хозяйств, введя пороговый уровень цен вмешательств, при котором государство компенсировало бы потери производителей, если мировые и государственные закупочные расценки не позволят обеспечить самоокупаемость по ряду причин. Наиболее целесообразно внедрение таких цен при попытках отечественных товаропроизводителей самостоятельно выйти на международные рынки. Как известно, ценовая конкуренция, а иногда откровенный демпинг европейских производителей при компенсации потерь государством и мощной поддержке АПК позволили странам ЕС существенно продвинуться на другие рынки, в том числе российский. Однако экспансия китайских производителей заставила даже европейских фермеров требовать дополнительных компенсаций. В условиях недофинансирования отрасли во многих республиках СНГ такая задача еще более актуальна.

Следует довести степень господдержки населения до уровня европейских стран, так же как и субсидирование реального сектора экономики, что существенно повысит продовольственную безопасность. Особенно важным было бы внедрение целевых (минимальных) цен в случае колебания мировой конъюнктуры, что в первую очередь важно для Беларуси, а также увеличение субсидирования страхования посевов, расходов на топливо и налаживание инфраструктуры в сфере АПК, что очень важно для Республики Казахстан.

Также следует отметить отсутствие единого подхода к трактовке, а следовательно, к пониманию тер-

мина «продовольственная безопасность» и понятию импортозамещения, что ограничивает использование их в законодательных актах и деловом обороте.

В этой связи необходимо во всех странах ЕАЭС выработать единый подход к тому, что считать импортозамещением, и в соответствии с этим формировать местные программы продовольственной безопасности. Этот термин, так же как и термин «продовольственная безопасность», должен быть законодательно закреплен. Можно предложить подобное определение: «Импортозамещение – это комплекс концентрации усилий, ресурсов, технологий, средств, портфеля заказов предприятий – резидентов того или иного государства, осуществляемых при поддержке уполномоченных государственных органов с целью обеспечения стратегического присутствия и развития указанных предприятий на внутреннем рынке того или иного государства, осуществляющего программу развития производства, при сопутствующих мерах протекционизма в сфере таможенной, кредитной, налоговой, промышленной политики».

Под термином «продовольственная безопасность» можно понимать необходимый уровень доступности основных и жизненно важных продуктов питания для населения вне зависимости от международной конъюнктуры, а также уровень стабильности, качества и развития субъектов предпринимательства в сфере агропромышленного комплекса.

Сочетание предложенных мер во всех странах Таможенного союза поможет комплексно, без диспропорций развивать как собственный АПК, так и интеграционные связи.

Список литературы

1. Нещадин А. Опыт государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства за рубежом. URL: http://agroobzor.ru/econ/a-125.html (дата обращения: 20.03.15).

2. Волынец-Руссет Э. Я. Проблемы импортозамещения промышленной и сельскохозяйственной продукции в РФ // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 19–26.

3. Рожкова Д. Импортозамещение как условие эффективного функционирования молочноперерабатывающей отрасли // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 4 (126). С. 143–145.

4. Мезенцев А., Лебедев Ю., Черныш А. Протекционистская функция таможенной службы как фактор экономического роста на базе переориентации предприятий малого бизнеса на импортозамещение // Вестник Екатерининского института. 2015. № 1 (29). С. 37–40.

5. Филиппов Р. В. Международный опыт субсидирования сельского хозяйства и продовольственная безопасность России. Науковедение. 2014. Вып. 1. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/63EVN114.pdf (дата обращения: 22.03.15).

6. Арапова Е. США и Транс-Тихоокеанское партнерство: социальные интересы против экономических и политических, МГИМО. URL: http://old.mgimo.ru/news/experts/document247280.phtml (дата обращения: 22.03.15).

В редакцию материал поступил 04.04.15
после доработки – 28.07.15

© Алешина В. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Алешина Валерия Анатольевна, кандидат экономических наук, главный экономист, гостиница «Достык»
Адрес: Республика Казахстан, 050021, г. Алматы, ул. Курмангазы, 36, тел.: 8-727-333-30-00
E-mail: valery7772004@list.ru

Как цитировать статью: Алешина В. А. Проблема импортозамещения и обеспечения продовольственной безопасности в странах ЕЭС // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 104–114.

V. A. ALESHINA,
PhD (Economics), Senior Lecturer
«Dostyk» hotel, Chief Economist

IMPORT SUBSTITUTION AND FOOD SAFETY PROVISION IN EU COUNTRIES

Objective: to describe methods of forming the mechanism of agricultural-industrial complex protection and smoothing the social threats caused by the reduced stability in the food market and the population solvency due to the global crisis.

Methods: in this work, we have applied statistical, analytical, economic-mathematical methods, including those based on the analysis of statistical indicators of agricultural-industrial complex (AIC).

Results: basing on analytical data and expert estimates, the technique of risk assessment is grounded, which is related to food security and reduced solvency, and the situational behavior of the state is described in the context of the food crisis, depending on the depth of the crisis and market instability sources.

Scientific novelty: economic-mathematical methods were applied for risk assessment in the sphere of providing the population with food products, budget expenditures on agriculture support and social protection are compared among the EU countries, the methodology is proposed to coordinate efforts to stabilize the situation in the food market.

Practical significance: the methodology of analysis of state bodies and business communities' efficiency in the area of food security and developing unified policies to promote agricultural-industrial complex and social protection, and recommendations in the sphere of pricing in the AIC products market for the protection of domestic market and entering the foreign commodity markets.

Key words: economic integration; Eurasian Economic Union; quality; food safety; technical regulations; WTO; subsidies; agricultural-industrial complex.

References

1. Neshchadin, A. *Opyt gosudarstvennogo regulirovaniya i podderzhki sel'skogo khozyaistva za rubezhom* (Foreign practice of state regulation and support of agriculture), available at: http://agroobzor.ru/econ/a-125.html (accessed 20.03.15).

2. Volynets-Russet, E. Ya. Problemy importozameshcheniya promyshlennoi i sel'skokhozyaistvennoi produktsii v RF (Issues of import substitution of industrial and agricultural production in RF) // *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2015, no. 5, pp. 19–26.

3. Rozhkova, D. Importozameshchenie kak uslovie effektivnogo funktsioniro-vaniya molochnopererabatyvayushchei otrasli (Import substitution as a prerequisite of efficient functioning of milk processing sector) // *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, no. 4 (126), pp. 143–145.

4. Mezentsev, A., Lebedev, Yu, Chernysh, A. Protektsionistskaya funktsiya tamozhennoi sluzhby kak faktor ekonomicheskogo rosta na baze pereorientatsii predpriyatii malogo biznesa na importozameshchenie (Protective function of the customs as a factor of economic growth based on reorientation of small businesses towards import substitution) // *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2015, no. 1 (29), pp. 37–40.

5. Filippov, R. V. Mezhdunarodnyi opyt subsidirovaniya sel'skogo khozyaistva i prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii (International practice of subsidizing agriculture and food safety of Russia) // *Naukovedenie*, 2014, is. 1, available at: http://naukovedenie.ru/PDF/63EVN114.pdf (accessed: 22.03.15).

6. Arapova E. SShA i Trans-Tikhookeanskoe partnerstvo: sotsial'nye interesy protiv ekonomicheskikh i politicheskikh (USA and Trans-Pacific partnership: social interests against economic and political ones), MGIMO, available at: http://old.mgimo.ru/news/experts/document247280.phtml (accessed: 22.03.15).

Received 04.04.15, amended – 28.07.15

Information about the author

Aleshina Valeriya Anatolyevna, PhD (Economics), Chief Economist, "Dostyk" hotel
Address: 36 Kurmangazy Str., Almaty, 050021, Kazakhstan, tel.: 8-727-333-30-00
E-mail: valery7772004@list.ru

For citation: Aleshina V. A. Import substitution and food safety provision in EU countries // *Actual Problems of Economics and Law* 2015, no. 4, pp. 104–114.

© Aleshina V. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 332.12
URL: http://hdl.handle.net/11435/2202

Арнаут М. Н.
С. 115–122.

М. Н. АРНАУТ,
кандидат экономических наук
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
г. Владивосток, Россия

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НА УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ И СПОСОБНОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ «БОЛЕВЫХ ТОЧЕК» (на примере Дальневосточного федерального округа)

Цель: определить влияние системы расселения на уровень социально-экономического развития территории, а также возможность определения «болевых точек» данной территории для дальнейшего воздействия на них.
Методы: системный анализ, сводка и группировка данных, расчет обобщающих показателей, методы сравнения, обобщений, экономического моделирования, пакет статистического анализа, а также методы логического анализа, теоретического познания, общелогические методы и приемы.
Результаты: на основе анализа научной и экономической литературы определена важность системы расселения для целей управления социально-экономическим развитием территории, рассмотрены понятия системы расселения и социально-экономического развития территории; определены основные факторы, влияющие на систему расселения и уровень социально-экономического развития территории; выявлена тесная взаимосвязь между системой расселения и уровнем социально-экономического развития территории; рассмотрен пример подобного взаимного влияния названных экономических категорий на основе собранных данных по крупнейшей территории России – Дальнему Востоку, проанализированы статистические сведения, подтверждающие наличие подобного влияния, и составлен рейтинг регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО) по уровню социально-экономического развития на основе рассматриваемых автором показателей, взятых как база; изучен пакет нормативно-правовых актов, направленных на развитие регионов Дальневосточного федерального округа, и определены «болевые точки», на которые необходимо скорректировать программы социально-экономического развития территории ДФО с целью их большей эффективности.
Научная новизна: в статье впервые представлена возможность оценки влияния системы расселения на социально-экономическое развитие территории с помощью логических взаимосвязей на основе понимания представленных для оценки показателей.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о влиянии системы расселения на уровень социально-экономического развития территории; органами государственной власти и местного самоуправления при разработке программ стратегического социально-экономического развития территории; научно-исследовательскими организациями при разработке теоретико-методологических подходов к оценке влияния системы расселения на социально-экономическое развитие территории.

Ключевые слова: система расселения; социально-экономическое развитие территории; взаимосвязь; плотность населения; управление; «болевые точки»; привлечение населения.

Введение

Вопросы обеспечения социально-экономического развития территории занимают одно из центральных мест в политике управления любого современного государства. Важно осознавать, что социально-экономическое развитие – это не беспорядочный и хаотичный процесс, им необходимо управлять, чтобы достигать целей всеобщего блага.

Под социально-экономическим развитием (СЭР) территории понимают процесс повышения уровня жизни населения[1], которое предполагает увеличение:

[1] URL: http://smartpage.narod.ru/Russian/Ec82-SERT.htm#b (дата обращения: 22.07.2015).

– количества и качества общественных и частных благ, предоставляемых населению, в том числе и полученных при взаимовыгодном обмене с другими территориями;

– количества и качества благ, предоставляемых территорией для целей более высоких уровней территориальной организации власти (на безвозмездной основе). Например, перераспределение финансовых средств между территориями при межбюджетных отношениях.

Изучение и решение проблем расселения населения не является новой задачей среди научного сообщества. К примеру, почетный академик РААСН М. Я. Вильнер в своих трудах приводит достаточно глубокий обзор проблем и методик регулирования расселения людей в Российской Федерации в ретроспективе [1]. Немало и тех исследователей, которые анализируют проблемы расселения населения сельских территорий России, среди которых можно выделить Т. Н. Ларину, Ю. Р. Юзаеву, С. В. Труфанова, А. Ф. Зверева и др. [2, 3]. Отдельные авторы приводят в своих исследованиях доказательства решения проблем расселения жителей с помощью воздействия на человеческий потенциал территории, транспортные сети; использования методов математического моделирования и т. д. [4, 5, 6]. При этом, несмотря на многообразие работ по заявленной теме, автором не выявлена действующая методика, на основании которой, избегая территориального обобщения, выявлялись бы «болевые точки» социально-экономического развития, т. е. конкретные территории, области, края при воздействии на которые с помощью всех известных методов регулирования решение проблем расселения населения становилось бы более эффективным и менее затратным с точки зрения федерального и регионального бюджетов.

Осознавая важность социально-экономического развития территории, каждый отдельный субъект государства и государство в целом разрабатывают различные по срокам и направлениям программы социально-экономического развития территории, которые представляют собой правовой документ, содержащий принципы, цели, задачи и мероприятия по социально-экономическому развитию территории.

При этом не всегда осознается важность того, что, несмотря на многочисленные ресурсы, которые вкладываются и реализуются через программы социально-экономического развития, эффективность программ не будет достигнута без главного компонента процесса развития территории – населения, непосредственно тех людей, которые живут, работают на территории и обеспечивают ее существование.

Понимание и осознание важности фактора «население» позволит проделать огромный скачок к процветанию территории. Тем самым найдут свои обоснования и решения главные цели и задачи внутренней и внешней политико-экономической деятельности территории [7].

Для целей исследования проблем социально-экономического развития территории важное значение имеет не само понятие «население», а понятие «система расселения» данного населения по территории. Понятие «расселение» означает размещение населения на территории стран, районов, городов, поселков, сельских населенных мест – исторически складывающаяся пространственная форма организации жизни общества[2].

Система расселения – это естественно образуемая или целенаправленно формируемая сеть поселений, объединенных на основе оптимизации пространственных, экономических, социальных и других связей. На нее влияют такие показатели, как климат, почва и гидрографические условия, наличие полезных ископаемых, природные формы, определяющие развитие транспортных коммуникаций. Расселение характеризуется факторами производства, экономико-географическим развитием и наличием мощной инфраструктуры соответственно. В свою очередь, социально-экономическое развитие территории – это процесс повышения уровня жизни населения, на который также влияет множество разнообразных факторов, в том числе и система расселения [8].

Система расселения влияет на производственно-ресурсный, кадровый потенциал территории, ее бюджет и т. д., т. е. на социально-экономическое развитие территории. Таким образом, система расселения и социально-экономическое развитие территории тесно взаимосвязаны.

В связи со всем вышеизложенным сформировалась цель настоящей статьи: определить влияние системы расселения на уровень социально-экономического развития территории, а также возможность определения «болевых точек» данной территории для дальнейшего воздействия на них.

Результаты исследования

Рассмотрим влияние системы расселения на социально-экономическое развитие (СЭР) территории

[2] URL: http://studopedia.ru/1_556_sistema-rasseleniya.html (дата обращения: 20.07.2015).

на примере Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Начнем с описания ДФО с позиции факторов развития. Дальневосточный федеральный округ – это 6 215 900 км² земли. Для сравнения, ДФО занимает около 36 % всей территории России. В его состав входят девять субъектов. При этом распределение населения по его территории весьма неравномерно и не соответствует занимаемой площади. Численность населения Дальневосточного федерального округа составляет примерно 6 226 640 человек (около 1,01 человека на 1 км²). Несмотря на то, что ДФО занимает более ⅓ территории, количество населения составляет лишь 4,26 % от общероссийского.

Дальний Восток является одной из наиболее богатых территорий России по количеству природных ресурсов, на его долю приходится более 30 % всех российских потенциальных ресурсов. Дальний Восток омывают моря тихоокеанского бассейна, образуя большой морской бассейн России. ДФО также имеет выгодное экономико-географическое расположение. Несмотря на то, что территория округа крайне перспективна в экономическом плане, одна из ее основных проблем – неравномерная система расселения.

Чтобы наглядно показать и выявить динамику развития территории ДФО, автором была введена система оценки СЭР на основе ранжирования по шести показателям (табл. 1), данные по которым можно найти в базах статистики, и составлен рейтинг регионов округа. Ранжирование показателей оценки СЭР произведено на основе разработанной Министерством экономического развития РФ методики[3].

В табл. 1 не учитывались показатели Республики Саха (Якутия) ввиду ее сильной отдаленности от центра ДФО и индивидуальных черт развития, не соизмеримых с другими регионами. Аналогичным образом были проведены расчеты за 2002 и 2010 гг. – периоды отобраны по срокам официальной переписи населения.

Таблица 1

Показатели социально-экономического развития ДФО по регионам (2014 г.)*

Table 1. Indicators of socio-economic development of the Far East Federal District by regions (2014)*

Регионы и дата создания / Regions and date of formation	Плотность населения, чел/км² / Density of population, person per sq km	Уровень дохода населения, руб. / Level of income of the population, rub	ВРП по текущим ценам, млн руб. / GRP inn current prices, mln rub	Индекс цен на товары и услуги, % / Price index for goods and services, %	Уровень безработицы, % / Unemployment level, %	Объекты социальной сферы (школы, вузы, больницы), шт. / Social venues (schools, universities, hospitals), units
Хабаровский край (1647 г.) / Khabarovskiy krai (1647)	1,7	29 382,40	473 695,20	111,75	5,70	495
Еврейская автономная область (1658 г.) / Evreyskaya autonomous oblast (1658)	4,63	20 417,40	37 885,40	111,79	8,30	89
Приморский край (1856 г.) / Primorskiy krai (1856)	11,87	24 342,50	575 615,40	111,99	7,10	636
Амурская область (1858 г.) / Amurskaya oblast (1858)	2,24	24 671,10	211 224,40	110,52	6,10	400
Магаданская область (1929 г.) / Magadanskaya oblast (1929)	0,32	42 462,60	88 490,10	107,82	2,90	89
Сахалинская область (1946 г.) / Sakhalinskaya oblast (1946)	5,71	39 970,80	673 775,40	108,58	7,20	203
Камчатский край (1740 г.) / Kamchatskiy krai (1740)	0,68	35 371,40	131 560,60	107,82	5,70	172
Чукотский автономный округ (1889 г.) / Chukotskiy autonomous district (1889)	0,07	52 694,90	46 989,70	103,99	3,30	43

* *Источник:* сайт Федеральной службы статистики РФ, URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 10.07.15).

* *Source:* web-site of the Federal Statistics Service of RF. URL: http://www.gks.ru (accessed date: 10.07.15).

В рамках проведенного исследования была выдвинута гипотеза о наличии определенной взаимосвязи между показателями социально-экономического развития территорий ДФО и системой расселения (показатель для оценки – плотность населения). На основании расчета коэффициента детерминации по представленным ранее значениям было доказано наличие тесной связи (табл. 2).

[3] Сайт Федеральной службы статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 10.07.2015); сайт Федеральной службы статистики субъектов РФ. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 10.07.2015); Постановление Правительства РФ № 717 «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)» от 11.10.2001 (ред. от 22.06.2006, с изм. от 20.10.2006); Постановление Правительства РФ № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» от 15.04.2014.

Таблица 2

Зависимость плотности населения и показателей социально-экономического развития регионов ДФО*

Table 2. Dependence of population density and indicators of socio-economic development of FEFD regions*

Зависимость плотности населения и показателей социально-экономического развития регионов ДФО / Dependence of the density of population on the social-economic indicators of the regions of Far East Federal District	Значение коэффициента детерминации / Determination quotient		
	2002 г.	2010 г.	2014 г.
От уровня дохода населения / On the level of income of the population	0,764	0,927	0,915
От ВРП / On GRP	0,997	1,000	0,999
От уровня безработицы / On unemployment level	1,000	1,000	1,000
От количества учреждений социальной сферы / On the number of social establishments	0,996	0,998	0,999

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

В результате анализа доказано, что существует тесная взаимосвязь, между системой расселения и показателями социально-экономического развития территорий ДФО.

Опираясь на эти данные, можно сделать логический вывод, заключающийся в том, что, если регион отстает по уровню социально-экономического развития от своих соседей, является так называемой «болевой точкой», следовательно, необходимы меры по воздействию на плотность его населения со стороны государства в виде федеральных и региональных мер. При этом, чтобы данные меры были эффективными и менее затратными, необходимо заранее определять, какой из регионов (областей, краев и т. п.) является наиболее отстающим, требующим больших финансовых вливаний и административных мер, а какой нуждается в небольшой помощи. С этой целью предлагается создать рейтинг территорий по уровню их социально-экономического развития.

В рамках исследования автором составлен рейтинг регионов ДФО с использованием разработанной системы ранжирования (табл. 3). Выбор ранга произведен на основе методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ, разработанной Министерством экономического развития РФ[4].

Периоды оценки в табл. 3 выбраны на основе данных переписи населения и собранных значений по официальным данным.

Можно с уверенностью утверждать, что ситуация развития социально-экономической сферы в Дальневосточном федеральном округе за последние 12 лет сильно изменилась, стала неоднозначной и трудной в ее определении. Об этом свидетельствуют экономические прорывы в 2014 г. таких регионов, как Сахалинская область, Чукотский автономный округ и Камчатский край, и экономические падения Приморского и Хабаровского краев.

На 2014 г. подтверждается одна из главных исторических черт Дальнего Востока в плане демографии – незначительная численность населения в сравнении с общей площадью территории. В 2007 г. высказывалось мнение, что если не будут приняты экстраординарные меры, в период 2015–2025 гг. в территория ДФО может попасть в «демографическую яму». Значительную проблему представляет собой миграционная убыль на Дальнем Востоке, хотя в целом по России происходит миграционный рост населения.

Также в числе настоящих проблем находятся неравномерный рост ВРП, удаленность от центра, разрыв хозяйственных связей; неразвитость собственных запасов сырья. Список названных проблем социально-экономического развития территории ДФО не является исчерпывающим. Данные проблемы необходимо решать. Их решение лежит в привлечении населения, т. е. воздействии на систему расселения.

При этом важно отметить, что привлечение населения для развития территории не может носить хаотичный характер, необходимо привлекать именно экономически активную часть населения, трудоспособных граждан, способных жить, работать и развивать территорию. В этой связи можно обозначить ряд мер, которые при своей реализации будут иметь положительный эффект для социально-экономического развития территории (табл. 4). В представленной таблице предлагаемые меры условно разделены на категории возможных регионов: регионы-лидеры (как правило, занимающие первые три места по уровню социально-экономического развития), регионы – «средний класс» и регионы – «болевые точки» (как правило, занимающие последние три места по уровню социально-экономического развития).

[4] Постановление Правительства РФ № 717 «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)» от 11.10.2001 (ред. от 22.06.2006, с изм. от 20.10.2006).

Таблица 3

Рейтинг регионов ДФО по уровню социально-экономического развития*

Table 3. Ranking of the Far East Federal District regions in terms of socio-economic development*

2002 г.			2010 г.			2014 г.		
Место в рейтинге / Rank	Регион и дата его создания / Region and date of formation	Балл / Score	Место в рейтинге / Rank	Регион и дата его создания / Region and date of formation	Балл / Score	Место в рейтинге / Rank	Регион и дата его создания / Region and date of formation	Балл / Score
1	Хабаровский край (1647 г.) / Khabarovskiy krai (1647)	79,38	1	Хабаровский край (1647 г.) / Khabarovskiy krai (1647)	71,88	1	Сахалинская область (1946 г.) / Sakhalinskaya oblast (1946)	76,88
2	Приморский край (1856 г.) / Primorskiy krai (1856)	74,38	2	Сахалинская область (1946 г.) / Sakhalinskaya oblast (1946)	73,13	2	Магаданская область (1929 г.) / Magadanskaya oblast (1929)	63,75
3	Магаданская область (1929 г.) / Magadanskaya oblast (1929)	51,25	3	Приморский край (1856 г.) / Primorskiy krai (1856)	74,38	3	Чукотский автономный округ (1889 г.)	61,25
4	Сахалинская область (1946 г.) / Sakhalinskaya oblast (1946)	65,63	4	Магаданская область (1929 г.) / Magadanskaya oblast (1929)	55,63	4	Хабаровский край (1647 г.) / Khabarovskiy krai (1647)	66,88
5	Чукотский автономный округ (1889 г.) / Chukotskiy autonomous district (1889)	45,63	5	Амурская область (1858 г.) / Amurskaya oblast (1858)	55,63	5	Камчатский край (1740 г.) / Kamchatskiy krai (1740)	62,50
6	Амурская область (1858 г.) / Amurskaya oblast (1858)	50,63	6	Чукотский автономный округ (1889 г.) / Chukotskiy autonomous district (1889)	45,63	6	Амурская область (1858 г.) / Amurskaya oblast (1858)	59,38
7	Камчатский край (1740 г.) / Kamchatskiy krai (1740)	61,88	7	Камчатский край (1740 г.) / Kamchatskiy krai (1740)	46,25	7	Приморский край (1856 г.) / Primorskiy krai (1856)	59,38
8	Еврейская автономная область (1658 г.) / Evreyskaya autonomous oblast (1658)	33,75	8	Еврейская автономная область (1658 г.) / Evreyskaya autonomous oblast (1658)	27,50	8	Еврейская автономная область (1658 г.) / Evreyskaya autonomous oblast (1658)	21,25

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Таблица 4

Комплекс мер воздействия на систему расселения населения с целью повышения уровня социально-экономического развития территории*

Table 4. Complex interventions on the settlement pattern with the aim of socio-economic development of the territory*

Меры воздействия / Measures		
Регионы-лидеры / Leading regions	Регионы – «средний класс» / «Middle class» regions	Регионы – «болевые точки» / «Problem spot» regions
		Развитие государственных и региональных программ по получению жилья для работающих на территории региона / Developing state and regional programs fro providing dwelling houses for the employees in the region
		Создание градообразующих предприятий и учреждений / Developing the municipality-forming enterprises and organizations
		Районные надбавки и коэффициенты к оплате труда / Regional bonuses and quotients to salaries
		Развитие региональной системы адаптации привлеченных переселенцев (помощь в оформлении документов, курирование и т. п.) / Developing the regional system of adaptation of the migrants (assistance in handling documents, supervision, etc.)
		Проведение оплачиваемых общественных работ / Carrying out of the paid public works
		Временное трудоустройство несовершеннолетних граждан от 14 лет в свободное от учебы время / Temporary employment of the under-age citizens of 14 and older in their spare time
		Временное трудоустройство безработных граждан в поиске работы / Temporary employment of unemployed citizens
	Прогнозирование профессионально-квалифицированной структуры и численности занятых в отраслях и сферах деятельности на среднесрочную и долгосрочную перспективу / Predicting the professional-qualification structure and number of employees in the sectors and spheres middle-term and long-term	
	Создание системы координации подготовки, переподготовки и увеличения числа квалифицированных работников исходя из потребностей рынка и требований личностного роста / Forming the system of coordination of training, retraining and increasing the number of qualified employees based on the market demands and personal growth requirements	
	Развитие территориального комплекса медицинских учреждений / Developing the territorial complex of medical establishments	
	Создание и развитие разнопрофильных образовательных учреждений разного уровня подготовки / Creating and developing the multi=profile educational establishments of various levels	
	Развитие территориального комплекса учреждений культуры / Developing the territorial complex of cultural establishments	
	Развитие потребительского рынка / Developing the consumer market	

Продолжение табл. 4

Меры воздействия / Measures		
Регионы-лидеры / Leading regions	**Регионы – «средний класс» / «Middle class» regions**	**Регионы – «болевые точки» / «Problem spot» regions**
	Разработка региональных мер поддержки развития малого и среднего бизнеса (налоговые льготы, субсидии, дотации и т. п.) / Elaborating the regional measures for supporting the small and average business (taxation incentives, subsidies, subventions, etc.)	
	Создание и поддержка агломераций / Creating and developing agglomerations	
	Развитие системы рекреационных ресурсов / Developing the system of recreational resources	
	Развитие межрайонных производственных комплексов / Developing the inter-regional production complexes	
Развитие транспортной системы / Developing the transportation system		
Мониторинг и разработка прогноза рынка труда в целях сбалансированности спроса и предложения рабочей силы / Monitoring and elaboration of the labor market prediction to balance the supply and demand of the working force		
Проведение ярмарок вакансий, учебных рабочих мест, профориентационных работ / Carrying out of vacancies fairs, probation working places, vocational guidance		
Государственное регулирование инфляционных изменений / State regulation of inflation changes		

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Разделение мер по видам регионов является условным ввиду того, что их применение в разные периоды развития может быть эффективным для различных регионов вне зависимости от их статуса. Здесь важно сохранять гармонию и отслеживать последние изменения в социально-экономическом развитии территории. Для составления табл. 4 и выделения мер автор руководствовался тремя принципами:

Меры, отраженные только для регионов – «болевых точек», призваны привлечь трудоспособное население («чтобы приехали»).

Меры, отраженные для регионов – «болевых точек» и регионов – «среднего класса», призваны удержать трудоспособное население («чтобы остались на долгий срок»).

Меры, отраженные для всех видов регионов, призваны сохранять комфортные условия для проживания и развития.

Важно отметить, что для цели привлечения населения на отдельные, требующие участия в их развитии территории на государственном уровне в настоящее время разрабатываются и принимаются разнообразные программы развития, к примеру, программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года», направления которой создают возможности для привлечения населения в регионы и в дальнейшем повышения уровня социально-экономического развития[5]. При условии, что данная программа развития учитывает особенности и уровень социально-экономического развития каждой отдельной территории, ее меры будут эффективными.

Таким образом, на сегодняшний день применяются всевозможные меры для социально-экономического развития территории ДФО. Но их разработка и реализация должны ориентироваться на «болевые точки» развития территории, иначе может возникнуть ситуация, при которой регионы, которые имеют устойчивое развитие, будут получать всевозможные привилегии и вложения средств, а области, находящиеся в отсталом положении, в отличие от остальных, будут оставаться в состоянии стагнации.

Выводы

На основе проанализированных данных территории ДФО видно, что «болевыми точками» по системе расселения для возможности дальнейшего развития на сегодняшний день являются территории Камчатского края, Еврейской автономной области, Амурской области и, несмотря на высокое положение в 2002 и 2010 гг., Приморского края. Конечно, Камчатский край и Еврейская автономная область имеют определенные исторические и географические особенности, которые мешают им устойчиво развиваться. А вот положение Приморского края и Амурской области необходимо и можно поправить, воздействуя на систему дорог, количество градообразующих предприятий, учреждений социальной сферы. Тогда эти регионы станут более привлекательными для жизни, изменятся их система расселения и уровень социально-экономического развития.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что социально-экономическое развитие территории не

[5] Постановление Правительства РФ № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» от 15.04.2014.

должно оставаться стихийным процессом, им нужно управлять, развивать транспортные сети, привлекать население. Также необходимы экономное освоение природных ресурсов, создание совместных производств с зарубежными партнерами, разработка новых рабочих мест и создание мощного наукоемкого производства. СЭР – это процесс, управление которым только тогда будет успешным, когда будет грамотно использоваться человеческий потенциал.

Список литературы

1. Вильнер М. Я. О проблемах регулирования расселения населения в Российской Федерации // Градостроительство. 2012. № 6 (22). С. 22–24.

2. Ларина Т. Н., Юзаева Ю. Р. Анализ изменения системы сельского расселения России (по данным переписей населения) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2012. № 1. С. 48–51.

3. Труфанова С. В., Зверев А. Ф. Уровень занятости и жизни населения на фоне демографического потенциала сельских территорий // Вестник Иркутской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 67. С. 139–147.

4. Шадрин А. И. Мониторинг расселения населения и человеческого потенциала региона (на примере Красноярского края) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 1. С. 382–386.

5. Круглов Ю. В., Стецурина Е. С. «Скорость сообщения» в анализе закономерностей расселения населения // Региональная архитектура и строительство. 2013. № 1. С. 122–127.

6. Круглов Ю. В., Стецурина Е. С., Снежкина О. В. Исследование и статистическое моделирование расселения населения // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2013. № 2 (30). С. 62–67.

7. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1, кн. 1. С. 8–92; кн. 4. С. 165–293. М.: Изд. дом «Прогресс», 2010.

8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. М.: ЭКСМО, 2007. С. 1–118.

В редакцию материал поступил 04.08.15

© Арнаут М. Н., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Арнаут Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, тел.: 8 (423) 240-42-29

E-mail: Marina.Kulakova@vvsu.ru

Как цитировать статью: Арнаут М. Н. Влияние системы расселения на уровень социально-экономического развития территории и способность выявления «болевых точек» (на примере Дальневосточного федерального округа) // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 115–122.

M. N. ARNAUT,

PhD (Economics)

Vladivostok State University for Economics and Service, Vladivostok, Russia

INFLUENCE OF THE POPULATION SETTLEMENT PATTERN ON THE LEVEL OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY AND THE ABILITY TO IDENTIFY THE PROBLEM SPOTS

(by the example of Far East Federal District)

Objective: to determine the influence of settlement pattern on the socio-economic development of the territory, and the ability to identify "the problem spots" of the territory for further impact on them.

Methods: systemic analysis, data summarizing and grouping, calculation of generalizing indicators, methods of comparison, generalization, economic modeling, statistical analysis package, and methods of logical analysis, theoretical cognition, general logical methods and techniques.

Results: basing on the analysis of scientific and economic literature, the author identified the importance of the settlement pattern for the purposes of socio-economic development of the territory, the concepts of the settlement pattern and socio-economic development of the territory; identified the main factors influencing the settlement pattern and the level of socio-economic development of the territory; revealed a close relationship between the settlement pattern and the level of socio-economic development of the territory; gave an example of such mutual influence of the mentioned economic categories based on the data collected in the largest Russian district – the Far East; analyzed statistical information confirming the existence of such influence, and ranked of regions of Far East Federal District (FEFD) in terms of socio-economic development on the basis of these indicators; analyzed the package of regulatory-legal acts aimed at development of the Far East Federal District regions, and identified "the problem spots" to which the program of socio-economic development of the Far East Federal District should be adjusted with a view to its greater efficiency.

Scientific novelty: the paper for the first time presents the possibility of estimating the impact of settlement pattern on the socio-economic development of the territory with the logical connections on the basis of understanding the data presented for evaluation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching when considering the impact of the settlement pattern on the level of socio-economic development of the territory; can be used by public authorities and local self-government for the development of strategic programs of the territory socio-economic development; by research organizations in the development of theoretical and methodological approaches to assessing the impact of settlement patterns on the socio-economic development of the territory.

Key words: settlement pattern; socio-economic development of the territory; relationship; population density; management; problem spots; involvement of the population.

References

1. Vil'ner, M. Ya. O problemakh regulirovaniya rasseleniya naseleniya v Rossiiskoi Federatsii (On the issues of population settlement pattern regulation in the Russian Federation) // *Gradostroitel'stvo,* 2012, no. 6 (22), pp. 22–24.

2. Larina, T. N., Yuzaeva, Yu. R. Analiz izmeneniya sistemy sel'skogo rasseleniya Rossii (po dannym perepisei naseleniya) (Analysis of changes in the rural population settlement patterns in Russia (by the data of censuses)) // *Intellekt. Innovatsii. Investitsii,* 2012, no. 1, pp. 48–51.

3. Trufanova, S. V., Zverev, A. F. Uroven' zanyatosti i zhizni naseleniya na fone demograficheskogo potentsiala sel'skikh territorii (Employment level and standard of living in the aspect of demographic potential of rural areas) // *Vestnik Irkutskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii,* 2015, no. 67, pp. 139–147.

4. Shadrin, A. I. Monitoring rasseleniya naseleniya i chelovecheskogo potentsiala regiona (na primere Krasnoyarskogo kraya) (Monitoring of population settlement pattern and human potential of a region (bythe example of Krasnoyarsk region)) // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva,* 2012, no. 1, pp. 382–386.

5. Kruglov, Yu. V., Stetsurina, E. S. «Skorost' soobshcheniya» v analize zakonomernostei rasseleniya naseleniya ("Message speed" in the analysis of the rules of population settlement pattern) // *Regional'naya arkhitektura i stroitel'stvo,* 2013, no. 1, pp. 122–127.

6. Kruglov, Yu. V., Stetsurina, E. S., Snezhkina, O. V. Issledovanie i statisticheskoe modelirovanie rasseleniya naseleniya (Research and statistical modeling of population settlement pattern) // *Vestnik Sibirskoi gosudarstvennoi avtomobil'no-dorozhnoi akademii,* 2013, no. 2 (30), pp. 62–67.

7. Marshall, A. *Printsipy ekonomicheskoi nauki* (Principles of Economics): avtorskoe izdanie. M.: Izd. dom «Progress», 2010, vol. 1, b. 1, pp. 8–92; b. 4, pp. 165–293

8. Smith, A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. (An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations) B. 1. M.: EKSMO, 2007, pp. 1–118.

Received 04.08.15

Information about the author

Arnaut Marina Nikolayevna, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Economics and Management, Vladivostok State University for Economics and Service

Address: 41 Gogol Str., 690014 Vladivostok, tel.: 8 (423) 240-42-29

E-mail: Marina.Kulakova@vvsu.ru

For citation: Arnaut M. N. Influence of the population settlement pattern on the level of social-economic development of the territory and the ability to identify the problem spots (by the example of Far East Federal district) // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 115–122.

© Arnaut M. N., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 339.13 (470.41)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2203

О. Р. КАРАТАЕВ,

экономист

Институт развития образования Республики Татарстан, г. Казань, Россия

ДИНАМИКА КОНТРАФАКТНОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ И ТАБАЧНОЙ ПРОДУКЦИИ НА РЫНКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Цель: целью исследования являются выявление и оценка доли контрафакта в общем объеме алкогольной и табачной продукции на потребительском рынке Татарстана, что позволит проверяющим органам более эффективно бороться с распространением контрафактной продукции.

Методы: в исследованиях, предложенных в данной работе, используются методы теории вероятностей и математической статистики, метод выборочного исследования, анализ сертификатов на продукцию на правильность заполнения бланка сертификата согласно действующим законам и нормативным документам Росстандарта.

Результаты: на основе выборки сертификатов на продукцию непосредственно из торговых точек проведен анализ состояния алкогольного и табачного потребительского рынка Татарстана. Выявлено неправильное заполнение бланка сертификата на продукцию в нарушение всех существующих норм и законов, которые строго прописаны в нормативных документах Росстандарта. На основе указанных нарушений проведена оценка фальшивости сертификата на продукцию и сделан вывод о качестве продукции. Произведена оценка доли контрафактной алкогольной и табачной продукции в общем объеме реализации на потребительском рынке. Выявлены недочеты проверяющих органов по обнаружению контрафакта.

Научная новизна: исследован потребительский рынок на основе метода выборочного контроля, с использованием теории вероятностей и математической статистики произведена оценка доли контрафактной алкогольной и табачной продукции на потребительском рынке Татарстана. Определена ошибка выборочного контроля за контрафактной продукцией на потребительском рынке.

Практическая значимость: полученные результаты позволят проверяющим органам полнее и точнее выявлять фальсифицированный товар и закрыть доступ контрафактной алкогольной и табачной продукции на потребительский рынок Татарстана. Необходимо усилить роль государственного регулирования коммерческой деятельности на потребительском рынке России, чтобы пресечь поступление контрафактной алкогольной и табачной продукции.

Ключевые слова: потребительский рынок Татарстана; сертификат соответствия; фальсификация; контрафактная продукция; алкоголь; табак; выборка; ошибка выборки.

Введение

В последние годы в торговой сети значительно увеличилось количество контрафактной продукции. От подделок не защищает даже жесткая в этом отношении политика государства.

В статье рассматривается структура продукции потребительского рынка Татарстана по результатам выборки сертификатов соответствия за 1999–2015 гг. По итогам проверки сертификатов на соответствие и фальсификацию была определена доля алкогольной и табачной контрафактной продукции.

Табачная продукция по техническому регламенту № 268-ФЗ[1] весьма разнообразна: сигареты, сигары, сигариллы (сигариты), папиросы, табак для кальяна, табак курительный тонкорезаный, табак трубочный, биди, кретек, табак сосательный (снюс), табак жевательный, табак нюхательный, насвай и другие табачные изделия. Однако на потребительском рынке наибольшее распространение получили сигареты, которые составляют основу табачной контрафактной продукции.

Рассмотрим некоторые определения и термины.

Контрафакт (от фр. *contrefact*) – подделка, товар или произведение.

В данной работе под контрафактной продукцией понимаются все виды опасностей алкогольной и табачной продукции: нелегальная продукция, нерегистрируемый алкоголь, нерегистрируемый табак, некачественная, низкокачественная или нестандартная алкогольная продукция, суррогат.

[1] Федеральный закон № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» от 22.12.2008.

Нелегальная продукция – товар, произведенный незаконно.

Нерегистрируемый алкоголь – потребляемые населением алкогольные напитки, которые не фиксируются органами Государственной статистики и не облагаются налогами.

Некачественная, низкокачественная или нестандартная алкогольная продукция – алкогольные напитки, не соответствующие требованиям государственных стандартов и / или санитарных правил и норм.

Суррогат (от лат. *surrogatus*) – заменитель, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого продукта.

В словаре бизнес-терминов[2] контрафактная продукция определяется как продукция, выпускаемая с нарушением прав третьих лиц, в том числе с нарушением патента на изобретение, промышленные образцы, товарные знаки, авторские права на тиражирование аудиовидеопродукции, программного обеспечения, базы данных и т. п. Такое же определение находим у других авторов [1–2].

Большой экономический словарь контрафактную продукцию определяет как продукцию, выпускаемую предприятием с нарушением чьих-либо исключительных прав[3]. Например, с нарушением исключительного права на использование охраняемого объекта промышленной собственности и других имущественных прав патентообладателей.

Целью исследования было выявление доли контрафакта в общем объеме алкогольной и табачной продукции на потребительском рынке Татарстана. Работа проводилась по результатам анализа сертификатов на алкогольную и табачную продукцию, при этом использовались положения, указанные в документах о сертификации [3], и выборочный метод как наиболее доступный и экономный.

Результаты исследования

Вред, наносимый государству, потребителям, бизнесу контрафактной продукцией, не ограничивается только нарушением исключительного права хозяина продукции. Это, как правило, продукция низкого качества, к тому же относящаяся к теневой экономике, не контролируемой государством и игнорирующей налоговое законодательство. Государственная казна при этом недополучает положенные сборы.

Автором статьи была проведена выборочная обработка сертификатов соответствия на алкогольную и табачную продукцию, имеющуюся в продаже в Республике Татарстан. Обработка показала наличие большого количества правонарушений.

В табл. 1 и 2 представлены результаты выборок сертификатов соответствия за 1999–2015 гг. на алкогольную продукцию. К алкогольной продукции отнесены спирт питьевой, водка, ликероводочные изделия, кальвадос, вино виноградное, вино плодово-ягодное и иная пищевая продукция с содержанием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, более 1,5 % от объема единицы алкогольной продукции. Сертификаты брались непосредственно из торговых точек и проверялись на правильность заполнения бланка и на наличие и правильность печатей. Выборка 2004 г. представляет собой объединение выборок за предшествующие годы. Выборка 2015 г. включает и сертификаты, полученные за 2013, 2014 и начало 2015 г. Коньяки и бренди рассматривались отдельно от остальной алкогольной продукции, так как стоимость коньяка, как правило, выше стоимости водки и остальной алкогольной продукции.

Анализируя результаты, можно увидеть, что доля контрафактной продукции весьма велика и составляет для алкогольной продукции и водки 59,6 %, коньяка – 66,7 %. Весьма прискорбным является тот факт, что Государственная инспекция Республики Татарстан по обеспечению государственного контроля за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей допускает ошибки и признает фальшивый сертификат настоящим. Тем самым наносится вред государству и потребителям. В качестве примера приведены свидетельство о подтверждении соответствия № 1.П.35410 (рис. 1а), выданный Государственной инспекцией Республики Татарстан, и фальшивый сертификат соответствия № РОСС АМ.ПР71.В84087 (рис. 1б). Таких примеров можно привести множество. Характерным приемом подделки является также подмена печати производителя печатью какой-либо государственной проверяющей организации, например, Центра стандартизации и метрологии (ЦСМ). В этом случае неискушенный покупатель впадает в заблуждение и принимает фальшивый сертификат за настоящий, поддаваясь авторитету государственной организации.

[2] URL: http://www.klerk.ru/slovar/bus/term/58914/ (дата обращения: 12.01.2015).

[3] URL: http://big_economic_dictionary.academic.ru/6629 (дата обращения: 12.01.2015).

Таблица 1

Алкогольная продукция, водка*

Table 1. Alcohol, vodka*

Операция / Operation	Год выборки / Year										Всего / Total
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2015	
Исследовано сертификатов, шт. / Certificates studied, units	2	4	14	21	10	15	12	7	45	11	141
Выявлено действительных сертификатов, шт. / Valid certificates found, units	1	1	6	8	4	5	4	3	18	7	57
Выявлено фальшивых сертификатов, шт. / False certificates found, units	1	3	8	13	6	10	8	4	27	4	84
Выявлено действительных сертификатов, % / Valid certificates found, %	50	25	42,9	38,1	40,0	33,3	33,3	43,0	40,0	63,6	40,4
Выявлено фальшивых сертификатов, % / False certificates found, %	50	75	57,1	61,9	60,0	66,7	66,7	57,0	60,0	36,4	59,6

* *Источник*: составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Таблица 2

Алкогольная продукция, коньяк*

Table 2. Alcohol, Cognac*

Операция / Operation	Год выборки / Year										Всего / Total
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2015	
Исследовано сертификатов, шт. / Certificates studied, units	2	2	2	2	1	2	–	–	2	2	15
Выявлено действительных сертификатов, шт. / Valid certificates found, units	–	–	–	–	–	1	–	–	2	2	5
Выявлено фальшивых сертификатов, шт. / False certificates found, units	2	2	2	2	1	1	–	–	–	0	10
Выявлено действительных сертификатов, % / Valid certificates found, %	–	–	–	–	–	50	–	–	100	100	33,3
Выявлено фальшивых сертификатов, % / False certificates found, %	100	100	100	100	100	50	–	–	–	0	66,7

* *Источник*: составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

№ 053190

Государственная инспекция Республики Татарстан
по обеспечению государственного контроля за производством,
оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции
и защите прав потребителей

420107, Казань, ул.Хади Такташ, д.94

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОДТВЕРЖДЕНИИ СООТВЕТСТВИЯ
алкогольной продукции требованиям нормативной документации
и сопроводительным документам
№ 1.П.3641.0

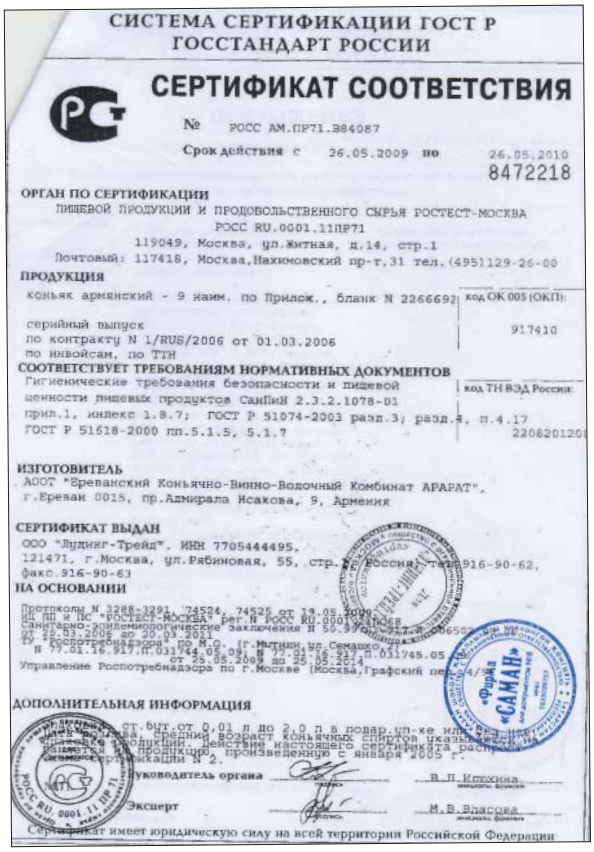
Настоящим удостоверяется, что проверенная алкогольная продукция:
КОНЬЯКИ.
принадлежащая: ООО " фирма "Саман"
420089, ТАТАРСТАН, г.Казань, ул.Адоля Кутуя, 159
Лицензия 649771 регистрационный номер Б-17231797 от 02.06.2008
Федеральный регистр.№ лицензии 15 от 02.06.2008
Соответствует требованиям нормативных документов
СанПиН 2.3.2.1078-01
и сопроводительным документам:
накладная:№ 0000129826 от 30.10.09;0000129987 от 31.10.09;
сертификат соответствия: РОСС АМ.ПР71.В20850 от 05.07.08 до 09.07.09;РОСС АМ.ПР71.В84087 от 26.05.09 до 26.05.10;

Свидетельство выдано о подтверждении соответствия на основании
Экспертного заключения по результатам обследования и идентификации партии продукции от 24.11.2009г.
Протокола испытаний образца(образцов) продукции № 1189 от 17.11.2009
ГУ "Республиканский центр независимой экспертизы и мониторинга потребительского рынка г.Казань, ул.Х.Такташ, д.94 (рег. № РОСС.RU.0001.21АО71);
Заключения № 20-13/27038от 23.11.09
Территориального управления Роспотребнадзора по РТ ()
г.Казань, ул.Сеченова, д.13А

Владелец алкогольной продукции (продавец) должен обеспечить соответствие реализуемой (поставляемой) алкогольной продукции требованиям государственных стандартов, установленным в результате проверки.

Фирма «САМАН»

а)



СИСТЕМА СЕРТИФИКАЦИИ ГОСТ Р
ГОССТАНДАРТ РОССИИ

СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ

№ РОСС АМ.ПР71.В84087

Срок действия с 26.05.2009 по 26.05.2010

8472218

ОРГАН ПО СЕРТИФИКАЦИИ
ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЫРЬЯ РОСТЕСТ-МОСКВА
РОСС RU.0001.11ПР71
119049, Москва, ул.Житная, д.14, стр.1
Почтовый: 117418, Москва,Нахимовский пр-т,31 тел.(495)129-26-00

ПРОДУКЦИЯ
коньяк армянский - 9 наим. по Прилож., бланк N 2266692 код ОК 005 (ОКП): 917410
серийный выпуск
по контракту N 1/RUS/2006 от 01.03.2006
по инвойсам, по ТТН

СООТВЕТСТВУЕТ ТРЕБОВАНИЯМ НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов СанПиН 2.3.2.1078-01 прил.1, индекс 1.8.7; ГОСТ Р 51074-2003 разд.3; разд.4, п.4.17 ГОСТ Р 51618-2000 пп.5.1.5, 5.1.7 код ТН ВЭД России: 2208201200

ИЗГОТОВИТЕЛЬ
АООТ "Ереванский Коньячно-Винно-Водочный Комбинат АРАРАТ",
г.Ереван 0015, пр.Адмирала Исакова, 9, Армения

СЕРТИФИКАТ ВЫДАН
ООО "Лудинг-Трейд". ИНН 7705444495,
121471, г.Москва, ул.Рябиновая, 55, стр.1, Россия, тел.916-90-62,
факс.916-90-63

НА ОСНОВАНИИ
Протоколы N 3288-3291, 74524, 74525 от 19.05.2009
НЦ ПП и ПС "РОСТЕСТ-МОСКВА" Рег.N РОСС RU.0001.21АО68
Санитарно-эпидемиологическое заключение N 50.99.02.000.Т.000565.05.09 от 29.05.2009 до 29.05.2014
ТУ "Роспотребнадзора" по М.О. (г.Мытищи,ул.Семашко,2)
N 77.01.16.917.П.031744.05.09 от 25.05.2009 до 25.05.2014
Управление Роспотребнадзора по г.Москве (Москва,Графский пер.,4/5) N 77.01.16.917.П.031745.05.09 от 25.05.2009 до 25.05.2014

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
ст.бут.от 0,01 л до 2,0 л в подар.уп-ке или без, цветовая гамма, средний возраст коньячных спиртов указаны в сопроводительных документах на продукцию. Действие настоящего сертификата распространяется на продукцию, произведенную с января 2005 г.
Приложение: спецификации N 2.

Руководитель органа В.П.Ипполитов
Эксперт М.В.Власова

Сертификат имеет юридическую силу на всей территории Российской Федерации

Фирма «САМАН»

б)

Рис. 1 / Fig. 1

Следует обратить внимание на то, что превышение нормативов на токсичные микропримеси является основанием для признания алкоголя низкокачественным или некачественным [4–6]. Например, к некачественным и подлежащим изъятию из продажи водкам относятся напитки, произведенные из спирта «Экстра» и содержащие альдегиды в количестве около 6 мг/л (ГОСТ – 3 мг/л), сивушное масло 6–10 мг/л (ГОСТ – 3 мг/л) или метанол 0,05 % (ГОСТ – 0,03 %). Фальшивость сертификата соответствия крупной партии водки, как правило, не показатель плохого качества продукции, так как производить продукцию низкого и высокого качества одинаково сложно, а риск большой. Тем более доход от неуплаты акцизных сборов и налога одинаковый. Спирт сомнительного происхождения используется в основном для мелкой партии водки. Иногда это спирт химических производств, в которых используется гидролизный спирт, выступающий как растворитель каких-либо химических веществ, порой опасных для здоровья и жизни человека. В целях уменьшения риска покупки контрафактной продукции, представляющей высокий риск для здоровья населения, и проводятся исследования рынка алкогольной и табачной продукции. Алкоголь и табак выбраны нами как наиболее распространенные объекты контрафакта.

Для исследования рынка алкогольной продукции в Республике Татарстан мы применяли метод выборки [7–10]. Для проведения анализа – экспериментальное распределение «бесповторная случайная выборка». Генеральная совокупность размера N весьма велика по сравнению с числом отобранных единиц n, поэтому считаем:

$$\sqrt{\frac{N-n}{N-1}} \cong 1. \qquad (1)$$

Примем доверительную вероятность равной 0,9545, при этом нормированное отклонение для нормального распределения Лапласа – Гаусса $t = 2$.

Предельная ошибка выборочной доли с принятой доверительной вероятностью имеет вид:

$$\Delta = t \cdot s = t\sqrt{\frac{p(1-p)}{n}}, \qquad (2)$$

где t – нормированное отклонение, s – среднеквадратическая ошибка, p – доля наблюдаемых единиц в выборке, n – объем выборки (количество единиц в выборке).

Используя эту формулу (2), определим предельную ошибку выборочной доли алкогольной продукции:

$$\Delta = 2\sqrt{\frac{0{,}596 \cdot 0{,}404}{141}} = 0{,}083.$$

Таким образом, доля контрафактной алкогольной продукции составляет около 60 % при ошибке выборки 8,3 %: (59,6 ± 8,3) %

Для коньяка ошибку выборки рассчитаем по измененной формуле, так как объем выборки невелик, результат необходимо умножить на множитель $\sqrt{\frac{n}{n-1}}$ и использовать распределение Стьюдента. Принимаем уровень значимости равным 0,1. Нормированное отклонение в этом случае $t = 1{,}7823$.

В итоге получим:

$$\Delta = t \cdot s = t\sqrt{\frac{p(1-p)}{n-1}},$$

$$\Delta = 1{,}7823\sqrt{\frac{0{,}667 \cdot 0{,}333}{14}} = 0{,}224.$$

Таким образом, доля контрафактной коньячной продукции составляет около двух третей всей продукции при ошибке выборки 22,4 %: (66,7 ± 22,4) %

Общая оценка ошибки доли выборки алкогольной продукции, включая коньяк:

$$\Delta = 2\sqrt{\frac{0{,}603 \cdot 0{,}397}{156}} = 0{,}078.$$

В итоге получим (60,3 ± 7,8) %.

Таким образом, доля контрафактной алкогольной продукции на потребительском рынке весьма велика, даже превышает легальную продукцию. Все это свидетельствует о значительной доле теневой экономики, которая не способствует процветанию общества и ослабляет государственную власть. Выборки, произведенные автором, позволяют объективно судить о состоянии рынка, так как вычисленные ошибки выборок невелики.

В табл. 3 представлены результаты выборок сертификатов соответствия за 1999–2012 гг. на табачную продукцию, выполненных автором. Выборка 2004 г. представляет собой объединение выборок за предшествующие годы. В выборке 2010 г. не оказалось сертификатов на табачную продукцию. В выборке 2015 г. объединены сертификаты за 2013, 2014 и 2015 гг.

Как видно из табл. 3, доля табачной контрафактной продукции весьма велика и составляет 96,3 %, т. е. почти вся продукция является фальсифицированной. Следует отметить, что все дорогие сигареты имели поддельные сертификаты и только самые дешевые

Таблица 3

Табачная продукция*

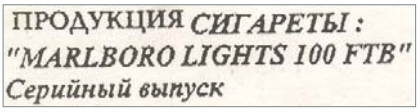
Table 3. Tobacco products*

Операция / Operation	Год выборки / Year										Всего / Total
	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2015	
Исследовано сертификатов, шт. / Certificates studied, units	56	64	6	2	1	9	–	14	8	5	165
Выявлено действительных сертификатов, шт. / Valid certificates found, units	2	2	0	0	0	1	–	0	1	3	9
Выявлено фальшивых сертификатов, шт. / False certificates found, units	54	62	6	2	1	8	–	14	7	2	156
Выявлено действительных сертификатов, % / Valid certificates found, %	3,6	3,1	0	0	0	11,1	–	0	12,5	60,0	5,5
Выявлено фальшивых сертификатов, % / False certificates found, %	96,4	96,7	100	100	100	88,9	–	100	87,5	40,0	94,5

* *Источник*: составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

имели нефальсифицированные сертификаты. Фальшивые сертификаты, как правило, имеют несколько ошибок при заполнении бланка. В настоящее время грубые подделки почти не встречаются. Одним из необычных случаев подделки является пример на рис. 2. Здесь приведены фрагменты сертификата: название продукции (рис. 2а), название организации, которой выдан сертификат (рис. 2б), и печать первой продажи, которая должна совпадать с печатью организации, получившей сертификат (рис. 2в). Проведенный нами анализ показывает наличие несоответствий. Следует обратить внимание на характер подделки. Печать сделана на английском языке, таким образом, неискушенный приобретатель товара мог бы подумать, что печать подлинная, однако при внимательном рассмотрении сразу обнаруживается подделка. Во-первых, город Санкт-Петербург и фирма «Нева» написаны латинским алфавитом и кириллицей, во-вторых, должен быть указан получатель сертификата – его адрес: город Ричмонд, штат Вирджиния, США (рис. 2б). Следует отметить, что это не первая подделка данной фирмы. Фальшивки совершенствовались, и можно было бы даже проследить их эволюцию (это не входит в нашу задачу), однако количество не переросло в качество. На рис. 2в видно, кроме всего прочего, нарушение 12-го пункта заполнения сертификата (инициалы должны быть указаны перед фамилией должностного лица).



а)

б)

в)

Рис. 2 / Fig. 2

Встречаются копии сертификатов (рис. 3), заверенные нотариусом государственной печатью с гербом. Это недопустимо, так как такие документы требуются только при прохождении таможенного досмотра. Однако нотариус, хотя и находится на государственной службе, не является специалистом по сертификации и заверяет любой документ, в том числе и фальшивый, не вдаваясь в суть дела. Нотариус только подтверждает соответствие настоящей ксерокопии подлиннику документа, который предоставляет клиент. При этом государственная печать с гербом и подпись нотариуса для непосвященного человека являются гарантией подлинности и он принимает подделку за действительный сертификат.

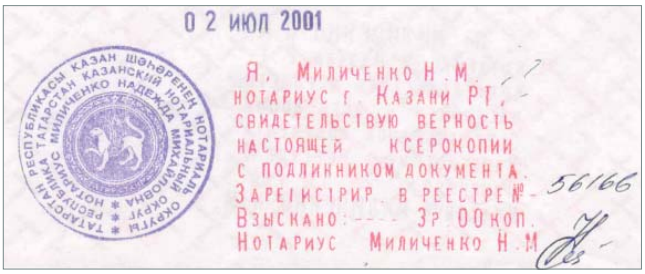


Рис. 3 / Fig. 3

На табачную продукцию существует значительное количество стандартов и нормативных документов, которые регламентируют ее качество. Однако контрафактная продукция, представляющая опасность для покупателей, производится в нарушение существу-

ющих документов и сопровождается поддельными документами.

Наиболее часто подвергаются подделке сертификаты, выданные органом сертификации табака и табачных изделий Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий (ВНИИТТИ, г. Краснодар), а также другими органами, расположенными в Московском регионе. Сертификаты, выданные Татарстанским центром стандартизации и метрологии, а также другими органами, расположенными в Татарстане, подделке почти не подвергаются, что можно объяснить близостью проверяющего органа[4].

Рассчитаем ошибку выборки для табачной продукции, воспользовавшись данными табл. 3. Так же, как и выше, использовали экспериментальное распределение «бесповторная случайная выборка», причем генеральная совокупность размера N весьма велика по сравнению с числом отобранных единиц n, поэтому, используя (1), предельная ошибка выборочной доли с принятой доверительной вероятностью высчитывается по формуле (2).

Для нормального распределения Лапласа – Гаусса считаем доверительную вероятность равной 0,9545, при этом нормированное отклонение $t = 2$.

$$\Delta = 2\sqrt{\frac{0{,}055 \cdot 0{,}945}{165}} = 0{,}035.$$

Таким образом, доля контрафактной продукции табачных изделий на рынке Татарстана составляет (94,3 ± 3,5) %.

Следует отметить, что глобализация потребительского рынка [11–13] позволяет нарушителям и производителям контрафактной продукции чувствовать себя более комфортно на рынке, поэтому необходимо усилить контроль за оборотом алкогольной и табачной продукции, тем более доля контрафактной продукции велика. На проблемы с контрафактной продукцией в РФ указывает Е. И. Стойчева [14]. Усиление контроля оградит потребителя от некачественной продукции и обеспечит нормальное поступление денежных средств в виде налогов в государственный бюджет.

Выводы

Наиболее часто подвергаются подделке сертификаты, выданные органом сертификации табака и табачных изделий Всероссийского научно-исследовательского института табака, махорки и табачных изделий (ВНИИТТИ, г. Краснодар), а также другими органами, расположенными в Московском регионе.

Фальсификация сертификатов наносит вред обществу: потребителям, таким образом, предлагается некачественный товар, а государство недополучает положенные налоги.

Таким образом, доля контрафактной алкогольной и табачной продукции на потребительском рынке весьма велика, даже превышает легальную. Все это свидетельствует о значительной доле теневой экономики, которая не способствует процветанию общества и ослабляет государственную власть. Выборки, произведенные автором, позволяют объективно судить о состоянии рынка, так как вычисленные ошибки выборок невелики.

Доля теневой экономики в производстве алкогольной продукции весьма велика и составляет (59,6 ± 8,3) % , коньяка – (66,7 ± 22,4) %. Общая доля контрафактной алкогольной продукции занимает (60,3 ± 7,8) %.

Доля теневой экономики в производстве табачных изделий составляет (94,3 ± 3,5) %, т. е. почти вся продукция является фальсифицированной.

Ужесточение контроля способствует снижению доли контрафактной продукции на потребительском рынке. Так, с 15 марта 2015 года закончился переходный период, в течение которого допускалось применение сертификатов и деклараций ГОСТ Р при переходе продукции через границу. При этом процедура сертификации по ТР ТС отличается от процедуры сертификации в системе ГОСТ Р или ТР РФ.

В результате за это время не выявлено ни одного фальшивого сертификата по ТР ТС.

Необходимо усилить роль государственного регулирования коммерческой деятельности на потребительском рынке России и свести долю теневой экономики к минимуму.

Список литературы

1. Бардов И. А. Понятие контрафактной продукции. URL: http://bardov.legal/st/ponyatie-kontrafaktnyh-tovarov (дата обращения: 08.01.2015).

2. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности. М.: Проспект, 2008. С. 298.

3. Абрамова В. А. Сертификация продукции и услуг: практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-80, 2001. 298 с.

4. Коростелева В. П., Фатхуллина Н. Х., Коростелева Т. В. Качество и безопасность питьевой воды в Республике Татарстан // Управление торговлей: теория, практика,

[4] Данные получены автором по результатам выборки.

инновации: сб. мат-лов III Междунар. науч.-практ. конф., 11 ноября 2010. М.: Российский университет кооперации. 2010. С. 34–37.

5. Коростелева В. П., Матвеева Е. Л., Коростелева Т. В. К вопросу о качестве продуктов питания // Научное обозрение. 2014. № 9. С. 14–17.

6. Коростелева В. П., Матвеева Е. Л. Качество потребительских товаров – главный фактор продовольственной безопасности // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 4. С. 123–126.

7. Елисеева Н. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: учебник / под ред. И. И. Елисеевой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2006. 656 с.: ил.

8. Ефимова М. Р., Петрова Е. В., Румянцев В. Н. Общая теория статистики: учебник. М.: Инфра-М, 1997. 416 с.

9. Справочник по теории вероятностей и математической статистике / В. С. Королюк, Н. И. Портенко, А. В. Скороход, А. Ф. Трубка. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. 640 с.

10. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь / Словарь современной экономической науки. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ABF, 1996. 704 с.

11. Шипшова О. А. Развитие торговли и потребительского рынка России в условиях глобализации экономики. Трансформация тенденций развития рынка товаров и услуг РФ и РТ в условиях ВТО // Экономические науки. 2014. № 3. С. 87–91.

12. Шипшова О. А. Особенности государственного регулирования коммерческой деятельности на потребительском рынке России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Казань: Печать-Сервис XXI век, 2014. 415 с.

13. Балаганина Я. А., Кузьмин М. С., Шипшова О. А. Развитие услуг в современной экономике. Казань: Школа, 2014. 160 с.

14. Стойчева Е. И. Проблема РФ при вступлении в ВТО – контрафактная продукция. URL: http://www.zakonia.ru/analytics/36/544 (дата обращения: 08.01.2015).

В редакцию материал поступил 21.01.15

© Каратаев О. Р., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Каратаев Олег Робиндарович, экономист, Институт развития образования Республики Татарстан
Адрес: 420015, г. Казань, ул. Б. Красная, 68, тел.: (843) 236-62-42
E-mail: robindar.karataev@mail.ru

Как цитировать статью: Каратаев О. Р. Динамика контрафактной алкогольной и табачной продукции на рынке Республики Татарстан // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 123–130.

O. R. KARATAYEV,
Economist
Institute for Education Development of RT, Kazan, Russia

DYNAMICS OF COUNTERFEIT ALCOHOL AND TOBACCO GOODS IN THE TATARSTAN REPUBLIC MARKET

Objective: to identify and assess the share of counterfeit products in the total volume of alcohol and tobacco products in the consumer market of Tatarstan Republic, which will allow the inspection bodies to deal more effectively to prevent the spreading of counterfeit products.

Methods: the research proposed in this paper used methods of probability theory and mathematical statistics and the method of sampling, analysis of certificates for products, in accordance with applicable laws and regulations of Rosstandart.

Results: basing on a sampling of certificates for products directly from retail outlets, analysis of the state alcohol and tobacco consumer market of Tatarstan was carried out. Improper filling of the form of the certificate for products was identified, violating all existing norms and laws, which are strictly prescribed in technical regulations. On the basis of these violations, the validity of certificates for products was assessed and the conclusion was made about the products quality. The share of counterfeit alcohol and tobacco products in the total sales in the consumer market was assessed. The shortcomings of the inspection authorities to detect counterfeit products were identified.

Scientific novelty: the consumer market was researched basing on the method of sampling, using probability theory and mathematical statistics, to estimate the share of counterfeit alcohol and tobacco products in the consumer market of Tatarstan. The error sampling for counterfeit products in the consumer market was defined.

Practical significance: the obtained results will allow the inspection authorities to better and more accurately identify counterfeit goods and to restrict the access of counterfeit alcohol and tobacco products to the consumer market of Tatarstan. It is necessary to strengthen the role of state regulation of commercial activities in the consumer market of Russia to stop the flow of counterfeit alcohol and tobacco products to the consumer market.

Key words: consumer market of Tatarstan; certificate of conformity; falsification; counterfeit products; alcohol; tobacco; sampling; sampling error.

References

1. Bardov, I. A. *Ponyatie kontrafaktnoi produktsii* (Notion of counterfeit goods), available at: http://bardov.legal/st/ponyatie-kontrafaktnyh-tovarov (access date: 08.01.2015).

2. Sudarikov, S. A. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti* (Right for intellectual property). M.: Prospekt, 2008, p. 298.

3.Abramova, V. A. *Sertifikatsiya produktsii i uslug* (Certification of goods and services): prakt. pos. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Os'-80, 2001, 298 p.

4. Korosteleva, V. P., Fatkhullina, N. Kh., Korosteleva, T. V. Kachestvo i bezopasnost' pit'evoi vody v Respublike Tatarstan (Quality and safety of drinking water in Tatarstan Republic) // *Upravlenie torgovlei: teoriya, praktika, innovatsii*: sb. materialov III Mezhdun. nauchno-prakt. konf., 11 noyabrya 2010. M.: Rossiiskii universitet kooperatsii, 2010, pp. 34–37.

5. Korosteleva, V. P., Matveeva, E. L., Korosteleva, T. V. K voprosu o kachestve produktov pitaniya (On the issue of the quality of food products) // *Nauchnoe obozrenie*, 2014, no. 9, pp. 14–17.

6. Korosteleva, V. P., Matveeva, E. L. Kachestvo potrebitel'skikh tovarov – glavnyi faktor prodovol'stvennoi bezopasnosti (Quality of consumer goods – the main factor of food safety) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2014, no. 4, pp. 123–126.

7. Eliseeva, N. I., Yuzbashev, M. M. *Obshchaya teoriya statistiki* (General theory of statistics): uchebnik / pod red. I. I. Eliseevoi. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Finansy i statistika, 2006, 656 p.: il.

8. Efimova, M. R., Petrova, E. V., Rumyantsev, V. N. *Obshchaya teoriya statistiki* (General theory of statistics): uchebnik. M.: Infra-M, 1997, 416 p.

9. *Spravochnik po teorii veroyatnostei i matematicheskoi statistike* (Reference book on the theory of probabilities and mathematical statistics) / V. S. Korolyuk, N. I. Portenko, A. V. Skorokhod , A. F. Trubka. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoi literatury, 1985, 640 p.

10. Lopatnikov, L. I. Ekonomiko-matematicheskii slovar' (Dictionary on Economics and Mathematics) / *Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi nauki*. Izd. 4-e, pererab. i dop. M.: ABF, 1996, 704 p.

11. Shipshova, O. A. Razvitie torgovli i potrebitel'skogo rynka Rossii v usloviyakh globalizatsii ekonomiki. Transformatsiya tendentsii razvitiya rynka tovarov i uslug RF i RT v usloviyakh VTO (Development oftrade and consumer market of Russia under economy globalization. Transformation of trends of goods and services market development in RT and RF under WTO) // *Ekonomicheskie nauki*, 2014, no. 3, pp. 87–91.

12. Shipshova, O. A. *Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya kommercheskoi deyatel'nosti na potrebitel'skom rynke Rossii* (Features of state regulation of commercial activity in the Russian consumer market): mat. Vseros. nauchno-prakt. konf. Kazan': Pechat'-Servis KhKhI vek, 2014, 415 p.

13. Balaganina, Ya. A., Kuz'min, M. S., Shipshova, O. A. *Razvitie uslug v sovremennoi ekonomike* (Development of services in modern economy): monografiya. Kazan': Shkola, 2014, 160 p.

14. Stoicheva, E. I. *Problema RF pri vstuplenii v VTO – kontrafaktnaya produktsiya* (Problem of Russia when joining the WTO – counterfeit goods), available at: http://www.zakonia.ru/analytics/36/544 (access date: 08.01.2015).

Recevied 21.01.15

Information about the author

Karatayev Oleg Robindarovich, economist, Institute for Education Development of Tatarstan Republic
Address: 68 Bolshaya Krasnaya str., 420015, Kazan, tel.: (843) 236-62-42
E-mail: robindar.karataev@mail.ru

For citation: Karatayev O. R. Dynamics of counterfeit alcohol and tobacco goods in the Tatarstan Republic market // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 123–130.

© Karatayev O. R., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 658.3.1
URL: http://hdl.handle.net/11435/2204
Комаров А. В., Брюханов Д. Ю.
С. 131–140.

А. В. КОМАРОВ,
кандидат экономических наук
Государственная академия промышленного менеджмента им. Н. П. Пастухова, г. Ярославль, Россия,
Д. Ю. БРЮХАНОВ,
кандидат экономических наук
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

ВЛИЯНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Цель: анализ компетентностей руководителя и разработка методики принятия решений для эффективного выполнения им разнообразных менеджерских функций, направленных на улучшение деятельности организации.
Методы: общенаучные методы теоретического познания, абстрактно-логический, метод сравнительного анализа.
Результаты: в статье проведено исследование компетентностей руководителей, раскрывающих особенности личности; разведены содержания понятий «компетентность» и «компетенция»; рассмотрены модели управленческих компетентностей организаций из сфер государственного управления и бизнеса некоторых зарубежных стран; сформированы профессиональные, управленческие и личностно-деловые модели компетентностей руководителя.
Научная новизна: построена методика принятия решений руководителем, которая позволяет ранжировать группы компетентностей и формировать критерии и показатели эффективности работы руководителя на различных этапах.
Практическая значимость: основные положения статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, при рассмотрении управленческих компетентностей, предложено использование индивидуальных программ развития руководителя, нацеленных на расширение его управленческого потенциала.

Ключевые слова: уровень профессиональной компетентности; модель управленческих компетентностей; руководитель; принятие решений; организация.

Введение

Квалифицированные человеческие ресурсы всегда были и остаются одним из наиболее важных показателей конкурентоспособности не только компании, но и страны в целом. В современном обществе личность руководителя организации – это один из ключевых факторов повышения эффективности ее деятельности, который предполагает наличие высокой профессиональной компетентности, определенных личностных качеств и ресурсов [1, 2, 3, 4, 5].

С развитием экономики в нашей стране увеличиваются требования к руководителям, в первую очередь к менеджерам высшего звена. Политические и экономические изменения в России, начавшиеся с 90-х гг. XX в., предъявили новые требования к руководителям высшего звена [6, 7]. Теперь он должен был обладать не только деловыми, профессиональными качествами, приемами управления, знаниями и способностями, но и быть смелым в принятии решений, изобретательным, оригинальным в достижении поставленных целей, новатором в быстро меняющихся условиях. Эти требования продолжают формироваться и видоизменяться. Следовательно, потребность и возможность оценки, а в дальнейшем и сертификации руководителя – это один из показателей зрелости российских компаний, эволюционный процесс перехода к профессиональным отношениям с использованием общепризнанных стандартов. Однако часто требования к специальным качествам топ-менеджеров отличаются от должностных инструкций, стандартов и других нормативных документов, и это также оказывает серьезное влияние на экономическое развитие компании [8, 9].

В настоящее время оценка компетенций управленцев в организациях, предприятиях различных отраслей экономики проводится в виде квалификационного экзамена (или аттестации), зачастую, мы можем отметить, формально [10, 11, 12]. В соответствии с этим целью статьи является анализ компетентностей руководителя и разработка методики принятия решений для эффективного выполнения им разнообразных

менеджерских функций, направленных на улучшение деятельности организации.

Сейчас мировая тенденция такова, что исследование профессиональных и личностных компетенций руководителей высшего звена получило новый импульс. На сегодняшний день управленцы – одна из самых высокооплачиваемых и уникальных категорий персонала, поэтому компании заинтересованы в оценке их потенциала, для того чтобы добиться стабильного развития предприятия.

Результаты исследования

Создание и развитие высокоэффективных организаций может стать управляемым процессом, так как организации не становятся эффективными сами по себе: за любыми достижениями всегда стоит кропотливая управленческая деятельность, которая связывает воедино цели, компетентности и сотрудников, и организации.

Понятие «организация» уже само по себе предполагает деятельность, направленную на достижение цели. Поэтому организацию управленческой деятельностью можно представить как деятельность руководителя организации, обеспечивающую эффективное функционирование, управление по различным направлениям деятельности. В свою очередь эффективность работы руководителя зависит от способов реализации принятых решений. Так как деятельность руководителя неразрывно связана с планированием, предваряющим и определяющим все его целенаправленные действия, то любой процесс планирования можно представить в виде комплекса процессов принятия решения. От правильности и своевременности принятия решений руководителем зависит эффективность в управлении, а следовательно, и эффективность деятельности организации. Таким образом, его решение является главным структурным элементом управленческого цикла. Принятие решения с информационной точки зрения – это переработка органом управления (руководителем) всей стекающейся к нему информации, в результате чего формируется распоряжение (приказ), подлежащий исполнению. Решение начальника всегда должно быть обосновано. Это требование относится ко всем решениям: простым и сложным, по важным вопросам и не имеющим большой смысловой нагрузки. Сотрудники организации должны быть убеждены, что все решения руководителя всегда продуманы, ведь в них проявляется основное содержание его личности.

Известны четыре основные разновидности стиля работы руководителя: демократический, или коллегиальный; автократический, или единоличный; свободный, или либеральный; пассивный. Однако эта классификация не всегда отражает суть руководящей работы, показывая в основном либо стиль выработки решений (демократический, автократический), либо принципы организационной работы (свободный, пассивный). Важной задачей руководителей всех уровней управления на практике является овладение неким рациональным стилем, который бы включал в себя все положительные черты, присущие различным видам стиля работы руководителя.

Этот стиль можно назвать и персональным стилем, так как он является результатом профессионального, личностного развития руководителя. Поэтому можно сказать, что персональный стиль включает в себя и личностные качества, и управленческие, и профессиональные. Таким образом, представляется возможным выделить три группы компетентностей, присущих стилю управления организацией руководителя (рис. 1).

Прежде чем перейти к рассмотрению компетентностей, акцентируем внимание читателя на использовании именно слова «компетентность». В последнее время в научной литературе, говоря об управленческих компетентностях, употребляют термины и «компетентность», и «компетенция». По нашему мнению, это разные понятия, у них разное содержание. Так, компетентность включает в себя знания, умения и навыки для выполнения поставленной задачи или же каких-то определенных обязанностей, т. е. это качества, личностные свойства человека. А компетенция – это уже сфера ответственности человека[1]. О разведении этих понятий писали Т. Ю. Базаров и М. А. Ладионенко [13]. Считаем, что соединение этих терминов в одно слово «компетенция» произошло из-за того, что в английском языке оба понятия соответствуют одному слову – *competence* («компетенция, компетентность»).

Формирование модели компетентностей руководителя служит необходимым инструментом организации по управлению человеческим ресурсом. При этом модель управленческих компетенций необходимо выстраивать на основе заданных стандартов, включающих набор требований, которые соответствуют поставленным задачам и качеству данной модели в период ее составления. Для того чтобы сформировать требования к управленческим компетентностям руководителя, необходимо четко понимать определение данной категории.

[1] 1. Круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен. 2. Круг чьих-нибудь полномочий, прав. URL: http://enc-dic.com/ozhegov/Kompetencija-12756/ (дата обращения: 05.08.15).

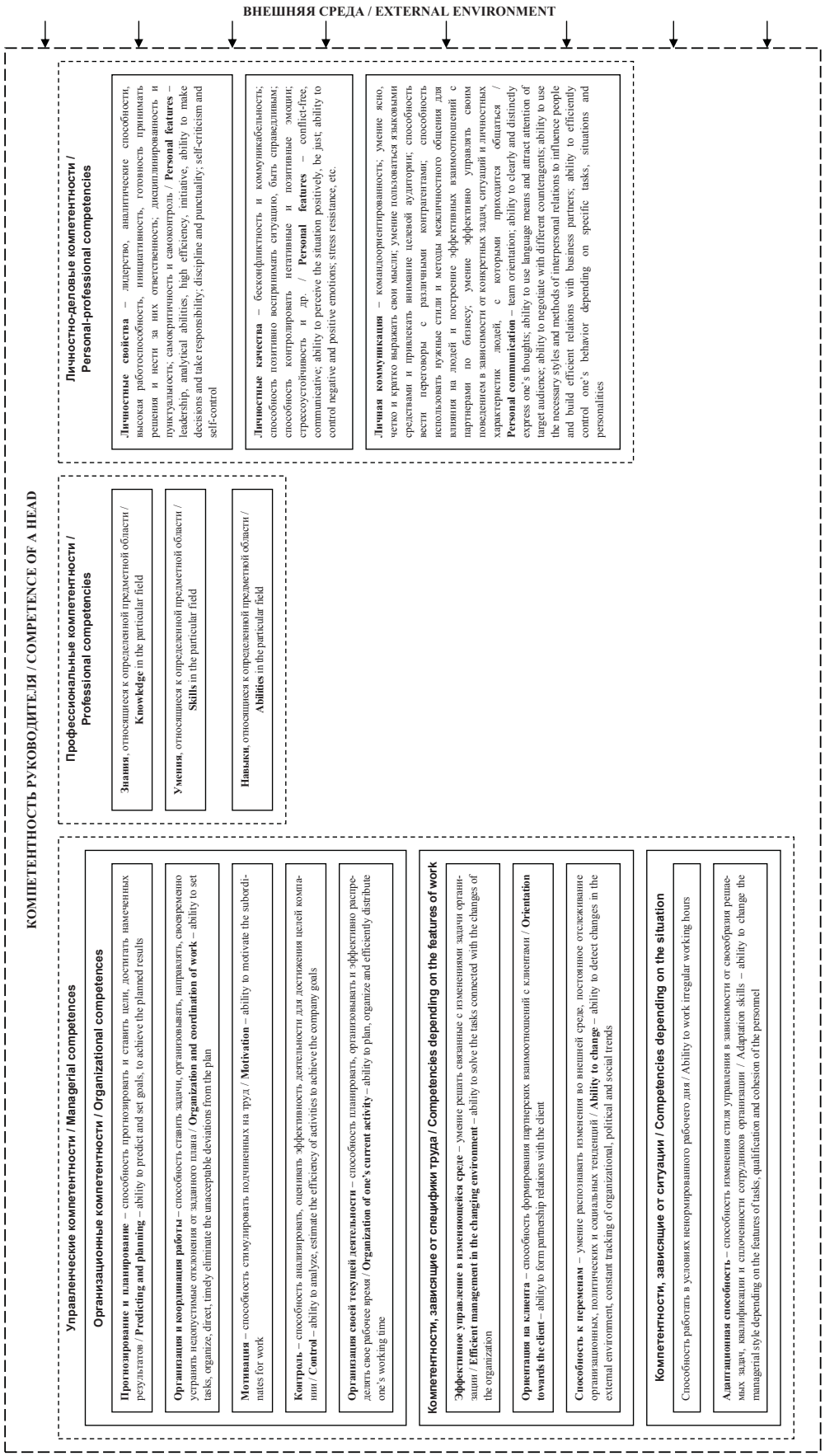


Рис. 1. Модель компетентностей руководителя*

Fig. 1. Model of competencies of a head*

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Управленческая (должностная) компетенция – это набор знаний, умений, практического опыта, навыков и личностно-деловых качеств руководителя, позволяющий ему эффективно решать конкретные задачи для достижения определенных результатов.

В соответствии с этим компетенцией можно называть любую измеряемую характеристику работника, которая позволяет ему быть эффективным / результативным в определенном виде деятельности. А кластер необходимых компетентностей, которые позволяют руководителю эффективно решать поставленные задачи, формирует профессиональную компетентность. Личностно-деловые компетентности – это обобщенные, наиболее устойчивые характеристики личности, оказывающие решающее влияние на управленческую деятельность и зависящие от особенностей характера, структуры личности, ее направленности, опыта, способностей, условий деятельности и др.

Перечисленные на рис. 1 компетентности не перекрывают полное содержание работы руководителя. В некоторых случаях функциональная деятельность руководителя может требовать наличия дополнительных знаний, умений и навыков, связанных со спецификой работы организации или возглавляемого им подразделения, учитывать менталитет народа, особенности компании, содержание должностных обязанностей и др.

Все виды компетентности взаимосвязаны. Именно они обеспечивают становление личности как руководителя. Каждую из компетентностей для своих руководителей должны определять сами компании с учетом конкретных условий работы. Рассмотрим примеры моделей управленческих компетентностей организаций из сфер государственного управления и бизнеса некоторых стран (табл. 1).

Таблица 1

Модели управленческих компетентностей в разных странах*

Table 1. Models of managerial competencies in different countries*

Страна / Country	Модель лидерской компетентности / Model of leadership competency
Органы исполнительской власти (США)[2] / Executive authorities in the USA	– Управление изменениями: постоянное обучение, творчество и инновации, устойчивость, сервис-мотивация, стратегическое мышление, дальновидность / Managing changes: constant education, creativity and innovations, stability, service motivation, strategic thinking, foresight – Управление людьми: управление конфликтами, использование разнообразия, честность, построение команд / Personnel management: conflict management, using variety, honesty, team building – Результативное управление: ответственность, обслуживание клиентов, решительность, предприимчивость, решение проблем, профессиональная убедительность / Effective management: responsibility, client servicing, resolution, initiative, problem solving, professional cogency – Деловая хватка: управление финансами, человеческими ресурсами, технологиями / Business skills: finance management, personnel management, technology management – Создание коалиций / коммуникаций: влияние / ведение переговоров, навыки межличностного общения, устное общение, партнерство, политическая смекалка, письменное общение / Forming coalitions / communications: influencing / conducting negotiations, interpersonal communication skills, partnership, political sawy, written communication
AstraZeneca – международная биофармацевтическая компания (Швеция)[3] / International biopharmaceutical company (Sweden)	– Обеспечение ясности стратегического направления / Providing the clear strategic direction – Выполнение обязательств / Fulfillment of duties – Ориентация на отдачу / Orientation to output – Построение отношений / Building relations – Совершенствование людей / Improving people – Наличие собственного мнения / Own opinion – Развитие самосознания / Developing self-consciousness
Philips – крупный международный концерн, работающий в области электроники, медицинского оборудования и светотехники (Нидерланды)[4] / large international concern in the sphere of electronics, medical equipment and lighting technology (the Netherlands)	– Показывает решимость в достижении отличных результатов / Shows resolution in achieving excellent results – Сфокусирован на рынке / Market focused – Находит наилучшие пути / Finds the best ways – Требует высокой производительности / Demands high productivity – Поощряет приверженность / Encourages commitment – Совершенствует не только себя, но и других / Improves others as well as oneself

[2] Senior Executive Service. URL: http://www.opm.gov/ses/competent.html (дата обращения: 05.08.15).

[3] AstraZeneca Leadership Capabilities. URL: http://www.astrazeneca.co.uk/careers/developingyourself/leadership.asp (дата обращения: 05.08.15).

[4] Philips Leadership Competencies. URL: http://www.ad.chinahr.com/jobads/philips/leadership.asp (дата обращения: 05.08.15).

Продолжение табл. 1

Страна / Country	Модель лидерской компетентности / Model of leadership competency
Shell – нефтегазовая компания (Нидерланды, Великобритания)[5] / Oil and gas company (Netherlands, Great Britain)	– Построение общего видения / Forming the overall vision – Ориентация на точку зрения клиента / Orientation to the client's viewpoint – Максимизация возможности бизнеса / Maximizing the business opportunities – Демонстрация профессионального мастерства / Demonstrating professional skills – Отображение личной эффективности / Reflecting personal efficiency – Демонстрация мужества / Demonstrating courage – Мотивация, тренировка и совершенствование / Motivation, training and improving – Принятие разнообразия / Accepting variety – Обеспечение результатов / Providing results
Государственная служба высшего уровня (Великобритания)[6] / State service of the highest level (Great Britain)	– Видение цели и определение направления / Determining the goal and objective – Работа над созданием персонального влияния / Working at making personal impact – Стратегическое мышление / Strategic thinking – Получение лучшего из людей / Eliciting the best of the people – Обучение и совершенствование / Training and improving – Ориентация на отдачу / Orientation to output

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

По мнению А. Х. Шагиахметовой [14, с. 44], особенно популярна идея оценки управления компанией с позиции компетентностного подхода в Великобритании. Сегодня там двумя наиболее влиятельными моделями являются «Модель инвестиций в человека, лидерство и менеджмент» (IiP) и Национальный профессиональный стандарт руководства и лидерства (NOS). Обе эти модели, как и модели, приведенные в табл. 2, строятся на основе существующих и общепризнанных стандартов, но отличаются большим акцентом на лидерстве.

То, что наибольший вес среди компетентностей имеют личностные качества руководителя, отмечает зарубежный исследователь Д. Гоулдман. Так, в начале 2000-х гг. ученый исследовал более 200 международных компаний и выявил, что наиболее эффективных лидеров отличает высокий уровень эмоционального интеллекта[7]. По его мнению, «без эмоционального интеллекта, ни лучшее в мире образование, ни аналитический ум, ни бесконечный запас остроумных идей, не сделают из посредственного руководителя великого лидера» [15, с. 263–265].

Лидерство как качество руководителя определяет потенциал развития организации. Однако руководство[8] и лидерство[9] не являются тождественными. Важно, чтобы эти два качества объединялись в одном человеке. Именно лидерство позволяет руководителю создать свой собственный стиль управления, свое видение, самостоятельно определять цели, постоянно развивать способности сотрудников и собственные навыки и методы управления.

Руководитель, обладающий такими компетентностями, способен достигать любых поставленных целей, средства, сроки и способы достижения которых он четко себе представляет. Процесс выработки и принятия решений, направленных на улучшение деятельности организации, требует от него мобилизации всех знаний, умений, навыков, нравственных и деловых качеств. Руководитель должен знать принципы взаимодействия менеджеров подразделений и работников внутри компании, совершенствовать командную работу с целью удержания единства и правильности функционирования фирмы [16, с. 202]. Он должен привести к выбору оптимального решения (рис. 2).

---

[5] Shell Leadership Framework. URL: http://www.shell.com (дата обращения: 05.08.15).

[6] Senior Civil Service Competency Framework. URL: http://www.cabinet-office.gov.uk/civilservice/scs/competences.htm (дата обращения: 05.08.15).

[7] В [15, с. 263–265] утверждается, что *наиболее эффективны в своей деятельности люди, которые умело сочетают разум и чувства, рациональное и эмоциональное в своей работе*. Именно люди с высоким эмоциональным интеллектом лучше принимают решения, эффективнее действуют в критических ситуациях и лучше управляют своими подчиненными, что, соответственно, и способствует карьерному их росту.

[8] Значение слова «руководство» по Ефремовой: Руководство – 1. Действие по знач. глаг.: руководить. 2. То, чем руководствуются или следует руководствоваться в какой-л. деятельности. 3. Пособие для изучения чего-л. или для обучения чему-л. 4. Руководящий состав учреждения, организации. URL: http://tolkslovar.ru/r7468.html (дата обращения: 05.08.15).

[9] Лидерство – индивидуальное качество человека, способность к выполнению роли лидера, возглавить группу, партию, движение, эффективно сплачивать сторонников и действовать во имя достижения общих целей. URL: http://www.slovarus.ru/?di=6161 (дата обращения: 05.08.15).

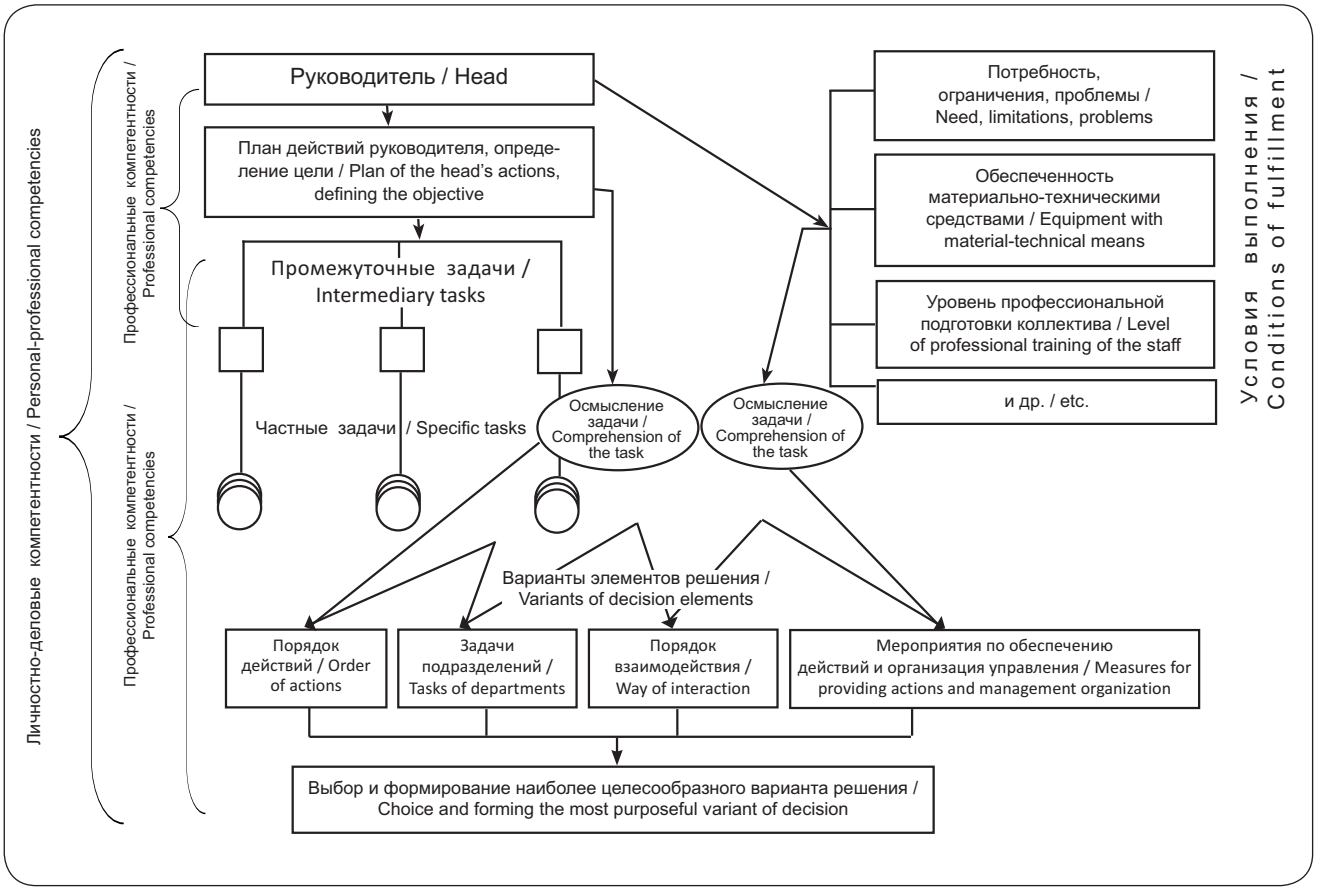


Рис. 2. Методика принятия решения руководителем*
Fig. 2. Methodology of making decisions by a head*

* *Источник:* составлено автором.
* *Source:* compiled by the author.

Условно процесс принятия решения можно разделить на три этапа: 1) осмысление цели / задачи; 2) оценка условий выполнения задачи; 3) принятие решения. Профессиональная компетентность руководителя требуется на первом этапе, управленческая – на этапе выбора вариантов решения задач, а личностно-деловые компетентности используются на всех этапах процесса принятия решения. Эта модель позволяет ранжировать группы компетентностей и формировать критерии и показатели эффективности работы руководителя на различных этапах.

Для оценки профессиональных, управленческих и личных компетентностей руководителей высшего звена используются различные инструменты, такие как тесты, «ассесмент-центр», структурированные интервью, опросники, тренинги, самооценка в виде анкетирования, метод экспертных оценок, деловые игры, метод критических ситуаций и инцидентов и многие другие. Считается, что наиболее точным методом оценки являются структурированные интервью и «ассесмент-центр»[10], который особенно эффективен перед принятием серьезных управленческих решений, при выходе из кризисных ситуаций.

Перед проведением оценки «ассесмент-центр» необходимо определить компетентности руководителя. Для составления требований к компетентностям руководителя предлагаем использовать алгоритм З. М. Дмитриевой [17, с. 184]. С его помощью можно охарактеризовать любую управленческую компетентность руководителя (табл. 2).

[10] Ткаченко С., Жарков А. Как измерить компетенцию о методе оценки персонала «ассесмент-центр». URL: http://www.cfin.ru/press/pmix/2001-3/07.shtml (дата обращения: 05.08.15).

Таблица 2

Управленческая компетентность руководителя «Способность к планированию»*

Table 2. Managerial competence of the head «Ability for planning»*

Компонент / Component	Характеристика / Characteristics
Формальные требования / Formal requirements	Наличие образования, психологическая устойчивость, формальные требования по соответствию должности и др. / Education, psychological stability, formal requirements for professional qualities, etc.
Знания / Knowledge	Наличие знаний стратегического, тактического и инвестиционного планирования, наличие сертификатов повышения квалификации по курсам управления проектами, стоимостного анализа, оценки рисков, сценарного планирования и др. / Knowledge of strategic, tactical and investment planning, certificates of advanced qualification in project management, cost analysis, risk assessment, scenario planning, etc.
Навыки и умения / Skills and abilities	Навыки составления стратегических, тактических, инвестиционных планов, управления рисками, самоорганизации, управления временем. Владение методами SWOT-анализа, сценарного планирования и др. Навыки решения стратегических и тактических задач. Умения работы с информацией. Практика пользования прикладными компьютерными программами / Skills in making strategic, tactical and investment plans, risk management, self-organization, time management. Mastering SWOT-analysis techniques, scenario planning, etc. Skills in working with information. Practice in using applied software
Установки / Guidelines	Понимание необходимости стратегического планирования в бизнесе, готовность следовать ранее поставленным планам и целям, желание развивать компанию / Understanding of the necessity of strategic plans in business, preparedness to follow the plans and objectives, desire to develop the company
Качества / Qualities	Умение предвидеть, системность и объективность мышления, аналитические способности, креативность, внимательность, последовательность / Ability to foresee, systemic and objective thinking, creativity, attention, consistency

* *Источник:* составлено автором на основе [17, с. 184].

* *Source:* compiled by the author based on [17, p. 184].

Таким образом, каждую компетентность можно разложить на эти пять компонентов. Содержание компетентностей должно быть *понятным* (компетентность должна быть доступным образом сформулирована, истолкована одинаково всеми менеджерами, чтобы ее можно было использовать универсально), *наполненным* (перечень компетентностей должен полностью перекрывать все сферы деятельности), *дискретным* (отдельная компетенция должна относиться к определенной функциональной деятельности, которая может быть четко отделена от других деятельностей. Если компетенции перекрываются, будет трудно точно оценивать работу), *четким* (каждая компетенция должна быть четко определена и отнесена к своей сфере деятельности, например, «техническая компетенция» должна быть совершенно конкретной), *реальным* (компетенции должны укреплять организационную / корпоративную культуру и усиливать долгосрочные цели. Если компетенции кажутся слишком абстрактными, они не принесут пользы и не будут приняты руководителем) и *отражать современные тенденции* (структура компетенций должна обновляться и отражать настоящие и будущие (предсказуемые) потребности организации) [18, с. 16].

Каждый руководитель должен сделать свои компетентности объектом управления. Для этого он должен разработать индивидуальную программу своего развития, которая включала бы в себя, например, такие пункты, как: анализ своих сильных и слабых сторон, определение критериев оценки компетентностей, определение четких целей по развитию компетентностей, составление графика мероприятий, определение ресурсов и ведение ежедневного контроля. Таким образом, руководитель будет развивать свои умения и навыки, расширять знания, т. е. будет эффективным руководителем, деятельность которого направлена на улучшение деятельности предприятия.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что эффективное / результативное выполнение разнообразных функций руководителя требует достаточно высокого уровня его компетентности (независимо от сферы его деятельности), многомерного, универсального управленческого потенциала. Очевидно и то, что компетентность руководителя не может быть одинаковой при всех условиях, а зависит от особенностей окружающей среды, в которой руководителю приходится работать. А так как внутренние и внешние условия и среда деятельности организации постоянно подвергаются трансформации, то, следовательно, руководитель должен всегда обладать достаточным уровнем компетентности, чтобы быстро и гибко менять методы и стиль управления.

Основой управления является решение руководителя. И именно овладение искусством принятия решения одно из важных условий становления руководителя.

Серьезное воздействие на эффективность всего процесса управления организацией оказывает стиль работы руководителей. Стремление к совершенствованию стиля работы, постоянному росту, повышению своего мастерства – как личного, так и подчиненных – должно стать правилом каждого руководителя. Ведь то, что было хорошо вчера, сегодня может уже не отвечать изменившимся задачам в новых условиях. Чтобы идти дальше, руководителю необходимо систематически повышать знания, профессиональные навыки, чувство ответственности за выполняемую работу, культурный уровень, эрудицию.

Список литературы

1. Абчук В. А. Менеджмент: учебник. СПб.: Союз, 2012. 463 с.

2. Российское образование: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, 2010. URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/220207m.htm (дата обращения: 09.10.15).

3. Вудраф Ч. Центры развития и оценки. М.: HIPPO, 2005. 374 с.

4. Кунц Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / под ред. Д. М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1981. 250 с.

5. Vorontsova L., Ismagilova G., Kramin T., Timiryasova A. Elaborating an Innovative Model of Educational Process Management, Designed for Adaptation to the Changes in External Institutional Environment // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. No. 1S3. P. 179.

6. Sabirianova K. Z. The great human capital reallocation: A study of occupational mobility in transitional Russia // Journal of Comparative economics. 2002. Vol. 30. No. 1. Pp. 191–217.

7. Fan C. S., Overland J., Spagat M. Human capital, growth, and inequality in Russia // Journal of Comparative Economics, 1999. Vol. 27. No. 4. Pp. 618–643.

8. Liliane V. Management development: subjects and levels // Management Training in High-Tech and R&D. 1997. P. 165.

9. Herd A. M., Alagaraja M., Cumberland D. M. Assessing global leadership competencies: the critical role of assessment centre methodology // Human Resource Development International. 2015. Pp. 1–17.

10. Esteban-Lloret N. N., Aragón-Sánchez A., Carrasco-Hernández A. Institutional and competitive drivers on managers' training and organizational outcomes // BRQ Business Research Quarterly. 2014. Vol. 17. No. 4. Pp. 242–258.

11. Bevan D., Kipka C., Minina V., Nikitina I. Intellectual competition as technology for professional training of managers: GSOM experience // Journal of Management Development. 2012. Vol. 31. No. 3. Pp. 263–274.

12. Wood S., de Menezes L. M. Comparing perspectives on high involvement management and organizational performance across the British economy // The International Journal of Human Resource Management. 2008. Vol. 19. No. 4. Pp. 639–683.

13. Базаров Т. Ю., Ладионенко М. А. Методика создания модели компетентностей // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 61–77.

14. Шагиахметова А. Х. Лидерство: теория, практика и международные стандарты. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. 188 с.

15. Гоулдман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 304 с.

16. Камалетдинова А. Б. Управленческие компетенции руководителя как фактор создания конкурентного преимущества организации // Психологическая наука и образование. 2013. С. 202.

17. Дмитриева З. М. Руководство сотрудниками и компанией // Экономика и предпринимательство. 2014. Т. 8. С. 184–196.

18. Развитие управленческого потенциала. Модуль I: учебно-практ. пособие / В. В. Травин, М. И. Магура, М. Б. Курбатова. Модульная программа «Руководитель XXI века». М.: ИД Дело РАНХиГС, 2014. 102 с.

19. Морозова Е. Н. Тренинг развития ресурсов руководителя. СПб.: Евразия, 2010. С. 77–105.

20. Vorontsova L., Safiullin L., Kramin M., Grigoryev R. Testing the Model of Information System of Innovative Management in Education // Mediterranean Journal of Social Sciences, 2015. Vol. 6. No. 1S3. P. 91.

В редакцию материал поступил 08.10.15

© Комаров А. В., Брюханов Д. Ю., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Комаров Александр Владимирович, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой управления персоналом, Государственная академия промышленного менеджмента им. Н. П. Пастухова

Адрес: 150040, г. Ярославль, ул. Республиканская, 42/24, тел.: (4852) 37-03-67

E-mail: komarov@gapm.ru

Брюханов Дмитрий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и предпринимательства, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Советская, 14, тел.: (4852) 79-77-84

E-mail: bruch@uniyar.ac.ru

Как цитировать статью: Комаров А. В., Брюханов Д. Ю. Влияние компетентностей руководителя на эффективность деятельности организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 131–140.

A. V. KOMAROV,
PhD (Economics)
State Academy of Industrial Management named after N. P. Pastukhov, Yaroslavl, Russia,
D. YU. BRYUKHANOV,
PhD (Economics)
Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

INFLUENCE OF THE HEAD'S COMPETENCES ON THE EFFICIENCY OF ORGANIZATION'S FUNCTIONING

Objective: to analyze competences of a head and develop a methodology of decision making for the effective performance of various managerial functions, aimed at improving the activities of the organization.

Methods: general scientific methods of theoretical cognition, abstract-logical, method of comparative analysis.

Results: the competencies of managers are studied, revealing personality traits; the concepts «competence» and «capability» are defined; models of managerial competencies in public administration and business organizations in some foreign countries are considered; professional, managerial and personal-professional models of competencies of a head are formed.

Scientific novelty: the methodology of decision making by the head is formed, which allows to rate the groups of competences and to form criteria and indicators of the head performance at various stages.

Practical significance: the main provisions of the article can be used in scientific and pedagogical activity, when considering managerial competence; the use of individual development programs of a head is proposed, focused on strengthening their managerial potential.

Key words: level of professional competence; model of managerial competencies; head; decision making; organization.

References

1. Abchuk, V. A. *Menedzhment* (Management): uchebnik. SPb: Soyuz, 2012, 463 p.

2. *Rossiiskoe obrazovanie: Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego professional'nogo obrazovaniya* (Russian education: Federal state educational standard of the higher professional education), 2010. Available at: http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/220207m.htm (access date: 09.10.2015).

3. Vudraf, Ch. *Tsentry razvitiya i otsenki* (Development and assessment centers). M.: HIPPO, 2005, 374 p.

4. Kunts, G., O'Donnel, S. *Upravlenie: sistemnyi i situatsionnyi analiz upravlencheskikh funktsii* (Management: systemic and situational analysis of managerial functions) / pod red. D. M. Gvishiani. M.: Progress, 1981, 250 p.

5. Elaborating an Innovative Model of Educational Process Management, Designed for Adaptation to the Changes in External Institutional Environment / L. Vorontsova, G. Ismagilova, T. Kramin, A. Timiryasova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 1S3, p. 179.

6. Sabirianova, K. Z. The great human capital reallocation: A study of occupational mobility in transitional Russia // *Journal of Comparative economics*, 2002, vol. 30, no. 1, pp. 191–217.

7. Fan, C. S., Overland, J., Spagat, M. Human capital, growth, and inequality in Russia // *Journal of Comparative Economics*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 618–643.

8. Liliane, V. Management development: subjects and levels // *Management Training in High-Tech and R&D*, 1997, p. 165.

9. Herd, A. M., Alagaraja, M., Cumberland, D. M. Assessing global leadership competencies: the critical role of assessment centre methodology // *Human Resource Development International*, 2015, pp. 1–17.

10. Esteban-Lloret, N. N., Aragón-Sánchez, A., Carrasco-Hernández, A. Institutional and competitive drivers on managers' training and organizational outcomes // *BRQ Business Research Quarterly*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 242–258.

11. Bevan, D., Kipka, C., Minina, V., Nikitina, I. Intellectual competition as technology for professional training of managers: GSOM experience // *Journal of Management Development*, 2012, vol. 31, no. 3, pp. 263–274.

12. Wood, S., de Menezes, L. M. Comparing perspectives on high involvement management and organizational performance across the British economy // *The International Journal of Human Resource Management*, 2008, vol. 19, no. 4, pp. 639–683.

13. Bazarov, T. Yu., Ladionenko, M. A. Metodika sozdaniya modeli kompetentnostei (Methodology of forming the model of competences) // *Organizatsionnaya psikhologiya,* 2013, vol. 3, no. 3, pp. 61–77.

14. Shagiakhmetova, A. Kh. *Liderstvo: teoriya, praktika i mezhdunarodnye standarty* (Leadership: theory, practice and international standards). Kazan': Izd-vo «Poznanie» Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2013, 188 p.

15. Gouldman, D., Boyatsis, R., Makki, E. *Emotsional'noe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta* (Emotional leadership. Art of managing people on the basis of emotional intellect). M.: Al'pina Biznes Buks, 2005, 304 p.

16. Kamaletdinova, A. B. Upravlencheskie kompetentsii rukovoditelya kak faktor sozdaniya konkurentnogo preimushchestva organizatsii (Managerial competences of the head as a factor of creating competitive advantage of an organization) // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie,* 2013, p. 202.

17. Dmitrieva, Z. M. Rukovodstvo sotrudnikami i kompaniei (Managing personnel and the company) // *Ekonomika i predprinimatel'stvo,* 2014, vol. 8, pp. 184–196.

18. Razvitie upravlencheskogo potentsiala. Modul' I (Development of the managerial potential. Module 1): uchebno-prakt. posobie / V. V. Travin, M. I. Magura, M. B. Kurbatova. *Modul'naya programma «Rukovoditel' XXI veka»*. M.: ID Delo RANKhiGS, 2014, 102 p.

19. Morozova, E. N. *Trening razvitiya resursov rukovoditelya* (Training of the head's resources development). SPb.: Evraziya, 2010, pp. 77–105.

20. Vorontsova, L., Safiullin, L., Kramin, M., Grigoryev, R. Testing the Model of Information System of Innovative Management in Education // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 1S3, p. 91.

Received 08.10.15

Information about the authors

Komarov Aleksandr Vladimirovich, PhD (Economics), Head of the Chair of Personnel Management, State Academy of Industrial Management named after N. P. Pastukhov

Address: 42/24 Respublikanskaya Str., 150040, Yaroslavl, tel.: (4852) 37-03-67

E-mail: komarov@gapm.ru

Bryukhanov Dmitriy Yuryevich, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Management and Entrepreneurship, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

Address: 14 Sovetskaya Str., 150000, Yaroslavl, tel.: (4852) 79-77-84

E-mail: bruch@uniyar.ac.ru

For citation: Komarov A. V., Bryukhanov D. Yu. Influence of the head's competences on the efficiency of organization's functioning // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 131–140.

© Komarov A. V., Bryukhanov D. Yu., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Отраслевые и региональные аспекты вступления России во Всемирную торговую организацию / Л. В. Воронцова, А. М. Галиахметова, К. А. Григорян и др.; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 180 с.

В представленной монографии рассмотрены региональные и отраслевые аспекты вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО), даны альтернативные подходы к отраслевому анализу последствий вступления. Проанализированы существующие и определены вновь возникающие факторы конкурентоспособности российских регионов. В работе показана важность целенаправленных и системных институциональных преобразований в целях подготовки России к конкуренции в новых условиях.

Будет интересна для широкого круга читателей – как представителей бизнеса, желающих сориентироваться в новых конкурентных условиях, так и для ученых и специалистов, занимающихся исследованием последствий вступления России в ВТО и разработкой различных сценариев развития российской экономики.

УДК 332.12:338.24:330.332 (470.41)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2205

Крамин Т. В., Леонов В. А., Григорьев Р. А.
С. 141–150.

Т. В. КРАМИН,
доктор экономических наук, профессор
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,
В. А. ЛЕОНОВ,
кандидат экономических наук, министр по делам молодежи и спорту Республики Татарстан
Министерство по делам молодежи и спорту Республики Татарстан, г. Казань, Россия,
Р. А. ГРИГОРЬЕВ,
доктор философии в области экономики
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА ПОСРЕДСТВОМ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ И РЕАЛИЗАЦИИ КРУПНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ[1]

Цель: определение направлений повышения инновационного потенциала региона посредством развития инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и реализации крупных инвестиционных проектов на примере Республики Татарстан.
Методы: методика проект-менеджмента, институциональный подход.
Результаты: доказано, что основными масштабными направлениями развития инновационного потенциала Республики Татарстан в результате подготовки и проведения универсиады 2013 г. в Казани являются: управление знаниями, информационные технологии, управление рисками. Показано, что в рамках рассмотренных инновационных направлений сформирована целостная система компетенций работников и менеджеров в сфере образования, торговли, индустрии гостеприимства и сервиса.
Научная новизна: определены ключевые направления повышения инновационного потенциала региона посредством развития инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и реализации крупных инвестиционных проектов на примере проекта Всемирной летней универсиады в Казани в 2013 г.
Практическая значимость: на основе конкретных примеров показан практико-ориентированный механизм развития инновационного потенциала региона в результате реализации крупных инвестиционных проектов.

Ключевые слова: региональная экономика; инновационный потенциал региона; универсиада; инвестиционная привлекательность региона; управление знаниями; управление рисками; информационные технологии.

Введение

Подготовка и реализация крупных инвестиционных проектов в спорте в большинстве случаев требует использования новых подходов и технологий [1, 2, с. XIV]. Вместе с тем дополнительной целью реализации крупных спортивных проектов является эффективное использование инфраструктуры в будущем и ее органичная интеграция в функционирование города и региона [3, 4]. Очевидно также, что данная задача не является тривиальной, и исследования постэффективности [5, 6, 7, 8, 9] крупных спортивных событий показывают, что организаторам не всегда удается совместить большие инвестиционные затраты с последующей эффективностью инфраструктуры в регионе [10].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, в рамках исследовательского проекта № 13-02-00446а.

Примером эффективной реализации крупного спортивного мероприятия является проект XXVII Всемирной летней универсиады в Казани в 2013 г. (далее – универсиада) [11]. Проект ее подготовки был комплексно использован для роста инновационного и кадрового потенциала Республики Татарстан [12, 13, 14]. Цель настоящей работы – определение направлений повышения инновационного потенциала региона посредством развития инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и реализации крупных инвестиционных проектов на примере универсиады.

Результаты исследования

Универсиада – одно из самых крупных спортивных мероприятий международного масштаба как для Казани, так и для России в целом. Компетенции, развитые ранее в Республике Татарстан, были недостаточны для решения всех поставленных задач. Высокий уровень организации и проведения Игр 2013 г. обеспечило использование современных технологий, а также формирование новой профессиональной команды, способной ими эффективно распорядиться.

Безусловно, процесс подготовки универсиады стал уникальной площадкой создания и внедрения инноваций. В рамках подготовки и проведения Игр сформировано новое поколение инноваторов, обладающих компетенциями международного уровня.

Задача организаторов универсиады: максимальное распространение создаваемых инновационных технологий, организация программы стажировок молодых специалистов в технологических центрах подготовки универсиады, формирование и закрепление новых общественных институтов и институтов корпоративного управления – с успехом выполнена.

Решение указанной амбициозной задачи стало возможно благодаря консолидации усилий всего общества, кооперации многих организаций, населения, республиканских и местных властей. Большая роль была отведена учебным учреждениям. Республика Татарстан прошла уже большой путь по направлению к указанной цели. Ряд вузов Татарстана стали официальными партнерами универсиады, взяв на себя функции подготовки кадров. Отметим, что подготовке кадров уделяется достаточно большое внимание на универсиадах [15, 16, 17, 18].

В Татарстане создан научно-образовательный кластер торговли, индустрии гостеприимства, сервиса и услуг. Якорными образовательными учреждениями указанного кластера, одним из которых является Институт экономики, управления и права, уже многое сделано. В частности, институтом открыты новые специальности в спортивной сфере. Это «спортивный менеджмент», «спортивный туризм», «спортивная психология». Дальновидность руководства института состоит в том, что они смотрят на проблему комплексно, не только учитывают опыт проведения предыдущих крупных спортивных мероприятий, но и заглядывают в будущее. Так, важным уроком Олимпиады в Пекине является успех китайской сборной в результате использования ее наставниками новейших технологий подготовки спортсменов: это психологическая подготовка, инновации в питании спортсменов. Институт экономики, управления и права на базе факультета технологий общественного питания начал подготовку специалистов в сфере спортивного питания. Этот процесс реализуется на основе глубокого научного подхода, с учетом последних достижений в этой сфере. Специалисты такого профиля были особенно востребованы во время универсиады. Высокое качество специализированного питания оказало благоприятное воздействие на спортивные результаты участников летних Игр 2013 г., внесло значительный вклад в формирование благоприятного имиджа Татарстана, дополнительно привлекло туристов в республику. Суммарный поток туристов по итогам 2013 г. составил более 2,15 млн туристов [19], что значительно превысило прогнозные оценки [20]. Кроме того, в 2014 г. прирост общего турпотока составил 16 % [21].

Универсиада – во многом уникальное событие по своим масштабам и функциональной нагрузке. Создана мощная инфраструктура, многие ее объекты уникальны даже на национальном уровне – например, стадион на 45 000 мест, ресторан на несколько тысяч человек. Существующие в республике на момент начала подготовки к универсиаде компетенции были недостаточны для слаженного, оперативного управления этой инфраструктурой. Кроме того, необходимо было обеспечить условия, при которых спортивные объекты могли бы продолжить свое функционирование и после ее завершения. Поэтому потребовалась подготовка современных квалифицированных менеджеров, способных не только обслуживать уже приехавших гостей и вести текущую хозяйственную деятельность, но и обеспечить их устойчивое успешное долгосрочное развитие в жестких рыночных условиях постоянно растущей конкуренции на рынке туристических услуг. Они должны были научиться коммерциализировать деятельность объектов универсиады, снимая их с бюджетных дотаций.

Таким образом, это спортивное событие явилось мощным стимулом развития инновационного и кадрового потенциала принимающего региона.

В процессе подготовки универсиады был использован кластерный подход. Он, в частности, создал хорошие перспективы подготовки квалифицированных высоковостребованных кадров, способных удовлетворить любые запросы работодателей. Эта работа также потребовала создания и внедрения многих инновационных схем и подходов. Среди основных масштабных инновационных направлений следует выделить: управление знаниями, информационные технологии, управление рисками.

Управление знаниями включает приобретение, создание, накопление, анализ и распространение ценных знаний (интеллектуальных активов), полученных во время подготовки и проведения Игр, в том числе посредством организации и проведения дебрифингов, научно-образовательных конференций, семинаров, программ «Обозреватель» и других мероприятий.

В этом отношении важно было разработать и внедрить процессы и механизмы управления знаниями, которые обеспечат организационные комитеты Игр точной и оперативной информацией для эффективной организации работы в процессе подготовки и проведения универсиады и формирования ее наследия.

Управление знаниями – процесс создания организационных, коммуникационных и технологических условий для получения необходимой информации, знаний и опыта от предшествующих оргкомитетов Игр соответствующими функциями в максимально короткий срок в целях выполнения стратегических и тактических задач, сокращения рисков на всех этапах проведения Игр.

Управление знаниями способствует воплощению видения исполнительной дирекции, формируя и поддерживая среду эффективного и рационального создания, организации, доступа, использования и защиты важных для выполнения миссии информации и знаний; способствует процессу совершенствования организационной эффективности и улучшения результативности работы в условиях ограниченности ресурсов путем максимального использования знаний, информации, опыта и экспертизы в целях принятия обоснованных решений.

В процессе исследования определены основные направления в рамках функциональной сферы управления знаниями:

1. Управление информацией направлено на стратегические информационные потребности исполнительной дирекции. В рамках управления информацией производится координация систем, процессов и структур создания и использования корпоративной информации:

Разработка и внедрение процесса эффективного управления информацией и средств, которые позволяют функциям и партнерам обмениваться информацией и получать доступ к нужной информации в нужное время для принятия своевременных и эффективных решений.

– Формирование базы данных по функциональным направлениям, организация оперативного обновления данного ресурса для поиска информации.

– Предоставление консультаций по управлению информацией для других бизнес-систем.

– Идентификация документов и владельцев информации для поддержания информационных потоков. Координация, сохранение и распространение ключевых данных и терминологии.

2. Функционирование ресурсного центра и аналитические услуги направлены на представление знаний в виде документов, баз данных, программного обеспечения и т. д., включая каталогизацию и циркулирование публикаций, мультимедийных средств и электронных материалов, разработку плана по сбору материалов ресурсного центра, включая коммуникационный план, который показывает выгоды использования централизованных библиотечных сервисов.

3. Управление материалами и архивами направлено на воплощение знаний в процессах, продуктах и услугах. Электронный документ и система управления материалами – система на основе технологий для управления созданием, обслуживанием и хранением электронных документов и материалов, включая материалы по использованию торговых знаков «Казань 2013», по оценке ценности интеллектуальных активов и влияния управления знаниями на результаты бизнеса.

4. Обеспечение доступа к ценным знаниям за пределами организации включает работу с Международной федерацией студенческого спорта (FISU) для определения требований по передаче знаний, а также программы управления знаниями, образовательную программу «Обозреватель» и систему дебрифинга.

5. Концентрация ценных знаний для решения нестандартных, в том числе и инновационных, задач включает технологии распространения ценных знаний среди сотрудников исполнительной дирекции и их передачи новым сотрудникам; развитие культуры и создание организационных возможностей для получения, накопления и передачи знаний с ис-

пользованием образовательных, дистанционных и интернет-технологий.

6. Координация программы FISU по передаче знаний.

Дирекция Универсиады «Казань 2013» инициировала создание комплексной программы Всемирных студенческих игр по управлению знаниями с целью сбора знаний, опыта предыдущих организаторов Игр и передачи его будущим организаторам. Эта программа включает в себя услуги и экспертизу и направлена на повышение информации и знаний, имеющихся в «Казани 2013» для поддержки и обеспечения проведения Игр на всех этапах жизненного цикла. В свою очередь, дирекция «Казань 2013» также приняла участие и внесла вклад в эту программу в интересах будущих Игр.

7. Поддержка атмосферы передачи знаний – обеспечение развития и поддержания в корпоративной среде инновационных знаний, опыта и обмена идеями и изменение культуры путем содействия обмену знаниями, основываясь на ключевых ценностях «Казани 2013», определяя лидеров по передаче знаний во всех функциональных направлениях.

Таким образом, в рамках развития направления «Управление знаниями» обеспечиваются коммуникации дирекции Универсиады и всех заинтересованных лиц по обмену знаниями, формируются институты сотрудничества и компетенции командной работы.

Эффективная работа в представленных выше сферах позволила разработать и внедрить процессы и механизмы управления знаниями, которые обеспечили исполнительную дирекцию точной и своевременной информацией для эффективной организации работы в процессе подготовки и проведения Универсиады и сохранения наследия.

Таким образом, стратегическими целями в этой сфере являются следующие:

– осуществление эффективного управления знаниями, которое будет отвечать требованиям FISU и обеспечит высокий уровень обслуживания для всех групп клиентов Игр;

– организация, распространение и защита информации и знаний для немедленного и будущего использования;

– содействие процессу принятия обоснованных решений, обучения и непрерывного улучшения;

– реализация программ управления знаниями с участием функциональных ответственных лиц;

– извлечение практических уроков в целях формирования инновационной обучающейся организации;

– реализация стратегии универсиады для принятия обоснованных решений об эффективном инвестировании ограниченных ресурсов;

– накопление опыта и развитие ключевых организационных компетенций дирекции «Казань 2013», а также экспертных квалификаций для обеспечения наследия Игр;

– развитие, поощрение, поддержка и содействие развитию корпоративной культуры, основанной на взаимном доверии, обмене знаниями и стимулировании творческих идей и сотрудничестве;

– координация взаимодействия с FISU по поиску и передаче знаний;

– создание и обслуживание информационных архивов.

Ключевыми факторами успеха в этой сфере определены следующие:

– основанная на знаниях организация, использующая инновационные практики организации Игр;

– эффективное сотрудничество с FISU и другими организационными комитетами Игр;

– внедрение информационной системы, которая отвечает требованиям управления знаниями;

– сильная команда профессионалов;

– анализ и использование при планировании опыта ключевых клиентов и партнеров, их ожиданий и требований;

– адекватное восприятие политики и процедур по обмену информацией и знаниями;

– преодоление языкового барьера персоналом Игр и партнерами;

– преодоление разрыва между текущими и требуемыми знаниями;

– реализация четко определенных и эффективных внутренних и внешних связей, включая взаимодействие со стейкхолдерами универсиады;

– корпоративная культура, где обмен знаниями и «организационное обучение» признаны высшим руководством, поддерживаются и стимулируются.

Таким образом, в рамках подготовки универсиады, в частности первого из указанных выше направлений инновационного организационного развития, значительно возрос инновационный потенциал региона – расширились компетенции управления знаниями как дирекции универсиады, так всех ее партнеров, участвующих в подготовке Игр.

Развитие информационных технологий подразумевает все технологические аспекты, требуемые для проведения Игр: компьютерный сервис, телекоммуникации, информационные заявки и аппаратуру. Кроме

того, развитие информационных технологий включает аппаратное обеспечение, программное обеспечение, зоны поддержки и сервисы, требуемые для функционирования системы обработки данных, результатов, подсчета времени, телекоммуникации, коммуникации на объектах, аппаратные комнаты.

Таким образом, в результате эффективного управления информационными технологиями были обеспечены высококачественное и бесперебойное представление и работа инфокоммуникационных систем, сервисов, приложений, необходимых для проведения универсиады, и поддержка других подразделений и служб в этой сфере. Результаты этой работы – повышение уровня эффективности управления информационными ресурсами организаций Республики Татарстан на региональном (а в ряде случаев на международном) уровне. Формирование таких компетенций повышает эффективность татарстанских организаций, их конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. Следовательно, возрастает инвестиционная привлекательность региона в целом.

Управление рисками определяет возможные риски во время проведения Игр, что, в свою очередь, требует разработки стратегий, призванных минимизировать данные риски.

В рамках данной функции осуществляется системное управление рисками в период подготовки и проведения Игр, включая оценку рисков, разработку комплекса мероприятий по минимизации рисков, управление инцидентами во время подготовки и проведения Игр. Во время подготовки мероприятия необходимо произвести всесторонний анализ совокупности имеющихся рисков, обеспечить их идентификацию, оценку и выработку механизмов контроля.

В рамках указанной функции предполагается несколько видов управления рисками, составленных с учетом интеграции с прочими функциональными областями: операционное управление рисками – включает разработку плана управления безопасностью на объектах и порядок действий на случай чрезвычайных обстоятельств (план специфических объектов и расширенный план на случай чрезвычайных обстоятельств). Предполагается проанализировать финансовые риски, риски, связанные с валютой, с обеспечением прав собственности и др., разработать комплексную программу страхования, охватывающую все необходимые мероприятия в соответствии с требованиями FISU. Алгоритм управления рисками включает:

1. Планирование управления рисками – выбор подходов и планирование деятельности по управлению рисками проектов, связанных с организацией и проведением Игр.

2. Идентификация рисков – определение рисков, способных повлиять на проекты, и документирование их характеристик.

3. Качественная оценка рисков – качественный анализ рисков и условий их возникновения с целью определения их влияния на успех определенного проекта.

4. Количественная оценка – количественный анализ вероятности возникновения и влияния последствий рисков на определенный проект.

5. Планирование реагирования на риски – определение процедур и методов по ослаблению отрицательных последствий рисковых событий и использованию возможных преимуществ.

6. Анализ рынка страховых услуг и выбор страховой организации, удовлетворяющей установленным требованиям.

7. Заключение договоров страхования гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам по любым причинам, связанным с планированием, организацией и подготовкой Игр.

8. Страхование участников Игр на время пребывания в Казани от рисков причинения вреда жизни или здоровью в результате наступления несчастного случая или болезни, предусматривающее репатриацию пострадавшего.

9. Страхование от других рисков, связанных с Играми, в отношении которых был проведен анализ рисков и выявлена необходимость проведения страхования.

10. Мониторинг и контроль рисков – мониторинг, определение остающихся рисков, выполнение плана управления рисками по проектам и оценка эффективности действий по их минимизации.

В результате реализации вышеуказанного алгоритма планируется сформировать систему управления рисками, обеспечивающую реализацию процессов идентификации, анализа рисков и принятия решений, направленных на максимизацию положительных и минимизацию отрицательных последствий наступления рисковых событий в период подготовки и проведения Игр, и достичь следующих целей:

– увеличение вероятности успешной реализации проектов, связанных с организацией и проведением Игр, путем снижения степени воздействия рисков до приемлемого уровня, включая проведение работ по

технике безопасности и планирование чрезвычайных обстоятельств (как на территории отдельных объектов, так и в масштабах всего комплекса мероприятий универсиады);

– определение в соответствии с требованиями FISU необходимого страхования ущерба и ответственности;

– подготовка на основании оценки рисков комплексной программы страхования, охватывающей все необходимые сферы деятельности согласно требованиям FISU;

– взаимодействие со службой закупок с целью определения требования по страхованию для поставщиков разных уровней, основанных на риске, связанном с товарами или услугами, предоставляемыми исполнительной дирекции;

– работа со всеми объектами с целью утверждения плана безопасности, который минимизирует потенциальные угрозы зрителям и технический ущерб;

– определение общего плана безопасности зрителей, персонала на объектах и имущества;

– обзор всех контрактов и правильное распределение возможных рисков между поставщиками и исполнительной дирекцией (при необходимости обеспечение оформления поставщиком собственной страховки).

Таким образом, в рамках вышеуказанного направления создаются и распространяются организационные компетенции управления рисками, создаются предпосылки развития систем риск-менеджмента республиканских организаций. Этот факт обеспечивает снижение инвестиционных рисков региона и рост его инвестиционной привлекательности.

В результате реализации вышепоставленных целей в рамках рассмотренных инновационных направлений сформирована целостная система компетенций работников и менеджеров в сфере торговли, индустрии гостеприимства и сервиса.

В дальнейшем будет необходимо передать сформированные компетенции максимальному числу студентов, аспирантов, работников указанных специальностей.

Менеджерам и администраторам следует передать, а затем и развить способности самостоятельного обучения, обучения на основе практической работы (learning by doing), умение работать в новых неизвестных условиях; способности работать и обучаться в команде. Также они должны будут научиться эффективно работать и взаимодействовать в многонациональной среде, в том числе использовать знания английского и других иностранных языков в общении с представителями разных стран.

Преподаватели и академические работники должны овладеть интерактивными формами обучения, научиться развивать образовательные стандарты в области деятельности кластера (и не только) за счет выявления новых компетенций, определяемых современной практикой. Более того, они приобретут навыки формирования учебных программ и программ стажировок, приобщающих их участников к международным стандартам качества предоставления услуг.

В рамках активной работы кластера работодатели смогут получить навыки формирования «обучающейся» организации, совершенствования внутрикорпоративных стандартов качества предоставления услуг и повышения профессионализма персонала. Актуальными для них будут навыки операционного управления рисками, включая разработку плана управления безопасностью на объектах и планирование на случай чрезвычайных обстоятельств.

Используя инновационные методы в своей работе, организации – участники кластера обеспечат ключевые факторы успеха в подготовке к международным спортивным студенческим мероприятиям, к которым относятся:

– эффективное сотрудничество с организационными комитетами Игр, а также с другими участниками научно-образовательного кластера;

– внедрение информационной системы, которая отвечает требованиям управления знаниями;

– следование самым современным тенденциям и стандартам в мире инфокоммуникационных технологий;

– эффективная стратегия управления рисками, обеспечивающая высокую степень защищенности от нежелательных событий.

Выводы

Успешное внедрение инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и проведения XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г. стало возможно в результате формирования сильной высокопрофессиональной команды, способной оперативно и качественно решать любые возложенные на нее задачи.

Универсиада 2013 г. приняла более 13 500 участников и членов официальных делегаций, более 1 500 представителей средств массовой информации; было привлечено и подготовлено более 20 000 волонтеров, включая иностранцев, 3 260 водителей и

транспортного персонала, размещено порядка 20 000 иногородних сотрудников спецслужб, и организована их работа.

Мероприятие столь масштабного уровня привлекло внимание многочисленной армии туристов из регионов России и зарубежных стран, по оценкам экспертов, их количество достигло 50 000 человек. Безусловно, это потребовало значительного совершенствования оказываемых услуг в гостиничной, туристической и прочих сферах. Процесс подготовки к универсиаде создал хорошую почву для формирования высококвалифицированных кадров в различных отраслях экономики.

Подготовленные к универсиаде кадры – это высокопрофессиональные специалисты. Их знания и компетенции были особо востребованы в период Игр. В дальнейшем они также будут использованы при реализации крупных проектов в Республике Татарстан. Следовательно, универсиада обеспечила прирост человеческого (кадрового, интеллектуального) потенциала республики, а значит, рост ее международной конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности.

Созданные в рамках подготовки и проведения универсиады в Казани инфраструктура и интеллектуальный капитал стали высоковостребованными. Так, многие организационные процессы, отработанные в Казани в 2013 г., были использованы при проведении зимних Олимпийских игр в г. Сочи в 2014 г., там же большая группа подготовленных в Казани волонтеров успешно реализовала свой потенциал. Кроме того, накопленный опыт проведения крупных международных мероприятий позволил Казани получить почетное право принимать чемпионат мира по водным видам спорта в 2015 году (ЧМВВС-2015).

Указанное соревнование в России проводилось впервые, поэтому на Казани лежала большая ответственность за качество его проведения. В чемпионате приняло участие 2 500 спортсменов из двухсот стран мира, и более 170 000 туристов посетили его [22]. Не было сомнений в успешности данного мероприятия, так как организаторы проекта «Универсиада 2013» системно поработали над вопросом сохранения ее наследия, и прежде всего человеческого капитала, информационных технологий, бизнес-процессов и процессов кооперации стейкхолдеров спортивных мероприятий. Так, организационный комитет ЧМВВС-2015 был значительно расширен относительно состава организационного комитета Универсиады-2013; исполнительная функция по подготовке и проведению ЧМВВС-2015 была возложена на АНО «Исполнительная дирекция спортивных программ», которая выполняла аналогичные функции в период подготовки и проведения Универсиады 2013 г. (в то время она называлась АНО «Исполнительная дирекция XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г. в г. Казани»); церемонии открытия и закрытия чемпионата готовила команда, создавшая представления высокого уровня в дни открытия и закрытия универсиады в г. Казани.

Список литературы

1. Ratten V. Sport-based entrepreneurship: towards a new theory of entrepreneurship and sport management // International entrepreneurship and management journal, 2011, vol. 7, no. 1, pp. 57–69.

2. Sports marketing and the psychology of marketing communication // Kahle L. R., Riley C. Psychology Press, 2004, 408 p.

3. Preuss H. The economic impact of visitors at major multi-sport events // European Sport Management Quarterly, 2005, vol. 5, no. 3, pp. 281–301.

4. Spilling O. R. Mega event as strategy for regional development The case of the 1994 Lillehammer Winter Olympics // Entrepreneurship & Regional Development, 1996, vol. 8, no. 4, pp. 321–344.

5. Siegfried J., Zimbalist A. The economic impact of sports facilities, teams and mega-events // Australian Economic Review, 2006, vol. 39, no. 4, pp. 420–427.

6. The Sports Stadium as a Municipal Investment // Baim D. Westport: CT: Greenwood Press, 1992, 264 p.

7. Rosentraub M. S., Swindell D., Przybylski M., Mullins D. R. Sport and Downtown Development Strategy If You Build It, Will Jobs Come? // Journal of Urban Affairs, 1994, vol. 16, no. 3, pp. 221–239.

8. Stadiums, professional sports, and economic development: Assessing the reality // Baade R. A.: Heartland Institute, 1994, 40 p.

9. Coates D., Humphreys B. R. The effect of professional sports on earnings and employment in the services and retail sectors in US cities // Regional Science and Urban Economics, 2003, vol. 33, no. 2, pp. 175–198.

10. Essex S., Chalkley B. Olympic Games: catalyst of urban change // Leisure studies, 1998, vol. 17, no. 3, pp. 187–206.

11. Крамин М. В., Леонов В. А. Оценка влияния крупных региональных инвестиционных проектов на социально-экономическое развитие региона на примере проекта «Универсиада-2013» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия Экономика. 2014. № 3. С. 101–109.

12. Крамин Т., Леонов В. Определение приоритетов управления инвестиционной привлекательностью региона и их учет в рамках реализации крупных спортивных мероприятий // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1. С. 39–45.

13. Крамин Т. В., Леонов В. А., Тимирясова А. В. Влияние крупных региональных инвестиционных проектов на инвестиционную привлекательность региона в условиях членства России в ВТО // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. Т. 2. № 24. С. 301–306.

14. Крамин Т. В., Леонов В. А., Тимирясова А. В. Инвестиционная привлекательность региона как основа разработки и реализации регионального инвестиционного проекта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 2 (24). С. 293–300.

15. Xin L. Volunteer service achievement management of 2009 World Winter Universiade // Journal of Wuhan Institute of Physical Education, 2007, vol. 8, p. 6.

16. Xiaoduo C., Yanhong W. The Job Satisfaction of Volunteers in Harbin Winter Universiade: A Factor Analytic Study // Management and Service Science (MASS), 2010 International Conference on IEEE, 2010, pp. 1–4.

17. Pei L. Reflection on Perfecting the Performance Assessment of Chinese Sports Organizations // Journal of Chengdu Sport University, 2009, vol. 8, p. 2.

18. Zhang H. A Preliminary Investigation into the Antecedents of Volunteer Participation in Mega Sports Events Kai (Natalia) Jiang Honggen Xiao // The international sounds and tastes of tourism education, 2011, pp. 273.

19. Сафина А. Более 2 млн человек составил турпоток в РТ в 2013 году. 2014. URL: http://www.tatar-inform.ru/news/2014/02/01/392857/?font=big (дата обращения: 29.09.2015).

20. Арсланова Г., Хисматуллин М. Влияние индустрии туризма на социально-экономическое развитие региона // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. Т. 3. № 29. С. 89–92.

21. Ренкова Т., Константинова Е. Р. Минниханов нащупал «большие резервы» в туриндустрии Татарстана. 2015. URL: http://www.tatarstan.net/news.php?id=73121 (дата обращения: 29.09.2015).

22. Татар-информ. Средняя загрузка в отелях города Казани за период с 18 июля по 8 августа составила 95 процентов. URL: http://www.tatar-inform.ru/news/2015/08/20/468185/ (дата обращения: 29.09.2015).

В редакцию материал поступил 03.09.15

© Крамин Т. В., Леонов В. А., Григорьев Р. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: kramint@ mail.ru

Леонов Владимир Александрович, кандидат экономических наук, министр по делам молодежи и спорту Республики Татарстан, Министерство по делам молодежи и спорту Республики Татарстан

Адрес: 420107, г. Казань, ул. Петербургская, 12, тел.: (843) 222-81-01

E-mail: mdmst@tatar.ru

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, 420111, ул. Московская, д. 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: Ruslan.Grigoryev@yandex.ru

Как цитировать статью: Крамин Т. В., Леонов В. А., Григорьев Р. А. Определение направлений повышения инновационного потенциала региона посредством развития инновационных технологий и компетенций в процессе подготовки и реализации крупных инвестиционных проектов // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 141–150.

T. V. KRAMIN,
Doctor of Economics, Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,
V. A. LEONOV,
PhD (Economics), Minister on Youth Affairs and Sports of Tatarstan Republic
Ministry on Youth Affairs and Sports of Tatarstan Republic, Kazan, Russia,
R. A. GRIGORYEV,
PhD (Economics)
Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

DETERMINING THE DIRECTIONS OF INCREASING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE REGION BY DEVELOPING INNOVATIVE TECHNOLOGIES AND COMPETENCES WHEN PREPARING AND IMPLEMENTING LARGE INVESTMENT PROJECTS

Objective: to determine the directions of increasing the innovative potential of a region through the development of innovative technologies and competences in the process of preparation and implementation of large investment projects in the Republic of Tatarstan.

Methods: methodology of project management, institutional approach.

Results: it is proved that the main large-scale directions of innovative potential development in the Republic of Tatarstan as a result of preparation and implementing of Universiade 2013 in Kazan are: knowledge management, information technologies, risk management. It is shown that in the framework of the considered innovative areas, a complete system was formed of competences of employees and managers in the fields of education, trade, hospitality and service.

Scientific novelty: the key directions were defined of increasing the innovative potential of a region through the development of innovative technologies and competences in the process of preparation and implementation of large investment projects by the example of the World Summer Student Games in Kazan in 2013.

Practical significance: on the basis of specific examples, the authors illustrate the practice-oriented mechanism of innovative potential development of a region as a result of implementation of large investment projects.

Key words: regional economy; innovative potential of the region; Universiade; investment attractiveness of the region; knowledge management; risk management; information technologies.

References

1. Ratten, V. Sport-based entrepreneurship: towards a new theory of entrepreneurship and sport management // *International entrepreneurship and management journal*, 2011, vol. 7, no. 1, pp. 57–69.

2. *Sports marketing and the psychology of marketing communication* // Kahle L. R., Riley C. Psychology Press, 2004, 408 p.

3. Preuss, H. The economic impact of visitors at major multi-sport events // *European Sport Management Quarterly*, 2005, vol. 5, no. 3, pp. 281–301.

4. Spilling, O. R. Mega event as strategy for regional development The case of the 1994 Lillehammer Winter Olympics // *Entrepreneurship & Regional Development,* 1996, vol. 8, no. 4, pp. 321–344.

5. Siegfried, J., Zimbalist, A. The economic impact of sports facilities, teams and mega-events // *Australian Economic Review*, 2006, vol. 39, no. 4, pp. 420–427.

6. *The Sports Stadium as a Municipal Investment* // Baim D. Westport: CT: Greenwood Press, 1992, 264 p.

7. Rosentraub, M. S., Swindell, D., Przybylski, M., Mullins, D. R. Sport and Downtown Development Strategy If You Build It, Will Jobs Come? // *Journal of Urban Affairs*, 1994, vol. 16, no. 3, pp. 221–239.

8. *Stadiums, professional sports, and economic development: Assessing the reality* // Baade R. A.: Heartland Institute, 1994, 40 p.

9. Coates, D., Humphreys, B. R. The effect of professional sports on earnings and employment in the services and retail sectors in US cities // Regional *Science and Urban Economics*, 2003, vol. 33, no. 2, pp. 175–198.

10. Essex, S., Chalkley, B. Olympic Games: catalyst of urban change // *Leisure studies*, 1998, vol. 17, no. 3, pp. 187–206.

11. Kramin, M. V., Leonov, V. A. Otsenka vliyaniya krupnykh regional'nykh investitsionnykh proektov na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regiona na primere proekta «Universiada-2013» (Estimating the influence of large regional investment projects on the social-economic development of a region by the example of «Universiade 2013» project) // *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. Seriya Ekonomika, 2014, no. 3, pp. 101–109.

12. Kramin, T., Leonov, V. Opredelenie prioritetov upravleniya investitsionnoi privlekatel'nost'yu regiona i ikh uchet v ramkakh realizatsii krupnykh sportivnykh meropriyatii (Determining the priorities in managing the investment attraction of a region and their role in implementation of large sports events) // *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, no. 1, pp. 39–45.

13. Kramin, T. V., Leonov, V. A., Timiryasova, A. V. Vliyanie krupnykh regional'nykh investitsionnykh proektov na investitsionnuyu privlekatel'nost' regiona v usloviyakh chlenstva Rossii v VTO (Influence of large regional investment projects on the investment attraction of a region under the Russia's membership in WTO) // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, vol. 2, no. 24, pp. 301–306.

14. Kramin, T. V., Leonov, V. A., Timiryasova, A. V. Investitsionnaya privlekatel'nost' regiona kak osnova razrabotki i realizatsii regional'nogo investitsionnogo proekta (Investment attraction of a region as the basis of elaboration and implementation of a regional investment project) // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2 (24), pp. 293–300.

15. Xin, L. Volunteer service achievement management of 2009 World Winter Universiade // *Journal of Wuhan Institute of Physical Education*, 2007, vol. 8, p. 6.

16. Xiaoduo, C., Yanhong, W. *The Job Satisfaction of Volunteers in Harbin Winter Universiade: A Factor Analytic Study* // Management and Service Science (MASS), 2010 International Conference on IEEE, 2010, pp. 1–4.

17. Pei, L. Reflection on Perfecting the Performance Assessment of Chinese Sports Organizations // Journal of Chengdu Sport University, 2009, vol. 8, p. 2.

18. Zhang, H. A Preliminary Investigation into the Antecedents of Volunteer Participation in Mega Sports Events Kai (Natalia) Jiang Honggen Xiao // *The international sounds and tastes of tourism education*, 2011, pp. 273.

19. Safina, A. *Bolee 2 mln chelovek sostavil turpotok v RT v 2013 godu* (The tourist flow in Tatarstan in 2013 was more than 2 mln people) 2014, available at: http://www.tatar-inform.ru/news/2014/02/01/392857/?font=big (access date: 29.09.2015).

20. Arslanova, G., Khismatullin, M. Vliyanie industrii turizma na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regiona (Influence of tourist industry on thesocial-economic development of a region) // *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, vol. 3, no. 29, pp. 89–92.

21. Renkova, T., Konstantinova, E. R. *Minnikhanov nashchupal «bol'shie rezervy» v turindustrii Tatarstana* (Minnikhanov found «large reserves» in tourist industry of Tatarstan). 2015, available at: http://www.tatarstan.net/news.php?id=73121 (access date: 29.09.2015).

22. *Tatar-inform. Srednyaya zagruzka v otelyakh goroda Kazani za period s 18 iyulya po 8 avgusta sostavila 95 protsentov* (Tatar-inform. The average traffic in Kazan hotels from July 18 to August 8 was 95 per cent), available at: http://www.tatar-inform.ru/news/2015/08/20/468185/ (access date: 29.09.2015).

Received 03.09.15

Information about the authors

Kramin Timur Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: kramint@mail.ru

Leonov Vladimir Aleksandrovich, PhD (Economics), Minister on Youth Affairs and Sports of Tatarstan Republic, Ministry on Youth Affairs and Sports of Tatarstan Republic
Address: 12 Peterburgskaya Str., 420107, Kazan, tel.: (843) 222-81-01
E-mail: mdmst@tatar.ru

Grigoryev Ruslan Arkadiyevich, PhD (Economics) (Great Britain), Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: Ruslan.Grigoryev@yandex.ru

For citation: Kramin T. V., Leonov V. A., Grigoryev R. A. Determining the directions of increasing the innovative potential of the region by developing innovative technologies and competences when preparing and implementing large investment projects // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 141–150.

© Kramin T. V., Leonov V. A., Grigoryev R. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 338.43(470.41)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2206

Р. Е. МАНСУРОВ,
кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗЕРНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА ТАТАРСТАНА

Цель: показать современное состояние зернопродуктового подкомплекса Республики Татарстан, оценить перспективы его развития с расчетом ключевых показателей, достижение которых необходимо с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности региона.
Методы: использованы методы математического, сопоставительного анализа, многокритериальной оптимизации, в частности метод идеальной точки.
Результаты: анализ состояния зернопродуктового подкомплекса Республики Татарстан показывает, что в настоящее время республика не только полностью обеспечивает свою потребность, но и до 2,5 млн тонн зерна и 1,9 млн тонн муки может направить на обеспечение других регионов. Было выделено шесть зон: Казанская, Буинская, Сабинская, Алькеевская, Менделеевская и Альметьевская, в которых целесообразно развивать мукомольные мощности с позиции необходимости усиления продовольственной безопасности страны. В ходе исследования были получены минимально допустимые значения площадей посевов и валового сбора зерна, а также мощностей по переработке по выделенным зонам.
Научная новизна: заключается в комплексном рассмотрении состояния зернопродуктового подкомплекса Республики Татарстан и разработке прогноза развития до 2030 г.
Практическая значимость: практическое применение изложенных в работе рекомендаций позволит обеспечить продовольственную безопасность республики по такой важной категории, как хлебобулочные и макаронные изделия.

Ключевые слова: зернопродуктовый подкомплекс; сельское хозяйство; зонирование посевов зерна; прогноз состояния АПК Республики Татарстан.

Введение

В настоящее время вопросы повышения продовольственной безопасности России в целом и ее регионов в частности становятся все более актуальными. Это обусловлено рядом внешних и внутренних причин. К внешним причинам в первую очередь следует отнести сложную внешнеполитическую ситуацию, связанную с введением в отношении России рядом зарубежных стран различных политических и финансово-экономических санкций, а также неоднозначность последствий вступления в ВТО. Внутренние причины обусловлены тем, что производители сельскохозяйственного сырья имеют сложности с качественным семенным материалом, с низкой урожайностью культур в сравнении с зарубежными аналогами, неплатежами за поставленную сельскохозяйственную продукцию, высокими рисками ведения деятельности, неэффективными и недостаточными механизмами государственного регулирования в АПК и т. д. [1, 2]. Переработчики зерна сталкиваются с недостаточным объемом отечественного сырья для переработки, его низкими качественными показателями, высоким уровнем материального и морального износа оборудования и, соответственно, сравнительно низким процентом извлечения целевого продукта из сырья, с недостаточными количеством и квалификацией кадров, высокими удельными материальными затратами на производство и другими системными и частными проблемами [3–5].

В этих условиях необходима разработка комплексной программы развития зернопродуктового подкомплекса страны, которая должна предусматривать увеличение объемов собственного производства сельскохозяйственного сырья, а также увеличение емкостей хранения и объемов производства продукции предприятий переработки [6, 7]. Такая программа должна базироваться на анализе современного состояния зернопродуктового подкомплекса и содержать ключевые прогнозные показатели развития в перспективе 10–15 лет [8]. Данная работа посвящена решению этой задачи в рамках зернопродуктового подкомплекса Республики Татарстан.

Результаты исследования

Анализ современного состояния зернопродуктового подкомплекса республики начнем с оценки самообеспеченности. В настоящее время, по данным

Татарстанстата[1], численность населения в РТ распределена следующим образом (табл. 1, столбец 2). Согласно рекомендуемым нормам потребления пищевых продуктов, которые утверждены Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н[2], годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку должно составлять 105 кг на душу населения. Исходя из этого было рассчитано годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку по районам республики (табл. 1, столбец 3). Далее с учетом того, что неоднородная прочность структуры зерна позволяет в зависимости от схемы помола получать муку в пределах общего установленного выхода (75…78 %) в виде одного или нескольких сортов [9], примем значение показателя «выход муки» на уровне 75 %. Исходя из этого, рассчитаем требуемое количество зерна для обеспечения годового нормативного потребления хлебопродуктов по районам РТ (табл. 1, столбец 4). Далее, принимая, что средняя урожайность зерновых в РТ составляет в среднем 22,6 ц/га[3], получим расчетную площадь посевов зерновых культур, необходимую для обеспечения годового нормативного потребления по районам республики (табл. 1, столбец 5).

В 2014 г., по данным Татарстанстата[4], площадь посевов зерновых культур (пшеница, рожь) составила 1 337,7 тыс. га, средняя урожайность – 22,6 ц/га, а валовой сбор в весе после доработки – 3 023,2 тыс. тонн. Таким образом, в настоящее время потребности республики обеспечены полностью, более того, до 2,5 млн тонн зерна может быть направлено на обеспечение потребности других регионов и на пополнение Госрезерва.

Таблица 1

Оценка годового нормативного потребления хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку по состоянию на 2014 г.*

Table 1. Evaluation of the annual standard consumption of bread and pasta in recalculation on flour as of 2014*

Районы (города) РТ / Regions (cities) of RT	Численность, чел. / Population, people	Годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку, т / Annual normative consumption of bread and pasta in terms of flour, tons	Требуемое количество зерна для обеспечения годового нормативного потребления хлебопродуктов, т / Required volume of grain for the annual normative consumption of bread, tons	Требуемая площадь посевов зерновых, га / Required area under grain crops, ha
1	2	3	4	5
Казань / Kazan	1 190 850	125 039,3	166 719,1	73 769,5
Набережные Челны / Naberezhniye Chelny	522 048	54 815,0	73 086,7	32 339,2
Агрызский / Agryzskiy	36 244	3 805,6	5 074,1	2 245,2
Азнакаевский / Aznakayevskiy	63 544	6 672,1	8 896,1	3 936,3
Аксубаевский / Aksubayevskiy	30 628	3 215,9	4 287,9	1 897,3
Актанышский / Aktanyshskiy	31 322	3 288,8	4 385,1	1 940,3
Алексеевский / Alkeyevskiy	26 107	2 741,2	3 654,9	1 617,2
Алькеевский / Alkeyevskiy	19 670	2 065,4	2 753,9	1 218,5
Альметьевский / Almetyevskiy	201 423	21 149,4	28 199,2	12 477,5
Апастовский / Apastovskiy	20 999	2 204,9	2 939,9	1 300,8
Арский / Arskiy	52 073	5 467,7	7 290,3	3 225,8
Атнинский / Atninskiy	13 307	1 397,2	1 862,9	824,3
Бавлинский / Bavlinskiy	35 906	3 770,1	5 026,8	2 224,2
Балтасинский / Baltasinskiy	33 803	3 549,3	4 732,4	2 094,0
Бугульминский / Bugulminskiy	109 156	11 461,4	15 281,9	6 761,9
Буинский / Buinskiy	44 596	4 682,6	6 243,5	2 762,6
Верхнеуслонский / Verkhneuslonskiy	16 619	1 745,0	2 326,7	1 029,5
Высокогорский / Vysokogorskiy	45 174	4 743,3	6 324,4	2 798,4
Дрожжановский / Drozhzhanovskiy	24 172	2 538,1	3 384,1	1 497,4
Елабужский / Elabuzhskiy	83 698	8 788,3	11 717,7	5 184,8
Заинский / Zainskiy	56 962	5 981,0	7 974,7	3 528,6
Зеленодольский / Zelenodolskiy	161 804	16 989,4	22 652,5	10 023,2

[1] Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2014 г.: Статистический бюллетень. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2014 г. 24 с. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/a34a46804f041c26ae6abe22524f7e0f/%D0%9C%D0%9E%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB2014.pdf (дата обращения: 01.11.14).

[2] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания». URL: http://base.garant.ru/12179471 (дата обращения: 01.11.14).

[3] Сельское хозяйство в РТ в январе – сентябре 2014 г. // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РТ. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/d2af630043e8df11985cdbd92111eac8/i090009r.pdf (дата обращения: 01.11.14).

[4] Там же.

Продолжение табл. 1

Районы (города) РТ / Regions (cities) of RT	Численность, чел. / Population, people	Годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку, т / Annual normative consumption of bread and pasta in terms of flour, tons	Требуемое количество зерна для обеспечения годового нормативного потребления хлебопродуктов, т / Required volume of grain for the annual normative consumption of bread, tons	Требуемая площадь посевов зерновых, га / Required area under grain crops, ha
1	2	3	4	5
Кайбицкий / Kaybitskiy	14 458	1 518,1	2 024,1	895,6
Камско-Устьинский / Kamsko-Ustiynskiy	16 213	1 702,4	2 269,9	1 004,4
Кукморский / Kukmorskiy	51 468	5 404,1	7 205,5	3 188,3
Лаишевский / Laishevskiy	37 999	3 989,9	5 319,9	2 353,9
Лениногорский / Leninogorskiy	85 786	9 007,5	12 010,0	5 314,2
Мамадышский / Mamadyshskiy	44 198	4 640,8	6 187,7	2 737,9
Менделеевский / Mendeleyevskiy	30 337	3 185,4	4 247,2	1 879,3
Мензелинский / Menzelinskiy	29 133	3 059,0	4 078,7	1 804,7
Муслюмовский / Muslyumovskiy	21 043	2 209,5	2 946,0	1 303,5
Нижнекамский / Nizhnekamskiy	273 805	28 749,5	38 332,7	16 961,4
Новошешминский / Novosheshminskiy	13 685	1 436,9	1 915,9	847,7
Нурлатский / Nurlatskiy	59 182	6 214,1	8 285,5	3 666,1
Пестречинский / Pestrechinskiy	30 233	3 174,5	4 232,7	1 872,9
Рыбно-Слободский / Rybno-Slobodskiy	26 746	2 808,3	3 744,4	1 656,8
Сабинский / Sabinskiy	31 144	3 270,1	4 360,1	1 929,3
Сармановский / Sarmanovskiy	36 347	3 816,4	5 088,5	2 251,6
Спасский / Spasskiy	19 855	2 084,8	2 779,7	1 230,0
Тетюшский / Tetyushskiy	23 674	2 485,8	3 314,4	1 466,5
Тукаевский / Tukayevskiy	38 045	3 994,7	5 326,3	2 356,8
Тюлячинский / Tyulyachinskiy	14 104	1 480,9	1 974,5	873,7
Черемшанский / Cheremshanskiy	19 939	2 093,6	2 791,5	1 235,2
Чистопольский / Chistopolskiy	79 517	8 349,3	11 132,4	4 925,8
Ютазинский / Yutazinskiy	21 214	2 227,5	2 970,0	1 314,2
Всего по РТ / Total in RT	**3 838 230**	**403 014,15**	**537 352,1**	**237 766,4**

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Полученные в данной таблице расчетные показатели следует рассматривать как минимально необходимые для обеспечения продовольственной безопасности республики.

В настоящее время существенную долю в структуре себестоимости зерна и муки занимают транспортные затраты на доставку сырья с полей к месту его хранения и переработки. Учитывая это, необходимым представляется оптимизировать транспортные издержки. Данную задачу предлагается решать проведением зонирования районов области с выделением специальных сырьевых зон. Основной смысл предлагаемого подхода заключается в том, что сельскохозяйственное сырье, выращиваемое в пределах одной зоны, должно доставляться на хранение и переработку в пределах своей зоны. В качестве административных центров данных зон предлагается выделять районные центры, которые, как правило, обладают более развитой инфраструктурой. Административные центры выделенных зон также будут являться наиболее предпочтительными местами для строительства новых мощностей по хранению зерна и его переработке.

Рассмотрим предлагаемый подход к зонированию районов. Примем, что среднее расстояние доставки сырья должно составлять 70–80 км. Такой подход обусловлен тем, что при увеличении расстояния доставки зерна свыше приведенного предела существенно возрастают транспортные затраты, а при снижении ниже приведенных границ потребуется строительство большого количества сравнительно малых по мощности предприятий хранения зерна и переработки. Это в свою очередь приведет к росту удельных затрат на единицу мощности при строительстве новых и реконструкции старых объектов из-за существенного увеличения общестроительной доли.

Определим потенциальное месторасположение мукомольных производств с учетом необходимости минимизации транспортных затрат на доставку зерна к ним, имеющихся в зоне распределения площадей посевов, а также численности населения. Данные места будут являться центрами будущих зон сырьевого обеспечения. Очевидно, что эту задачу необходимо решать методами многокритериальной оптимизации. В данном исследовании применялся метод идеальной точки [10]. В табл. 2 приведены окончательные результаты произведенного расчета.

Поясним используемую методику. Средние расстояния до соседних районных центров определялись на основе данных о расстоянии между населенными пунктами «Автомобильного портала грузоперевозок

Таблица 2

Выбор оптимальных мест размещения мукомольных мощностей в РТ

Table 2. The choice of the optimal location of milling capacities in the Republic of Tatarstan

Районный центр, город (зона) / Regional center, city (zone)	Среднее расстояние до соседних районных центров, км / Average distance from the nearest regional centers, km	Численность населения, тыс. чел. / Population, thousand people	Требуемые площади посевов зерновых, млн га / Required areas under grain, mln ha	Сумма квадратов отклонений / sum of squared deviations	Расстояние до ИТ / Distance from IP	Ранг / Rank
Казань (Казанская) / Kazan (Kazanskaya)	52	1 190,9	73,8	9	3	1
пгт Богатые Сабы (Сабинская) / Bogatiye Saby settlement (Sabinskaya)	71	201,4	12,5	983 206	992	2
с. Базарные Матаки (Алькеевская) / Bazarniye Mataki settlement (Alkeyevskaya)	49	44,6	2,8	1 318 940	1 148	3
г. Альметьевск (Альметьевская) / Almetyevsk (Almetyevskaya)	63	31,1	1,9	1 350 275	1 162	4
г. Менделеевск (Менделеевская) / Mendeleyevsk (Mendeleyevskaya) /	86	30,3	1,9	1 353 328	1 163	5
г. Буинск (Буинская) / Buinsk (Buinskaya)	79	19,7	1,2	1 377 826	1 174	6
ИТ / IP	**49**	**1 190,9**	**73,8**	**0**	**0**	

«Автодиспетчер»[5]. Численность населения по районам принималась по данным органов статистики Республики Татарстан[6], требуемая площадь посевов зерновых была рассчитана нами выше. Затем определялись значения идеальной точки (далее – ИТ), т. е. наилучшие значения по каждому частному показателю. По показателю «Среднее расстояние до соседних районных центров» лучшим принимается наименьшее из имеющихся значений – 49 км, по показателю «Численность населения» принималось наибольшее из имеющихся – 1 190,9 тыс. чел., по показателю «Требуемые площади посевов зерновых» принималось наибольшее значение – 73,8 млн га. Сумма квадратов отклонений показателей по каждому районному центру (L_i) определялась по следующей формуле:

$$L_i = \sum_i^n (K_i - K_{um})^2,$$

где L_i – значение суммы квадратов отклонений показателей районного центра; K_i – значение частного показателя; $K_{ит}$ – значение показателя в ИТ.

«Расстояние» от значения частного показателя до значения ИТ определялось следующим образом:

$$R_i = \sqrt{L_i},$$

где R_i – «расстояние» от значения частного показателя до значения ИТ; L_i – значение суммы квадратов отклонений показателей районного центра.

Очевидно, что наименьшее значение в R_i является наилучшим и соответствующий данному значению районный центр является наиболее предпочтительным с точки зрения размещения там мукомольных мощностей. Потом было проведено ранжирование всех районных центров РТ. В качестве потенциальных центров размещения мукомольных предприятий были выбраны первые шесть районных центров. Результаты расчетов по ним представлены в табл. 2.

Далее, принимая условия, что центр сырьевой зоны должен располагаться в районном центре, радиус зоны должен быть в пределах 100–130 км, что обеспечит значение среднего расстояния доставки сырья в центр зоны на уровне требуемых 70–80 км, и анализируя расстояния между районными центрами, было выделено шесть сырьевых зон: Казанская (К), Буинская (Б), Сабинская (С), Алькеевская (Алк), Менделеевская (М) и Альметьевская (Алм) (рис. 1). Результаты расчетов средних расстояний доставки сырья представлены в табл. 3.

Определенным допущением в предлагаемом подходе является то, что принимается в расчет положение районного центра, а не конкретное поле, с которого осуществляется вывоз. Однако в целом это не снижает общей достоверности полученных результатов и сильно сокращает трудоемкость расчетов, что очень важно для принятия управленческих решений. С другой стороны, при зонировании учитывался только фактор близости к местам размещения предприятий хранения и переработки зерна. Прочие организационно-производственные факторы в данном исследовании не рассматриваются, так как целью работы является оценка современного состояния и основных перспектив развития зернопродуктового подкомплекса республики.

[5] Расстояние между городами // Сайт «Автомобильного портала грузоперевозок «Автодиспетчер». URL: http://www.avtodispetcher.ru

[6] Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2014 г.: Статистический бюллетень. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2014 г. 24 с. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/a34a46804f041c26ae6abe22524f7e0f/МОчисл2014.pdf (дата обращения: 02.11.14).

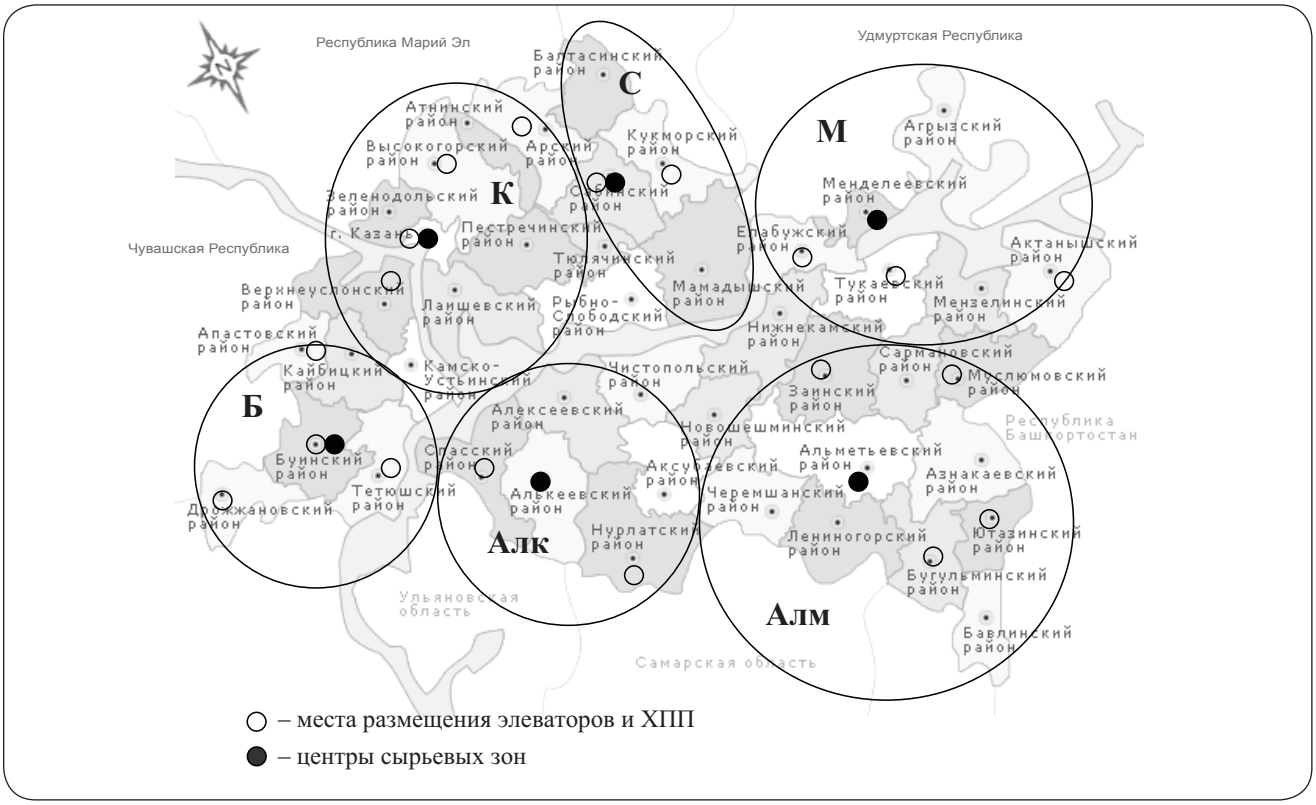


Рис. 1. Зонирование районов РТ*

* *Источник:* составлено автором.

Fig. 1. Zoning districts in RT*

* *Source:* compiled by the author.

Таблица 3

Результаты зонирования районов РТ*

Table 3. The results of the zoning districts in RT*

Города или районные центры (район) / Cities of regional centers (region)	Расстояние до центра сырьевой зоны, км / Distance from the center of a raw-material zone, km
Казанская сырьевая зона (центр в г. Казани) / Kazan raw-material zone (center in Kazan)	
Арск (Арский) / Arsk (Arskiy)	67
Большая Атня (Атнинский) / Bolshaya Atnya (Atninskiy)	77
Верхний Услон (Верхнеуслонский) / Verkhniy Uslon (Verkhneuslonskiy)	53
Высокая Гора (Высокогорский) / Vysokaya Gora (Vysokogorskiy)	21
Зеленодольск (Зеленодольский) / Zelenodolsk (Zelenodolskiy)	44
Лаишево (Лаишевский) / Laishevo (Laishevskiy)	55
Пестрецы (Пестречинский) / Pestretsy (Pestrechinskiy)	46
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	*52*
Буинская сырьевая зона (центр в г. Буинске) / Buinskaya raw-material zone (center in Buinsk)	
Апастово (Апастовский) / Apastovo (Apastovskiy)	33
Большие Кайбицы (Кайбицкий) / Bol'shiye Kaybitsy (Kaybitskiy)	9
Камское Устье (Камско-Устьинский) / Kamskoe Ustye (Kamsko-Ustiynskiy)	91
Старое Дрожжаное (Дрожжановский) / Staroye Drozhzhanoye (Drozhzhanovskiy)	71
Тетюши (Тетюшский) / Tetyushi (Tetyushskiy)	41
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	*49*

Продолжение табл. 3

Города или районные центры (район) / Cities of regional centers (region)	Расстояние до центра сырьевой зоны, км / Distance from the center of a raw-material zone, km
Сабинская сырьевая зона (центр в пгт Богатые Сабы) / Sabinskaya raw-material zone (center in Bogatiye Saby settlement)	
Балтаси (Балтасинский) / Baltasi (Baltasinskiy)	51
Кукмор (Кукморский) / Kukmor (Kukmorskiy)	59
Мамадыш (Мамадышский) / Mamadysh (Mamadyshskiy)	94
Рыбная Слобода (Рыбно-Слободский) / Rybnaya Sloboda (Rybno-Slobodskiy)	90
Тюлячи (Тюлячинский) / Tyulyachi (Tyulyachinskiy)	23
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	63
Алькеевская сырьевая зона (центр в с. Базарные Матаки) / Alkeyevskaya raw-material zone (center in Bazarniye Mataki settlement)	
Аксубаево (Аксубаевский) / Aksubayevo (Aksubayevskiy)	91
Алексеевское (Алексеевский) / Alekseyevskoye (Alekseyevskiy)	56
Болгар (Спасский) / Bolgar (Spasskiy)	65
Нурлат (Нурлатский) / Nurlat (Nurlatskiy)	93
Чистополь (Чистопольский) / Chistopol (Chistopolskiy)	91
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	*79*
Менделеевская сырьевая зона (центр в г. Менделеевске) / Mendeleyevskaya raw-material zone (center in Mendeleyevsk)	
Агрыз (Агрызский) / Agryz (Agryzskiy)	130
Актаныш (Актанышский) / Aktanysh (Aktanyshskiy)	165
Елабуга (Елабужский) / Elabuga (Elabuzhskiy)	27
Мензелинск (Мензелинский) / Menzelinsk (Menzelinskiy)	88
Нижнекамск (Нижнекамский) / Nizhnekamsk (Nizhnekamskiy)	65
Тукаевский (Набережные Челны) / Tukayevskiy (Naberezhniye Chelny)	38
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	*86*
Альметьевская сырьевая зона (центр в г. Альметьевске) / Almetyevskaya raw-material zone (center in Almetyevsk)	
Азнакаево (Азнакаевский) / Aznakayevo (Aznakayevskiy)	58
Бавлы (Бавлинский) / Bavly (Bavlinskiy)	90
Бугульма (Бугульминский) / Bugulma (Bugulminskiy)	56
Заинск (Заинский) / Zainsk (Zainskiy)	50
Лениногорск (Лениногорский) / Leninogorsk (Leninogorskiy	48
Муслюмово (Муслюмовский) / Muslyumovo (Muslyumovskiy)	79
Новошешминск (Новошешминский) / Novosheshminsk (Novosheshminskiy)	100
Сарманово (Сармановский) / Sarmanovo (Sarmanovskiy)	50
Черемшан (Черемшанский) / Cheremshan (Cheremshanskiy)	80
Ютаза (Ютазинский) / Yutaza (Yutazinskiy)	95
Среднее расстояние доставки / Average distance of transportation	*71*
Общее среднее расстояние доставки / Overall average distance of transportation	*67*

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

В настоящее время в РТ из наиболее крупных предприятий зернопереработки можно выделить: ОАО «Казаньзернопродукт» (г. Казань), ОАО «Татарстанские зерновые технологии» (г. Казань), «Кукморский элеватор» (п. Кукмор), ОАО «Арский элеватор» (г. Арск), ОАО «Шемординское хлебоприемное предприятие» (р. п. Шемордан), ОАО «Сабинский завод зернопродуктов» (с. Богатые Сабы), ОАО «Каратунское хлебоприемное предприятие» (ст. Каратун), ОАО «Буинский элеватор» (г. Буинск), «Бурундуковский элеватор» (ст. Бурундуки), ОАО «Куркачинское ХПП» (ст. Куркачи), ЗАО «Нурлатский элеватор» (г. Нурлат), ООО «Агро-порт» (г. Нурлат), ЗАО «Бугульминский элеватор» (г. Бугульма), ОАО «Заинское ХПП» (г. Заинск), ОАО «Ютазинский элеватор» (с. Ютаза), ОАО «Набережночелнинский комбинат хлебопродуктов» (г. Набережные Челны), ООО «Печищенский комбинат хлебопродуктов» (с. Печищи), ООО «Спасский хлебокомбинат» (г. Болгар), Тетюшское ХПП (г. Тетюши), ОАО «Актанышское ХПП» (д. Азякуль), ОАО «Муслюмовское ХПП» (пгт Муслюмово). Месторасположение данных предприятий показано на рис. 1. Отсюда видно, что в настоящее время во всех выделенных нами сырьевых зонах есть предприятия, осуществляющие хранение и переработку зерна. Однако в целях оптимизации транспортных затрат

на доставку зерна с полей на хранение и переработку рекомендуется в будущем располагать мощности по переработке и хранению в центрах выделенных зон.

Дальнейшее рассмотрение и формирование прогноза развития зернопродуктового подкомплекса РТ на перспективу до 2030 г. проведем в разрезе выделенных сырьевых зон.

По данным Федеральной службы государственной статистики[7], за последние годы темпы прироста населения составляли 1,9 % в год. При условии сохранения таких темпов численность населения РТ к 2020 г. составит 4 297 106 чел., а к 2030 г. – 5 187 020 чел. Эти данные представлены в табл. 4, столбцах 2, 6. Далее на их основе, учитывая, что норматив годового потребления хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку составляет 105 кг на человека[8], получаем годовое нормативное потребление муки (табл. 4, столбцы 3, 7). С учетом выхода муки на уровне 75 % [9] рассчитываем необходимое количество зерна для обеспечения нормативного потребления (табл. 4, столбцы 4, 8). Далее рассчитаем необходимую площадь посевов при условии сохранения урожайности зерновых культур на уровне 2014 г. – 22,6 ц/га (табл. 4, столбцы 5, 9). В результате получаем расчетные минимальные значения количества муки, требуемого количества зерна и площадей посевов зерновых культур для обеспечения нормативного потребления хлебобулочных и макаронных изделий в перспективе до 2030 г. (приведены в табл. 4).

Учитывая, что уже в настоящее время, по данным Татарстанстата[9], площадь посевов зерновых составляет 1 337,7 тыс. га, а валовой сбор – 3 023,2 тыс. тонн, можно сделать вывод об отсутствии угрозы продовольственной безопасности Татарстана в перспективе до 2030 года по такой важной категории, как хлебобулочные и макаронные изделия.

Оценим также требуемые для обеспечения населения республики мощности по переработке зерна в муку по выделенным сырьевым зонам (табл. 5). При расчете принимается среднее время работы мукомольного оборудования в 300 суток (среднеотраслевой показатель) и выход муки на уровне 75 %.

Однако, учитывая большой почвенно-климатический потенциал республики по возделыванию зерновых культур, оценим имеющиеся резервы развития мощностей по переработке зерна в выделенных сырьевых зонах (табл. 5). Расчеты проводились при условии сохранения площадей посевов зерновых культур и их урожайности на уровне 2014 г. Продолжительность непрерывной работы мукомольного оборудования в течение года составляет 7 200 часов, а выход муки – 75 % (табл. 6).

При таком подходе около 3,6 млн тонн муки может быть направлено на обеспечение других, испытывающих дефицит по данному продукту регионов России.

Выводы

Проведенный анализ современного состояния зернопродуктового подкомплекса РТ показывает, что в настоящее время потребности республики по зерну и муке полностью обеспечены. Более того, до 2,5 млн тонн зерна и 1,9 млн тонн муки может быть направлено на обеспечение потребности других регионов или на пополнение Госрезерва.

С целью проработки вопроса оценки перспектив развития зернопродуктового подкомплекса республики было проведено зонирование районов с выделением специальных сырьевых зон. Основным критерием при этом являлась оптимизация транспортных затрат на доставку сырья – зерна с полей на переработку и хранение. В результате было выделено шесть зон: Казанская, Буинская, Сабинская, Алькеевская, Менделеевская и Альметьевская. Сопоставление расположения действующих предприятий зернопереработки с границами выделенных нами зон показало, что в настоящее время во всех сырьевых зонах есть предприятия, осуществляющие хранение и переработку зерна. Однако в целях оптимизации транспортных затрат рекомендуется в будущем располагать вновь вводимые мощности в центрах выделенных зон. Также были рассчитаны минимально допустимые с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности и максимально возможные мощности по переработке зерна в каждой сырьевой зоне.

---

[7] Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2014 г. Статистический бюллетень. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2014 г. 24 с. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/a34a46804f041c26ae6abe22524f7e0f/МОчисл2014.pdf (дата обращения: 02.11.14).

[8] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания». URL: http://base.garant.ru/12179471 (дата обращения: 02.11.14).

[9] Сельское хозяйство в РТ в январе – сентябре 2014 г. // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РТ. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/resources/d2af630043e8df11985cdbd92111eac8/i090009r.pdf (дата обращения: 02.11.14).

Таблица 4

Минимально возможные значения показателей зернопродуктового подкомплекса, необходимые для обеспечения продовольственной безопасности РТ, в разрезе выделенных сырьевых зон в перспективе до 2030 г.*

Table 4. The minimum possible values of grain production subcomplex necessary to ensure food security of Tatarstan, in the context of selected commodity areas in 2030*

Зоны / Zones	2020 г.				2030 г.			
	Численность населения, чел. / Population, people	Годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку, т / Annual normative consumption of bread and pasta in terms of flour, tons	Требуемое количество зерна для обеспечения нормативного потребления, т / Required volume of grain for the annual normative consumption of bread, tons	Требуемые площади посевов зерновых для обеспечения нормативного потребления, га / Required area under grain crops, ha	Численность населения, чел. / Population, people	Годовое нормативное потребление хлебобулочных и макаронных изделий в пересчете на муку, т / Annual normative consumption of bread and pasta in terms of flour, tons	Требуемое количество зерна для обеспечения нормативного потребления, т / Required volume of grain for the annual normative consumption of bread, tons	Требуемые площади посевов зерновых для обеспечения нормативного потребления, га / Required area under grain crops, ha
Казанская / Kazanskaya	1 733 136	181 979,3	242 639,0	107 362,4	2 092 062	219 666,5	292 888,7	129 596,8
Буинская / Buinskaya	161 341	16 940,8	22 587,8	9 994,6	194 754	20 449,2	27 265,6	12 064,4
Сабинская / Sabinskaya	225 549	23 682,6	31 576,8	13 972,0	272 259	28 587,2	38 116,3	16 865,6
Алькеевская / Alkeyevskaya	263 049	27 620,2	36 826,9	16 295,1	317 526	33 340,2	44 453,6	19 669,7
Менделеевская / Mendeleyevskaya	1 169 522	122 799,8	163 733,1	72 448,3	1 411 726	148 231,2	197 641,6	87 452,1
Альметьевская / Almetyevskaya	744 509	78 173,5	104 231,3	46 120,0	898 694	94 362,9	125 817,2	55 671,3
Всего по РТ / Total in RT	**4 297 106**	**451 196,2**	**601 594,9**	**266 192,4**	**5 187 021**	**544 637,2**	**726 183**	**321 319,9**

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Таблица 5

Требуемые минимальные мощности по переработке зерна в муку по выделенным сырьевым зонам РТ*

Table 5. The required minimum capacities for the processing of grain into flour in selected commodity areas in RT*

Зоны / Zones	Годовой объем переработки зерна, тонн / Annual volume of grain processed, tons	Расчетные мощности по переработке, тонн в час / Calculated facilities fro processing, tons per hour	Годовая выработка муки, тонн / Annual production of flour, tons
Казанская / Kazanskaya	216 728,4	30,1	162 546,3
Буинская / Buinskaya	20 175,9	2,8	15 131,9
Сабинская / Sabinskaya	28 204,7	3,9	21 153,5
Алькеевская / Alkeyevskaya	32 894,3	4,6	24 670,7
Менделеевская / Mendeleyevskaya	146 248,4	20,3	109 686,3
Альметьевская / Almetyevskaya	93 100,5	12,9	69 825,4
Всего по РТ / Total in RT	**537 352,1**	**74,6**	**403 014,1**

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Таблица 6

Максимальные расчетные мощности по переработке зерна в муку по выделенным сырьевым зонам РТ*

Table 6. The maximum calculated capacities for the processing of grain into flour in selected commodity areas in RT*

Зоны / Zones	Годовой объем переработки зерна, тонн / Annual volume of grain processed, tons	Расчетные мощности по переработке, тонн в час / Calculated facilities fro processing, tons per hour	Годовая выработка муки, тонн / Annual production of flour, tons
Казанская / Kazanskaya	400 115	56	300 087
Буинская / Buinskaya	395 331	55	296 499
Сабинская / Sabinskaya	410 927	57	308 196
Алькеевская / Alkeyevskaya	433 945	60	325 459
Менделеевская / Mendeleyevskaya	506 028	70	379 521
Альметьевская / Almetyevskaya	876 854	122	657 641
Всего по РТ / Total in RT	**3 023 202**	**420**	**2 267 402**

* *Источник:* составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Прогноз состояния зернопродуктового подкомплекса позволил сделать вывод об отсутствии угрозы обеспечения продовольственной безопасности Татарстана в перспективе до 2030 г. по такой важной категории, как хлебобулочные и макаронные изделия. В ходе исследования были получены минимально допустимые значения площадей посевов и валового сбора зерна, а также мощностей по переработке. Соблюдение значений данных показателей необходимо с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности региона.

Список литературы

1. Зимняков В. Н., Сергеев А. Ю. Модернизация агропромышленного производства // Нива Поволжья. 2012. № 4 (25). С. 12–16.

2. Мельников А. Б. Продовольственная безопасность России в современных условиях // АПК: экономика, управление. 2012. № 10. С. 23–36.

3. Гриценко Г. М., Калькаев И. Г. Факторы и предпосылки устойчивого развития регионального зернопродуктового подкомплекса // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2006. № 3 (23). С. 95–99.

4. Сидоренко О. В. Формирование и развитие хозяйственных взаимоотношений в системе зернопродуктового подкомплекса // Аграрная Россия. 2014. № 6. С. 21–25.

5. Алтухов А. И. Воспроизводство в зернопродуктовом подкомплексе – основа его устойчивого функционирования // Нива Поволжья. 2014. № 30. С. 2–12.

6. Дзагоева И. Т., Макиев А. Т. Современные проблемы развития зернопродуктового подкомплекса и пути их решения // Известия Горского государственного аграрного университета. 2013. № 3 (50). С. 264–266.

7. Борисов М. Ю. Структурные аспекты зернопродуктового подкомплекса // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. 2010. № 9. С. 138–142.

8. Сидоренко В. В., Михайлушкин П. В. Продовольственная безопасность в современном мире // Международный сельскохозяйственный журнал. 2012. № 2. С. 40–45.

9. Дойловский Э. А. Мукомольное и крупяное производство. М.: АСТ, 2005. 192 с.

10. Бродецкий Г. Л. Проблемы многокритериального выбора места дислокации и формы собственности склада по методу идеальной точки // Современные технологии управления логистической инфраструктурой: сб. ст. науч.-практ. конф. «Современные технологии управления логистической инфраструктурой» (27 октября 2010 г.). М.: Эс-Си-Эм Консалтинг, 2010. 124 с.

В редакцию материал поступил 19.11.14

© Мансуров Р. Е., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Мансуров Руслан Евгеньевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и экономики, директор Зеленодольского филиала, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 422544, г. Зеленодольск, ул. Рогачева, 4, тел.: (84371) 5-11-83

E-mail: Russell_1@mail.ru

Как цитировать статью: Мансуров Р. Е. Оценка состояния и перспективы развития зернопродуктового подкомплекса Татарстана // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 151–160.

R. E. MANSUROV,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

ESTIMATING THE STATE AND PROSPECTS OF GRAIN-PRODUCTION SUBCOMPLEX OF TATARSTAN

Objective: to show the modern state of grain products subcomplex of the Republic of Tatarstan, to assess the prospects of its development with the calculation of the key indicators, the achievement of which is necessary from the point of view of ensuring food security in the region.

Methods: mathematical methods were used, as well as comparative analysis, multicriterial optimization, in particular, the ideal point method.

Results: analysis of the state of grain products subcomplex of RT shows that at present the Republic not only fully satisfies its needs, but also up to 2.5 million tons of grain and 1.9 million tons of flour can be used to provide other regions. Six zones were identified: Kazan, Buinsk, Saby, Alkeevsky, Mendeleevsk and Almetyevsk, where it is reasonable to develop milling capacities in order to strengthen the food security of the country. The study showed a minimum value of the crop areas and gross harvest of grain and processing capacity in the selected zones.

Scientific novelty: a comprehensive review of the status of grain production subcomplex of RT and the forecast of its development till 2030.

Practical significance: the practical applications outlined in the recommendations will allow to provide food safety of the Republic in such important categories as bread and pasta.

Key words: grain products subcomplex; agriculture; zoning of grain crops; prediction for the Tatarstan agrarian-industrial complex.

References

1. Zimnyakov, V. N., Sergeev, A. Yu. Modernizatsiya agropromyshlennogo proizvodstva (Modernization of agrarian-industrial complex) // *Niva Povolzh'ya,* 2012, no. 4 (25), pp. 12–16.

2. Mel'nikov, A. B. Prodovol'stvennaya bezopasnost' Rossii v sovremennykh usloviyakh (Food safety of Russia under the modern comditions) // *APK: ekonomika, upravlenie*, 2012, no. 10, pp. 23–36.

3. Gritsenko, G. M., Kal'kaev, I. G. Faktory i predposylki ustoichivogo razvitiya regional'nogo zernoproduktovogo podkompleksa (Factors and prerequisites of the stable development of the regional grain-production subcomplex) // *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta,* 2006, no. 3 (23), pp. 95–99.

4. Sidorenko, O. V. Formirovanie i razvitie khozyaistvennykh vzaimootnoshenii v sisteme zernoproduktovogo podkompleksa (Formation and development of economic relations in the system of grain-production subcomplex) // *Agrarnaya Rossiya*, 2014, no. 6, pp. 21–25.

5. Altukhov, A. I. Vosproizvodstvo v zernoproduktovom podkomplekse – osnova ego ustoichivogo funktsionirovaniya (Reproduction in gthe grain-production subcomplex as the basis of its stable functioning) // *Niva Povolzh'ya,* 2014, no. 30, pp. 2–12.

6. Dzagoeva, I. T., Makiev, A. T. Sovremennye problemy razvitiya zernoproduktovogo podkompleksa i puti ikh resheniya (Modern issues of grain-production subcomplex development and ways of their solution) // *Izvestiya Gorskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta,* 2013, no. 3 (50), pp. 264–266.

7. Borisov, M. Yu. Strukturnye aspekty zernoproduktovogo podkompleksa (Structural aspects of grain-production subcomplex) // *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta*, 2010, no. 9, pp. 138–142.

8. Sidorenko, V. V., Mikhailushkin, P. V. Prodovol'stvennaya bezopasnost' v sovremennom mire (Food safety in the modern world) // *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal*, 2012, no. 2, pp. 40–45.

9. Doilovskii, E. A. *Mukomol'noe i krupyanoe proizvodstvo* (Flour milling and cereal production). M.: AST, 2005. 192 p.

10. Brodetskii, G. L. Problemy mnogokriterial'nogo vybora mesta dislokatsii i formy sobstvennosti sklada po metodu ideal'noi tochki (Issues of multicriterial choice of choosing the location and property form of a stock by the ideal point method) // *Sovremennye tekhnologii upravleniya logisticheskoi infrastrukturoi*: cb. st. nauch.-prakt. konf. «Sovremennye tekhnologii upravleniya logisticheskoi infrastrukturoi» (27 oktyabrya 2010 g.). M.: Es-Si-Em Konsalting, 2010, 124 p.

Received 19.11.14

Information about the author

Mansurov Ruslan Evgenyevich, PhD (Economics), Director of Zelenodolsk branch, Associate Professor of the Chair of Marketing and Economics, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 4 Rogachev Str., 422544, Zelenodolsk, tel.: (84371) 5-11-83

E-mail: Russell_1@mail.ru

For citation: Mansurov R. E. Estimating the state and prospects of grain-production subcomplex of Tatarstan // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 151–160.

© Mansurov R. E., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 338.46:642. 5
URL: http://hdl.handle.net/11435/2207

Токарев М. А.
С. 161–168.

М. А. ТОКАРЕВ,

преподаватель

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Цель: выявить и систематизировать наиболее проблемные объекты контроля в различных кафе города Нижнего Новгорода, по мнению их руководителей, и предложить мероприятия по их совершенствованию.
Методы: исследование на основе составленной анкеты, анализ, логический и классификация.
Результаты: дано описание результатов ответов респондентов; чуть менее трети опрошенных указали, что причиной одной из двух последних проверок является выявление случаев отравления в сфере общественного питания; основным объектом контроля, при проверке которого чаще всего были выявлены нарушения, является визуальный контроль. При проведении внутреннего контроля основным объектом, где чаще выявлялись недостатки, по мнению респондентов, является обоснование безопасности. Далее, примерно одинаковое количество ответов получили такие процессы, как медицинский осмотр персонала и своевременное информирование органов контроля.
Фактором, вызывающим наибольшие опасения при проведении контроля, для руководителей является несоблюдение правил гигиены поварами, при том что менее значимым фактором, по мнению респондентов, является нарушение процедуры проведения контроля.
Большая часть проблем может быть решена посредством наличия на предприятии высококвалифицированного персонала, частота нарушений которого будет сведена к минимуму. Итогом решения возникшей проблемы должно стать создание единой программы по повышению квалификации/переподготовке кадров, уклон которой будет не только на повышение уровня знаний, но и на вырабатывание таких качеств, как самоконтроль и самоорганизация.
Научная новизна: на основе проведенного исследования сделан вывод о том, в каком именно направлении необходимо совершенствовать контрольную деятельность в сфере общественного питания.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы при проектировании и внедрении новых стандартов, регулирующих контрольную деятельность в общественном питании.

Ключевые слова: Роспотребнадзор; общественное питание; контроль; мониторинг; персонал; исследование.

Введение

Общественное питание характеризуется постоянным изменением различных факторов, участвующих в оказании услуг общественного питания. Так, появляются новые сырье, инвентарь, совершенствуется технология приготовления и т. д. Обеспечение безопасности здоровья потребителя при оказании услуг общественного питания – это проблема, которая требует к себе особого внимания[1]. По данным ВОЗ и CDC, только в США ежегодно обнаруживается не менее 76 миллионов случаев заболеваний пищевого происхождения, приводящих к 325 000 случаев госпитализации и 5 000 случаев смертей [9].

На сегодняшний день появилось много стандартов по безопасности пищевых продуктов, которые направлены на совершенствование продовольственной безопасности, а также на решение вопросов, которые подняты производителями, поставщиками, продавцами и потребителями. Приоритетными показателями качества считаются органолептические свойства продукта, его пищевая ценность и безопасность. Например, при хранении и переработке в пищевом сырье могут появиться опасные соединения вследствие химических или микробиологических процессов[2].

Безопасность пищевых продуктов в первую очередь является объектом санитарно-гигиенического

[1] Государственный доклад «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Нижегородской области за 2014 г.».

[2] Государственный доклад «О санитарно-эпидемиологической обстановке в Нижегородской области за 2013 г.».

контроля, но вместе с этим вопросы безопасности не должны выпадать из поля зрения сотрудников предприятий общественного питания [5].

В мировом сообществе в настоящее время пересматриваются приоритеты в оценке безопасности. Так, Агентством по пищевым стандартам в Великобритании был разработан ряд пакетов «Безопасная еда, лучший бизнес» (Safer food, better business) в соответствии с требованиями HACCP (Hazard analysis and critical control points) (Анализ рисков и критические контрольные точки). Эта концепция предусматривает оценку и управление опасными факторами, существенно влияющими на безопасность продукции [8].

Учитывая тот факт, что на сегодняшний день отсутствуют исследования по организации контрольной деятельности, представленные в открытом доступе, возникает вопрос, какие именно факторы послужили мотивом для проектирования новых стандартов в сфере общественного питания.

Вследствие большого количества предприятий, а также типов предприятий общественного питания Нижнего Новгорода необходимо использовать квотную и механическую выборку. Так, в соответствии с ГОСТ Р 50762-2007 для исследования выделено 8 типов предприятий общественного питания (исключением стали магазин кулинарии и буфет)[3]. По данным сайта администрации города Нижнего Новгорода, на его территории располагается 767 предприятий общественного питания. В результате использования квотной выборки были выделены квоты на каждый тип предприятия общественного питания. В данной работе будут представлены результаты исследования по типу предприятия «кафе». Необходимо отметить, что представленный в данной работе анализ ответов респондентов является лишь частью единого исследования [7].

В качестве респондентов для данного исследования были выбраны руководители кафе в Нижнем Новгороде. Анкета для исследования включает вопросы, распределенные по разделам.

Первый раздел необходим для выявления тенденций при проведении процедуры контроля силами сотрудников Роспотребнадзора и собственными силами предприятия. При составлении данных вопросов использовались нормативные документы, описывающие и регламентирующие процедуру контроля. Так, данный блок вопросов содержит следующие подтемы: причины проведения проверок и основные нарушения на предприятиях при проведении проверки. По данному блоку вопросов также можно будет отследить тенденции и сделать на основании их выводы [2].

Второй блок вопросов анкеты состоит из вопросов, в которых респондент должен отметить участки на предприятии, требующие наиболее детального контроля и мониторинга, как на своем предприятии, так и в целом.

Прежде чем описывать результаты проведенного исследования, необходимо сделать ряд уточнений. Сравнение будет проводиться в процентах, а не в абсолютных величинах, поскольку будет выбираться квота по каждому типу предприятия. Следует отметить, что в ходе исследования пришлось столкнуться с проблемой: руководящий состав предприятий (респонденты) отвечали на вопросы, испытывая чувство тревоги и опасности за свою деятельность, вследствие чего можно судить лишь о частичной достоверности данных (часть данных могла быть сокрыта или изменена) [1].

Результаты исследования

В первую очередь респондентов попросили указать, что именно послужило причиной проведения двух последних проверок Роспотребнадзором в их собственном кафе.

В анкете в качестве вариантов ответа использовались факты, являющиеся основанием для проверки деятельности юридических лиц по выполнению требований санитарного законодательства, законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, указанных в Приказе № 658 от 19.10.2007 Министерства здравоохранения[4]. К ним относятся:

– проведение санитарно-эпидемиологического расследования по факту выявления продукции, сырья и технологий, представляющих опасность для здоровья населения;

– проверка соблюдения законов и иных нормативных правовых актов РФ, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей;

– обращения граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей с жалобами на наруше-

[3] ГОСТ Р 50762-2009 «Услуги общественного питания. Классификация предприятий общественного питания». Введ. 15.12.09. М.: Изд-во стандартов, 2010. 34 с.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

ния санитарного законодательства, законов и иных нормативных правовых актов РФ;

– обращения органов государственной власти и органов местного самоуправления по вопросам нарушения санитарного законодательства;

– нормативные правовые акты главных государственных санитарных врачей (заместителей);

– аварийные ситуации, которые привели или могут привести к ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки;

– отравления, заболевания, в том числе профессиональные, или изменение других показателей здоровья человека;

– сообщения в средствах массовой информации, содержащие данные, указывающие на ухудшение санитарно-эпидемиологического благополучия населения[5].

На рис. 1 представлено распределение ответов респондентов о причине проведения двух последних проверок на их предприятиях.

Основной причиной проведения проверок является факт соблюдения законодательства. Так ответили 71,7 и 21,7 % респондентов соответственно. Второй причиной проведения проверки является факт выявления продукции, представляющей опасность. Так ответили 17,4 и 23,9 % респондентов.

Распространенной причиной проверок послужили жалобы физических лиц. Данный вариант ответа выбрали не менее 6 % респондентов в обоих случаях. Наличие ответов по данному варианту может говорить о том, что на сегодняшний день граждане Нижнего Новгорода уделяют внимание тому, как осуществляются услуги общественного питания.

Очень важным является тот факт, что немногим менее 30 % респондентов указывают, что основанием второй (самой последней) проверки являются такие причины, как постановления главного государственного санитарного врача и выявление случаев отравления (15,2 и 13 % респондентов соответственно). Следует отметить, что данные варианты

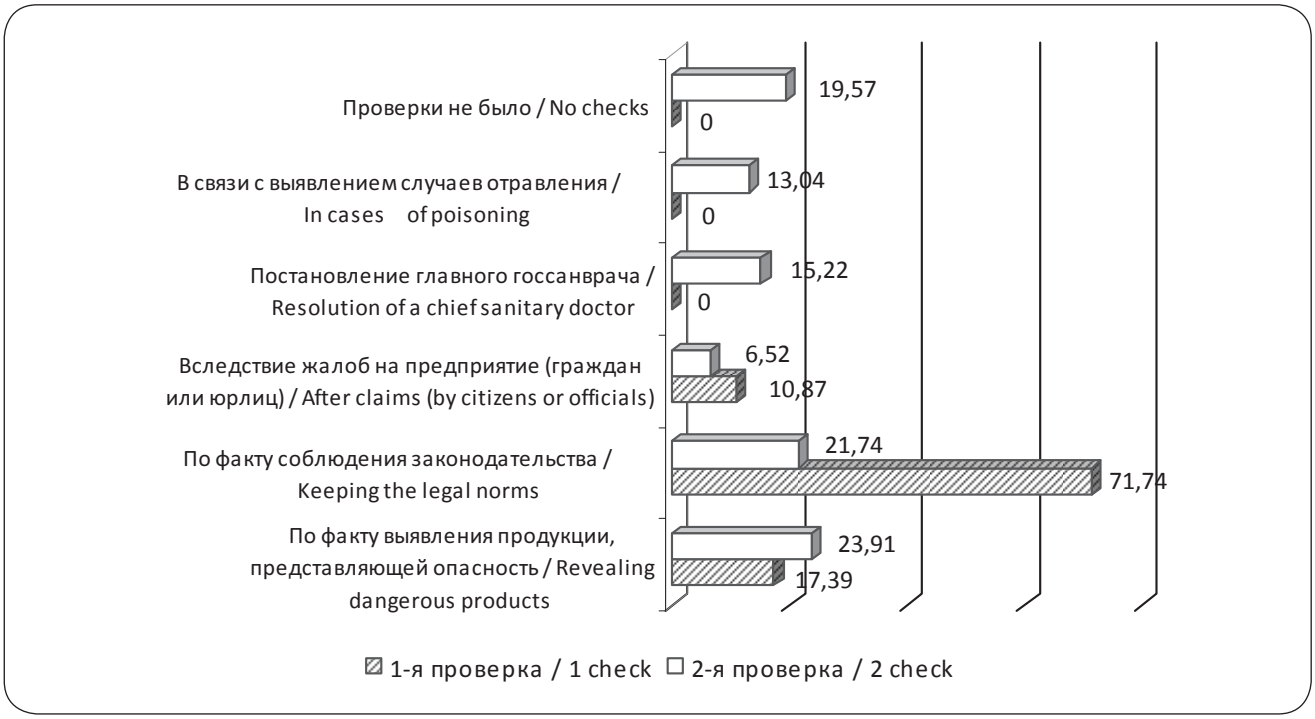


Рис. 1. Причины проведения двух последних проверок в кафе Нижнего Новгорода*

* *Источник*: составлено автором.

Fig. 1. The causes of the last two inspections in cafes in Nizhny Novgorod*

* *Source:* compiled by the author.

[5] ГОСТ 31984-2012 «Общественное питание. Термины и определения». Введ. 01.01.15. М.: Стандартинформ, 2014. 24 с.

ответа были выбраны теми респондентами, которые указали, что причиной первой проверки являлся факт соблюдения законодательства и выявления продукции, представляющей опасность. Так ответили 5 и 12 % респондентов соответственно.

Необходимо отметить очень важный факт, что такие варианты ответа, как «вследствие жалоб на предприятие (органов госвласти)», «в связи с появлением аварийных ситуаций», «после сообщений в средствах массовой информации», не были использованы ни одним из респондентов.

Целью следующего вопроса послужит рассмотрение основных составляющих в деятельности предприятия, где чаще всего выявляются недостатки как при проведении внутреннего контроля, так и при проведении контроля силами сотрудников Роспотребнадзора. При составлении вариантов ответа для данного вопроса использовались объекты проверок, указанные в СанПиН 1.1.1058-01 и СанПиН 1.1.2193-07[6] (см. табл.).

Основные объекты на предприятии, где чаще всего выявляются недостатки при проведении контроля (%)* / The main objects of the company, most often identified as weaknesses during the inspection (%)*

Наименование деятельности / Activity	При проведении внутреннего контроля / During internal control	При проведении контроля Роспотребнадзором / During control by the Russian Agency for Consumer Supervision
Осуществление лабораторных исследований / Laboratory research	10,87	19,57
Медицинский осмотр персонала / Medical observance of the personnel	19,57	41,30
Наличие сертификатов / Certificates	0,00	8,70
Обоснование безопасности / Safety grounding	26,09	0,00
Своевременное информирование органов контроля / Timely informing the controlling bodies	17,39	0,00
Визуальный контроль / Visual control	54,35	73,91

* *Источник*: составлено автором.

* *Source:* compiled by the author.

Исходя из данных, представленных в табл. 1, можно отметить, что основным объектом контроля, при проверке которого чаще всего были выявлены нарушения, является визуальный контроль. Так ответило 54,35 и 73,91 % респондентов. Необходимо отметить, что единственным способом отследить качество данного объекта контроля является проверка бракеражного журнала и деятельности бракеражной комиссии, поскольку визуальный контроль отображается только посредством записей в бракеражном журнале[7].

При проведении внутреннего контроля основным объектом, где чаще всего были выявлены недостатки, является обоснование безопасности – так ответили 26,09 % респондентов. Примерно одинаковое количество ответов получили такие процессы, как медицинский осмотр персонала и своевременное информирование органов контроля (19,57 и 17,39 % респондентов соответственно). При осуществлении лабораторных испытаний нарушения были выявлены у 10,87 % опрошенных.

Во время проведения проверки Роспотребнадзором чаще всего обнаруживались недостатки (помимо визуального контроля) при медицинском осмотре персонала (41,3 % опрошенных респондентов). Сотрудники контрольных органов выявляли нарушения при оценке процедуры осуществления лабораторных исследований – на это указали 19,57 % респондентов. При проверке наличия сертификатов 8,7 % респондентов указали на наличие нарушений.

Далее в анкете следуют два вопроса, которые позволяют оценить мнение руководящего состава предприятия о том, какие именно патогенные факторы являются наиболее опасными в общественном питании и какие именно аспекты требуют особой проверки и доработки (рис. 2).

Наиболее сложным участком при проведении контроля в кафе в Нижнем Новгороде руководители предприятий общественного питания считают процесс первичной обработки сырья – 31 %. Необходимо отметить, что данный этап обработки продуктов признается одним из самых сложных и в других странах. Например, в стандарте Five Keys первичная обработка сырья указана сразу после личной гигиены повара [4].

[6] СП 2.3.6.1079-01 Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы. «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья с изменениями и дополнениями».

[7] ГОСТ 31985-2013 «Общественное питание. Термины и определения». Введ. 01.01.15. М.: Стандартинформ, 2014. 26 с.

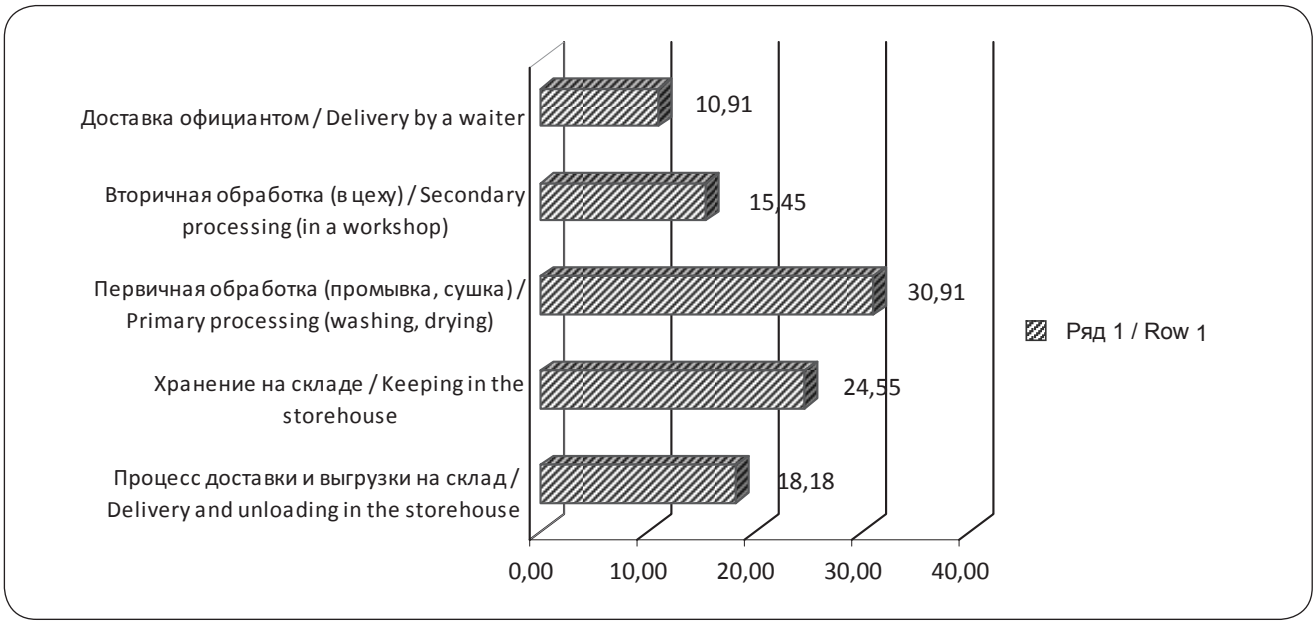


Рис. 2. Основные участки в процессе приготовления блюда, на которых, по мнению руководителей, сложнее всего осуществить контроль*

* *Источник*: составлено автором.

Fig. 2. The main areas in the process of cooking, which, in management's view, are the most difficult to control*

* *Source:* compiled by the author.

На втором месте по сложности осуществления контроля – процессы хранения сырья на складе, а также доставка и выгрузка товаров на склад. Так ответили 24,5 и 18,2 % респондентов соответственно. Два оставшихся варианта ответов (вторичная обработка и доставка официантом) выбрали 15,5 и 11 % респондентов. Следует отметить, что разница между более сложным участком для проведения контроля и наиболее легко контролируемым составила 20 %. Это говорит о том, что проблемы при проведении контроля на таком участке, как первичная обработка, не единичный случай, а закономерность, в отличие от доставки блюд официантом.

В следующем вопросе респондентам предстояло выбрать, какие из вышеперечисленных патогенных факторов в процессе приготовления блюда имеют наибольшую возможность появления (рис. 3).

Фактором, вызывающим наибольшие опасения при проведении контроля у руководителей кафе в Нижнем Новгороде, является несоблюдение правил гигиены поварами (35 % от общего числа ответов).

Наименее значимым фактором, по мнению респондентов, является нарушение процедуры проведения контроля – 9 % опрошенных. Остальные варианты ответов колеблются в диапазоне 13–15 %. Так, нарушение санитарных норм, режима хранения, несоблюдение правил гигиены официантами и пропуск некачественной продукции на склад являются в равной степени опасными патогенными факторами. Однако следует заметить, что разница между лидером среди вариантов ответов и наименее опасным фактором составляет 26 %, или же, другими словами, несоблюдение правил гигиены поварами в 4 раза важнее для руководителей, чем нарушение технологии медицинского контроля на предприятии.

Выводы

В качестве общего вывода по данному исследованию можно отметить следующее:

– чуть менее трети опрошенных указали, что причиной одной из двух последних проверок является выявление случаев отравления в сфере общественного питания. Это является крайне негативным сигналом о том, что на предприятиях общественного питания крайне слабо развита система внутреннего контроля;

– основным объектом контроля, при проверке которого чаще всего были выявлены нарушения, является визуальный контроль. Данный результат говорит о том, что руководители предприятий обще-

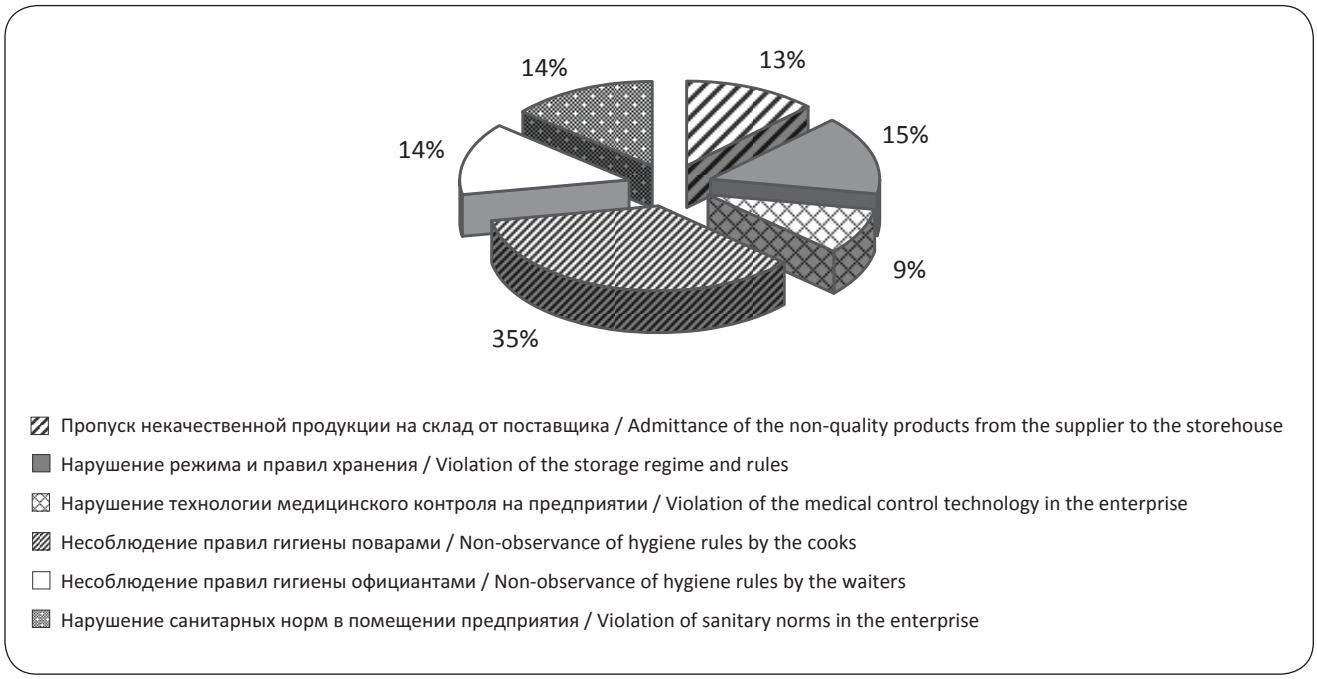


Рис. 3. Факторы, которые в процессе приготовления блюда имеют наибольшую возможность появления на предприятии*

* *Источник*: составлено автором.

Fig. 3. Factors in the process of cooking which are the most probable in the company*

* *Source:* compiled by the author.

ственного питания не доверяют своим сотрудникам, осуществляющим процедуру внутреннего контроля;

– первичная обработка сырья, по мнению опрашиваемых респондентов, является наиболее опасным участком в процессе приготовления блюда, на котором, по мнению руководителей, сложнее всего осуществить контроль;

– большая часть респондентов считает, что среди всех патогенных факторов наибольшую опасность на всех предприятиях общественного питания представляет несоблюдение санитарно-гигиенических правил поварами.

Следует заметить, что большая часть проблем может быть решена наличием на предприятии высококвалифицированного персонала, частота нарушений которого будет сведена к минимуму [3].

Также очень важно помнить о необходимости постоянного самоконтроля со стороны всех сотрудников предприятий общественного питания.

На данный момент в Российской Федерации отсутствует как таковая система переобучения персонала в сфере общественного питания. Это складывается из-за следующего ряда проблем:

– отсутствие чувства ответственности за осуществляемые действия;

– отсутствие действующего нормативного законодательства, регламентирующего процедуру переобучения или переподготовки [6].

Таким образом, необходимость совершенствования процесса подготовки сотрудников контрольно-надзорной деятельности в сфере продовольственной безопасности складывается под воздействием многих факторов.

Итогом решения возникшей проблемы должно стать создание единой программы по повышению квалификации / переподготовке кадров, уклон которой будет не только на повышение уровня знаний, но и на вырабатывание таких качеств, как самоконтроль и самоорганизация.

Список литературы

1. Ефремова М. В., Чкалова О. В. Анализ качества гостиничных услуг на основе процессного подхода // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 26 (377). С. 10–16.

2. Задорожный Ю. В. Особенности формирования национальной системы компетенций и квалификаций в РФ // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2013. С. 255–258.

3. Токарев М. А. Анализ контрольной деятельности в сфере общественного питания по данным государственных докладов «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Нижегородской области за период 2008–2011 годов» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 139–146.

4. Токарев М. А. О необходимости совершенствования процесса повышения квалификации персонала в сфере общественного питания // Кадровик. 2013. № 6. С. 106–109.

5. Токарев М. А. Совершенствование процесса гигиенической подготовки и переподготовки персонала на предприятиях общественного питания // Кадровик. 2011. № 9. С. 94–99.

6. Токарев М. А. Сущность внешнего контроля в сфере общественного питания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Т. 1. № 1. 2014. С. 197–201.

7. Чкалова О. В. Особенности развития предпринимательских структур в торговле // Менеджмент в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 46–51.

8. Food Safety and Liability Insurance. Emerging Issues For Farmers and Institutions. 2010. 34 p.

9. Safety evaluation of certain food additives / prepared by the Seventy-first meeting of the Joint FAO/WHO Expert Committee on Food Additives (JECFA). 2010. P. 292.

В редакцию материал поступил 28.07.15

© Токарев М. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Токарев Михаил Алексеевич, преподаватель, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603950, г. Н. Новгород, пр. Ленина, 27, тел.: (831) 245-33-32
E-mail: info@fup.unn.ru

Как цитировать статью: Токарев М. А. Оценка эффективности контроля деятельности предприятий общественного питания Нижнего Новгорода // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 161–168.

M. A. TOKAREV,
lecturer
Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

ESTIMATING THE EFFICIENCY OF CONTROL OVER CATERING ENTERPRISES IN NIZHNIY NOVGOROD

Objective: to identify and systematize the most problematic objects of control in various cafes of Nizhny Novgorod, in the opinion of their leaders, and to offer measures for their improvement.

Methods: the study is based on questionnaires, analysis, and logical classification.

Results: the results of the respondents' polling are described; just under a third of respondents indicated that one of the last two inspections is the identification of cases of poisoning in the catering industry; the main object of control, of the most commonly detected defects, is visual inspection. When conducting internal monitoring, the main object with the majority of defects, according to respondents, is the safety analysis. Then, about the same number of respondents indicated the processes such as medical examination of personnel and timely informing of the authorities.

The factor causing the greatest concern during the control, according to the managers, is the poor hygiene of the cooks, while the less significant factor, according to respondents, is the violation of the control procedure.

Most problems can be solved through the availability of a highly qualified staff, the frequency of violations will be minimized. The result of solving a problem should be the creation of unified program of personnel training/retraining, aimed not only at increasing knowledge, but also at the process of developing such qualities as self-control and self-organization.

Scientific novelty: on the basis of the study, it is concluded, in which direction it is necessary to improve the control activity in the sphere of public catering.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the design and implementation of new standards regulating activities to control the public catering.

Key words: Consumer's Inspection of Russia; catering; control; monitoring; personnel; research.

References

1. Efremova, M. V., Chkalova, O. V. Analiz kachestva gostinichnykh uslug na osnove protsessnogo podkhoda (Analysis of hotel services quality based on process approach) // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2014, no. 26 (377), pp. 10–16.
2. Zadorozhnyi, Yu. V. Osobennosti formirovaniya natsional'noi sistemy kompetentsii i kvalifikatsii v RF (Features of forming the national system of competencies and qualifications in RF) // *Aktual'nye problemy sotsial'noi kommunikatsii: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf*. N. Novgorod, 2013, pp. 255–258.
3. Tokarev, M. A. Analiz kontrol'noi deyatel'nosti v sfere obshchestvennogo pitaniya po dannym gosudarstvennykh dokladov «O sostoyanii sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v Nizhegorodskoi oblasti za period 2008–2011 gody» (Analysis of control activity in catering by the state reports «On the sanitary-epidemiological well-being of the population I Nizhniy Novgorod oblast in 2008–2011») // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2013, no. 8, pp. 139–146.
4. Tokarev, M. A. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya protsessa povysheniya kvalifikatsii personala v sfere obshchestvennogo pitaniya (On the necessity to improve the process of qualification advancing of personnel in public catering) // *Kadrovik*, 2013, no. 6, pp. 106–109.
5. Tokarev, M. A. Sovershenstvovanie protsessa gigienicheskoi podgotovki i perepodgotovki personala na predpriyatiyakh obshchestvennogo pitaniya (Improving the process of hygiene training and retraining of personnel in public catering) // *Kadrovik*, 2011, no. 9, pp. 94–99.
6. Tokarev, M. A. Sushchnost' vneshnego kontrolya v sfere obshchestvennogo pitaniya (Essence of external control in public catering) // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 1, no. 1, 2014, pp. 197–201.
7. Chkalova, O. V. Osobennosti razvitiya predprinimatel'skikh struktur v torgovle (Features of development of entrepreneurship structures in trade) // *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2014, no. 2, pp. 46–51.
8. *Food Safety and Liability Insurance*. Emerging Issues For Farmers and Institutions, 2010, 34 p.
9. *Safety evaluation of certain food additives* / prepared by the Seventy-first meeting of the Joint FAO/WHO Expert Committee on Food Additives (JECFA), 2010, p. 292.

Received 28.07.15

Information about the author

Tokarev Mikhail Alekseyevich, lecturer, Nizhniy Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy
Address: 27 Lenin Prospekt, 603950, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 245-33-32
E-mail: info@fup.unn.ru

For citation: Tokarev M. A. Estimating the efficiency of control over catering enterprises in Nizhniy Novgorod // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 161–168.

© Tokarev M. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 658.1:347.736
URL: http://hdl.handle.net/11435/2208
Ширинкина Е. В., Валиуллина Л. А.
С. 169–180.

Е. В. ШИРИНКИНА,
кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом
Сургутский государственный университет ХМАО – Югры, г. Сургут, Россия,
Л. А. ВАЛИУЛЛИНА,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права
Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

ФОРМАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РИСКА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Цель: совершенствование понятийного аппарата и аналитических процедур идентификации риска несостоятельности.
Методы: в работе использованы общенаучные методы системного и сравнительного анализа, экономико-статистического и динамического анализа экономических процессов и явлений.
Результаты: управление риском несостоятельности в настоящее время является актуальным для любого предприятия независимо от отраслевой принадлежности. Нестабильность проявляется через неопределенность направлений изменения внешней среды и их высокую частоту. Анализ экономической литературы показал, что в настоящий момент нет единого подхода к систематизации методов прогнозирования риска несостоятельности, а это значит, что нет объективного представления об инструментарии, который можно использовать для мониторинга риска несостоятельности. В этой связи научно-практический поиск репрезентативных показателей для формализации модели прогнозирования несостоятельности является весьма актуальным. Поэтому в исследовании решены следующие задачи: определена сущность риска несостоятельности и его идентификация в процессе финансовых отношений в системе управления, обоснована репрезентативность показателей в прогнозировании риска несостоятельности, сформирована модель прогнозирования риска несостоятельности.
Научная новизна: обоснование модели прогнозирования риска несостоятельности.
Практическая значимость: развитие теоретической базы для решения вопросов, возникающих при диагностике несостоятельных предприятий, а также применение полученных результатов в практической деятельности органов института банкротства. Представленная модель позволяет спрогнозировать риск несостоятельности предприятия по общему тренду развития и коридору колебания риска банкротства; определить значимость каждого показателя-фактора, его количественное влияние, а значит, своевременно избежать риска несостоятельности предприятия.

Ключевые слова: риск; несостоятельность; неплатежеспособность; прогнозирование; банкротство; кризис; диагностика.

Введение

Экономические отношения в РФ характеризуются очень высокой степенью непостоянства, что существенно увеличивает риск несостоятельности предприятий в результате влияния внешних и внутренних экономических факторов. За последнее десятилетие большое количество предприятий разных форм собственности оказались на грани выживания. В первую очередь это было связано с реформированием российской экономики и начавшимися кризисными явлениями в мировом сообществе.

Становление рыночной экономики явилось предпосылкой теории риска в экономической российской литературе. Так, с необходимостью управления рисками предприятия столкнулись, когда перешли от плановой экономики к рыночной. Именно этот период характеризуется возникновением такой категории, как несостоятельность. Предприятие является открытой системой, которая осуществляет свою деятельность, активно взаимодействуя с внешней средой. В настоящее время важнейшими свойствами внешней среды являются неопределенность и нестабильность. Неопределенность – неустранимое качество, связанное с тем, что на внешнюю среду одновременно влияют огромное число рыночных факторов различной природы и направленности [1]. Нестабильность проявляется через неопределенность направлений изменения внешней среды и их высокую частоту. Ни одно предприятие даже в период расцвета не может полностью быть уверенным в своем будущем. Поэтому проблема прогнозирования и оценки риска несостоятельности организаций сегодня очень важна в РФ. И управление

риском несостоятельности в настоящее время является актуальным для любого предприятия независимо от отраслевой принадлежности.

Результаты исследования

Как показывает аналитический обзор литературы, суждение о риске получило широкое распространение, при этом под риском понимаются недополучение какого-то результата, а также угроза или опасность. Категория же «неопределенность» пока остается вне поля зрения российских ученых, чаще она отождествляется с риском [1, 2, 3, 4]. В частности, в «Экономической энциклопедии» дается следующее определение риска: «…это неопределенность, связанная с принятием решений, реализация которых происходит только с течением времени» [5]. В. Абчук определяет риск как «…действия в неясной неопределенной обстановке» [6]. Такой подход прослеживается в работах других российских экономистов. Так, Л. Г. Шаршукова и М. Г. Лапуста отмечают, что «…хотя последствия риска отмечаются в виде потерь или невозможности получения ожидаемой прибыли, однако риск характеризуется сочетанием возможности достижения как нежелательных, так и особо благоприятных отклонений от запланированных результатов» [7].

По нашему мнению, все многообразие определений риска целесообразно объединить в три группы. В первую включаются определения, под которыми понимается вероятность отклонения от запланированных результатов; во вторую – определения, где под риском понимаются действия предпринимателя в надежде на достижение заданных целей; в третью – выбор альтернативных решений в условиях неопределенности. Очевидно, что любое определение имеет право на существование. Однако рассмотрение сущности риска невозможно без определения его функций. В экономической литературе выделяют следующие функции риска: стимулирующую, защитную, аналитическую [8, 9]. Стимулирующая функция заключается в стимулировании предприятия к поиску нетрадиционных решений и решению проблем, возникающих в процессе хозяйственной деятельности. Защитная функция проявляется в социальной защите, правовых, экономических и политических гарантиях, исключающих в случае неудачи наказание. Аналитическая заключается в проведении анализа динамики показателей, определении факторов, влияющих на наступление риска, с целью разработки верных решений по управлению риском.

Именно увеличение степени влияния большого многообразия факторов обуславливает возникновение рисков. Такие риски в условиях неопределенности приводят к кризисным ситуациям, последствием которых является финансовая несостоятельность предприятий. Риск несостоятельности предприятия является одним из последствий потерь финансового равновесия, в свою очередь, нарушение равновесия определяют с помощью двух факторов: уровня финансовой зависимости от привлеченных средств (кредиторской задолженности) и недостаточности собственных источников для оплаты задолженности, причем эти факторы достаточно тесно взаимосвязаны. Аналогичным образом нарушение платежеспособности субъекта хозяйствования ведет к неспособности должника к своевременным платежам, а уровень задолженности показывает обратную корреляцию с уровнем финансовой устойчивости рассматриваемого предприятия.

Категория «неопределенность» характеризует ситуацию, при которой полностью или частично отсутствует информация о возможных состояниях экономической системы и факторов внешней среды. При этом необходимо отметить, что в экономической системе нет строго функциональных взаимосвязей, как, например, в точных науках – физике, математике, так как на результативный показатель влияет большое многообразие факторов, в силу чего в экономических системах чаще присутствуют стохастические связи [11]. В этой связи на возникновение самой ситуации неопределенности влияют следующие причины: 1) информационный разрыв, обусловленный несовершенной и асимметричной информацией; 2) разрыв компетентности, проявляющийся несовершенством используемого инструментария; 3) ошибки анализа и моделирования; 4) случайность, заключающаяся в бесконечной сложности и многообразии; 5) противодействие, которое проявляется в несовпадении интересов. Следовательно, именно неопределенность обуславливает возникновение риска.

По нашему мнению, для неопределенности диаметрально противоположной категорией является прогнозируемость. Прогнозирование было актуальным и востребованным во все времена. Особая роль принадлежит прогнозированию в условиях рыночной экономики, как было отмечено выше, в силу действия риска, неопределенности и наличия стохастических связей в экономике. Прогностика как наука предполагает получение количественных оценок риска несостоятельности в будущем при помощи инструментальных и математических методов [12]. Очевидно, что при конструировании и использовании методов прогнозирования в первую очередь необходимо об-

ращать внимание на то, какой превалирует критерий для количественной оценки.

Существует мнение, что всякий новый способ, претендующий на его использование, должен быть сравнен с существующими. Поэтому целесообразно рассмотреть существующие методы оценки риска несостоятельности предприятий. Проблема прогнозирования несостоятельности впервые возникла в развитых странах после Второй мировой войны [13]. Причиной послужило увеличение числа предприятий-банкротов из-за сокращения военных заказов. Стало актуальным определение условий, ведущих предприятие к банкротству, а также его первых симптомов. Очевидно, что в данном исследовании возникает необходимость разграничения понятий «несостоятельность» и «банкротство», но этому будет посвящено отдельное исследование, а пока будем использовать уточненное нами понятие «риск несостоятельности». Риск несостоятельности – это вероятность невыполнения обязательств даже при быстрой реализации активов, он тесно связан с риском ликвидности и риском банкротства и является производным от других рисков, поэтому процесс управления базируется на постоянном контроле уровня общего риска, который берет на себя предприятие.

Сначала не было специальных методов прогнозирования несостоятельности, и поэтому в большинстве случаев расчеты не давали реального результата. Первые попытки разработки прогнозирования риска несостоятельности (в трудах отмечаются как «оценки банкротства»), связанные с развитием компьютерной техники, происходили в 1960-х гг. В результате появилось множество методов, отечественных и зарубежных.

Для того чтобы провести эффективную оценку риска несостоятельности, необходимо проработать и систематизировать существующие методы оценки банкротства. Анализ экономической литературы показал, что в настоящий момент нет единого подхода к систематизации методов оценки риска несостоятельности, а это значит, что нет и объективного представления об инструментарии, который можно использовать для мониторинга риска несостоятельности. В соответствии с О. А. Львовой [14]: «Среди зарубежных ученых, чьи труды в области оценки риска банкротства представляют большой теоретический и практический интерес, можно выделить Э. Альтмана, Дж. Бегли, У. Бивера, Дж. Минга, Дж. Минусси, Д. Супрамайнена, Дж. Олсона, С. Уаттса, Д. Уорсинктона и др.» [15, 16]. Несмотря на то, что в зарубежной литературе присутствует большой набор методов оценки риска банкротства компании, на наш взгляд, исследования, изучающие их применение на отечественных предприятиях, не являются полными, обширными и многочисленными, в качестве примеров выбирались одна-две компании со схожими сферами деятельности, что не позволяет объективно оценивать полученные результаты. Зарубежные методы не могут в полной мере подходить для оценки риска несостоятельности российских предприятий в связи с различием отражения инфляционных факторов, а также иной структурой капитала и отличий в законодательной базе. По нашему мнению, такая неопределенность вынуждает нас провести углубленный анализ, выявить, в чем состоят ее уникальность, специфика, находить отличия и описывать их.

Существующие методы оценки прогнозирования риска несостоятельности российских предприятий, во-первых, способны уберечь организацию от банкротства, во-вторых, способствуют созданию ряда путей выхода из состояния несостоятельности, в-третьих, помогают оценить риски организации и продумать определенную стратегию поведения. В этой связи нами был проведен анализ научных статей [13, 14, 16, 17, 18, 19], сравнивающих российские методики прогнозирования несостоятельности на предмет их результативности и эффективности. Авторы апробировали каждый из методов на примере определенной организации. Наиболее часто рассматриваемыми методиками являются: четырехфакторная модель Давыдовой – Беликова [3]; пятифакторная модель Сайфуллина – Кадыкова; шестифакторная модель О. П. Зайцевой.

Прогнозирование риска несостоятельности предприятия по количеству используемых критериев [20, 21] может быть разбито на три группы: 1) использующее при оценке возможности несостоятельности ограниченное число критериев (показателей); 2) использующее обширную систему количественных и качественных признаков (многокритериальный подход); 3) использующее интегральные критерии существующих моделей и методов оценки возможности банкротства предприятия.

Типичным представителем первой группы являются «Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа», утвержденные Постановлением Правительства РФ № 367 от 25.06.2003. Они предусматривают использование для оценки возможности несостоятельности трех финансовых коэффициентов: коэффициента текущей ликвидности, коэффициента обеспеченности собственными средствами и коэффициента восстановления (утраты) платежеспособности. Многокритериальный подход предусматривает использование для оценки

обширной системы индикаторов возможного риска несостоятельности [22]. Типичными представителями данной группы являются рекомендации Комитета по обобщению практики аудирования и методика Уильяма Бивера [23]. Для расчета интегральных показателей риска несостоятельности необходимо использовать следующие виды моделей: а) скоринговые модели классификации предприятий по степени риска; б) модели многомерного рейтингового анализа; в) многофакторные модели оценки риска несостоятельности на основе многомерного дискриминантного анализа.

Систематизируем и интерпретируем все существующие методы оценки через призму общеизвестных показателей финансового состояния предприятия. Полученная в результате исследования матрица репрезентативности показателей, используемых в существующих моделях прогнозирования риска несостоятельности, представлена в табл. 1.

Таким образом, в результате «отсечения» неиспользуемых показателей остаются те, которые разместим в порядке убывания их встречаемости в модели. Полученные показатели представлены в табл. 2.

Таблица 1

Матрица репрезентативности показателей, используемых в существующих моделях оценки риска банкротства*

Table 1. Matrix of representativeness of indicators used in the existing models of bankruptcy risk evaluation*

Коэффициенты / Coefficients	Модель У. Бивера / Model by W. Beaver	Модель Э. Альтмана / Model by E. Altman	Модель М. Голдера и Ж. Конана / Model by J. Conan and M. Holder	Модель Г. Тишоу и Р. Таффлера / Model by R. Taffler and G. Tishaw	Модель Бегли / Model by E. Begley	Модель Фулмера / Model by Fulmer	Модель прогнозирования банкротства торговых компаний / Model of predicting bankruptcy of trade companies	Шестифакторная модель моделирования риска потери / Six-factor model of payability loss risk	Модель Дж. Олсона / Model by J. Olson	Модель Лиса / Model by R. Lis	Модель Д. Дюрана / Model by D. Duran	Модель Спрингейта / Model by G. Springate	Модель Минусси – Супрамайнена – Уорсинктона / Model by Mnusi-Supramainen – Worthington	Модель Давыдовой – Беликова / Model by Davydova – Belikova	Модель Сайфуллина – Кадыкова / Model by Sayfullin – Kadykov	Модель ИГЭА / Model by ISEA	Модель О. П. Зайцевой / Model by O. P. Zaytseva	Модель Л. В. Донцовой, Н. А. Никифоровой / Model by L.V. Dontsova, N. A. Nikiforova	Модель Е. А. Мизиковского и И. И. Соколова / Model by E. A. Mizikovskiy and I. I. Sokolov	Белорусская модель / Belorussian model	Двухфакторная модель / Two-factor model	Модель Сбербанка РФ / Model by Sberbank of RF	Модель А. В. Колышкина / Model by A. V. Kolyshkin	Модель В. В. Ковалева и О. Н. Волковой / Model by V. V. Kovalev and O. N. Volkova	«Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа», утвержденные Постановлением Правительства РФ № 367 от 25.06.2003 / «Rules of carrying out financial analysis by arbitrary manager», adopted by the RF government decree No. 367 of 25.06.2003	Итого / Total
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Коэффициент рентабельности активов / Coefficient of the return on assets	+	+			+	+	+		+	+	+	+							+	+			+	+		13
Коэффициент рентабельности продаж / Coefficient of the profit margin															+		+					+	+	+		5
Коэффициент рентабельности затрат / Coefficient of the costs efficiency			+											+		+										3
Коэффициент рентабельности собственного капитала / Coefficient of the own capital efficiency								+						+	+	+	+						+			6
Коэффициент рентабельности заемного капитала / Coefficient of the loan capital efficiency			+	+		+																				3
Коэффициент рентабельности активов по нераспределенной прибыли / Coefficient of the return on assets by retained earnings		+				+				+																3

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Коэффициент обеспеченности собственными средствами / Coefficient of the provision with internal funds	+																									1
Коэффициент маневренности заемного капитала / Coefficient of the loan capital flexibility								+																		1
Коэффициент структуры заемного капитала / Coefficient of the loan capital structure	+												+				+									3
Коэффициент краткосрочного привлечения заемных средств / Coefficient of the short-term attraction of loan capital				+	+				+																	3
Коэффициент автономии / Coefficient of the autonomy		+									+	+			+					+	+					6
Коэффициент самофинансирования / Coefficient of the self-financing										+												+	+	+		4
Коэффициент финансовой зависимости / Coefficient of the financial dependence					+	+			+																	3
Коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов / Coefficient of the ratio between mobile and immobilized assets																				+						1
Коэффициент доли оборотных активов / Coefficient of the share of current assets				+					+	+				+		+							+			6
Коэффициент доли собственных оборотных средств / Coefficient of the share of own current assets		+			+		+	+												+					+	6
Коэффициент соотношения оборотного капитала к заемному капиталу / Coefficient of the ratio between current capital and loan capital						+		+							+											3
Коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженности / Coefficient of the ratio between accounts receivable and payable																	+									1
Коэффициент соотношения текущих обязательств и денежных средств и их эквивалентов / Coefficient of the ratio between current obligations and monetary funds and their equivalents																	+									1
Коэффициент оборачиваемости активов / Coefficient of the assets turnover		+		+		+			+			+	+	+	+	+	+			+						11

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Коэффициент оборачиваемости собственного капитала / Coefficient of the own capital turnover			+				+	+																		3
Коэффициент оборачиваемости запасов и затрат активов / Coefficient of the stock and assets turnover							+																			1
Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности / Coefficient of the accounts receivable turnover			+																							1
Коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности / Coefficient of the accounts payable turnover			+																							1
Коэффициент оборачиваемости денежных средств / Coefficient of the monetary funds turnover			+																							1
Коэффициент оборачиваемости запасов / Coefficient of the stock turnover																								+		1
Коэффициент текущей ликвидности / Coefficient of the current liquidity	+										+		+						+		+	+		+	+	8
Коэффициент быстрой ликвидности / Coefficient of the fast liquidity																		+				+				2
Коэффициент абсолютной ликвидности / Coefficient of the absolute liquidity																		+				+	+			3

* *Источник:* составлено автором.

* *Source*: compiled by the author.

Таблица 2

Репрезентативность показателей оценки риска несостоятельности*

Table 2. Representativeness of indicators of the insolvency risk evaluation*

Коэффициенты / Coefficients	Формула / Formula	Количество используемых показателей / Number of indicators used	Доля / Share, %
Коэффициент рентабельности активов / Coefficient of assets payability	Чистая прибыль / Активы предприятия / Net profit / Assets	13	13,8
Коэффициент оборачиваемости активов / Coefficient of assets turnover	Выручка от продаж / Активы / Sales income / Assets	11	11,7
Коэффициент текущей ликвидности / Coefficient of current liquidity	Оборотные активы / Краткосрочные обязательства / Current assets / Short-term liabilities	8	8,5
Коэффициент рентабельности собственного капитала / Coefficient of own capital payability	Чистая прибыль / Собственный капитал / Net profit / Own capital	6	6,3
Коэффициент доли оборотных активов / Coefficient of the share of current assets	Оборотные активы / Активы / Current assets / Assets	6	6,3
Коэффициент автономии / Coefficient of autonomy	Собственный капитал / Активы / Own capital /Assets	6	6,3
Коэффициент доли собственных оборотных средств / Coefficient of the share of own current assets	Собственные оборотные активы / Активы / Own current assets / Assets	6	6,3

Продолжение табл. 2

Коэффициенты / Coefficients	Формула / Formula	Количество используемых показателей / Number of indicators used	Доля / Share, %
Коэффициент рентабельности продаж / Coefficient of sales payability	Прибыль от реализации / Выручка / Sales profit / Income	5	5,3
Коэффициент самофинансирования / Coefficient of self-financing	Собственный капитал / Заемный капитал / Own capital / Loan capital	4	4,2
Коэффициент рентабельности затрат / Coefficient of costs payability	Прибыль/ Себестоимость / Income / Cost	3	3,2
Коэффициент рентабельности заемного капитала / Coefficient of loan capital payability	Чистая прибыль / Заемный капитал / Net weight / Loan capital	3	3,2
Коэффициент рентабельности активов по нераспределенной прибыли / Coefficient of assets payability by undistributed profit	Нераспределенная прибыль / Активы / Undistributed profit / Assets	3	3,2
Коэффициент краткосрочного привлечения заемных средств / Coefficient of short-term attraction of loan funds	Краткосрочные кредиты и займы / Валюта баланса / Short-term credits and loans / Balance currency	3	3,2
Коэффициент соотношения оборотного капитала к заемному капиталу / Coefficient of the ratio of current capital to loan capital	Оборотные активы / Заемный капитал / Current assets / Loan capital	3	3,2
Коэффициент финансовой зависимости / Coefficient of financial dependence	Заемный капитал / Активы / Loan capital / Assets	3	3,2
Коэффициент оборачиваемости собственного капитала / Coefficient of own capital turnover	Выручка / Величина собственного капитала / Income / Own capital	3	3,2
Коэффициент абсолютной ликвидности / Coefficient of absolute liquidity	Денежные средства / Краткосрочные пассивы / Monetary funds / Short-term liabilities	3	3,2
Коэффициент структуры заемного капитала / Coefficient of loan capital structure	Заемный капитал / Собственный капитал / Loan capital / Own capital	3	3,2
Коэффициент быстрой ликвидности / Coefficient of rapid liquidity	(Денежные средства + краткосрочные финансовые вложения + краткосрочная дебиторская задолженность) / Краткосрочные обязательства / (Monetary funds + short-term financial investment + short-term accounts receivable	2	2,1
Итого / Total		94	100

* *Источник:* составлено автором.

* *Source*: compiled by the author.

Представляется, что на основе первых семи показателей, которые имеют наибольший удельный вес – от 5,3 %, и следует строить модель. На основании данных, полученных автором по 27 российским предприятиям разнообразных отраслей промышленности, рассчитаны значения упомянутых выше коэффициентов. Из данных предприятий 11 сгруппированы как банкроты, а 17 – как благополучные. Для этого была изучена финансовая отчетность предприятий-банкротов на период 2005–2015 гг. по Ханты-Мансийскому автономному округу. Проведенное исследование показало, что из группы показателей рентабельности наиболее репрезентативными являются рентабельность продаж и собственного капитала. Из группы показателей финансового состояния – коэффициент автономии. Из группы оборачиваемости – оборачиваемость активов. Из группы показателей ликвидности – коэффициент текущей ликвидности.

Для того чтобы убедиться в том, что все включенные показатели действительно необходимы в модели, был проведен корреляционный анализ их взаимозависимости. Для этого рассчитаны коэффициенты парной корреляции Пирсона с помощью программного комплекса SPSS по формуле:

$$r = \frac{\Sigma(X_i - X)(Y_i - Y)}{\sqrt{\Sigma(X_i - X)^2 \Sigma(Y_i - Y)^2}}.$$

Взаимосвязь показателей представлена в табл. 3. Из таблицы видно, что коэффициент рентабельности активов тесно коррелирует с коэффициентом оборачиваемости оборотных активов и рентабельностью продаж. В свою очередь коэффициент оборачиваемости оборотных активов имеет тесную взаимосвязь, кроме коэффициента рентабельности активов, с коэффициентом доли оборотных средств. Коэффициент доли оборотных средств коррелирует с коэффициентами рентабельности активов и доли оборотных средств.

Таблица 3

Результаты расчета взаимосвязи репрезентативных показателей*

Table 3. Results of calculation of interconnections between representative indicators*

Показатель / Indicator	Коэффициент рентабельности активов / Coefficient of assets payability	Коэффициент оборачиваемости активов / Coefficient of assets turnover	Коэффициент рентабельности собственного капитала / Coefficient of own capital payability	Коэффициент доли оборотных активов / Coefficient of the share of current assets	Коэффициент текущей ликвидности / Coefficient of current liquidity	Коэффициент рентабельности продаж / Coefficient of sales payability	Коэффициент доли собственных оборотных средств / Coefficient of the share of own current assets
Коэффициент рентабельности активов / Coefficient of assets payability		0,933	0,048	0,000	0,680	0,917	0,917
Коэффициент оборачиваемости активов / Coefficient of assets turnover	0,933		0,137	0,992	0,717	0,717	0,347
Коэффициент рентабельности собственного капитала / Coefficient of own capital payability	0,048	0,137		0,038	0,572	0,572	0,611
Коэффициент доли оборотных активов / Coefficient of the share of current assets	0,000	0,992	0,038		0,670	0,670	0,942
Коэффициент текущей ликвидности / Coefficient of current liquidity	0,012	0,288	0,000	0,009		0,581	0,717
Коэффициент рентабельности продаж / Coefficient of sales payability	0,680	0,717	0,572	0,670	0, 581		0,865
Коэффициент доли собственных оборотных средств / Coefficient of the share of own current assets	0,917	0,347	0,611	0,942	0,865	0,865	

* *Источник:* составлено автором.

* *Source*: compiled by the author.

Для формирования модели прогнозирования риска несостоятельности предприятия необходимо построить уравнение множественной регрессии. Для этого составим систему уравнений:

$$\begin{cases} na_0 + a_1\Sigma x_1 + a_2\Sigma x_2 + a_3\Sigma x_3 + a_4\Sigma x_4 + a_5\Sigma x_5 + a_6\Sigma x_6 = \Sigma y \\ a_0\Sigma x_1 + a_1\Sigma x^2 + a_2\Sigma x_1x_2 + a_3\Sigma x_1x_3 + a_4\Sigma x_1x_4 + a_5\Sigma x_1x_5 + a_6\Sigma x_1x_6 = \Sigma x_1y \\ a_0\Sigma x_2 + a_1\Sigma x_1x_2 + a_2\Sigma x_2{}^2 + a_3\Sigma x_2x_3 + a_4\Sigma x_2x_4 + a_5\Sigma x_2x_5 + a_6\Sigma x_2x_6 = \Sigma x_2y \\ a_0\Sigma x_3 + a_1\Sigma x_1x_3 + a_2\Sigma x_2x_3 + a_3\Sigma x_3{}^2 + a_4\Sigma x_4x_3 + a_5\Sigma x_3x_5 + a_6\Sigma x_3x_6 = \Sigma x_3y \\ a_0\Sigma x_4 + a_1\Sigma x_1x_4 + a_2\Sigma x_2x_4 + a_3\Sigma x_3x_4 + a_4\Sigma x_4{}^2 + a_5\Sigma x_4x_5 + a_6\Sigma x_4x_6 = \Sigma x_4y \\ a_0\Sigma x_5 + a_1\Sigma x_1x_5 + a_2\Sigma x_2x_5 + a_3\Sigma x_3x_5 + a_4\Sigma x_4x_5 + a_5\Sigma x_5{}^2 + a_6\Sigma x_5x_6 = \Sigma x_5y \\ a_0\Sigma x_6 + a_1\Sigma x_1x_6 + a_2\Sigma x_2x_6 + a_3\Sigma x_3x_6 + a_4\Sigma x_4x_6 + a_5\Sigma x_5x_6 + a_6\Sigma x_6{}^6 = \Sigma x_6y, \end{cases}$$

где x_1 – коэффициент рентабельности активов, x_2 – коэффициент оборачиваемости активов, x_3 – коэффициент рентабельности собственного капитала, x_4 – коэффициент доли оборотных активов, x_5 – коэффициент текущей ликвидности, x_6 – коэффициент рентабельности продаж.

Для решения системы уравнений используем статистические данные исследуемых предприятий. Решение системы уравнений осуществляется с помощью программного комплекса SPSS. В результате модель прогнозирования риска несостоятельности предприятия имеет вид:

$$РН = –1,189 + 4,45x_1 + 0,28x_2 – 2,51x_3 + 0,0329x_4 + 0,19x_5 + 6,67x_6,$$

где РН – риск несостоятельности предприятия.

Риск несостоятельности предприятия при этом может принимать значение от отрицательного до положительного. Если РН получает отрицательное значение – у предприятия есть риск несостоятельности предприятия, если положительное – риска нет. При этом само значение в отрицательном поле будет означать глубину кризиса на предприятии.

Графически поле риска несостоятельности предприятия представлено на рис. 1.

Если РН принимает положительное значение, то пирамида имеет представленный ниже вид. Если РН принимает отрицательное значение, то вершина пирамиды находится в отрицательном поле. Глубину кризиса отражает вершина, направленная вниз.

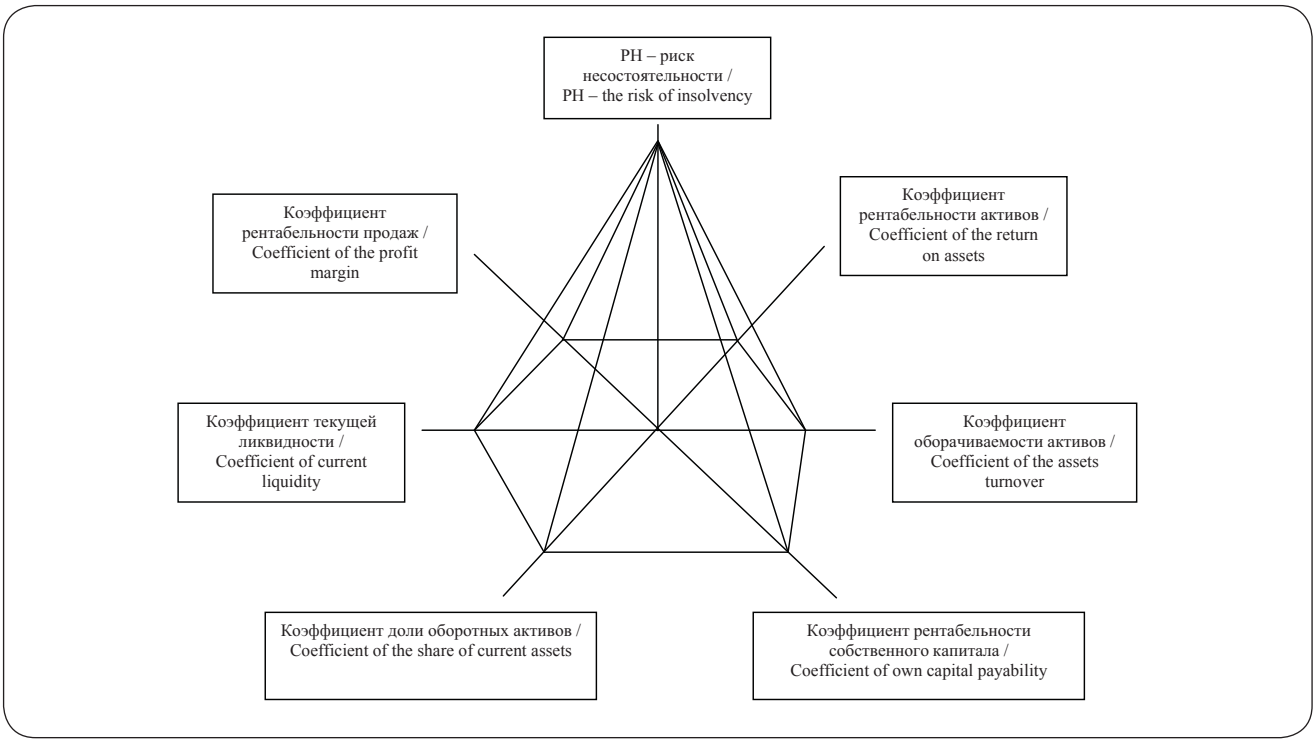


Рис. 1. Пирамида риска несостоятельности*
Fig. 1. Pyramid of insolvency risk*

* *Источник*: составлено автором.
* *Source:* compiled by the author.

Таким образом, очевидно, что данная модель позволяет спрогнозировать риск несостоятельности предприятия по общему тренду развития и коридору колебания риска банкротства и определить значимость каждого показателя-фактора, его количественное влияние, а значит, своевременно избежать риска несостоятельности предприятия.

Выводы

В статье можно выделить следующие результаты исследования, имеющие значение для решения обозначенных проблем:

1. Определена сущность риска несостоятельности, проведена его идентификация применительно к финансовым отношениям системы управления предприятием (личный вклад автора – систематизация понятий в виде 3 укрупненных категорий (групп), а также уточнение понятия риска несостоятельности с учетом возрастающей неопределенности и нестабильности внешней среды, необходимости его прогнозирования и предвидения).

2. Выделена категория неопределенности как существенного фактора, обуславливающего возникновение риска несостоятельности (личный вклад автора – анализ понятия «неопределенность», систематизация причин возникновения ситуации неопределенности. Однако вклад автора в исследование данной проблемы незначительный, поскольку современные исследования содержат более емкие и широкие понятия как самой категории неопределенности, так и ее причин).

3. Приведен сравнительный анализ существующих подходов к прогнозированию риска несостоятельности (личный вклад автора – систематизация существующих подходов в виде 3 укрупненных групп).

4. Приведена матрица репрезентативности показателей, используемых в существующих моделях прогнозирования риска несостоятельности (личный вклад автора – систематизация понятий и их сравнение).

5. Уточнена модель прогнозирования риска несостоятельности на основе наиболее репрезентативных показателей (личный вклад автора – усовершенствованная модель прогнозирования риска несостоятельности на основе систематизации существующих моделей прогнозирования риска несостоятельности и выделения наиболее репрезентативных показателей).

Список литературы

1. Донцова Л. В., Никифорова Н. А. Анализ финансовой отчетности: практикум. М.: Дело и Сервис, 2004. 336 с.
2. Самойлов В. А. Методы прогнозирования несостоятельности предприятия (банкротства) предприятий: российский опыт. URL: http://sibac.info/ (дата обращения: 15.03.2015).
3. Давыдова Г. В., Беликов А. Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий // Управление риском. 1999. № 3. С. 13–20.
4. Мельников А. В. Риск-менеджмент: стохастический анализ в экономике финансов и страховании. М.: Анкил, 2011. 140 с.
5. Абалкин Л. И. Экономическая энциклопедия. М.: Экономика, 1999. 1055 с.
6. Абчук В. А., Бункин В. Д. Интенсификация: принятие решений. Л.: Лениздат, 1990. 174 с.
7. Лапуста М. Г., Шаршукова Л. Г. Риски в предпринимательской деятельности. М.: Инфра, 2009. 225 с.
8. Дудов А. С., Шадуев М. Г. О новых показателях в прогнозировании экономических процессов // Приложение к журналу «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки». 2010. № 1. С. 12–17.
9. Хайдаршина Г. А. Эффективность современных методов оценки риска банкротства предприятий в российской практике финансового менеджмента: logit- и SVM-модели // Экономические науки. 2008. № 44. С. 22–28.
10. Шелепов А. М. Управление рисками хозяйствующих субъектов: дис. … канд. экон. наук. Кострома, 2005. 137 с.
11. Лобанова Е. Д. Прогнозирование с учетом цикличности экономического роста // Экономические науки. 2011. № 1. С. 12–19.
12. Степанов Ю. К. Прогнозы и реальность // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 86–97.
13. Бобрышев А. Н. Методы прогнозирования вероятности банкротства организации. URL: http://www.1-fin.ru/ (дата обращения: 26.11.2014).
14. Львова О. А. Банкротство в системе рыночных отношений: автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2012. 50 с.
15. Банкротство предприятия: анализ, учет и прогнозирование: учеб. пособие / К. В. Балдин, В. В. Белугина, С. Н. Галдицкая, И. И. Передеряев. М.: Дашков и К, 2012. 223 с.
16. Евстропов М. В. Оценка возможностей прогнозирования банкротства предприятий в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 4. С. 56–60.
17. Таурова Т. А. Методические основы системы оценки несостоятельности юридических лиц // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 69. 2006. С. 521–525.
18. Высоцкая Т. В. Сравнительный анализ методов оценки несостоятельности предприятия сельскохозяйственных предприятий. URL: http://ej.kubagro.ru/ (дата обращения: 26.02.2015).
19. Давыдова Г. В., Беликов А. Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий // Управление риском. 1999. № 3. С. 13–20.
20. Казакова Н. А. Диагностика и прогнозирование банкротства // Финансовый менеджмент. 2009. № 6. С. 18–25.
21. Евстропов М. В. Прогнозирование наступления банкротства предприятий на основе бухгалтерской отчетности // Бухгалтерский учет. 2010. № 3. С. 18–24.
22. Данилова Ю. Банкротство компаний: проблемы прогнозирования // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 9. С. 66.
23. Жарковская Е. П., Бродский Б. Е. Антикризисное управление. М.: Инфра-М, 2014. 514 с.

В редакцию материал поступил 21.09.15

© Ширинкина Е. В., Валиуллина Л. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Ширинкина Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры

Адрес: 628412, Тюменская обл., ХМАО – Югра, г. Сургут, просп. Ленина, 1, тел.: (3462) 76-29-00

E-mail: shirinkina86@yandex.ru

Валиуллина Лайсан Ахматовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права, Сургутский государственный педагогический университет

Адрес: 628412, Тюменская обл., ХМАО – Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, тел.: (3462) 31-94-34

E-mail: Laisan79@mail.ru

Как цитировать статью: Ширинкина Е. В., Валиуллина Л. А. Формализация модели прогнозирования риска несостоятельности предприятия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 169–180.

E. V. SHIRINKINA,
PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Personnel Management
Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous District, Surgut, Russia,
L. A. VALIULLINA,
PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Economics and Law
Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

FORMALIZATION OF THE MODEL OF THE ENTERPRISE INSOLVENCY RISK PREDICTION

Objective: to improve the conceptual apparatus and analytical procedures of insolvency risk identification.

Methods: general scientific methods of systemic and comparative analysis, economic-statistical and dynamic analysis of economic processes and phenomena.

Results: nowadays, managing the insolvency risk is relevant for any company regardless of the economy sector. Instability manifests itself through the uncertainty of the directions of the external environment changes and their high frequency. Analysis of the economic literature showed that currently there is no single approach to systematization of methods for insolvency risk prediction, which means that there is no objective view on tools that can be used to monitor the insolvency risk. In this respect, scientific and practical search of representative indicators for the formalization of the models predicting the insolvency is very important. Therefore, the study has solved the following tasks: defined the nature of the insolvency risk and its identification in the process of financial relations in management system, proved the representativeness of the indicators in the insolvency risk prediction, and formed the model of the risk insolvency prediction.

Scientific novelty: grounding the model of risk insolvency prediction.

Practical significance: development of a theoretical framework to address issues arising in the diagnosis of insolvent enterprises, and application of the results obtained in the practice of the bankruptcy institution bodies. The presented model allows to predict the insolvency risk of the enterprise through the general development trend and the fluctuation boundaries of bankruptcy risk; to determine the significance of each indicator-factor, its quantitative impact, and therefore, to avoid the risk of the enterprise insolvency.

Key words: risk; insolvency; inability to pay; prediction; bankruptcy; crisis; diagnosis.

References

1. Dontsova, L. V., Nikiforova, N. A. *Analiz finansovoi otchetnosti* (Analysis of financial reporting): praktikum. M.: Delo i Servis, 2004, 336 p.
2. Samoilov, V. A. *Metody prognozirovaniya nesostoyatel'nosti predpriyatiya (bankrotstva) predpriyatii: rossiiskii opyt* (Methods of predicting the insolvency (bankruptcy) of enterprises: Russian experience), available at: http://sibac.info/ (accessed: 15.03.2015).
3. Davydova, G. V., Belikov, A. Yu. Metodika kolichestvennoi otsenki riska bankrotstva predpriyatii (Methodology of quantitative estimation of bankruptcy risk of an enterprise) // *Upravlenie riskom*, 1999, no. 3, pp. 13–20.
4. Mel'nikov, A. V. *Risk-menedzhment: stokhasticheskii analiz v ekonomike finansov i strakhovanii* (Risk management: stochastic analysis in the economics of finance and insurance). M.: Ankil, 2011, 140 p.
5. Abalkin, L. I. *Ekonomicheskaya entsiklopediya* (Encyclopedia on Economics). M.: Ekonomika, 1999, 1055 p.
6. Abchuk, V. A., Bunkin, V. D. *Intensifikatsiya: prinyatie reshenii* (Intensification: decision making). L.: Lenizdat, 1990, 174 p.
7. Lapusta, M. G., Sharshukova, L. G. *Riski v predprinimatel'skoi deyatel'nosti* (Risks in entrepreneurial activity). M.: Infra, 2009, 225 p.
8. Dudov, A. S., Shaduev, M. G. O novykh pokazatelyakh v prognozirovanii ekonomicheskikh protsessov (On the new indicators in predicting economic processes) // *Prilozhenie k zhurnalu «Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki»*, 2010, no. 1, pp. 12–17.
9. Khaidarshina, G. A. Effektivnost' sovremennykh metodov otsenki riska bankrotstva predpriyatii v rossiiskoi praktike finansovogo menedzhmenta: logit- i SVM-modeli (Efficiency of modern methods of estimating the risk of bankruptcy) of enterprises in the Russian practice of financial management: logit- and SVM-models) // *Ekonomicheskie nauki*, 2008, no. 44, pp. 22–28.
10. Shelepov, A. M. *Upravlenie riskami khozyaistvuyushchikh sub"ektov* (Risk management of economic subjects): dis. … kand. ekon. nauk. Kostroma, 2005, 137 p.
11. Lobanova, E. D. Prognozirovanie s uchetom tsiklichnosti ekonomicheskogo rosta (Predicting with the account of cycles of economic growth) // *Ekonomicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 12–19.
12. Stepanov, Yu. K. Prognozy i real'nost' (Prognoses and reality) // *Voprosy ekonomiki*, 1991, no. 1, pp. 86–97.
13. Bobryshev, A. N. *Metody prognozirovaniya veroyatnosti bankrotstva organizatsii* (Methods of predicting the probability of an enterprise's bankruptcy), available at: http://www.1-fin.ru/ (accessed: 26.11.2014).
14. L'vova, O. A. *Bankrotstvo v sisteme rynochnykh otnoshenii* (Bankruptcy in the system of market relations): avtoref. dis. … d-ra ekon. nauk: 08.00.05. M., 2012, 50 p.

15. *Bankrotstvo predpriyatiya: analiz, uchet i prognozirovanie* (Bankruptcy of an enterprise: analysis, account and predicting): ucheb. posobie / K. V. Baldin, V. V. Belugina, S. N. Galditskaya, I. I. Perederyaev. M.: Dashkov i K, 2012, 223 p.

16. Evstropov, M. V. Otsenka vozmozhnostei prognozirovaniya bankrotstva predpriyatii v Rossii (Estimating the probability of predicting the enterprise's bankruptcy in Russia) // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, no. 4, pp. 56–60.

17. Taurova, T. A. Metodicheskie osnovy sistemy otsenki nesostoyatel'nosti yuridicheskikh lits (Methodological foundations of the system of estimating the insolvency of legal persons) // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 69, 2006, pp. 521–525.

18. Vysotskaya, T. V. *Sravnitel'nyi analiz metodov otsenki nesostoyatel'nosti predpriyatiya sel'skokhozyaistvennykh predpriyatii* (Comparative analysis of methods of predicting the probability of insolvency of agricultural enterprises), available at: http://ej.kubagro.ru/ (accessed: 26.02.2015).

19. Davydova, G. V., Belikov, A. Yu. Metodika kolichestvennoi otsenki riska bankrotstva predpriyatii (Methodology of quantitative evaluation of the risk of enterprises bankruptcy) // *Upravlenie riskom*, 1999, no. 3, pp. 13–20.

20. Kazakova, N. A. Diagnostika i prognozirovanie bankrotstva (Diagnosing and predicting of bankruptcy) // *Finansovyi menedzhment*, 2009, no. 6, pp. 18–25.

21. Evstropov, M. V. Prognozirovanie nastupleniya bankrotstva predpriyatii na osnove bukhgalterskoi otchetnosti (Predicting the enterprises bankruptcy basing on accounting reports) // *Bukhgalterskii uchet*, 2010, no. 3, pp. 18–24.

22. Danilova, Yu. Bankrotstvo kompanii: problemy prognozirovaniya (Bankruptcy of companies: problems of predicting) // *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2009, no. 9, p. 66.

23. Zharkovskaya, E. P., Brodskii, B. E. *Antikrizisnoe upravlenie* (Anti-crisis management). M.: Infra-M, 2014, 514 p.

Received 21.09.15

Information about the authors

Shirinkina Elena Viktorovna, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Personnel Management, Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous District

Address: 1 Lenin Prospekt, 628412, Surgut, Tyumen oblast, Khanty-Mansi Autonomous District, tel.: (3462) 76-29-00

E-mail: shirinkina86@yandex.ru

Valiullina Laisan Akhmatona, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of Economics and Law, Surgut State Pedagogical University

Address: 10/2 50 let VLKSM Str., 628412, Surgut, Tyumen oblast, Khanty-Mansi Autonomous District, tel.: (3462) 31-94-34

E-mail: Laisan79@mail.ru

For citation: Shirinkina, E. V., Valiullina, L. A. Formalization of the model of the enterprise insolvency risk prediction // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 169–180.

© Shirinkina E. V., Valiullina L. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 332.8:332.6
URL: http://hdl.handle.net/11435/2209
Яруллин Р. Р.
С. 181–187.

Р. Р. ЯРУЛЛИН,
доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естествознания
Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Уфа, Россия

АРЕНДНАЯ ПЛАТА ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЖИЛОГО ФОНДА КАЗНЫ ГОРОДСКОГО ОКРУГА И ФАКТОРЫ ЕЕ РОСТА

Цель: разработка теоретических основ формирования арендной платы за аренду нежилого фонда, составляющего казну городского округа г. Уфы и выявление возможностей роста доходов бюджета от его использования.
Методы: абстрактно-логический, диалектический, сравнительный, системный и структурный, экономический, анализ и синтез.
Результаты: раскрыто содержание арендной платы за использование нежилого фонда, составляющего казну городского округа как денежного платежа, носящего возмездный и эквивалентный характер, за пользование казной муниципального образования;
обоснована необходимость повышения бюджетной эффективности аренды городских объектов нежилого фонда, заключающаяся в целевом использовании арендных платежей на содержание, инвестиции в ремонт и строительство нежилых объектов, наличие средств для их финансирования, а также отсутствие роста арендной платы выше экономически оправданного порога;
проведен анализ факторов поступлений в бюджет арендной платы, влияющих на бюджетную эффективность аренды объектов нежилого фонда г. Уфы;
выявлен ряд проблемных вопросов, носящих системный характер: снижение количества договоров аренды; сокращение арендуемых площадей; чрезмерный объем льгот по арендной плате; имеющаяся задолженность арендаторов по арендной плате; недостаточное совершенство работы информационной системы управления;
предложены пути повышения эффективности и доходности бюджета от сдачи в аренду нежилого фонда, состоящие в переводе нежилых зданий и помещений, находящихся в хозяйственном ведении, оперативном управлении или неиспользуемых (неоформленных), в режим арендования с установлением посильной для арендаторов арендной платы; расширение количества площадей, арендная плата за использование которых устанавливается посредством проведения торгов; сокращение льгот коммерческим организациям по оплате аренды помещений; обеспечение полного и своевременного внесения в бюджет задолженности с арендаторов; ускорение работы по формированию автоматизированной системы массовой оценки недвижимости, позволяющей автоматизировать прогноз поступлений в бюджет от аренды нежилого фонда.
Научная новизна: обоснована необходимость повышения бюджетной эффективности аренды городских объектов нежилого фонда, сформулирована дефиниция арендной платы за использование нежилого фонда казны городского округа, и выявлены факторы ее роста.
Практическая значимость: положения и выводы статьи могут быть использованы в процессе управления бюджетной эффективностью аренды объектов нежилого фонда, а также в научной и педагогической деятельности.

Ключевые слова: аренда; нежилой фонд; имущество; казна; арендная плата; городской бюджет; бюджетная эффективность; информационная система.

Введение

На современном этапе расширения сферы рыночных отношений важное место в управлении городским хозяйством занимает нежилой фонд, в его использовании традиционно ведущей формой выступает аренда. В условиях социально-экономического кризиса и постоянного дефицита бюджетных ресурсов перед муниципальными образованиями встали вопросы бюджетной эффективности аренды объектов нежилого фонда. Плата за данные фонды, вследствие наличия в РФ огромного массива городского имущества, может служить значительным источником поступления муниципального бюджета [1, с. 171]. Однако она составляет незначительную долю в источниках городской казны, курируемых Управлением муниципальной собственности. Ее доля в бюджете городских округов РФ по состоянию на 01.06.2015 составила всего лишь 0,64 % (4 045 743,3 тыс. руб.), а в бюджете городского

округа г. Уфы – 1,75 %[1]. Причем в г. Уфе поступления в общей структуре доходов от деятельности управления составляют одну треть, т. е. 27,3 %.

Вопросы бюджетной эффективности аренды городских объектов нежилого фонда в современных условиях явились предметом исследования многих отечественных ученых. Существенный вклад в повышение эффективности управления арендой городской недвижимости внесли такие ученые и практики, как В. Н. Лексин, Н. Н. Ноздрина, И. А. Рахман, В. И. Ресин, В. Г. Ростанец, И. М. Рукина, О. М. Толкачев, А. Н. Швецов и др. [2–9]. В немногочисленных разработках исследователей, среди которых Л. П. Павлова, В. М. Пушкарева, В. М. Родионова и другие ученые [10–12], рассматриваются отдельные вопросы формирования доходов бюджета за счет использования различных объектов государственной собственности. Однако уровень теоретической разработанности данной проблемы является недостаточным и не отвечает потребностям практики, не получили достаточной проработки вопросы, связанные с финансовыми последствиями реализации мероприятий в области управления собственностью для бюджета, изучением факторов снижения дохода бюджета от использования муниципальной собственности. Исходя из этого, вышеизложенные проблемы приобретают особую актуальность.

Результаты исследования

В Уфе функции арендодателя при сдаче в аренду имущества выполняет Управление муниципальной собственности Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан. Согласно порядку осуществления администрацией и ее функциональными органами бюджетных полномочий главных администраторов доходов бюджетов в 2015 г. на управление возложены функции главного администратора доходов по двадцать одному коду бюджетной классификации, в том числе по статье «доходы от сдачи в аренду имущества, составляющего казну городских округов (за исключением земельных участков)». Плановое задание по администрированию доходов от сдачи в аренду объектов муниципального нежилого фонда на 2015 год составляет 460 000,0 тыс. руб.

Представляет интерес выяснение дефиниции платежа. Поскольку он представляет собой комплексную составляющую, рассмотрим вначале понятие «казна», которое, к сожалению, практически ни один из нормативных документов, включая и Бюджетный кодекс РФ (далее – БК РФ), не раскрывает. Его правовой аспект, закрепленный на общефедеральном уровне еще в 1994 г., изложен лишь в положении п. 3 ст. 215 «Право муниципальной собственности» Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которому муниципальная казна составляет средства бюджета и иное имущество, не закрепленное за муниципальными организациями[2]. В статье под муниципальной казной понимаются объекты муниципального нежилого фонда.

Арендная плата за нежилые помещения рассматривается в системе доходов бюджетной классификации как доходы от сдачи в аренду имущества. На наш взгляд, в названии платежа термин арендуемого объекта целесообразно сузить, поскольку в состав имущества помимо нежилого фонда входят земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей[3]. На практике имущество органов местного самоуправления для использования в различных целях, признанное в установленном порядке нежилыми помещениями, передается в аренду (субаренду) только в форме нежилого фонда, который включает комплексы или отдельно стоящие здания, строения и сооружения; встроенно-пристроенные нежилые помещения в объектах жилищного фонда; здания, строения и сооружения, отнесенные к памятникам истории, архитектуры и культуры[4].

Упоминание в названии платежа термина «доходы» также некорректно, поскольку в его состав входит лишь один доход – арендная плата.

Исходя из этого, целесообразно данный источник бюджета называть в системе доходов бюджетной классификации арендной платой за использование нежилого фонда, составляющего казну городского

[1] Отчет Федерального казначейства РФ об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: http://roskazna.ru/byudzhetov-subektov-rf-i-mestnykh-byudzhetov// (дата обращения: 10.08.2015).

[2] Гражданский кодекс РФ: Части первая – четвертая: [Принят Госдумой 21 октября 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 13 июля 2015 г.] // Собрание законодательства РФ. 1994. № 22. Ст. 2457.

[3] Там же.

[4] Положение о порядке управления и распоряжения объектами муниципального нежилого фонда, находящимися в собственности городского округа город Уфа Республики Башкортостан: решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 19 марта 2009 № 14/8. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW140;frame=1;n=93673;req=doc (дата обращения: 10.08.2015).

округа, и представить как денежный платеж, носящий возмездный и эквивалентный характер, за пользование казной муниципального образования [13, с. 86].

Выявление роли недвижимости казны муниципального образования в современной России и тенденций изменения ее вклада в формирование доходной базы бюджета показало, что при необходимости быстрого и значительного пополнения бюджетных средств городские органы власти часто прибегают к продаже данных объектов, считая приватизацию признанным способом повышения эффективности их использования. Однако доходы от продажи собственности не могут компенсировать отрицательный эффект, возникающий в случае непродуманной политики в области приватизации арендуемой недвижимости. Проведение таких операций часто имеет негативные последствия, так как, уменьшая базу сдаваемого в аренду имущества, муниципальные образования теряют возможность регулярных денежных поступлений от аренды, их воспроизводство и приумножение возможно лишь при проведении рациональной политики арендных отношений, сводимой к бюджетной эффективности: арендные платежи должны использоваться прежде всего для финансирования затрат на содержание, инвестиции в ремонт и строительство нежилых объектов, обеспечивающих и поддерживающих расширенное воспроизводство с постоянным повышением эксплуатационных качеств, наличие средств для их финансирования, а также отсутствие роста арендной платы выше экономически оправданного порога.

При анализе значимости поступлений в бюджет от муниципальной недвижимости обращает на себя внимание слабая проработка вопросов бюджетного федерализма, в основе которой лежит принцип «доходы, полученные на муниципальном уровне и закрепленные за территориальным образованием, не подлежат изъятию и используются на цели социально-экономического развития территории». В российском законодательстве этот принцип проработан слабо. В действующем БК РФ допускается изъятие доходов местных бюджетов без согласия местной администрации в пользу региональных органов. Недостатки механизма бюджетного федерализма и несовершенство процедур управления муниципальной собственностью приводят к тому, что вклад поступлений от аренды недвижимости в России в формирование финансовой базы местного самоуправления пока незначителен.

В целях решения рассматриваемых вопросов разберем факторы, влияющие на бюджетную эффективность аренды объектов нежилого фонда г. Уфы [14]. Для этого вначале следует отметить, что в течение последних 5 лет наблюдалось превышение фактического поступления арендной платы над ее плановой величиной. За период с 2010 по 2013 г. плата за аренду нежилых помещений увеличилась в 1,1 раза с 586 246 до 642 968,2 тыс. руб. В 2014 г. поступление уменьшилось и составило 547 575,5 тыс. руб., за первое полугодие 2015 г. – 219 275,9 тыс. руб. Этому во многом способствовало следующее:

1. Расширение практики заключения договоров аренды на основе торгов (аукционов), при котором процесс передачи в аренду городских помещений стал носить публичный характер, а ставки арендной платы стали определяться в соответствии с законами рынка. Количество договоров, заключенных по результатам торгов, за рассматриваемый период увеличилось на 326 (с 59 до 385). Значительно возросла доля площадей, выставляемых на специализированные торги от общей арендованной площади, – на 24,8 % (с 1,7 до 26,5). При этом если годовая арендная плата за 1 кв. м, сложившаяся по результатам торгов в 2011 г., составила 6 167 руб., то в 2012 г. – 6 593 руб., в 2013 г. – 7 320 руб., в 2014 г. – 6 673 руб. Если же учитывать в целом действующие договоры аренды с рыночной платой, включая аукционы, то их количество составляет 925 общей площадью 141,7 тыс. кв. м, или 48,2 %, и обеспечивает более 70 % от общей суммы поступлений по арендной плате. Данный фактор, в свою очередь, оказал влияние на увеличение доли поступлений по договорам аренды с торгов от общей суммы поступлений по действующим договорам аренды – с 6,8 до 39,9 %, а в стоимостном выражении с 39 864,7 тыс. руб. до 218 844,8 тыс. руб.

2. Внесение изменений в Положение о порядке управления и распоряжения объектами муниципального нежилого фонда путем включения в него методов расчета на основе рыночной стоимости объекта недвижимости, порядка сдачи арендатором части объекта нежилого фонда в субарендное пользование, а также введения коэффициента планируемого повышения платы за использование объекта с учетом уровня инфляции на потребительских рынках[5].

[5] Положение о порядке управления и распоряжения объектами муниципального нежилого фонда, находящимися в собственности городского округа город Уфа Республики Башкортостан: решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 19 марта 2009 № 14/8. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?base=RLAW140;frame=1;n=93673;req=doc (дата обращения: 10.08.2015).

Индексация арендных ставок по договорам аренды проводилась в течение 2011–2013 гг., ее размер составлял 1,9; 2,12 и 2,35, соответственно.

3. Увеличение площадей, сдаваемых арендаторами в субарендное пользование. Решением совета размер платы арендатора, сдающего в субарендное пользование часть помещения общей площадью до двух квадратных метров, увеличивается на 10 % применительно ко всей арендуемой площади. В случае сдачи в субаренду помещения общей площадью более двух квадратных метров размер платы увеличивается в два раза.

4. Перечисление арендаторами задолженности по арендной плате и пеней за предыдущие периоды. Их доля уменьшилась за рассматриваемый период с 11 до 8 % от фактически поступившей в бюджет арендной платы, или в суммовом выражении с 64 408,7 тыс. руб. до 42 844,9 тыс. руб. В составе задолженности числится сумма долга прошлых лет, занимающая, однако, две трети ее размера (в 2014 году – 67 %). Эта доля остается неизменной с 2010 г. Уменьшение величины задолженности объясняется результатом активизации управления претензионно-исковой работы. Ежегодно подготавливается и направляется около 300 претензий и исковых заявлений о наличии задолженности, оплачивается свыше одной десятой части суммы задолженности.

Следующая группа факторов негативно сказывалась на поступлении неналогового дохода в городской бюджет:

1. В соответствии с приказом Минфина РФ от 21.12.2012 № 171н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов» в 2013 г. код бюджетной классификации «доходы от сдачи в аренду имущества, находящегося в оперативном управлении органов управления городских округов и созданных ими учреждений (за исключением имущества муниципальных бюджетных и автономных учреждений)» был разделен на два кода путем введения с 01.01.2013 нового кода «доходы от сдачи в аренду имущества, составляющего казну городских округов (за исключением земельных участков)». В результате платежи в городской бюджет от аренды муниципального имущества, переданного в оперативное управление муниципальным организациям, не поступали.

2. Снижение количества действующих договоров аренды объектов нежилого фонда (за анализируемый период – на 1 007, с 2 576 до 1 569). Уменьшение прослеживается по договорам с действующей Методикой расчета арендной платы при относительно низкой ее ставке в отличие от величины рыночной арендной платы, складывающейся при торгах.

3. Сокращение количества площадей, сдаваемых в аренду. Площади активов аренды за 5 лет сократились на 165,7 тыс. кв. м, а это примерно 262 170,5 тыс. руб., если считать от средней величины арендной платы за 1 кв. м (165,7 х 1582,2). К началу 2015 г. общая площадь нежилого фонда города, переданная в пользование, составила 2 506,4 тыс. кв. м, из них около 13 % – в аренду различным организациям. Анализ данных свидетельствует о шестикратном превышении площадей, предоставляемых в хозяйственное ведение и оперативное управление, над площадями, сдаваемыми в аренду. Следовательно, фактически только десятая часть площадей, переданных в пользование, приносит стабильный доход в бюджет города.

4. Ликвидные помещения, ранее сдаваемые в аренду и приносившие доход в бюджет города, ежегодно уменьшаются, что объясняется отчуждением объектов муниципального нежилого фонда в порядке приватизации, в основном во исполнение положений Федерального закона об особенностях отчуждения недвижимого имущества[6]. С 2009 г. в связи с реализацией закона о льготной приватизации из арендного оборота выбыло 238,4 тыс. кв. м площадей, в т. ч. в 2015 г. – более 21 тыс. кв. м. Из оставшихся 1 756 договоров текущей аренды 602 договора на общую площадь 110,1 тыс. кв. м заключены с субъектами малого бизнеса, которые подпадают под действие вышеуказанного закона и могут быть выкуплены по преимущественному праву выкупа.

5. Передача полномочий арендодателя муниципальным предприятиям. Это ставит определенную задачу перед Финансовым управлением совместно с отраслевыми его органами усилить контроль над доходами вышеуказанных учреждений от аренды в целях сокращения бюджетных дотаций для них.

6. Льготы по арендной плате, предоставляемые арендаторам на основании решения совета, использование при расчете арендной платы понижающих

[6] Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/12161610/#ixzz3hZ6HMDnb (дата обращения: 10.08.15).

коэффициентов. В 2014 г. имущественная поддержка (выпадающие доходы) была применена в отношении 238 договоров аренды (13,5 % от общего количества). Размер выпадающих доходов бюджета в связи с применением понижающего коэффициента использования по договорам с рыночной оценкой составил 14 945,5 тыс. руб., понижающего коэффициента стимулирования отдельных направлений деятельности – 5 296,2 тыс. руб., применения льгот по решениям совета – 44 117,8 тыс. руб. (15 договоров). Таким образом, от данных льгот и коэффициентов бюджет недополучил 64 359,5 тыс. руб. (12 % от плановой годовой арендной платы).

7. Освобождение с 2006 г. от арендной платы арендаторов на период проведения капитального ремонта в соответствии с решением совета № 3/10 от 15.12.2005 «О порядке учета, управления и распоряжения объектами муниципального нежилого фонда г. Уфы». В текущем году были приняты решения об освобождении в отношении пяти арендаторов. Сумма инвестиционных (капитальных) вложений составила 10 801,3 тыс. руб., сумма выпадающих доходов – 6 785,4 тыс. руб. Наибольшее количество данных арендаторов числилось в 2008, 2009 и 2014 гг. – 18, 16 и 17, сумма вложений в ремонт – 36 401, 41 311 и 37 557 тыс. руб., соответственно. Сумма выпадающих поступлений в бюджет – 3 247, 6 030 и 7 121,5 тыс. руб., соответственно.

8. Требует улучшения информационное обеспечение системы органов управления. Управление использует автоматизированную информационную систему ведения реестра имущества города «Имущество», реализующую возможности ведения реестра имущества, учета, анализа и контроля поступления средств по договорам аренды, их исполнения. Однако действующая система в полной мере не учитывает тенденции и конъюнктуру рынка недвижимости и обеспеченность населения бытовыми и социальными услугами, что предполагает применение методов анализа рынка недвижимости и услуг, используемых при оценке других форм собственности, и анализа обеспеченности жителей услугами социального значения. Все это определяет актуальность и обуславливает необходимость внедрения новых информационных технологий, заключающихся в использовании автоматизированной системы массовой оценки объектов недвижимости на основе компьютерных моделей ее рынка [15], которая позволяет автоматизировать расчет рыночной цены аренды недвижимости и прогноз поступлений в бюджет арендной платы.

Выводы

Приведенные данные и анализ формирования поступлений в бюджет от аренды помещений, находящихся в имущественной казне г. Уфы, выявили ряд проблем, носящих системный характер: снижение количества договоров аренды; сокращение арендуемых площадей; чрезмерный объем льгот по арендной плате; имеющуюся задолженность арендаторов по арендной плате; недостаточное совершенство работы информационной системы управления.

Решение по устранению выявленных проблем эффективности и доходности бюджета города от сдачи в аренду нежилого фонда:

– дальнейший перевод нежилого фонда, находящегося в хозяйственном ведении и оперативном управлении, в режим арендования с установлением посильной для арендаторов арендной платы;

– вовлечение в арендный оборот свободных, неиспользуемых, неоформленных нежилых зданий и помещений;

– расширение количества площадей, арендная плата за использование которых устанавливается посредством проведения торгов;

– осуществление мероприятий по реновации нежилых помещений, непригодных к использованию, для пополнения арендного фонда;

– сокращение льгот по оплате аренды нежилых помещений городской собственности, предоставляемых коммерческим организациям. Мониторинг состава и условий предоставления недвижимости в аренду на льготных условиях с целью выявления оправданных и устранения избыточных;

– принятие оперативных мер по взысканию задолженности с арендаторов и обеспечению полного их внесения в бюджет;

– совершенствование методической работы, основанной на определении размера арендной платы с использованием корректирующих коэффициентов, позволяющих значительно увеличить арендные платежи в масштабах муниципального образования;

– совершенствование работы информационных систем управления, заключающейся в формировании автоматизированной системы массовой оценки недвижимости на основе компьютерных моделей ее рынка, позволяющей автоматизировать прогноз поступлений в бюджет от аренды нежилого фонда;

– разработка и принятие целевой программы повышения бюджетной эффективности аренды объектов нежилого фонда г. Уфы на 2016–2020 гг.

Список литературы

1. Яруллин Р. Р. Доходы бюджета: учеб. пособие. Уфа: ФГОУ ВПО БГАУ, 2005. 224 с.
2. Лексин В. Н. Города власти: административные центры России // Мир России: Социология, этнология. 2009. № 1. С. 3–33.
3. Ноздрина Н. Н., Стерник Г. М. Рынок жилья в городах России до и после августовского кризиса 1998 года // Проблемы прогнозирования. 2000. № 1. С. 120–141.
4. Рахман И. А. Развитие рынка недвижимости в России: теория, проблемы, практика. М.: Экономика, 2000. 294 с.
5. Ресин В. И. Управление развитием крупного города. Опыт системного исследования. М.: Голос, 1996. 336 с.
6. Ростанец В. Г., Топилин А. В. Перспективы межрегиональных интеграционных структур // Экономист. 2007. № 6. С. 81–87.
7. Рукина И. М., Анфимова А. Ю. Региональная экономика и управление: учеб. пособие. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2014. 250 с.
8. Толкачев О. М. Эффективное управление имуществом – прибыль городу // Городская собственность. 1998. № 4 (8).
9. Швецов А. Н. Государственная поддержка российских городов / Ин-т системного анализа Рос. акад. наук. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 160 с.
10. Павлова Л. П., Бабич А. М. Государственные и муниципальные финансы: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 703 с.
11. Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 1996. 192 с.
12. Финансы / В. М. Родионова, Ю. Я. Вавилова, Л. И. Гончаренко и др. М.: Финансы и статистика, 2011. 432 с.
13. Яруллин Р. Р. Концепция взимания государством доходов от имущества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 85. С. 83–94.
14. Яруллин Р. Р. Доходы от сдачи в аренду объектов муниципального нежилого фонда и резервы их роста // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8. С. 112–119.
15. Яруллин Р. Р. Оценка недвижимости: учеб. пособие. Уфа: Мир печати, 2008. 68 с.

В редакцию материал поступил 12.08.15

© Яруллин Р. Р., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Яруллин Рауль Рафаэлович, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита, академик Российской академии естествознания, Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Адрес: 450015, г. Уфа, ул. Мустая Карима, 69/1, тел.: (347) 251-08-32

E-mail: jrr61@mail.ru

Как цитировать статью: Яруллин Р. Р. Арендная плата за использование нежилого фонда казны городского округа и факторы ее роста // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 181–187.

R. R. YARULLIN,

Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Ufa branch of University for Finance at the Russian Government, Ufa, Russia

RENTAL FEES FOR USING THE NON-RESIDENTIAL FUNDS OF THE MUNICIPAL FISC AND FACTORS OF ITS GROWTH

Objective: to develop the theoretical bases of forming the rent fees for non-residential funds, which constitute the fisc of Ufa municipality, and to identify the opportunities of revenues increase from its use.

Methods: abstract-logical, dialectical, comparative, systematic and structural, economic analysis and synthesis.

Results: the content is disclosed of the rental fees of non-residential funds constituting the municipal fisc as a cash payment, of compensatory and equivalent character, for the use of the municipality fisc;

the necessity is grounded of increasing the budget effectiveness of the municipal non-residential facilities rent, which consists in the proper use of rental fees for maintenance, investments in the renovation and construction of non-residential facilities, the availability of funds for their financing, and the lack of growth in rents above the economically viable threshold;

the factors are analyzed which determine the budget revenues from rent, affecting the fiscal efficiency of non-residential facilities rent in Ufa city;

a number of problematic issues were identified, of systemic character: reduction of the number of rent contracts; reduction of the rented space; an excessive amount of the reduced rent; arrears of tenants on rents; insufficient quality of the information management system;

ways are propose to improve the budget efficiency and profitability of the non-residential rent, consisting in the transition of non-residential buildings and premises, which are in economic conducting or in operational administration or are unused (unregistered), into the rent regime with the establishment of feasible rental fees; expanding the number of premises, the rental fee for the use of which is determined by bidding; reduction of benefits to commercial organizations for the rent payment; providing full and timely transfer of the arrears from tenants to the budget; acceleration of the formation of the automated system for mass valuation of real estate, allowing to automate the forecast of budget revenues from non-residential funds renting.

Scientific novelty: the necessity is grounded to increase the budget effectiveness of the municipal non-residential facilities rent, the definition is formulated of the non-residential facilities rent of the municipal fisc and factors of its growth.

Practical significance: the findings and conclusions of the article can be used in the budget efficiency management of the non-residential facilities rent, as well as in research and teaching activities.

Key words: rent; non-residential facilities; property; fisc; rental fees; municipal budget; budget efficiency; information system.

References

1. Yarullin, R. R. *Dokhody byudzheta* (Budget incomes) / R. Yarullin. Ufa: FGOU VPO BGAU, 2005, 224 p.
2. Leksin, V. N. Goroda vlasti: administrativnye tsentry Rossii (Cities of power: administrative centers of Russia) // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya,* 2009, no. 1, pp. 3–33.
3. Nozdrina, H. H., Sternik G.M. Rynok zhil'ya v gorodakh Rossii do i posle avgustovskogo krizisa 1998 goda (Residential facilities market in the Russian cities before and after the August 1998 crisis) // *Problemy prognozirovaniya*, 2000, no. 1, pp. 120–141.
4. Rakhman, I. A. *Razvitie rynka nedvizhimosti v Rossii: teoriya, problemy, praktika* (Development of the real estate market in Russia: theory, problems, practice). Moscow: Ekonomika, 2000, 294 p.
5. Resin, V. I. *Upravlenie razvitiem krupnogo goroda. Opyt sistemnogo issledovaniya* (Management of a large city development. Practice of systematic research). Moscow : Golos, 1996, 336 p.
6. Rostanets, V. G., Topilin, A. V. Perspektivy mezhregional'nykh integratsionnykh struktur (Prospects of interregional integration structures) // *Ekonomist*, 2007, no. 6, pp. 81–87.
7. Rukina, I. M., Anfimova, A. Yu. *Regional'naya ekonomika i upravlenie* (Regional economy and management): ucheb. posobie. Moscow: Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2014, 250 p.
8. Tolkachev, O. M. Effektivnoe upravlenie imushchestvom – pribyl' gorodu (Efficient property management – income to the city) // *Gorodskaya sobstvennost'*, 1998, no. 4 (8).
9. Shvetsov, A. N. *Gosudarstvennaya podderzhka rossiiskikh gorodov* (State support of the Russian cities) / In-t sistemnogo analiza Ros. akad. nauk. 2-e izd., ispr. Moscow: Editorial URSS, 2002, 160 p.
10. Pavlova, L. P., Babich, A. M. *Gosudarstvennye i munitsipal'nye finansy* (State and municipal finance): uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: YuNITI-DANA, 2012, 703 p.
11. Pushkareva, B. M. *Istoriya finansovoi mysli i politiki nalogov* (History of the financial thought and taxation policy): ucheb. posobie. Moscow: INFRA-M, 1996, 192 p.
12. *Finansy* (Finance) / V. M. Rodionova, Yu. Ya. Vavilova, L. I. Goncharenko i dr. Moscow: Finansy i statistika, 2011, 432 p.
13. Yarullin, R. R. Kontseptsiya vzimaniya gosudarstvom dokhodov ot imushchestva (Concept of taking income from property by the state) // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 85, pp. 83–94.
14. Yarullin, R. R. Dokhody ot sdachi v arendu ob"ektov munitsipal'nogo nezhilogo fonda i rezervy ikh rosta (Income from municipal non-residential fund rent and reserves of their growth) // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 8, pp. 112–119.
15. Yarullin, R. R. *Otsenka nedvizhimosti* (Evaluating the real estate): ucheb. posobie. Ufa: Mir pechati, 2008, 68 p.

Received 12.08.15

Information about the author

Yarullin Raul' Rafaelovich, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Finance and Credit, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Ufa branch of University for Finance at the Russian Government

Address: 69/1 Mustay Karim Str., 450015, Ufa, tel.: (347) 251-08-32

E-mail: jrr61@mail.ru

For citation: Yarullin R. R. Rental fees for using the non-residential funds of the municipal fisc and factors of its growth // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 181–187.

© Yarullin R. R., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 339.942
URL: http://hdl.handle.net/11435/2211

Кашбразиев Р. В.
С. 188–197.

Р. В. КАШБРАЗИЕВ,
кандидат экономических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Цель: анализ противоречий международной производственной кооперации как движущей силы ее развития.
Методы: выявление и анализ противоречий международной кооперации проведены с использованием системного подхода, основанного на общенаучных методах теоретического и эмпирического исследования: анализ, синтез, научное наблюдение, измерение и сравнение. На основе обобщения и анализа информации, приведенной в статистической системе Организации экономического сотрудничества и развития и отчетах глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, представлена авторская оценка уровня технологичности и наукоемкости экономики отдельных развитых и развивающихся (с переходной экономикой) стран, эффективности инвестиций в науку и исследования, их влияния на технологический уровень производства и степень технологического суверенитета избранных стран.
Результаты: изучение опыта индустриально развитых стран показало, что производство высокотехнологичных товаров невозможно без встраивания в общемировую кооперационную сеть промышленных компаний и научно-исследовательских институтов. Вместе с тем, выстраиваясь в глобальные воспроизводственные цепочки и привлекая передовые технологии производства, маркетинга и управления, национальные компании неизбежно попадают в зависимость от внешних (импортных) поставок.
Сформулирована экономическая аксиома: современное высокотехнологичное производство требует резкого расширения международной производственной кооперации.
Вскрыто основное онтологическое противоречие международной производственной кооперации, характеризующееся воздействием на повышение технологического уровня производства и инновационности национальной экономики, с одной стороны, и одновременно на усиление ее зависимости от зарубежных партнеров – с другой.
Научная новизна: в статье на основе системного подхода раскрыты противоречия международной кооперации в контексте инновационного развития и экономической безопасности страны; сформулировано основное противоречие международной производственной кооперации; доказано, что разрешение / смягчение основного противоречия обусловлено развитием национальной инновационной системы.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы при разработке рекомендаций по снижению уровня противоречий международной кооперации, ослаблению зависимости российской промышленности от импортных поставок.

Ключевые слова: международная специализация; международная кооперация; основное противоречие; инновационное развитие.

Введение

В нашей предыдущей работе «Международная кооперация в системе экономических категорий», посвященной теоретическим вопросам международной производственной кооперации (МПК), отмечалось, что развитие международной специализации и кооперации приводит к дальнейшей дифференциации видов деятельности и усилению взаимозависимости между отраслями экономик разных стран, что превращает МПК в важнейший источник роста конку-

рентоспособности стран и регионов[1]. Вместе с тем международная кооперация является противоречивым процессом [1, 2, 3]. Цель данной статьи – раскрытие экономических противоречий МПК.

Трансформация сущности и форм МПК в условиях глобализации мировой экономики происходит при обострении ее внутренних и внешних противоречий. Если внутренние противоречия порождаются конфликтом противоположных сторон внутри самого процесса, то внешние – в результате взаимодействия изучаемого процесса с окружающей средой.

Источником развития любой экономической системы является взаимодействие внутренних противоречий. Поэтому методологически важным этапом научного исследования является выявление внутренних противоречий изучаемого явления, отражающих его сущность. Единство и борьба противоположностей, заключенных в сущности международной кооперации, устойчивости и изменчивости ее составляющих, и создают необходимое условие для развития МПК как подсистемы международных экономических отношений.

Рассмотрение сущностных (онтологических) противоречий МПК способствует нахождению ответа на вопрос о противоречивом характере процесса международной кооперации и причинах, вызывающих изменение и развитие основных ее проявлений. Онтологическое противоречие кооперации сформулировано в экономической теории в виде «выбора заключенного» (Prisoner's Dilemma) [4, p. 2]. Применительно к мировой экономике это выбор между возведением торговых барьеров между странами и свободной торговлей, между развитием долгосрочных кооперационных связей и свертыванием отношений, между углублением мировой экономической интеграции (на основе международной специализации и кооперации) и развитием всех видов производства, организацией импортозамещения в рамках отдельной страны и т. д. Эти проблемы являются особо актуальными для России, начавшей встраиваться в систему мирохозяйственных отношений недавно, с 1992 г.

Результаты исследований

Изучение опыта индустриально развитых стран показало, что производство высокотехнологичных товаров невозможно без производственной кооперации, вне общемировой кооперационной сети промышленных компаний и научно-исследовательских институтов. В современных условиях МПК является важнейшим инструментом, содействующим инновационному развитию национальной экономики. В связи с этим данное исследование фокусируется на изучении противоречия между повышением конкурентоспособности на основе высокотехнологичного производства, с одной стороны, и ростом зависимости от внешних поставок, с другой.

Данное противоречие отражает ситуацию, когда предприятия страны за счет взаимодействия с зарубежными высокотехнологичными компаниями, встраивания в глобальные воспроизводственные цепочки привлекают передовые технологии производства, маркетинга и управления, но неизбежно попадают в зависимость от внешних поставок. Взаимодействие противоположных сторон МПК – стремление к прибыли на основе повышения конкурентоспособности, технологического уровня производства и минимизация рисков роста зависимости от импортных поставок – движущая сила развития мирохозяйственных связей страны, углубления международного разделения труда и специализации страны и ее регионов в мировой экономике.

Проанализируем несколько примеров из практики, чтобы глубже охарактеризовать взаимодействие (единство и борьбу) между повышением технологического уровня производства (для того чтобы попасть в глобальные производственные сети) и усилением зависимости от поставок (ростом межфирменных связей по линии поставок) как подлинного источника развития международной кооперации и системы международных экономических отношений.

Ярким примером использования выгод МПК и попадания в зависимость от внешних поставок может служить шведская компания Volvo Cars. Она поддерживает высокий технологический уровень производства благодаря участию в подетальной международной производственной кооперации, и у нее же возникла угроза остановки производства машин, когда 11 марта 2011 г. случилась авария на АЭС в Японии, так как начались перебои в поставках. В это же время в другой части света американский концерн General Motors вовсе приостановил производство пикапов на заводе в Луизиане на 10 дней из-за нехватки комплектующих, которые должны были поступить тоже из Японии[2].

[1] Кашбразиев Р. В. Международная кооперация в системе экономических категорий // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 49–54.

[2] GM приостановил производство из-за нехватки комплектующих из Японии. URL: http://ria.ru/company/20110318/355168534.html (дата обращения: 27.08.2015).

Анализ данного примера МПК показывает, что в условиях глобализации мировой экономики особенно важно развивать подетальную специализацию и кооперацию. При такой специализации страна (регион) сосредоточивает усилия на производстве определенной группы промежуточной продукции (деталей, узлов, агрегатов, элементов системы управления) и отказывается от производства других в пользу стран-партнеров. В рамках единого технологического процесса предприятия-кооперанты, находящиеся в разных странах, собирают эти части и производят конечный готовый продукт.

Другим примером является развитие международных кооперационных связей российских предприятий в условиях обострения противоречий МПК. До недавнего времени в российской экономике шли процессы усиления зависимости экономики страны от импортных поставок. Показательной является история приобретения французской компанией Schneider Electric 100 % акций ЗАО «ГК Электрощит – ТМ Самара». Иностранная компания переориентировала российский завод на использование импортных комплектующих. Производство электронного оборудования, хотя и формально производимого в России, теперь полностью зависит от поставок из-за рубежа[3].

Данный пример иллюстрирует получение отрицательного результата взаимодействия противоречий, возможность разрушительных последствий при обострении противоречий МПК. Если не контролировать процесс международной кооперации инструментами промышленной политики государства (локализацией производства на новом технологическом уровне, финансовой поддержкой отечественных производителей и субпроизводителей – участников совместных предприятий с иностранным участием и прочими), то чрезмерное развитие международной производственной кооперации может привести к усилению зависимости стратегически значимых российских компаний от импортных поставок.

Рассмотрим подробнее первую сторону изучаемого противоречивого процесса международной кооперации – роли МПК в повышении технологического уровня производства.

Мировой опыт показывает, что современное высокотехнологичное производство подразумевает организацию системы международных кооперационных связей промышленных компаний, а также расширение зоны кооперационного взаимодействия страны. Преодоление технологического отставания страны, производство конкурентоспособных на мировых рынках товаров собственными силами (на 100 % обеспеченных комплектующими частями отечественного производства), если и возможно, нежелательно – дорого и долго. Так, по подсчетам специалистов ЦЭМИ РАН, создание нового автомобиля в 1990-х обходилось в 2–3,5 млрд долл., а теперь благодаря использованию возможностей глобального разделения труда и кооперации затраты снизились до 0,5–0,8 млрд долл. [5, с. 310], т. е. более чем в 2 раза. В таких условиях преодоление технологических разрывов без опоры на кооперацию маловероятно и связано с большими производственными и рыночными рисками. И наоборот, включение предприятий страны в глобальные кооперационные сети – это надежный способ внедрения в мировую экономику, приобретения новой техники и технологий, получение шанса на развитие новых конкурентоспособных секторов промышленности, ориентированных на внешние рынки.

Обобщая сказанное, можно сформулировать следующую экономическую *аксиому:* современное высокотехнологичное производство требует резкого расширения международной производственной кооперации.

Из мировой практики можно привести ряд примеров высокотехнологичных производств, опирающихся на разветвленную и все более густую сеть производственно-кооперационных связей. Например, шведская компания Volvo Cars, уже упомянутая выше, производит свои автомобили в долгосрочной кооперации с поставщиками по всему миру. В настоящее время около 400 деловых партнеров поставляют ей автокомпоненты и еще около 3 300 поставщиков обеспечивают компанию другими продуктами и услугами (включая послепродажное обслуживание). Кроме того, в 2012 г. Volvo Cars приступила к стратегической кооперации с Siemens по развитию технологии электроэнергетики, силовой электроники и технологии зарядки в автомобилях. Следует подчеркнуть, что компания открыта к работе со всеми поставщиками, с самыми надежными из которых заключаются долгосрочные контракты согласно программе «Ответственность глобальных цепочек» (Supply chain responsibility)[4].

Развитие технологий, переход на новый уровень производства связаны с привлечением прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в машиностроение, стимулированием международной внутри- и межотраслевой кооперации, импортом высокопроизво-

[3] Российская газета. 2012. 10 апреля.

[4] Volvo Cars Corporation. Corporate Report 2011/12. Gothenburg, 2012, p. 31.

дительного оборудования. Анализ эмпирических данных по ведущим экономикам мира указывает на существование сильной связи между инвестициями в машины и оборудование и ростом производительности труда – наиболее эффективным индикатором повышения уровня общественного производства. Принимая во внимание это положение, правительствами развитых / развивающихся стран принимаются конкретные меры по стимулированию инвестиций в данный сектор. Так, правительством Канады принимаются меры по улучшению условий для инвестиций и международной кооперации, в частности страна объявляется беспошлинной зоной для импорта улучшающих производительность машин, оборудования и товаров, ввозимых для дальнейшего производства в Канаде[5], т. е. полностью устраняются тарифы для предприятий, участвующих в МПК.

Значение повышения технологического уровня производства как функции МПК, таким образом, заключается в том, что оно связано с ростом производительности труда. В условиях глобализации длительный и устойчивый рост производительности труда возможен при использовании лучших в мире технологий (что требует развития международной кооперации), а также при постоянных и неснижающихся инвестициях в машины и оборудование, при устойчивом росте затрат на науку и прикладные исследования (R&D).

Наши эмпирические исследования с использованием статистических данных OECD[6] показывают, что между инвестициями в науку и прикладные исследования и ростом производительности труда существует тесная и положительная связь. Технологическое развитие постиндустриальных стран напрямую зависит от стабильно высокой доли в ВВП вложений в науку и прикладные исследования и является мощным фактором роста производительности труда. Наибольшие темпы роста производительности труда за период 2001–2012 гг. были в США, Японии и Финляндии, где и наибольшая доля вложений в науку и исследования, достигающая 2,65, 3,29 и 3,57 % от ВВП соответствующих стран. Наименьшие параметры, характеризующие технологический уровень национальной экономики, у Италии – при относительно низких инвестициях в науку и исследования получились такие же низкие темпы роста производительности труда в экономике страны в целом.

На базе эмпирических исследований влияния ПИИ в машиностроение и инвестиций в науку и исследования на производительность труда представляется возможным сформулировать *следующую закономерность:* чем больше инвестиций привлекается в машины и оборудование, чем больше денег инвестируется в науку и прикладные исследования – тем выше производительность труда и технологический уровень производства.

Таким образом, МПК – необходимый, но недостаточный источник повышения производительности труда в современной экономике. Учитывая, что ПИИ всегда сопровождает МПК и может рассматриваться как форма МПК (как международное инвестиционное сотрудничество), следует обратить на инвестиции в науку особое внимание. (МПК может развиваться и не требуя больших затрат на науку, например, ориентируясь на дешевую рабочую силу развивающихся стран.)

С этой целью проведем сравнительный анализ основных показателей, характеризующих уровень технологичности и наукоемкости экономики некоторых развитых и развивающихся (с переходной экономикой) стран, используя данные таблицы.

Основные показатели технологического уровня производства отдельных развитых стран мира*

Table. The main indicators of the technological level of production in certain developed countries in the world*

Страны / Country	Доля расходов на НИОКР в ВВП, % / Share of expenses for scientific-research activities in GDP, %	Расходы промышленности на науку, % / Expenses of industry for research, %	Расходы государства на науку, % / Expenses of state for research, %	Численность исследователей, на 1 000 занятых / Number of researcher per 1000 employees	Производительность труда, ВВП/час, в долл. США / Labor productivity, GDP per hour, US$	Доля высокотехнологичного производства в экономике, % / Share of high-tech production in economy, %	Индекс конкурентоспособности, место в мире / Index of competitiveness, position in the world
Канада / Canada	1,74	45,51	36,06	8,60	45,20	18,67	14
Финляндия / Finland	3,78	67,01	25,03	15,93	47,90	55,29	3
Франция / France	2,24	53,50	37,04	8,35	57,70	42,48	23
Германия / Germany	2,88	65,59	30,30	8,08	53,60	27,68	4
Япония / Japan	3,39	76,52	16,41	10,20	39,40	35,85	9
Великобритания / Great Britain	1,77	44,60	32,25	8,36	46,20	45,78	10
США / USA	2,77	59,96	33,39	9,53	59,00	50,49	5
Китай / China	1,84	73,91	21,68	1,72	…	…	29
Россия / Russia	1,09	27,68	67,08	6,33	20,60	6,24	64

* *Источник:* OECD. Main Science and Technology Indicators, 2013; Global Competitiveness Report 2013–2014.

* *Source:* OECD. Main Science and Technology Indicators, 2013; Global Competitiveness Report 2013–2014.

[5] Investment and Productivity. URL: http://www.conferenceboard.ca/hcp/hot-topics/investprod.aspx (дата обращения: 27.08.2015).

[6] OECD. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2013. OECD Publshing, 2013, 279 p.

Данные таблицы подтверждают наличие прямой зависимости между расходами на науку и прикладные исследования и производительностью труда. Кроме того, наблюдается прямая зависимость между параметрами: расходы на науку и прикладные исследования, производительность труда, расходы промышленности на науку, численность исследователей, доля высокотехнологичного производства в экономике, индекс конкурентоспособности.

В контексте исследования преодоления технологических разрывов между странами следует обратить особое внимание на следующие два обстоятельства. Первое – наличие сильной прямой корреляции между расходами промышленности на науку и долей высокотехнологичного производства в экономике ($r = 0{,}89$). С учетом того, что предприятия, инвестирующие в науку и прикладные исследования, являются, как правило, крупными корпорациями с обширными международными производственными связями, можно прийти к выводу о положительном влиянии МПК на развитие высокотехнологичного производства. Второе – намного меньший эффект от доли государственных расходов на науку на повышение доли высокотехнологичного производства в экономике ($r = 0{,}73$). Таким образом, государственные затраты являются не такими эффективными, как частные. А это не всегда учитывается теоретиками переходной экономики и «государственниками», выдвигающими постулаты о необходимости усиления роли государства в экономике в стратегических направлениях развития народного хозяйства и полагающимися на мощь государства для обеспечения технологического прорыва и выхода России на новый уровень развития[7].

Российские производители, как видно из таблицы, сильно отстают от своих коллег из других стран в плане финансирования расходов на науку и исследования, что приходится восполнить увеличением доли государственных расходов в общих расходах на науку и прикладные исследования. Низкие затраты промышленности на науку можно объяснить тяжелыми условиями для ведения бизнеса (doing business), отсутствием у банков и бизнеса средств на долгосрочное развитие, неразвитостью отечественного рынка технологий, разрушением за годы реформ отраслевой науки, имевшей тесные кооперационные связи с реальным сектором экономики. В итоге Россия показывает наихудшие результаты по всем показателям технологического уровня производства, кроме расходов государства на НИОКР, которые существенно уступают по эффективности, как уже было отмечено выше, затратам производителей на науку и исследования.

Анализ таблицы показывает, что расходы промышленных компаний на НИОКР (лидерами являются Япония, Финляндия, Германия, а также Китай) и численность исследователей на 1 000 занятых (лидеры – Финляндия, Япония, США) играют важную роль в повышении национальной конкурентоспособности. Устойчиво высокая доля расходов промышленности на НИОКР свидетельствует об их эффективности и, более того, наводит на мысль о существовании механизма обеспечения технологической и экономической безопасности национальных промышленных компаний (за счет охраны промышленных секретов, патентов и других элементов защиты интеллектуальной собственности), т. е. чем больше частных расходов на науку и прикладные исследования, чем больше вовлеченность промышленных предприятий в коммерческий оборот идей и технологий, а значит, и в международную научно-технологическую и производственную кооперацию, тем эффективнее развитие экономики страны.

Что касается страновых различий, схожие показатели технологического уровня производства имеют США, Канада и Великобритания. Это можно объяснить тем, что указанные страны отличаются тесными торгово-экономическими и кооперационными взаимосвязями, близкими историко-культурными и нормативно-правовыми особенностями, а США и Канада входят также в региональный торговый союз НАФТА.

Примерно одинаковые показатели технологического уровня производства приходятся на Францию и Германию, что связано с экономико-географическим положением стран и членством в ЕС. Согласно таблице в настоящее время Германия показывает худшие результаты по доле высоких технологий в экономике, но вместе с тем ее экономика является более конкурентоспособной (4-е место в мире). Относительно небольшую долю высокотехнологичной продукции можно объяснить тем, что они теряются в общей массе выпускаемых товаров, так как ВВП Германии намного больше ВВП Франции.

Максимальные показатели Японии (в столбцах 2 и 3 таблицы) связаны, на наш взгляд, с обязательным всеобщим высшим образованием и «патриотично-

[7] Сказание о большом скачке (интервью с С. Глазьевым) // Профиль. 2013. № 1.

стью» местных товаропроизводителей, нацеленных на производство качественного высокотехнологического оборудования и в то же время заинтересованных многочисленными мерами государственного стимулирования в производстве качественных товаров на экспорт. Вместе с тем при примерно одинаковой доле расходов в ВВП и одинаковой структуре расходов на НИОКР Япония показывает несколько худшие результаты по сравнению с Финляндией.

В целом экономически развитые страны имеют одинаковые модели технологического развития. Однако ни одинаковое экономическое поведение, ни тесные научно-технические кооперационные связи, ни высокая интегрированность развитых стран не означают исчезновения противоречия МПК – между повышением технологического уровня производства и ростом зависимости от внешних поставок. Можно выдвинуть *гипотезу*, что данное противоречие разрешается (частично на данном этапе развития мировой экономики) в формировании национальных инновационных систем (НИС). Основанием для данного предложения являются высокий уровень собственных вложений в науку и исследования в развитых странах (на уровне около 3 % ВВП), наличие национальных систем защиты интеллектуальной собственности, включая секреты производства (ноу-хау). Несмотря на внешнюю монолитность западной цивилизации, научно-техническая кооперация развивается в строго регламентированном режиме. Более того, как показывает анализ научных источников [6, p. 21; 7, с. 86; 8, p. 189–190], а также докладов OECD[8], все крупные государства мира придерживаются курса на научно-технологический суверенитет страны.

Анализ данных по патентам, поданным с зарубежными соавторами, позволяет сделать вывод о возрастании самостоятельности многих развитых стран в плане технологического развития (технологического суверенитета данных стран). Как правило, это крупные по территории и мощные по ВВП государства. Страны с развитой рыночной экономикой в высокой степени самостоятельны в проведении научных исследований: в США, Японии и ЕС (если рассматривать как одну страну) только менее 10 % патентов подаются в соавторстве с иностранными изобретателями.

Таким образом, противоречие процессов МПК – между повышением технологического уровня производства, с одной стороны, и ростом зависимости от внешних поставок, с другой, – смягчается за счет усиления технологического суверенитета экономически развитых стран, за счет защиты интеллектуальной собственности в виде патентов, подаваемых без зарубежных соавторов. Результаты исследований инновационной составляющей МПК позволяют нам прийти к *выводу* о том, что разрешение / смягчение основного противоречия МПК обусловлено развитием национальной инновационной системы.

Результаты эмпирических исследований подтверждают достоверность данного теоретического положения.

Перейдем теперь к более подробному анализу второй составляющей исследуемого противоречия МПК – росту зависимости предприятий страны от внешних поставок по линии производственных, научно-технических, торгово-экономических взаимоотношений. Примеры Volvo Cars и связанных с ней японских компаний, Schneider Electric и связанных с этой компанией российских предприятий убедительно показывают, что рост зависимости от импортных деталей и комплектующих – это объективный процесс, сопровождающий развертывание МПК. Этот процесс является неизбежным в условиях углубления международного разделения труда и специализации стран и регионов. Поскольку высокотехнологичное производство требует резкого расширения МПК, как было сформулировано ранее в виде экономической аксиомы, все переходящие к технологической модели развития страны неизбежно попадают в зависимость от импортных поставок.

Программы импортозамещения способствуют ослаблению зависимости от импорта, однако они не всегда являются эффективными в плане «затраты – выгода» от организации производства по замене импорта в силу объективности и выгодности международного разделения труда и зачастую являются вынужденной мерой.

Зависимость от зарубежных поставщиков может превратиться в серьезную проблему в условиях международной изоляции той или иной страны по политическим причинам и вынужденного обособленного ее развития / стагнации, мировых финансово-экономических кризисов, в периоды волатильности национальной валюты и т. д.

В силу того, что и стремление к новой технологической модели развития национальной экономики, с одной стороны, и усиление зависимости от внешних поставок, с другой, являются важнейшими тенден-

[8] OECD. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009. OECD Publishing, 2009, 146 p.

циями современного экономического развития стран, противоречие между повышением технологического уровня производства и ростом зависимости от внешних поставок следует признать *основным противоречием МПК*.

Единство и борьба противоречий являются движущей силой развития международной кооперации и специализации. Вместе с тем существует ряд факторов, вызывающих обострение противоречий. Первый фактор – возможность некачественных поставок или их срыва. Предприятия страны, вступающие в международные кооперационные связи с целью повышения уровня технологии производства и качества выпускаемого продукта, могут пострадать от срыва поставок или вероятности поступления некачественных деталей и комплектующих изделий. Например, многократный перенос сроков модернизации и передачи Индии авианосца «Викрамадитья» в 2012–2013 гг. вследствие выявленных дефектов в агрегатах, поставленных Польшей и Великобританией, а также использования в качестве теплоизолятора огнеупорного китайского кирпича вместо российского асбеста[9].

Второй фактор связан с действиями глобальных конкурентов. В определенных экономико-политических условиях некоторые формы МПК (участие в капитале зарубежных компаний, создание совместных предприятий, выкуп банков и предприятий иностранным инвестором и др.) могут быть использованы в качестве инструмента ослабления / уничтожения конкурентов. Так, в срыве российского оборонного заказа некоторые российские чиновники небезосновательно обвиняют иностранных поставщиков. А. Бастрыкин (2014) считает, что неисполнение ряда важных гособоронзаказов связано с косвенным контролем за стратегическими предприятиями страны со стороны иностранных инвесторов, их умышленным препятствием исполнению обязательств по гособоронзаказам[10].

Целесообразно отметить, что противоречия МПК умело используются спецслужбами иностранных государств для повышения конкурентоспособности своих компаний, укрепления экономических позиций своих стран в мире. Общеизвестно, что российские компании не допускаются к новейшим технологиям, ключевым наукоемким деталям и комплектующим изделиям. Таким образом, обострение противоречий МПК, рост зависимости от импортных поставок естественным образом приводят к постановке вопроса об экономической безопасности страны.

Наряду с факторами, способствующими обострению противоречий МПК, существует целый ряд факторов, оказывающих влияние на смягчение / разрешение основного противоречия МПК. Некоторые из них уже были охарактеризованы выше. Здесь обобщенно представим их в виде следующих основных групп.

Первая группа факторов, способствующих сглаживанию противоречий, связана с развитием НИС и рынка интеллектуальной собственности. Действие этих факторов направлено на повышение технологического уровня производства и расширение кооперационных связей с внешним миром, но при этом рост зависимости от импортных поставок смягчается за счет защиты интеллектуальной собственности. Механизмы защиты предусмотрены соглашениями ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности ТРИПС (TRIPS – Trade related aspects of intellectual property rights)[11]. Продукт интеллектуального труда реализуется в порядке кооперационного научно-технического и производственного взаимодействия с зарубежными странами, в ходе которого происходит адекватная рыночная оценка продукта интеллектуального труда. При формировании и использовании прав интеллектуальной собственности на продукт интеллектуального труда это не может не способствовать постепенному превращению страны из импортирующей промышленные технологии в экспортирующую машины, детали и оборудование. Необходимая институциональная основа для формирования и функционирования рынка интеллектуальной собственности имеется – это существующие международные и региональные сети инжиниринговых и маркетинговых центров.

Вторая группа факторов формируется под влиянием прогресса в сфере международного транспорта и логистики. Прогресс в этой сфере способствует как повышению технологического уровня производства в стране, так и усилению общей зависимости от импортных поставок (за счет улучшения транспортной доступности производителей и поставщиков). Но в то же время более глубокий анализ экономической ситуации показывает, что происходит и устранение (уменьшение) общей зависимости стран и

[9] Неполадки возникли на авианосце «Викрамадитья» во время испытаний. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120917/752004685.html (дата обращения: 27.08.2015).

[10] Российская газета. 2014. 14 января.

[11] TRIPS material on the WTO website. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/trips_e.htm (дата обращения: 27.08.2015).

предприятий от импортных поставок. Преодоление основного противоречия МПК происходит за счет ускорения движения грузов по международным транспортным коридорам, диверсификации товаропотоков, удешевления международных перевозок за счет выбора оптимального маршрута и вида транспорта, обеспечения надежности перевозок и возможности соблюдения графика поставок. Современный транспортно-логистический комплекс гарантирует высокую вероятность реализации принципа just-in-time («точно в срок») в производстве.

Третья группа факторов, воздействующих на разрешение противоречий МПК, связана с развитием международных кооперационных связей не только высокотехнологичных компаний, но и предприятий базовых отраслей экономики, где применяются более простые, стандартные технологии. Базовые отрасли производства развивающихся стран в состоянии без больших новых затрат встраиваться в глобальные производственные цепочки, чтобы воспользоваться преимуществами МПК. По оценке экспертов, не только военно-промышленный комплекс и ядерные технологии, но и тяжелая промышленность и некоторые виды традиционных производств сохранили свою конкурентоспособность [9, с. 116] и способны отстоять и даже увеличивать свою долю на внешних рынках. Устойчивый спрос на данные товары существует на рынках как западных стран, так и развивающихся стран Азии и Африки.

Четвертая группа факторов, оказывающих влияние на разрешение основного противоречия МПК, обусловлена причинами комплексного развития отраслей народного хозяйства. Комплексное развитие народного хозяйства способствует уменьшению национальной зависимости от импортных поставок. Согласно классической теории, рациональное использование экономических ресурсов страны (трудовых, природных, производственных, финансовых) предполагает углубление разделения труда, диверсификации использования ресурсов [10, pp. 26, 122], т. е. комплексной многоотраслевой национальной экономики. Отсюда можем предположить, что при наличии сильной диверсифицированной базы народного хозяйства существует *теоретическая возможность* замыкания производства внутри страны за счет межрегиональной (внутрирегиональной) кооперации. Утверждение относится в первую очередь к возможности замкнуть производственный цикл внутри крупной страны (как Россия, США, Китай) или регионального интеграционного союза, примером которого является экономический союз России и Беларуси, где созданы прочные технологические цепочки производства, но вместе с тем имеется значительный потенциал развития промышленной кооперации, включая создание международного стратегического альянса в машиностроении между КамАЗом и БелАЗом на базе межгосударственной ФПГ «БелРусАвто». При этом комплексное многоотраслевое развитие экономики не связано с протекционизмом, а находится в русле основного тренда мирового развития – углубления специализации страны в соответствии с особенностями ее трудовых, природно-географических, производственных, финансовых и интеллектуальных ресурсов. Прочная многоотраслевая экономика только выигрывает от МПК, способствующей повышению технологического уровня производства. При этом при комплексном развитии национальной экономики МПК является контролируемым процессом, соответствующим индикаторам экономической безопасности страны.

Выводы

Таким образом, противоречие между повышением технологического уровня производства и ростом зависимости от импортных поставок является основным онтологическим противоречием международной производственной кооперации. Единство и борьба противоположностей МПК способствуют развитию (переходу на новый технологический уровень) сначала отдельных национальных экономик, а затем и всей мировой экономической системы.

Список литературы

1. Галушко М. В. Внешнеторговая деятельность предприятий в рамках международной производственной кооперации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 8. С. 41–45.

2. Клочков В. В., Русанова А. Л. Международная кооперация в сфере прикладных исследований и национальные интересы России (на примере авиастроения) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 40. С. 12–24.

3. Соболев Л. Б. Горизонтальная интеграция или конгломерация? // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 24 (423). С. 2–11.

4. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York, Basic Books, 1984, 9 p.

5. Мезоэкономика развития / под ред. Г. Б. Клейнера. М.: Наука, 2011. 805 с.

6. Freeman C. The ‘national system of innovation’ in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19. No. 1. P. 5–24.

7. Иванова Н. Наука и инновации: выбор приоритетов // Мир перемен. 2013. № 1. С. 84–88.

8. Elvers D., Song C. R&D Cooperation and Firm Performance – Evaluation of Partnering Strategies in the Automotive Industry // Journal of Finance and Economics. 2014. Vol. 2. No. 5. P. 185–193.

9. Каукин А., Фрейнкман Л. Структура и продуктивность российского экспорта // Экономическая политика. 2009. № 5. С. 99–117.

10. Conway E. 50 Economics Ideas. London, Quercus, 2009, 208 p.

В редакцию материал поступил 04.09.15

© Кашбразиев Р. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Кашбразиев Ринас Васимович, кандидат экономических наук, доцент Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 233-71-09

E-mail: Rinas.Kashbrasiev@kpfu.ru

Как цитировать статью: Кашбразиев Р. В. Основное противоречие международной производственной кооперации // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 188–197.

R. V. KASHBRAZIYEV,

PhD (Economics), Associate Professor

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

BASIC CONTRADICTION OF THE INTERNATIONAL PRODUCTION COOPERATION

Objective: to analyze the contradictions of international industrial cooperation as a driving force for its development.

Methods: identification and analysis of contradictions in international cooperation were carried out using systematic approach based on general scientific methods of theoretical and empirical research: analysis, synthesis, scientific observation, measurement and comparison. On the basis of generalization and analysis of the information contained in the statistical system of the Organization for economic cooperation and development and the global competitiveness reports of the world economic forum, the author presents assessment of the level of technological and knowledge-intensity of the economies of certain developed and developing (transition) countries, investment efficiency in science and research, their influence on the technological level of production and the degree of technological sovereignty of the mentioned countries.

Results: the study of the industrialized countries' experience has shown that the production of high-tech products is impossible without integration into a global cooperative network of industrial companies and research institutes. However, being included into the global production chains and attracting advanced technologies of production, marketing and management, the national companies inevitably fall into dependence on foreign (import) supply.

An economic axiom is formulated: modern high-tech production requires a dramatic expansion of international production cooperation.

The main ontological contradiction of international industrial cooperation is revealed, characterized by the impact on the improvement of the technological level of production and innovativeness of the national economy, on the one hand, and simultaneous strengthening of its dependence on foreign partners, on the other hand.

Scientific novelty: on the basis of systematic approach, the article reveals contradictions in international cooperation in the context of innovative development and economic security of the country; the basic contradiction of international industrial cooperation is formulated; it is proved that the resolution/mitigation of the main contradiction is due to the development of the national innovation system.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in the development of recommendations to reduce the level of contradictions in international cooperation, and to weaken the dependence of the Russian industry from imports.

Key words: international business; international cooperation; basic contradiction; innovative development.

References

1. Galushko, M. V. Vneshnetorgovaya deyatel'nost' predpriyatii v ramkakh mezhdunarodnoi proizvodstvennoi kooperatsii (Foreign-trade activity of enterprises within the frameworks of international production cooperation) // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2007, no. 8, pp. 41–45.
2. Klochkov, V. V., Rusanova, A. L. Mezhdunarodnaya kooperatsiya v sfere prikladnykh issledovanii i natsional'nye interesy Rossii (na primere aviastroeniya) (International cooperation in the sphere of applied research and the national interests of Russia (by the example of aircraft building)) // *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2012, no. 40, pp. 12–24.
3. Sobolev, L. B. Gorizontal'naya integratsiya ili konglomeratsiya? (Horizontal intergration or conglomeration?) // *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika,* 2015, no. 24 (423), pp. 2–11.
4. Axelrod, R. *The Evolution of Cooperation*. New York, Basic Books, 1984, 9 p.
5. *Mezoekonomika razvitiya* (Mesoeconomy of development) / pod red. G. B. Kleinera. M.: Nauka, 2011, 805 p.
6. Freeman, C. The 'national system of innovation' in historical perspective // *Cambridge Journal of Economics*, 1995, vol. 19, no. 1, pp. 5–24.
7. Ivanova, N. Nauka i innovatsii: vybor prioritetov (Science and innovations: choosingthe priorities) // *Mir peremen,* 2013, no. 1, pp. 84–88.
8. Elvers, D., Song, C. R&D Cooperation and Firm Performance – Evaluation of Partnering Strategies in the Automotive Industry // *Journal of Finance and Economics*, 2014, vol. 2, no. 5, pp. 185–193.
9. Kaukin A., Freinkman L. Struktura i produktivnost' rossiiskogo eksporta (Structure and productivity of the Russian export) // *Ekonomicheskaya politika,* 2009, no. 5, pp. 99–117.
10. Conway, E. *50 Economics Ideas*. London, Quercus, 2009, 208 p.

Received 04.09.15

Information about the author

Kashbraziyev Rinas Vasimovich, PhD (Economics), Associate Professor of the Institute for Management, Economics and Finance, Kazan (Volga) Federal University

Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, Russia, tel.: (843) 233-71-09

E-mail: Rinas.Kashbrasiev@kpfu.ru

For citation: Kashbraziyev, R. V. Basic contradiction of the international production cooperation // *Actual Problems of Economics and Law,* 2015, no. 4, pp. 188–197.

© Kashbraziyev, R. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73:336.22:316.48
URL: http://hdl.handle.net/11435/2213

Абакумова О. А.
С. 198–203.

О. А. АБАКУМОВА,
кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В НАЛОГОВЫХ СПОРАХ

Цель: обоснование необходимости применения медиации в налоговых спорах.
Методы: основу исследования составил диалектический метод познания института медиации как социально-правового явления в развитии.
Методику исследования составили общенаучные методы (индукция и дедукция, гипотеза, обобщение, абстракция, формализация, аналогия, исторический подход, системный подход, системный анализ, моделирование, логико-языковой метод и др.).
Результаты: проведена работа по определению преимуществ медиации в налоговых спорах для обеих сторон: государства и налогоплательщика; сделан вывод о том, что использование процедуры медиации при разрешении налоговых споров является эффективным средством борьбы с ростом количества судебных дел и, как следствие, способствует повышению качества отправляемого правосудия. Для большей эффективности заключения соглашений, возникающих из налоговых правоотношений, предложены отдельные рекомендации по внедрению института медиации, обоснована необходимость подготовки достойной нормативно-правовой его регламентации.
Научная новизна: в статье рассмотрены особенности функционирования института медиации в Российской Федерации, новые тенденции развития данного института.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов института медиации.

Ключевые слова: примирительные процедуры; налоговые споры; налоговый орган; налогоплательщик; медиация; мировое соглашение.

Введение

Примирительные процедуры в налоговых спорах, к числу которых относится и медиация, недостаточно разработаны в теории и редко применяются на практике, несмотря на ряд неоспоримых преимуществ перед судебным разбирательством, так как до недавнего времени такой подход к административным спорам считался недопустимым, хотя Федеральная налоговая служба России назвала стимулирование развития примирительных процедур в налоговых спорах стратегической целью развития внесудебных механизмов урегулирования налоговых споров[1].

Необходимо отметить, что институт медиации является объектом научной дискуссии. Общая характеристика данного института содержится в работах О. В. Аллахвердовой, Д. Л. Давыденко, С. И. Калашниковой, Е. И. Носыревой и др. Медиация представляет собой правовое явление, степень изученности которого в науке налогового права находится на начальной стадии. В связи с этим целью исследования является обоснование необходимости применения медиации в налоговых спорах.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания института медиации как социально-правового явления в развитии. Методику исследования составили общенаучные методы (индукция и дедукция, гипотеза, обобщение, абстракция, формализация, аналогия, исторический подход, системный подход, системный анализ, моделирование, логико-языковой метод и др.).

[1] Приказ ФНС России от 13.02.2013 № ММВ-7-9/78@ «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 гг.» // СПС «Консультант плюс».

Результаты исследования

Медиацию можно назвать признаком высокого уровня правовой культуры разрешения споров в обществе. Она активно применяется во многих развитых странах, таких как США, Великобритания, Австралия, Германия, Голландия, Франция, а в Китае даже упоминается в конституции. Эта процедура получила распространение не только в странах англосаксонской правовой системы, откуда началось ее развитие, но и в других правовых системах.

Международно-правовой основой для развития примирительных процедур в РФ должна служить Рекомендация № R (86) 12 [1] «относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды», использует этот термин и арбитражное процессуальное законодательство (гл. 15 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Хотя в современном ее понимании в мировом масштабе опыт применения медиации и насчитывает 50–60 лет, в России история развития данного института составляет всего несколько лет. В Российской Федерации система допустимых государством способов урегулирования споров (переговоры, претензионный порядок разрешения споров, посредничество, мировое соглашение) с 01.01.2011 пополнилась еще одним – процедурой медиации, представляющей собой урегулирование юридического спора сторонами при содействии нейтрального посредника (медиатора), призванного способствовать примирению сторон и достижению ими соглашения.

Медиативная модель, разработанная США, имеет ярко выраженный характер культурной экспансии, то есть принимается и используется в других странах [2].

Особенность этого способа урегулирования правовых споров заключается в том, что он может применяться как в качестве альтернативы существующим юрисдикционным механизмам, так и наряду с ними. На сегодняшний день медиация применяется в гражданских, семейных и трудовых правоотношениях, однако в РФ ее роль незаслуженно принижается. Действующий Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[2] от 27 июля 2010 г. не предусматривает применение медиации в административных публичных спорах, к которым относятся и споры налоговые. Хотя по поводу применения такой процедуры в налоговой сфере ведутся дискуссии, но, следует признать, в настоящее время возможность применения медиации в данной сфере отсутствует, так как государственным органам «все, что не разрешено, запрещено», а ст. 31 Налогового кодекса РФ не предоставляет налоговым органам полномочий по привлечению медиатора.

В российской науке по этому поводу сложилось две противоположных точки зрения. Сторонники первой из них отвергают возможность использования примирительных процедур по административным делам [3, с. 18; 3, с. 15; 3, с. 13], придерживаясь того мнения, что соглашения с государственными органами невозможны в силу специфики административных отношений сторон.

Сторонники второй занимают противоположную позицию, выступая за целесообразность применения медиации в административных отношениях и внесение в российское законодательство соответствующих изменений [6, с. 62; 7, с. 34–38].

Позиция авторов первой группы понятна, тем более что она основана на действующем законодательстве. Но, по мнению А. М. Исраиловой, с которым вполне можно согласиться, «теоретически и практически ситуация может резко измениться при допущении на законодательной основе возможности предоставления публично-правовой стороне налоговых правоотношений, а именно налоговой службе, формализованной или нормативной свободы наряду с корреспондирующими к ней властными полномочиями» [8].

К тому же значимость и актуальность такого института разрешения конфликтов, как медиация, еще в 2011 г. особо подчеркнул руководитель ФНС России [9]. М. Мишустин отметил готовность Федеральной налоговой службы рассмотреть возможность проведения эксперимента по введению медиации при рассмотрении налоговых споров на примере крупнейших налогоплательщиков (постоянно контактирующих с налоговой службой, на долю которых и приходится большая часть спорных сумм), а также применить медиативные подходы при организации работы с налогоплательщиками и при досудебном разрешении налоговых споров.

Процедура медиации может быть выгодна как налоговому органу, так и налогоплательщику. Она представляет собой процесс конструктивных переговоров, где обе стороны имеют возможность высказать свою точку зрения. И, например, в Нидерландах было зафиксировано 80 % случаев успешного применения

[2] ФЗ № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. (ред. от 23.07.13) // Российская газета. 2010. № 168. 30 июля.

медиации в административных спорах [10], причем в данной стране посреднические процедуры рассматриваются как реальная альтернатива государственному правосудию [11].

К основным преимуществам медиации относятся: добровольность; конфиденциальность процедуры; краткие сроки, что способствует экономии времени и средств; возможность достижения результата путем переговоров; сокращение служебной нагрузки в судах вследствие уменьшения количества судебных разбирательств; быстрый и доступный способ урегулирования разногласий; создание в обществе наилучших условий для формирования сознания добросовестного налогоплательщика; мотивации выплачивать справедливые налоги в дальнейшем.

Для налогоплательщика это возможность скорее закончить конфликт без ущерба для репутации, уменьшить суммы штрафов и платежей, а также возможность своевременного урегулирования вероятных налоговых споров (например, путем заключения предварительных налоговых соглашений о ценообразовании).

Для налогового органа это возможность в кратчайшие сроки выполнить план по доначисленным платежам, не тратя на это время в судах. Причем это будут не просто доначисленные суммы, а реально уплаченные недоимки, так как начисленные – еще не значит полученные. К тому же «если у компании накопится огромная задолженность, то она, может быть, никогда не сможет ее выплатить или успеет спрятать имущество, на которое можно обратить взыскание. Возможность договариваться всегда несет огромный позитив, потому что лучше, заплатив сейчас, продолжить работу и в дальнейшем тоже платить налоги. Это невероятно важно для государства и для общества в целом» [12]. Существуют такие споры, по которым не существует устоявшейся практики и многие из которых целесообразно было бы рассмотреть в рамках процедуры медиации, налогового компромисса или другого метода альтернативного разрешения спора.

К тому же развитие досудебных процедур урегулирования споров позволит экономить средства, которые могут пойти на развитие наиболее важных социальных государственных программ. Также налоговые органы могут проявить заинтересованность в подобной процедуре при слабости своей позиции, снизить свои требования, чтобы не тратить время на их обоснование в суде.

Конечно, не исключено, что для фискальных органов система медиации может стать источником коррупционных доходов. И даже если по факту никакой коррупционной составляющей не было, то это повод, с одной стороны, для подозрений со стороны проверяющих органов, а с другой – для нежелания идти на мировую сотрудников налоговых органов. Причины нежелания со стороны сотрудников могут быть и психологическими: например, опасения принимать решение из-за риска превысить полномочия или безразличие, пассивность, ведь проще дождаться решения суда и на него сослаться.

Известно, что основа коррупции – это широкое усмотрение чиновников, исходя из чего лучшим средством противодействия будут общедоступность информации о налоговых соглашениях, общественный контроль, поэтому целесообразно закрепить в законе норму об общедоступности информации о примирительных соглашениях налогоплательщика с налоговым органом на сайте ФНС России.

Естественно, порядок использования медиации должен быть установлен специальным законодательством, которое не может входить в противоречие с основными началами налогового и административного права, и границы специальной компетенции уполномоченных государственных органов должны быть четко обозначены. Так как налог является основным источником государственных доходов, его обязательные элементы определены законом. Поэтому естественно, что наделение органа исполнительной власти (налогового) в части изменения сумм взыскиваемых в бюджет налогов невозможно и неконституционно, т. е. налоговый орган в процессе медиации не может освобождать от уплаты налога или существенно снижать налоговые обязательства другой стороны в споре.

Но, к примеру, возможно утверждение графика погашения недоимки с учетом реальных возможностей налогоплательщика, чтобы не допустить его банкротства. К плюсам данного способа урегулирования споров можно отнести и то, что завершение судебного разбирательства заключением мирового соглашения является скорее исключением, чем правилом, а при процедуре медиации, в случае если дело уже начало рассматриваться в суде, – целью.

До 2002 г. применение мирового соглашения в налоговых спорах не допускалось[3], но в связи с при-

[3] Постановление Пленума ВАС РФ № 13 от 31.10.1996 «О применении АПК РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. № 227. 27 ноября.

нятием Арбитражного процессуального кодекса РФ ситуация изменилась[4]. Наконец в 2012 г. случился прецедент – было утверждено мировое соглашение по делу о бонусной программе «Малина»[5].

Мировое соглашение может предусматривать отказ налогового органа от части требований в отношении налогоплательщика, например, снижение штрафа, отсрочку или рассрочку возврата излишне уплаченных налогов, целевое использование налогоплательщиком возвращаемых средств для инвестиций в производство или социальную сферу. Основным препятствием для широкого использования института мирового соглашения в налоговых спорах является отсутствие подобного термина в НК РФ (в отличие от АПК РФ), что порождает неясность с наличием у инспекций соответствующих полномочий. Поэтому представляется целесообразным внести в НК РФ соответствующие изменения.

Однако чрезвычайно малое количество споров разрешается посредством соглашения сторон, поскольку по логике подавляющего большинства сотрудников налоговых органов им брать на себя ответственность ни к чему, пусть лучше решение спора останется на усмотрении суда. Для большей эффективности заключения соглашений, возникающих из налоговых правоотношений, необходимо подготовить достойную нормативно-правовую регламентацию процедуры их заключения с четким распределением полномочий сторон, определением круга споров, по которым возможно заключение соглашения и необходимой формой закрепления соглашения с определением обязательных реквизитов.

Понятно, что инициатива альтернативного разрешения налоговых споров прежде всего исходит от бизнеса в целях достижения его прогнозируемости, спокойствия, уверенности и безопасности, так как судебные процедуры достаточно длительные и дорогостоящие, а их результат не всегда определен, поскольку существуют споры, по которым отсутствует устоявшаяся практика.

Выводы

Таким образом, использование медиации при разрешении налоговых споров является эффективным средством борьбы с ростом количества судебных дел, позволяет выработать оптимальное решение возникшей проблемы, способствует укреплению партнерских отношений, формированию культуры мирного конструктивного самостоятельного разрешения конфликтных ситуаций, как следствие, повышению качества отправляемого правосудия и поэтому требует дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления.

Список литературы

1. Рекомендация № R (86) 12 Комитета министров Совета Европы «О мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды» / Совет Европы и Россия: сб-к документов. М.: Юрид. лит., 2004. С. 684–686.

2. Bond G. Managong Cultural Diversity at the International Chamber of Commerce International Commercial Mediation Competiaion, Master-Thesis. Frankfurt-am-Oder. 2011. P. 52.

3. Елисейкин П. Судебные мировые соглашения // Советская юстиция. 1968. № 7. С. 17–18.

4. Любомудров Д. А. Мнения экспертов по основным вопросам развития альтернативного разрешения спора // Третейский суд. 2009. № 3. С. 14–44.

5. Шерстюк В. М. Новые положения третьего АПК РФ // Хозяйство и право. Спец. приложение. 2002. № 12. С. 3–51.

6. Анохин В. Мировое соглашение в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 2000. № 6. С. 57–62.

7. Русинова Е. Р., Цыганова Е. М. Проблемы заключения мирового соглашения при рассмотрении публично-правового спора в арбитражных судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 34–38.

8. Исраилова А. М. Развитие института медиации в налоговых спорах. URL: http://akyltirek.kg/projects/razvitie-instituta-mediacii-v-nalogovyh-sporah.-pravoprimenitelnaja-praktika-segodnja-pokazyvaet-chto-sudebnoe (дата обращения: 3.09.2015).

9. Мишустин М. Развитие досудебного урегулирования налоговых споров и возможности внедрения медиации. URL: http://taxpravo.ru/novosti/statya-153667-razvitie_dosudebnogo_uregulirovaniya_nalogovyih_sporov_i_vozmojnosti_vnedreniya_mediatsii_doklad_mmishustina (дата обращения: 23.07.2015).

10. Медиация в Нидерландах. Обзор. URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/holland/text1 (дата обращения: 23.08.2015).

11. Schmiedel L. Eifolgreiche Nachbam – Ein Blick in die Mediationspraxis in dern Niederlanden // Zeitschrift fur Konfliktmanagement. 2011. No 1. Pp. 14–17.

12. Солохин А. Примирительные процедуры более эффективны, чем судебное разбирательство. URL: http://www.delo-press.ru/articles.php?n=16429 (дата обращения: 25.08.2015).

В редакцию материал поступил 05.10.15

[4] Постановление Пленума ВАС РФ № 11 от 09.12.2002 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие АПК РФ» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 2.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ № 16370/11 от 26.06.2012 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.

© Абакумова О. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Абакумова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Института государства и права, Тюменский государственный университет

Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38, тел.: +7 (3452) 46-49-54

E-mail: olgascher@mail.ru

Как цитировать статью: Абакумова О. А. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 198–203.

O. A. ABAKUMOVA,

PhD (Law), Associate Professor

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ON THE ISSUE OF THE POSSIBLE APPLICATION OF THE MEDIATION INSTITUTION IN TAX DISPUTES

Objective: to justify the necessity to use mediation in tax disputes.

Methods: the research is based on the dialectic method of cognition of mediation institution as a socio-legal phenomenon in development.

The methodology of the research is general scientific methods (induction and deduction, hypothesis, generalization, abstraction, formalization, analogy, historical approach, system approach, system analysis, modeling, logical-linguistic method, etc.).

Results: the benefits of mediation in tax disputes for both parties (the state and the taxpayer) were determined; it is concluded that the use of mediation in tax disputes settlement is an effective means to prevent the increase of the number of court cases and, as a consequence, contributes to the quality of justice. For greater efficiency of settling cases arising from tax legal relations, specific recommendations are proposed for the introduction of mediation; the necessity is grounded to prepare its due normative-legal regulation.

Scientific novelty: the article considers the features of mediation institution functioning in the Russian Federation, and new trends in the development of this institution.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching in addressing issues of mediation.

Key words: conciliation; tax disputes; tax authority; taxpayer; mediation; voluntary settlement.

References

1. Rekomendatsiya № R (86) 12 Komiteta ministrov Soveta Evropy «O merakh po nedopushcheniyu i sokrashcheniyu chrezmernoi rabochei nagruzki na sudy» (Recommendation N R (86) 12 of the Ministers Committee of the European Council «On the measures to prevent and reduce the excessive working load on courts») / *Sovet Evropy i Rossiya*: sb-k dokumentov. M.: Yurid. lit., 2004, pp. 684–686.

2. Bond G. Managong Cultural Diversity at the International Chamber of Commerce International Commercial Mediation Competition, Master-Thesis. Frankfurt-am-Oder, 2011, p. 52.

3. Eliseikin P. Sudebnye mirovye soglasheniya (Court voluntary settlements) // *Sovetskaya yustitsiya,* 1968, no. 7, pp. 17–18.

4. Lyubomudrov D. A. Mneniya ekspertov po osnovnym voprosam razvitiya al'ternativnogo razresheniya spora (Experts' opinions on the main issues of the development of alternative disputes settlement) // *Treteiskii sud*, 2009, no. 3, pp. 14–44.

5. Sherstyuk V. M. Novye polozheniya tret'ego APK RF (New provisions of the third Arbitrary-Procedural Code of the Russian Federation) // *Khozyaistvo i pravo*. Spets. prilozhenie, 2002, no. 12, pp. 3–51.

6. Anokhin V. Mirovoe soglashenie v arbitrazhnom protsesse (Voluntary settlement in arbitrary procedure) // *Khozyaistvo i pravo,* 2000, no. 6, pp. 57–62.

7. Rusinova E. R., Tsyganova E. M. Problemy zaklyucheniya mirovogo soglasheniya pri rassmotrenii publichno-pravovogo spora v arbitrazhnykh sudakh (Issues of voluntary settlement of public-legal disputes in arbitrary courts) // *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2007, no. 1, pp. 34–38.

8. Israilova A. M. *Razvitie instituta mediatsii v nalogovykh sporakh* (Development of the mediation institution in tax disputes). Available at: http://akyltirek.kg/projects/razvitie-instituta-mediacii-v-nalogovyh-sporah.-pravoprimenitelnaja-praktika-segodnja-pokazyvaet-chto-sudebnoe (access date: 3.09.2015).

9. Mishustin M. Razvitie dosudebnogo uregulirovaniya nalogovykh sporov i vozmozhnosti vnedreniya mediatsii (Development of pre-court adjustment of tax disputes and possibility of mediation introduction). Available at: http://taxpravo.ru/novosti/statya-153667-razvitie_dosudebnogo_uregulirovaniya_nalogovyih_sporov_i_vozmojnosti_vnedreniya_mediatsii_doklad_mmishustina (access date: 23.07.2015).

10. Mediatsiya v Niderdandakh. Obzor (Mediation in the Netherlands. Review). Available at: http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/holland/text1 (access date: 23.08.2015).

11. Schmiedel L. Eifolgreiche Nachbam – Ein Blick in die Mediationspraxis in dern Niederlanden // *Zeitschrift fur Konfliktmanagement*, 2011, no 1, pp. 14–17.

12. Solokhin A. Primiritel'nye protsedury bolee effektivny, chem sudebnoe razbiratel'stvo (Conciliation is more efficient than court procedure). Available at: http://www.delo-press.ru/articles.php?n=16429 (access date: 25.08.2015).

Received 05.10.15

Information about the author

Abakumova Olga Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Labor Law and Entrepreneurship, Institute of State and Law, Tyumen State University

Address: 38 Lenin Str., 625000 Tyumen, tel.: +7 (3452) 46-49-54

E-mail: olgascher@mail.ru

For citation: Abakumova O. A. On the issue of the possible application of the mediation institution in tax disputes // *Actual Problems of Economics and Law,* 2015, no. 4, pp. 198–203.

© Abakumova O. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Яковлева, Е. Л.

Проникая в миры инклюзии / Е. Л. Яковлева. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 224 с. (Серия «Секреты развития»).

В монографии впервые с точки зрения философии осуществляется попытка многогранного осмысления инклюзии и вводится новое понятие – «инклюзивный подход к бытию». Подобная ситуация обусловлена появлением огромного количества Других, рождающих множество проблем, связанных с эффективной адаптацией, социализацией и самореализацией, пониманием и интерпретацией. Неслучайно инклюзивный подход к бытию и инклюзивное образование можно назвать аксиосферой современности, формирующей внутри своего пространства ключевые ценности человеческого бытия, в том числе толерантность, гуманизм и творчество. Автор считает, что благодаря формированию и распространению инклюзивного подхода к бытию возможно решение огромного количества проблем, связанных с социальным и метафизикой человека.

Рассчитана на специалистов в области педагогики, психологии и образования, социальной философии и культурологии, а также адресована всем, кто интересуется вопросами инклюзивного образования и трансформациями социального. Монография может быть рекомендована в качестве дополнительной учебной литературы по дисциплинам: философия, социальная философия, философия образования, педагогика, культурология, психология, антропология, этика, мировая художественная культура и эстетика.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 349.3:364
URL: http://hdl.handle.net/11435/2215

Головкин Р. Б., Журавлев В. И.
С. 204–213.

Р. Б. ГОЛОВКИН,
доктор юридических наук, профессор
Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия,
В. И. ЖУРАВЛЕВ
кандидат юридических наук, доцент
Российская международная академия туризма, г. Москва, Россия

МЕХАНИЗМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель: установить сущностные свойства механизма благотворительной деятельности и сформулировать понятие «механизм благотворительной деятельности».
Методы: достижение поставленной цели исследования реализовано при помощи комплекса методов, в основе которых лежит взаимодействие диалектического и метафизического анализа, эпистемологические свойства которых позволили раскрыть различные аспекты функционирования механизма благотворительной деятельности с учетом требований принципов всесторонности, комплексности, конкретности и объективности проводимого исследования.
Результаты: установлены закономерности использования термина «механизм» в характеристике действия государства и права, определена сущность механизма благотворительности, сформулировано определение понятия «механизм благотворительной деятельности».
Научная новизна: впервые на общетеоретическом уровне в юридической науке сформулировано определение понятия «механизм благотворительной деятельности» и установлены его сущностные свойства.
Практическая значимость: исследование будет способствовать совершенствованию правового регулирования в области благотворительности, а также повышению эффективности и качества благотворительной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: благотворительная деятельность; механизм; механизм государства; механизм правового регулирования; механизм благотворительной деятельности; стадии благотворительной деятельности.

Введение

Благотворительная деятельность – это комплекс социально необходимых и личностно значимых действий и операций в виде добровольной и бескорыстной передачи собственности и денег другим лицам, а также бескорыстного выполнения работ и оказания услуг. Для повышения эффективности этого вида социально полезного вида деятельности требуется его качественное регулирование и научное обобщение особенностей функционирования данного института.

Анализ действующего отечественного законодательства позволяет заключить, что правовое регулирование благотворительной деятельности базируется на Федеральном законе № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 с последующими изменениями и дополнениями (на сегодняшний день эти изменения и дополнения осуществлены до 05.05.2014). Кроме того, благотворительность урегулирована рядом специальных законов: Федеральным законом «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральным законом «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г., Кубка конфедераций FIFA 2017 г. и внесении измене-

ний в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральным законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и др.

Проблемам благотворительности посвящен также ряд норм конституционного, гражданского, административного, налогового и трудового законодательства.

Необходимо отметить и тот факт, что законодательство, регулирующее благотворительность, продолжает развиваться, в апреле 2015 г. утвержден модельный закон о добровольчестве (волонтерстве)[1], разработан проект Федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)»[2]. Следовательно, законодательство, регулирующее благотворительную деятельность, проявляет свойства комплексности и динамичности, в некоторых вопросах оно противоречиво и избыточно. Отсюда в исследовании данного законодательства требуется также комплексный, междисциплинарный подход в его изучении. Вместе с тем существующие научные исследования, посвященные данной проблеме, носят лишь отраслевой характер, это труды Н. А. Бобровой, В. И. Гавриленко, В. Т. Кабышева, Е. В. Колесникова, Г. Н. Комковой, В. В. Мамонова, О. Г. Румянцева, Т. М. Пряхиной и др.

Между тем для исследования комплексного регулирования требуется и комплексное теоретико-правовое исследование, где концепция механизма благотворительности занимает краеугольное значение. Формирование операционного понятия «механизм благотворительной деятельности» является важной вехой общеправового исследования благотворительности. Данное исследование в конечном итоге позволит повысить уровень качества и эффективность организации благотворительности в современной России.

В процессе работы над проблемой механизма благотворительной деятельности применялись общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование и другие, а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический и др. Кроме того, применялись методы синергетического конструирования юридических доктрин и понятийных рядов. Данные методы научного познания использовались в комплексе для определения понятия, признаков благотворительной деятельности, а также повышения ее законности и эффективности.

Результаты исследования

Благотворительная деятельность – это юридическое явление, следовательно, и механизм ее осуществления имеет юридическую природу. Термин «механизм» широко применяется в юридических исследованиях, в особенности в теории государства и права, здесь это и механизм государства, и механизм действия права (правового воздействия), и механизм юридической конвергенции, и механизм юридической ответственности, и т. д. Широкое использование рассматриваемого (изначально технического) термина в гуманитарных исследованиях порождает множественность его интерпретаций. В связи с данным обстоятельством, прежде чем определять механизм благотворительной деятельности и устанавливать его особенности, разберем некоторые дефиниции данного явления.

Понятие, обозначаемое термином «механизм», изначально относилось к технике и характеризовало, прежде всего, процессы производства. Тем не менее уже в прошлом веке эта позиция была неоднозначной, и это наглядно отражалось в справочной литературе.

Так, в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона механизмом называется совокупность тел, ограничивающих свободу движения друг друга взаимным сопротивлением настолько, что все точки такой системы способны описывать только вполне определенные кривые (траектории) и при данной скорости одной из точек скорости и ускорения всех остальных точек системы являются вполне определенными. Механизм служит для передачи и преобразования движения. Как преобразователь движения механизм видоизменяет скорости, или траектории, или и то, и другое. Он преобразует скорости, если при известной скорости одной из его частей другая его часть совершает движение, подобное движению первой, но с другой скоростью. Механизм преобразует траекторию, если, в то время как одна из его точек описывает известную траекторию, другая описывает другую заданную траекторию...[3] Как видно из представленной дефиниции, механизм – это прежде всего определенное средство преобразования движения в механике.

---

[1] Модельный закон «О добровольчестве (волонтерстве)», принят в г. Санкт-Петербурге 16.04.2015 Постановлением 42-15 на 42-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Проект ФЗ № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.06.2013) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз – Ефрон. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/67131/Механизм (дата обращения: 04.09.2015).

В словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, Ф. Павленкова отражается несколько другая позиция. Здесь механизм трактуется более обширно: механизм – это способ, которым сила переходит в действие; также совокупность всех средств, необходимых для приведения в действие того или другого акта нашей деятельности (механизм речи, механизм движения, государственный механизм и пр.). Механизм в узком смысле рассматривается в этом издании как сумма элементарных частей технического средства, а также его внутреннее строение[4]. Иными словами, эта позиция представляет механизм в двух ипостасях: в широком и узком смысле. Широкий смысл характеризует механизм как определенное средство и метод человеческой деятельности, а в узком это понятие отождествляется с машиной (техническим средством).

Современное понятийное наполнение термина «механизм» еще сложнее. Например, в новом словаре иностранных слов М. Ситниковой механизм рассматривается в трех значениях:

1) устройство для передачи и преобразования движений, представляющее собой систему тел (звеньев), в которой движение одного или нескольких тел (ведущих) вызывает вполне определенные движения остальных тел системы; механизмы бывают различными по конструкции и назначению, составляют основу большинства машин, приборов и других технических устройств;

2) внутреннее устройство, система чего-либо, например, государственный механизм управления;

3) совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т. п. явление, например, механизм химической реакции, механизм мышления[5].

В некоторых современных источниках проявляется еще один смысл механизма – как определенного вида системы, определенного структурного образования, на основании которого определяется последовательность деятельности (например, механизм запоминания)[6].

Как видим, информационно-справочная литература как прошлого, так и современная, даже в расширенном варианте не дает однозначных и универсальных ответов на вопрос о сущности явления, обозначаемого термином «механизм». Данное умозаключение тем не менее позволяет предположить, что полисемантизм термина «механизм» связан и со сферой его применения, поэтому, чтобы приблизить значение термина «механизм» к предмету настоящего исследования, обратимся к анализу юридической литературы.

Человек, постигающий юриспруденцию, встречается в процессе обучения с термином «механизм», прежде всего, применительно к аппарату государства. В учебной литературе определение данного явления практически незыблемо и трактуется многими учеными в унисон как многоуровневая система государственных организаций и их подразделений, на основе закона осуществляющих государственную власть и реализующих функции государства [1, 2, 3, с. 207]. Отсюда львиную долю механизма государства, исходя из отечественной теоретико-правовой литературы, составляет аппарат государства, меньшая часть структуры механизма государства выражается средствами обеспечения деятельности аппарата – это правовые нормы, возникающие на основе них правоотношения, а также материальные средства обеспечения работы самого аппарата и реализация функций государства.

Как установлено выше, изначально механизм – это средство, машина, с помощью которых человек воздействует на действительность. Поэтому с данной позиции, хотя человек с помощью машины и воздействует на реальность, но сам находится за пределами механизма. Тем не менее теория механизма государства «видит» человека как системный элемент данного механизма, так как государственные органы, составляющие основу механизма государства, суть образования определенного множества людей, да и государственные служащие как единичные элементы механизма государства иногда единолично выполняют ту или иную функцию государства. Следовательно, человек (государственный служащий) в механизме государства превращается из субъекта деятельности одновременно в «винтик», в средство деятельности по достижению целей государства, вне зависимости от его чувственно-эмоциональных состояний. В данном контексте субъектом деятельности выступает только руководитель государственного органа либо глава государства и глава правительства.

В целом теория механизма государства, фактически рассматривая человека как механизм или часть этого механизма, формирует мнение о предопределенности и непреклонной неизбежности воздействия государства на общество и общественные отношения.

---

[4] Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/42123/МЕХАНИЗМ (дата обращения: 04.09.2015).

[5] Ситникова М. Новый словарь иностранных слов. М.: Феникс, 2010. 304 с.

[6] Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1998. 847 с.

В теории права термин «механизм» тесно связан с правовым регулированием общественных отношений, при этом исследователями делается упор в основном на планируемое воздействие права на общественные отношения. Данное понятие обозначается чаще всего как «механизм правового регулирования». Например, С. С. Алексеев определяет дефиницию механизма правового регулирования как «систему правовых средств, при помощи которой осуществляется правовое воздействие на общественные отношения» [4, с. 153; 5, с. 9; 6, с. 317–318]. Следовательно, с точки зрения С. С. Алексеева механизм правового регулирования проявляет себя как полиэлементная интегрированная теоретико-правовая конструкция, обеспечивающая реализацию права, выраженного в законодательстве.

Структурно данная конструкция предполагает несколько элементных уровней:

– уровень плана воздействия права на общественные отношения. Этот уровень включает в себя: правовые нормы, правоотношения, юридические акты;

– уровень взаимосвязей системы механизма правового регулирования, его динамическая структура (правосознание, правовая культура, акты реализации правовых норм);

– функциональный уровень – отражает основные планируемые функции правового регулирования, позволяет проявить специфические функции, которые реализуют юридические средства первого уровня.

Представляется, что трактовка механизма правового регулирования, с одной стороны, характеризует лишь планируемое (предполагаемое) воздействие права на общественные отношения, с другой – эта трактовка расширяет понятие «механизм правового регулирования» до масштабов всей правовой системы общества, что «размывает» смысл и содержание рассматриваемой дефиниции и снижает ее теоретическую и практическую значимость. Несмотря на недостатки приведенной позиции, многие отечественные исследователи эту концепцию поддержали [7, с. 341; 8; 9, с. 1][7].

Тем не менее в теоретико-правовой науке имеют место быть и другие взгляды на механизм правового регулирования. Так, например, Т. Н. Радько предлагает придерживаться более узкого подхода при определении механизма правового регулирования. По его мнению, механизм правового регулирования представляет собой систему правовых элементов, обеспечивающих одновременное взаимосвязанное упорядочение общественных отношений определенного вида [10, с. 578–579]. Ученый конкретизирует, что регулирование – одна из функций права, но не всей правовой системы и не в любых формах и направлениях, а лишь упорядочение правовыми элементами определенного вида общественных отношений. Данная регламентация осуществляется на основании конкретного юридического факта: это размещение субъектов правоотношений по их юридическим местам посредством определенных правовых элементов (юридических актов, правомочий, юридических фактов, обязанностей).

Следовательно, действие права в широком смысле (социальный механизм действия права), по мнению Т. Н. Радько, – это правовая ориентация, правовые установки, социальная среда, правовая информация, социальные последствия действия права и т. п. [10, с. 579].

Как видим из проведенного экспресс-анализа наиболее распространенных юридических концепций, связывающих понятие «механизм» с правом и правовым регулированием общественных отношений, несмотря на определенное единство концепций во взглядах на проблему, имеются некоторые противоречия и неполнота многих из них. Тем не менее, опираясь на юридическую парадигму, можно проявить некоторые особенности использования термина «механизм» применительно к праву в целом и правовому регулированию в частности.

Во-первых, термин «механизм» достаточно широко представлен в теории права. В юридических исследованиях можно встретить различные механизмы: и механизм действия права, и механизм правового регулирования, и механизм правового воздействия, и др. При этом правовые явления, обозначаемые термином «механизм», имеют вид сложных мегасистем, включающих различные самостоятельные сложные системы, например, подсистемы «механизм действия права» и «механизм правового регулирования» образуют более крупную мегасистему – «механизм правового воздействия на отношения».

Во-вторых, сложная система «механизм правового регулирования» представляет собой единство различных по своей природе и функциям подсистем, реализующих цели правового регулирования. Механизм правового регулирования является системой взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, с помощью которых упорядочиваются общественные отношения. Каждый из элементов самостоятелен

[7] Точки зрения на рассматриваемую проблему С. С. Алексеева, В. Н. Хропанюка и А. В. Малько и других ученых объединяет взгляд на механизм правового регулирования как на «систему правовых средств».

и, как правило, также образует самостоятельную систему (например, систему правовых норм, систему принципов права и т. д.), но рассматриваемая отдельно самостоятельная система, включенная в механизм правового регулирования, становится подчиненной системой, т. е. подсистемой рассматриваемого механизма. Категория «механизм правового регулирования» в теории права отражает систему элементов-средств, с помощью которых осуществляется государственно-правовое воздействие на поведение участников общественных отношений, а также характеризует этапы данного воздействия.

В-третьих, теория механизма правового регулирования призвана оптимизировать претворение в жизнь планов законодателя, выраженных в праве, в реальное поведение субъектов правоотношений. Можно сказать, что механизм правового регулирования – это особая юридическая связь между нормами, правовыми принципами, юридическими актами реализации права и субъектами правоотношений. Эта связь выражается в поведении участников правоотношений на основе правосознания и правовой культуры с целью поддержания жизнедеятельности общественной системы и человечества в целом.

В-четвертых, механизм правового регулирования непосредственно юридическими средствами не исчерпывается. Современной наукой доказано, что право регулирует общественные отношения не изолированно, а в системе с моралью, обычаями, религиозными и корпоративными регуляторами, при этом правовые нормы занимают доминирующее и интегрирующее положение в этой системе [11; 12, с. 25–38; 13; 14; 15]. Следовательно, элементный состав механизма правового регулирования целесообразно дополнить иными неправовыми регуляторами общественных отношений, взаимодействующих с правовыми нормами.

В-пятых, юридическая теория не включает человека в структуру механизма, с помощью которого осуществляется правовое регулирование отношений, следуя технической концепции понятия «механизм». Теория права рассматривает механизм правового регулирования лишь как особые средства, а человека – как субъекта, использующего эти средства. Однако возникают сомнения относительно такой постановки проблемы. Дело в том, что большинство авторов включают в механизм правового регулирования правосознание и правовую культуру, которые неразрывно связаны с человеком и его поведением, поэтому, следуя общефилософскому учению о единстве целого и его части, можно сказать, что человек, как и в случае с теорией государства, включен в механизм правового регулирования. В противном случае можно признать, что законы пишет лишь рука человека, а не сам человек.

В связи с изложенными соображениями относительно использования термина «механизм» в юридической теории применительно к правовому регулированию целесообразно обратиться к тексту самих юридических норм, составляющих основу рассматриваемого механизма.

В тексте нормативных правовых актов термин «механизм», так же как и в научной литературе, наполняется неоднозначным содержанием.

Прежде всего следует отметить, что достаточно часто термин «механизм» используется в значении процесса осуществления какой-либо деятельности. Например, ст. 17 Закона СССР «О кооперации в СССР» закрепляет, что кооперативная форма производства и распределения произведенного продукта, а также доходов обусловливает особенности хозяйственного *механизма* в кооперации: в планировании, ценообразовании, оплате труда, взаимоотношениях с государственным бюджетом, банками, в материально-техническом обеспечении[8].

Иногда в законодательстве термин «механизм» используется для обозначения системы особых средств, с помощью которых обеспечивается что-либо. Например, в тексте наименования гл. 6 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» упоминается экономический *механизм* охраны атмосферного воздуха[9].

В законодательстве содержатся и классические интерпретации содержания понятия, обозначаемого термином «механизм», подразумевающие какое-либо техническое средство. Например, ст. 19.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за нарушение правил государственной регистрации транспортных средств всех видов, *механизмов* и установок в случае, если регистрация обязательна, предусматривает наложение административного штрафа[10].

В правоприменительных и интерпретационных актах термин «механизм» фактически используется

---

[8] Ст. 17 Закона СССР № 8998-XI «О кооперации в СССР» от 26.05.1988 (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // СПС «КонсультантПлюс».

[9] ФЗ № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 (ред. от 13.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.08.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

для обозначения определенного порядка юридически значимых действий и решений. Так, в постановлении президиума ВАС РФ № 12157/13 от 17.12.2013 по делу № А28-5083/2012 устанавливается, что механизм изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, предусмотренный в ст. 451 ГК РФ, не может быть использован для изменения условий договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, по следующим причинам.

1. Данный *механизм* предполагает изменение договора по соглашению сторон или по требованию одной из них в судебном порядке, что исключается ч. 2 ст. 74 Лесного кодекса РФ.

2. Изменение объема подлежащих заготовке лесных ресурсов на переданном в аренду лесном участке не относится к существенному изменению обстоятельств, которое стороны не могли разумно предвидеть при заключении договора. В аукционной документации была заложена возможность такого изменения[11].

В положении «О порядке реализации в Российской Федерации протокола о *механизме* оказания военно-технической помощи государствам – членам организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии» прямо указывается, что механизм – это определенный порядок:

1. Настоящим Положением определяется порядок реализации в Российской Федерации Протокола о *механизме* оказания военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (далее – Протокол)[12].

В Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.» «*механизм*» – это тоже определенная последовательность действий и решений. В данном акте определяются расходы на обеспечение функций государственных органов, действующих в рамках подпрограммы «Совершенствование *механизма* предоставления услуг в сфере реабилитации и государственной системы медико-социальной экспертизы» государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2015 гг. Далее в скобках идет расшифровка деятельности, составляющей механизм предоставления услуг: (Закупка товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд)[13].

В целом можно заключить, что термин «механизм» в юридических нормах используется в трех смыслах:

1. Механизм в традиционном значении обозначаемого этим термином понятия как технического средства.

2. Механизм – это определенная последовательность действий и операций.

3. Механизм – это совокупность различных средств, с помощью которых осуществляются юридически значимые действия.

Теперь что касается благотворительной деятельности. Ее механизм, исходя из обозначенной выше теории юридических механизмов, предположительно включает в себя определенный порядок действий, осуществляемых определенными физическими и юридическими лицами. Чтобы убедиться в содержании и элементной базе механизма благотворительности, а также чтобы сформулировать его понятие, обратимся к анализу специфики и свойств механизма благотворительной деятельности.

Прежде всего следует отметить тот факт, что урегулированность благотворительной деятельности законодательством предполагает ее осуществление в рамках определенного правоотношения. Как известно, любое правоотношение в своей структуре имеет три элемента: объект, субъекты, содержание.

В качестве объектов благотворительной деятельности законодательство РФ предусматривает: различное имущество (в том числе денежные средства), выполнение работ (бескорыстное), предоставление различных услуг, оказание иной поддержки[14]. Благотворитель обязуется безвозмездно передать другому лицу имущество (денежные средства) (благотвори-

---

[11] Перечень позиций высших судов к ст. 451 ГК РФ «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств» // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Указ Президента РФ № 343 «О порядке реализации в Российской Федерации Протокола о механизме оказания военно-технической помощи государствам – членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии» от 08.04.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] ФЗ № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.». 04 2 0000 Подпрограмма «Совершенствование механизма предоставления услуг в сфере реабилитации и государственной системы медико-социальной экспертизы» от 01.12.2014 (ред. от 13.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Ст. 1 ФЗ № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 (ред. от 05.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

тельное пожертвование) в определенном размере, который устанавливается в договоре пожертвования.

По поводу объектов благотворительности возникают взаимоотношения между субъектами благотворительной деятельности, к которым, как правило, относятся благотворители, добровольцы (волонтеры) и благополучатели.

Благотворителями могут быть физические и юридические лица, осуществляющие бескорыстную безвозмездную деятельность по передаче в собственность имущества, в том числе денежных средств или объектов интеллектуальной собственности, а также наделяющие других лиц правами владения, пользования и распоряжения любыми объектами права собственности.

Благотворители – физические лица, осуществляющие безвозмездную помощь в виде работ и услуг, как правило, они называются добровольцами или волонтерами.

Что касается получателей безвозмездной помощи и других благ (получающие благотворительные пожертвования от благотворителей, помощь добровольцев и т. д.), то их законодательно обозначают как «благополучатели»[15].

Содержание благотворительных отношений – это взаимные права и обязанности субъектов благотворительной деятельности, которые реализуются по определенной схеме поэтапно в виде особого юридического процесса.

Первую стадию данного процесса можно назвать *инициацией* акта благотворительной деятельности. Инициация происходит по просьбе благополучателя (письменной или устной) или инициативе благотворительной организации или физического лица, желающего оказать безвозмездную помощь другим лицам.

Вторая стадия – это определение *целей благотворительности*. Необходимо убедиться, что оказываемая безвозмездная помощь будет осуществляться в соответствии с целями благотворительной деятельности. Исчерпывающий перечень содержится в п. 1 ст. 2 ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (например, в целях социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы; подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам; содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов и т. д.).

Третью стадию можно обозначить как *подготовку документов* для осуществления благотворительности (эта стадия обязательна в основном для организаций).

Издается приказ по организации об оказании благотворительной помощи. Формируется проект благотворительного договора (договора дарения или договоров безвозмездного произведения работ и оказания безвозмездных услуг). Кроме того благотворительная помощь может производиться и на основании непосредственно письма благополучателя. При этом в любом случае при передаче имущества готовится накладная (по форме № ТОРГ-12) в двух экземплярах. При проведении безвозмездных работ и услуг готовятся акты приемки выполненных работ или оказанных услуг.

Четвертая стадия – это *заключение договора* дарения или договора оказания безвозмездных работ и услуг. В случае если благотворителем (дарителем) выступает организация (юридическое лицо) и стоимость пожертвования превышает 500 руб., то согласно п. 2 ст. 574 ГК РФ[16] договор благотворительного пожертвования (дарения) осуществляют письменно. То же самое правило применимо и к договору безвозмездных работ и услуг. Нотариальная форма закрепления данных договоров не предусмотрена. Содержание благотворительного правоотношения в результате заключения названных договоров можно выразить через пример текста нормы ст. 572 ГК РФ[17], где с целью благотворительного дарения благотворитель может совершать несколько действий:

1. Благотворитель безвозмездно передает или обязуется передать благополучателю вещь в собственность.

[15] Ст. 5 ФЗ № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 (ред. от 05.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 29.06.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

[17] Там же.

2. Благотворитель безвозмездно передает или обязуется передать благополучателю имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу.

3. Благотворитель освобождает или обязуется освободить благополучателя от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

4. Благотворитель осуществляет безвозмездные работы или услуги в интересах благополучателя.

При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением.

Завершается данная стадия подписанием договоров, накладных и актов выполненных работ и предоставленных услуг.

Пятую стадию можно назвать *оформлением результатов* осуществления благотворительной деятельности. Законодательно оформление документов по осуществлению благотворительности не установлено, но, как правило, осуществление благотворительной деятельности можно подтвердить. Во-первых, подтверждением могут служить платежные документы (квитанции к приходным ордерам, платежные поручения, выписки с банковского счета и т. д.). Во-вторых, сами договоры о безвозмездной передаче денег, имущества и договоров об осуществлении безвозмездных работ и осуществления услуг, накладные и т. д. Следует учитывать тот факт, что если осуществлялась передача имущества, то необходимо, чтобы это было прямо отражено в договоре с указанием рыночной цены передаваемого имущества либо стоимости произведенных работ и услуг. В качестве приложения к договору должен быть акт приема-передачи благотворительного взноса или акт приемки выполненных работ и оказанных услуг. В-третьих, подтверждением благотворительности являются и акты, подтверждающие правовое положение благополучателя и цель перевода средств, передачи имущества либо осуществления работ и предоставления услуг (например, копии учредительных документов, бюджетной сметы, лицензии, при отсутствии которой невозможно осуществление той или иной деятельности).

Шестая стадия – получение налогового вычета на благотворительную деятельность. В этих целях по окончании налогового периода необходимо получить справку (справки) о доходах по форме 2-НДФЛ у лица (лиц), от которого получены доходы, облагаемые налогом по ставке 13 %. На основании этой справки можно получить подтверждение на право получения социального вычета, который предоставляется в сумме, направленной на благотворительность, но не более 25 % дохода за отчетный период.

Для физических лиц, осуществляющих благотворительную деятельность, также предусмотрена льгота по налогам. Граждане могут иметь социальный налоговый вычет в сумме оказанной помощи, но не более 25 % от полученных за год доходов (п. 1 ст. 219 НК РФ).

В целом можно заключить, что юридический порядок осуществления благотворительности – это несомненный элемент механизма осуществления благотворительной деятельности.

Выводы

Исходя из синергетического интегративного анализа применения термина «механизм» в правовой науке и практике, совмещенного с определением сущностных моментов реализации благотворительности, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, термин «механизм» широко применяется в оценке общественной деятельности, в том числе он активно используется в юридической теории, а также при реализации права.

Во-вторых, явление, которое можно обозначить как «механизм благотворительной деятельности», имеет юридическую природу, так как оно достаточно широко отражено в законодательстве, а возникающие при его реализации связи и процессы взаимодействия физических и юридических лиц представляют собой правоотношения.

В-третьих, на практике механизм благотворительной деятельности проявляется через благотворительный процесс, который объективируется в относительно самостоятельные этапы осуществления благотворительности.

В-четвертых, исходя из проведенного исследования предлагаем следующее определение понятия «механизм благотворительной деятельности». **Механизм благотворительной деятельности** – *это целостная совокупность правовых и неправовых форм, средств, методов, с помощью которых осуществляется благотворительная деятельность, а также юридический порядок ее осуществления различными физическими или юридическими лицами.*

Список литературы

1. Алексеев С. С., Архипов С. И. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. С. С. Алексеев, С. И. Архипов. М.: Норма, 2005. 496 с.

2. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: курс лекций / отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; НИЦ Инфра-М, 2012. 640 с.

3. Теория государства / под ред. Р. Б. Головкина и С. А. Софоновой. М.: Юрлитинформ, 2014. 272 с.

4. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. 396 с.

5. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. 360 с.

6. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 752 с.

7. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1995. 384 с.

8. Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 54–62.

9. Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М., 1992. 288 с.

10. Радько Т. Н. Теория государства и права. М.: Академический проект, 2005. 811 с.

11. Головкин Р. Б. Право в системе нормативного регулирования современного российского общества. Владимир, 1999. 124 с.

12. Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, охрана и защита. Владимир: ВГПУ, 2005. 397 с.

13. Нерсесянц В. С. Право в системе социальной регуляции общественных отношений. М., 1986. 184 с.

14. Пеньков Е. М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности. М., 1972. 196 с.

15. Сидоренко Н. И. Социальные нормы и регуляция человеческой деятельности. М., 1995. 295 с.

В редакцию материал поступил 15.10.15

© Головкин Р. Б., Журавлев В. И., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника по научной работе, Владимирский юридический институт ФСИН России

Адрес: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, тел.: (4922) 32-44-17

E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Журавлев Владимир Иванович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Российская международная академия туризма

Адрес: Московская обл., г. Химки, мкр-н, Сходня, ул. Октябрьская, 10, тел.: (495) 574-24-24

E-mail: Zhuraviev_vi@mail.ru

Как цитировать статью: Головкин Р. Б., Журавлев В. И. Механизм благотворительной деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 204–213.

R. B. GOLOVKIN,

Doctor of Law, Professor

Vladimir Juridical Institute of Federal Service of Punishment Execution, Vladimir, Russia,

V. I. ZHURAVLEV,

PhD (Law), Associate Professor

Russian International Academy for Tourism, Moscow, Russia

MECHANISM OF CHARITY ACTIVITY

Objective: to establish the essential properties of the mechanism of charitable activities and to formulate the concept of "mechanism of charitable activity".

Methods: the objective of the study is achieved using the complex of methods, which are based on the interaction of dialectical and metaphysical analysis, the epistemological properties of which allowed to reveal various aspects of the charitable activities mechanism functioning, taking into account the principles of comprehensiveness, complexity, specificity and objectivity of the research.

Results: the rules are stated of using the term "mechanism" to characterize actions of state and law; the essence of the charity mechanism is defined, the definition of "the mechanism of charitable activity " is formulated.

Scientific novelty: for the first time at theoretical level in legal science the definition of "the mechanism of charitable activity" is formulated and its essential properties are set.

Practical significance: the research will contribute to improving the legal regulation in the field of philanthropy, as well as to improving the efficiency and quality of charitable activity in the Russian Federation.

Key words: charity activity; mechanism; mechanism of the state; mechanism of the legal regulation; mechanism of charitable activities; stages of charitable activities.

References

1. Alekseev, S. S., Arkhipov, S. I. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law): uchebnik dlya vuzov / otv. red. S. S. Alekseev, S. I. Arkhipov. M.: Norma, 2005, 496 p.

2. Matuzov, N. I., Mal'ko, A. V. *Teoriya gosudarstv i prava* (Theory of state and law): kurs lektsii / otv. red. N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma; NITs Infra-M, 2012, 640 p.

3. *Teoriya gosudarstva* (Theory of state) / pod red. R. B. Golovkina i S. A. Sofonovoi. M.: Yurlitinform, 2014, 272 p.

4. Alekseev, S. S. *Problemy teorii prava* (Problems of theory of law). T. 1. Sverdlovsk, 1972, 396 p.

5. Alekseev, S. S. *Obshchaya teoriya prava* (General theory of law). T. 2. M., 1982, 360 p.

6. Alekseev, S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* (Ascend to law, search and solutions). M., 2001, 752 p.

7. Khropanyuk, V. N. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law). M., 1995, 384 p.

8. Mal'ko, A. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya (Mechanism of legal regulation) // *Pravovedenie*, 1996, no. 3, pp. 54–62.

9. Zavadskaya, L. N. *Mekhanizm realizatsii prava* (Mechanism of law implementation). M., 1992, 288 p.

10. Rad'ko, T. N. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law). M.: Akademicheskii proekt, 2005, 811 p.

11. Golovkin, R. B. *Pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya sovremennogo rossiiskogo obshchestva* (Law in the system of normative regulation of the modern Russian society). Vladimir, 1999, 124 p.

12. Golovkin, R. B. *Pravovoe i moral'noe regulirovanie chastnoi zhizni: svoistva, storony, okhrana i zashchita* (Legal and moral regulation of private life: properties, parties, protection and defense). Vladimir: VGPU, 2005, 397 p.

13. Nersesyants, V. S. *Pravo v sisteme sotsial'noi regulyatsii obshchestvennykh otnoshenii* (Law in the system of social regulation of public relations). M., 1986, 184 p.

14. Pen'kov, E. M. *Sotsial'nye normy – regulyatory povedeniya lichnosti* (Social norms as regulators of a personality behavior). M., 1972, 196 p.

15. Sidorenko, N. I. *Sotsial'nye normy i regulyatsiya chelovecheskoi deyatel'nosti* (Social norms and regulation of human activity). M., 1995, 295 p.

Received 15.10.15

Information about the authors

Golovkin Roman Borisovich, Doctor of Law, Professor, Vice Head on scientific work, Vladimir Juridical Institute of Federal Service of Punishment Execution

Address: 67e Bolshaya Nizhegorodskaya Str., 600020 Vladimir, tel.: (4922) 32-44-17

E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Zhuravlev Vladimir Ivanovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of State-Legal Disciplines, Russian International Academy for Tourism

Address: 10 Oktyabr'skaya Str., Skhodnya district, Khimki, Moscow oblast, tel.: (495) 574-24-24

E-mail: Zhuraviev_vi@mail.ru

For citation: Golovkin R. B., Zhuravlev V. I. Mechanism of charity activity // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 204–213.

© Golovkin R. B., Zhuravlev V. I., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 340.1
URL: http://hdl.handle.net/11435/2216

В. В. ГУРЬЯНОВА,

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,

старший преподаватель

Институт социальных и гуманитарных знаний, г. Казань, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ОТКЛОНЕНИЯХ ОТ ДЕКЛАРАТИВНЫХ НОРМ

Цель: определить понятие и признаки отклонений от декларативных норм.
Методы: в статье понятие и особенности отклонений от принципов права раскрыты на основе общенаучных методов: анализа, синтеза, индукции и дедукции и др.
Результаты: в рамках данной статьи нами впервые сделан вывод о том, что следует различать отклонения от декларативных и от учредительных норм (норм-принципов): учредительные нормы содержат принципы, тогда как суть декларативных состоит в описании и сообщении определенной юридически значимой информации, противостоящей запрету, рекомендации, требованиям совершения действий. Кроме того, нами определено, что в отрыве от конкретного правоотношения, возникшего на основании регулятивных норм, не существует отклонений от декларативных норм. Вместе с тем в случае нарушения регулятивных норм может быть опровергнута та информация, которая содержится в декларативной норме. Следовательно, отклонения от последней имеют место быть при нарушении регулятивных норм права.
Научная новизна: впервые в теории права отклонения от декларативных норм мы рассматриваем как вид девиантного юридически значимого поведения. Также в данной статье нами определены понятие и признаки отклонений от декларативных норм.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и особенностях отклонений от декларативных норм.

Ключевые слова: регулятивные нормы; учредительные нормы; декларативные нормы; отклонения от декларативных норм; Конституция РФ.

Введение

В теории права выделение декларативной нормы права как вида нормы права является достаточно спорным, поскольку, с одной стороны, данное теоретическое положение противоречит классическому пониманию нормы права как правила поведения, но с другой стороны, современная юриспруденция расширяет объем содержания нормы права, подчеркивает ее многоаспектность, считает, что наряду с нормами – правилами поведения существуют и специализированные нормы. В этой связи и в теоретическом, и в практическом значении актуальным является исследование отклонений от декларативных норм права, определение его понятия и признаков.

В классической юридической литературе норма права определяется как установленное и обеспеченное обществом и государством общеобязательное, формально определенное правило поведения, предоставляющее участникам общественных отношений права и возлагающее на них обязанности [1, с. 203; 2, с. 168; 3].

Однако современные ученые рассматривают норму права как более широкую категорию и утверждают, что следует выделять не только нормы – правила поведения, но и специализированные нормы. К специализированным относят дефинитивные, учредительные, декларативные, нормы-констатации, коллизионные и др. [4, с. 171–188; 5, с. 386].

Рассмотрев классические и современные научные взгляды о сущности нормы права, мы полагаем, что в силу своей многоаспектности она имеет несколько значений, дополняющих друг друга и раскрывающих разные стороны данной категории. Мы согласны с тем, что нормы права содержат не только правила поведения, но и юридически значимую информацию, закрепляют основополагающие идеи права, легально определяют какое-либо правовое понятие и т. д. И самое главное, исходя из данного суждения, мы считаем правильным рассматривать декларативную норму права как вид нормы права. Несмотря на то, что декларативные нормы права играют в правоотношениях вспомогательную роль, они также могут быть нарушены. Опровержение

юридически значимой информации, содержащейся в данной норме, либо использование данной информации в противоправных целях могут привести к нарушению прав участников правоотношений.

Результаты исследования

Для достижения цели, указанной в настоящей статье, в первую очередь необходимо провести анализ научных представлений о дефинитивных нормах права и определить его понятие.

В зарубежной литературе не выделяют декларативных норм. По мнению Г. Кельзена, правовые нормы выступают в качестве предписаний (т. е. приказаний, позволений, уполномочиваний), при этом о провозглашениях он умалчивает [6]. Некоторые российские ученые также не рассматривают декларативные нормы в классификации правовых норм [7, с. 25–26; 8, с. 78; 9, с. 730–731; 10, с. 191–193].

Одни ученые-юристы определяют декларативные нормы как «положения программного характера», которые «определяют задачи правового регулирования отдельных видов общественных отношений и содержат нормативные объявления» [2, с. 173].

Г. В. Мальцев подчеркивает, что «декларативные положения, имеющие значение программно-целевых установок, призывов, заявлений, обещаний и иных указаний на перспективу, представляют собой своеобразные нормы, являются органической частью права, которая наряду с другими его частями вносит существенный вклад в юридическое регулирование общественной жизни» [11, с. 693].

В юридической науке существует иная позиция. Некоторые ученые отождествляют декларативные нормы и нормы-принципы. Так, в теории права в зависимости от функций в механизме правового регулирования выделяют исходные принципы, в числе которых, как отмечают, «декларативные нормы, провозглашающие принципы» [1, с. 209]. Также в науке конституционного права утверждают, что не все его нормы порождают правоотношения, к примеру, некоторые из них содержат декларации, которые необходимы «для установления порядка в той или иной области, но не через конкретные правоотношения, а путем психологического воздействия на людей и провозглашения самых общих правил и принципов, которые влияют на создание конкретных норм» [12, с. 23].

Однако мы придерживаемся мнения, согласно которому следует различать декларативные и учредительные нормы (нормы-принципы). Суть декларативных норм состоит в описании и сообщении определенной юридически значимой информации, противостоящей запрету, рекомендации, требованиям совершения действий. Конституция РФ в основном содержит декларативные и учредительные нормы. В качестве примера декларативной нормы следует назвать следующие нормы Конституции РФ[1]: «Наименования Российская Федерация и Россия равнозначны» (ч. 2 ст. 1); «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию» (ч. 1 ст. 4) и т. д.

Изучение содержания декларативных норм позволяет нам утверждать, что они, как самостоятельные элементы системы права, не могут выступить в качестве оснований возникновения правоотношений. Вместе с тем утверждение юридически значимой информации, содержащейся в декларативной норме, необходимо при определении содержания конкретного правоотношения.

В отрыве от конкретного правоотношения, возникшего на основании регулятивных норм, не существует отклонений от декларативных норм. Вместе с тем мы считаем, что в случае нарушения регулятивных норм может быть опровергнута та информация, которая содержится в декларативной норме. Следовательно, отклонения от декларативных норм имеют место быть при нарушении регулятивных норм.

Проверим данный вывод на конкретном примере. Коллегией палаты по патентным спорам было рассмотрено возражение от 29.09.2011, поданное П., Республика Беларусь, на решение Роспатента от 13.07.2011 о государственной регистрации товарного знака по заявке № 2010704883. Основанием для принятия решения Роспатента явилось заключение по результатам экспертизы, согласно которому было установлено, что заявленное обозначение не может быть зарегистрировано в качестве товарного знака в отношении товаров 25-го и услуг 35-го классов МКТУ на основании положений п. 6 (2) ст. 1483 Гражданского кодекса РФ[2] (далее – ГК РФ).

По результатам рассмотрения данного возражения Коллегией палаты по патентным спорам было признано, что словесный элемент MAMA RUSYA заявленного товарного знака может порождать в сознании потребителя ложное представление о месте проис-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008, № 2-ФКЗ от 05.02.2014, № 11-ФКЗ от 21.07.2014).

[2] Гражданский кодекс РФ № 230-ФЗ от 18.12.2006.

хождения товара или его производителе, поскольку заявителем является гражданка Республики Беларусь. Тогда как словесный элемент RUSYA, включенный в заявленное обозначение, переводится на русский язык с турецкого языка как РОССИЯ, которое, согласно п. 2 ст. 1 Конституции РФ, представляет собой официальное наименование государства.

В рассмотренном случае нарушены требования п. 3. ст. 1483 ГК РФ. Палата по патентным спорам считает, что в заявленном обозначении содержатся элементы, являющиеся ложными и способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя. При анализе данной ситуации была применена дефинитивная норма, а именно п. 2 ст. 1 Конституции РФ. Нарушена ли она?

Конституция РФ, провозглашая положение о том, что «Наименования «Российская Федерация» и «Россия» равнозначны», подразумевает применение данных синонимичных наименований только в отношении Российского государства. В юридической литературе отмечается, что «наименование государства – это выражение его самоидентификации и важный признак суверенитета. В наименовании обычно отражаются исторические и национальные традиции народа. <…> Наименование "Российская Федерация" отражает как историческую преемственность наименований, так и федеративную форму государственного устройства страны» [13]. Использование данного наименования возможно только в случаях, предусмотренных законом. Декларативная норма не может являться самостоятельным основанием возникновения правоотношения, однако было бы точнее рассматривать в качестве основания возникновения правоотношения совокупность взаимосвязанных норм, в числе которых и декларативная норма, которая все же учитывается при анализе фактических обстоятельств правовой ситуации. Исходя из нашего понимания, применение словесного элемента RUSYA (тождественного наименованию «Россия») в заявленном обозначении недопустимо, поскольку нарушает не только конкретную норму (п. 3 ст. 1483 ГК РФ), но и в конечном итоге основную идею, заложенную в ст. 1 Конституции РФ. Формула этой правовой ситуации выглядит следующим образом: нарушение регулятивной нормы (п. 3 ст. 1483 ГК РФ) приводит к отклонению от декларативной нормы, выражающейся в опровержении юридически значимого суждения (ч. 2 ст. 1 Конституции РФ).

Что касается отклонений от учредительных норм, то они характеризуются наличием следующих особенностей: 1) зависят от вида принципа права; 2) впоследствии приводят к нарушению других норм-принципов в глобальном масштабе, а в конкретном правоотношении – к нарушению регулятивных норм. В частности, в юридической литературе отмечается, что «если уголовное дело во всех отношениях (квалификация преступления, дифференциация ответственности, строгая индивидуализация наказания и т. д.) разрешено в полном соответствии с принципом законности, то, следовательно, оно и решено справедливо. И наоборот: отступление от законности, не говоря уже о ее грубом нарушении, неизбежно девальвирует принцип справедливости. Такова диалектика их взаимосвязи и взаимопроникновения как взаимодействующих компонентов единой системы принципов права» [14, с. 17–18]. И наконец 3) за отклонение от учредительных норм права наступают определенные юридические последствия, предусмотренные законом.

Выводы

Таким образом, нами впервые определено, что отклонения от декларативных норм права являются негативным явлением правовой действительности, относятся к одному из видов девиантного юридически значимого поведения [15]. Их не следует отождествлять с отклонениями от учредительных норм (норм-принципов) [16], поскольку учредительные нормы содержат правовые принципы, в то время как декларативные нормы содержат определенную юридически значимую информацию, которая не является запретом, рекомендацией или требованием совершения определенных действий.

В отрыве от конкретного правоотношения, возникшего на основании регулятивных норм, не существует отклонений от декларативных норм права. Тем не менее в случае нарушения регулятивных норм может быть опровергнута та информация, которая содержится в декларативной норме. Следовательно, отклонения от декларативных норм имеют место быть при нарушении регулятивных норм.

Список литературы

1. Кулапов В. Л., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 384 с.

2. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 496 с.

3. Губаева Т. В., Гумеров Л. А., Краснов А. В. Нормы права: теоретико-правовое исследование / отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов. М.: РАП, 2014. 164 с.

4. Демин А. В. Нормы налогового права. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 410 с.

5. Енгибарян Р. В., Краснов Ю. К. Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 576 с.

6. Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik / Hans Kelsen. Studienausg. der 1. Aufl. 1934 / hrsg. und eingel. von Matthias Jestaedt. Tübingen: Mohr Siebeck. 2008, LXVI. 181 p.

7. Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 21–26.

8. Лукьянова Е. Г. Теория права и государства. Введение в естественно-правовой курс: учеб. пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 208 с.

9. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 784 с.

10. Афанасьев В. С., Липень С. В., Радько Т. Н. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 592 с.

11. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 800 с.

12. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Юр. норма; Инфра-М, 2015. 768 с.

13. Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 188 с.

14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 3-е изд., перераб. и доп.) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2015. 1036 с.

15. Гурьянова В. В. Сущность понятия «девиантное юридически значимое поведение» и его соотношение с понятием «девиантное поведение» // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 41–44.

16. Гурьянова В. В. О понятии и особенностях отклонений от принципов права // Черные дыры в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 27–29.

В редакцию материал поступил 14.08.15

© Гурьянова В. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Гурьянова Вера Владимировна, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, старший преподаватель, Институт социальных и гуманитарных знаний

Адрес: 420018, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: 8 (843) 233-71-38

E-mail: gurjanova.vera2013@yandex.ru

Как цитировать статью: Гурьянова В. В. К вопросу об отклонении от декларативных норм // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 214–218.

V. V. GURYANOVA,

post-graduate student

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia,

Senior Lecture

Institute for Social and Humanitarian Knowledge, Kazan, Russia

ON THE ISSUE OF DEVIATIONS FROM DECLARATIVE NORMS

Objective: to determine the concept and features of deviations from declarative normes.

Methods: the concept and features of deviations from the principles of law are disclosed on the basis of scientific methods: analysis, synthesis, induction and deduction, etc.

Results: in this article we have for the first time concluded that it is necessary to distinguish deviations from the declarative and constitutive norms (norms-principles): the constitutive norms include principles, while the essence of declarative norms is to describe and report certain legally significant information, in opposition to the ban, the recommendation, the requirement of the act. In addition, we identified that in isolation from specific legal relations arising on the basis of the regulatory norms, there are no deviations from the declarative norms. However, in case of violation of regulatory norms, the information contained in the declarative norm can be refuted. Consequently, deviations from the latter take place during the violation of regulatory norms.

Scientific novelty: for the first time in the theory of law, the deviations from the declarative norms are considered as a kind of deviant legally significant behavior. In this paper we defined the concept and features of deviations from the declarative norms.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching activity when considering questions about the essence and features of deviations from the declarative norms.

Key words: regulatory norms; constitutive norms; declarative norms; deviations from declarative norms; the Constitution of the Russian Federation.

References

1. Kulapov, V. L., Mal'ko, A. V. *Teoriya gosudarstva i prava (*Theory of state and law*)*: uchebnik. M.: Norma: Infra-M, 2011, 384 p.
2. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law): uchebnik / otv. red. V. D. Perevalov. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: Infra-M, 2013, 496 p.
3. Gubaeva, T. V., Gumerov, L. A., Krasnov, A. V. *Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie* (Norms of law: theoretical-legal research) / otv. red. T. V. Gubaeva, A. V. Krasnov. M.: RAP, 2014, 164 p.
4. Demin, A. V. *Normy nalogovogo prava* (Norms of taxation law). Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2010, 410 p.
5. Engibaryan, R. V., Krasnov, Yu. K. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law): ucheb. posobie. 2-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2007, 576 p.
6. Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik / Hans Kelsen. Studienausg. der 1. Aufl. 1934 / hrsg. und eingel. von Matthias Jestaedt. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008, LXVI, 181 p.
7. Golunskii, S. A. K voprosu o ponyatii pravovoi normy v teorii sotsialisticheskogo prava (On the issue of legal norm in the theory of Socialist law) // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* 1961, no. 4, pp. 21–26.
8. Luk'yanova, E. G. *Teoriya prava i gosudarstva. Vvedenie v estestvenno-pravovoi kurs* (Theory of state and law. Introduction t natural-law course): ucheb. posobie. M.: Norma: Infra-M, 2011, 208 p.
9. Marchenko, M. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* (Problems of the theory of state and law): uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2008, 784 p.
10. Afanas'ev, V. S., Lipen', S. V., Rad'ko, T. N. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* (General theory of state and law): uchebnik / pod red. V. V. Lazareva. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: Infra-M, 2010, 592 p.
11. Mal'tsev, G. V. *Sotsial'nye osnovaniya prava* (Social bases of law). M.: Norma: Infra-M, 2011, 800 p.
12. Baglai, M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* (Constitutional law of the Russian Federation): uchebnik. M.: Yur. norma; Infra-M, 2015, 768 p.
13. Sadovnikova, G. D. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* (Comment to the Constitution of the Russian Federation (by article)). 3-e izd., ispr. i dop. M.: Yurait-Izdat, 2006, 188 p.
14. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii, postateinyi)* (Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific-practical, by article)). 3-e izd., pererab. i dop.) / pod red. S. V. D'yakova, N. G. Kadnikova. M.: Yurisprudentsiya, 2015, 1036 p.
15. Gur'yanova, V. V. Sushchnost' ponyatiya «deviantnoe yuridicheski znachimoe povedenie» i ego sootnoshenie s ponyatiem «deviantnoe povedenie» (Essence of the notion "deviant legally significant behavior" and its correlation with the notion "deviant behavior") // *Biznes v zakone,* 2013, no. 6, pp. 41–44.
16. Gur'yanova, V. V. O ponyatii i osobennostyakh otklonenii ot printsipov prava (On the notion and features of deviations from the principles of law) // *Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve,* 2015, no. 4, pp. 27–29.

Received 14.08.15

Information about the author

Guryanova Vera Vladimirovna, post-graduate student, Kazan (Volga) Federal University, Senior Lecturer of the Institute for Social and Humanitarian Knowledge, Kazan

Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008 Kazan, tel: 8 (843) 233-71-38

E-mail: gurjanova.vera2013@yandex.ru

For citation: Guryanova V. V. On the issue of deviations from declarative norms // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 214–218.

© Guryanova V. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 340.15:342.56
URL: http://hdl.handle.net/11435/2217

Ильяшенко К. В.
С. 219–227.

К. В. ИЛЬЯШЕНКО,
аспирант
Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ ДО 1917 г. (исторический аспект)

Цель: исследование на основе изучения и анализа законодательной базы, историко-правовых источников, иных материалов процесса становления и развития института судебного представительства в России до 1917 г.
Методы: теоретическую основу исследования составляют труды отечественных ученых, посвященные различным аспектам становления, развития и функционирования института судебного представительства в России с древних времен до 1917 г. Методологической основой исследования выступили как общенаучные методы (конкретно-исторический, формально-логический, системный), так и общелогические (анализ, синтез, индукция и дедукция, обобщение, аналогия, абстрагирование). В процессе исследования применялись историко-правовой, формально-юридический, логико-юридический, сравнительно-правовой методы. Автор применил ретроспективный подход к исследованию проблемы судебного представительства в России.
Результаты: на основе анализа нормативных правовых актов, регулировавших отношения в сфере судебного представительства, и различных доктринальных источников исследован процесс становления и развития института судебного представительства в России до 1917 г., затронут вопрос об оказании юридической помощи в дореволюционной России. Проведена аналогия между дореволюционным правовым регулированием института судебного представительства и современным законодательством, регулирующим рассматриваемый правовой институт. Сделан вывод о несовершенстве как дореволюционного законодательства, регулирующего отношения в сфере судебного представительства, так и современного правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере. Установлено, что судебная реформа 1864 г. хоть и улучшила регулирование в данной сфере, но все же не решила всех проблем в этой области.
Актуальность исследования обусловлена востребованностью и конституционной значимостью судебного представительства для всего российского общества, необходимостью изучить истоки этого правового явления, а также тем фактом, что институт судебного представительства имеет конституционно-гарантирующее значение не только по отношению к судебной защите конкретных прав и свобод человека и гражданина, но и с точки зрения обеспечения эффективного осуществления правосудия. В этом плане институт судебного представительства является средством гарантирования конституционных основ судопроизводства и средством обеспечения состязательности в суде.
Научная новизна: в статье исследовано зарождение и становление института судебного представительства в России, и его развитие до 1917 г. В результате исследования сделан вывод о несовершенстве судебной реформы 1864 г. в части реформирования института судебного представительства, впервые посредством ретроспективного подхода проведена параллель между институтом судебного представительства, существовавшим в России до 1917 г., и современным судебным представительством.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о становлении и развитии института судебного представительства в России.

Ключевые слова: судебное представительство; представитель; поверенный; стряпчий; суд; правовое регулирование; судебная реформа; законодательство.

Введение

Сегодня, когда в России осуществляется построение правового общества и возрастает роль права в регулировании общественных отношений, весьма актуальна тема юридической помощи, и судебного представительства в частности. Профессионализм в деятельности судебного представителя способствует не только защите прав представляемого, но и эффективному осуществлению правосудия.

В настоящее время в сфере судебного представительства, как и в сфере юридических услуг в целом, отсутствует эффективное правовое регулирование, обеспечивающее право каждого на квалифицированную юридическую помощь.

Настоящее исследование покажет высокую значимость института судебного представительства для общества и выявит необходимость совершенствования правового регулирования в сфере судебного представительства.

Результаты исследования

Понятие и истоки судебного представительства в России

Судебное представительство – это выполнение процессуальных действий одним лицом (представителем) от имени и в интересах другого лица (представляемого)[1].

Е. В. Васьковский дает более широкое и, на наш взгляд, точное определение судебного представительства. Он считает, что «судебное представительство есть такая замена в процессе тяжущагося другим лицом, при которой все последствия судебной деятельности представителя падают непосредственно на тяжущагося» [1, с. 4].

Судебное представительство сегодня является одной из самых востребованных юридических услуг, ведь, когда дело доходит до суда, во-первых, лицо не всегда имеет возможность лично явиться в назначенное судом время в силу болезни, службы, необходимости путешествия или иных обстоятельств, а во-вторых, для успешного участия в судебном процессе необходимы специальные познания в области как материального, так и процессуального права – необходима помощь специалиста, который объяснит клиенту сложившуюся ситуацию, совместно с ним определит пути решения возникшей проблемы, представит в суде позицию своего доверителя и будет ее отстаивать.

Считаем, что институт судебного представительства помогает не только физическим и юридическим лицам защищать в суде свои права и отстаивать свои интересы, но и способствует эффективности правосудия, особенно когда представителем является профессиональный юрист. Как отмечает в своем диссертационном исследовании М. В. Богомолов, анализ судебной практики судов различной юрисдикции и уровня показывает, что участие в судебном процессе представителя сокращает время, необходимое для рассмотрения дела, снижает вероятность возникновения судебных ошибок при рассмотрении дела (при условии квалифицированности судебного представителя), уменьшает нагрузку на судебные органы, имеет ряд других полезных эффектов [2, с. 4].

На этапе становления института судебного представительства грамотные и обладавшие даром красноречия люди представляли интересы слабых и менее грамотных граждан в суде ради интереса или ради того, чтобы помочь ближнему.

Так описывает Иов свое искусство: «…Спасал я страдальца вопиющего и сироту, когда не было помогающего ему. Благословение погибавшего приходило на меня, и сердце вдовицы было обрадовано. Я облекался в праведность, и она одевала меня собой… Слепому я был глазами, а хромому ногами. Нищим я был отец и вникал в дело незнакомого мне. И сокрушал беззаконному челюсть и из зубов его исторгал похищенное…» [1, с. 19].

Из вышесказанного видна высокая и благородная миссия, которая отводилась древним защитникам, – защищать слабых, помогать тем, кто не может сам за себя постоять на суде.

Целью современных судебных представителей, полагаем, должны быть защита прав, свобод, интересов своих доверителей и обеспечение им доступа к правосудию.

Как отмечает в своем исследовании Л. В. Войтович, представитель в гражданском процессе, с одной стороны, оказывает квалифицированную юридическую помощь представляемому в осуществлении его процессуальных прав и обязанностей, а с другой – оказывает содействие в осуществлении правосудия судом [3, с. 23]. Отметим, что квалифицированная юридическая помощь может быть оказана представителем своему доверителю только в случае, если представитель обладает специальными знаниями в области юриспруденции. Сегодня вопрос о квалифицированности судебных представителей и о качестве юридической помощи в целом является очень актуальным, поскольку профессионализм в деятельности судебного представителя способствует эффективному осуществлению правосудия, защите прав представляемого. Низкая квалификация судебного представителя, отсутствие у него специальных знаний и опыта не только не способствует эффективности правосудия и защите прав представляемого, но и может служить фактором снижения качества правосудия, причиной возникновения убытков у представляемого.

А был ли актуальным вопрос о квалифицированности судебного представителя на стадии зарождения и становления института судебного представительства? Какие требования предъявлялись к судебным

[1] Юридический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. 2-е изд. М.: Институт новой экономики, 2014. С. 727.

представителям в дореволюционной России? Кто мог пользоваться их услугами? Для ответа на эти вопросы нам необходимо проследить процесс возникновения, становления и развития института судебного представительства в России.

Возникновение, становление и развитие института судебного представительства в России

На первоначальном этапе развития Российского государства и права судебных представителей как профессионального сообщества не существовало. Господствовал принцип личной явки и участия в споре сторон [4, с. 10]. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, древнерусское судопроизводство использовало такие способы установления «истины» по делу, как испытание огнем, водой, судебный поединок, при использовании которых существенное значение имело участие именно стороны по делу, а не постороннего лица. Во-вторых, человеку того времени было сложно осознать, как вместо стороны по делу будет выступать постороннее лицо, которое с ним никаких отношений не имело, и как действия в суде такого лица будут обязательны для представляемого. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что «Русская Правда» (XI век) молчит о представительстве вовсе [5, с. 615].

С развитием российской правовой системы совершенствовались и формы защиты права, усложнялись правила осуществления судопроизводства, а количество обязательных норм, подлежащих применению, увеличивалось. Простой человек, с его житейскими заботами и проблемами, чисто физически не мог поспеть за развитием как процессуального, так и материального законодательства. Видится, что именно на этом этапе усложнения общественной жизни и правовой системы появляются профессиональные заступники и знатоки законодательства, которые своим красноречием и знанием законов могли помогать людям – оказывали им юридические (правовые) услуги [6, с. 46–48], в том числе на возмездной основе осуществляли представительство в суде.

Первые упоминания о судебных представителях на Руси относятся к XV в. По Псковской судной грамоте 1467 г. «пособников» разрешалось иметь лишь некоторым категориям участников процесса. Это право предоставлялось женщинам, малолетним, монахам или монахиням, очень престарелым и глухим. Иным лицам иметь представителя запрещалось. Соблюдение данного правила обеспечивали два «подверника», которые стояли у дверей судебных палат. Их обязанностью было наблюдать, чтобы, кроме истца и ответчика, никто не входил в суд [7, с. 207]. За нарушение этого правила Псковской судной грамотой была предусмотрена санкция – «всадить того в дыбу и взыскать штраф»[2]. Поверенный не мог в один день вести два дела. Псковская грамота содержала указания на лиц, которые не могли быть представителями в суде. Так, не допускались в качестве представителей в суд чиновники [4, с. 11]. Данный запрет можно объяснить желанием законодателя оградить суд от давления со стороны лиц, обладающих властными полномочиями.

Новгородской судной грамотой право иметь представителя в суде предоставлялось уже любому желающему [5, с. 615]. Это право было также закреплено в Судебнике 1497 г. [8, с. 54].

Особых требований (образовательный ценз, нравственные критерии) к поверенным не предъявлялось. Организация, объединяющая их под своим началом, равно как и контроль за их деятельностью, отсутствовали.

Деятельность судебных представителей сводилась к «хождению по делу», т. е. в сочинении состязательных бумаг, подаче таких бумаг в суд, явках в суд, представлении доказательств, присутствии на суде при докладе дела [1, с. 311].

В Соборном уложении 1649 г. содержится указание о том, что если истец или ответчик занеможет и прийти на суд из-за болезни не сможет, то пусть вместо себя пришлет искать или отвечать того, кому верит. Если прислать такому человеку на суд вместо себя некого по причине отсутствия у такого человека семьи или людей, то послать к нему доброго подьячего, чтобы тот удостоверился в болезни лица[3]. То есть можно сделать вывод о том, что в случае если лицо не могло явиться в суд по уважительной причине, вместо себя оно могло направить члена семьи или своего человека (крепостного), которым оно «верит».

Обращаясь к истории института судебного представительства и института оказания юридических услуг в целом, мы видим схожесть функций судебных представителей. Причем схожи не только функции, которые выполняли дореволюционные и выполняют современные юристы, но и проблемы, которые имели место в дореволюционном судебном представительстве и актуальны сегодня. Одной из таких проблем

---

[2] Новгородская и Псковская судные грамоты: тексты с предисловием и кратким объяснительным словарем / сост. канд. прав А. Б. Гинцбург. СПб.: типография и литография Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888. 41 с.

[3] Собрание законов. Т. I. (1649–1675). Ул. X. 108. URL: www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=5&regim=3 (дата обращения: 15.06.15).

является отсутствие квалификационных требований к лицам, которые на постоянной основе оказывают гражданам юридическую помощь в частном порядке. Законодательство России вплоть до XIX в. не содержало данных требований.

Отсутствие квалификационных требований и должного правового регулирования деятельности судебных представителей влекло за собой низкий уровень профессионализма таких ходатаев. Отношение общества к ним было весьма отрицательным. Поверенных называли ябедниками, кровопийцами, чернильными душами. Одним из самых метких названий было «крапивное семя»: «крапива растет на всяком мусоре, а соприкосновение с ней опасно...» [9, с. 217]. Как отмечает в своем учебнике Л. А. Демидова, задача стряпчего, формальное участие которого сводилось к рукоприкладству (составлению собственной рукой различных бумаг), могла заключаться только в стремлении запутать дело, затемнить его или в воздействии закулисными средствами на конкретных судей, вплоть до подкупа. Только для этого к стряпчему и обращались, и только с такой точки зрения оценивались его способности и знания [10, с. 19]. Петр I так отзывался о «ходатаях»: «иные истцы и ответчики для осуществления своих коварств и неправды нанимают за себя в суды… ябедников» и ставил их в один ряд с «ворами и душегубцами» [11, с. 52].

Были известны случаи, когда один ходатай специально учинял «ябеду» на другого, для того чтобы последний не мог явиться в назначенный день в судебное заседание, в котором являлся соперником доносчика[4].

Отметим, что в дореформенный период, как и в наши дни, обществу требовалась помощь сведущих в области права людей не только в суде, но и в повседневной жизни. Составление разного рода бумаг, дача консультаций, помощь в случае административного преследования и другие виды юридической помощи оказывали мелкие чиновники или чиновники в отставке, оставившие службу в связи с какими-либо неприятностями. Юридические познания таких лиц ограничивались теми знаниями, которые они приобрели на службе. Оказанием юридической помощи занимались также дворяне, потерявшие состояние, разорившиеся по торговле купцы, приказчики, отставные военные, сидельцы кабаков, управляющие домами и имениями [9, с. 57]. Эти люди составляли жалобы, бумаги для подачи в суд и вообще брались за все, с чем к ним приходили клиенты, зачастую не обладая достаточными знаниями, они принимались за дело, преследуя одну цель – получить материальную выгоду.

До введения в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. поверенными могли быть любые лица, способные вступать в договоры.

Поверенными не могли быть:

1) удельные крестьяне по делам их ведомства; по тяжебным делам они могли принимать доверенности и выступать поверенными, но с тем ограничением, что указанное представительство может осуществляться только с согласия на то удельного начальства;

2) духовные особы вообще;

3) монахи и монахини;

4) в ряде случаев не допускались чиновники, например, если представительство нужно было осуществить в том месте, где чиновник состоял на службе;

5) лица, осужденные за некоторые правонарушения, например, лица, отданные под суд за преступления, подвергнутые ссылке в Сибирь и публичным работам;

6) люди, лишенные по суду доброго имени, хотя бы они и не были лишены всех прав состояния;

7) лица, состоящие под надзором полиции, иные лица, которым за противоправные деяния хождение по делам запрещено, и некоторые иные лица.

Несмотря на вышеуказанные требования, ограничивающие число лиц, способных быть представителями в суде, закон не воспрещал выдавать доверенности для ведения дела родителям, супругу, детям или лицам, «имеющим с лицом одну тяжбу»[5], управляющим имением тяжущегося.

Сегодня законодательство также не предъявляет специальных (квалификационных) требований к лицам, которые представляют интересы стороны в гражданском процессе. Так, в ст. 49 Гражданского процессуального кодекса РФ[6] указано, что представителями в суде могут быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела, за исключением судей, прокуроров, следователей. Последние не могут быть представителями стороны в суде, за исключением случая, когда они выступают в роли представителей органов, сотрудниками которых они являются, или случая представительства в силу закона. То есть фактически к судебному представителю

[4] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 7. СПб., 1830.

[5] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 7. СПб., 1830.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 // Российская газета. 2002. № 220. 20 ноября.

в гражданском процессе сегодня предъявляются только три требования: дееспособность, надлежащим образом оформленные полномочия и отсутствие специального статуса (судьи, прокурора или следователя).

В соответствии со ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса РФ[7] представителем в арбитражном суде может быть дееспособное лицо с надлежащим образом оформленными и подтвержденными полномочиями на ведение дела, за исключением судей, арбитражных заседателей, следователей, прокуроров, помощников судей и работников аппарата суда. Данное правило не распространяется на случаи, если указанные лица выступают в арбитражном суде в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей.

Вступивший в силу с 15 сентября 2015 г. Кодекс административного судопроизводства РФ[8] предъявляет к представителю в суде по административным делам требование об обязательном наличии высшего юридического образования.

В уголовном процессе в качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника может быть допущен наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Из вышеизложенного видно, что сегодня, как и до введения в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г., судебными представителями могут быть лица, не обладающие какими-либо познаниями в сфере юриспруденции (за исключением производства по уголовным делам, которые рассматриваются в районных и вышестоящих судах, и по делам об административных правонарушениях), что показывает несовершенство правового регулирования института судебного представительства в современной России.

Вернемся к дореволюционному институту судебного представительства и рассмотрим влияние реформы 1864 г. на данный институт.

Влияние судебной реформы 1864 г. на институт судебного представительства

Важнейшей вехой в развитии института судебного представительства в дореволюционной России явилась судебная реформа 1864 г. Как писал А. Ф. Кони: «Предназначение судебной реформы заключалось в стремлении нанести удар худшему из всех видов произвола, произволу судебному, прикрывавшемуся маской формальной справедливости» [14, с. 39].

После судебной реформы появилось профессиональное сообщество, объединявшее профессиональных судебных представителей, – адвокатура.

Для того чтобы стать присяжным поверенным (адвокатом), лицо должно было иметь аттестат высшего учебного заведения об окончании курса юридических наук или о сдаче экзаменов по таким наукам, если оно, сверх того, прослужило не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при работе на которых оно могло приобрести практические знания в производстве судебных дел, или не менее пяти лет состояло кандидатом на должности по судебному ведомству, или же занималось судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощника.

Присяжными поверенными не могли быть:

1) лица, не достигшие возраста 25 лет;

2) иностранцы;

3) состоящие на службе у правительства или занимающие выборную должность (за исключением почетных или общественных должностей без жалования);

4) подвергшиеся по судебному приговору лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда;

5) состоящие под следствием за преступления и проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, и те, которые, будучи под судом за указанные правонарушения, не были оправданы судом;

6) исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки, или же из среды обществ и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

7) лица, коим по суду запрещено ходить по чужим делам, и лица, исключенные из числа присяжных поверенных.

Присяжные поверенные могли принимать на себя хождение по делам во всех судебных местах округа, к судебной палате которого они были приписаны.

В судебных уставах от 20 ноября 1864 г. в качестве поверенных в суд допускаются как присяжные поверенные, так и посторонние лица[9]. При этом дей-

[7] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ от 24.07.2002 // Российская газета. 2002. № 137.

[8] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации № 21-ФЗ от 08.03.2015 // Российская газета. 2015. № 49. 11 марта.

[9] Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года. URL: http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/2.html (дата обращения: 15.06.15).

ствовало правило, согласно которому в городах, где имеется достаточное число присяжных поверенных, стороны могли доверять хождение по делам только таким поверенным. При этом действовала оговорка о том, что лицо может при необходимости доверять ведение своего дела в суде своим родителям, супругу, детям, лицу, имеющему с ним одну тяжбу, или заведующему его имением, или управляющему его делами.

Поверенными не могли быть:

1) неграмотные (за исключением производства у мирового судьи);

2) не достигшие совершеннолетия;

3) монашествующие, за некоторыми исключениями (например, если священнослужители ходатайствуют за духовное ведомство или за своих жен и детей);

4) лица, признанные несостоятельными, до определения свойства их несостоятельности;

5) состоящие под опекой;

6) ученики, воспитанники, студенты и слушатели, продолжающие учебный или академический курс, пока они его не окончат (за исключением тех дел, в которых они представляют интересы своих родителей, братьев или сестер);

7) отлученные от церкви по приговору церковного суда;

8) лишенные всех прав состояния;

9) лица, которые были преданы суду по обвинению в преступлениях, влекущих за собой потерю всех прав состояния (такие лица не могли поступать на государственную или общественную службу, быть свидетелями, третейскими судьями, были лишены иных прав);

10) исключенные из службы по суду, или из духовного ведомства за пороки, или из среды обществ, сословий и дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;

11) лица, которым судебным приговором запрещено хождение по чужим делам.

Ограничения в сфере судебного представительства накладывались также на судей и прокуроров. Им запрещалось осуществлять представительство интересов в тех судах, где они служили.

Судебные представители подтверждали свои полномочия доверенностью или посредством занесения в журнал суда информации о своем судебном представителе.

Прогрессивной для своего времени (да и для сегодняшнего дня) видится норма о том, что поверенный вправе отказаться представлять интересы своего доверителя, но после этого не вправе стать представителем противоположной стороны. Данная норма направлена на недопущение злоупотреблений со стороны поверенных и на защиту прав и интересов сторон судебного разбирательства.

Судебная реформа 1864 г. внесла определенный прогресс в правовое регулирование института судебного представительства. Но все же данный институт страдал рядом недостатков, которые, в частности, были вызваны тем, что присяжные поверенные помимо выступления в судах с речами много времени тратили на черновую работу (сбор информации, общение с нужными людьми, хождение по присутственным местам и т. п.).

Еще одним недостатком института судебных представителей – поверенных, по словам А. Ф. Кони, явилось учреждение частных ходатаев, возникших наряду с сословием присяжных поверенных, но не имеющих корпоративного устройства и не несущих ответственности, нравственной и дисциплинарной, перед своими сотоварищами по профессии [14, с. 5–6]. Как отмечает Е. В. Васьковский, институт частных поверенных признавался всеми компетентными лицами язвой современной адвокатуры [1, с. 350]. Организация данного института была крайне несовершенна и не обеспечивала ни юридических познаний, ни нравственных качеств, ни независимости частных поверенных. Деятельность частных поверенных получила регламентацию «Правилами о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам», которые были приняты 25 мая 1874 г.

В соответствии со ст. 1 Правил о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам, от 25 мая 1874 г. помимо присяжных поверенных и близких родственников тяжущихся судебным представителем мог быть частный поверенный, получивший в установленном порядке свидетельство на право хождения по чужим делам[10]. Такие свидетельства выдавались судами и по общему правилу давали право представлять интересы граждан в тех судах, которыми свидетельства были выданы.

Видится, что законодатель создал институт частных поверенных не только для того, чтобы обеспечить юридической помощью население, но и чтобы «вывести из подполья» различных ходатаев, деятельность которых не регулировалась и, как видится, приносила много вреда.

---

[10] Свод законов Российской империи. Т. 16. Кн. 1. 1914.

Для получения свидетельства, дающего право на хождение по делам, нужно было заявить ходатайство перед судом о выдаче свидетельства и подать необходимые документы. При рассмотрении указанного ходатайства суд имел право удостовериться в глубине правовых познаний соискателя.

Частные поверенные вносили ежегодный платеж, который составлял сорок рублей за свидетельство мирового суда, семьдесят рублей по делам окружного суда. Можно было иметь одновременно несколько свидетельств. При этом нужно было уплачивать взнос за каждое из них.

Отметим, что в отличие от присяжных поверенных, имевших право вести как гражданские, так и уголовные дела, как по соглашению, так и по назначению, частные поверенные по закону могли вести только гражданские дела и только по соглашению на основании договора поручения [4, с. 44].

В качестве судебного представителя допускались и лица, не имеющие свидетельства, но только в том случае, если дело рассматривалось у мирового судьи, и не более трех раз в год в пределах одного и того же судебного округа. За нарушение данного правила была предусмотрена ответственность.

Отметим, что полномочия представителя подтверждались доверенностью или устным заявлением представляемого в суде, занесенным в «журнал суда»[11].

Как видно из вышеизложенного, пореформенное правовое регулирование деятельности судебных представителей было более совершенным, нежели современное, так как к лицам, которые в целях извлечения прибыли систематически осуществляли судебное представительство, предъявлялись определенные требования, в том числе квалификационные (наличие познаний в сфере права).

Институт судебного представительства в начале XX в.

В начале XX в. в сфере судебного представительства не произошло каких-либо существенных перемен или реформ. Действовали Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам, которые были приняты 25 мая 1874 г., и иные нормы, регулирующие деятельность судебных представителей, основные положения которых были приведены выше.

Отметим, что созданный институт присяжных поверенных в процессе своего развития постоянно встречал различные препятствия. Российская власть начала XX в. (впрочем, как и в другие исторические периоды) отрицательно относилась к адвокатам и адвокатуре. Она всячески пыталась ущемить, загнать в угол сообщество профессиональных судебных представителей. Обращения советов присяжных поверенных к руководству страны систематически оставались без удовлетворения, против наиболее принципиальных и активных адвокатов затевались различные разбирательства, на адвокатов и даже на целые советы осуществлялось неприкрытое давление в прессе юристами, философами и публицистами реакционного толка (например, Чичериным, Катковым, а затем и Победоносцевым и другими), нередко искажалась роль адвокатуры в жизни общества, и ее по старинке продолжали считать деструктивной [10, с. 23].

Выводы

Проследив процесс зарождения и развития института судебного представительства в России до 1917 г., мы пришли к выводу, что судебное представительство, несмотря на его важность для общества, не получило должного правового регулирования как в дореволюционной, так и в современной России. Судебная реформа 1864 г. усовершенствовала правовое регулирование института судебного представительства, но не решила всех его проблем. Проведя параллель между присяжными поверенными пореформенного периода и современным юридическим сообществом, мы видим, что проблема неурегулированности в сфере оказания юридической помощи в целом и судебного представительства в частности была актуальна в пореформенный период и актуальна сегодня, что говорит о сложности рассматриваемого вопроса. В то же время конституционные нормы о праве каждого на судебную защиту его прав и свобод, праве на квалифицированную юридическую помощь, конституционно-гарантирующее значение института судебного представительства говорят о необходимости наведения порядка в данной сфере, поскольку история становления и развития института судебного представительства показала, что отсутствие порядка в указанной сфере снижает эффективность правосудия, что является недопустимым для современного демократического общества.

Список литературы

1. Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. Ч. 1–2. 2 т. СПб.: Н. К. Мартынов, 1893.

2. Богомолов М. В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.

[11] Там же.

3. Войтович Л. В. Ведение дел в гражданском и арбитражном процессе посредством действий представителя: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004. 171 с.

4. Зайцева И. И. Адвокатура в России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 223 с.

5. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. 699 с.

6. Ситдикова Л. Б. Теоретические проблемы правовой природы правовых услуг // Адвокатская практика. 2008. № 5. 48 с.

7. Геваргиз А. А. К вопросу об истории судебного представительства в России // Бизнес в законе. 2008. № 3. 324 с.

8. Докшукин А. Х. Правовые основы организации и деятельности институтов судебного представительства и правозаступничества в истории отечественного государства и права и специфика их функционирования в области Войска Донского: XIV – начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 182 с.

9. Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право, 1900. № 47.

10. Демидова Л. А. Адвокатура в России: учебник. М.: Юридический дом «Юстицинформ», 2006. 569 с.

11. Бородин Д. Н. Исторический очерк русской адвокатуры (к 50-летию присяж. адвокатуры). 1864 – 20 ноября – 1914. Пг. : Петроградская коммерческая типо-лит., 1915. 101 с.

12. Кучерена Л. Г. Адвокатура. М., 2004. 256 с.

13. Пальховский А. М. О праве представительства на суде: Исследования А. М. Пальховского. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1876. 255 с.

14. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию судебных уставов). М., 1914. 354 с.

15. Исаев М. М. Подпольная адвокатура. М., 1924. 24 с.

В редакцию материал поступил 30.06.15

© Ильяшенко К. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Ильяшенко Константин Валерьевич, аспирант, Российский государственный социальный университет
Адрес: 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, тел.: +7 (495) 748-67-67
E-mail: konstantin-jur08@yandex.ru

Как цитировать статью: Ильяшенко К. В. Судебное представительство в России до 1917 г. (исторический аспект) // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 219–227.

K. V. ILYASHENKO,
post-graduate student
Russian State Social University, Moscow, Russia

COURT REPRESENTATION IN RUSSIA BEFORE 1917 (historical aspect)

Objective: basing on the research and analysis of the legislation, historical legal sources and other materials, to study the process of formation and development of the institution of legal representation in Russia before 1917.

Methods: the theoretical basis of research is the works of Russian scientists on various aspects of formation, development and functioning of the institution of legal representation in Russia from ancient times till 1917. The methodological basis of the research is general scientific methods (historical, formal-logical system), and general logical methods (analysis, synthesis, induction and deduction, synthesis, analogy, abstraction). Historical-legal, formal-legal, logical-legal, comparative legal methods were applied in the study. The author used the retrospective approach to the study of the issues of legal representation in Russia.

Results: basing on analysis of normative legal acts, regulating relations in the sphere of judicial representation, and various doctrinal sources, the author has examined the process of the formation and development of the legal representation institution in Russia before 1917, raised the question of providing legal assistance in pre-revolutionary Russia. An analogy is drawn between the pre-revolutionary legal regulation of the legal representation institution, and the modern legislation regulating this legal institution. The conclusion is made about the inadequacy of pre-revolutionary legislation regulating relations in the sphere of judicial representation, as well as the modern legal regulation of relations in this sphere. It is established that the judicial reform of 1864 improved regulation in this sphere, but still did not solve all the problems in this area.

The relevance of the study is due to the topicality and the constitutional importance of legal representation for the entire Russian society, the need to examine the origins of this legal phenomenon, as well as the fact that the institution of legal representation has a constitutional-guaranteeing value not only in relation to the judicial protection of individual rights and freedoms of a person and citizen, but also from the point of view of ensuring the effective exercise of justice. In this respect, the legal representation institution is a means of guaranteeing the constitutional principles of justice and a means of providing the adversarial character of the court trial.

Scientific novelty: the article considers the origin and development of the legal representation institution in Russia, the development of this institution before 1917. The conclusion is made about the imperfection of the 1864 judicial reform in terms of reforming the legal representation institution. For the first time, using retrospective approach, a parallel is drawn between the legal representation institution that existed in Russia before 1917, and the modern judicial representation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in research and teaching in addressing issues about the formation and development of the legal representation institution in Russia.

Key words: legal representation; representative; attorney; clerk; court; legal regulation; judicial reform; legislation.

References

1. Vas'kovskij, E. V. *Organizacija advokatury* (Organization of advocacy). Ch. 1–2. 2 t. SPb.: N. K. Martynov, 1893.
2. Bogomolov, M. V. *Institut sudebnogo (processual'nogo) predstavitel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnom processe Rossijskoj Federacii* (Court (procedural) representation institution in the civil and arbitrary procedure in the Russian Federation): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2014, 26 p.
3. Vojtovich, L. V. *Vedenie del v grazhdanskom i arbitrazhnom processe posredstvom dejstvij predstavitelja* (Solicitation in the civil and arbitrary procedure by a representative): dis. ... kand. jurid. nauk. Habarovsk, 2004, 171 p.
4. Zajceva, I. I. *Advokatura v Rossii* (Advocacy in Russia): dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003, 223 p.
5. Vladimirskij-Budanov, M. F. *Obzor istorii russkogo prava* (Review of the history of the Russian law). Izd. 6-e. SPb.; Kiev: Izdanie knigoprodavca N. Ja. Ogloblina, 1909, 699 p.
6. Sitdikova, L. B. Teoreticheskie problemy pravovoj prirody pravovyh uslug (Theoretical problems of the legal nature of legal services) // *Advokatskaja praktika,* 2008, no. 5, 48 p.
7. Gevargiz, A. A. K voprosu ob istorii sudebnogo predstavitel'stva v Rossii (On the issue of the history of court representation in Russia) // *Biznes v zakone,* 2008, no. 3, 324 p.
8. Dokshukin, A. H. *Pravovye osnovy organizacii i dejatel'nosti institutov sudebnogo predstavitel'stva i pravozastupnichestva v istorii otechestvennogo gosudarstva i prava i specifika ih funkcionirovanija v oblasti Vojska Donskogo: XIV – nachalo XX vv.* (Legal bases of organization and functioning of the court representation institutions and human rights protection in the history of the Russian state and law, and specific features of their functioning in the Don Army: 14th – beginning of the 20th cc.): dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2009, 182 p.
9. Potehin, P. A. Otryvki iz vospominanij advokata (Sketches from the advocate's memoires) // *Pravo*, 1900, no. 47.
10. Demidova, L. A. *Advokatura v Rossii* (Advocacy in Russia): uchebnik. M.: Juridicheskij dom «Justicinform», 2006, 569 p.
11. Borodin, D. N. *Istoricheskij ocherk russkoj advokatury (k 50-letiju prisjazh. Advokatury). 1864 – 20 nojabrja – 1914* (Historical sketch of the Russian advocacy (to the 50th anniversary of the barrister advocacy). 1864 – 20 November – 1914, 1915, 101 p.
12. Kucherena, L. G. *Advokatura* (Advocacy). M., 2004, 256 p.
13. Pal'hovskij, A. M. *O prave predstavitel'stva na sude: Issledovanija A. M. Pal'hovskogo* (On the right of representation in court: Research by A.M. Pal'khovskiy). M.: Tip. F. Ioganson, 1876, 255 p.
14. Koni, A. F. *Otcy i deti sudebnoj reformy (k pjatidesjatiletiju sudebnyh ustavov)* (Fathers and sons of the court reform (to the 50th anniversary of the court charters)). M., 1914, 354 p.
15. Isaev, M. M. *Podpol'naja advokatura* (Underground advocacy). M., 1924, 24 p.

Received 30.06.15

Information about the author

Ilyashenko Konstantin Valeryevich, post-graduate student, Russian State Social University
Address: 4 Vilgel'ma Pika Str., building 1, 129226, Moscow, tel.: +7 (495) 748-67-67
E-mail: konstantin-jur08@yandex.ru

For citation: Ilyashenko K. V. Court representation in Russia before 1917 (historical aspect) // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 219–227.

© Ilyashenko K. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 341 (420)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2218

Падиряков А. В.
С. 228–235.

А. В. ПАДИРЯКОВ,

начальник отдела правовой поддержки международных проектов

Государственная корпорация «Ростех», г. Москва, Россия

ПОНЯТИЕ И ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ УБЫТКОВ ПО ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ ООН 1980 г. (на примере права Англии)

Цель: осуществить комплексный анализ института убытков по Венской Конвенции 1980 г. и практики его применения в сравнении с регулированием института убытков в праве Англии.
Методы: всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные и частноправовые методы исследования.
Результаты: в статье проанализировано правовое регулирование института убытков по Венской конвенции 1980 г. и сделан обзор практики его применения судами различных государств, а также проведен сравнительно-правовой анализ института убытков по Венской конвенции 1980 г. и праву Англии.
Научная новизна: в статье предложены практические рекомендации по использованию положений Венской конвенции 1980 г. об убытках и международной практики их применения в договорной работе.
Практическая значимость: выводы и положения статьи могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования.

Ключевые слова: Венская конвенция; убытки; предвидение убытков; международная купля-продажа товаров; право Англии.

Введение

Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980 (далее – конвенция) зарекомендовала себя как эффективный инструмент урегулирования отношений сторон в сфере международной (трансграничной) купли-продажи товаров в различных их аспектах. В практике арбитражных и третейских судов и с точки зрения научных исследований были и остаются до сих пор нормы об убытках и процентах.

Одной из отличительных черт раздела конвенции об убытках является относительная лаконичность. Положения конвенции об убытках дают лишь общие правила, что само по себе провоцирует разнородность практики применения этого соглашения. Дополнительным фактором, негативно влияющим на гармонизацию ее применения, является наднациональный характер документа, что, по идее, должно было, напротив, служить целям унификации национальных правовых систем по вопросам, урегулированным конвенцией.

Так, ст. 7 (2) устанавливает порядок применения документа: вопросы, относящиеся к предмету регулирования конвенции, которые прямо в ней не разрешены, подлежат разрешению в соответствии с общими принципами, на которых она основана, а при отсутствии таких принципов – в соответствии с правом, применимым в силу норм международного частного права.

Однако суды часто пропускают первое звено цепочки алгоритма применения конвенции и заполняют любые пробелы регулирования нормами национального права. С другой стороны, в некоторых случаях просто невозможно использовать нормы конвенции или ее принципы. Например, в случае с взысканием процентов за пользование чужими денежными средствами. Конвенция не устанавливает ни ставки, ни способа расчета процентов за пользование чужими деньгами, поэтому судам не остается ничего иного, кроме как применять нормы национального или применимого по договору права[1].

Проблема аналогичного характера актуальна и в процедурном аспекте. Конвенция практически не содержит норм процессуального права, что дает судам возможность (за отсутствием альтернативы) применять процессуальные нормы национального правопорядка, что также неблагоприятно влияет на установление единообразия применения документа.

Не урегулирован конвенцией и частный, но весьма значимый вопрос возможности включения в состав

[1] Районный суд Арбон, 9 декабря 1994 г., дело № 341/1994 (Швейцария) (Bezirksgericht Arbon [BG]).

убытков (и, соответственно, возмещения за счет ответчика) судебных издержек (вознаграждения адвоката). Единой практики, что предсказуемо, не сформировалось. Так, в США (апелляционный суд Соединенных Штатов по седьмому округу – United States Court of Appeals for the Seventh Circuit) этот вопрос был признан судом процессуальным (т. е. не подпадающим под действие конвенции) и был решен на основании правил, действующих в США, – каждая сторона разбирательства самостоятельно несет свои расходы. Примечательно в этом деле то, что первая инстанция применила положения конвенции, включив в убытки к возмещению расходы истца на юридических консультантов, так как сторона, нарушившая договор, могла предвидеть и эти последствия своего нарушения договора.

Результаты исследования

Позиция Англии по отношению к ратификации конвенции

Хотя конвенция и является одним из самых известных, популярных и массово используемых институтов международного договорного права и имеет богатейшую практику применения, ряд развитых правопорядков не присоединились к ней до сих пор. Наиболее ярким представителем воздержавшейся части стран является Англия, которая, кстати, внесла немалый вклад в подготовку конвенции, но так и не ратифицировала ее.

Приведем два самых популярных мнения на этот счет.

Во-первых, прослеживается желание государственных органов (и некоторых частных структур) Англии сохранить юрисдикционную монополию английских судов и права. Исторически и сейчас Лондон – самое популярное место для судебного разбирательства. Право Англии – самое популярное право, для возможности выбора которого стороны готовы искусственно создавать иностранный элемент при конструировании отношений. Эти факты приводят в английское право и суды многих заявителей, что, безусловно, приносит существенные доходы. Сохранение «монополии» английского права – это важный политический и финансовый вопрос [1].

Во-вторых, базовый дуализм подхода к возможности отказа от исполнения договора и его последствий.

Здесь необходимо кратко обозначить проблематику вопроса. В английском общем праве традиционно иск об исполнении в натуре сам по себе не существовал. Кроме денежных обязательств (взыскиваемых практически во всех случаях при помощи иска о цене – action for the price) и обязательств воздержаться от действий (защищаемых иском о запрете действий – injunction), все другие обязательства не могли быть предметом требований кредитора в суде, а должник мог, по сути, откупиться от исполнения договора, уплатив убытки, всегда и при любых условиях.

Но с развитием права справедливости (law of equity) иск об исполнении в натуре (action for specific performance) стал возможен в ряде случаев. Количество этих случаев со временем росло и сейчас позволяет отдельным английским авторам называть допустимость подачи иска об исполнении в натуре в качестве общего правила в Англии [2].

Континентальное гражданское право и английское исходят из противоположных принципов: первое – из принципиальной возможности принуждения к реальному исполнению обязательств, а второе – из принципиальной возможности для должника заменить реальное исполнение выплатой определенной суммы, денежной компенсации. Позиция континентального права строится на идее моральности права и принципе pacta sunt servanda. Подход же общего права основан в большей степени на идее экономической целесообразности.

Конвенция придерживается подхода, что договоры должны исполняться [3], право Англии исходит из того, что от исполнения договора можно отказаться, претерпев негативные экономические последствия. Соответственно, многих устраивает именно второй подход, ратификация же конвенции привела бы к неизбежной коллизии.

Убытки по конвенции и по праву Англии (сравнительный аспект)

В соответствии со ст. 74 конвенции убытки за нарушение договора одной из сторон составляют сумму, равную тому ущербу, включая упущенную выгоду, который понесен другой стороной вследствие нарушения договора. Такие убытки не могут превышать ущерба, который нарушившая договор сторона предвидела или должна была предвидеть в момент заключения договора как возможное последствие его нарушения, учитывая обстоятельства, о которых она в то время знала или должна была знать.

Целью ст. 74 конвенции является возврат стороны, не допустившей нарушения договора, в такое положение, как если бы сторона, нарушившая договор, должным образом исполнила бы свои обязательства[2].

[2] «Чикаго Прайм Пакерс, Инк.» против «Нортам Фуд Трэйдинг Ко.», Окружной суд Северного района шт. Иллинойс, США (Chicago Prime Packers, Inc. v. Northam Food Trading Co., et. al., 320 F. Supp. 2d 702, 2004 WL 11666628, 2004 U.S. Dist. LEXIS 9347 (N.D. Ill)).

Таким образом, данная статья уравнивает положение сторон путем денежной компенсации, ставя ненарушившую сторону в экономическое положение, возможно близкое к тому, которое бы было, если бы договорные обязательства были надлежаще исполнены[3].

В соответствии с выработанной практикой сторона получает право требования возмещения убытков при соблюдении следующих условий[4]:

1) наличие действительных договорных отношений с конкретными договорными обязательствами сторон;

2) нарушение договора одной из сторон;

3) наличие убытков, понесенных в расчете на исполнение договора, и / или неполучение обещанного;

4) причинная связь между нарушением договора и возникшим убытком.

Комментаторы, обобщая практику взыскания убытков по конвенции, выделяют различные категории подлежащего взысканию ущерба: неполучение обещанного, убытки, понесенные в расчете на исполнение договора, упущенная выгода, таможенные штрафы, проценты за пользование чужими деньгами, потеря бизнес-возможности, стоимость привлечения международного коллектора, убытки из неисполнения договора (невозникновение благоприятной ситуации, которая бы возникла при исполнении договора), стоимость привлечения консультантов (юристов).

Для любого ущерба ключевой категорией является возможность предвидения возможности и размера ущерба на стадии заключения договора[5]. Также отмечается, что категория предвидимости убытков аналогична общему праву, поэтому наработки судебной практики Англии и Соединенных Штатов в полной мере применимы к оценке и расчету «предвиденных» на стадии заключения договора убытков [4].

Таким образом, в формулировке самой общей статьи конвенции об убытках явно прослеживается международно признанный (в том числе и в Англии) принцип ограничения размера подлежащих взысканию убытков. Как будет видно далее, выбранный конвенцией механизм ограничения взыскиваемых убытков аналогичен последовательно применяемому подходу системы общего права.

При этом несравнимо большую роль концепция предвиденности играет в общем праве Англии. В судебной практике Англии данный принцип был впервые применен в деле Хадли против Баксендейла[6].

В центре данного часто цитируемого дела был спор между мельником и перевозчиком. Часть механизма паровой мельницы, вывезенная для ремонта, была доставлена обратно перевозчиком с четырехдневной просрочкой, и мельник подал на перевозчика в суд, взыскивая неполученные доходы. По сей день это дело рассматривается как ключевой прецедент в праве Англии, «наиболее замечательное дело в сфере договорных убытков»[7], именно в нем был впервые сформулирован принцип предвиденности. В данном решении сказано, что в случае нарушения договора в дополнение к обычным убыткам (реально понесенным убыткам) можно также требовать взыскания убытков, рассчитанных на основании неполученной прибыли (unrealized profit – прибыли, которая существует только на бумаге), которая «с разумной долей вероятности была бы получена в соответствии с намерениями сторон, которые имелись на момент заключения договора»[8].

Объяснялся такой подход так: если нарушившая сторона может быть ответственна за ту часть убытков, которую она не должна была предвидеть во время нарушения договора, тогда не в интересах потерпевшей стороны будет заключение соглашения в отношении возможных убытков от потенциального нарушения договора. И наоборот, сторона, которая в будущем нарушит договор, не сможет эффективно защищать себя от взыскания большего косвенного ущерба путем соответствующего лимитирования своей ответственности в самом договоре.

Концепция предвиденности стала базовым принципом английской судебной практики после 1854 г. и остается неизменной по сей день.

Практика применения конвенции свидетельствует о достаточно унифицированном подходе к определению «предвиденности». Она ограничивает подлежащие возмещению убытки суммой, которую можно было бы предполагать при заключении договора. Объясняется такой подход тем, что если бы стороны на момент

---

[3] Austria 14.01.2002 Supreme Court, Delchi Carrier v. Rotorex, 71 F.3d 1024 (1995). URL: http://cisgw3.law.pace.edu/cases/951206u1.html

[4] Болгария. 28.02.2002. Коммерческое дело 26/99 (Bulgaria 28.02.2002 Arbitration Case 26/99).

[5] Верховный суд Польши. 27.01.2006. «Ти Ви Тьюнс, Инк.» против «Герхард Шуберт ГмбХ» (Supreme court of Polland, 27.01.2006, Tee Vee Tunes, Inc. et al v. Gerhard Schubert GmbH, 2006 WL 2463537 (S.D.N.Y.)).

[6] Hadley v. Baxendale (1854), 9 Exch 341 156 Engl. Rep. 145 (1854).

[7] McGregor: On Damages, 19th Edition, published by: Sweet & Maxwell, author: Harvey McGregor, publication Date: 24 Jul 2014.

[8] Bradley, J. (1854), 9 Exch 341, 354.

заключения договора предвидели возможность возникновения убытков в значительном размере, они бы существенно пересмотрели условия заключаемого договора или вовсе отказались бы от его заключения. Классический пример: покупатель заключает с третьим лицом договор с целью перепродажи предмета первоначального договора, не сообщая об этом продавцу. Из-за просрочки последнего договор, предполагающий перепродажу, оказывается расторгнут или подлежит выплате существенная неустойка, которую первоначальный покупатель намерен взыскать с первоначального продавца. Но эта сумма взысканию не подлежит, так как продавец не имел оснований полагать, что его просрочка может повлечь за собой убытки в настолько крупном размере. Осведомленность продавца могла бы повлиять на его решение заключать договор или на его действия по предотвращению просрочки. В этих положениях ясно прослеживается один из ключевых частноправовых принципов – равенство сторон. На момент заключения договора, а также в процессе его исполнения стороны должны обладать одинаковой информацией обо всех деталях, так или иначе затрагивающих возникшее правоотношение. Разумеется, речь не идет о подробном обсуждении тех сведений, осознание которых предполагает применение критерия разумного лица, устанавливаемого в том числе и конвенцией.

Каждый из контрагентов должен иметь возможность на всех этапах оценивать последствия своих действий, в том числе в отношении возникновения убытков. Безусловно, заключая договор, контрагенты рассчитывают на его исполнение и презюмируют взаимную добросовестность, но жизненные обстоятельства могут меняться, хотя и недостаточно радикально для применения клаузулы rebus sic stantibus (неизменность обстоятельств), но достаточно для того, чтобы, возможно, принять решение о неисполнении. Например, существует договор купли-продажи, на момент наступления срока исполнения продавец осознает, что предоставление товара покупателю будет связано для него со значительными затруднениями, может быть, финансового характера. Сопоставляя их размер с размером убытков, которые могут возникнуть, и оценивая их с позиции разумного лица, на основании имеющейся у него информации продавец принимает решение, что возмещение убытков будет связано для него с гораздо меньшими затратами. А покупатель, не поставив продавца в известность, заключает договор с целью перепродажи указанного товара, предусматривающий существенную неустойку. Если бы на момент принятия решения продавец был осведомлен, что его неисполнение приведет не только к возникновению обычных убытков (тех, которые может предвидеть разумное лицо), но и к необходимости выплаты такой неустойки, он, возможно, принял бы иное решение, так как сопоставление затруднений в исполнении и размера возмещения привело бы к другому результату. Таким образом, ни в каком случае не было бы справедливым взыскивать с неисполнившей стороны те убытки, которые она не учитывала и не могла учитывать.

В свете сказанного остается один технический, но принципиальный для любого спора вопрос: какой уровень доказательства убытков должен быть предоставлен суду для удовлетворения требования. Ответ на него выработала практика применения конвенции. Потерпевшая сторона с разумной точностью должна доказать понесенные убытки, при этом математической точности при определении размера убытков не требуется. Способы определения размера убытков включают (но не ограничиваются этим) мнение эксперта, экономические и финансовые данные, исследования и анализы рынков или статистику по аналогичным бизнесам[9].

Конкретные и абстрактные убытки

В соответствии со ст. 75 конвенции, если договор расторгнут и если разумным образом и в разумный срок после расторжения покупатель купил товар взамен или продавец перепродал товар, сторона, требующая возмещения убытков, может взыскать разницу между договорной ценой и ценой по совершенной взамен сделке, а также любые дополнительные убытки, которые могут быть взысканы на основании ст. 74 конвенции.

Таким образом, наряду с общими нормами, применимыми к доказательству наличия и размера ущерба, конвенция также вводит и презумпции, которые могут облегчить задачу потерпевшей стороны.

Первая из этих презумпций касается ситуации, когда потерпевшая сторона совершила заменяющую сделку, например, потому что это было необходимо для уменьшения ущерба или вытекало из существующего обычая. В таких случаях считается, что ущерб составляет разницу между ценой договора и ценой заменяющей сделки.

Презумпция работает, только если заменяющая сделка в действительности имела место, а не когда

[9] CISG-AC. Мнение № 6, расчет убытков по статье 74 конвенции. Докладчик: профессор Джон Уай. Готанда, Университет Вилланова Школа права, Вилланова, Пенсильвания, США (CISG-AC Opinion № 6, Calculation of Damages under CISG Article 74. Rapporteur: Professor John Y. Gotanda, Villanova University School of Law, Villanova, Pennsylvania, USA).

потерпевшая сторона сама исполнила обязательство, лежавшее на неисполнившей стороне (например, в случае выполнения ремонтных работ на судне самим судовладельцем в результате невыполнения этих работ судоверфью, которой были поручены эти работы).

Заменяющая сделка отсутствует и общие нормы не подлежат применению, когда компания после прекращения договора использует свое оборудование для исполнения другого договора, который она могла бы исполнить в то же время в первую очередь (lost volume).

Заменяющая сделка должна быть совершена в разумный срок и разумным способом, с тем чтобы избежать положения, когда неисполнившая сторона пострадает от поспешного или злонамеренного поведения контрагента.

Аналогично данный вопрос урегулирован и в английском праве. Так, в соответствии со ст. 50 (3) и 51 (3) Закона о купле-продаже товаров (Sale of Goods Act 1979) убытки (в случае осуществления замещающей сделки) составляют разницу между ценой нарушенного договора и ценой замещающей сделки, при условии что цены отличаются и замещающая сделка была менее выгодной, чем изначальный договор. Так же, как предусмотрено конвенцией, указанные нормы работают в обе стороны: и для покупателя, который вынужден приобретать замещающий товар[10], и для продавца, который вынужден искать другого контрагента[11]. Кстати говоря, указанный механизм применим и к договорам, предметом которых являются акции[12].

В соответствии со ст. 76 конвенции, если договор расторгнут и если имеется текущая цена на данный товар, сторона, требующая возмещения ущерба, может, если она не осуществила закупки или перепродажи на основании ст. 75, потребовать разницу между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора, а также возмещения любых дополнительных убытков, которые могут быть взысканы на основании ст. 74 конвенции. Однако, если сторона, требующая возмещения ущерба, расторгла договор после принятия товара, вместо текущей цены на момент расторжения договора применяется текущая цена на момент такого принятия.

Текущей ценой является цена, преобладающая в месте, где должна быть осуществлена поставка, или, если в этом месте не существует текущей цены, цена в таком другом месте, которое служит разумной заменой, с учетом разницы в расходах по транспортировке товара.

Возврат продавцом покупателю суммы предоплаты за непоставленный товар не освобождает его от возмещения покупателю убытков, вызванных непоставкой товара, результатом которой явилось расторжение контракта. При этом установлено, что предусмотренное контрактом ограничение размера подлежащих возмещению убытков на случай просрочки продавцом поставки или неприемки покупателем товара не подлежит учету при непоставке товара продавцом.

Рыночные отношения, когда широко практикуется последовательное заключение договоров в целях перепродаж, подыскания новых контрагентов и восполнения понесенных потерь, позволяют использовать при нарушении договорных обязательств упрощенную форму определения возникающих убытков в виде разницы в ценах первоначального и последующего договоров. Такие убытки получили наименование абстрактных. Механизмы ст. 75–76 конвенции очень похожи на классический подход, выработанный английской судебной практикой в отношении способов определения размера договорных убытков[13].

В ситуации, когда требования о возмещении убытков основаны на разнице стоимости (или на стоимости замещающего товара), они могут быть оценены путем отсылки к действительной или рыночной стоимости. Считается, что отсылка к «рынку» товаров возможна тогда, когда эти товары могут быть свободно приобретены или проданы по фиксированной цене[14]. Однако последняя практика английских судов свидетельствует о расширении этого подхода. Так, суд вправе констатировать существование рынка товара, основываясь на любых достаточных свидетельствах по этому вопросу[15]. Более того, английский суд может учитывать даже наличие черного рынка[16].

Рассмотрим новозеландское дело Джона Нила Моуата против автодилера «Беттс Моторс Лтд». Джон Нил купил у «Беттс Моторс» новый автомобиль «Шевроле», импортированный из США, за 1 200 фунтов, при этом обязавшись не перепродавать (отчуждать или иным образом передавать во владение или поль-

[10] Murray v Lloyd [1989]. 1 W.L.R. 1060.

[11] Texaco Ltd v Eurogulf Shipping Co Ltd [1987]. 2 Lloyd's Rep. 541.

[12] Jamal v Moolla Dawood Son & Co [1916]. 1 A.C. 175.

[13] The Law of Contract by Edwin Peel, B.C.L., M.A. London: Sweet&Maxwell, 2007, p. 1015.

[14] W L Thompson Ltd v Robinson (Gunmakers) Ltd [1955]. Ch. 177.

[15] Bulkhaul Ltd v RhodiaOrganique Fine Ltd [2008]. EWCA. Civ 1452.

[16] Mouat v Betts Motors Ltd [1959]. A.C. 71.

зование) этот автомобиль в течение двух лет, не предложив предварительно его дилеру по цене покупки.

Здесь необходимо дать краткую историческую справку для понимания дела. Новая Зеландия в 50-х гг. XX в. испытывала кризис ликвидности, в частности в стране был критически мал запас долларов США. Не имея достаточного собственного производственного ресурса, страна зависела от экспорта автомобилей из США и Канады. Закупка автомобилей из США осуществлялась на обычных (недискриминационных) условиях, но из-за нехватки долларовой ликвидности Новая Зеландия не могла закупать достаточный для удовлетворения внутреннего спроса объем машин. Правительство ввело государственное регулирование рынка новых автомобилей, которые продавались по предварительной заявке по фиксированной цене. В рамках государственного регулирования автодилеры были обязаны включать в договор с потребителем положение о запрете перепродажи машины, чтобы исключить возможные злоупотребления (покупку автомобиля по государственной цене, перепродажу по рыночной цене и, как следствие, получение необоснованной прибыли на фоне кризиса валютной ликвидности).

Джон Моуат в нарушение своего договорного обязательства через три месяца после покупки перепродал машину третьему лицу за 1 700 фунтов (на 500 фунтов дороже цены покупки). Суд, рассмотрев дело, пришел к выводу, что, исходя из обязательств покупателя, «Беттс Моторс» могли рассчитывать на получение автомобиля по цене изначальной продажи (минус амортизация). Соответственно, размер убытков дилера составил разницу между ценой, по которой Джон Моуат должен был продать авто «Беттс Моторс», и ценой, по которой дилер мог бы купить такой же автомобиль где-то еще. Суд постановил: чтобы поставить «Беттс Моторс» в положение, в котором дилер был бы, если бы договор не был нарушен, необходимо признать за дилером право совершить «заменяющую» сделку на доступном рынке. Единственный доступный в текущей ситуации для дилера рынок – черный рынок новых автомобилей, бывшие владельцы которых, так же как и Джон Моуат, нарушили свои договоры покупки новых автомобилей, и цена на этом рынке составляет 1 700 фунтов. С Джона Нила Моуата взыскали разницу между ценой, по которой он обязался продать автомобиль автодилеру (1 200 фунтов), и рыночной ценой автомобиля (1 700 фунтов) плюс судебные расходы.

При определении наличия рынка определенного товара монопольно контролируемый государством рынок не учитывается.

В соответствии со ст. 77 конвенции сторона, ссылающаяся на нарушение договора, должна принять такие меры, которые являются разумными при данных обстоятельствах для уменьшения ущерба (включая упущенную выгоду), возникающего вследствие нарушения договора. Если она не примет таких мер, то нарушившая договор сторона может потребовать сокращения возмещаемых убытков на сумму, на которую они могли быть уменьшены.

Например, в деле, рассмотренном Верховным судом Швейцарии, было заявлено требование о возмещении убытков от нарушения договора поставки часов. Швейцарская компания (поставщик) прекратила поставки часов украинской компании (покупателю) в связи с тем, что поставщик заключил эксклюзивный дистрибуторский договор с другой украинской компанией. Вследствие этого покупатель потребовал от поставщика возмещения убытков в виде разницы между ценой нарушенного договора и ценой, по которой он продавал часы в розничной сети. Верховный суд Швейцарии снизил размер взыскиваемых убытков, указав на то, что в силу ст. 77 конвенции покупатель должен был принять разумные меры по уменьшению убытков. Эти меры заключались в том, что покупатель должен был приобрести часы у украинского эксклюзивного дистрибутора. В таком случае убытки покупателя составили бы разницу между ценой нарушенного договора и ценой, по которой он закупил часы у эксклюзивного дистрибутора[17].

Обязанность митигировать последствия чужого нарушения – международно признанный принцип, праву Англии он также известен.

В английском праве широкое применение получил принцип обязанности потерпевшего предотвращать, а при невозможности уменьшать свои потери (любой другой негативный эффект нарушения договора). Потерпевший не вправе требовать возмещения убытков, хотя и причиненных, которых он должен был избежать. Никаких последствий неисполнения потерпевшим этой обязанности не предусмотрено, но убытки будут уменьшены судом сообразно. Соответственно, обязанность потерпевшей стороны состоит из двух блоков: предпринять все разумные меры для уменьшения понесенного убытка[18] и воздержаться от действий, которые могли бы увеличить понесенные убытки[19].

---

[17] Switzerland 17 December 2009 Supreme Court (Watches case). URL: http://cisgw3.law.pace.edu/cases/091217s1.html

[18] Hussey v Eels [1990], 2 Q.B. 227 at 233.

[19] The Borag [1981], 1 W.L.R. 274.

В деле предотвращения / уменьшения убытков может с активной позицией выступать нарушившая сторона, например путем предоставления замены исполнения (по принципу «лучше, чем ничего»). У потерпевшей стороны нет обязанности принимать такое «альтернативное» исполнение, однако непринятие может быть расценено судом как непринятие мер по уменьшению убытков[20].

Существует также практика, в соответствии с которой само нарушение договора или действия по предотвращению убытков не только предотвращают / уменьшают убытки, но и создают большую выгоду, чем надлежащее исполнение договора. Очевидно, что в этом случае убытки вообще не присуждаются[21]. В соответствии со ст. 78 конвенции, если сторона допустила просрочку в уплате цены или иной суммы, другая сторона имеет право на проценты с просроченной суммы без ущерба для любого требования о возмещении убытков, которые могут быть взысканы на основании ст. 74 конвенции.

Проценты за пользование чужими деньгами известны всем развитым правопорядкам, Англия не исключение (Late Payments of Commercial Debts (Interests) Act 1998).

Выводы

Хотя право Англии является классическим примером, а по факту основоположником системы общего и прецедентного права, в противовес Венской конвенции ООН 1980 г., которая, хотя и вобрала в себя передовой международный опыт, является порождением скорее континентального (романо-германского) подхода, практика применения и права Англии, и конвенции близки во многих отношениях.

Конвенция покрывает такие аспекты взыскания убытков, как предвиденность, абстрактные убытки и обязанность потерпевшей стороны митигировать последствия неисполнения контрагента. Остальные вопросы взыскания убытков решаются через принципы, установленные конвенцией, а неустранимые пробелы остаются на откуп применимому национальному праву.

При этом конвенция, по сравнению с правом Англии, имеет в своей основе принципиально иной подход в отношении возможности принудительного исполнения в натуре. С другой стороны, механизм исполнения в натуре опять же будет зависеть от выбранного применимого права.

Дополнительными «тонкими» моментами являются: 1) невозможность унифицированного применения конвенции в связи с ее лаконичностью; 2) попытки судов различных юрисдикций применять более знакомый им национальный правопорядок; 3) неизбежность использования применимого национального права во всех не урегулированных конвенцией аспектах.

Таким образом, в отношении договоров международной (трансграничной) купли-продажи необходимо еще на стадии построения отношений сторон определить: 1) будет ли конвенция применяться к отношениям сторон «по умолчанию»; 2) имеет ли смысл вывести договор из-под действия конвенции; 3) проанализировать, как будут применяться весьма ограниченные механизмы конвенции в разрезе применимого права; 4) определить юрисдикцию суда и проанализировать практику применения конвенции этим судом – как было продемонстрировано выше, один и тот же вопрос может решаться прямо противоположно в странах, ратифицировавших Венскую конвенцию ООН 1980 г.

Список литературы

1. Linarelli, J. The Economics of Uniform Laws and Uniform Lawmaking, 48 Wayne L. Rev. 1387 (2003).

2. McGregor H. Contracts Code drawn up on behalf of the English Law Commission. Milan, 1993. P. 90.

3. Mustill M. The New Lex Mercatoria, The First Twenty-five Years: Arb. Int. 4 (1988) 110.

4. Allison E. Butler A practical guide to the CISG: negotiations through litigation. Aspen Publishers (2007 Supplement 2).

В редакцию материал поступил 30.06.15

© Падиряков А. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

[20] The Solholt [1983], 1 Lloyd's Rep. 605.

[21] Platt v London Underground Ltd, The Times, March 13, 2001.

Информация об авторе

Падиряков Александр Викторович, начальник отдела правовой поддержки международных проектов, Государственная корпорация «Ростех»

Адрес: 119991, г. Москва, Гоголевский бульвар, 21, тел.: (495) 287-25-25

E-mail: A.V.Padiryakov@rostec.ru

Как цитировать статью: Падиряков А. В. Понятие и порядок определения убытков по Венской конвенции ООН 1980 г. (на примере права Англии) // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 228–235.

A. V. PADIRYAKOV,

Head of the Department of Legal Support on International Projects

State Corporation «Rostekh», Moscow, Russia

NOTION AND ORDER OF DETERMINING THE LOSSES UNDER THE VIENNA CONVENTION OF UNO 1980 (by the example of law of England)

Objective: to carry out a comprehensive analysis of the institution of losses under the Vienna Convention of 1980 and its implementation in comparison with the regulation of the institution of losses in the law of England.

Methods: universal dialectic method of cognition, as well as general scientific and private research methods based on it.

Results: the article analyses legal regulation of the institution of losses under the Vienna Convention of 1980 and reviews the practice of its application by the courts of various states, as well as presents a comparative legal analysis of the institution of losses under the Vienna Convention of 1980 and the law of England.

Scientific novelty: the article suggests practical recommendations on using the provisions of the Vienna Convention 1980 on losses and international practices in contracting.

Practical significance: the findings of this paper can be used in scientific, legislative and law enforcement activities, and in the educational process of higher education institutions.

Key words: Vienna Convention; losses; anticipation of losses; international purchase and sale of goods; law of England.

References

1. Linarelli, J. *The Economics of Uniform Laws and Uniform Lawmaking*, 48 Wayne L. Rev. 1387 (2003).
2. McGregor, H. *Contracts Code drawn up on behalf of the English Law Commission.* Milan, 1993, p. 90.
3. Mustill, M. *The New Lex Mercatoria, The First Twenty-five Years*: Arb. Int. 4 (1988) 110.
4. Allison, E. Butler. *A practical guide to the CISG: negotiations through litigation,* aspen publishers (2007 Supplement 2).

Received 30.06.15

Information about the author

Padiryakov Aleksandr Viktorovich, Head of the Department of Legal Support on International Projects, State Corporation «Rostekh»
Address: 21 Gogolevskiy Boulevard, 119991, Moscow, tel.: (495) 287-25-25
E-mail: A.V.Padiryakov@rostec.ru

For citation: Padiryakov A. V. Notion and order of determining the losses under the Vienna convention of UNO 1980 (by the example of law of England) // *Actual Problems of Economics and Law,* 2015, no. 4, pp. 228–235.

© Padiryakov A. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 336.71:336.76
URL: http://hdl.handle.net/11435/2220

Ильина А. В.
С. 236–244.

А. В. ИЛЬИНА,
преподаватель
Оренбургский институт Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина,
юрист
ООО «Магистр Права», г. Оренбург, Россия

ОПЕРАЦИИ БАНКА НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Цель: определить место банков на рынке ценных бумаг на современном этапе.
Методы: в процессе настоящего исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания – диалектический, исторический, комплексный, сравнительно-правовой.
Результаты: анализ законодательства англосаксонской правовой системы и законодательства России о банках позволил сделать вывод о существовании некоторых проблем, связанных с развитием инвестиционной деятельности российских банков на рынке ценных бумаг. Понятие «рынок ценных бумаг» связано с таким термином, как «фондовый рынок». В настоящем исследовании дана сравнительная характеристика этих двух понятий. Предложены меры по совершенствованию российского банковского законодательства.
Научная новизна: в статье впервые разграничены понятия «банковские фондовые операции» и «банковские операции с ценными бумагами». Сделан ряд предложений по внесению изменений в некоторые положения законодательства о банках и банковской деятельности.
Практическая значимость: выводы и рекомендации, содержащиеся в данной работе, могут быть использованы при совершенствовании понятийного аппарата науки предпринимательского права.

Ключевые слова: банки; инвестиционные банки; банковские операции; операции с ценными бумагами; фондовый рынок; правоспособность.

Введение

Современный банк – это не только организация по привлечению денежных средств во вклады и использование таких ресурсов в качестве кредитных, это универсальный институт банковского и фондового рынка. В последние годы вопросы развития и расширения банковских услуг, выхода банков на рынок ценных бумаг неоднократно рассматривались в юридической науке, при этом некоторые аспекты до настоящего времени не были достаточно освещены, а именно: соотношение терминов «фондовые операции банков» и «операции с ценными бумагами», осуществляемые банками, «фондовый рынок» и «рынок ценных бумаг». В связи с этим возникла необходимость более детально изучить вышеназванные вопросы. Актуальность темы настоящего исследования обусловила его главную цель: определить место банка на рынке ценных бумаг на современном этапе.

Развитие учения о месте банков на рынке ценных бумаг и, как следствие, на фондовом рынке происходило там, где оно и зародилось и нашло свое развитие, – в странах Западной Европы и Соединенных Штатах Америки. Развитие синтетической связи этих двух институтов – банковского и фондового – произошло уже на этапе современной России. Несмотря на это, отдельно основы банковской системы, а впоследствии и рынка ценных бумаг освещались еще в дореволюционном гражданском праве такими известными цивилистами, как П. П. Цитович [1], Г. Ф. Шершеневич [2]. В советский период вопросам развития банковской системы посвятили свои научные труды М. М. Агарков [3], В. С. Якушев [4]. Современный этап развития правовой мысли

связан с именами таких ученых, как В. С. Белых [5], А. Г. Братко [6], К. Т. Трофимов [7], О. М. Олейник [8].

Результаты исследования

Становление современной банковской системы России происходило одновременно с развитием нашего общества и государства. Функции и цели банков претерпели серьезные изменения со времен распада Советского Союза и появления нового независимого государства – Российской Федерации. В советские годы банки являлись в первую очередь государственными предприятиями и выполняли функции управленческого характера (Госбанк СССР, Стройбанк СССР, Внешторгбанк СССР) [4, с. 323]. Для населения в качестве государственного расчетного предприятия с функциями хранения денежных средств и осуществления по ним расчетов действовали Гострудсберкассы СССР [4, с. 324]. Впоследствии последние были заменены на Банк трудовых сбережений и кредитования населения СССР (Сберегательный банк СССР)[1]. Законодательно вопрос о функциях банков определен в отношении только Банка России[2]. В научной литературе этот вопрос был исследован М. М. Агарковым. По его мнению, «банк собирает, во-первых, чужие деньги <…>, во-вторых, оказывает кредит <…>, в-третьих, выполняет различного рода поручения клиентов <…>» [6, с. 168]. При этом в целях определения правовых границ деятельности банков установлен перечень операций и сделок, выполняемых такими организациями. Как справедливо было отмечено К. Т. Трофимовым, ФЗ «О банках и банковской деятельности», как и Банковский акт ФРГ, применяет «списочный подход» при перечислении банковских операций, что, на взгляд ученого, является недостатком, поскольку природа операций склонна к изменениям [7, с. 19]. Но действительно неизменными останутся два направления движения денежных средств: из банка и в банк. На основе этого выделяют активные и пассивные операции банков. Подобного деления придерживался известный цивилист Г. Ф. Шершеневич: «Под именем активной операции следует понимать такую юридическую сделку, из которой для банка вытекает право на денежную сумму; под пассивной операцией понимается юридическая сделка, которая устанавливает обязанность банка уплатить денежную сумму» [2, с. 471]. Аналогичного мнения придерживаются С. Л. Ермаков и Е. Е. Фролова, дополнительно выделяя виды активных операций банка: ссудные, инвестиционные, расчетные и трастовые [9]. Схожую позицию занимает В. С. Белых, применяя деление банковских операций на активные, пассивные и активно-пассивные, к последним принадлежат комиссионно-посреднические операции [10, с. 471]. На позиции тройственного деления операций банка стоит и экономическая литература [11, с. 114]. На наш взгляд, законодательное закрепление исчерпывающего списка банковских операций указывает на определенного рода стабильность осуществляемых операций, однако встает вопрос, приемлема ли стабильность в таком вопросе? Одним из достоинств законодательной базы страны является ее гибкость. Представляется, что более универсальное определение банковских операций отвечало бы современной действительности. Законодательство о банках и банковской деятельности, а именно Федеральный закон РФ «О банках и банковской деятельности» (ст. 1) трактует термин «банковские операции» через перечисление действий, составляющих суть банковских операций. При этом следует указать, что закон не дает собственного определения банковских операций, а упоминает их в определении банка. С точки зрения юридический техники такой подход представляется не совсем верным, поскольку через понятие одного явления дается понятие второго. Дополнение или изменение в понимании одного автоматически ведет к изменению второго. Важно также подчеркнуть, что далее по тексту ФЗ «О банках и банковской деятельности» (ст. 5) компетенция банков расширена путем указания на возможность заключать также и банковские сделки. Следует уяснить, что законодательное закрепление права на исключительное осуществление банковских операций придает таким организациям, как банки, элементы публично-правового статуса, поскольку никакая иная структура не имеет закрепленного допущения на осуществление банковских операций, перечисленных в ч. 2 ст. 1 ФЗ «О банках и банковской деятельности».

Термин «операция» подразумевает под собой процесс, действие. Сама природа банковской операции говорит сама за себя: операция, осуществляемая только одним субъектом права – банками. Экономическая и юридическая литература во многом оперирует одними и теми же понятиями, термин «банковская операция» не исключение. При всей универсальности этого понятия следует учитывать те особенности, которые присущи ему при указании в законе. Во-первых, как

[1] П. 3 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики» от 17.07.1987.

[2] Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 (в ред. от 21.07.2014), СЗ РФ. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

уже подчеркивалось, банковским операциям присущ публично-правовой характер, во-вторых, они имеют законодательное закрепление и отграничение от банковских сделок, и в-третьих, за несоблюдение порядка их совершения установлена ответственность со стороны Банка России как надзорного органа. Таким образом, представляется, что понятие «банковских операций» при наличии экономической составляющей, которая не может не учитываться, следует определять как юридический термин универсального характера.

Теперь обратимся к зарубежному опыту. Так, например, гражданское законодательство Франции оперирует таким определением банковских операций, закрепленным ст. L. 311-1 Денежно-кредитного кодекса: «Банковские операции включают в себя привлечение денежных средств от населения, кредитные операции и предоставление или управление платежными средствами клиентов» [12]. Очевидно, что возможные дальнейшие изменения в проводимых французскими банками операциях не отразятся на положениях закона, тем самым приведенное выше определение будет всегда актуальным.

Анализируя то или иное явление, нельзя не принять во внимание ту основу, на которой оно держится. Для банковских операций таким «китом» является правоспособность коммерческого банка. Вопросы о моменте возникновения правоспособности банка и отнесения банковской правоспособности к той или иной категории достаточно подробно были исследованы в науке. Не вызывает ученых споров устойчивое мнение о специальной правоспособности банков.

Под последней понимается возможность осуществлять те операции или сделки, которые необходимы для достижения цели, ради которой и создана организация. Общей целью банков как организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, является извлечение прибыли. Цель «извлечение прибыли» может достигаться разными способами, поскольку носит достаточно неопределенный путь достижения. Но не стоит забывать, что для банков государством обозначен особый статус, поэтому и говорить о неограниченной возможности коммерческого банка для достижения такой общепредпринимательской цели будет неверно. Законодатель, с одной стороны, относит банковскую деятельность к предпринимательской, что предполагает совершение любых действий для достижения поставленной цели, с другой стороны, сужает правоспособность банка через закрепление операций, допустимых для осуществления. Таким образом, подчеркивается специальный статус российских банков: права даются, но они же и ограничиваются.

В этой статье мы уже неоднократно обращались к нормам права зарубежных стран, подчеркивая развитость и прогрессивность западного законодателя. За более чем двадцатилетнюю историю современное право Европейского союза сформировало основные передовые идеи. Перечень банковских операций, который подлежит взаимному признанию со стороны государств – членов Европейского союза, установлен в Директиве № 2006/48/ЕС, а точнее в ее приложении 1. Стоит обратить внимание на такие закрепленные в ней банковские операции, как «торговля за собственный счет или за счет клиента инструментами денежного рынка (чеками, векселями, депозитными сертификатами) <…>; участие в выпусках ценных бумаг и оказание услуг, относящихся к таким выпускам; <…> управление ценными бумагами» [7, с. 119–120]. Данные операции с ценными бумагами европейским сообществом отнесены, во-первых, к разряду банковских, а во-вторых, признаются западными государствами как повсеместно осуществляемые, иначе они бы не нашли должного законодательного закрепления. Таким образом, мы можем наблюдать уже не тенденцию, а европейскую действительность: банки – активные участники рынка ценных бумаг. Теперь обратимся к российскому законодательству. Нормативным актом, который устанавливает общие границы деятельности банков на рынке ценных бумаг, является уже упомянутый выше Федеральный закон «О банках и банковской деятельности». Заключение сделок с ценными бумагами прямо не закреплено в ст. 5 закона, но, поскольку допускается заключение «иных сделок в соответствии с законодательством», мы имеем право ссылаться именно на вышеназванную статью как на основание заключения сделок банками на рынке ценных бумаг[3]. При этом необходимо отметить, что ст. 6 «Деятельность кредитной организации на рынке ценных бумаг» ФЗ «О банках и банковской деятельности» не говорит о деятельности коммерческого банка как профессионального участника рынка ценных бумаг, приводя лишь примеры сделок с ценными бумагами, обладающими признаками платежного документа, и ценными бумагами, для сделок с которыми не требуется специальной лицензии, следовательно, заключение

[3] Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 (ред. от 04.11.2014) , СЗ РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492.

сделок с такими ценными бумагами не выходит за рамки обычной банковской лицензии (говоря об обычной, мы подразумеваем, что существует и «специальная» лицензия, выдаваемая для осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг).

Итак, коммерческий банк, помимо собственно банковских операций, имеет возможность выступить как профессиональный участник рынка ценных бумаг. Здесь необходимо обратиться к Федеральному закону «О рынке ценных бумаг». В п. 1 ст. 39 вышеупомянутого закона прямо указано, что для получения статуса профессионального участника рынка ценных бумаг требуется лицензия, выдаваемая сейчас Центральным банком РФ (ранее подобные лицензии выдавались Федеральной службой по финансовым рынкам. – Прим. авт.)[4]. Банки на рынке ценных бумаг могут выступать в нескольких качествах, которые требуют обязательного прохождения процедуры лицензирования: брокер, дилер, депозитарий, доверительный управляющий. При этом следует также отметить, что ФЗ «О рынке ценных бумаг» прямо не называет клиринговую деятельность в качестве профессиональной, но для ее осуществления также требуется лицензия и обязательное соблюдение требований к размеру собственных средств, правилам клиринга, лицам, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа. Возможность определения банками подлежащих исполнению обязательств по взаимному расчету предусмотрена ст. 5 ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности»[5]. При этом следует подчеркнуть, что клиринговая деятельность, во-первых, не является профессиональной деятельностью банка на рынке ценных бумаг (закон прямо к таковой ее не относит), во-вторых, не является собственно банковской, а относится к фондовой деятельности. Фондовой же деятельностью стоит считать любую деятельность, осуществляемую профессиональными участниками рынка ценных бумаг, обладающими специальным разрешением (лицензией) на ведение такой деятельности, выдаваемой Центральным банком Российской Федерации для извлечения прибыли от совершения сделок с ценными бумагами, обращающимися на российском рынке ценных бумаг. Таким образом, банк может осуществлять и виды деятельности, хотя прямо и не предусмотренные законом, но не противоречащие последнему. Клиринговая деятельность относится именно к фондовой, поскольку вне рамок фондового рынка не осуществляется, и возможность ее ведения определяется соответствующей лицензией. В вопросе об осуществлении банками клиринга следует исходить из того, что ФЗ «О рынке ценных бумаг» является общим законом, а ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» – специальным. Хотя в аналогичном вопросе, но уже с позиции клиринговой организации руководствоваться в первую очередь необходимо ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности».

Необходимо отметить, что коммерческий банк, выступая профессиональным участником рынка ценных бумаг, имеет право выступать и андеррайтером. Законодательного закрепления понятие «андеррайтинг» до настоящего времени, к сожалению, не получило. Наука восполнила данный пробел. Так, в учебной литературе услуги банков по организации и первичному размещению ценных бумаг принято называть андеррайтингом, а финансового посредника, обслуживающего и гарантирующего первичное размещение ценных бумаг на рынке за комиссионное вознаграждение, – андеррайтером [13, с. 131–132].

Очевидно, что банкам помимо собственно банковских операций разрешается осуществлять достаточно широкий объем прав в качестве профессионального участника рынка ценных бумаг. Иными словами, банки раздвинули границы своих интересов с исходной для них сферы банковской услуги до фондового рынка. Такое многообразие говорит о банках как о мобильном, универсальном субъекте предпринимательства. Приход универсальности в банковские услуги не случаен, Российская Федерация является активным реципиентом и последователем романо-германской правовой семьи. В отличие от последней англосаксонская модель банковской системы проводит четкое разделение инвестиционных банков, отвечающих исключительно за сферу рынка ценных бумаг и осуществляющих собственно банковские операции. Так, в США в ответ на финансовый кризис 1929 г. в целях сдерживания спекулятивных операций, проводимых банками, в 1933 г. был принят Акт Гласса – Стиголла, разделяющий депозитные и инвестиционные функции банка [14, с. 27–28]. Просуществовав до 1999 г., акт был отменен принятым в тот год Законом Грэмма – Лича – Блайли, восстановившим универсализацию банковской системы без деления на коммерческие и инвестиционные банки. Закон 1999 г. выступал мерой, призванной сократить нараставшее отставание от мировых финансовых центров в Запад-

[4] Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 (в ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2014), СЗ РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1918.

[5] Федеральный закон № 7-ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» от 07.02.2011 (в ред. от 12.03.2014), СЗ РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 904.

ной Европе и Восточной Азии, в которых каждый банк имел возможность выступать как в роли кредитной организации, так и в роли полноправного участника фондового рынка. Стоит отметить, что после мирового финансового кризиса политические настроения в Конгрессе США сместились в сторону восстановления Акта Гласса – Стиголла. Неудачные попытки реанимировать Акт 1933 года в 2010–2011 гг. сменились успехом в 2013 г. – законопроект «S.985» был внесен на рассмотрение в Сенат США. До настоящего момента данный законопроект находится на рассмотрении в Комитете Сената США по банковской деятельности, жилью и вопросам городского хозяйства[6].

Одним из проявления универсализации американской банковской системы является банк Bank of America, к которому в 2008 г. присоединился успешный инвестиционный банк Merrill Lynch, ставший его инвестиционным подразделением[7].

К сожалению, на настоящий момент российские банки не заняли достойного места в мировой инвестиционной среде. В приведенной ниже таблице отражены топ-10 мировых инвестиционных банков.

Рейтинг мировых инвестиционных банков*
Rating of the world investment banks*

№	Банк / Bank	Объем инвестирования (долл.) / Volume of investment (dollars)
1	JP Morgan	4 607 260
2	Bank of America Merrill Lynch	4 079 930
3	Goldman Sachs	3 980 560
4	Morgan Stanley	3 665 450
5	Citi	3 239 570
6	Deutsche Bank	3 024 750
7	Credit Suisse	2 876 790
8	Barclays	2 862 760
9	Wells Fargo	1 657 680
10	RBC Capital Markets	1 594 010

Примечание: сведения представлены за первые три квартала 2014 г.

Note: data for the first three quarters of 2014.

**Источник*: The Financial Times. URL: http://markets.ft.com/investmentBanking/tablesAndTrends (дата обращения: 21.01.2015 г.).

**Source*: The Financial Times. URL: http://markets.ft.com/investmentBanking/tablesAndTrends (access date: 21.01.2015).

В экономической литературе в качестве синонима термина «рынок ценных бумаг» неоднократно использовался термин «фондовый рынок». Так, например, в некоторых учебниках он используется исключительно для определения системы общественных отношений, регулируемых ФЗ «О рынке ценных бумаг» [15, с. 434]. В словаре же банковских терминов понятие «фондовый рынок» раскрывается через понятие «рынок ценных бумаг», следовательно, данные термины трактуются как синонимы[8]. Единодушия в научной среде по поводу соотношения данных понятий не наблюдается, но заслуживает внимания еще одна точка зрения. По компетентному мнению В. С. Белых, трактовать термины «фондовый рынок» и «рынок ценных бумаг» следует как широкое и узкое понятия соответственно, поскольку «фондовый рынок» включает в себя не только собственно рынки ценных бумаг, но и рынок производных финансовых инструментов [5, с. 398]. Диаметрально противоположное мнение сложилось в экономической науке. В частности, Е. Ф. Жуков, доктор экономических наук, пишет о существовании трех рынков ценных бумаг: первичный (внебиржевой), вторичный (фондовая биржа) и уличный рынок, или «рынок через прилавок» (over-the-counter), где первичный специализируется на новых выпусках ценных бумаг (эмиссия), вторичный занимается старыми выпусками ценных бумаг, перераспределение контроля между различными финансовыми группами, а уличный обслуживает оборот ценных бумаг, которые не попадают на фондовые биржи (в США – NASDAQ) [16, с. 89–90].

Законодательного определения понятий «рынок ценных бумаг» и «фондовый рынок» не дается, обратимся к энциклопедической экономической литературе. Так, например, «фондовый рынок» трактуется как составная часть финансового рынка, на которой осуществляются операции с ценными бумагами. Первичное размещение ценных бумаг эмитентами относится к первичному фондовому рынку, последующие операции по купле-продаже ценных бумаг образуют вторичный фондовый рынок. «Рынок ценных бумаг» определяется как часть рынка ссудных капиталов, где осуществляется эмиссия, купля-продажа ценных бумаг [17]. В Финансово-инвестиционном словаре приводится следующее определение: «Securities markets – рынки ценных бумаг. Общий

[6] URL: http://www.truth-out.org/buzzflash/commentary/elizabeth-warren-champions-bill-to-restore-glass-steagall-act-and-rein-in-wall-street/ (дата обращения: 15.03.2015).

[7] URL: http://www.vedomosti.ru/companies/a-z/57/Merrill%20Lynch (дата обращения: 18.03.2015).

[8] URL: http://bankpress.ru/dictionary/26426/ (дата обращения: 10.01.2015).

термин, обозначающий рынки, где торгуют ценными бумагами, включая рынки организованных фондовых бирж (organized security exchanges) и внебиржевые рынки (over-the-couter)» [18]. В Словаре современной экономической теории Макмиллана дана такая трактовка: «Stock market (фондовый рынок, рынок ценных бумаг) – институт, обеспечивающий продажу и покупку ценных бумаг» [19]. На наш взгляд, понятия «рынок ценных бумаг» и «фондовый рынок» симметричные, но не пересекающиеся понятия. Рынок ценных бумаг охватывает сферу отношений не только эмиссии, обращения эмиссионных ценных бумаг, а также обращения иных ценных бумаг[9]. К последним относят инвестиционные паи паевых инвестиционных фондов и ипотечные сертификаты участия [15]. Такие отношения регулируются уже упоминаемым нами Федеральным законом «О рынке ценных бумаг». Фондовый же рынок возникает при совершении сделок исключительно на фондовой бирже. Основы ее функционирования отражены в Федеральном законе «Об организованных торгах»[10]. Фондовой биржей признается организованный и постоянно функционирующий в определенном месте и в определенное время рынок ценных бумаг и других финансовых инструментов [20, с. 60]. Под «другими финансовыми инструментами» понимаются производные финансовые инструменты – деривативы (англ. derivative – «производный»), определение которых дано в ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг». Следовательно, на фондовой бирже обращаются как эмиссионные ценные бумаги, так и производные ценные бумаги. Таким образом, можно сделать вывод, что существование фондового рынка вторично по отношению к рынку ценных бумаг, рынок ценных бумаг выступает первым звеном пути обращения ценной бумаги, а фондовый рынок, соответственно, вторым.

Еще один вопрос, который лежит в плоскости рынка ценных бумаг, но также является спорным, – вопрос о соотношении терминов «фондовые операции» и «операции на рынке ценных бумаг». В учебной литературе данные понятия смешиваются и трактуются как синонимы [21, с. 47]. Так, например, Т. Б. Бердникова дает такое определение: «Операции с ценными бумагами (фондовые операции) – это действия с ценными бумагами и / или денежными средствами на фондовом рынке для достижения поставленных целей» [23, с. 24]. При этом она особо выделяет такие фондовые операции, как выпуск, размещение, купля-продажа, конвертация, хранение, траст (доверительное управление), менеджмент, залог, клиринг, регистрация и перерегистрация владельцев ценных бумаг, маркетинг, ценообразование, страхование, безвозмездная поставка, оценка инвестиционного риска, погашение, дарение, наследование, сплит (расщепление) или дробление, консолидация (объединение), передача (индоссамент), определение рыночной стоимости, бухгалтерский учет и аудит, посредничество, начисление и выплата дивидендов по акциям и процентов по облигациям, формирование и управление портфелями ценных бумаг, инвестиционное проектирование, консалтинг. Безотносительно к одной из вышеназванных операций М. М. Агарков выделяет «прочие операции» банков, к которым причисляет торговлю ценными бумагами и операции по содействию в размещении выпусков акций и облигационных займов [3, с. 53]. Некоторые исследователи данной темы, наоборот, говорят о существовании понятия «фондовые операции», не применяя термин «операции с ценными бумагами» [24]. В собственном смысле «операция» – это не только правовое оформление и основание совершаемых действий (договоры или односторонние сделки), но и фактически совершаемые действия по реализации правоотношений [25, с. 24]. Как уже отмечалось, операции с ценными бумагами не относятся к собственно банковским операциям, совершаемым банками, они не перечислены в ст. 5 ФЗ РФ «О банках и банковской деятельности». В данном исследовании уже отмечалось, что банк может осуществлять операции с ценными бумагами, не обладая на то специальным разрешением, и совершать операции с ценными бумагами, выступая уже профессиональным участником рынка ценных бумаг. Профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг так или иначе связана с биржевыми торгами и соответственно с осуществлением операций на фондовой бирже. Следовательно, целесообразно говорить о термине «фондовые операции», имея в виду непосредственно операции, проводимые на фондовой бирже в качестве профессионального участника рынка ценных бумаг.

Как уже подчеркивалось выше, понятие «фондовые операции» активно применяется учеными-экономистами и нашло закрепление в соответствующей

---

[9] Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 (в ред. от 21.07.2014, вступ. в силу с 01.10.2014), СЗ РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1918.

[10] Федеральный закон № 325-ФЗ «Об организованных торгах» от 21.11.2011 (в ред. от 21.12.2013), СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6726.

учебной литературе. Трансформация в лоно закона вышеназванного термина еще не произошла. Представляется, что соответствующие изменения будут ответом на сложившуюся практику применения в науке и, конечно же, результатом активного применения в банковской системе.

На наш взгляд, определение термина «банк», указанное в ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», необходимо дополнить следующей фразой: «…а также имеет право осуществлять фондовые операции с ценными бумагами». И указать, что под фондовыми операциями следует понимать операции, направленные по покупку, продажу ценных бумаг, определение встречных обязательств по ним, а также операции по содействию в размещении ценных бумаг, осуществляемые банками на фондовой бирже в качестве профессионального участника рынка ценных бумаг на основании специальной лицензии, выдаваемой Центральном банком Российской Федерации.

Выводы

В итоге с уверенностью можно сказать, что на настоящий момент банки – универсальная организация для развития экономики страны. Выполняя широкий спектр операций, заключая различного рода сделки, банки стали не только выполнять функции сберегательного института, они выступили как профессиональные участники рынка ценных бумаг. Мы можем наблюдать не только укрепление ранее занимаемых позиций в кредитовании населения, но и распространение сферы влияния банков в нестандартную для российской действительности фондовую торговлю. К сожалению, российские банковские организации пока не заняли достойного места на мировом фондовом рынке, ведущую роль по-прежнему занимают банки Европы и США, которые и диктуют основные направления ведения бизнеса в этом секторе. В такой ситуации отечественный законодатель должен четко регламентировать положение банков в каждом из видов деятельности на рынке ценных бумаг. Остается надеяться, что для этого будет усовершенствована правовая база и создана благоприятная геополитическая обстановка.

Список литературы

1. Цитович П. П. Труды по торговому и вексельному праву. В 2 т. Т. 1: учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. М.: Статут, 2005. 460 с. (Классика российской цивилистики.)

2. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 2. СПб., 1908. 519 с.

3. Агарков М. М. Основы банковского права; Учение о ценных бумагах. 3-е изд., стереотип. М.: Wolters Kluwer, 2005. 336 с.

4. Якушев В. С. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву. Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2012. 541 с.

5. Банковское право / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2013. 696 с.

6. Братко А. Г. Банковское право: курс лекций. М.: Эксмо, 2006. 706 с.

7. Трофимов К. Т. Банковское право: учеб. пособие. М.: Wolters Kluwer, 2010. 320 с.

8. Олейник О. М. Основы банковского права: курс лекций. М.: Юристъ, 1997. 424 с.

9. Ермаков С. Л., Фролова С. С. Базовые операции коммерческих банков // Электронный научный журнал Известия. 2011. № 6.

10. Предпринимательское право России / отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2010. 656 с.

11. Банки и небанковские кредитные организации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е. Ф. Жукова. М.: Вузовский учебник, 2011. 463 с.

12. Шаповалов М. А. Законодательное регулирование банковской деятельности: опыт Франции // Финансовое право. 2009. № 5.

13. Банковское дело: учебник для вузов. 2-е изд. / под ред. Г. Белоглазовой, Л. Кроливецкой. М.: Высшее образование, 2008. 278 с.

14. Банковское право США / Ж. П. Дейли, Ж. Г. Пассейк, А. М. Поллард, К. Х. Эллис; под ред. Я. А. Куник; пер. с англ. Г. А. Командин. М.: Прогресс, 1992. 768 с.

15. Российское предпринимательское право: учебник / Л. В. Андреева, Т. А. Андронова, Н. Г. Апресова [и др.]; отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. 4-е изд. М.: Проспект, 2012. 816 с.

16. Рынок ценных бумаг: учебник для студ. вузов, обучающихся по экон. спец. / под ред. Е. Ф. Жукова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 463 с.

17. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. 7-е изд., доп. М.: Институт новой экономики, 2012. 1472 с.

18. Доунс Дж., Гудман Дж. Эллиот. Финансово-инвестиционный словарь / пер. 4-го, перераб. и доп. англ. изд. М.: Инфра-М, 1997. XXII, 586 с. (Библиотека словарей «Инфра-М»).

19. Словарь современной экономической теории Макмиллана / под общ. ред. Дэвида У. Пирса). М.: Инфра-М, 2003. 608 с. («Библиотека словарей «ИНФРА-М»).

20. Белых В. С., Винниченко С. И. Биржевое право: кратк. учеб. курс. М.: Норма, 2001. 185 с.

21. Каджаева М. Р., Дубровская С. В. Банковские операции. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 400 с.

22. Виноградова Т. Н. Банковские операции. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 384 с.

23. Бердникова Т. Б. Рынок ценных бумаг и биржевое дело: учебн. пособие. М.: Инфра-М, 2000. 270 с. (Серия «Высшее образование»).

24. Сигалов Д. В. Особенности правового регулирования банковских операций кредитных организаций в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003.

25. Олейник О. М. Основы банковского права: курс лекций. М.: Юристъ, 1997. 424 с.

В редакцию материал поступил 02.07.15

© Ильина А. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Ильина Анна Владимировна, преподаватель кафедры трудового права и права социального обеспечения, Оренбургский институт Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, юрист, ООО «Магистр права»

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50, тел.: 8 (987) 199-24-87

E-mail: ilinushechka@yandex.ru

Как цитировать статью: Ильина А. В. Операции банка на рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 236–244.

A. V. IL'INA,

Lecturer, lawyer

Orenburg Institute of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin, «Master of Law» Ltd, Orenburg, Russia

BANKING OPERATIONS IN THE SECURITIES MARKET

Objective: to determine the place of banks on the securities market at the present stage.

Methods: general scientific and specific scientific methods of cognition were used – dialectical, historical, comprehensive, comparative legal.

Results: analysis of the legislation of the Anglo-Saxon legal system and Russian legislation on banks allowed to draw a conclusion about the existence of problems associated with the development of investment activity of Russian banks on securities market. The concept of «securities market» is associated with such term as «stock market». In the present study, comparative characterization of these two concepts is made. Measures to improve the Russian banking legislation are proposed.

Scientific novelty: the article for the first time, the concepts of «stock market banking operations» and «banking operations with securities» are delineated. A number of proposals are made for amending some provisions of the legislation on banks and banking activity.

Practical significance: conclusions and recommendations contained in this paper can be used to improve the conceptual apparatus of business law science.

Key words: banks; investment banks; banking operations; operations with securities; stock market; legal capacity.

References

1. Tsitovich, P. P. *Trudy po torgovomu i veksel'nomu pravu* (Works on trade and exchange law). V 2 t. T. 1: Uchebnik torgovogo prava. K voprosu o sliyanii torgovogo prava s grazhdanskim. M.: Statut, 2005, 460 p. (Klassika rossiiskoi tsivilistiki.)

2. Shershenevich, G. F. *Kurs torgovogo prava* (A course in trade law). T. 2. SPb., 1908, 519 p.

3. Agarkov, M. M. *Osnovy bankovskogo prava; Uchenie o tsennykh bumagakh* (Bases of banking law; Doctrine of securities). 3-e izd., stereotip. M.: Wolters Kluwer, 2005, 336 p.

4. Yakushev, V. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu i khozyaistvennomu pravu* (Selected works on Civil and economy law). Ekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2012, 541 p.

5. *Bankovskoe pravo* (Banking law) / otv. red. V. S. Belykh. M.: Prospekt, 2013, 696 p.

6. Bratko, A. G. *Bankovskoe pravo* (Banking law): kurs lektsii. M.: Eksmo, 2006, 706 p.
7. Trofimov, K. T. *Bankovskoe pravo* (Banking law): ucheb. posob. M.: Wolters Kluwer, 2010, 320 p.
8. Oleinik, O. M. *Osnovy bankovskogo prava* (Bases of banking law): kurs lektsii. M.: Yurist", 1997, 424 p.
9. Ermakov, S. L., Frolova, S. S. Bazovye operatsii kommercheskikh bankov (Basic operations of commercial banks) // *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Izvestiya*, 2011, no. 6.
10. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii* (Russian entrepreneurial law) / otv. red. V. S. Belykh. M.: Prospekt, 2010, 656 p.
11. *Banki i nebankovskie kreditnye organizatsii* (Banks and non-bank credit organizations): ucheb. 2-e izd., pererab. i dop. / pod red. E. F. Zhukova. M.: Vuzovskii uchebnik, 2011, 463 p.
12. Shapovalov, M. A. Zakonodatel'noe regulirovanie bankovskoi deyatel'nosti: opyt Frantsii (Legal regulation of banking activity: experience of France) // *Finansovoe pravo,* 2009, no. 5.
13. *Bankovskoe delo* (Banking): uchebnik dlya vuzov. 2-e izd. / pod red. G. Beloglazovoi, L. Krolivetskoi. M.: Vysshee obrazovanie, 2008, 278 p.
14. *Bankovskoe pravo SShA* (Banking law of the USA) / Zh. P. Deili, Zh. G. Passeik, A. M. Pollard, K. Kh. Ellis; pod red. Ya. A. Kunik; per. s angl. G. A. Komandin. M.: Progress, 1992, 768 p.
15. *Rossiiskoe predprinimatel'skoe pravo* (Russian entrepreneurial law): uchebnik / L. V. Andreeva, T. A. Andronova, N. G. Apresova [i dr.]; otv. red. I. V. Ershova, G. D. Otnyukova. 4-e izd. M.: Prospekt, 2012, 816 p.
16. *Rynok tsennykh bumag* (Securities market): uchebnik dlya stud. vuzov, obuchayushchikhsya po ekon. spets. / pod red. E. F. Zhukova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YuNITI-DANA, 2008, 463 p.
17. *Bol'shoi ekonomicheskii slovar'* (Grand Dictionary on Economics) / pod red. A. N. Azriliyana. 7-e izd., dop. M.: Institut novoi ekonomiki, 2012, 1472 p.
18. Douns Dzh., Gudman Dzh. Elliot. *Finansovo-investitsionnyi slovar'* (Financial-investment Dictionary) / per. 4-go, pererab. i dop. angl. izd. M.: Infra-M, 1997. XXII, 586 p. (Biblioteka slovarei «Infra-M»).
19. *Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi teorii Makmillana* (Dictionary of the modern MacMillan economic theory) / pod obshch. red. Devida U. Pirsa). M.: Infra-M, 2003, 608 p. («Biblioteka slovarei «Infra-M»).
20. Belykh V. S., Vinnichenko S. I. *Birzhevoe pravo* (Stock market): kratk. ucheb. kurs. M.: Norma, 2001, 185 p.
21. Kadzhaeva, M. R., Dubrovskaya, S. V. *Bankovskie operatsii* (Banking operations). M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008, 400 p.
22. Vinogradova, T. N. *Bankovskie operatsii* (Banking operations). Rostov n/D: Feniks, 2001, 384 p.
23. Berdnikova, T. B. *Rynok tsennykh bumag i birzhevoe delo* (Securities market and stock market): uchebn. posob. M.: Infra-M, 2000, 270 p. (Seriya «Vysshee obrazovanie»).
24. Sigalov, D. V. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya bankovskikh operatsii kreditnykh organizatsii v Rossiiskoi Federatsii* (Features of legal regulation of credit organizations in the Russian Federation): dis. … kand. yurid. nauk. M., 2003.
25. Oleinik, O. M. *Osnovy bankovskogo prava* (Bases of banking law): kurs lektsii. M.: Yurist", 1997, 424 p.

Received 02.07.15

Information about the author

Il'ina Anna Vladimirovna, Lecturer of the Chair of Labor Law and Social Provision of Orenburg Institute of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin, lawyer of «Master of Law» Ltd
Address: 50 Komsomol'skaya Str., 460000 Orenburg, tel.: 8 (987) 199-24-87
E-mail: ilinushechka@yandex.ru

For citation: Il'ina A. V. Banking operations in the securities market // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 236–244.

© Il'ina A. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.2(470)
URL: http://hdl.handle.net/11435/2222

Алмаева Ю. О.
С. 245–252.

Ю. О. АЛМАЕВА,
старший преподаватель
Институт экономики, управления и права (г. Казань), г. Набережные Челны, Россия

О КАЧЕСТВЕ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Цель: доказать, что разработка проблем теории качества законодательства в трудовом праве имеет большое практическое значение.
Методы: методологическую основу исследования составляет универсальный диалектический метод познания, а также иные общенаучные теоретические методы. Принимая во внимание невозможность исследований и решения поставленных задач посредством использования исключительно отраслевой правовой материи, также широко применялись частнонаучные методы: формально-логический, сравнительно-правовой и др.
Результаты: на основе анализа научных работ по этой теме сделан вывод о том, что для целостной характеристики качество трудовых норм следует рассматривать не только с правовой, но еще с социальной, политической и нравственной точек зрения. С таким подходом к вопросу логично выделять не только правовое, но и социально-политическое, нравственное качество правовых норм о труде. Признано, что имеющиеся в юридической литературе теоретические работы по проблеме качества законов в трудовом праве пока не позволяют говорить о создании концепции качества, разработке методологии исследования качества трудовых норм. Сделан вывод о том, что качество регулирующего воздействия трудового законодательства в России не всегда находится на должном уровне. При этом среди основных причин несовершенства нормативной базы, регулирующей социально-трудовые отношения, следует выделять объективные, субъективные причины, а также их «симбиоз».
Научная новизна: установлено, что определение качества закона, регулирующего социально-трудовые отношения, должно иметь указание на свойства составляющих их содержание правовых норм, которые позволяют установить, является ли тот или иной закон качественным.
Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: качество трудового законодательства; снижение качества; трудовые отношения; правовой институт; правовая норма; Трудовой кодекс РФ; работодатель; работник.

Введение

Как известно, изучение того или иного правового явления сводится в конечном счете к выявлению эффективности правового института либо отдельной правовой нормы. При рассмотрении вопросов эффективности правовых норм важное значение приобретает ее качественное и количественное определение. В теории эффективности права для этого используются такие термины, как «критерий» и «показатель». Следует разделить позицию тех авторов, которые полагают, что критерий определяет качественное состояние нормы (т. е. эффективна ли она вообще), а показатель – количественное (в какой степени и насколько эффективна эта норма) [1, с. 9].

Представляется, что критериями (показателями) эффективности правовых норм выступают: степень

(уровень) достижения поставленной перед правовой нормой цели в реальной жизни; степень обеспечения согласования интересов государства, социальных групп, отдельной личности; достижение максимального результата с минимальными социальными тратами; реальные возможности использования субъектами установленных правовых норм; ценность (размер) предоставляемых правовой нормой благ; правильность применения, законность и обоснованность реализации правовых норм.

При изучении проблемы эффективности норм права наибольшее значение приобретает вопрос о соотношении критериев (показателей) и условий эффективности правовых норм. Если под критерием эффективности понимается своеобразное мерило оценки проявления во внешнем мире способности норм оказывать положительное влияние на общественные отношения, то под условием – то обстоятельство (фактор), от которого зависит реализация способности нормы оказать благотворное воздействие на общественные отношения в заданном направлении. Иначе говоря, это факторы, превращающие заложенные в норме права возможности в реальную действительность [1, с. 10].

Думается, что условиями эффективности правовой нормы следует считать: социальную ценность нормы, эффективность нормативно-правового регулирования в целом, режим законности, надлежащий уровень реализации правовых норм, степень информированности адресатов об их содержании, а равно уровень их правосознания и правовой культуры [2]. В зависимости от степени соответствия этим условиям различные правовые нормы могут действовать с большей или меньшей степенью эффективности или вообще не действовать.

Результаты исследования

В специальной литературе высказывается мнение, что условия эффективности правовых норм, относящиеся к процессу их создания, следует обозначать как качество законодательства [1, с. 11]. Это связано с тем, что качество законов (законодательства, нормативных правовых актов) выступает исходным в ряде причин и факторов, влияющих на эффективность. Очевидно, что низкое качество закона зачастую влечет за собой его неэффективность.

В связи с этим А. А. Максуров обращает внимание на то, что «эффективность и качество – два наиболее важных свойства любой юридической технологии, часто идущие рука об руку» [3, с. 68]. Однако данные категории имеют существенные различия и, несмотря на то, что в ряде случаев (например, при определении качества и эффективности правовой нормы) эти категории действительно близки, смешивать рассматриваемые понятия не следует.

Употребляя понятие качества законов, следует исходить из того, что под законом понимается форма (источник права) либо регулятор общественных отношений. Следовательно, различаются качество закона как источника права и качество закона как регулятора общественных отношений [4, с. 127]. Однако нас в первую очередь интересуют признаки качества закона как регулятора общественных отношений. Следует заметить, что эти признаки авторами определяются по-разному.

Например, Е. В. Сырых называет только три вида свойств качества закона как регулятора общественных отношений, как то: юридические, языковые и логические [4, с. 128]. Напротив, В. А. Власов полагает, что, поскольку понятие качества закона как регулятора общественных отношений является сложным и многокомпонентным, для целостной характеристики качество закона следует анализировать как с юридической, языковой, логической, так и с социальной и политической точек зрения [5, с. 17].

Следует указать, что критериями юридической характеристики качества закона являются нормативность, общеобязательность, полнота и конкретность. В. А. Власов называет и другой важный аспект юридической характеристики любого закона: как этот закон вписывается в сложившуюся систему законодательства и как он стыкуется с другими нормативно-правовыми актами, регулирующими аналогичные отношения [5, с. 18].

Языковая характеристика качества закона соответствует таким критериям, как простота, краткость, ясность и точность. Языковой аспект нормы права очень важен, поскольку любые нарушения языковых свойств качества закона затрудняют восприятие текста правового акта и, соответственно, применение закрепленных в законе предписаний на практике.

С точки зрения логики качество закона должно соответствовать свойствам определенности, последовательности, непротиворечивости [6, с. 61–62].

Несомненно, юридические, языковые и логические аспекты качества закона взаимообусловлены, взаимозависимы между собой и определяются отраслью знаний, именуемой законодательной техникой [7, с. 4].

В целях надлежащего качества каждый принимаемый и действующий закон (нормативный правовой

акт) должен полностью соответствовать всем вышеупомянутым критериям и свойствам. Игнорирование же одного из требований или их совокупности приводит к тому, что закон (нормативный правовой акт) действует недостаточно эффективно либо подрывается целостность правового регулирования отдельного института, отрасли, системы законодательства в целом. Поэтому крайне важно, чтобы при подготовке проекта закона (нормативного правового акта) проводились соответствующие юридическая, лингвистическая и логическая экспертизы проекта и все ошибки выявлялись еще на начальной стадии законотворчества [8].

Достойной внимания видится позиция В. А. Власова, полагающего, что понятие «качество закона», являющееся в первую очередь юридическим, необходимо рассматривать также с точки зрения его социальной и политической характеристик [5, с. 19]. Действительно, законодательная стратегия должна отталкиваться от происходящих социально-экономических процессов. Законодателю следует чутко реагировать на изменения, которые имеют место в той или иной сфере общественных отношений, с целью их последующей правовой регламентации.

К этому следует добавить также то, что оценка качества законодательного регулирования общественных отношений не может быть всесторонней и объективной без учета нравственных критериев, моральных принципов и устоев. Чем глубже и динамичнее связи правовых норм и норм нравственности, тем выше качество нормативного правового регулирования общественного поведения. Лишь в том случае, когда нормы права и нравственности действуют в едином регулятивном пространстве, а юридические нормы содержат в себе нравственную основу, можно говорить о совершенстве действующего российского законодательства [9].

Качество правовых норм (нормативных актов) можно рассматривать не только с правовой, но еще с социальной, политической и нравственной точек зрения. Поэтому выделяется не только правовое, но и социально-политическое, нравственное качество правовых норм (нормативных правовых актов). Понятия «качество правовых норм» и «правовое, социально-политическое, нравственное качество правовых норм» соотносятся как род и виды.

Однако следует обратить внимание на то, что в юридической литературе авторы придерживаются различных взглядов относительно качества законов и законодательства, критериев их оценки и методик изучения. Более того, в отдельных высказываниях авторы подходят к определению понятия «качество закона» достаточно абстрактно, когда предложенные ими определения смешивают категории «качество» и «эффективность». В связи с этим примечательным видится мнение Н. А. Абузяровой о том, что качественным следует считать такой закон, который способен удовлетворять определенные потребности общества в соответствии с предназначением закона и который не оставляет возможности предпочтения одной правовой нормы другой или одного толкования закона другому [10, с. 17].

По этому поводу можно отметить, что в процессе реализации позитивных интересов субъектов встречаются разнообразные и многочисленные препятствия, которые без своевременного их устранения снижают эффект правового регулирования. Механизм правового регулирования, согласно мнению А. В. Малько, «как раз и есть такая система правовых средств, которая позволяет наиболее последовательно и юридически гарантированно бороться с препятствиями, ибо отдельно взятые юридические инструменты этого в полной мере обеспечить не могут» [11, с. 625].

Следовательно, учитывая объективную необходимость в оптимальном устройстве правовых средств, следует дополнить определение качества закона и сформулировать его следующим образом: качество закона – это совокупность признаков, обусловливающих способность закона оказывать положительное воздействие на подлежащие регулированию общественные отношения в соответствии с предназначением закона, не оставляющая возможности предпочтения одной правовой нормы другой или одного толкования закона другому, а также предусматривающая эффективный механизм их реализации [12, с. 11].

Таким образом, теоретические работы по проблеме качества правовых норм, нормативных актов не сформировали в полной мере концепцию качества, а также методологию исследования качества правовых норм, законов, законодательства. Поэтому понятие «качество законов», безусловно, еще недостаточно разработано в теоретическом плане и нуждается в дополнительных специальных исследованиях.

Известно, что уровень развития общества во многом определяется эффективностью правового регулирования общественных отношений, и прежде всего в сфере труда. Следует согласиться, что состояние законодательства и реального положения дел в данной области не только является показателем цивилизованности общества, но и непосредственно

воздействует на его нравственность, а также эффективность его экономики [13, с. 5]. В настоящее время содержание регулирующего воздействия в сфере труда во многом определяется Трудовым кодексом РФ[1], вступившим в действие с 1 февраля 2002 г. При этом Трудовой кодекс РФ, регулирующий отношения между работником и работодателем, периодически подвергается различным корректировкам, основной целью которых, по нашему мнению, является устранение противоречий, неточностей и пробелов в тексте кодекса, исключение возможности неоднозначного толкования трудовых норм.

Конкретные примеры дефектов нормативных правовых актов, а также причины, их порождающие, достаточно подробно раскрываются в литературе. В качестве основных причин несовершенства нормативной базы выделяют объективные, субъективные причины, а также их «симбиоз» [14, с. 4].

Суть объективных причин несовершенства правовых норм о труде заключается в том, что «…переход к цивилизованному рынку труда порождает новые проблемы, связанные с трудовой деятельностью и трудоустройством, нахождением оптимальных форм и систем оплаты наемного труда, борьбой с чрезмерной эксплуатацией работников, архаизмом действующей правоприменительной практики в сфере труда» [15, с. 3]. В связи с этим полагаем, что ускорение темпов развития социальной действительности, в частности динамика развития трудовых отношений, не могли не повлиять на состояние действующего трудового законодательства в России. Это объясняется тем, что несвоевременное внесение корректив в правовое регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений неизбежно влечет коллизии между содержанием действующих норм и потребностями нового юридического оформления изменившихся отношений в сфере труда. При этом рост темпа законотворчества и нагрузка на Федеральное Собрание РФ усложняют рассматриваемую задачу государственной законодательной деятельности.

Недостатки трудовых норм, обусловленные объективными факторами, вызываются также особенностями характера общественных отношений и необходимостью их дифференцированного регулирования. Если в Кодексе законов о труде имелось всего пять статей, посвященных особенностям регулирования труда отдельных категорий работников, то в Трудовом кодексе РФ имеется специальный раздел, который состоит из 21 главы, что свидетельствует о расширении масштаба дифференциации трудового законодательства.

Исследуя российскую практику законотворчества и правоприменения, можно сказать, что слабость отечественной правовой системы и сложившееся в массовом сознании не очень почтительное отношение к праву, в том числе трудовому, стало во многом результатом субъективных причин.

Как представляется, нормативные правовые акты при правильном их составлении – эффективный регулятор общественных отношений и процессов. Однако свобода законодателя в принятии тех или иных решений не может быть безграничной. В частности, разработчики нормативных актов, регулирующих трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения, должны максимально учитывать объективные потребности реальной действительности, состояние того или иного участка жизни общества в социально-трудовой сфере. В том случае, если принятые нормативно-правовые акты о труде будут противоречить объективной действительности, содержащиеся в них нормы как минимум станут «безжизненными», не применяющимися на практике. Даже хорошие замыслы не могут быть воплощены в жизнь с помощью нормативных актов, если общество к ним не готово или нет необходимых условий [16].

В связи с этим введение в Трудовой кодекс РФ (ст. 20) новых фигур работодателей – несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, а также совершеннолетних, но ограниченных судом в дееспособности[2], – представляется неоправданным. Как, по мысли законодателя, указанные лица, выступающие в качестве работодателей, смогут выплачивать работникам своевременно и в полном размере заработную плату и не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда? Вызывает сомнения и то, что подросток, а также лицо, которое вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[2] Федеральный закон № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, признании недействующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 30 июня 2006 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 27. Ст. 2878.

напитками или наркотическими средствами ставит свою семью в тяжелое материальное положение, смогут надлежащим образом выполнять свои обязанности по трудовому договору. Поэтому согласимся с суждением Г. В. Хныкина, согласно которому «теоретически данная норма, возможно, и верна, но в реальной жизни вряд ли может быть применима» [17, с. 33].

Введение в ТК РФ подобных возрастных и волевых критериев работодателей является следствием заимствования положений из Гражданского кодекса РФ[3], регулирующих дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и граждан, ограниченных в дееспособности. В связи с этим следует обратить внимание на другую крайность в правовом регулировании трудовых отношений, приводящую к ухудшению качества трудового законодательства. Подход, при котором считается, что наемный труд во многом подпадает под действие норм гражданского права с его принципом свободы договора, может иметь негативные последствия для большинства людей, состоящих в трудовых отношениях в качестве наемных работников.

Хорошо известно, что трудовое право – единственная отрасль права, которая способна не только непосредственно воздействовать на лиц, являющихся носителями рабочей силы, но и защитить их в процессе трудовой деятельности. Вопрос определения отрасли права, регулирующий отношения, связанные с трудом, имеет важное практическое значение, поскольку трудовое право предусматривает защитные меры по отношению к наемным работникам, которые не прописывает в сфере реализации способностей к труду гражданское право, базирующееся на принципе абсолютного равенства сторон [13, с. 6–8].

Таким образом, качество и результативность законов, уводящих от решения проблем государства, потребностей населения и граждан, а также не соответствующих политическому, экономическому и нравственному состоянию общества, социальному развитию и правосознанию граждан, сомнительны.

Субъективные коллизии могут возникать также в результате ошибок в юридической технике, неточного формулирования правовых предписаний, использования многозначных терминов и конструкций, несоблюдения правил лингвистики, стилевой строгости. Например, не признается приемлемым логически не продуманный законодателем порядок принятия локальных нормативных актов. Так, согласно ст. 8 ТК РФ работодатель при принятии локальных нормативных актов учитывает мнение представительного органа работников (при наличии такого органа). Но ст. 372 кодекса указывает на учет мнения лишь выборного органа первичной профсоюзной организации (профкома). Кроме того, открытым остается и другой вопрос: как должен поступить работодатель при принятии локальных правовых актов, если в организации действуют две или более профсоюзные организации, либо если профсоюзы отсутствуют, но имеется иной представительный орган работников? Анализируемое взаимное несоответствие ст. 8 и 372 ТК РФ усугубляется положением, согласно которому локальные нормативные акты, принятые без соблюдения установленного ст. 372 кодекса порядка учета мнения представительного органа работников, не подлежат применению (ч. 4 ст. 8). Упомянутый двойственный подход законодателя к вопросу о представительных органах работников прослеживается и в ч. 2 ст. 212 Трудового кодекса, согласно которой работодатель обязан обеспечить разработку и утверждение правил и инструкций по охране труда для работников с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации или иного уполномоченного работниками органа в порядке, установленном ст. 372 кодекса для принятия локальных нормативных актов [17, с. 33].

Думается также, что законодательная деятельность должна отличаться системностью, не только вписываться в систему действующего законодательства, но и решать судьбу ранее действующих законов. Субъективные причины, вызывающие недостатки в трудовом законодательстве, продиктованы также особенностями правотворческого процесса, нечеткостью разграничения правотворческих полномочий. Среди иных субъективных факторов отмечают недостаточную компетентность депутатов и прочих управленцев.

Ко всему этому следует добавить и еще одно соображение: во многом невысокое качество трудового законодательства обусловливается тем, что не обеспечивается активно взаимосвязь судебной практики с законопроектной деятельностью. Однако действительно положительное воздействие судебной практики на развитие качества законодательства о труде будет иметь место лишь в случае накопления опыта судебной практики. В этом смысле уже применяемое в юридической практике суждение дает информацию законотворческим и иным субъектам права об имеющемся адекватном и апробированном предложении.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон № 52-ФЗ от 30 ноября 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Выводы

Можно по-разному относиться к недоброкачественности законов. Но, бесспорно, некоторые явления, обусловливающие качество законов, следует считать естественными и неизбежными. Ведь при внимательном рассмотрении обнаруживается, что качество закона – это не константа, оно изменяется по мере развития общества, повышения правосознания членов общества, устаревания закона. Другие же обстоятельства, влияющие на качество, ведут к разбалансированности правовой системы и нарушению ее нормального функционирования. Однако нельзя не признать, что качество работы отечественных законодателей и регулятивные возможности многих исходящих от них нормативных правовых документов в сфере трудовых отношений остаются пока на недостаточно высоком уровне, чтобы можно было говорить о безусловно позитивных результатах правовой реформы.

Поскольку низкое качество законов нельзя считать нормальным правовым явлением, способом и одним из факторов сохранения качества законов о труде является постоянное совершенствование трудового законодательства. Ведь по большому счету выполнение именно трудовым правом специфических социальных функций, не свойственных другим отраслям права, относит его к тем областям, которые гарантируют формирование социальной стабильности и устойчивое развитие России в современных условиях.

Список литературы

1. Зелепукин А. А. Законодательство в современной правовой жизни российского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 4. С. 6–15.

2. Сутурин М. А. К вопросу о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. URL: http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1208603 (дата обращения: 14.07.2015).

3. Максуров А. А. Качество и эффективность координационной юридической технологии: общее и различия // Экономика, социология и право. 2014. № 1. С. 68–70.

4. Сырых Е. В. О критериях качества федеральных законов в сфере экономики // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 127.

5. Власов В. А. Проблема качества закона в сфере закупок сельскохозяйственной продукции для государственных нужд // Законодательство и экономика. 2003. № 10. С. 16–20.

6. Алмаева Ю. О. О понятии и критериях качества трудового законодательства // Юрист. 2008. № 5. С. 61–64.

7. Чухвичев Д. В. Законодательная техника: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2006. 239 с.

8. Алмаева Ю. О. Трудовое законодательство. Недоработки Трудового кодекса. URL: http://www.urprofy.ru/node/371 (дата обращения: 28.06.2015).

9. Алмаева Ю. О. Нравственная составляющая трудового законодательства как показатель его качества // Политика, государство и право. 2014. № 4. URL: http://politika.snauka.ru/2014/04/1584 (дата обращения: 17.06.2015).

10. Абузярова Н. А. Проблемы обеспечения законности в трудовых отношениях (теоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2000. 46 с.

11. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.

12. Алмаева Ю. О. Теоретические проблемы определения качества правовых норм // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 10–12.

13. Российское трудовое право: учебник для вузов / отв. ред. А. Д. Зайкин. М.: Норма-Инфра-М, 1999. 415 с.

14. Зиновьев А. В. Основные направления повышения качества законов в России: полезные советы депутатам четвертого созыва Государственной Думы // Правоведение. 2004. № 4. С. 4–15.

15. Бриллиантова Н. А. Трудовое право: учебник / под ред. О. В. Смирнова, И.О. Снигиревой. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 600 с.

16. Алмаева Ю. О. Качество российского законодательства как фактор, затрудняющий выполнение задач подготовки юристов // Культура и образование. 2014. № 12. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2725 (дата обращения: 14.07.2015).

17. Хныкин Г. В. Изменения Трудового кодекса: шаг вперед или два назад? // Законодательство. 2007. № 3. С. 33–38.

В редакцию материал поступил 03.03.15

© Алмаева Ю. О., 2015.Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Алмаева Юлия Олеговна, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423822, г. Набережные Челны, Московский пр-т, 67 (62/23), тел.: 8-937-573-23-68

E-mail: yuliya.almaeva@mail.ru

Как цитировать статью: Алмаева Ю. О. О качестве регулирующего воздействия трудового законодательства в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 245–252.

YU. O. ALMAYEVA,

Senior Lecturer

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

ON THE QUALITY OF REGULATING IMPACT OF LABOR LAW IN RUSSIA

Objective: to prove that the development of the legislation quality theory in labor law is of great practical importance.

Methods: the methodological basis of research is universal dialectic method of cognition, as well as other general theoretical methods. Taking into account the impossibility to research and solve problems through the use of exclusively legal matter, the specific scientific methods were also widely used: formal-logical, comparative-legal, etc.

Results: basing on the analysis of scientific works on the topic, it is concluded that the integral characteristics of the labour standards quality requires consideration of not only legal, but also social, political and moral points of view. With this approach, it is logical to allocate not only legal, but also socio-political and moral quality of the labour law. It is recognized that the existing theoretical legal works on the problem of labor laws quality do not allow to speak about creation of the quality concept, development of the research methodology of labour quality standards. It is concluded that the quality of the regulatory impact of labour legislation in Russia is not always at the proper level. Moreover, among the main reasons for the imperfection of the normative base regulating social-labour relations, it is necessary to allocate objective and subjective reasons, and their "symbiosis".

Scientific novelty: it was found that the definition of the quality of the law, regulating socio-labour relations, should have an indication of properties of their components, the content of legal norms which allow to establish whether a particular law is a quality one.

Practical significance: the theoretical principles formulated in the article can be used in scientific, legislative and law enforcement activity, educational process of higher vocational education institutions of the legal profile, to improve the skills of practitioners and scientific-pedagogical staff in the field of jurisprudence.

Key words: quality of labour laws; reduction of quality; labor relations; legal institution; legal norm; Labor Code of the Russian Federation; employer; employee.

References

1. Zelepukin A. A. Zakonodatel'stvo v sovremennoj pravovoj zhizni rossijskogo obshhestva (Legislation in the modern legal life of the Russian society) // *Pravovaja politika i pravovaja zhizn',* 2005, no. 4, pp. 6–15.

2. Suturin M. A. K voprosu o social'noj obuslovlennosti ugolovno-pravovoj normy (On the issue of the social determination of the criminal-legal norm) // *Sibirskij juridicheskij vestnik*, 2005, no. 1, available at: http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1208603 (access date: 14.07.2015).

3. Maksurov A. A. Kachestvo i jeffektivnost' koordinacionnoj juridicheskoj tehnologii: obshhee i razlichija (Quality and efficiency of coordinative juridical technology: general and specific) // *Jekonomika, sociologija i pravo*, 2014, no. 1, pp. 68–70.

4. Syryh E. V. O kriterijah kachestva federal'nyh zakonov v sfere jekonomiki (On the criteria of quality of federal laws in the sphere of economy) // *Zhurnal rossijskogo prava*, 2000, no. 2, p. 127.

5. Vlasov V. A. Problema kachestva zakona v sfere zakupok sel'skohozjajstvennoj produkcii dlja gosudarstvennyh nuzhd (Problem of quality in the sphere of purchases of agricultural products for state purposes) // *Zakonodatel'stvo i jekonomika*, 2003, no. 10, pp. 16–20.

6. Almaeva Ju. O. O ponjatii i kriterijah kachestva trudovogo zakonoda-tel'stva (On the notion and criteria of the quality of labor legislation) // *Jurist*, 2008, no. 5, pp. 61–64.

7. Chuhvichev D. V. *Zakonodatel'naja tehnika* (Legislation technique): ucheb. posobie. M.: Juniti-Dana: Zakon i pravo, 2006, 239 p.

8. Almaeva Ju. O. *Trudovoe zakonodatel'stvo. Nedorabotki Trudovogo kodeksa* (Labor legislation. Defects of the Labor Code), available at: http://www.urprofy.ru/node/371 (access date: 28.06.2015).

9. Almaeva Ju. O. Nravstvennaja sostavljajushhaja trudovogo zakonodatel'stva kak pokazatel' ego kachestva (Moral component of the labor legislation as an indicator of its quality) // *Politika, gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 4, available at: http://politika.snauka.ru/2014/04/1584 (access date: 17.06.2015).

10. Abuzjarova N. A. *Problemy obespechenija zakonnosti v trudovyh otnoshenijah (teoreticheskij aspekt)* (Problems of ensuring legality in labor relations (theoretical aspect)): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Omsk, 2000, 46 p.

11. *Teorija gosudarstva i prava (*Theory of state and law): kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. M.: Jurist#, 1997, 672 p.

12. Almaeva Ju. O. Teoreticheskie problemy opredelenija kachestva pravovyh norm (Theoretical issues of defining the quality of legal norms) // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, no. 1 (2), pp. 10–12.

13. *Rossijskoe trudovoe pravo* (Russian labor law): uchebnik dlja vuzov / otv. red. A. D. Zajkin. M.: Norma-Infra-M, 1999, 415 p.

14. Zinov'ev A. V. Osnovnye napravlenija povyshenija kachestva zakonov v Rossii: poleznye sovety deputatam chetvertogo sozyva Gosudarstvennoj Dumy (Main directions of increasing the quality of laws in Russia: useful advice for the deputies of the fourth convocation of the State Duma) // *Pravovedenie*, 2004, no. 4, pp. 4–15.

15. Brilliantova N.A. *Trudovoe pravo* (Labor law): uchebnik / pod red. O. V. Smirnova, I.O. Snigirevoj. M.: TK Velbi, Prospekt, 2007, 600 p.

16. Almaeva Ju. O. Kachestvo rossijskogo zakonodatel'stva kak faktor, zatrudnjajushhij vypolnenie zadach podgotovki juristov (Quality of the Russian legislation as a factor hindering the execution of the lawyers training) // *Kul'tura i obrazovanie*, 2014 № 12, available at: http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2725 (access date: 14.07.2015).

17. Hnykin G. V. Izmenenija Trudovogo kodeksa: shag vpered ili dva nazad? (Changes in the Labor Code: a step forward or two steps backward?) // *Zakonodatel'stvo*, 2007, no. 3, pp. 33–38.

Received 03.03.15

Information about the author

Almayeva Yuliya Olegovna, Senior Lecturer of the Chair of Civil and Entrepreneurship Law, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 67 (62/23) Moskovskiy Prospekt, 423822, Naberezhniye Chelny, tel.: 8-937-573-23-68

E-mail: yuliya.almaeva@mail.ru

For citation: Almayeva Yu. O. On the quality of regulating impact of labor law in Russia // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 245–252.

© Almayeva Yu. O., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Азаренко, С. А.

Топологии сообщества / С. А. Азаренко ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с.

Монография посвящена наиболее сложным проблемам социально-философского дискурса, так как речь пойдет об основаниях и теоретико-методологическом потенциале топологической антропологии. Автор обращает особое внимание на специфические эффекты топологии коммуникации, топологии исторического бытия и культуры российского философствования.

Адресована научным работникам, преподавателям, докторантам и студентам, а также всем, кто интересуется вопросами современного социально-гуманитарного познания.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9:328.185:343.35:343.988
URL: http://hdl.handle.net/11435/2224

Иванова А. А.
С. 253–260.

А. А. ИВАНОВА,
кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики,
г. Нижний Новгород, Россия

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРРУПЦИОННОЙ СДЕЛКИ

Цель: представить авторскую концепцию виктимологического аспекта коррупционной преступности.
Методы: диалектический метод познания с преимущественным системным подходом (анализом).
Результаты: в статье рассмотрено понятие коррупционной сделки как противоправного деяния, законодательно закрепленного правонарушения (взяточничества и подкупа), злоупотребления правом со стороны управомоченного субъекта. Определены противоправный (наиболее распространенный) и манипулятивный виды коррупционной сделки и их механизмы, или способы ее реализации, к которым отнесены обоюдовыгодная, двусторонняя сделка, вымогательство взятки и инициативный, активный подкуп. Подтверждено разноплановое негативное воздействие коррупции на правоотношения. Показана опасность криминогенной сделки как фактора, формирующего коррупционное поведение, и активного средства образования коррупционных сетей, что усиливает виктимогенность коррупционных деяний, от которых претерпевают ущерб не только физические, но и юридические лица. В соответствии с этим поддерживается и аргументируется точка зрения о необходимости распространения понятия жертвы коррупционного преступления на юридических лиц. Сделан вывод о целесообразности юридической оценки коррупционной сделки как квалифицирующего признака уголовно наказуемого деяния.
Научная новизна: обоснована позиция автора в отношении виктимологической оценки коррупционной сделки; дается виктимологическая характеристика жертвы коррупционной сделки; проведен критический анализ основных виктимологических понятий для выявления потенциальных жертв коррупционных сделок и обеспечения их виктимологической безопасности.
Практическая значимость: высказываются идеи переориентации общественного сознания, взглядов на коррупцию как способ решения вопросов; изменения толерантного отношения к явлению коррупции, вследствие которого субъекты права становятся жертвами коррупционных сделок; корректировки политики противодействия коррупции – более внимательного отношения к проблеме защиты субъектов правоотношений от коррупционной угрозы.

Ключевые слова: коррупционное преступление; коррупционная сделка; корруптер; коррупционер; жертва коррупционной сделки; виктимное поведение; виктимизация; виктимность; виктимологическая ситуация.

Введение

В криминологии существуют различные подходы к определению коррупционного преступления: широкое (адекватное должностному, или служебному, преступлению) и узкое понимание (собственно) коррупционного преступления, т. е. совершенного на основе коррупционной сделки. Например, согласно точке зрения профессора А. И. Долговой, коррупция «характеризуется практически двусторонней сделкой – коррупттера и коррупционера» [1, с. 708]. По мнению ученого, понятием коррупционного преступления не следует охватывать широкий круг деяний, относящихся к должностным преступлениям, поскольку в этом случае они «растворяют» в своей массе подлинные (основанные на подкупе – продажности) коррупционные преступления.

Коррупционная сделка, по мнению Ю. А. Тихомирова, Е. Н. Трикоз, предстает как заведомо противоправная «сделка между должностным лицом или служащим и лицом, заинтересованным в определенном поведении указанных лиц», имеющая «обоюдно возмездный, но не обязательно материальный харак-

тер… совершение которой запрещено под угрозой юридической ответственности нормами позитивного законодательства» [2, с. 40].

Профессор Г. Н. Горшенков определяет коррупционную сделку как «соглашение между физическим лицом (коррупктером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах» [3, с. 28].

Субъектами такой сделки выступают коррупктер и коррупционер (коррумпируемый субъект). Сущность сделки заключается в том, что «коррупктер подкупает коррупционера, а тот за соответствующую мзду совершает угодные коррупктеру действия» [1, с. 709].

В зависимости от способа реализации коррупционные сделки можно разделить на два вида: а) сделки, основанные на прямом нарушении положений нормативных правовых актов (противоправный способ); б) сделки, осуществляемые путем злоупотребления правом (непротивоправный (манипулятивный) способ). Наибольшее распространение получают, как правило, коррупционные сделки первого вида[1].

Таким образом, коррупктер и коррупционер вступают в коррупционные отношения, элементами которых являются отдельные акты, действия, связанные с нарушениями уголовного запрета. Коррупционная сделка предстает как противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения, а также является «злоупотреблением права» со стороны управомоченного субъекта. Именно коррупционная сделка (к примеру, взяточничество и коммерческий подкуп) как основной и самый мощный криминогенный (коррупциогенный) фактор должна быть основным критерием юридической оценки правонарушения должностного лица, т. е. его квалифицирующим признаком.

В том случае, когда подобные действия буквально формируют образ жизни конкретного субъекта, становятся механизмом для решения его личных проблем, налицо коррупционное поведение, т. е. определенный сложившийся образ взаимодействия субъекта с окружающей средой.

Наибольшую общественную опасность представляют не единичные сделки, а скоординированные действия коррупционеров, которые, объединяясь в сообщества, образуют коррупционные сети. Жертвами коррупционной деятельности становятся различные субъекты права.

В связи с этим в научной литературе поднимается вопрос о необходимости исследования виктимологических аспектов коррупционного поведения. В частности, профессор П. А. Кабанов обусловливает эту необходимость следующими обстоятельствами: а) постоянный рост количественных показателей коррупционного поведения, его жертв, масштабности причиненного вреда; б) недостаточность мер виктимологической реабилитации, помощи и защиты жертв коррупционного поведения [5].

Результаты исследования

Центральным понятием криминальной виктимологии является жертва преступления, причем отмечается дихотомия значений этого термина. Сторонниками узкого смысла анализируемого понятия являются такие ученые, как Д. В. Ривман, В. И. Омигов и другие, считающие жертвой преступления «физическое лицо, человека, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред» [6, с. 31].

В широком смысле понятие «жертва преступления» – это «человек или определенная общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением…» [6, с. 31]. Сторонниками этой концепции, в частности, являются Л. В. Франк [7, с. 85], В. П. Коновалов [8, с. 6], Г. Ф. Хохряков [9, с. 390–391]. Следует отметить, что существуют предложения некоторых ученых о расширении анализируемого понятия путем включения в него юридических лиц (В. С. Минская, Г. И. Чечель, Л. В. Франк и др.) [6, с. 31]. Автор поддерживает последнюю точку зрения, в частности, применительно к жертвам коррупционной сделки.

По нашему мнению, виктимологическая характеристика жертвы коррупционной сделки (коррупционной деятельности) представляет собой упорядоченную совокупность свойств, характеризующих субъекта, которые при определенной виктимологической ситуации приводят к тому, что субъект становится жертвой коррупционного преступления. При этом следует учитывать тот факт, что сама виктимологическая ситуация (ее возникновение и развитие) во многом определяется поведением субъекта – будущей жертвы.

[1] Иванова А. А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. Познание. 2013. № 3 (27). С. 204–211.

Профессор К. В. Вишневецкий моделирует личность жертвы преступления и структурирует ее следующим образом.

Во-первых, он выделяет формальные, т. е. социально-демографические, признаки, к которым привычно относят пол, возраст, семейное положение, национальную и профессиональную принадлежность, материальную и жилищную обеспеченность и др.

Во-вторых, указывает на рациональные, т. е. интеллектуальные (образование, уровень знаний, умственное развитие), и нравственные признаки (ценностные ориентации и стремления, духовные потребности, социальные интересы, религиозная направленность, привычки), которые являются источником высших проявлений активности душевных свойств личности, или психики[2].

В-третьих, обращает внимание на эти психические процессы, свойства и состояния в личности жертвы (эмоциональная устойчивость, степень конфликтности, адекватность реагирования на внешние обстоятельства, уровень самооценки, коммуникабельность, подверженность влиянию).

В-четвертых, включает физиологические признаки жертвы (состояние здоровья).

В-пятых, обращает внимание на правовые, а именно уголовно-правовые и криминологические признаки – умышленную или неосторожную виктимность, роль в совершенном преступлении, рецидив виктимности [10].

Представляется, что применительно к жертве коррупционной сделки большую значимость приобретают свойства первой группы, в частности, профессиональная принадлежность. В настоящее время сфера государственного и муниципального управления является одной из приоритетных в плане противодействия коррупции, поскольку должности в государственной и муниципальной службе носят коррупциогенный характер. Преступника привлекает именно должностное положение лица, вследствие чего субъект приобретает повышенную виктимность, в том числе рецидивную.

По свидетельству сотрудника МВД Российской Федерации А. Рябцева, торговля должностями стала распространенным явлением, по существу, криминальным видом бизнеса. В основе его стоит значительная выгода, поскольку «чиновник, помимо уплаты преступникам суммы, часто исчисляемой миллионами долларов, отрабатывает долг, незаконно используя свою должность» [11, с. 223].

Как пишет профессор Г. Н. Горшенков, должность государственного служащего представляет угрозу для лица, ее занимающего, ибо это лицо, «обладая такой должностью, становится потенциальной жертвой криминального подкупа» [12, с. 150]. И не удивительно, что ныне введен в официальный оборот соответствующий термин – «коррупциогенная должность». Например, в «Примерной программе противодействия коррупции в субъекте РФ на 2007–2010 гг.» одним из основных мероприятий было определено (п. 5) «формирование перечня должностей, в наибольшей степени подверженных риску коррупции (коррупциогенных должностей)»[3].

И тем не менее внешние (ситуационные) факторы не являются сами по себе виктимогенными. В таковые их превращают люди в силу, прежде всего, тех своих качеств, которые профессор К. В. Вишневецкий определяет как интеллектуальные и нравственные. Что касается нравственных, или моральных, качеств в системе виктимогенной детерминации коррупционного преступления, то они не поддаются строгой систематизации ввиду объективного отсутствия единства в определении их статуса. В каждой личности, социальной группе, обществе (обществах) складывается система моральных запретов и разрешений. Это подтверждают научные исследования, показывающие отсутствие единых моральных норм в российском обществе.

Следует отметить, что сложившаяся ситуация носит долгосрочный характер. Еще в конце 90-х гг. XX в. в Послании Президента РФ Федеральному Собранию отмечалось, что существуют «…стереотипы двойной морали: люди охотно поддерживают публичные обличения в коррупции, но для решения собственных проблем не гнушаются принять "правила игры", навязываемые им коррупционерами»[4].

Анализируя нравственные признаки жертв, следует отметить толерантное отношение граждан к коррупции как явлению, вследствие которого они зачастую сами становятся жертвами коррупцион-

---

[2] Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 265–266.

[3] Примерная программа противодействия коррупции в субъекте РФ на 2007–2010 гг. // Лоббист. 2007. № 6. С. 26–35.

[4] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами – к подъему России (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. 1998. 24 февраля.

ных сделок. Г. М. Аглямова справедливо отмечает, что противоправное поведение должностных лиц у граждан ассоциируется с государственной несправедливостью, формирует ощущение беззащитности, убеждение в том, что в России существует обстановка криминального беспредела [13, с. 77–78]. В 2014 г. 44 % взяточников составили государственные или муниципальные служащие [14].

В сознании граждан возникает некая обреченность, т. е. они становятся толерантны по отношению к этому явлению и нередко сами становятся участниками «низовой» коррупции (подкуп должностного лица или представителя коммерческой организации). Согласно статистике судебного департамента, за последние пять лет количество осужденных за дачу взятки было на порядок больше, чем осужденных за ее получение, и постоянно росло. В 2013 г. это соотношение уже стало один к двум: за получение взяток тогда были осуждены 1 554 человека, за дачу взяток суды приговорили 3 199 человек. Небольшое снижение количества таких дел было в 2011 г. – всего 2 858 человек. После этого число осужденных по ст. 291 Уголовного кодекса РФ снова росло. Налицо инверсионное преступление (в данном случае коррупционная сделка) [14].

Правоведы А. А. Глухова, С. В. Изосимов отмечают единодушное мнение виктимологов в том, что «жертва преступления становится таковой не только в силу «злого умысла» со стороны преступника, но и в силу существования определенных качеств, связанных либо с личностью жертвы, ее поведением, либо с самой ситуацией совершения преступления» [6, с. 33]. Единодушие в этом утверждении обусловлено теми закономерностями, которые хорошо изложены в криминологических концепциях механизма, или детерминации индивидуального преступления и личности преступника.

На данных основополагающих идеях может быть рассмотрена и проблема причинности виктимного поведения в ситуации коррупционного преступления. В данном случае причинность виктимного поведения представляется нами как процесс виктимизации, или приобретения и проявления поведенческого качества виктимности и продуцирующих ее факторов. При этом следует подчеркнуть, что «проявление виктимности» есть не что иное, как претерпевание вреда от коррупционного преступления.

Данная криминологическая категория, в частности, рассматривается Г. М. Аглямовой. В проведенном ею анализе виктимизации ученый выделяет два аспекта: 1) процесс или совокупность процессов превращения конкретного лица или определенной общности людей в жертву преступления (в нашем контексте – коррупционной сделки); 2) процесс превращения потенциальной жертвы в реальную и его конечный результат или социально значимые последствия [13, с. 74].

В научной литературе понятие «виктимизация» тесно связано с многозначным термином «виктимность», который профессор Г. Н. Горшенков определяет в одном случае как способность лица стать при определенных обстоятельствах жертвой причиняющего вред воздействия или неспособность избежать опасности там, где оно объективно было предотвратимо; в другом – как массовое сложное социально-психологическое явление, выраженное в количестве жертв, обычно порождающее серьезную социальную проблему [12].

В качестве примера рассмотрим такую ситуацию: гражданин обратился к участковому полиции с заявлением на выдачу разрешения на хранение оружия. Для скорейшего положительного решения вопроса участковый отправил заявителя в ближайший магазин, продиктовав перечень продуктов. При этом у сотрудника полиции не возникло и тени сомнения, что заявитель может отказаться. Следовательно, это обычная практика. На вопрос заявителя «А если я откажусь?» участковый ответил: «Оставляйте заявление на проверку, готовьте сейф, приду – проверю, решение будет принято в установленный законом срок, не раньше». По словам гражданина, он понял, что ему чинят препятствия, и «первый раз в жизни дал взятку» для сокращения срока ожидания необходимого разрешения и получения такового без проблем. Анализ ситуации показывает, что объективно можно было избежать дачи взятки. Но в таком случае неизбежно пришлось бы устанавливать дома сейф, ожидать участкового с проверкой, возможно, исправлять (причем неоднократно) заявление, долго ожидать выдачи разрешения, да и итог неизвестен. В сложившейся ситуации гражданин оказался жертвой коррупционной сделки. В условиях массового проявления подобного деяния следует говорить о жертве бытовой коррупции, или явлении массовой виктимности. Подобным образом массово решается целый спектр проблем: устройство ребенка в детский сад, получение необходимых документов, лечение в больнице, непринятие мер к допущенным нарушениям и т. д.

По данным председателя Верховного Суда РФ С. Лебедева, за 2014 г. на 13 % увеличилось число осужденных за получение взятки – с 1,5 до 1,7 тысячи человек. И на четверть (25 %) возросло количество приговоренных за дачу взятки: с 3 199 до 4 080 человек [14].

Выводы

Исследования подтверждают, что, независимо от усилий по противодействию коррупции, коррупционная сделка продолжает служить средством решения социальных проблем в масштабах всего общества.

В научной литературе, кроме индивидуальной и массовой виктимности (в соответствии с критериями частного, особенного и общего), выделяют такие виды виктимности (в соответствии с критерием степени), как нулевая (точнее сказать, низшая, или незначительная до нулевой), средняя и повышенная [13]. В литературе утверждается, что так называемой нулевой виктимностью обладают, к примеру, должностные лица, принципиально не участвующие в коррупционных сделках; субъекты, решающие свои проблемы исключительно законными способами. Но тем не менее подобные субъекты находятся под угрозой коррупционного соблазна или шантажа.

Данная категория виктимности представляется нам продуктом умозрительной деятельности, т. е. основывающимся на предполагаемых событиях, но не на опыте. В нашем представлении так называемая нулевая виктимность – это отсутствие виктимности вообще. В противном случае, например, всех госслужащих следует считать с присущим им качеством виктимности. Речь должна идти не о степени виктимности, а о степени возможности виктимизации, например, незначительной, средней, высокой и т. п. Но и в этом случае не следует использовать термин «нулевая».

Для так называемой средней виктимности характерно случайное или необходимое стечение обстоятельств, способствующих виктимизации будущей жертвы (рассмотренный пример). Повышенной виктимностью обладают субъекты, сознательно содействующие собственной виктимизации, активно сотрудничающие с преступником, осуществляющие «встречный поиск», сами способные при соответствующих обстоятельствах совершить преступное посягательство (взяткодатели, активно ищущие будущую жертву, привыкшие решать свои проблемы с нарушением уголовного запрета).

В специальной литературе выделяют личностную, ролевую и ситуативную виктимность [13]. Л. В. Франк рассматривает личностную виктимность как субъективно обусловленное психическое качество человека [13]. Наличие тех или иных черт личности еще не означает, что потенциальная жертва неизбежно превратится в реальную. Для того чтобы лицо стало жертвой, необходимо воздействие системы криминогенных (виктимогенных) факторов.

Ролевая виктимность применительно к коррупционным сделкам в сфере государственной власти и местного самоуправления предстает как профессиональная угроза лица, не зависящая от свойств его личности. В ролевой виктимности сочетаются особые свойства личности и ролевая функция, обусловленная должностным фактором, должностными обязанностями, положением, при доминировании последней.

Говоря о ситуативной виктимности, имеют в виду такие условия среды, которые стимулируют виктимизацию личности.

Виктимологическая ситуация играет немаловажную роль в механизме виктимологической детерминации, которая, по мнению профессора К. В. Вишневецкого, включает в себя свойства взаимодействия преступника, жертвы и социальной среды, а также особенности субъективного отражения объективной действительности в сознании преступника и жертвы. Социальное поведение индивида формируется в неотрывной связи с социальной действительностью, и в зависимости от сложившейся в определенный момент жизненной ситуации линия поведения может носить как виктимогенный, так и антивиктимогенный характер [15, с. 156–157].

Анализируя механизмы коррупционной сделки, профессор А. И. Долгова выделяет следующие ее виды:

1) обоюдовыгодную двустороннюю сделку (когда обе стороны получают выгоду, среди участников сделки жертв нет. Возможно, жертва неперсонифицирована – третье лицо, претендующее на получение благ, льгот и т. д., являющихся предметом сделки, но не получившее их. – *Прим. авт.*);

2) вымогательство служащим взятки (взяточничество, жертва – любой субъект права. – *Прим. авт.*);

3) инициативный, активный подкуп служащих (мздоимство, жертва – служащий. – *Прим. авт.*) [1, с. 709].

Профессор К. В. Вишневецкий, анализируя виктимологический механизм коррупции, говорит о двусторонней сделке, во время которой «покупатель» получает возможность использовать государственную структуру в своих целях, а чиновник «продает» свои служебные полномочия, услуги гражданам или представителям частного бизнеса [16, с. 98].

Далее ученый обращает внимание на то, что «чиновники в нашей стране "продаются" за регулярно получаемое вознаграждение, "заработную плату", не зная, какое задание и когда именно придется выполнять (такие случаи характерны для организованной пре-

ступности, лидеры которой "заручаются поддержкой" представителей власти, управления и правоохранительных органов). Вместе с тем успешно существует и "исконная" форма коррупции – эпизодические поборы должностных лиц за выполнение конкретных "услуг" в пользу заинтересованных в них граждан» [16, с. 98]. Отсюда следует сложность установления жертв коррупционной сделки, которыми могут быть:

– граждане и представители частного бизнеса (полагаем, что в целом представители предпринимательства), нуждающиеся в «услугах» должностных лиц (добавим, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях);

– общество и государство;

– сами чиновники, вовлеченные в коррупционные связи [16, с. 98].

Кроме того, данный вопрос осложняется латентностью коррупционных сделок. Например, в 2014 г. более 4 000 человек признаны виновными в даче взятки [14]. 1 700 человек осуждены за получение взятки. На 25 % выросло число осужденных взяткодателей по сравнению с 2013 г. На 13 % выросло за год число осужденных мздоимцев [14].

Не вызывает сомнения тот факт, что приведенные данные не отражают реальной действительности по нескольким причинам, среди которых выделяются: латентность и зачастую отсутствие персонификации жертв коррупционной сделки, которая представляет собой не только противоправное деяние в виде конкретного законодательно закрепленного правонарушения, но является также «злоупотреблением права» со стороны управомоченного субъекта; может наносить имущественный или неимущественный вред Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, иным субъектам права. Обратим внимание на опасность распространения массовой виктимности коррупционными сетями, когда жертвой буквально становится общество.

Несмотря на сложность выявления потенциальных жертв коррупционных сделок (физического или юридического лица, социальной группы, социальной сферы, государственного органа и т. п.), их виктимологическая безопасность должна стать одной из целей современной антикоррупционной политики.

Список литературы

1. Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

2. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 39–52.

3. Горшенков Г. Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 25–29.

4. Кабанов П. А. Виктимология коррупции: понятие, предмет, структура // Право и практика. 2010. № 7. С. 107–111.

5. Глухова А. А., Изосимов С. В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. 157 с.

6. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. 237 с.

7. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1982. 72 с.

8. Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юристъ, 1999. 512 с.

9. Вишневецкий К. В. Структура виктимологической характеристики жертвы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. URL: teoria-practica.ru/vipusk-9-2013/ (дата обращения: 07.08.2015).

10. Гилинский Я., Гольберт В. Институциональные эффекты девиантности и социального контроля // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 218–233.

11. Горшенков Г. Н. Виктимологическая составляющая в детерминации коррупционного поведения // Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Баку, 2015. С. 144–151.

12. Аглямова Г. М. Виктимологические аспекты предупреждения коррупционной преступности в сфере местного самоуправления // Экономика и право. Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 74–82.

13. Михайлова А. Показательная борьба: почему в 2014 г. выросло число осужденных за взятки. URL: http://top.rbc.ru/politics/10/02/2015/54da0f159a7947e552a015f8 (дата обращения: 07.08.2015).

14. Вишневецкий К. В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 154–157.

15. Вишневецкий К. В. Виктимологический механизм коррупции // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 98–99.

В редакцию материал поступил 27.08.15

© Иванова А. А., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Иванова Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент факультета права, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (г. Нижний Новгород)

Адрес: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12, тел.: (8312) 278-09-25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

Как цитировать статью: Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 253–260.

A. A. IVANOVA,

PhD (Law), Associate Professor

National Research University – Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia

VICTIMOLOGICAL ASPECT OF A CORRUPTION DEAL

Objective: to present the author's concept of the victimological aspect of corruption crime.

Methods: dialectical method of cognition, mainly the systemic approach (analysis).

Results: the article discusses the concept of corruption deal as an unlawful act, statutory offence (bribery and subornation), law abuse by the authorized entity. The illegal (most common), and manipulative types of corruption deals and their mechanisms are defined, as well as the ways of their implementation, which include mutually beneficial, bilateral trade, extortion and initiative, active bribery. The diverse negative effects of corruption on the legal relationships are proved. The danger of the crime deal is shown as the factor of corrupt behavior, and active means of formation of corruption networks, which increases victimogenity of corruption acts, doing harm not only to physical but also legal entities. In accordance with this, the point of view supported and proved that it is necessary to expand the notion of victim of corruption offences to legal persons. The conclusion is made about the feasibility of a legal assessment of corruption deals as a qualifying feature of a criminal offense.

Scientific novelty: the article justifies the author's position in relation to an assessment of corruption victimization of the deal; victimological characteristic of a corrupt deals victim are given; critical analysis of basic victimological concepts is made to identify the potential corrupt deals victims and ensure victim safety.

Practical significance: the idea is expressed of reorienting public consciousness, views on corruption as a way of solving problems; of changing tolerance to corruption, due to which the legal subjects become victims of corrupt deals; of amending the anti-corruption policies towards more careful attention to the protection of the legal relations subjects against the corruption threat.

Key words: corruption crime; corrupt deal; corrupter; victim of the corruption deal; victim behavior; victimization; victimity; victimization situation.

References

1. Dolgova, A. I. Korruptsionnaya prestupnost' (Corruption crime) // *Kriminologiya*: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Dolgovoi. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2005, 912 p.

2. Tikhomirov, Yu. A., Trikoz, E. N. *Pravo protiv korruptsii* (Law against corruption) // *Zhurnal rossiiskogo prava,* 2007, no. 5. pp. 39–52.

3. Gorshenkov, G. N. «Protivodeistvie» i «korruptsiya» kak nauchno ne prorabotannye ponyatiya ("Counteraction" and corruption as scientifically under –developed notions) // *Protivodeistvie korruptsii na federal'nom, regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh*: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 112-letiyu Yuridicheskogo instituta Tomskogo gosudarstvennogo universiteta i neobkhodimosti razrabotki programmy protivodeistviya korruptsii na munitsipal'nom urovne. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2010, pp. 25–29.

4. Kabanov, P. A. Viktimologiya korruptsii: ponyatie, predmet, struktura (Victimology of corruption: notion, object, structure) // *Pravo i praktika,* 2010, no. 7, pp. 107–111.

5. Glukhova, A. A., Izosimov, S. V. *Viktimologicheskie faktory prestupnosti: istoriya, sovremennost' i perspektivy predupreditel'nogo vozdeistviya* (Victimological factors of crime: history, modern state and prospects of prevention): ucheb. posobie. N. Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoi akademii gos. sluzhby, 2010, 157 p.

6. Frank, L. V. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoi viktimologii* (Victims of crime and problems of the Soviet victimology). Dushanbe, 1977. 237 p.

7. Konovalov, V. P. *Izuchenie poterpevshikh s tsel'yu sovershenstvovaniya profilaktiki pravonarushenii* (Investigating victims to improve the crime prevention). M., 1982, 72 p.

8. Khokhryakov, G. F. *Kriminologiya* (Criminology): uchebnik / otv. red. V. N. Kudryavtsev. M.: Yurist", 1999, 512 p.

9. Vishnevetskii, K. V. Struktura viktimologicheskoi kharakteristiki zhertvy (Structure of victimological characteristics of a victim) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, no. 9, available at: teoria-practica.ru/vipusk-9-2013/ (access date: 07.08.2015).

10. Gilinskii, Ya., Gol'bert, V. Institutsional'nye effekty deviantnosti i sotsial'nogo kontrolya (Institutional effects of deviation and social control) // *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad*, 2009, no. 1, pp. 218–233.

11. Gorshenkov, G. N. Viktimologicheskaya sostavlyayushchaya v determinatsii korruptsionnogo povedeniya (Victimological component in determining corrupt behavior) // *Aktual'nye problemy kriminologicheskogo issledovaniya regional'noi prestupnosti*: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Baku, 2015, pp. 144–151.

12. Aglyamova, G. M. Viktimologicheskie aspekty preduprezhdeniya korruptsionnoi prestupnosti v sfere mestnogo samoupravleniya (Victimological aspects of corrupt crime prevention in the sphere of local self-government) // *Ekonomika i pravo. Vestnik Udmurtskogo universiteta,* 2012, vol. 4, pp. 74–82.

13. Mikhailova, A. *Pokazatel'naya bor'ba: pochemu v 2014 g. vyroslo chislo osuzhdennykh za vzyatki* (Demostrative struggle: why in 2014 the number of convicted for bribes increased), available at: http://top.rbc.ru/politics/10/02/2015/54da0f159a7947e552a015f8 (access date: 07.08.2015).

14. Vishnevetskii, K. V. Mekhanizm viktimologicheskoi determinatsii (Mechanism of victimological determination) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 10, pp. 154–157.

15. Vishnevetskii, K. V. Viktimologicheskii mekhanizm korruptsii (Victimological mechanism of corruption) // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 14, pp. 98–99.

Received 27.08.15

Information about the author

Ivanova Anna Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Law Faculty, National Research University – Higher School of Economics, (Nizhniy Novgorod)

Address: 25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., 603155? Nizhniy Novgorod, tel.: (8312) 278-09-25

E-mail: ivanova-anna2004@yandex.ru

For citation: Ivanova A. A. Victimological aspect of a corruption deal // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 253–260.

© Ivanova A. A., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УДК 343.8
URL: http://hdl.handle.net/11435/2225
Слободенюк Е. Д.
С. 261–272.

Е. Д. СЛОБОДЕНЮК,
кандидат социологических наук, старший преподаватель,
Е. Д. ВОЛКОВА,
студент
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

ФОРМЫ СПЛОЧЕННОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Цель: выявить многообразие форм сплоченности в местах лишения свободы.
Метод: качественный анализ данных на основе глубинных полуструктурированных интервью.
Результаты: в рамках исследования произведена адаптация западной методологии анализа феномена сплоченности к российским реалиям, осуществлена операционализация моральных основ групповой сплоченности, на основе которой был разработан гайд глубинного полуструктурированного интервью и проведены интервью с недавно освобожденными из колоний общего и строгого режима. Содержательный анализ интервью выявил ряд структурных срезов, демонстрирующих многообразие форм сплоченности, а также один наиболее значимый для жизни заключенных и потому наиболее хорошо осознаваемый и артикулируемый респондентами. Изучение последнего позволило выявить совокупность групп, демонстрирующих разную степень и характер сплоченности. По силе сплоченности среди них можно выделить группы слабо сплоченных («мужики»), средне сплоченных («красные», «блатные») и сильно сплоченных («борцы»). По характеру же сплоченности в сообществе заключенных можно встретить как группы, основанные на морали социального порядка («красные», «блатные»), так и группу, в высокой степени демонстрирующую сплоченность на основе морали социальной справедливости («борцы»). Детальный анализ последней группы показал также, что сплоченность может иметь одновременно как черты морали социальной справедливости, так и черты морали социального порядка.
Научная новизна: заключается в использовании социально-психологической теории моральных мотивов при определении основ сплоченности.
Практическая значимость: результаты исследования могут быть применимы при разработке социально-психологических методик по реализации задач реформирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная система; уголовно-исправительная система; сплоченность; структура; заключенные; нормы; ценности; мораль социального порядка; мораль социальной справедливости.

Введение

Проблема преступности и эффективности действия российской пенитенциарной системы как субъекта экономической жизни приобретает особую значимость в последние годы. Так, распоряжением Председателя Правительства РФ № 1772-р от 14.10.2010 была утверждена «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.»[2], целями которой выступают: «1) повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития; 2) сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам; 3) гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов». В этой связи особо актуальным становится изучение того, какие особенности взаимоотношений заключенных приводят к формированию и поддержанию структуры сообщества заключенных, иными словами – что именно сплачивает людей в колониях, формируя тем самым устойчивые группы, воспроиз-

[1] В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

[2] Распоряжение Правительства РФ № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» от 14.10.2010 (ред. от 23.09.2015).

водящие тюремную культуру и свойственные сообществу заключенных неформальные институты. Ответ на этот вопрос позволит понять, как влияет система права на исправление заключенных, ограничивает ли она формирование неправовых культурных форм, и то, каковы могут быть дальнейшие социологические и психологические методы решения поставленных задач концепции. Именно по этой причине для настоящего исследования в качестве теоретико-методологической рамки был выбран социально-психологический подход к пониманию сплоченности – теория моральных мотивов.

Вопросами специфики преступности в России и ее сокращения занимаются в первую очередь специалисты в области криминологии, но в силу своей специфики преступность и сопутствующие темы являются также сферой интересов психологии и социологии, имеющих фундаментальные теоретико-методологические основы их изучения, восходящие еще к трудам классиков – Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса, П. Сорокина, З. Фрейда, формирующим основу понимания преступности как социального явления, ее причин и возможных способов борьбы с ней. В отечественной научной традиции эта проблема рассматривается детально, внимание акцентируется на вопросах тюремной субкультуры и адаптации к ней, ресоциализации, последствий нарушения этого процесса и рецидиве, личности заключенного, в том числе ценностных установок заключенных, эффективности перевоспитательных мер российских тюрем и закрепления их результатов, особенностей преступности в период перехода от плановой к рыночной экономике, вопросах социальной работы в исправительных учреждениях (далее – ИУ), гендерных аспектах и др. Как видно, проблема преступности вызывает большой интерес российского научного сообщества[3]. Однако, несмотря на то, что к данному моменту опубликовано немало научных трудов, большая часть из них относится к 1950–1980 гг., а сплоченность сообщества заключенных как самостоятельная исследовательская проблема, насколько нам известно, ранее практически не ставилась, изучалась лишь его структура. В этой связи анализ современной структуры сообщества заключенных представляет интерес в силу фундаментальных социально-экономических трансформаций последних 25 лет, а форм сплоченности в указанном сообществе – ввиду малой изученности[4].

Результаты исследования

Целью настоящего исследования было определение наличия и форм сплоченности в местах лишения свободы. Эмпирической базой выступали 10 глубинных полуструктурированных интервью, проведенных авторами данной статьи согласно разработанному ими гайду, основанному на адаптированной к российским условиям социально-психологической теории моральных оснований, а также одно разведывательное интервью. В качестве респондентов приглашались мужчины, имевшие опыт отбывания наказания в колониях общего и строгого режимов, освободившиеся менее 1 года назад. В силу труднодоступности респондентов[5] выборка была сформирована методами «снежного кома» и «доступных случаев» [2, с. 139–142]. Отбор респондентов осуществлялся в соответствии с рядом критериев, для получения максимально широкого спектра мнений. Так, в выборку отбирались респонденты разных возрастов (от 28 до 62 лет), с разным по длительности сроком отбывания наказания (от 4 до 13 лет), осужденные не только по разным статьям, но и по разным квалификациям: преступления в сфере экономики, против жизни и здоровья, против общественной безопасности и общественного порядка, против здоровья населения и общественной нравственности. При этом были учтены некоторые ограничения, основанные на результатах разведывательного интервью, предварявшего исследование. Так, в выборку не были включены заключенные колоний-поселений и колоний особого режима в силу отличающихся условий их содержания. Также выборка ограничивалась представителями мужского пола, так как структура группы заключенных в женских колониях отличается разительно и требует отдельного изучения.

[3] Так, по обозначенным исследовательским направлениям можно ознакомиться с работами: Ю. А. Алферова, Н. А. Андреева, Ю. М. Антоняна, А. В. Артюхова, Е. Г. Баграевой, О. В. Васильченко, Ю. Е. Виноградова, Я. И. Гилинского, В. Г. Деева, М. И. Еникеева, О. Г. Ковалева, О. Л. Кочеткова, Н. А. Крайновой, В. Н. Кудрявцева, О. В. Лобановой, А. С. Михлина, А. Н. Олейника, В. Ф. Пирожкова, А. Л. Ременсона, К. С. Тумарова, А. И. Ушатикова, Г. Ф. Хохрякова, В. Е. Эминова и др.

[4] Стоит упомянуть, что и само понятие социальной сплоченности в последние годы становится объектом научного переосмысления [1, 4, 5, 6] ввиду очередного исторического всплеска научного интереса к понятию «солидарность», введенному Э. Дюркгеймом [1].

[5] Исследовательский коллектив благодарит организацию «Русь Сидящая» за помощь в доступе к респондентам.

Прежде чем переходить к анализу сплоченности, необходимо описать структуру группы заключенных. Оговоримся заранее, что она может быть выделена по разным основаниям – религиозному, этническому, функциональному и пр. Таким образом, каждый заключенный может быть членом сразу нескольких подгрупп, членство в которых удовлетворяет разные его потребности. Однако одна из структур оказывает на образ и условия жизни заключенных наибольшее влияние. Рассмотрим ее в первую очередь.

Данная структура группы состоит из ряда стабильных подгрупп, воспроизводящих себя из десятилетия в десятилетие. Выбор подгруппы членства в подавляющем большинстве является добровольным и основывается на сходстве разделяемых ценностей. Еще на этапе вхождения в группу (время, проводимое в СИЗО, и первые месяцы в колонии) другие заключенные знакомят новоприбывшего с ее сложной структурой, формальными и неформальными правилами поведения, а также санкциями за их неисполнение. В этот период по отношению к новичкам предъявляются сниженные требования и применяются смягченные санкции. Указанный промежуток времени формально не регламентируется и предназначен для социализации человека в новой социокультурной среде и его осознанного выбора подгруппы членства.

Конечно, это все в СИЗО объясняют. На лагерь приезжаешь – там немножко другие правила. Но тем не менее общие правила ты знаешь: не болтать лишнего, не обещать, не врать – это все уже знают. Знают, кто такой «бродяга», «стремяга», «смотрящий, старший за бараком», – все уже это знают.

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Человек за время нахождения в СИЗО (за месяц, два, три, пять, шесть) уже понимает то, чего он хочет или куда бы он хотел, каким образом он хочет освободиться пораньше.

(мужчина, 37 лет, строгий режим, срок 4 года)

Попадая в колонию, индивид оказывается существенно ограничен в доступе к благам, привычным ему в обычной жизни. Наиболее ценными из них являются пища, средства коммуникации (мобильный телефон / смартфон), табак и в определенных случаях наркотические вещества. Потенциальные способы улучшения уровня жизни (покупка желаемого в магазине, расположенном на территории колонии, или передачи) оказываются малоэффективными (в силу высоких цен и ограниченности ассортимента в первом случае и запретов на вносимые продукты и вещи во втором). Этот факт стимулировал возникновение неформальной институциональной среды, поддерживаемой двумя категориями людей – государственными служащими, работающими на разных должностных позициях в колониях, и представителями криминального сообщества, отбывающими срок в ее стенах (за исключением вора в законе, который может пребывать и вне стен колонии). Примыкание к первым или вторым с целью улучшения собственных условий жизни ставит заключенных в неравные условия. Таким образом, при определении группы членства на чаше весов у заключенного соотносятся ценности социальной справедливости, равенства и ценности гедонизма и власти. Если в ценностной иерархии заключенного первые оказываются более значимыми, то он принимает решение стать членом подгруппы «мужиков». В обратной ситуации он становится «красным» или «блатным» (членом подгрупп, образовавшихся вокруг административных служащих или криминального сообщества, соответственно).

Структуру завершает небольшая по численности и особая подгруппа «опущенных» (*син.:* «угловых», «обиженных», «петухов»), членство в которой, в отличие от остальных, принудительное и основано преимущественно на предполагаемой или доказанной гомосексуальной ориентации (однако причины могут быть и иные). Члены этой подгруппы выполняют грязные виды работы – стирку, штопку, чистку унитазов, мытье полов, в некоторых случаях (не во всех) – удовлетворение сексуальных потребностей остальных заключенных. Несмотря на то, что членство в этой подгруппе носит принудительный характер, некоторые «опущенные», по словам респондентов, добровольно входят в нее, так как за выполнение вышеуказанных видов работы им предоставляется увеличенный объем пищи.

Четыре описанные подгруппы составляют базовую структуру группы. Рассмотрим теперь более детально структуру каждой из них[6].

На основе подгруппы «мужиков» (самой многочисленной из всех) формируется особая подгруппа «борцов»[7], для членов которой ценности социальной справедливости и равенства столь значимы, что для их защиты они готовы жертвовать своей физической сохранностью. «Борцы» требуют применения к себе только законодательно установленных правил и санк-

[6] В тексте не представлена внутренняя структура подгрупп «опущенные» и «силовики» в силу нехватки эмпирических данных.

[7] Термин авторов.

ций и проявляют демонстративное неповиновение по отношению к неформальным правилам и нормам. За «расшатывание режима», удобного администрации, последняя ухудшает условия содержания «борцов» или направляет в штрафные изоляторы, отличающиеся еще более суровыми условиями содержания.

Кроме того, некоторые респонденты отмечали, что у администрации колоний есть дополнительный рычаг воздействия на «борцов» – особые камеры, называемые «пресс-хатами», в которых бессменно содержатся физически крепкие, натренированные заключенные («силовики»), готовые ради гедонистических ценностей (т. е. очень хороших условий содержания, включающих всевозможную технику, вкусную пищу и пр.) применять жесткие меры насилия над любым, кто будет к ним направлен. Таким образом, в «пресс-хатах» встречаются две антагонистичные по ценностным ориентациям подгруппы заключенных.

«Красные» (*син.:* «актив», «шерстяные», «СДП» («секция дисциплины и порядка»), «козлы») имеют и иные подгруппы кроме «силовиков». Угодливость административным сотрудникам ИУ может выражаться в различных формах и в любом случае дает основание как для получения разного рода привилегий и благ (самым ценным из которых является условно-досрочное освобождение), так и для осуждения остальных заключенных.

У «актива» это, естественно, ценности… Это собственная безопасность, собственный комфорт, возможность длительных свиданий, чаще, чем у других, возможность большого количества телефонных звонков, возможность делать в определенный момент то, что нельзя другим (образно – полежать на кровати, что другим запрещено).

(мужчина, 37 лет, строгий режим, срок 4 года)

Основная часть «красных» попадает в подгруппу в результате того, что добивается рабочего места, приближенного к административным позициям (например, на кухне, в библиотеке и пр.), работа на которых сама по себе предоставляет более благоприятные условия жизни.

Другой формой сотрудничества с администрацией ИУ является поддержание неформального режима – осуществление контроля над действиями других заключенных, в том числе и ухудшение условий их жизни в угоду своим интересам. Таким образом, эта часть «красных» укрепляет неформальные нормы и санкции, не разделяемые большинством, и потому осуждается существенно сильнее остальных (на тюремном наречии таких заключенных называют «козлами»).

Какую власть дали зэку наблюдать за зэками? Ты такой же зэк, ты так же сидишь, и что ты мне будешь говорить, куда мне ходить и так далее?

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Последней формой является донесение информации («стукачество»).

Таким образом, основным мотиватором вступления в подгруппы «красных» выступает ценность гедонизма, а у «козлов» в дополнение к ней (и порой даже с большим весом) – ценность власти. Стоит отметить, что отношение к «красным» не всегда исключительно негативное. Осуждается непосредственно осознанная деятельность, которая тем или иным образом ущемляет права других заключенных. Так, например, заключенный может быть направлен на исполнение некоторых «красных» видов работ администрацией. В таком случае отношение к нему будет более снисходительным, нежели к тем, кто целенаправленно добивался схожей позиции.

(Прим.: о «шерстяных») *Они отличаются, да. Это люди, которые даже среди красных, допустим, накосячили. <…> Например, в долг взяли и не отдали. Наврали, допустим, выяснилось, что это неправда. Обманули. <…>* (Прим.: о «козлах») *«Козлы», по сути, это обслуга. <…> Но опять же тоже они разные. <…> Почему он может быть «козлом», например? Он целенаправленно попал в столовую <…> чтобы свою кишку набить. Все, он «козел». Не потому, что так получилось. Вот, допустим, Володя Переверзин пишет в своей книге, что его послали в столовую. <…> нельзя прямо сказать, что он «козел» <…> там все это смотрится, оценивается».*

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Структура подгруппы «блатных» (*син.:* «воров», «авторитетов», «отрицаловки») более ярко выражена. Наивысшую позицию в ней занимает вор в законе, отбывающий срок или находящийся вне ИУ, координирующий деятельность преступной группировки. Нижестоящими по статусу являются «смотрящие» (*син.:* «положенцы») – отбывающие срок в ИУ наиболее приближенные к вору в законе лица, выполняющие его непосредственные поручения и следящие за соблюдением воровских традиций и неформальных правил. Последней подгруппой «блатных» являются «шестерки» (*син.:* «бродяги», «приблатненные») – люди, стремящиеся примкнуть к преступному миру, выполняющие различные поручения, вменяемые им «блатными», не обладающие еще всеми правами последних, но получающие некоторую защиту с их стороны. Все остальные заключенные, живущие по

«воровским понятиям» и отрицающие закон, носят общее название подгруппы – «блатные». Материальными благами «блатных» обеспечивают коллеги с воли[8], а в качестве нематериальных благ «блатные» получают покровительство и защиту.

Описанная структура является ключевой, воспроизводящейся из десятилетия в десятилетие (схему структуры группы и все возможные направления смены групповой принадлежности см. на рис. 1).

Помимо вышеописанной структуры в группе заключенных формируются и иные подгруппы на иных основаниях, некоторые из которых также воспроизводятся десятилетиями, а иные распадаются при освобождении их членов. Так, заключенные объединяются в малые группы на почве сходства габитуса, интересов. В этих подгруппах протекает ежедневное общение заключенных.

Тут все зависит от интересов человека, от его целей и взглядов на жизнь. Только так. <…> Для меня главное, чтобы интересы совпадали, чтобы нам поговорить о чем было <…> В основном, наверное, то, что связано с образованием, с опытом предпринимательским (прим.: респондент – предприниматель) *и вообще с жизненным опытом. Люди, у которых большой жизненный опыт, с ними вообще интересно общаться везде <…> Иные какие-то интересы, нестандартные, нетривиальные взгляды на жизнь <…> это, конечно, интересно, но не для многолетнего общения. Это так… несколько вечеров на кухне можно провести, но не более того. А для того, чтобы интересно было общаться и заниматься с кем-то, надо, чтобы было, действительно, какое-то серьезное занятие совместное, чтобы можно было расти обоюдно*.

(мужчина, 31 год, строгий режим, срок 8 лет)

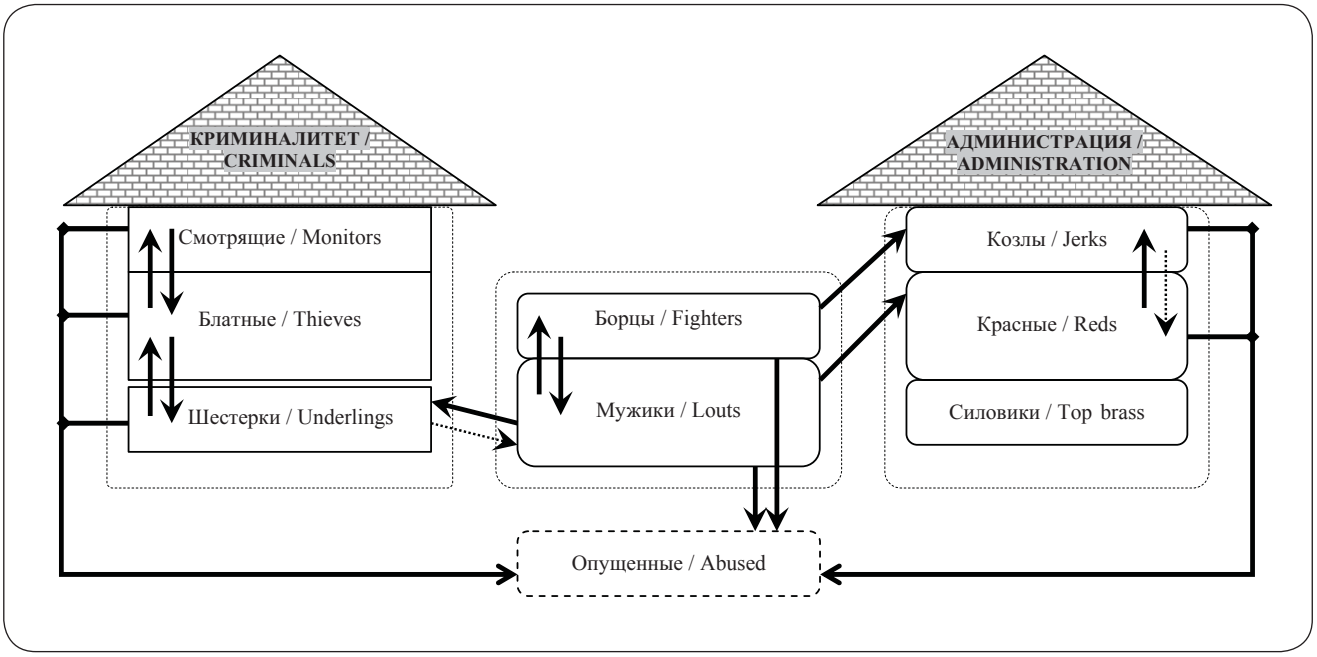


Рис. 1. Основные подгруппы в составе группы заключенных и их состав[9]*

Fig. 1. Main subgroups within a prisoners' group and their composition*

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source*: compiled by the authors.

[8] Для этой цели используется «общак» – регулярно пополняемый (как силами освобожденных, так и заключенных, причем не только из числа самих «блатных») набор материальных благ, расходуемых, в частности, на помощь тем, кто находится в местах лишения свободы.

[9] На рисунке пунктирными прямоугольниками выделены четыре основные подгруппы заключенных: «блатные», «мужики», «красные», «опущенные», сплошными – подгруппы в их составе. Стрелками обозначены возможные направления смены групповой принадлежности (жирными и пунктирными тонкими – облегченные и затрудненные, соответственно).

Порой такие подгруппы не распадаются даже после освобождения заключенных из тюрьмы.

Это считается порядочностью, если ты освободился и не забываешь о тех, с кем делил кусок хлеба. Потому что там на самом деле не рай – там постоянно хочется есть. Постоянно…

(мужчина, 43 года, общий режим, срок 1 и 3 года)

Объединяются заключенные и на функциональной основе – в стремлении к достижению общих целей (например, изучить законодательные акты и затем апеллировать несправедливое, по их мнению, решение суда)[10]. Интересной особенностью таких групп является связь с «внешним миром» (помощь ее членам со стороны некоммерческих организаций, родственников, иных неравнодушных). Также типичным примером объединения на функциональной основе выступают подгруппы «семейников» количеством 2–4 человека. Их образуют заключенные, осужденные на длительный срок, с целью ведения общего быта (использования общей посуды, распределения передач от друзей / родственников по дням недели и пр.).

Формируются также и подгруппы среднего размера на основе единства религиозных взглядов или национальности.

Последней зафиксированной формой объединения людей в подгруппы выступает занятость на одних рабочих местах в стенах ИУ (сплочение членов одной бригады).

Таким образом, структура группы заключенных является сложной, выделяемой по разным основаниям. Заключенный может быть членом сразу нескольких подгрупп, относящихся к разным структурным срезам, членство в подавляющем большинстве из которых он определяет сам. Однако именно на первой структуре, состоящей из четырех ключевых подгрупп («блатных», «красных», «мужиков» и «опущенных»), респонденты заостряют внимание как на оказывающей наибольшее влияние на образ и уровень их жизни и их возможности. По этой причине остановимся именно на ней при рассмотрении аспектов сплоченности группы заключенных. Как было показано ранее, указанная структура поддерживается как внешними, так и внутренними факторами. Отдельно в этой связи хотелось бы отметить такой маркер устойчивости структуры, как формальное закрепление групповой принадлежности. То «имя», которое заключенный получил в колонии во время первого срока, закрепляется за ним на всю жизнь. Использование термина «имя» не случайно: по словам респондентов, «имя» надо заслужить.

Есть такое понятие как «имя». Далеко не каждый может называться «мужиком». «Мужик» – это имя, «бродяга» – это имя, «вор» – это имя.

(мужчина, 41 год, общий режим, срок 4 года)

Имена записываются в «книгах», одна из которых ведется и хранится «блатными», а вторая – администрацией ИУ. Таким образом, в случае повторного попадания в ИУ групповая принадлежность заключенного устанавливается в кратчайшие сроки.

Да, узнают. (прим.: при повторном попадании человека в тюрьму – о его прошлой групповой принадлежности) <…> *И если он соврет, то ему только хуже будет.* <…> *«У кого можно подтвердить? Где ты, в какой ты камере сидел?» – «Я сидел в такой-то тюрьме, такой-то камере». Они туда позвонят, скажут: «Ты помнишь такого? Сидел?» Есть книги, они называются «домовые книги».* <…> *Каждый ее держит, эту книгу, в ней все записано* <…> *что, когда, по какой статье, кто он по жизни* <…> *«угловой», «шерстяной», «красный», «мент» бывший.*

(мужчина, 31 год, строгий режим, срок 8 лет)

Рассмотрим теперь характер сплоченности выделенных подгрупп и группы заключенных в целом. Теоретико-методологическим базисом для данного анализа выступил социально-психологический подход к пониманию сплоченности, основанный на теории моральных оснований Дж. Хайдта [8, 9, 10] и более поздней теории моральных мотивов Р. Яноff-Балмена [11, 12]. На основе рассмотренной теории моральных оснований были операционализированы указанные выше концепты и сформирована матрица для разнесения сплоченных групп на объединенные по принципу морали 1) социального порядка и 2) социальной справедливости и был составлен инструментарий исследования – гайд глубинного интервью (операционализацию ключевых понятий см. в табл. 1). Мораль социального порядка можно коротко охарактеризовать как сплочение против внешнего врага с целью сохранения группы, что требует, в свою очередь, гомогенности группового состава, конформности и часто агрессивности по отношению к другим группам, в то время как мораль социальной справедливости

[10] Так, по результатам интервью с одним из заключенных (мужчиной 32 лет, отбывавшим срок в колонии строгого режима 13 лет), подобная малая группа заключенных в качестве способа повышения своей грамотности в области права и с целью подготовки апелляций потребовала предоставить положенную им по закону возможность получить высшее образование в стенах колонии.

Таблица 1

Эмпирические индикаторы моральных основ групповой сплоченности*

Table 1. Empirical indicators of moral bases of group cohesion*

Моральные основы сплоченности / Moral bases of cohesion	Мораль социального порядка**/ Social order morality	Мораль социальной справедливости / Social justice morality
Базовая мотивация / Basic motivation	Запрет / избегание / Prohibition / avoidance	Активация / достижение / Activation / achievement
Основа существования группы / Basis of group existence	Внешняя: противостояние угрозам, конкуренция с другими группами* / External: counteraction to threats, competition with other groups*	Внутренняя: единство ценностей, интересов и целей членов группы, взаимозависимость / хорошие межличностные отношения, симпатия / Internal: unity of values, interests and goals of the group members, interdependence / good interpersonal relations, sympathy
Цель / Objective	Защита группы: стабилизация либо преодоление актуального состояния неблагополучия / Protection of the group: stabilization or overcoming of the actual state of ill-being	Рост благополучия и счастья членов группы: развитие, процветание группы / Growth of well-being and happiness of the group members: development and flourishing of the group
Концепция группы / Group concept	Эссенциалистская: гомогенность, непроницаемость границ* / Essentialistic: homogeneity, impermeability of boundaries*	Агентивная: гетерогенность, проницаемость границ / Agentive: heterogeneity, permeability of boundaries
Основа целостности группы / Basis of group unity	Групповая идентичность, конформность** / Group identity, conformity**	Взаимозависимость, признание общих целей / Interdependence, acceptance of mutual goals
Сфера морального контроля / Sphere of moral control	Образ жизни, индивидуальное поведение / Way of life, individual behavior	Распределение благ / Distribution of benefits
Структурные аспекты сплоченности / Structural aspects of cohesion	Определенность знаков группового членства и правил поведения. Выраженная внутригрупповая иерархия** / Distinctness of the features of group membership and rules of behavior. Expressed in-group hierarchy**	Равенство / Equality
Отношение к аутгруппам / Attitude to out-groups	Подозрительность, агрессивность, страх смешения* / Suspicion, aggression, fear of mixing*	Толерантность, открытость / Tolerance, openness
Стратегия межгруппового взаимодействия / Strategy of inter-group interaction	Конкуренция, избегание взаимодействия* / Competition, avoidance of interaction*	Сотрудничество / Cooperation

* *Источник:* составлено участниками гранта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия» (№ 14-18-03784) на основе рассмотренных выше теоретических концепций.

* *Source:* compiled by the participants of grant «Multiplicity of the types of sociocultural cohesion under reforms in Russia: conceptualization and qualimetry» (№ 14-18-03784) basing on the above theoretical conceptions.

** *Примечание:* Опора на основания «Ингрупповая сплоченность / лояльность к «Своим» (*), «Власть / почитание авторитета» (**).

* *Note:* Reliance on the bases «In-group cohesion / loyalty to «Ours» (*), «Power / respect to authority» (**).

сплачивает людей в желании добиться общей для них цели, основанной на сходстве ценностей и взглядов. Последняя по этой причине не подавляет индивидуальности, не требует конформности, но направлена на кооперирование людей, равенство, сотрудничество и предполагает открытость границ (так как контакт с другими группами может способствовать достижению общих целей).

Рассмотрим характер сплоченности «блатных», «красных» и «борцов» детально.

Основной мотивацией «блатных» является сохранение целостности подгруппы, свойственных для нее неформальных правил и норм.

Вот блатные <…> это как бы отдельная каста. <…> И у них там даже и свой жаргон, и свои сленги.

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Это выражается, в свою очередь, и в соответствующей стратегии межгруппового взаимодействия – избегании лишних контактов и закрытии групповых границ.

И, само собой, никто не будет поощрять какие-то контакты, потому что в каждой группе есть свои секретики.

(мужчина, 31 год, строгий режим, срок 8 лет)

Причем если границы с подгруппой «мужиков» возможно пересечь, то границы с остальными подгруппами абсолютно непроницаемы.

Из «блатных», кстати, можно в «мужики» попасть. И «мужик» может в «блатные» попасть. Ты можешь сказать: «Ну вас! Ушел я в барак, все! Пошел работать!» Потом можешь назад – блатовать начать, к примеру.

Он (прим.: «блатной») просто спросит: «Ты кто, откуда? Со второго барака? (прим.: во втором бараке проживают только «красные») *Чего тебе надо? Спроси и уходи». Всё.*

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

«Блатные», как было показано ранее, являются подгруппой с четко выраженной иерархией, члены которой прекрасно осознают ее границы и определяют членов остальных подгрупп как «других» (в отношении «мужиков») или «чужих» (в отношении «красных» и «угловых»).

Ну если мы берем крайне отрицательные, да, «воровские» и «актив», естественно, они абсолютно враждебны друг другу.

(мужчина, 37 лет, строгий режим, срок 4 года)

Основой ее существования выступает противостояние власти и закону, и в настоящее время основным постулатом «блатных» является непринятие закона и дистанцированность от формальной власти.

«Черные» – это полная противоположность: противостоять администрации. Против ее законов.

(мужчина, 42 года, общий режим, срок 5 лет)

Однако, несмотря на это, трудно оценить ее цель как защиту группы, так как, по словам заключенных, «блатные» в первую очередь борются за рост благополучия и счастье ее членов, за ее развитие и процветание.

«Красные» работают за зарплату, а «черные» работают за идею.

(мужчина, 42 года, общий режим, срок 5 лет)

Сам факт того, что процесс вступления в подгруппу затруднен своего рода испытательным сроком, свидетельствует о стремлении к гомогенизации группы и социализации новых членов в отличие от «красных» и тем более «мужиков», что позволяет предположить групповую гомогенность и идентичность как основу ее существования.

«Бродяга» – это тот, кто идет по воровской жизни, он еще не «вор», но, возможно, он сможет пополнить воровскую семью. Опять-таки, исходя из его поступков и определенных, скажем так, заслуг. Опять-таки, если он будет соответствовать образу «вора», если он будет соответствовать поступкам «вора», да, мыслям там, ну и другим-другим-другим вещам. «Бродяга», он по крайней мере старается жить и придерживаться воровского. <…> идти по воровской дороге – это очень серьезная ноша, да, не каждому это дано.

(мужчина, 46 лет, общий режим, срок 6 лет)

По этой же причине сферой морального контроля в подгруппе выступает именно поведение ее членов, что выражается в требовании конформности и лояльности.

Это уважение к количеству ходок, да. Сколько раз человек отсидел, что он делал или будет делать на свободе, потому что в этой группе очень важно. Чаще всего либо это какие-то знакомые, либо знакомые знакомых. Поэтому там и больше контроля друг за другом, и больше понимания, что они когда-то освободятся и друг с другом, возможно, там где-то встретятся.

(мужчина, 37 лет, строгий режим, срок 4 года)

Исходя из всех перечисленных выше особенностей «блатные» являются подгруппой, сплоченной на основе морали социального порядка.

Не менее типичным примером подгруппы, сплоченной на основе морали социального порядка, выступает подгруппа «красных». Так, указанная подгруппа не только имеет четкие границы, осознаваемые как ее членами, так и иными заключенными, но даже четкие территориальные границы.

У них (прим.: «красных») *отдельный барак, если вот «угловые» разбросаны по разным баракам и у них в каждом бараке есть свое место, то тут это «козлиный» отряд. <…> «козлиный», или «шерстяной», отряд, и среди них комендант, то есть он назначается из зэков.*

(мужчина, 62 года, общий режим, срок 6 лет)

Основой целостности группы выступает групповая идентичность ее членов, о чем свидетельствует их поведение. Определенность знаков группового членства здесь присутствует в гораздо более явном виде, чем у «блатных». Так, в некоторых колониях члены данной подгруппы носят красные повязки на плече, служащие индикатором их групповой принадлежности. Здесь отмечается свой язык общения, скрытый от других заключенных (в большинстве случаев использование специальных вербальных и невербальных сигналов обусловлено необходимостью надзирать за другими осужденными и скрывать от них свои намерения). Поэтому по признаку «структурные аспекты сплоченности» группа «красных» относится к морали социального порядка. Также члены группы «красных» ведут специфический образ жизни, отличный от образа жизни членов остальных групп, что позволяет отнести их к морали социального порядка по критерию «сферы морального контроля».

Вообще характерно такое общение жестом, символом, звуком или еще что-то. Это отдельная история. Да, это тоже выделяет людей. Те же самые эспэдэшники, им надо обмениваться сигналами

между собой. Это обязательно должно быть. <…> Лампочкой мигнут, зажигалкой чиркнут, если она есть, еще что-нибудь.

(мужчина, 31 год, строгий режим, срок 8 лет)

«Красные» также имеют внутреннюю структуру – в ее составе есть люди, занимающие более высокие должностные позиции и координирующие деятельность большинства членов группы. Однако в сравнении с «блатными» в группе «красных» иерархия менее ярко выражена. Ограниченность привилегированных позиций приближенных к администрации и наличие групповых интересов приводит к нежеланию групповых смешений и ограничению взаимодействия с другими группами. Причем изоляция членов подгруппы происходит не только по инициативе самих ее членов, но даже в большей степени по инициативе всех остальных заключенных, испытывающих негативные эмоции по отношению к «красным» (осуждение, неприязнь, отторжение).

Если он чувствует за собой, он сразу идет в «козлячий» барак, к «красным», т. е. он сразу идет прислуживать ментам. Он прямо сразу говорит: «Я сотрудничал с администрацией, меня в "красный" барак». Они его сразу от «блатных» отделяют.

Тебе скажут: «Ну, иди туда, где "красные" живут. Иди и живи там, с теми, кто здоровается (прим.: с администрацией)*».*

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Причем сферой неформального контроля в ней также выступает индивидуальное поведение – стимулирование конформизма, лояльности.

Допустим, есть 100 эспэдэшников, и у них есть командир. Так вот если командир имеет какой-то разум и с ним можно о чем-то поговорить, то эти пехотинцы – это просто тупые дебилы, которым дали задание, и они себя ведут, в определенной модели существуют и из нее не выходят.

(мужчина, 31 год, строгий режим, срок 8 лет)

Основа существования группы также является внешней, то есть существование группы базируется на противостоянии угрозам и конкуренции с другими группами в отношении материальных благ. Из общей логики морали социальной справедливости выпадает лишь цель существования группы, которая, на наш взгляд, больше характеризуется также и моралью социальной справедливости – стремлением к процветанию группы, росту благополучия и счастья ее членов.

У него кабинет свой. У него там стоит обычно тоже телевизор, музыкальный центр, диван, как обычно. Он «красный». Это завхоз, который, если так можно сказать, на всех стучит.

(мужчина, 39 лет, строгий режим, срок 6 лет)

Таким образом, моральные основы сплочения «красных» и «блатных», хоть и имеют свою специфику, но все же очень схожи и тяготеют к морали социального порядка.

Совсем на иных основаниях формируется подгруппа «борцов». В контексте сплоченности рассмотрение этой подгруппы нам представляется очень важным, так как именно она, на наш взгляд, иллюстрирует максимальный уровень сплочения в колонии. Как было показано выше, основной их целью выступает борьба с беззаконием и неформальными правилами, нарушающими законные права заключенных. Лишь это единство ценностей и, соответственно, целей и вытекающего из последних образа жизни (постоянное прозябание в штрафных изоляторах за «расшатывание режима») свидетельствует о том, что здесь мы сталкиваемся со сплоченностью на почве морали социальной справедливости. Таким образом, в отношении базовой мотивации здесь определенно наблюдается мотивация достижения, и в то же время избегание других групп, в особенности «красных». Основа существования подгруппы состоит в достижении ключевой цели – законности тюремного порядка. Концепция группы «борцов» агентивная, так, членом подгруппы может стать любой, кто готов бороться за свои права, и на выход она также свободна. Основа ее целостности, с одной стороны, состоит в высокой степени групповой конформности. С другой стороны, нельзя нивелировать важность признания групповых целей как основного критерия для вступления в нее. Сфера морального контроля в большей степени ориентирована на весьма определенный образ жизни (например, отказ от выполнения приказов «красных» и вышеупомянутое прозябание в штрафных изоляторах) и справедливое распределение блага (т. е. законного соблюдения режима) всем заключенным. Структурным аспектом сплоченности, разумеется, выступает равенство, являющееся как ключевой ценностью данной группы, так и целью борьбы с беззаконием. Отношение к аутгруппам среди «борцов» весьма неоднородное: весьма толерантное к «мужикам» и «блатным», в меньшей степени толерантное к «опущенным» и абсолютно агрессивное к «красным» (вплоть до страха смешения). То же касается стратегии межгруппового взаимодействия: сотрудничество с «мужиками» и «блатными» против конкуренции и избегания взаимодействия с «красны-

ми». Таким образом, как видим, подгруппа «борцов» формируется через сплочение заключенных на почве морали социальной справедливости. Наиболее же многочисленная подгруппа «мужиков» с точки зрения основ сплоченности очень схожа с подгруппой «борцов», однако все указанные выше черты в ней выражены существенно слабее.

На основе вышеизложенного анализа представляется логичным определить подгруппы «красных» и «блатных» как сплоченные на основе морали социального порядка (МСП), а «борцов» – на основе морали социальной справедливости (МСС). Группа «мужиков», на наш взгляд, не демонстрирует высоких показателей сплоченности, но тяготеет к МСС (табл. 2).

Таблица 2

Моральные основы сплоченности ключевых подгрупп ИУ*

Table 2. Moral bases of key subgroups cohesion in confinement institutions*

Моральные основы сплоченности / Moral bases of cohesion	«Красные» / «Reds»		«Блатные» / «Thieves»		«Борцы» / «Fighters»		«Мужики» / «Louts»	
	МСП/ MSO**	МСС/ MSJ***	МСП / MSO	МСС / MSJ	МСП / MSO	МСС / MSJ	МСП / MSO	МСС / MSJ
Базовая мотивация / Basic motivation	V		V		V	V		V
Основа существования группы / Basis of group existence	V		V			V		V
Цель / Objective	V	V	V	V		V		V
Концепция группы / Group concept	V	V	V	V		V		V
Основа целостности группы / Basis of group unity	V		V		V	V		V
Сфера морального контроля / Sphere of moral control	V		V			V		V
Структурные аспекты / Structural aspects	V		V			V		V
Отношение к аутгруппам / Attitude to out-groups	V		V		V	V		V
Межгрупповое взаимодействие / Inter-group interaction	V		V		V	V	V	V

Примечание: ** MSO – moral of social order; *** MSJ – moral of social justice.

* *Источник:* составлено авторами.

* *Source*: compiled by the authors.

Выводы

Подытоживая все вышесказанное, отметим, что структура группы заключенных является сложной, включающей в себя разные структурные срезы, базирующиеся на разных основаниях. Одна из структур, рассмотренная в статье детально, осознается заключенными лучше всего, так как оказывает наибольшее влияние на уровень и условия их жизни во время отбывания срока наказания. На основе проведенных интервью сложно судить о сплоченности группы заключенных, так как ни в одном интервью респонденты не описывали случаев единогласного сплочения всех заключенных против внешнего врага или во имя общей цели[11], однако в рамках группы формируется ряд устойчивых воспроизводящихся подгрупп, ярко демонстрирующих разные основания сплоченности: мораль социального порядка и мораль социальной справедливости, а также механизмы поддержания неформальной институциональной среды. Таким образом, в рамках достижения целей концепции по реформированию уголовно-исправительной системы социологическими и психологическими методами стоит учитывать тот факт, что моральные мотивы сплоченности в рамках тюремного сообщества сильно разнятся.

Список литературы

1. Гофман А. Б. Пробуждение социологической идеи: социальная солидарность // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Уфа, 2012.

2. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 1998.

3. Дюркгейм Э. Социальный элемент в самоубийстве, 1897 // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/_Soc_Suicid.php (дата обращения: 20.06.2015).

4. Печенкин В. В., Алешина М. А. Социальная сплоченность как элемент формирования новой социальной политики // Инновационная деятельность. 2013. № 4. С. 133–143.

5. Ярская В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная сплоченность: выбор идеологии и механизмов реализации // Интеллигенция и идеалы российского общества / под ред. Ж. Тощенко. М.: РГГУ, 2010. С. 150–159.

6. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 4. С. 41–61.

7. Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

[11] Однако из ряда экспертных интервью, не рассмотренных в настоящей статье, стало известно о подобных случаях, что представляет особый интерес и требует дальнейшего изучения.

8. Haidt J. The new synthesis in moral psychology // Science. 2007. Vol. 316. Pp. 998–1002.

9. Haidt J., Graham J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // Social Justice Research. 2007. Vol. 20. Pp. 98–116.

10. Haidt J., Joseph C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules / Carruthers P., Laurence S., Stich S. (Eds.). The innate mind. Vol. 3. NY: Oxford University Press, 2007. Pp. 367–391.

11. Janoff-Bulman R. Conscience: The do's and don'ts of moral regulation // Milkuciner M., Shaver P. (Eds.) The social psychology of morality: Exploring the causes of good and evil. Washington, DC: American Psychological Association, 2011. Pp. 131–148.

12. Janoff-Bulman R., Carnes N. C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. No. 17 (3). Pp. 219–236.

13. Kohlberg L. Essays on Moral Development. Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco: Harper & Row, 1981.

В редакцию материал поступил 17.08.15

© Слободенюк Е. Д., Волкова Е. Д., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторах

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 119049, Москва, ул. Шаболовка, д. 26, корп. 4, комн. 4331, тел.: +7 (495) 625-02-11

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Волкова Евгения Дмитриевна, студент департамента социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 9-11, тел.: +7 (495) 772-95-90

E-mail: evgeniavolkova18@gmail.com

Как цитировать статью: Слободенюк Е. Д., Волкова Е. Д. Формы сплоченности в местах лишения свободы // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 261–272.

E. D. SLOBODENYUK,

PhD (Sociology), Senior Lecturer,

E. D. VOLKOVA,

student,

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

FORMS OF COHESION IN CONFINEMENT INSTITUTIONS[1]

Objective: to identify the diversity of cohesion forms in confinement institutions.

Methods: qualitative analyses based on in-depth semi-structured interviews.

Results: the study included adaptation of Western methodologies of the cohesion phenomenon analysis to the Russian reality, and operationalization of the moral bases of group cohesion. This served as the bases for designing a guide for in-depth semi-structured interviews; 10 interviews were conducted with people recently released from general and strict regime colonies. Content analysis of the interviews revealed a number of structural sections that demonstrate the diversity of cohesion forms, alongside with one that is most meaningful to the prisoners and therefore the most well perceived and articulated by respondents. Analysis of the latter allowed to identify a set of groups showing different degree and nature

[1] This work was supported by the Russian Scientific Foundation under Grant № 14-18-03784.

of cohesion. By the degree of cohesion one can identify the poorly cohesive groups ("louts"), moderately cohesive ("reds", "thieves") and highly cohesive ("fighters"). By the nature of cohesion in the prisoners' community, there are both groups united on the basis of social morality ("reds", "thieves") and groups demonstrating a high degree of cohesion based on the social justice morality ("fighters"). A detailed analysis of the latter group also showed that the cohesion can have both traits of morality, social justice, and features of social order moral.

Scientific novelty: using the socio-psychological theory of the moral motives in determining the bases of cohesion.

Practical significance: the research results can be applied for the development of socio-psychological techniques for the penal system reform.

Key words: penitentiary system; penal system; cohesion; structure; prisoners; norms; values; social order morality; social justice morality.

References

1. Gofman, A. B. Probuzhdenie sotsiologicheskoi idei: sotsial'naya solidarnost' (Revival of sociological doctrine: social cohesion) // *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie*. Ufa, 2012.

2. Devyatko, I. F. *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya (*Methods of sociological research*)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'sk. un-ta, 1998.

3. Dyurkgeim, E. Sotsial'nyi element v samoubiistve (Socila element in suicide), 1897 // *Biblioteka Gumer*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/_Soc_Suicid.php (accessed: 20.06.2015).

4. Pechenkin, V. V., Aleshina, M. A. Sotsial'naya splochennost' kak element formirovaniya novoi sotsial'noi politiki (Social cohesion as an element of forming the new social policy) // *Innovatsionnaya deyatel'nost'*, 2013, no. 4, pp. 133–143.

5. Yarskaya, V. N., Yarskaya-Smirnova, E. R. Sotsial'naya splochennost': vybor ideologii i mekhanizmov realizatsii (Social cohesion: choosing the ideology and implementation mechanisms) // *Intelligentsiya i idealy rossiiskogo obshchestva* / pod red. Zh. Toshchenko. M.: RGGU, 2010, pp. 150–159.

6. Yarskaya-Smirnova, E. R., Yarskaya, V. N. Sotsial'naya splochennost': napravleniya teoreticheskoi diskussii i perspektivy sotsial'noi politiki (Social cohesion: directions of theoretical discussion and prospects of social policy) // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 41–61.

7. Gilligan, C. *In a different voice: psychological theory and women's development*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

8. Haidt, J. The new synthesis in moral psychology // *Science*, 2007, vol. 316, pp. 998–1002.

9. Haidt, J., Graham, J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize // *Social Justice Research*, 2007, vol. 20, pp. 98–116.

10. Haidt, J., Joseph, C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules / Carruthers P., Laurence S., Stich S. (Eds.). *The innate mind*, vol. 3. NY: Oxford University Press, 2007, pp. 367–391.

11. Janoff-Bulman, R. Conscience: The do's and don'ts of moral regulation. // Milkuciner M., Shaver P. (Eds.) *The social psychology of morality: Exploring the causes of good and evil.* Washington, DC: American Psychological Association, 2011, pp. 131–148.

12. Janoff-Bulman, R., Carnes, N. C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // *Personality and Social Psychology Review*, 2013, no. 17 (3), pp. 219–236.

13. Kohlberg, L. *Essays on Moral Development*, vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco: Harper & Row, 1981.

Received 17.08.15

Information about the authors

Slobodenyuk Ekaterina Dmitriyevna, PhD (Sociology), Senior Lecturer of the Department of Applied Economics, National Research University «Higher School of Economics»

Address: 26 Shabolovka Str., building 4, room 4331, 119049, Moscow, tel.: +7 (495) 625-02-11

E-mail: eslobodenyuk@hse.ru

Volkova Evgeniya Dmitriyevna, student of the Department of Social Sciences, National Research University «Higher School of Economics»

Address: 9-11 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, tel.: +7 (495) 772-95-90

E-mail: evgeniavolkova18@gmail.com

For citation: Slobodenyuk E. D., Volkova E. D. Forms of cohesion in confinement institutions // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 261–272.

© Slobodenyuk E. D., Volkova E. D., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.196:343.116
URL: http://hdl.handle.net/11435/2227

Качалова О. В.
С. 273–278.

О. В. КАЧАЛОВА,
кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия

ПРЕДМЕТ ПРОВЕРКИ СУДОМ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ ПРИГОВОРОВ, ВЫНЕСЕННЫХ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Цель: определить особенности предмета судебного разбирательства суда кассационной инстанции применительно к уголовным делам, рассмотренным судом первой инстанции в особом порядке судебного разбирательства, и на основе этого обозначить пути формирования эффективного механизма судебной защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, чьи интересы были затронуты при вынесении судебного решения в особом порядке.
Методы: общенаучный диалектический метод, а также частнонаучные методы познания: системный, структурно-функциональный, формально-логические методы (анализ, синтез, конкретизация, аналогия, моделирование).
Результаты: на основе анализа норм уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики делается вывод о том, что имеющиеся процессуальные инструменты позволяют устранять ошибки нижестоящих судов лишь посредством оценки допущенных нарушений как нарушений законности вследствие неправильного применения норм уголовного или уголовно-процессуального закона. Делается вывод о том, что законность не может считаться единственным предметом судебного разбирательства в суде кассационной инстанции. Добровольный отказ обвиняемого от полноценной судебной процедуры и судебного порядка установления фактических обстоятельств дела не может детерминировать отсутствие механизма устранения судебной ошибки по таким категориям дел. Необходимость обеспечения защиты прав и свобод человека вне зависимости от процессуальной формы производства по делу и иных обстоятельств предполагает наличие для этого эффективных процессуальных средств.
Научная новизна: в статье впервые делается вывод о том, что применительно к делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства, необходимость паритета идей судебной защиты, позволяющей исправить допущенную при разрешении уголовного дела судебную ошибку, и принципа окончательности судебных решений (*res judicata*) неочевидна.
Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут использоваться при совершенствовании норм уголовно-процессуального законодательства, в научно-исследовательской деятельности, при преподавании и изучении уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; суд кассационной инстанции; предмет судебного разбирательства; основания отмены судебных решений; приговор.

Введение

Цель исследования – определить особенности предмета судебного разбирательства суда кассационной инстанции применительно к делам, рассмотренным судом первой инстанции в особом порядке судебного разбирательства. Необходимость проведения исследования обусловлена потребностью создания надежного механизма судебной защиты участников уголовного судопроизводства в случаях, когда судебные решения, затрагивающие их интересы, были приняты судом первой инстанции в особом порядке судебного разбирательства. Методологией исследования являются общенаучный диалектический метод, а также частнонаучные методы познания: системный, структурно-функциональный, формально-логические методы (анализ, синтез, конкретизация, аналогия, моделирование).

Результаты исследования

В качестве главных идей, на которых основывается система пересмотра судебных решений, рассматриваются принципы правовой определенности; транспарентности; оперативности; практической доступности

средств правовой защиты; эффективного пересмотра решений вышестоящими судами и т. д. Конструкция кассационного производства строится на постулате о том, что только существенные ошибки в толковании норм материального права или процессуальные нарушения могут перевесить принципы правовой определенности и окончательности при обосновании необходимости пересмотра вступивших в законную силу судебных решений [1].

Формирование новой системы судебно-проверочных стадий в уголовном судопроизводстве позволило Л. А. Воскобитовой сделать вывод о том, что впервые в российском уголовном процессе сделана попытка устранить дублирование, существовавшее между апелляционной, кассационной и надзорной формами проверки приговоров. Процедура исправления судебных ошибок… поставлена в зависимость от характера и содержания допущенной ошибки и от доводов жалобы, представления [2]. Следует отметить, что подобного рода подход характерен для многих европейских стран. В частности, в уголовном процессе Франции кассационная жалоба является возможной, когда имело место нарушение закона, ревизионная жалоба – когда существуют веские основания предполагать наличие судебной ошибки [3, с. 484].

Л. В. Головко писал о том, что кассационное рассмотрение дела представляет собой «краткую концентрированную дискуссию по важной проблеме толкования права» [4, с. 55–56]. Запрет на обжалование и отмену судебного решения ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела по делам, рассмотренным в особом порядке, применимый к апелляции, не может быть экстраполирован на кассацию за счет того, что на данном этапе производства по делу суд в принципе не должен касаться вопросов доказанности обвинения и соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела по любым категориям уголовных дел. Таким образом, никаких принципиальных особенностей правового регулирования в кассации и надзоре применительно к предмету судебного разбирательства, механизму судебно-проверочной деятельности суда, пределах полномочий суда при проверке вступивших в законную силу судебных решений, принятых в порядке ускоренного производства, не усматривается. Однако отличия в кассационном порядке пересмотра судебных решений, принятых в особом порядке, все же имеются. Они обусловлены требованиями уголовно-процессуального закона к основаниям применения ускоренных форм производства по уголовному делу и особыми правилами назначения наказания по данным категориям дел, которые выступают специфическим объектом проверки.

Предметом судебного разбирательства в суде кассационной инстанции выступает законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу (ст. 401.1 УПК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 2 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции от 28 января 2014 г.» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 03.03.2015)[1] в п. 10 разъясняет, что проверка законности судебных решений подразумевает проверку правильности применения норм уголовного и уголовно-процессуального права (вопросы права).

Однако установление предмета кассации исключительно как проверки законности при ближайшем рассмотрении оказывается не столь однозначным, как кажется на первый взгляд. Очевидно, что в основу новой модели судебно-проверочных производств была заложена идея разумного баланса между задачами реального обеспечения судебной защиты граждан и принципа правовой определенности. М. Ш. Пацация верно писал о том, что оптимальная модель проверочных производств должна основываться на уважении принципа правовой определенности с учетом гарантий государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также гарантий судебной защиты этих прав и свобод (ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) [5]. Однако достижение этой задачи представляется достаточно сложным.

Т. М. Аширбекова совершенно справедливо говорит о том, что строгого следования принципу правовой определенности в части недопустимости доказывания фактических обстоятельств дела в современной кассации достигнуть сложно, поскольку существо дела определяется, в первую очередь фактическими обстоятельствами дела, а затем уже их правовой оценкой, определения же фактической основы уголовного дела и его правовой основы неразрывны как этапы правоприменения [6].

Ю. В. Кувалдина отмечает, что требования законности и обоснованности процессуальных решений всегда неразрывно связаны между собой, в связи с чем приговор, содержащий выводы, не соответству-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» от 28.01.2014 (ред. от 03.03.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158267/ (дата обращения: 20.09.15).

ющие фактическим обстоятельствам дела, заведомо незаконен [7, с. 14].

В качестве обстоятельств, подтверждающих невозможность, несмотря на нормативное закрепление, считать законность единственным предметом проверки судов кассационной и надзорной инстанций, называются: возможность требовать в кассации и надзоре ухудшения положения осужденного (оправданного), в этом случае, отменяя судебное решение и направляя уголовное дело на новое судебное рассмотрение, вышестоящий суд фактически признает несправедливость итогового судебного акта, признав притязания заинтересованных лиц в этом вопросе и законными, и обоснованными [6, 8]; определение в качестве основания отмены судебного решения таких нарушений норм уголовного и уголовно-процессуального закона, которые действительно повлияли на исход дела, что предполагает оценку фактической стороны; обязанность указывать в кассационных жалобах существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, с обязательным приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях, что предполагает оценку их обоснованности [6].

Указание в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» от 28 января 2014 г. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 03.03.2015)[2] на то, что судам не рекомендуется оставлять без внимания факты, когда в кассационных жалобе, представлениях содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (обоснование приговора недопустимыми доказательствами и т. д.), повлиявшие на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшие к судебной ошибке, свидетельствует о том, что оценка фактических обстоятельств дела, включающая обоснованность приговора, а также отчасти и доказанность обвинения, так или иначе судом кассационной инстанции в случае необходимости производиться могут.

Т. Г. Бородинова высказывает точку зрения, согласно которой сокращение познавательной деятельности в кассации и надзоре до единственного критерия выглядит не вполне оправданным, поскольку все виды пересмотра представляют собой единую систему иерархически согласованных судебных инстанций, имеющих единое аксиологическое значение, и потому должны обладать равными и достаточными средствами восстановления правосудности приговора [9, с. 222].

Вышеуказанные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что ограниченный только вопросами права предмет обжалования вступивших в законную силу судебных решений, соответствующий идеям правовой определенности и окончательности вступивших в законную силу судебных решений, является более узким по сравнению с предметом проверки суда кассационной и надзорной инстанций. Последний в большей степени соответствует задачам обеспечения судебной защиты прав и свобод человека, нежели идеям res judicta, поскольку не исключает возможность ставить под сомнение выводы суда по вопросам факта в причинно-следственной взаимосвязи их с ошибками правового характера.

Идеи о необходимости возврата к единым основаниям пересмотра судебных решений судами различных инстанций и реанимации традиционного предмета проверки судебного разбирательства в судах вышестоящих инстанций неоднократно высказывались в юридической литературе [10, 7].

Применительно к делам, рассмотренным в порядке ускоренного производства, необходимость паритета идей судебной защиты, позволяющей исправить допущенную при разрешении уголовного дела судебную ошибку, и принципа res judicta в кассации неочевидна. Это обусловлено тем обстоятельством, что фактические обстоятельства дела не устанавливаются ни судом первой, ни судом апелляционной инстанции. Действие принципа правовой определенности, который не носит абсолютного характера, применительно к делам, рассмотренным в ускоренном порядке, в связи с этим носит специфический характер.

При этом основной смысл принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела, заключающийся в осуществлении полномочий вышестоящего суда по пересмотру дела исключительно в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу[3], применительно к делам, рассмотренным в порядке ускоренного производства, вполне согласуется с идеями судебной защиты и не является его антагонистом.

Добровольный отказ обвиняемого от полноценной судебной процедуры и судебного порядка установления фактических обстоятельств дела не может

[2] Там же.

[3] Дело «Рябых против Российской Федерации». Жалоба № 52854/99 (Страсбург, 24 июля 2003 г.).

детерминировать отсутствие механизма устранения судебной ошибки по таким категориям дел. Необходимость обеспечения защиты прав и свобод человека вне зависимости от процессуальной формы производства по делу и иных обстоятельств предполагает наличие для этого эффективных процессуальных средств. Применительно к судебно-проверочным стадиям производства по делу такие средства формально отсутствуют, поскольку не позволяют исправить даже явные фактические ошибки. Это не означает, что допущенные нижестоящими судами ошибки не исправляются. Однако имеющиеся процессуальные инструменты позволяют устранять ошибки нижестоящих судов лишь посредством оценки допущенных нарушений как нарушений законности.

Весьма показательным в этом отношении является Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 122-П14 от 10.12.2014. При рассмотрении уголовного дела в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве Верховным Судом Республики Башкортостан М., создавший преступное сообщество и руководивший им, был признан виновным по 5 статьям УК РФ (ст. 228.1, 228, 222, 210, 174.1 УК РФ) по 17 эпизодам преступной деятельности и приговорен к 5 годам лишения свободы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставила без внимания доводы осужденного и его защитника, признав их несостоятельными, частично удовлетворив кассационную жалобу, исключив из обвинения часть эпизодов, смягчив наказание и отменив решение о конфискации имущества[4]. На это решение заместителем генерального прокурора было подано надзорное представление, в результате которого Президиумом Верховного Суда РФ кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ было отменено, а дело направлено на новое кассационное рассмотрение. В описательно-мотивировочной части постановления суда надзорной инстанции на 23 страницах описываются 17 эпизодов преступной деятельности, установленные судом из материалов дела, а также их анализ, на основании которого суд надзорной инстанции пришел к выводу о том, что суд кассационной инстанции не учел заслуживающих внимания доводов надзорного представления в части, касающейся конфискации имущества. При этом суд надзорной инстанции конкретно указал на те фактические обстоятельства дела, которые не были учтены судом кассационной инстанции. Это означает, что суд надзорной инстанции указал на несоответствие выводов суда кассационной инстанции фактическим обстоятельствам дела. Основанием же для отмены кассационного определения в данном случае стали существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, выразившиеся в том числе в том, что судом кассационной инстанции не выполнены требования закона, регламентирующие содержание кассационного определения (не мотивирован ответ на представленные сторонами факты, не даны ответы на другие доводы, не учтены имеющие значение для разрешения дела доказательства), что повлияло на принятие законного и обоснованного решения и, соответственно, на исход дела[5].

Анализируемое судебное решение еще раз весьма наглядно демонстрирует, что без обращения к фактическим обстоятельствам дела, их анализа и оценки обеспечение правосудности приговора невозможно. При этом вопросы доказанности вины лица в совершении преступления не затрагиваются, но без ответа на вопрос, соответствуют ли выводы суда фактическим обстоятельствам дела, исправление судебной ошибки невозможно. В данном случае мы видим, что отмена судебных решений, вынесенных судами первой и кассационной инстанций, обусловлена не причинами процессуального характера, а иными обстоятельствами, среди которых неправильная оценка судом реальных обстоятельств дела. Формальным основанием отмены судебных решений стало предусмотренное ч. 1 ст. 401. 15 УПК РФ существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Иных инструментов отмены судебных решений нижестоящих судов в кассации и надзоре нет.

Выводы

Ограниченный только вопросами права предмет обжалования вступивших в законную силу судебных решений, соответствующий идеям правовой определенности и окончательности вступивших в законную силу судебных решений, является более узким по сравнению с предметом проверки суда кассационной инстанции. Последний в большей степени соответствует задачам обеспечения судебной защиты прав и

[4] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 49-О14-4 от 17 апреля 2014 г.

[5] Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 122-П14 от 10.12.2014.

свобод человека, нежели идеям res judicta, поскольку не исключает возможность ставить под сомнение выводы суда по вопросам факта в причинно-следственной взаимосвязи их с ошибками правового характера.

Добровольный отказ обвиняемого от полноценной судебной процедуры и судебного порядка установления фактических обстоятельств дела не может детерминировать отсутствие механизма устранения судебной ошибки по таким категориям дел. Применительно к судебно-проверочным стадиям производства по делу такие средства формально отсутствуют, поскольку не позволяют исправить даже явные фактические ошибки. Имеющиеся процессуальные инструменты позволяют устранять ошибки нижестоящих судов лишь посредством оценки допущенных нарушений как нарушений законности.

Список литературы

1. Качалова О. В. Кассационное производство: пути оптимизации // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 20–23.

2. Воскобитова Л. А. Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12. С. 1619–1624.

3. Леже Р. Великие правовые системы современности. М.: Волтерс Клувер, 2009. 529 с.

4. Головко Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрист, 2011. 187 с.

5. Пацация М. Ш. Эффективность процессуальной деятельности проверочных инстанций арбитражного суда: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. URL: http://disser.law.edu.ru (дата обращения: 20.09.15).

6. Аширбекова М. Т. Влияние принципа правовой определенности на построение систем судебно-поверочного производства УУС и УПК РФ // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 6–10.

7. Кувалдина Ю. В. Обжалование приговоров, постановленных в особом порядке: настоящее и будущее // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 14–15.

8. Потапов В. Д. О коллизиях в предмете кассационной и надзорной проверки окончательных актов суда // Российский следователь. 2012. № 18. С. 19–20.

9. Бородинова Т. Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России. М., 2014. 288 с.

10. Полетаева А. В. Новый взгляд законодателя на нарушение УПК РФ как на основание к отмене или изменению приговора // Российский следователь. 2012. № 20. С. 14–16.

В редакцию материал поступил 29.09.15

© Качалова О. В., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Качалова Оксана Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая отделом проблем уголовного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия

Адрес: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, корп. А, тел.: (495) 332-72-58

E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

Как цитировать статью: Качалова О. В. Предмет проверки судом кассационной инстанции вступивших в законную силу приговоров, вынесенных в особом порядке судебного разбирательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 273–278.

O. V. KACHALOVA,

PhD (Law), Associate Professor

Russian State University for Justice, Moscow, Russia

OBJECT OF CHECKING THE JUDGMENTS AT LAW MADE AT SPECIAL TRIALS, BY THE REVIEWING COURT

Objective: to determine the features of the subject of cassation court the proceedings in relation to criminal cases considered by the first instance court in a special order of judicial proceedings, and on this basis to define the ways of forming the effective mechanism of judicial protection of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings whose interests are affected by adjudication in a special order.

Methods: general scientific dialectical method and specific scientific methods of cognition: systemic, structural functional, formal logical methods (analysis, synthesis, concretization, analogy, simulation).

Results: basing on the analysis of the criminal procedure law norms and practice, the author concludes that the available procedural tools allow to correct the errors of lower courts only by assessing the violations as violations of the law. It is concluded that the rule of law cannot be considered the sole subject of litigation in the court of cassation. Voluntary refusal of the accused from the full-fledged trial procedure and court procedure for establishing the facts of the case cannot determine the absence of a mechanism to eliminate judicial error in such categories of cases. The need to protect the rights and freedoms of the individual regardless of the procedural form of the proceedings and other circumstances implies the existence of effective procedural means.

Scientific novelty: for the first time in the article it is concluded that in cases reviewed in special judicial proceedings, the need for parity of judicial protection ideas, which allows to correct errors made during the resolution of the criminal case, and for the principle of finality of judgments (res judicata), is not obvious.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used to improve the norms of the criminal procedural law, in research activities, in teaching and studying of criminal procedural law.

Key words: special order of judicial proceedings; court of cassation; judicial proceedings; grounds for cancellation of court decisions; sentence.

References

1. Kachalova, O. V. Kassatsionnoe proizvodstvo: puti optimizatsii (Cassation procedure: ways of optimization) // *Ugolovnyi protsess*, 2014, no. 5, pp. 20–23.

2. Voskobitova, L. A. Konstitutsionnye osnovy apellyatsii v ugolovnom sudoproizvodstve (Constitutional bases of appeal in criminal legal procedures) // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2013, no. 12, pp. 1619–1624.

3. Lezhe, R. *Velikie pravovye sistemy sovremennosti* (Great legal systems of today). M.: Volters Kluver, 2009, 529 p.

4. Golovko, L. V. Novelly UPK RF: progress ili institutsional'nyi khaos? (Novels of the Russian Criminal-Procedural Code: progress or institutional chaos?) // *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya* / pod obshch. red. N. A. Kolokolova. M.: Yurist, 2011, 187 p.

5. Patsatsiya, M. Sh. *Effektivnost' protsessual'noi deyatel'nosti proverochnykh instantsii arbitrazhnogo suda* (Efficiency of procedural activity of reviewing instances of arbitrage): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2010. Available at: http://disser.law.edu.ru (accessed date: 20.09.15).

6. Ashirbekova, M. T. Vliyanie printsipa pravovoi opredelennosti na postroenie sistem sudebno-poverochnogo proizvodstva UUS i UPK RF (Impact of the principle of legal certainty on the construction of court-reviewing procedure systems in UUS and the Russian Criminal-Procedural Code) // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2014, no. 3, pp. 6–10.

7. Kuvaldina, Yu. V. Obzhalovanie prigovorov, postanovlennykh v osobom poryadke: nastoyashchee i budushchee (Appealing against sentences made by a special order: present and future) // *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2011, no. 3, pp. 14–15.

8. Potapov, V. D. O kolliziyakh v predmete kassatsionnoi i nadzornoi proverki okonchatel'nykh aktov suda (On collisions in the object of cassation and supervisory reviews of the final court acts) // *Rossiiskii sledovatel'*, 2012, no. 18, pp. 19–20.

9. Borodinova, T. G. *Teoreticheskie i pravovye osnovy formirovaniya instituta peresmotra prigovorov v ugolovno-protsessual'nom prave Rossii* (Theoretical and legal bases of forming the institution of sentences' reviewing in the Russian criminal-procedural law). M., 2014, 288 p.

10. Poletaeva, A. V. Novyi vzglyad zakonodatelya na narushenie UPK RF kak na osnovanie k otmene ili izmeneniyu prigovora (New outlook of a legislator on the Russian Criminal-Procedural Code violation as the grounds to cancel or change the sentence) // *Rossiiskii sledovatel'*, 2012, no. 20, pp. 14–16.

Received 29.09.15

Information about the author

Kachalova Oksana Valentinovna, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Court Procedures Issues, Russian State University for Justice.

Address: 69 Novocheremushkinskaya Str., building A, 117418 Moscow, tel.: (495) 332-72-58

E-mail: oksana_kachalova@mail.ru

For citation: Kachalova O. V. Object of checking the judgments at law made at special trials, by the reviewing court // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 273–278.

© Kachalova O. V., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.12:343.2/7
URL: http://hdl.handle.net/11435/2229

Горшенков Г. Н.
С. 279–288.

Г. Н. ГОРШЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия
почетный профессор,
Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, г. Санкт-Петербург, Россия

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию П. Н. Панченко «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право». М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 518 с.

В статье анализируется изученная в монографии проблема несовершенства законотворчества при принятии нормативных правовых актов, когда игнорируются государственно-правовые закономерности. Рассматривается позиция автора о том, что нормативные правовые акты должны удовлетворять не амбиции законодателей, а законные интересы граждан и государства. Подчеркивается практическая польза от тех правовых мер, которые предлагает автор для стабилизации экономики. Разбирается идея создания общей теории борьбы с преступностью и отношение автора к современной криминологии. Оценивается попытка автора подогнать уголовное право под стратегические задачи, стоящие перед Россией в разных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: нормативный правовой акт; закон; право; преступность; законотворчество; криминология; государственно-правовые закономерности.

Представлять этого более чем известного в правоведении автора нет необходимости. И только формальность обязывает меня указать его научные регалии: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Павел Николаевич Панченко. Во множестве притягательных свойств этой светлой личности дружно вальсируют друг с другом две талантообразующих составляющих: физика права и лирика отношения к праву. Их вальсирование есть та самая игра мысли, которой были захвачены еще основоположники уголовной теории – Монтескье, Беккариа, Ломброзо, Тард… При этом главный образ игры создает метафора. Например, у Г. Тарда: «душа преступления» (месть, ревность, корысть, тщеславие) или «как жемчуг, вделанный в кинжал» (где «жемчуг» – искусство, а «кинжал» – преступность).

У Павла Николаевича – «философия бандитизма» (философия оправдания криминала) и «бандитизм философии» (оправдание преступного в антикриминальной политике); «голова – проходной двор» (при публичном обсуждении мыслей) и «голова – родной дом» (где мысль играет, рождая произведение).

После такого небольшого предисловия констатирую, что в «родном доме» профессора П. Н. Панченко «семеро по лавкам», имя крайнего из которых вынесено в название монографии и рецензии, к изложению которой я и приступаю.

Две начальные главы читаю с особым интересом и сопереживаниями, поскольку они посвящены коллегам, профессорам Юрию Григорьевичу Галаю (первая глава) и Владимиру Константиновичу Бабаеву (вторая глава). Две колоритные личности, известные ученые в

области истории и теории государства и права. Павел Николаевич не только правдиво и колоритно представил в книге образы этих незаурядных людей и ученых, но и наполнил их государственно-правовым духом. Главы читаются так, как и писал их автор – думая о закономерностях права и всматриваясь в образы тех, кто ранее размышлял об этом и у кого перенимал исследовательский опыт, их наследие, с помощью которого приходил к собственным открытиям в науке. «Отталкиваясь от этого наследия, удалось "наскочить" на такие вопросы в данной тематике, – пишет автор, – о которых ранее, может быть, нельзя было и подозревать» (с. 10).

Переходя к основному предмету своего исследования, автор определяет его как современную государственно-правовую действительность, для которой характерно такое изобилие законов и иных нормативных правовых актов, причем с настолько сложным содержанием, что разобраться в них обычному человеку (не юристу), как правило, не под силу. Да и профессиональные юристы нередко ломают копья в спорах о том, как надо понимать ту или иную правовую норму.

И зачастую это связано не только и не столько с тем, что правоведение – особая сфера и в ней, как и в любой другой, непрофессионалам делать нечего, сколько с тем, что законодатель упрощенно подходит к своему творчеству. «Упрощенно», т. е. пользуясь методом лабиринта (проб и ошибок), в частности, нередко принимает нормативные правовые акты произвольно, умозрительно, игнорируя соответствующие государственно-правовые закономерности. И, естественно, при таком подходе довольно часто не выручают ни здравый смысл, ни строгая логика, ни профессиональное мастерство.

Истина глаголет устами автора, когда он обращается к должному «образу» нормативных правовых актов, которые по своей сути, по своему статусу и назначению он видит удовлетворяющими *не амбиции* законодателей или корыстные интересы чиновников, политиков, предпринимателей либо других сильных мира сего, *а законные интересы* граждан, организаций, предприятий, учреждений, общества, государства.

Такие акты могут быть приняты только при условии, если они действительно являются откликом на определенные насущные социальные запросы, которые вызваны к жизни конкретной государственно-правовой закономерностью и от которой зависят определенные социальные отношения. Принятие соответствующего нормативного правового акта может повлиять на определенную закономерность (приблизить или, напротив, отдалить перспективу ее проявления), т. е. создать условия, способствующие или, наоборот, препятствующие ее проявлению, открывающие ей, так сказать, широкий простор или ограничивающие – в полном соответствии с интересами тех, кого и представляют законодатели, или представительная власть.

Раньше все юристы, как сговорившись, можно сказать, на уровне подсознания, считали, что законы – это и есть непосредственное, прямое, полное и адекватное выражение той или иной государственно-правовой закономерности. Однако, как считает автор, часто бывает далеко не так: у закономерностей своя жизнь, определенная бытием, а у законов – своя, созданная субъектом «законотворящим».

В результате получается так, что в законах оказывается отраженной не сама жизнь с ее весьма объективными закономерностями, а лишь ее расплывчатый образ, «дорисовывать» который вынуждены другие «художники» – субъекты толкования. Это происходит оттого, что «законотворец» не проникся духом закона (т. е. содержанием и закономерностями естественной и социальной жизни), который так глубоко был исследован на заре уголовной теории великим Ш. Л. Монтескье.

И вот два с половиной века спустя о духе законов размышляет мой современник, известный российский ученый профессор П. Н. Панченко. Размышляет в современном, но своем неповторимом индивидуальном научном стиле. Это другой уровень научного воззрения. Его некорректно сравнивать с уровнем мировоззрения классической школы. Здесь важны качественные составляющие. Именно в них я вижу развитие научной мысли о животворящей силе, которая наполняет позитивные законы. В этом, в частности, и заключается смысл научной преемственности.

Преемственность же выступает основополагающим феноменом так называемой ретрологии, т. е. науки буквально о прошлом, точнее, творческом выражении значения прошлого в настоящем. Ретрология, в том числе и применительно к уголовному праву, криминологии, не занимается исключительно прошлым, а «делает на материале прошлого, но именно в настоящем и ради целей настоящего. Это культура настоящего, лишь принимающая вид культуры прошлого» [1, с. 482].

Процесс этот неизбежно реализуется через индивидуальную методологию ученого, его *осознание лич-*

ной ответственности к исторической правде. Именно таким, я бы сказал патриотически ответственным, ученым представляется мне Павел Николаевич. Его монографию можно смело отнести к ретрологической литературе. Для меня, увлеченного концепцией криминологической ретрологии, «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право» являют образец именно такой «инновационной» литературы, в которой на основе научного прошлого, говоря словами самого автора, «открываются также перспективы раскрытия новых возможностей права» (с. 288).

Продолжая следовать за авторской мыслью о духе законов и о том, как не хватает этого духа законам неконкретным, неточным, неполным и, как правило, не имеющим нужного отношения к правовому, соглашаюсь с автором, который находит их ненужными, а то и вредными – когда они работают, скажем, на интересы теневого бизнеса, коррупционеров, расхитителей, в унисон с интересами тех субъектов, правосознание которых «пропитано» правовым нигилизмом.

Именно поэтому никакие поправки, вносимые в оторванные от жизни законы, утверждает автор, не дают ожидаемого результата, не приносят ровным счетом никакой пользы, законодатели же между тем делают вид, что *оправдывают* свое назначение и держат данные избирателям обещания, «гонят» вал ненужной текучей и текущей правовой материи: тут запретить, там «поджать», ужесточить и т. д. Законотворчество должно быть не простой импровизацией – на тему о том, «что еще надо запретить» и (или) «построже наказать», а подлинным *открытием* того, *что нужно для нормальной жизни людей*. Полезно в данной связи вспомнить К. Маркса, который верно полагал, что мудрый законодатель (если он, конечно же, действительно мудр) не выдумывает законы, а, подобно естествоиспытателю, именно *открывает* их.

Интерес представляют глубокие суждения ученого о недостатках нашей экономики: сырьевой ее зависимости, падении уровня производства, снижении его эффективности и конкурентоспособности, росте теневой экономики и экономических преступлений, коррупции и иных должностных злоупотреблений. С нескрываемой болью за состояние дел в этой базисной сфере общественной жизнедеятельности пишет он, негодуя по поводу внедрения бизнеса во власть, а власти взаимообразно – в бизнес: «Душат экономику, наряду с растущим монополизмом:

– прямое вторжение в нее чиновников;

– слияние бизнеса с властью, а власти с бизнесом;

– коррупции в сфере взаимоотношений бизнеса и власти…» (с. 127).

Ученый выражает уверенность, что этому должен быть положен конец, и показывает ту роль, которую в этом играет право, в частности, те около полусотни правовых мер, которые он, вдохновленный идеями профессора В. К. Бабаева, предлагает к реализации для целей стабилизации экономики на позитивных направлениях ее развития (с. 129–138).

Интересны суждения автора относительно последствий выхода общества из-под контроля государства, а государства – из-под контроля общества. И в том и в другом случае последствия, как показывают события, произошедшие на Украине поздней осенью и зимой 2013/14 гг., весьма печальны. Естественно, данная ситуация побуждает к ответственному, критическому подходу к законотворчеству, в котором П. Н. Панченко придает важное значение адекватному отражению государственно-правовых закономерностей (в особенности относящихся к правам и свободам человека, в том числе экономическим, политическим, социальным, трудовым, профессиональным и т. д.) в законодательстве, и прежде всего непосредственно в Конституции РФ.

С особым интересом для меня как криминолога читается глава 3, в которой Павел Николаевич излагает свое видение государственно-правовых закономерностей через призму уголовно-правового («вытеснительного») и криминологического («предупредительного») направлений воздействия на внутренние и внешние закономерности преступности и на саму преступность. При этом ученый, руководствуясь диалектическим методом и системным подходом, создает видимую им картину борьбы с преступностью. Он исходит из традиционного, так называемого линейного мышления: есть причина, которая при определенных условиях порождает следствие. «Поэтому существующие причины преступлений, конечно же, надо искоренять», – пишет Павел Николаевич. Вместе с тем он отмечает, что «покончить с ними» быстро не получится: «…слишком глубоко и основательно они укоренились». Но выражает уверенность, что, занимаясь этим последовательно, планомерно и настойчиво, можно достигнуть результата, т. е. искоренить преступность, вырвав ее корни из общества. А пока она «продолжает свое триумфальное шествие по стране и планете» (с. 162–163).

Здесь я позволю себе каламбур: преступность (как свойство общества – преступн-*ость*) – неискоренимое явление, но цель ее искоренения совершенно

правильная. Дело в том, что эта цель – политическая. В отличие, например, от правоприменительной цели, которая, будучи выраженной в конкретных мерах, сроках, действиях конкретного исполнителя, является реалистичной, т. е. достижимой. Политическая цель в данном случае таковой не является, т. е. она нереалистична, неконкретна, безадресна и потому недостижима. У нее другой статус, это цель-ориентир, в ней заложена руководящая идея, призыв следовать в определенном, стратегическом направлении.

Неординарно мыслящий ученый пишет о латентности преступности, находя в этом ее свойстве «определенное благо», хотя и оговаривается при этом: «в относительном смысле» (с. 152). Но для меня эта оговорка в суждениях автора представляется совершенно ненужной. Павел Николаевич прав: преступность как социальное явление многофункциональна. В том числе она выполняет в социальном организме и положительные функции, например, «индикаторную», «коллективизацию чувств»; а в «серой теневой экономике» удовлетворяет свои насущные потребности большая часть населения. Например, профессор В. В. Колесников рассматривает экономическую преступность вообще как специфическую функцию общества и полагает, что в определенных исторических условиях преступность может сыграть позитивную роль в социальном прогрессе.

Замечу, что исследования криминолога профессора В. В. Колесникова никак не назовешь «умозрительной криминологией», как ее называет Павел Николаевич. Положения разрабатываемой им концепции экономической преступности основаны на противоречивой и небезопасной реальности. Кстати за выступления о своих исследованиях по телевидению, в которых ученый обнажил корни экономической преступности, он же и пострадал от рук криминалитета. Это один из примеров, когда криминологу дают понять, что негоже «выносить сор из избы».

В связи с этим не могу согласиться с отношением автора к современной криминологии, которую ученый находит наукой, «которая, не оторвавшись еще от пуповины советской криминологии, продолжает играть роль идеологической служанки политики, состоящую в том, чтобы власть могла сохранить хорошую мину при плохой игре – с преступностью…» И далее автор пишет: «*Честной* криминология будет в том случае, если избавит себя от забот по приукрашиванию положения дел с преступностью…» (с. 443).

Павел Николаевич прав в том, что криминология не идеальная наука и нуждается в совершенствовании. В частности, размышляя о будущем этой науки, профессор Д. А. Шестаков пишет о современном процессе перехода криминологии с либерального на постлиберальный этап, которые «связаны со стремлением к свободе, критикой власти… с нарастанием этого стремления» [2, с. 21]. Критикуя современную уголовную политику, Дмитрий Анатольевич констатирует: «Населению – жестокость, оно ее любит… Доморощенным воробогачам (олигархам) – укрывательство. (За редким исключением: случай пауков в банке.) Западной Европе – видимость либеральности. Такую политику пора остановить» [2, с. 22].

О честности современной криминологии можно судить по работам таких ученых, как Я. И. Гилинский, С. У. Дикаев, А. И. Долгова, П. Н. Кабанов, М. П. Клейменов, В. С. Комиссаров, В. В. Лунеев, В. А. Номоконов, В. Н. Орлов, О. В. Старков, А. Я. Сухарев, Д. А. Шестаков и многие другие. Достаточно привести в пример лишь одну работу – Д. А. Шестакова «Преступность политики» [3], в которой с позиций новейшей криминологии дается понятие преступной политики и анализируются недавние ее проявления в мире, делается криминологическая оценка олигархической преступности и предлагаются правовые рычаги противодействия ей.

Именно благодаря таким исследованиям современная российская ветвь криминологической науки в значительной мере заявляет о себе как о критической криминологии (особенно это касается ее экономической, политической отраслей), которая задевает за живое не только криминал. Взять хотя бы одну из ряда современных «умозрительных» концепций – *криминологию закона*, которая ставит задачей выяснить, почему появляются неправовые, криминогенные и даже преступные законы. «Преступный закон, – пишет автор данной концепции профессор Д. А. Шестаков, – закон, который содержит положение (положения), попирающее уголовное право, а именно нарушающее установленный под страхом наказания международными уголовно-правовыми нормами либо внутренним национальным законодательством запрет…» [4, с. 20; 5, с. 21–36]

Одна из криминологических инноваций заключается в том, что ученые предлагают введение уголовной ответственности виновных, принявших преступный закон, т. е. законодателей. А поскольку это «дело невиданное, абсолютно новое, то оно предполагает разработку ряда вопросов процессуального права и судоустройства как внутреннего, так и международного уровней» [4, с. 22].

Кстати, созвучны идеям криминологии закона и рассуждения Павла Николаевича о том, что «власть пытается подчас "подминать" под себя право, "ломать" его "через колено"… то есть вести дела *не так*, как это нужно по закону» [с. 185]. Ученый высказывает сожаление относительно того, что за «манипулирование законом» не установлена ответственность в Уголовном кодексе РФ, подобно тому, как она установлена за манипулирование рынком (ст. 185^3 УК РФ[1]).

А что касается «приукрашивания положения дел с преступностью», то криминологи и здесь говорят свое веское слово. Примером тому может служить исследование *латентности* преступности, проведенное криминологами под руководством профессора С. М. Иншакова. Ученые приоткрыли «приукрашивающий» преступность «статистический занавес» и выяснили, что истинная картина преступности далека от зарегистрированной с ее многолетней устойчивой тенденцией снижения. Например, количество незарегистрированных преступлений составляет десятки миллионов, и фактически преступность имеет другую тенденцию – роста. Только какой прок от этих «откровений» криминологов, когда, как справедливо пишет Павел Николаевич, уголовно-правовая система («государственно-правовая "труба"») не может «пропустить через себя» больше преступлений, может рано или поздно «рвануть» (с. 151–152).

Можно сказать, что именно к «заслуге» криминологов следует отнести то обстоятельство, что в настоящее время преподавание этой одноименной дисциплины, мягко говоря, выводится («выдавливается») из системы высшего профессионального образования по специальности «юриспруденция».

Не могу не поддержать Павла Николаевича в аргументированной постановке вопроса об идее создания общей теории борьбы с преступностью – в рамках концепции уголовной политики. В монографии ученый уточняет свои представления о предмете и системе данной теории, показывает значение последней для отраслевых уголовно-правовых наук (с. 153–166), в особенности для нужд самого уголовного права (с. 166–182).

Если вдуматься в сущность того, что означает термин «концепция», станет понятным ее основополагающее значение для уголовной или, возьмем шире, антикриминальной политики. Концепцию (имея в виду лат. conceptus – «понятие»; conceptio – «восприятие») можно определить как систему понятий о воспринимаемом предмете. В этих понятиях выражены непреложные идеи, в том числе (подчеркну это) основанные на государственно-правовых закономерностях, которые указывают истинный путь к решению той или иной проблемы. Это есть *руководящие* идеи, которые, по сути, и «правят миром». Отсюда и термин «концептуальная власть», т. е. высший всеобъемлющий уровень социального управления, который базируется на понимании общего хода общественного развития. На этом уровне должны быть *замкнуты* и его *обслуживать* все остальные виды власти.

И вот здесь возникает непростой вопрос в связи с той ситуацией, на которую обращает внимание ученый, т. е. «страной управляет в большей мере политика, чем право» (с. 185). Но что такое политика? Павел Николаевич в свое время дал ответ на сущность этого явления. Проанализировав подходы к определению уголовной политики, он пришел к выводу, «что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью» [6, с. 77]. «Формирует», надо полагать, «облачает» в концепцию, затем в законодательство, на основе которого политические идеи реализуются в жизнь. Политика, как известно (от Аристотеля), есть искусство управления государством. И что в этом управлении должно главенствовать: политическая воля или закон? Вопрос явно некорректный. Главенствовать должен государственный ум, которому и подчинены, можно сказать, равные по силе, но разные по статусу институты – политики и права. Государственный ум обязан обеспечивать гармонизацию между этими силами управленческого воздействия.

Так повелевает формальная логика, не знающая препятствий. Но в жизни, как известно, правит не только формальная логика, но и «логика» природы, нравственности, юридического закона. И все эти регуляторы нуждаются в гармонизации. Уголовное право Павел Николаевич рассматривает как «фактор и следствие проводимой государством уголовной политики» (с. 291). Фактор выступает движущей силой политики, и вместе с тем уголовная политика (вспомним, в соответствии с ее концептуальными положениями, руководящими идеями) порождает уголовное законодательство. Больше того, в основе уголовной

[1] УК РФ, гл. 22, ст. 185^3. В ред. ФЗ РФ № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.07.2010, с изм. и доп. № 26-ФЗ от 7.03.2011 г. и № 420-ФЗ от 7.12.2011.

политики ученый выделяет множество составляющих, смежных политик как уголовного, так и иного (административного, гражданского, налогового) отраслевого характера. И это важно для формирования, структурирования и регулирования подсистем, или механизмов, такой сложной управленческой системы, какую представляет уголовная политика.

Размышляя над утверждением Павла Николаевича о том, что политика довлеет над правом, невольно провожу аналогию с разработанной когда-то на заре криминологической мысли частной теорией Ф. Танненбаума «драматизации зла» и нахожу, что сегодня следует говорить о большем – «политизации зла», или криминала. Термин «политизация» означает возбуждение интереса к политической жизни, приобщение к активной жизни в сфере политики, наполнение политическим смыслом каких-либо явлений, процессов, отдельных вопросов общественной жизни [7]. Но, когда политизация переходит за определенную грань (разумного, правового) предела, она становится способной «причинять ущерб нормальному процессу развития общества, его жизнедеятельности. В деятельности власти, в политической жизни крайне важно не перегибать палку, не перешагивать за рубеж здравого смысла» [7].

Именно этот эффект и открывается в авторских наблюдениях, когда Павел Николаевич пишет о профессии юриста, роль которого сводится подчас к уровню портного, который «шьет одежды бытия» в соответствии с законом лишь постольку, поскольку в это дело не вмешивается властная рука «начальства». Как только такое вмешательство имеет место, закон отступает, выражая свое молчаливое согласие с тем, что происходит, по существу, уже без его участия – хотя и при должном процессуальном оформлении» (с. 184–185).

Суждения о государственно-правовых закономерностях, проявляемых в преступности, и мерах борьбы с ней, подвигли ученого к систематизации знаний о функциях уголовного права. В работе представлена система функциональности уголовного права (с. 186–206). Правда, Павел Николаевич называет ее незаслуженно скромно – комплекс функций, хотя один лишь признак иерархии не позволяет абстрагироваться от термина «система».

Анализируя государственно-правовые закономерности в уголовно-правовом ракурсе, профессор, в частности, излагает свой взгляд на «поведение» закономерностей преступности и мерах борьбы с ней (гл. 3). При этом использует, как он уважительно подчеркивает, уроки В. К. Бабаева. Сразу же отмечу: мне импонирует точка зрения Павла Николаевича на понимание им борьбы с преступностью и политику этой борьбы. Идея не отыгрываться «на мелочевке», а ударять преступность «по ее корням», безусловно, правильная, и критика пресловутой «палочной системы» правильная. Действительно, не все в статистике понятно и ясно.

На встрече с политологами в Москве в феврале 2012 г. президент РФ В. В. Путин в ответ на вопрос, сколько в России политических преступников, ответил, что не знает ни одного человека, кто бы находился в тюрьме по политическим мотивам: «У нас, по-моему, политических заключенных нет, и слава Богу»[2]. Получается, что политическая преступность в стране есть, и этому феномену посвящены диссертации, сложилось, как я уже упоминал, направление в науке – политическая криминология. А преступников нет. Поистине обезличенное явление.

Нет в уголовной статистике об этом ярком явлении – ни слова, т. е. ни одной циферки. Для статистики политический криминал – это просто криминал. Как говорится, на нет и суда нет. Хотя политические мотивы Уголовным кодексом РФ не только предусмотрены, но и определены в качестве обстоятельств, отягчающих наказание. И как тут не вспомнить выражение главы российского правительства Д. А. Медведева, который прямо заявил на одном из совещаний силовиков: «Нет веры в эту статистику, брехня это зачастую»[3].

Закономерность существования преступности автор усматривает, в частности, в пока еще сравнительно скромном морально-нравственном и духовном состоянии граждан, организаций, предприятий, учреждений, общества, государства, страны в целом, а также международных отношений, в которые все перечисленное выше включено, встроено, вплетено, вмонтировано и с чем сотнями и тысячами нитей связано, а *закономерность существования уголовного права* – в состоянии преступности и в том сравнительно невысоком морально-нравственном и духовном

[2] Путин: У нас нет политических заключенных. URL: http://grani.ru/Politics/Russia/Cabinet/m.195454.html (дата обращения: 14.09.2012).

[3] Медведев попенял силовикам: их статистика – «брехня», взрывов и убийств на Кавказе не стало меньше. URL: http://www/newsru.com/russia/19nov2010/brehnia.html (дата обращения: 17.11.2012).

состоянии общественных процессов, которое ее (преступность) обусловливает.

Преступность есть свойство общественной жизни. В криминологии, как и в теории права, «важно признать, что дезорганизационные (в том числе и криминальные. – *Прим. авт.*) процессы в обществе по-своему естественны, объективны и составляют необходимый элемент социального развития» [8, с. 22]. Один из таких процессов мы и называем преступностью. Точнее, не весь «дезорганизационный процесс, а ту его часть, которая находит выражение в юридической оценке, т. е. как факты *преступления* уголовно-правового запрета. Как хорошо сказал известный криминолог профессор Ниль Кристи (ссылаясь на проф. Л. Хульсмана): «Преступность – это не объект, а продукт политики в области уголовного права. Криминализация – один из многих способов создания общественной реальности» [9, с. 70].

Меняется жизнь, меняется и оценка преступности – уже по новым критериям измененного уголовного законодательства. Таким образом, меняется реальность. Эти перемены Павел Николаевич представляет в неизменном своем «образно-научном» стиле: «преступность буквально вяжет страну по рукам и ногам», «не редкость терроризм, бандитизм, убийства», «продолжают расползаться экономические и коррупционные преступления», «воруют по-черному»… (с. 207). Все это, по словам ученого, вынуждает постоянно вносить в уголовное законодательство изменения, точнее, проводить его «косметический ремонт», вместо того чтобы вплотную заняться созданием нового уголовного законодательства. И вместе с тем автор отмечает положительные тенденции в развитии уголовного законодательства: демократизация, оптимизация, рационализация, либерализация и гуманизация. Каждой из этих тенденций в книге дается развернутая характеристика (с. 206–211).

Принципиально важным представляется тезис автора о том, что уголовное право способно достаточно эффективно выполнять свою миссию лишь в том случае, если оно является правом своего времени, т. е., содействуя формированию, обновлению и развитию охраняемых ценностей, самообновляется, развивается, совершенствуется.

В рамках анализа системы уголовного права ученый исследует стратегические задачи, стоящие перед Россией в области экономики, культуры, социальной и других сфер жизнедеятельности, а также предпринимает попытку «подогнать» под них инструментарий уголовного права. И надо сказать, что ему это удается (с. 302–310). Как и удается показать позитивные тенденции пройденного российским уголовным правом пути.

Казалось бы, как говорят в народе, «черного кобеля не отмоешь добела» (особенно если речь идет об уголовном праве советского этапа его развития), но у автора это все же получилось. То есть российское уголовное право, трактуемое автором достаточно объективно («как оно есть»), а именно «без прикрас, гримас и масок», выглядит вполне терпимо и даже в чем-то, может быть, респектабельно (с. 310–330). Поистине Павел Николаевич не просто правовед, но и философ, социальный физик, лирик (самый настоящий поэт, что он прекрасно демонстрирует и в монографии), и этим отличаются его индивидуальная методология, оригинальный стиль, который трудно спутать с чьим-либо. Например, у автора уголовное право уподоблено «лоцману, проводящему корабль государства по коридорам, свободным от разного рода подводных камней» (с. 331); как «система поведенческих ориентиров», «координационный фактор всей правовой базы наступления на преступность», «определенный системообразующий потенциал данной базы» (с. 344–360).

Образно и потому доходчиво пишет он о сложности и результативности функционирования уголовного права в системе государственно-правового противодействия преступности. «Выжигание преступности "каленым железом" уголовного права, – пишет автор, – с одной стороны, а с другой – "вылизывание" ее "шершавым языком" культуры и прочих менее жестких средств уже сейчас сделали свое доброе дело. Люди спокойно ходят по улицам (во всяком случае в светлое время суток), не опасаясь ни ножа в спину, ни выстрела в упор» (с. 362). Может быть, в этом профессор выглядит излишне оптимистичным на фоне, например, возрастающего экстремизма (особенно крайней формы его проявления – терроризма), грабежей, разбоев, рейдерства как нового вида насильственной крайности, захвата предприятий. А это очень непростая форма. Как пишет правовед П. А. Астахов, «в кровавую рейдерскую атаку втянуты все: боевики, юристы, олигархи, судьи, губернатор, ФСБ, международные преступники и даже президент» [10].

Правда, автор высказывает озабоченность по поводу проблемы защиты от преступных посягательств и полагает необходимым (в условиях еще довольно сложной криминальной обстановки) создание системы обеспечения антикриминальной безопасности граждан.

Пафос пафосом, но надо смотреть правде в глаза. Пока еще уголовное право не столько страж порядка, не столько именно право, гарант безопасности и надежный щит, пишет ученый, сколько какая-то рыхлая нормативно-правовая мишура, паутина, набедренная повязка на дикаре, никак не способная быть одновременно и бронежилетом, спасающим от смертоносных стрел преступности. Не секрет, что если преступник замыслил совершить какое-либо преступление, то он обязательно его совершит. Нет в нашем уголовном праве той защиты, на которую мы все рассчитываем, отстегивая свои кровные в виде налогов на содержание многомиллионной армии силовиков.

Примечательно, что, по мнению опрошенных автором студентов-юристов (студентов факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»), в том числе благодаря бытовавшим в прошлом жестокостям (колесование, четвертование, заливание горла расплавленным свинцом, посажение на кол, сожжение заживо, отсечение головы и т. п.), человечество сегодня вплотную подошло, по существу, к полной отмене смертной казни (в том числе в виде внесудебной расправы), отмене безнравственных наказаний (например, вызывающих различные заболевания, в том числе связанные с ограничениями в питании, одежде, образовании, доступе к коммуникациям, СМИ, литературе, культурным ценностям, правосудию, нормальной гигиене) (с. 363).

Можно ли было обойтись без названных жестокостей? Опять же если рассуждать с позиции формальной логики, то, разумеется, да. Но если исходить из сущности, пусть даже и разумного, дикаря, то нет. И тот факт, что «первобытная» жестокость была, по существу, у всех народов, а у некоторых сохранилась в какой-то мере еще и до сих пор, не нуждается в доказательствах. В принципе, подобные жестокости, считает автор, были исторически необходимы, но не в том смысле, что без них нельзя было обойтись вообще, а в том, что люди тогда поступать иначе просто не могли – наверное, потому что так повелевали законы природы, довлеющая «культура дикости», на смену которой еще не скоро придет человеческая социокультура. Первые шаги к этому, как известно, были сделаны только в эпоху Просвещения, прояснения «гуманистического» сознания.

К тому же политика достаточно эмоциональна, чувствительна к общественному мнению и правонастроению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, особенно в случае придания им публичности через СМИ. И это сказывается на ее динамичности, реализации политических идей, установок, выяснении и вполне возможной корректировки целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

Вместе с тем автор признает, что посредством жестокостей человечество, подобно сказочному барону Мюнхгаузену, буквально вытащило себя за волосы из того варварского состояния, в котором пребывало долгие тысячелетия и в котором оно могло остаться и до сих пор, как сохраняются еще кое-где, например, людоедство и прочие атрибуты начального этапа человеческой истории (с. 363). Но это, как представляется, дань тому прошлому, когда любая жестокость считалась оправданной, если допускалась в порядке реагирования на зло. Идея справедливости, состоящая не в воздаянии, отмщении, возмездии и т. п., не в пропорциональной соразмерности, не в избирательном гуманизме, а в максимально широкой минимизации применения наиболее строгих наказаний, в реагировании на зло не злом, а морально-нравственным воздействием на душу и сердце человека, постепенно все же пробивает себе дорогу, получает все большее развитие, обоснование, признание и практическое воплощение.

Все эти и многие другие интересные положения широко представлены в рецензируемой монографии, которая будит мысль и, надеюсь, станет хорошим подспорьем для любого читателя, строящего свою жизнь не абы как, не как Бог на душу положит, не наобум, а в определенном соответствии с лежащими в ее основе закономерностями.

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.

2. Шестаков Д. А. Что жду я от криминологии завтра? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2013. № 4 (31). С. 21.

3. Шестаков Д. А. Преступность политики. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 224 с.

4. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 75 с.

5. Богданов Е. В. Криминогенность экономических отношений и преступность законодательства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2010. № 1 (18). С. 21–36.

6. Панченко П. А. Советская уголовная политика: общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / под ред. В. К. Бабаева. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. 198 с.

7. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. Власть. Политика. Государственная служба. Словарь. М.: Луч, 1996. 271с. URL: http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija (дата обращения: 15.02.2014).

8. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 35 с.

9. Кристи Н. Сверхсоциализация криминологов – преграда на пути проникновения в сущность // Криминология – XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. 554 с.

10. Астахов П. А. Рейдер. URL: http://tululu.org/b73546/ (дата обращения: 10.07.2015).

В редакцию материал поступил 27.08.15

© Горшенков Г. Н., 2015. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; лицензия Татарского образовательного центра «Таглимат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на http://apel.ieml.ru, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Адрес: 603000, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: (831) 431-04-60

E-mail: gen7976@yandex.ru

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Рецензия на монографию П. Н. Панченко «Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право». М.: ИД «Юриспруденция», 2014. 518 с. // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 279–288.

G. N. GORSHENKOV,

Doctor of Law, Professor, Honored Vice-President,

Russian Criminological Association, Moscow,

Honored Professor,

Saint-Petersburg international criminological club, Saint-Petersburg

REVIEW

of a monograph by P. N. Panchenko «State-legal regularities in the history and theory of state and law and criminal law». Moscow: «Jurisprudence» Publishers, 2014. 518 p.

The article analyzes the problem of legislation imperfection in the sphere of normative legal acts adoption, as it is studied in the reviewed monograph. The imperfection consists of ignoring the state and legal regularities. The author's position is discussed that the normative-legal acts should meet not the legislators' ambitions but the legitimate interests of citizens and the state. The author emphasizes the practical benefit of those legal measures that are proposed to stabilize the economy. The idea is developed of creating a general theory of crime and the author's attitude to modern criminology. The author's attempt is assessed to adjust the criminal law for the strategic challenges facing Russia in different spheres of life.

Key words: normative legal act; law; jurisdiction; crime; law-making activities; criminology; state legal regularities.

References

1. Zinov'ev, A. A. *Faktor ponimaniya* (Factor of understanding). M.: Algoritm, Eksmo, 2006, 528 p.

2. Shestakov, D. A. Chto zhdu ya ot kriminologii zavtra? (What I expect from criminology tomorrow?) // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2013, no. 4 (31), p. 21.

3. Shestakov, D. A. *Prestupnost' politiki* (Criminality of politics). SPb.: Alef-Press, 2013, 224 p.

4. Shestakov, D. A. *Vvedenie v kriminologiyu zakona* (Introduction into criminology of law). SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2011, 75 p.

5. Bogdanov, E. V. Kriminogennost' ekonomicheskikh otnoshenii i prestupnost' zakonodatel'stva (Criminogenity of economic relations and criminality of legislation) // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2010, no. 1 (18), pp. 21–36.

6. Panchenko, P. A. *Sovetskaya ugolovnaya politika: obshcheteoreticheskaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: ee stanovlenie i predmet* (Soviet criminal policy: general theoretical conception of struggling crime: its formation and subject) / pod red. V. K. Babaeva. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1988, 198 p.

7. Khalipov, V. F., Khalipova, E. V. *Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba. Slovar'* (Power. Politics. State service. dictionary). M.: Luch, 1996. 271 p. Available at: http://www.politike.ru/dictionary/840/word/politizacija (accessed: 15.02.2014).

8. Shishkin, V. V. *Sinergeticheskii podkhod v teorii prava* (Synergy approach in the theory of law): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007, 35 p.

9. Kristi, N. Sverkhsotsializatsiya kriminologov – pregrada na puti proniknoveniya v sushchnost' (Oversocialization in criminologists – an obstacle on the way to essence) // *Kriminologiya – XX vek* / pod red. V. N. Burlakova, V. P. Sal'nikova. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2000, 554 p.

10. Astakhov, P. A. *Reider* (Raider). Available at: http://tululu.org/b73546/ (accessed: 10.07.2015).

Received 27.08.15

Information about the author

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, Doctor of Law, Professor; Professor of the Criminal Law Chair, Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Address: 23 Gagarina Prospekt, 603000, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 431-04-60 E-mail: gen7976@yandex.ru

For citation: Gorshenkov G. N. Review of a monograph by P. N. Panchenko «State-legal regularities in the history and theory of state and law and criminal law». Moscow: «Jurisprudence» Publishers, 2014. 518 p. // *Actual Problems of Economics and Law*, 2015, no. 4, pp. 279–288.

© Gorshenkov G. N., 2015. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (http://apel.ieml.ru), 15.11.2015; Licensee Tatar Educational Centre «Taglimat». This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (http://creativecommons.org/licenses/by/2.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on http://apel.ieml.ru, as well as this copyright and license information must be included.

ПОЗНАНИЕ

Преемственная система инклюзивного образования : в 3 т. Т. 3: Инклюзивное образование в системе «Детский сад-школа-вуз» / А. В. Тимирясова, Д. З. Ахметова, З. Г. Нигматов., Т. А. Челнокова, А. В. Кочергин ; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. – 336 с. (Серия: Педагогика и психология инклюзивного образования в 3 т.).

Монография комплексно и полно освещает теорию, методологию и практику инклюзивного образования. Она может стать настольной книгой руководителей и педагогов, реализующих идеи инклюзии в образовательных организациях.

Содержание второго тома обращено к практике управленческой и педагогической деятельности, направленной на претворение идей инклюзивного образования в работе с дошкольниками, учащимися школ, студентами, имеющими особенности психофизического развития. В качестве ведущего подхода для построения преемственной системы инклюзивного образования был взят кластерный подход.

Во втором томе даны описание процесса создания кластера по инклюзивному образованию, педагогические и управленческие технологии, механизмы достижения результативности деятельности образовательных организаций в условиях стандартизации образования.

Адресована работникам образования и социальной сферы, заинтересованным в реализации идей инклюзивного образования, а также исследователям в сфере теории и практики образовательной инклюзии.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках;
- список литературы (на русском языке и на латинице);
- ключевые слова на русском и английском языках;
- заявление;
- отзыв на статью, данный кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj.

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегия может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст …
2. Текст …

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 200 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглимат» 400 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаться по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкаровна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal›s themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: «Economics Theory», «Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)», «Economics and Economy Management (Marketing)», «Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law», «Labour Law; Social Provision Law», «Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law», «Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations», «International Law. European Law», «Administrative Law, Financial Law, Informational Law», etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author›s sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors in Russian and English languages;
- information about the authors in Russian and English languages (scientific degree, title, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article summary in Russian and English languages;
- bibliography (in Russian and Roman);
- key words in Russian and English languages;
- application;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a doctor of science.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: http://www.elibrary.ru), EBSCO, CyberLeninka, RePEc, Doaj.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer›s and the editorial board›s notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal›s editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has-obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials»)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text …
2. Text …

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal «Actual problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB «BTA-Kazan» (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer›s address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova